Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Г 84 ф.

Проф. Э. Д. Гриммъ.

Революція 1848 года во Франціи.

952
4.2.

Часть II.

Февральская революція.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

II к
25382.

Пров 38

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., д. № 6.

Г84 ч-2

ГЛАВА I.

Вопросъ о реформѣ и банкеты.

§ 1. Власть и общество наканунѣ революціи.

Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ положеніе іюльской монархіи казалось безусловно обезпеченнымъ. Республиканская партія казалась сломленной окончательно: со времени майскаго возстанія 1839 г., жалкая неудача котораго показала малочисленность боевыхъ силъ республиканцевъ даже въ Парижѣ и безразличное отношеніе массы населенія къ ея призывамъ, республиканцы, лишенные своихъ наиболѣе дѣятельныхъ вождей-заговорщиковъ, Бланки, Барбеса и другихъ, больше уже не пытались прибѣгать къ вооруженному возстанію, а повторявшіяся періодически покушенія на короля или приготовленія къ таковымъ лишь подчеркивали слабость вліянія партіи на массы и дискредитировали ее въ широкихъ кругахъ общества. Ея представители въ палатѣ, крайняя лѣвая въ лицѣ Ледрю-Роллена и Араго, радикальная лѣвая въ лицѣ Гарнье-Паже, Карно и др., были совершенно безсильны вслѣдствіе своей малочисленности и внутреннихъ раздоровъ. Династическая лѣвая Одилона Барро потеряла вліяніе на избирателей съ тѣхъ поръ, какъ на нее пало подозрѣніе въ слишкомъ большомъ сочувствіи къ республикѣ и въ слишкомъ тѣсной связи съ республиканцами. Лѣвый центръ Тьера потерялъ свою популярность (опять-таки среди избирателей) съ тѣхъ поръ, какъ крупная буржуазія убѣдилась въ воинственныхъ наклонностяхъ его вождя, этомъ наслѣдіи революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, отъ котораго ни одна изъ оппозиціонныхъ партій не могла отдѣлаться. Такъ называемая «третья партія», характерной чертой многочисленныхъ членовъ которой (до 100 депутатовъ) было отсутствіе всякой опредѣленной программы и стремленіе къ личной выгодѣ и власти, была «дисциплинирована» министерствомъ Гизо и почти слилась съ правымъ центромъ и правой, которые съ 1840 г. нашли въ этомъ министерствѣ своего классическаго представителя. Легитимисты, образовавшіе въ палатѣ крайнюю правую, насчитывали всего около 30—40 голосовъ въ ней и практически еще съ начала 30-хъ годовъ перестали разсчитывать на близость народнаго возстанія въ пользу Генриха V, а бонапартистской партіи, которой было суждено играть такую большую роль въ будущемъ, еще не было: іюльская монархія, потворствовавшая всегда и во всемъ бонапартистскимъ воспоминаніямъ и симпатіямъ—такъ, въ 1840 г. прахъ Наполеона былъ торжественно перевезенъ въ соборъ Дома инвалидовъ въ Парижѣ—льстила себѣ надеждой, что ей удалось обезпечить себѣ поддержку всѣхъ видныхъ дѣятелей, такъ или иначе связанныхъ съ наполеоновской легендой, и дважды легко

справилась съ активными выступленіями будущаго Наполеона III, самый исходъ страсбургскаго и булонскаго предпріятій котораго свидѣтельствовалъ, казалось, о томъ, что и съ этой стороны іюльской монархіи не угрожала опасность.

Въ печати, въ газетахъ, журналахъ, брошюрахъ и книгахъ, начиная отъ беллетристическихъ произведеній Жоржа Занда и Евгенія Сю, Виктора Гюго и Ламартина и кончая трактатами экономическаго содержанія, правда, росло оппозиціонное настроеніе, принимавшее постепенно все болѣе опредѣленный республиканскій и соціалистическій характеръ. Но какое это могло имѣть значеніе, разъ правительство могло опереться на архимедову точку прочнаго большинства въ двухъ палатахъ, иначе говоря, разъ хартія была «истиной», и Франція имѣла видъ не только конституціонной, но даже строго-парламентской монархіи,—монархіи, дѣйствующей на точномъ основаніи законовъ и потому увѣренной въ сочувствіи всѣхъ спокойныхъ элементовъ общества и въ особенности войска? Стоило ли при такихъ условіяхъ безпокоиться изъ-за «безпочвенныхъ» фантазій интеллигенціи, безпочвенность которой становилась тѣмъ болѣе очевидной, чѣмъ болѣе соціалистическій характеръ принимали ея фантазіи? Гдѣ же существуютъ во Франціи тѣ элементы, которые готовы къ соціализму, готовы къ нему не только на словахъ, но и на дѣлѣ? Префектъ парижской полиціи въ своемъ докладѣ министру внутреннихъ дѣлъ, представленномъ въ 1847 г., правда, обращалъ вниманіе министра на «соціалистическія брошюры, которыя въ теченіе послѣдняго года были еще болѣе многочисленными, чѣмъ въ предшествующіе годы, и на тенденцію анархическихъ партій пренебречь вопросами политики въ собственномъ смыслѣ въ пользу идей соціальнаго обновленія». Онъ указывалъ въ частности на «Кабэ, Дезами, Пьера Леру, Прудона, сотрудниковъ газетъ «Atelier» и «Fraternité», и на фурьеристскую школу: хотя они и отличаются другъ отъ друга, но исходятъ изъ одного и того же принципа, а именно изъ идеи болѣе или менѣе насильственнаго ниспроверженія существующаго общественнаго порядка путемъ уничтоженія семьи и собственности». «Нетрудно понять,—говорилось въ заключеніе,—какое вліяніе могутъ пріобрѣсть такого рода произведенія на легкомысленный и неразвитой умъ рабочихъ, всѣмъ матеріальнымъ вожделѣніямъ коихъ здѣсь вдобавокъ льстятъ. Въ этомъ заключается истинная язва времени, и необходимо признать, что она дѣлаетъ съ каждымъ годомъ новые успѣхи». Это сообщеніе, разумѣется, не было лишено важности, но не въ томъ смыслѣ, чтобы оно свидѣтельствовало о заслуживающемъ серьезнаго вниманія новомъ теченіи общественной мысли, а лишь въ томъ смыслѣ, что оно доказывало, что анархическія настроенія «легкомысленной» и некультурной толпы продолжаютъ служить точкой опоры демагогической литературы. А это старое зло: Людовикъ-Филиппъ хорошо знаетъ его еще со времени великой революціи и не сомнѣвается, что само по себѣ оно при наличности законной и твердой власти не опасно. Возстанія 1832 и 1834 гг. казались чрезвычайно опасными, а между тѣмъ какъ сравнительно легко было ихъ подавить. А тогда за анархическими настроеніями стояла не безсильная группа литераторовъ, а грозныя тайныя и явныя организаціи, да и само «культурное» общество еще было заражено республиканскими или демократическими фантазіями. А между тѣмъ національная гвардія соперничала съ войсками во враждебномъ отношеніи къ «мятежникамъ» и

«анархистамъ». Кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что теперь, когда сама демагогія признала безсиліе политическихъ лозунговъ и обратилась къ соціалистическимъ, національная гвардія будетъ еще энергичнѣе отстаивать семью и собственность, чѣмъ въ тѣ первые годы монархіи? Чего въ самомъ дѣлѣ недостаетъ Франціи? Развѣ какіе-либо дѣйствительные интересы ея не осуществлены? Вотъ уже скоро 18 лѣтъ, что европейскій миръ сохраняется въ то время, какъ алжирскіе походы тренируютъ армію и окружаютъ французское оружіе столь любезной націи славой [1]). Національное богатство растетъ съ поразительной быстротой, рента стоитъ высоко, пути сообщенія развиваются, земледѣліе, промышленность и торговля процвѣтаютъ, страна пользуется строго законнымъ управленіемъ, нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ законовъ и исключительныхъ положеній [2]), правительство впервые заботится о народномъ образованіи (законъ 1833 г.!) и о положеніи рабочаго класса (законъ 1840 г.!)—гдѣ же основанія для разумнаго недовольства существующимъ строемъ? И не является ли недовольство интеллигенціи и находящихся подъ ея вліяніемъ элементовъ общества лучшимъ доказательствомъ властолюбія вождей и политической незрѣлости ихъ сторонниковъ?

Вотъ тѣ соображенія, которыя лежатъ въ основаніи необычайной самоувѣренности и вытекающаго изъ нея упрямства представителей іюльской монархіи наканунѣ 1848 г. Когда послѣ выборовъ 1846 г. въ палату депутатовъ,—выборовъ, обезпечившихъ правительству большинство 270 голосовъ противъ 180 голосовъ оппозиціи, членъ палаты и близкій родственникъ Наполеона III, де Морни [3]), въ бесѣдѣ съ королемъ замѣтилъ, что эта блестящая побѣда отчасти объясняется довольно неопредѣленными обѣщаніями Гизо относительно какихъ-то реформъ [4]) и что «если его величество пожелаетъ исполнить эти обѣщанія, то на слѣдующихъ выборахъ оппозиціи больше не будетъ, а ея рѣдкіе защитники явятся лишь предметомъ любопытства для страны», тогда Людовикъ-Филиппъ отвѣтилъ ему, подчеркивая презрительно отдѣльныя слова: «Какія обѣщанія? (избирательная) реформа? не-

---

[1]) Именно въ эту эпоху большой версальскій дворецъ Людовика XIV былъ превращенъ на личныя средства короля въ національный музей, посвященный «всей славѣ Франціи» (à toutes les gloires de la France): всякій, кто побывалъ въ этомъ музеѣ, знаетъ, что подавляющее большинство выставленныхъ въ немъ предметовъ искусства на самомъ дѣлѣ прославляетъ исключительно военную славу. Даже эпоха великой революціи представлена лишь съ этой точки зрѣнія.

[2]) Въ своихъ мемурахъ Гизо усиленно подчеркиваетъ это обстоятельство, забывая, какъ много «чрезвычайнаго», т.-е. нарушающаго принципы свободы печати, собраній и т. д., заключалось въ законахъ 1834 и 1835 г. Изъ того, что эти ограниченія были проведены безъ указанія на ихъ временный характеръ въ нормальное законодательство, слѣдуетъ только то, что вся Франція была подчинена режиму, нарушавшему принципы, на которыхъ покоилась сама іюльская монархія.

[3]) Де Морни былъ побочнымъ сыномъ матери Наполеона III, жены Людовика Бонапарта, королевы Гортензіи и графа Flahault.

[4]) Вотъ его слова, произнесенныя во время банкета въ Лизіё (Lisieux), представителемъ котораго онъ былъ въ палатѣ: «оппозиція обѣщаетъ вамъ прогрессъ: одна только консервативная партія въ состояніи вамъ его дать». Эти слова были истолкованы въ смыслѣ готовности правительства пойти навстрѣчу требованію о реформѣ палаты депутатовъ.

сов-мѣ-сти-мо-сти (т.-е. невозможность совмѣщать званіе члена палаты и чиновника)? Вы не знаете этой страны, управлять ею можно только при помощи должностныхъ лицъ (des fonctionnaires publics)». «Вы не знаете Франціи!—замѣчаетъ по этому поводу Гарніэ-Пажэ.—То же самое слово должно было быть произнесено тѣми же устами наканунѣ 24 февраля. Долгія царствованія ослѣпляютъ».

Не менѣе пренебрежительно относился къ оппозиціи, даже самой умѣренной, и Гизо. Еще въ октябрѣ 1847 г., когда агитація въ пользу реформы палаты депутатовъ уже была въ полномъ ходу, онъ нисколько не безпокоился за тотъ строй, защитникомъ котораго онъ былъ. «По истеченіи семи лѣтъ моего министерства—говорилъ онъ представителю одной великой державы—я считаю положеніе страны превосходнымъ, и мою позицію въ качествѣ министра болѣе прочной, чѣмъ когда-либо. Эта страна боится внѣшнихъ осложненій и опасностей, грозящихъ всеобщему миру: она не рѣшится низвергнуть меня, котораго она знаетъ за человѣка порядка и мира и съ которымъ ей нечего опасаться ни безумныхъ выходокъ въ внѣшней, ни гнусныхъ уступокъ во внутренней политикѣ. Если вы вдобавокъ признаете, что моя внѣшняя политика была въ общемъ успѣшна, то вы согласитесь, что теперешнее положеніе Франціи въ Европѣ сильно содѣйствуетъ упроченію моего министерства. Страна страдаетъ отъ двухъ золъ, отъ стремленія находить всюду распущенность (corruption) и отъ нѣкотораго вожделѣнія (appétit) въ пользу политическихъ и административныхъ реформъ. Я снова встрѣчу это двойное зло въ палатѣ (созывъ которой тогда предстоялъ). Крики противъ распущенности начинаютъ, впрочемъ, улегаться. Что же касается желанія политическихъ реформъ, то я выступлю рѣшительнѣйшимъ образомъ противъ него. Въ 1830 г. мы пересадили дерево реставраціи въ новую почву; но это не можетъ служить причиной для того, чтобы снова подобно неосторожному садовнику копаться около его корней. Я надѣюсь, что я исцѣлю страну отъ этихъ ея наклонностей (velléités); если мнѣ это не удастся, если она будетъ настаивать, тогда я по окончаніи полномочій этой палаты (т.-е. въ 1850 г.) предоставлю другимъ заботу удовлетворить страну. Я не сыграю роли сэра Роберта Пиля моей страны. Тотъ спросилъ однажды во время кризиса, въ теченіе котораго онъ былъ побѣжденъ, г. де Сентъ-Олера (французскаго посла), что бы я сдѣлалъ, если бы я былъ на его мѣстѣ? Г. де Сентъ-Олеръ отвѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, я оказалъ бы сопротивленіе. Тогда сэръ Робертъ сказалъ, что я былъ бы неправъ. «Надо всегда сопротивляться своимъ друзьямъ, никогда не надо сопротивляться своимъ врагамъ». Я дѣлаю какъ-разъ обратное. Я никогда не интересуюсь своими врагами, а интересуюсь только взглядами моихъ политическихъ друзей. Мнѣ необходимо считаться только съ тремя явленіями: съ королемъ, съ Дюшателемъ и съ консервативной партіей въ палатѣ. Основная черта короля заключается въ самомъ крайнемъ тщеславіи, въ неограниченной надменности. Въ данный моментъ это тщеславіе мнѣ на-руку. Король думаетъ и громко говоритъ, что онъ меня образовалъ (formé). Когда обо мнѣ говорятъ, онъ заявляетъ: я нашелъ министра, соотвѣтствующаго моему царствованію (j'ai trouvé le ministre de mon règne). Я же охотно предоставляю ему это удовлетвореніе его тщеславія, такъ какъ мнѣ это выгодно: я никогда не имѣлъ бо́льшаго вліянія на его умъ, чѣмъ именно теперь. Что касается Дюшателя (министра внутреннихъ дѣлъ),

то онъ эпикуреецъ, отдающійся всѣмъ своимъ фантазіямъ. Фантазіи проникаютъ въ его голову точно картины волшебнаго фонаря, но не упрочиваются въ ней. Дюшатель одновременно порядочный человѣкъ и трусъ. Благодаря этому достоинству и этому недостатку, онъ не отдѣлится отъ меня, а будетъ всегда прекраснымъ и вѣрнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ. Консервативная партія привязана ко мнѣ, такъ какъ она знаетъ, что безъ меня она легко могла бы быть обезоружена или побѣждена оппозиціей. Она, кромѣ того, знаетъ, что я способенъ вступить въ бой съ радикальной партіей, и что мнѣ ничего не будетъ стоить обратиться къ чрезвычайнымъ законамъ и къ картечи въ тотъ день, когда радикализмъ началъ бы уличныя движенія. Консервативная партія думаетъ, впрочемъ, что она меня сдѣлала предсѣдателемъ совѣта министровъ, какъ король думаетъ, что онъ сдѣлалъ изъ меня хорошаго министра. Я пользуюсь этой вѣрой такъ же, какъ вѣрой короля. Однимъ словомъ я внѣ опасности отъ какого бы то ни было нападенія. Господинъ положенія какъ никогда раньше, увѣренный въ поддержкѣ короля, я не опасаюсь, чтобы палата меня низвергла. Такъ я смотрю на положеніе; пусть другіе смотрятъ на него иначе, это ничего не мѣняетъ въ реальномъ характерѣ того, что есть».

Удивительное самодовольство правящихъ круговъ и ихъ полная увѣренность въ прочности положенія покоились, однако, на весьма слабомъ основаніи и свидѣтельствовали о совершенномъ непониманіи того болѣе или менѣе опредѣленнаго чувства недомоганія и недовольства, которое охватило даже самыхъ умѣренныхъ людей вплоть до принцевъ крови. Вотъ какъ характеризуетъ это настроеніе и его корни такой тонкій наблюдатель, какъ Токвиль: «Если взглянуть на нашу исторію отъ 1789 до 1830 г. издалека и окинуть ее однимъ взоромъ, то она представитъ зрѣлище ожесточенной борьбы между старымъ порядкомъ, его преданіями, его воспоминаніями, его надеждами и его людьми, каковыми являлась аристократія, и новой Франціей, руководимой среднимъ классомъ. 1830 годъ закончилъ эту первую эпоху нашихъ революцій или, вѣрнѣе, нашей революціи, ибо есть только одна революція, всегда та же среди разнообразныхъ условій, начало которой видѣли наши отцы, и конца которой мы сами по всему вѣроятію не увидимъ. Въ 1830 г. побѣда третьяго класса была окончательной и столь полной, что вся политическая власть, всѣ вольности, всѣ прерогативы, все правительство цѣликомъ оказались заключенными и какъ бы скученными въ узкихъ границахъ одного этого класса за юридическимъ устраненіемъ всего, что было ниже его, и за фактическимъ устраненіемъ всего, что прежде было выше его. Онъ сталъ, такимъ образомъ, не только единственнымъ руководителемъ общества; можно сказать, что онъ сталъ его откупщикомъ. Онъ занялъ всѣ мѣста, поразительно увеличилъ ихъ число и привыкалъ разсчитывать въ такой же степени на государственную казну, какъ и на свою собственную предпріимчивость. Какъ только это событіе совершилось, произошло великое успокоеніе всѣхъ политическихъ страстей, своего рода всеобщее измѣльчаніе жизни и чрезвычайно быстрое развитіе общественнаго богатства. Спеціальный духъ средняго класса сталъ общимъ духомъ правительства; онъ господствовалъ какъ въ области внѣшней, такъ и въ области внутренней политики: активный, предпріимчивый, часто нечестный, обыкновенно по-

рядочный, иногда безразсудно смѣлый изъ тщеславія и эгоизма, боязливый по темпераменту, умѣренный во всемъ, кромѣ вкуса къ матеріальному благополучію, и отмѣченный печатью посредственности, этотъ духъ можетъ совершать чудеса, когда онъ смѣшанъ съ духомъ народа или аристократіи, но, предоставленный самому себѣ, онъ никогда не создаетъ ничего, кромѣ правительства безъ доблести и безъ величія. Всеобщій владыка, властвовавшій надъ всѣмъ столь безгранично, какъ это никогда не удавалось аристократіи, средній классъ, ставъ правительствомъ, придалъ государству видъ частнаго предпріятія... Каждый изъ его членовъ думалъ гораздо болѣе о своихъ частныхъ, чѣмъ объ общественныхъ дѣлахъ, думалъ больше о своемъ процвѣтаніи, чѣмъ о величіи націи. Потомство, которое видитъ лишь выдающіяся преступленія и отъ взора котораго обыкновенно ускользаютъ пороки, быть-можетъ, никогда не будетъ знать, до какой степени тогдашнее правительство подъ конецъ приняло манеры промышленной компаніи, всѣ операціи коей совершаются ради барыша, который могутъ извлечь изъ нихъ члены товарищества. Эти пороки были связаны съ естественными инстинктами господствующаго класса, съ его абсолютной властью, съ характеромъ самой эпохи. Король Людовикъ-Филиппъ, быть-можетъ, содѣйствовалъ усиленію этихъ чертъ... То, чего больше всего не хватало этому политическому міру, особенно подъ конецъ, это была сама политическая жизнь. Она не могла ни зародиться, ни сохраниться въ томъ законномъ кругу, въ который ее заключила конституція; старая аристократія была побѣждена, народъ устраненъ. Такъ какъ всѣ дѣла рѣшались между членами одного и того же класса, въ его интересахъ, въ его духѣ, то не было возможности найти поле битвы, на которомъ большія партіи могли бы вести войну другъ съ другомъ. Эта своеобразная однородность положенія, интереса и, слѣдовательно, взглядовъ, которая царила въ томъ, что Гизо назвалъ страной въ законномъ смыслѣ, лишала парламентскіе дебаты всякой оригинальности, всякой реальности, а, слѣдовательно, всякой истинной страсти. Я провелъ десять лѣтъ моей жизни въ обществѣ очень крупныхъ умовъ, которые постоянно находились въ ажитаціи, не имѣя возможности разгорѣться страстью, и которые употребляли всю свою прозорливость на то, чтобы найти поводы для серьезныхъ разногласій, не находя ихъ на самомъ дѣлѣ. То преобладаніе, которое пріобрѣлъ король Людовикъ-Филиппъ въ государственныхъ дѣлахъ, и въ результатѣ котораго никогда не слѣдовало увлечься очень далеко въ сторону отъ идей этого государя, дабы не удалиться въ то же самое время отъ власти, въ свою очередь, сводило различную окраску партій къ ничтожнымъ оттѣнкамъ, а ихъ борьбу къ борьбѣ словами. Я не знаю, существовалъ ли когда-либо парламентъ (не исключая и Учредительнаго Собранія, т.-е. настоящаго Учредительнаго Собранія 1789 г.), который содержалъ бы больше разнообразныхъ и блестящихъ талантовъ, чѣмъ сколько ихъ содержалъ нашъ парламентъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ іюльской монархіи. Между тѣмъ, я могу утверждать, что эти великіе ораторы очень скучали, слушая другъ друга, и, что хуже, что вся нація скучала, слушая ихъ. Она незамѣтно привыкала видѣть въ борьбѣ внутри палатъ скорѣе упражненія ума, чѣмъ серьезныя пренія, а во всемъ, что раздѣляло разныя парламентскія партіи—большинство, лѣвый центръ или династическую лѣвую—внутренніе раздоры между дѣтьми одной семьи, старающимися надуть другъ друга.

Нѣсколько, открывшихся случайно, кричащихъ случаевъ моральной распущенности заставляли націю предполагать ее всюду въ скрытомъ видѣ, убѣдили ее въ томъ, что весь правящій классъ былъ морально распущенъ, и она прониклась по отношенію къ нему спокойнымъ презрѣніемъ, которое принимали за довѣрчивое и удовлетворенное подчиненіе».

«Къ чему же стремится она, эта осторожная, готовая къ мелочнымъ спорамъ, не поддающаяся управленію буржуазія»?—вторитъ Токвилю Прудонъ въ своей исповѣди революціонера. «Если только вы ее заставите отвѣтить, то она вамъ скажетъ, что она хочетъ (коммерческихъ) дѣлъ: до остального ей мало дѣла. Надъ убѣжденіями и партіями она глумится; мы знаемъ, что она думаетъ о религіи; ея представительный образъ правленія, за который она столько сражалась, внушаетъ ей пренебреженіе. То, чего буржуазія хочетъ, чего она требуетъ, это—довольство, роскошь, удовольствія, это возможность пріобрѣсть деньги. И народъ во всѣхъ этихъ пунктахъ того же мнѣнія, что буржуазія. И онъ также претендуетъ имѣть свою долю матеріальнаго благополучія, удовольствія и роскоши; однимъ словомъ, онъ хочетъ быть свободнымъ, готовый при этомъ условіи вѣрить во что угодно въ области религіи и въ области политики. Такъ вотъ, миссія Людовика-Филиппа,—миссія, которая была возложена на него договоромъ 1830 г., заключалась въ томъ, чтобы обезпечить торжество буржуазной идеи, которое — отдадимъ себѣ въ этомъ отчетъ!—заключается не въ томъ, чтобы обезпечить однимъ трудъ, другимъ барышъ, всѣмъ довольство, не въ томъ, чтобы открыть торговлѣ рынки и обезпечить странѣ дѣла—это значило бы разрѣшить соціальный вопросъ,—а въ томъ, чтобы распространять мораль интереса (la morale de l'intérêt), привить всѣмъ классамъ политическій и религіозный индифферентизмъ и создавать путемъ гибели партій и деправаціи всякой совѣсти фундаменты новаго общества, вынудить, если можно такъ выразиться, рѣшенную судьбой революцію.. Говорятъ, февральская революція была революціей презрѣнія; это вѣрно, но кто не видитъ, что именно въ этомъ заключалась тайна чуднаго назначенія Людовика-Филиппа. Какъ это и должно было случиться съ развратителемъ всѣхъ принциповъ, Людовикъ-Филиппъ былъ наиболѣе ненавидимымъ, наиболѣе презираемымъ изъ всѣхъ государей, тѣмъ болѣе презираемымъ, тѣмъ болѣе ненавидимымъ, что онъ обладалъ высокимъ пониманіемъ своего мандата. Людовикъ XIV царствовалъ благодаря идолопоклонству къ его особѣ; Цезарь и Бонапартъ—благодаря внушаемому ими чувству удивленія; Сулла и Робеспьеръ—благодаря тираніи; Бурбоны—благодаря реакціи Европы противъ завоеваній имперіи. Людовикъ-Филиппъ первый, онъ единственный царствовалъ благодаря презрѣнію. Развѣ Казиміръ Перье уважалъ Людовика-Филиппа? Развѣ Лафайэттъ, Лафитъ, Дюпонъ де л'Эръ его любили? Я не говорю о Талейранахъ, Тьерахъ, Дюпонахъ, Гизо, ни о всѣхъ тѣхъ, которые были или желали быть его министрами; они были слишкомъ похожи на своего хозяина, чтобы имѣть высокое мнѣніе о немъ. Но видѣли ли мы когда-нибудь, чтобы, напр., члены академіи восхваляли въ своихъ засѣданіяхъ Людовика-Филиппа, какъ они возносили славу великаго короля (Людовика XIV) или великаго императора? Видѣли ли мы, чтобы актеры говорили ему комплименты въ театрѣ, чтобы священники проповѣдывали о немъ въ церквахъ, чтобы судьи восхваляли его въ своихъ приговорахъ?.. А, между

тѣмъ, эти люди, наиболѣе почтенные изъ коихъ были въ глубинѣ своего сердца искренними республиканцами, соединились, чтобы возвести на престолъ Людовика-Филиппа, и, проклиная его, они упорно его поддерживали».

Если устранить повышенный почти до апокалиптическихъ видѣній тонъ, характеризующій исповѣдь революціонера, то взгляды Прудона и Токвиля по данному вопросу поразительно похожи другъ на друга. То, что они говорили въ своихъ воспоминаніяхъ объ іюльской монархіи, говорили другіе въ другихъ выраженіяхъ задолго до нихъ въ палатѣ депутатовъ. Еще въ 1839 году знаменитый поэтъ, а впослѣдствіи государственный дѣятель, Ламартинъ, начавшій, какъ и Викторъ Гюго, съ легитимистскихъ убѣжденій, чтобы перейти, точно такъ же, какъ и онъ, въ ряды республиканцевъ, произнесъ въ палатѣ блестящую рѣчь на эту тему, нашедшую широкій откликъ въ странѣ: «Іюльское правительство произошло изъ народа: оно должно было принадлежать народу; оно должно было быть правительствомъ всѣхъ крупныхъ интересовъ страны. Въ такомъ случаѣ оно имѣло бы прочное большинство и прочное меньшинство и тотъ полетъ, который вамъ позволилъ бы избавиться отъ всѣхъ этихъ ничтожныхъ парламентскихъ затрудненій. Здѣсь нѣтъ большинства потому, что за правительствомъ, съ самаго его основанія въ 1830 г., нѣтъ крупнаго дѣла, крупной заслуги». Если въ палатѣ замѣчается своего рода утомленіе отъ великихъ событій послѣднихъ сорока лѣтъ, то это не значитъ, что вся нація готова успокоиться на усталомъ настроеніи. «Вы не должны думать, господа, что, такъ какъ мы устали отъ великихъ движеній, взволновавшихъ нашъ вѣкъ и насъ, то всѣ устали, какъ мы, и боятся малѣйшаго движенія. Поколѣнія, подрастающія за нами, не утомлены; они сами хотятъ дѣйствовать и устать. Какое дѣло вы имъ предоставили? Франція представляетъ скучающую націю (la France est une nation, qui s'ennuie)». «Гизо, Моле, Тьеръ, Пасси, Дюфоръ—писалъ онъ въ 1842 г. въ частномъ письмѣ—вотъ пять манеръ сказать то же самое слово. Они надоѣли мнѣ во всѣхъ видахъ. Пусть чортъ ихъ соединитъ, какъ ему угодно»! «Если ихъ послушать, можно подумать, что геніальность государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы сѣсть на мѣсто, которое ему уготовилъ какой-либо случай или революція, и оставаться на немъ неподвижно, инертно, не поддаваясь никакому вліянію... Если бы это было такъ, не было бы нужды въ государственныхъ людяхъ. Вести такую политику могла бы уличная тумба (une borne)»,—заявилъ онъ тогда же публично, а пять лѣтъ спустя, вліятельный издатель первой дешевой газеты «La Presse», Эмиль де Жирарденъ, воспользовался характеристикой, данной однимъ депутатомъ существу правительственной политики: «ничего! ничего! ничего!», и сдѣлалъ изъ этихъ словъ постоянный эпиграфъ своей газеты.

Между парламентомъ и страной лежала пропасть, становившаяся съ каждымъ годомъ все болѣе непереходимой. Превосходнымъ показателемъ угрожающаго положенія могло служить состояніе чрезвычайно вліятельной въ то время печати. Вліяніе ея, правда, не проникало глубоко въ народную массу. Для этого цѣна газетъ была слишкомъ высока: за исключеніемъ двухъ газетъ («Presse» и «Siècle») подписная плата на всѣ остальныя большія парижскія газеты, игравшія безусловно преобладающую роль вслѣдствіе слабаго развитія провинціальной прессы, колебалась около

80 франковъ (приблизительно 30 рублей) въ годъ. Несмотря на то, что газета при такихъ условіяхъ читалась, конечно, гораздо бо̀льшимъ кругомъ лицъ, чѣмъ кругомъ подписчиковъ, она не могла оказывать непосредственнаго, а въ лучшемъ случаѣ лишь косвенное вліяніе на массу. Въ 1835 г. количество подписчиковъ 20 парижскихъ ежедневныхъ газетъ доходило всего до 70000, изъ коихъ 52000 парижанъ. Къ 1846 г. количество газетъ возросло до 26, а количество ихъ подписчиковъ до 200000, но и эти цифры свидѣтельствуютъ лишь о крайне слабомъ распространеніи газетъ. На ряду съ газетами играли, правда, немаловажную роль и всякаго рода брошюры, памфлеты и т. д., но это мало измѣняло положеніе вещей. Тѣмъ не менѣе, вліяніе прессы было чрезвычайно велико, что совершенно естественно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, необходимо принять во вниманіе ограниченность политическаго кругозора командующаго класса, систематически исключавшаго массу населенія изъ своихъ разсчетовъ и руководившагося исключительно данными относительно умственнаго состоянія и настроенія тѣхъ слоевъ населенія, взгляды которыхъ, такъ или иначе, отражались въ печати. Отсюда получалась естественно чрезвычайная переоцѣнка революціонности настроенія народной массы, на которую смотрѣли сквозь призму литературно-интеллигентскихъ мнѣній о ней,—переоцѣнка, столь характерная, напр., для взглядовъ Гизо, который именно потому считалъ необходимымъ держаться «малокровной политики сопротивленія», во что бы то ни стало, что каждый министръ ожидалъ вспышки предполагаемыхъ имъ анархическихъ наклонностей массы. По мѣткому замѣчанію одного историка французской политической мысли Гизо вплоть до 1848 г. не могъ понять, что самой правильной политикой іюльской монархіи было бы введеніе всеобщаго избирательнаго права; введенное въ спокойныя времена, оно не преминуло бы проявить свое консервативное вліяніе. Вмѣсто этого онъ скорѣе допускалъ (въ теоріи, но не на практикѣ) расширеніе избирательныхъ правъ въ смыслѣ привлеченія тѣхъ именно слоевъ, выразителемъ которыхъ являлись Одилонъ Барро и династическая лѣвая, слоевъ, уже потому сравнительно гораздо менѣе консервативныхъ, что мысль работала въ нихъ съ неизмѣримо большей интенсивностью, чѣмъ въ крестьянствѣ, этомъ хранителѣ общественной инерціи.

Одна сторона вліянія печати заключалась, такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ политической жизни въ усиленіи преувеличенныхъ страховъ правящихъ круговъ, а, слѣдовательно, въ усиленіи ихъ реакціонныхъ по отношенію къ духу іюльской революціи стремленій. Съ другой стороны, именно вслѣдствіе этого сопротивленія власти противъ идеи всякаго «движенія» и вслѣдствіе полной безнадежности оппозиціи въ палатахъ печать сдѣлалась единственной выразительницей оппозиціоннаго настроенія общества, снова стремившагося приспособить свою организацію къ своимъ потребностямъ. На ряду съ королемъ и съ двумя палатами печать стала четвертымъ центромъ политической жизни страны. А такъ какъ вся печать этой эпохи имѣла рѣзко партійный характеръ, т.-е. освѣщала политическое положеніе съ точки зрѣнія опредѣленныхъ цѣлей, а не съ точки зрѣнія простой информаціи о дѣйствительномъ настроеніи народной массы, отъ которой она, какъ мы видѣли, была слишкомъ далека въ значительной мѣрѣ опять-таки вслѣдствіе репрес-

сивной политики правительства [1]), то желательное съ точки зрѣнія той или иной партіи принималось постоянно за дѣйствительное, и создавалось совершенно ложное представленіе о состояніи народной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интеллигенція, руководившая печатью, а дальше и сама печать, будучи далеки не только отъ народа, но и отъ реальнаго отвѣтственнаго участія во власти, неизбѣжно слишкомъ упрощали сложность подлежавшихъ разрѣшенію политическихъ и соціальныхъ проблемъ и слишкомъ легко упрекали поэтому правительство въ нелѣпой и узко династической или классовой политикѣ. Стремясь въ то же самое время поразить противника въ самое больное мѣсто и подѣйствовать наисильнѣйшимъ образомъ на чувства читателя, печать напирала, главнымъ образомъ, на такіе пункты, которые принимались болѣе или менѣе добросовѣстно за признаки предательскаго отношенія власти къ національнымъ интересамъ, за признаки постоянной готовности власти пожертвовать интересами и достоинствомъ Франціи ради интересовъ династіи и «банкократіи», какъ Прудонъ назвалъ правящій классъ. Отчасти именно этимъ объясняется та роль, которую играли обвиненія въ предательски-трусливой и династической внѣшней политикѣ, декламаціи противъ «коварнаго Альбіона», съ которымъ власть старалась дружить, и противъ «народоубійственнаго священнаго союза», съ которымъ власть считала нужнымъ координировать свои дѣйствія, постоянныя обвиненія въ расточительности, въ стремленіи короля ограбить народъ въ интересахъ своей чрезвычайно богатой семьи и т. д.

Результатомъ всего этого являлся тотъ революціонный характеръ, которымъ въ послѣдніе годы іюльской монархіи отличались даже весьма умѣренные органы печати. Изъ всѣхъ крупныхъ органовъ печати на сторонѣ правительства стояли только три, имъ субсидируемыхъ, академическій «Journal des Débats», получавшій ежегодно 144000 франковъ изъ средствъ самого короля, «Epoque» и «Globe». Да и то количество ихъ подписчиковъ имѣло совершенно опредѣленную тенденцію къ пониженію. Такъ, «Journal des Débats», имѣвшій въ эпоху имперіи 25000, а въ эпоху реставраціи 13000 подписчиковъ, имѣлъ ихъ въ эпоху іюльской монархіи лишь около 9000, что, правда, отчасти объяснялось той аристократической скукой, которой вѣяло отъ него. Но и два другихъ правительственныхъ органа оказались безсильными привлечь талантливыхъ сотрудниковъ и читающую публику, несмотря на значительныя, обращенныя на ихъ созданіе и поддержаніе средства. Вся остальная крупная печать—легитимистскія «Quotidienne», «Gazette de France» и «Univers», либеральныя «Constitutionel», «Bien public» (Ламартина), «Presse», радикальныя «National» (Армана Марра и умѣренныхъ республиканцевъ), «Reforme» (Ледрю-Роллена, Луи Блана, якобинскихъ и соціалистическихъ республиканцевъ) и т. д.—была враждебна правительству и становилась съ каждымъ годомъ все болѣе враждебной. Чѣмъ болѣе выяснялась невозможность разсчитывать на своевременныя уступки правительства, тѣмъ рѣзче становился языкъ печати, тѣмъ болѣе она играла съ мыслью о насильственномъ измѣненіи существующаго порядка,—измѣненіи, изъ котораго

[1]) Только за три первыхъ года іюльской монархіи количество судебныхъ дѣлъ, начатыхъ властью противъ печати, дошло до 411, изъ коихъ, правда, лишь 143 кончились осужденіемъ, такъ какъ тогда эти дѣла еще рѣшались присяжными.

каждая изъ главныхъ борющихся группъ, клерикалы-легитимисты, либералы, республиканцы и соціалисты, надѣялись извлечь выгоду для себя. Уже лѣтомъ 1846 г., еще до начала банкетной агитаціи, положеніе дѣлъ обострилось настолько, что привело сторонника іюльской монархіи, Леона Фоше (Fauchеr), къ самымъ мрачнымъ заключеніямъ. «Насколько вообще прошлое можетъ походить на настоящее,—писалъ онъ, — теперешнее положеніе напоминаетъ во всѣхъ деталяхъ положеніе Франціи въ 1826 и 1827 годахъ».

§ 2. Вопросъ о реформѣ.

Одна изъ главныхъ причинъ недовольства руководившей движеніемъ интеллигенціи заключалась въ характерѣ избирательнаго закона, съ которымъ Людовикъ-Филиппъ отожествлялъ себя такъ же, какъ нѣкогда Карлъ X отожествлялъ себя съ клерикально-феодальной реакціей. «Я никогда не дамъ своего согласія на реформу. Отдайте себѣ въ этомъ ясный отчетъ»,—заявлялъ онъ въ мартѣ 1847 г., и еще утромъ 24 февраля 1848 г., когда Тьеръ ему указалъ на настоятельную необходимость реформы, онъ воскликнулъ:—«Избирательная реформа? Вздоръ! Это дало бы намъ милые законы! Вдобавокъ войну».

Самая любопытная сторона дѣла заключается въ томъ, что консерваторы сами прекрасно сознавали кричащіе недостатки дѣйствующей системы и, когда нужно, ссылались на нее, дабы указать зазнавшейся палатѣ, когда она стремилась къ строго парламентарному строю, подобающее ей мѣсто. Вотъ что писалъ, напр., защитникъ королевской прерогативы противъ господства палаты депутатовъ, де Фонфредъ (Fonfrède) еще въ 1837 г.: «при существующихъ правилахъ о цензѣ, при раздробленности партій, при томъ маседуанѣ, который представляетъ составъ палаты, безпорядочно созданной выборами, рѣшающее значеніе въ которыхъ принадлежитъ мѣстнымъ вліяніямъ и котеріямъ въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, лишенныхъ умственной и политической жизни, прошлаго и внутренней связи, палата депутатовъ представляетъ на самомъ дѣлѣ лишь очень немного, лишь очень небольшую часть національной жизни, лишь весьма ничтожную частицу пониманія ея интересовъ. Палата депутатовъ не заключаетъ въ себѣ всего представительства. Мало того: изъ всѣхъ трехъ властей она наименѣе соотвѣтствуетъ идеѣ представительства». Ближе же всего, по его мнѣнію, соприкасается съ народной жизнью именно исполнительная власть, безчисленные органы которой гораздо больше сталкиваются съ народомъ во всѣхъ его разновидностяхъ, а потому и гораздо болѣе способны отразить его интересы и дать главѣ исполнительной власти правильное представленіе о положеніи вещей. Это и обезпечиваетъ королевской власти, если не въ теоріи, то на практикѣ, первенствующее значеніе, и вотъ почему король такъ цѣпко держится за эту систему. «Если даже реформа дѣйствительно станетъ необходимой, я не дамъ своего согласія на эту трусливую мѣру. Реформа равносильна вступленію оппозиціи во власть, равносильна войнѣ, равносильна началу конца! Какъ только оппозиція явится, я уйду»! Такъ говорилъ онъ въ началѣ 1848 г. Людовикъ-Филиппъ, считавшій себя типомъ истинно-конституціоннаго государя, на самомъ дѣлѣ

былъ чуждъ настоящаго пониманія конституціонной идеи. Опираясь всегда и во всемъ на хартію, онъ не понималъ, что ея значеніе было лишь условное, особенно поскольку она ограничивала политическія права народа, что она содержала лишь минимумъ того, что надо было предоставить народу, дабы возвращеніе Бурбоновъ оказалось возможнымъ, и что она нуждалась въ развитіи, движеніе въ пользу котораго должно было принять тѣмъ болѣе бурный видъ, чѣмъ меньше власть сама сумѣетъ взять на себя иниціативу реформъ. Такъ же мало, какъ и Наполеонъ I, онъ желалъ занять то декоративное положеніе, которое онъ неизбѣжно, по его мнѣнію, долженъ былъ занять въ случаѣ строгаго проведенія принципа, что «король царствуетъ, но не управляетъ»: какъ и Наполеону I, ему представлялось, что занять такое положеніе значитъ превратиться въ «откармливаемаго на убой борова». Вотъ почему онъ десять лѣтъ интриговалъ противъ своихъ собственныхъ министровъ, пока логическое развитіе основаннаго на банкократіи строя не привело къ 8-лѣтнему господству министерства, соотвѣтствовавшаго идеѣ его царствованія (la pensée du regne), т.-е. министерства Гизо. Допустить отставку этого министерства, лишиться того большинства, которое поддерживало его политику, значило не только порвать съ привычными и столь выгодными для проявленія королевскаго авторитета условіями; это значило, по его мнѣнію, нарушить всю «идею» его управленія и превратить королевскую власть въ пустую и скучную декорацію. Отсюда его упорное сопротивленіе реформѣ.

Существующая избирательная система страдала между тѣмъ громадными недостатками. Помимо того, что она передавала власть олигархіи, она давала чрезмѣрный просторъ исполнительной власти въ ея стремленіи направлять выборы согласно своимъ желаніямъ. Съ одной стороны, хартія допускала участіе чиновниковъ въ палатѣ, не обставляя въ то же время ихъ свободу никакими гарантіями противъ правительственнаго произвола и не требуя отъ депутатовъ, получившихъ въ теченіе сессіи какое-либо назначеніе, чтобы они подверглись переизбранію, а въ результатѣ въ 1848 г. въ составѣ правительственнаго большинства числилось не менѣе 150 чиновниковъ. Съ другой стороны, ограниченность круга избирателей позволяла въ гораздо большей степени прибѣгать къ мѣрамъ воздѣйствія на ихъ корыстные интересы, чѣмъ это было бы возможно при иныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ аналогичными мѣрами по отношенію къ отдѣльнымъ депутатамъ все это обезпечивало правительству возможность создать себѣ тѣмъ болѣе послушное большинство, чѣмъ прочнѣе казалось данное министерство: количество «одолженій», дѣлаемыхъ правительствомъ депутатамъ, иногда доходило до весьма внушительныхъ цифръ — побившій рекордъ депутатъ (кстати сказать, изъ лѣвой) получилъ ихъ 304 (sic!). На ряду съ подкупомъ въ скрытой формѣ не пренебрегали и элементарнымъ явнымъ подкупомъ, и особенно министерство Гизо, лично безусловно честнаго человѣка, очень напоминало по своимъ пріемамъ управленія министерство Вальполя въ Англіи XVIII вѣка.

Не удивительно, что вопросъ объ измѣненіи этой системы въ смыслѣ расширенія избирательныхъ правъ («избирательная реформа») и устраненія чиновниковъ изъ числа депутатовъ путемъ установленія несовмѣстимости этихъ двухъ званій («парламентская реформа») имѣлъ коренное значеніе для дальнѣйшаго развитія

французской политической жизни. Тѣмъ не менѣе, первая серьезная попытка добиться реформъ относится только къ 1839—1841 гг., а вторая, выразившаяся въ агитаціи 1847—8 г., непосредственно предшествуетъ революціи.

Еще до 1839 г., правда, одинъ депутатъ лѣвой, Гогье (Gauguier), восемь разъ вносилъ предложеніе о «парламентской реформѣ» въ узкомъ смыслѣ, т.-е. предложеніе объ устраненіи чиновниковъ изъ палаты, но палата столько же разъ устраняла его переходомъ къ очереднымъ дѣламъ и только, когда онъ его внесъ въ девятый разъ въ 1839 г., она постановила «принять его во вниманіе», т.-е. передать его въ комиссію. Параллельно съ этимъ Одилонъ Барро отъ имени династической лѣвой внесъ крайне умѣренный проектъ объ «избирательной реформѣ», согласно которому предлагалось увеличить количество избирателей вдвое (отъ 200 до 400 тысячъ) либо путемъ пониженія ценза для всѣхъ гражданъ, либо путемъ полнаго упраздненія ценза для однихъ только лицъ съ высшимъ образованіемъ. Надежды на благосклонное отношеніе палаты къ этимъ проектамъ было такъ мало, что еще лѣтомъ 1839 г. была организована внѣпарламентская агитація, результатъ которой выразился въ многочисленныхъ петиціяхъ—одна изъ нихъ собрала 240000 подписей—въ палату. Этому успѣху агитаціи содѣйствовала грозившая въ 1840 г. европейская война, вопросъ о которой при данныхъ условіяхъ находился всецѣло въ рукахъ олигархіи, отъ которой зависѣла, такимъ образомъ, судьба націи. Съ другой стороны, въ агитаціи приняла участіе не только династическая лѣвая, но и другія оппозиціонныя партіи, причемъ любопытно, что только легитимистская «Gazette de France» воинственнаго аббата де Женудъ (de Genoude) стояла рѣшительно за всеобщее избирательное право, тогда какъ радикальная партія «стыдливыхъ республиканцевъ» (républicains honteux) стояла лишь за распространеніе избирательнаго права (активнаго и пассивнаго) на всѣхъ членовъ національной гвардіи. Династическая лѣвая даже въ моментъ наивысшаго развитія агитаціи не шла дальше распространенія его на всѣхъ гражданъ, имѣвшихъ право быть присяжными засѣдателями, и на всѣхъ офицеровъ національной гвардіи. Лѣвый центръ въ лицѣ Тьера и его сторонниковъ не отрицалъ необходимости реформы въ принципѣ, но относился къ ней уклончиво, выступая при этомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ ученія о народномъ верховенствѣ, которымъ мотивировала свое требованіе радикальная лѣвая. «Здѣсь говорили о народномъ суверенитетѣ—заявилъ Тьеръ—и подразумѣвали подъ этимъ суверенитетъ числа. Между тѣмъ это самое опасное (funeste) изъ всѣхъ ученій. Съ точки зрѣнія конституціоннаго языка существуетъ только суверенитетъ короля и двухъ палатъ, которыя выражаютъ народный суверенитетъ правильно повторяющимися голосованіями и осуществленіемъ своихъ конституціонныхъ правъ. Другого народнаго суверенитета я не знаю».

Несмотря на петиціи, на систематическую агитацію путемъ періодической печати и брошюръ (въ 1840 г. появился, напр., чрезвычайно рѣзкій памфлетъ Ламеннэ о «Странѣ и ея правительствѣ», въ 1841 г. аналогичный памфлетъ Кинэ—«Предостереженіе странѣ» и т. д.), несмотря на манифестаціи парижскихъ рабочихъ въ честь члена радикальной партіи Араго, несмотря на рядъ банкетовъ, къ которымъ прибѣгли уже тогда за отсутствіемъ свободы собраній, несмотря, наконецъ, на то, что отношеніе лѣваго центра къ реформѣ стало болѣе благосклон-

нымъ съ тѣхъ поръ, какъ пало министерство Тьера, и образовалось такъ назыв. «министерство 29 октября» 1840 г., т.-е. министерство Гизо — вся агитація кончилась ничѣмъ. Февральскія голосованія 1842 г. доказали, что даже самые умѣренные проекты (за два года ихъ было представлено очень много разнообразныхъ) не имѣютъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, разъ правительство высказывается категорически противъ нихъ.

Послѣ этого агитація затихла на цѣлыхъ пять лѣтъ. Не только выборы 1842 г., но и выборы 1846 г. были произведены по старой системѣ, и правительственное большинство оба раза еще усилилось количественно, хотя его качественный составъ становился все менѣе удовлетворительнымъ. Единственными ораторами большинства были сами министры. Въ теченіе всего этого періода вопросъ о реформѣ, правда, не исчезалъ совершенно изъ дебатовъ палаты: семь разъ обсуждалась «парламентская», три раза «избирательная» реформа. Этого требовалъ интересъ всѣхъ оппозиціонныхъ партій, этому содѣйствовали возрастающіе толки о подкупахъ, взяткахъ и т. д., которые находили пищу въ цѣломъ рядѣ скандальныхъ процессовъ, участившихся особенно въ 1847 г., когда два бывшихъ министра Кюбьеръ и Тестъ (послѣдній былъ въ это время пэромъ Франціи и предсѣдателемъ кассаціоннаго суда) были приговорены къ лишенію гражданскихъ правъ, къ денежнымъ штрафамъ, а Тестъ и къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти попытки заняться вопросомъ о реформѣ имѣли чисто-парламентскій характеръ, не приводили къ возрожденію агитаціи 1839 г. и слѣдующихъ годовъ и не повлекли за собой рѣшительно никакихъ измѣненій въ законодательствѣ. Какъ и раньше, министерство то рѣшительно протестовало противъ нихъ, то не скупилось на неопредѣленныя обѣщанія, но не дѣлало ни шага навстрѣчу назрѣвшей несомнѣнно потребности. Въ отвѣтъ на всѣ указанія относительно плутократическаго характера избирательной системы Гизо попрежнему ссылался на полное тожество разумныхъ интересовъ всѣхъ неаристократическихъ слоевъ населенія и совѣтовалъ тѣмъ, кто устраненъ отъ политической жизни, «обогащаться путемъ труда» (знаменитое enrichissez vous!).

Однообразные дебаты по этому вопросу, повторявшіеся по поводу законопроектовъ Дювержье де Горанна и др. и въ 1846 и въ 1847 г., показали, однако, что послѣ выборовъ 1846 г. и лѣвый центръ понялъ всю безнадежность положенія для оппозиціи и рѣшительно перешелъ на сторону друзей реформы. Самъ Тьеръ и одинъ изъ его наиболѣе видныхъ друзей Билльо (Billault) высказались категорически и въ очень рѣзкой формѣ какъ за «парламентскую», такъ и за «избирательную» реформу. Основныя черты предложенной Дювержье де Горанномъ въ 1847 г. реформы были крайне скромны: уменьшеніе ценза до 100 франковъ прямыхъ налоговъ; освобожденіе лицъ съ высшимъ образованіемъ отъ ценза; увеличеніе количества депутатовъ отъ 459 до 538. Въ то же время Ремюза (de Remusat) представилъ проектъ парламентской реформы. Несмотря на крайнюю умѣренность законопроектовъ, крайняя лѣвая рѣшила ихъ поддержать, что объясняется тѣмъ безнадежнымъ настроеніемъ, которое охватило ее еще до выборовъ 1846 г. [1]). Именно

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ уже избирательныя рѣчи Араго и Карно. «Я убѣжденъ,—говорилъ Араго,—что страна была бы подвергнута тысячѣ волненій, если бы во

въ этомъ тѣсномъ единеніи всѣхъ элементовъ оппозиціи отъ радикаловъ до лѣваго центра заключалась серьезность положенія, которую Дювержье де Горанъ подчеркнулъ въ блестящей рѣчи: «Кому, въ концѣ концовъ, предоставляетъ дѣйствующій законъ политическую власть? Большинству населенія? Нѣтъ. Наибольшей массѣ налоговъ? Нѣтъ. Наибольшей суммѣ матеріальныхъ интересовъ? Нѣтъ. Большинству собственниковъ, земледѣльцевъ, промышленниковъ, коммерсантовъ? Нѣтъ. Большинству представителей либеральныхъ профессій? Нѣтъ. Большинству лицъ, обладающихъ необходимыми объективными данными, чтобы быть избранными? Нѣтъ. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе узкими рамками ограничены политическія права, тѣмъ болѣе необходимо, чтобы тѣ, коимъ законъ въ нихъ отказываетъ, были убѣждены, что эти права осуществляются въ интересахъ всѣхъ и ради національной свободы, величія и могущества. Если бы когда-либо можно было съ нѣкоторымъ подобіемъ истины сказать, что вслѣдствіе печальнаго злоупотребленія политическія права существуютъ лишь для того, чтобы возвышать, чтобы обогощать тѣхъ, кто ими обладаетъ; если бы можно было думать, что избирательное законодательство стремится незамѣтно возсоздать какую-то, интригующую и хлопочущую о себѣ аристократію, повѣрьте, тотчасъ же возникла бы серьезная опасность не только для того или иного политическаго закона, но для совокупности нашихъ учрежденій и для всего правительства въ цѣломъ».

Министерство осталось на своей точкѣ зрѣнія. Въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ графа Дюшатель оно сочло даже возможнымъ заявить, что страна совершенно не интересуется этимъ вопросомъ. «Никто имъ не занимается. Изъ всѣхъ вопросовъ, которые могутъ обсуждаться и рѣшаться въ палатѣ, этотъ вопросъ несомнѣнно всего менѣе обращаетъ на себя взоры и вниманіе. Если вопросъ не былъ поднятъ (въ странѣ во время выборовъ), то потому, что онъ не существуетъ для общественнаго мнѣнія, потому, что онъ искусственно созданъ, потому, что у него нѣтъ реальной жизни въ странѣ, потому, что у него нѣтъ корней. Онъ идетъ изъ палаты въ страну; онъ не приходитъ изъ страны въ палату». «Истинный прогрессъ—вторилъ ему Гизо—«заключается для правительства въ умѣреніи эксцессовъ свободы и въ томъ, чтобы уступать ея требованіямъ лишь тогда, когда они вытекаютъ изъ дѣйствительной потребности, чувствуемой и признанной большинствомъ націи». Этому принципу слѣдовали торійское министерство и палата лордовъ, когда первое довело Ирландію, вторая Англію до состоянія близкаго къ революціи, раньше чѣмъ согласиться въ 1829 г. на эмансипацію католиковъ, а въ 1832 г. на избирательную реформу. Тѣмъ не менѣе, и министерство и палата уступили тамъ во-время, какъ только бурная агитація печати и безконечное количество петицій, митинговъ и законно образовавшихся для достиженія реформы союзовъ убѣдили ихъ, что имъ остается только выбирать между уступкой или гражданской

главѣ ея стояло избираемое лицо. Въ палатѣ я буду бороться противъ всякой мѣры, которая могла бы привести къ республиканскому строю. Я хочу наслѣдственную конституціонную монархію, я хочу ее съ орлеанскимъ домомъ во главѣ». «Если подъ преданностью династіи подразумѣваютъ преданность хартіи, которая установила конституціонную королевскую власть, то я отвѣчаю безъ обиняковъ: да (я ей преданъ)»,—говорилъ Карно.

войной. Но тамъ митинги, печать и союзы могли свободно дѣйствовать и организовать общественное недовольство всей страны вокругъ извѣстныхъ лозунговъ. Во Франціи ничего подобнаго не было, и всевластіе «короля въ парламентѣ» не ограничивалось здѣсь практически ничѣмъ, если не считать печати, менѣе свободной и менѣе распространенной, чѣмъ въ Англіи. Разсужденія Дюшателя и Гизо представляли, такимъ образомъ, не апелляцію къ странѣ, а простой отказъ въ уступкахъ.

Съ внѣшней стороны въ ихъ разсужденіяхъ, тѣмъ не менѣе, содержалось зерно истины. Движеніе въ пользу реформы дѣйствительно не было ни тогда, ни впослѣдствіи сознательнымъ движеніемъ большинства націи. Оно несомнѣнно возникло если не въ палатѣ, то въ нѣдрахъ той интересующейся политическими вопросами интеллигенціи, большинство которой было удалено отъ политической жизни, тогда какъ оно въ то же время сознавало, что оно нисколько не менѣе «способно» къ ней, чѣмъ какой-нибудь быстро разбогатѣвшій спекулянтъ. Но вѣдь такъ всегда бываетъ, да и по существу дѣла иначе быть не можетъ. Тогда какъ тѣ слои общества, которые не достигли достаточнаго образованія, чтобы отдавать себѣ отчетъ во внутренней связи своего частнаго или группового недовольства съ (политической или соціальной) организаціей общества, глухо волнуются, не зная, въ какую сторону направить свою стихійную силу, интеллигенція обладаетъ возможностью отдать себѣ отчетъ въ органическихъ недостаткахъ даннаго строя жизни, поставить болѣе или менѣе правильный діагнозъ общественной болѣзни и указать средство къ ея облегченію или полному устраненію. Въ этомъ и заключается ея истинное значеніе и назначеніе, въ этомъ и въ томъ, чтобы выяснить народнымъ массамъ причины ихъ недомоганія и средства къ его уничтоженію, иначе говоря въ томъ, чтобы организовать народныя массы вокругъ сознательно ими усвоеннаго лозунга. Если интеллигенціи по тѣмъ или инымъ внутреннимъ причинамъ, изъ коихъ главная заключается всегда въ недостаточной близости къ народу и недостаточномъ знаніи его психики, не удается формулировать очередную задачу общественной жизни понятнымъ для народа образомъ, то ея работа пропадаетъ долгое время такъ же даромъ, какъ если она стремится извлечь изъ уже начавшагося движенія возможно скорѣе бо́льшіе результаты, не позаботившись предварительно о томъ, чтобы народъ заранѣе усвоилъ не только умомъ, но и чувствомъ ихъ основной смыслъ и былъ готовъ отстаивать ихъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ противъ возможныхъ враговъ, стремящихся къ сохраненію стараго порядка. Опытъ показываетъ, что именно на этой почвѣ чаще всего и происходитъ крушеніе идеаловъ интеллигенціи, причемъ это крушеніе можетъ быть вызвано какъ полной нежизнеспособностью ея идеаловъ, т.-е. ихъ практической ложностью, такъ и недостаткомъ подготовки народной массы къ ихъ пониманію, т.-е. фактическою незрѣлостью послѣдней.

Но помимо внутреннихъ причинъ слабости того или иного созданнаго интеллигенціей политическаго и соціальнаго движенія могутъ существовать внѣшнія, важнѣйшей изъ коихъ является систематическое стремленіе даннаго правительства воспрепятствовать сближенію интеллигенціи и народа, не дать первой возможности изучить народъ какъ слѣдуетъ, поставить діагнозъ его болѣзни правильно, выяснить ему его положеніе и сгруппировать его вокругъ извѣстной задачи. Степень

нецѣлесообразности данной политической организаціи прямо пропорціональна степени легкости и полноты, съ которой правительство можетъ достигнуть этой цѣли, разъединенія интеллигенціи и народа. Ихъ тѣсное единеніе представляетъ основное условіе здороваго развитія общества, ихъ разъединеніе является само по себѣ признакомъ болѣзненнаго хода этого развитія. Если бы власти, чуждой интеллигенція страны, гдѣ-либо удалось прервать совершенно это единеніе, то результатомъ былъ бы параличъ общественнаго сознанія, торжество слѣпой стихіи и, въ концѣ концовъ, вырожденіе народа, т.-е. смерть соціальнаго организма На самомъ дѣлѣ этотъ результатъ недостижимъ ни для какой власти; недаромъ Бисмаркъ какъ-то сказалъ, что «никакое правительство не можетъ постоянно (auf die Dauer) управлять противъ интеллигенціи страны». Оно можетъ только временно затруднить воздѣйствіе интеллигенціи на страну, и чѣмъ дольше продолжается такое замедленіе неизбѣжнаго процесса, тѣмъ болѣзненнѣе онъ становится вслѣдствіе необходимаго при такихъ условіяхъ преобладанія стихіи надъ сознаніемъ, но оно не можетъ устранить его цѣликомъ, лишь только существуетъ какая-либо жизненная связь между мыслью интеллигенціи и чаяніями народа, а такая связь не можетъ не существовать, ибо сама интеллигенція есть лишь часть народа, изъ нѣдръ котораго она подымается. Съ устраненіемъ нормальнаго воздѣйствія интеллигенціи на народъ не упразднается вѣдь ни извѣстная сумма конкретныхъ потребностей и причинъ недовольства, сознать которыя и стремилась интеллигенція, ни работа мысли и чувства среди народной массы, которая и дѣлала возможными успѣхи интеллигенціи среди народа и которая продолжается и помимо ея воздѣйствія, продолжается медленно, съ трудомъ, съ большими уклоненіями въ сторону, но, въ концѣ концовъ, движется въ силу вещей по тому же направленію, которое еще раньше или одновременно предуказывала интеллигенція. Съ другой стороны, за отсутствіемъ возможности открытаго воздѣйствія интеллигенціи на народъ, воздѣйствія, подвергающагося публичному обсужденію и лишающагося въ силу его своихъ односторонностей или увлеченій, неизбѣжно устанавливается тайное, подпольное и ненормальное общеніе ея съ народомъ—общеніе, неизбѣжно принимающее односторонній и сектантскій характеръ и предоставляющее вліяніе на народъ не наиболѣе умственно развитымъ, а наиболѣе активнымъ представителямъ интеллигенціи.

Всѣ недостатки такого положенія вещей проявляются впослѣдствіи, когда долго сдерживаемое движеніе прорываетъ плотины и выступаетъ наружу, полное полустихійныхъ настроеній и сектантскихъ увлеченій. Проявились эти недостатки и во время февральской революціи. Отвѣтственность за нихъ падаетъ прежде всего на командующій классъ и на правительство, сдѣлавшихъ все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы извратить характеръ общественнаго движенія, сущность котораго заключалась въ стремленіи сломить эгоистическое властвованіе «банкократіи».

Какъ бы тамъ ни было, предложеніе Дювержье де Горанна было отвергнуто (въ мартѣ 1847 г.) большинствомъ 252 противъ 154, предложеніе Ремюза (въ апрѣлѣ того же года) большинствомъ 219 противъ 170. Палата присоединилась такимъ образомъ, къ заявленію министровъ о томъ, что страна вовсе не интересуется реформой, что агитація въ пользу нея есть «партійная махинація», «капризъ» людей, стремящихся къ власти, какъ выразился Гизо. Въ результатѣ оп-

позиціи не оставалось ничего иного, какъ сдѣлать новую попытку апеллировать къ странѣ. Инціативу движенія взяла на себя династическая лѣвая. «Принявъ соотвѣтственное рѣшеніе,—разсказываетъ Гарнье-Пажесъ,—она ясно увидѣла, что агитація должна быть глубокой, чтобы быть дѣйствительной, что придется искать связи съ чувствомъ народа въ его глубинахъ, что, предоставленныя самимъ себѣ, династическія партіи могутъ привести въ движеніе лишь поверхность народной жизни, что помощь радикализма будетъ необходима, какъ только эта необходимость была сознана, съ нею примирились». Согласно съ этимъ были начаты переговоры, въ которыхъ участвовали лѣвый центръ съ примыкавшими къ нему депутатами, династическая лѣвая и радикальная (республиканская) лѣвая. Переговоры велись на почвѣ тактическаго соглашенія между монархистами и республиканцами, цѣлью котораго была исключительно совмѣстная борьба за расширеніе избирательнаго права безотносительно къ послѣднимъ задачамъ, которыя ставили себѣ участники движенія, изъ коихъ одни хотѣли лишь нѣсколько демократизировать монархію, тогда какъ другіе стремились къ республикѣ. Соглашеніе облегчалось настроеніемъ, господствовавшимъ среди обѣихъ партій. Республиканцы признавали, что «если будущее принадлежитъ намъ, то настоящее принадлежитъ вамъ (монархистамъ)». Съ другой стороны, и династическая лѣвая, полагавшая, что монархія при извѣстныхъ условіяхъ должна быть предпочтена республикѣ, не считала себя «вассаломъ династіи и монархіи» и была готова примириться съ республикой, если «опытъ покажетъ, что ея предпріятіе (а именно сближеніе монархіи съ народомъ) неосуществимо, если республика возникнетъ изъ эксцессовъ или негодности (misères) монархіи». Самый трудный вопросъ заключался при такихъ условіяхъ въ томъ, какъ опредѣлить характеръ будущей избирательной системы, за которую предполагалось вести борьбу. Трудность этого вопроса, вытекавшая изъ того, что одни придерживались проекта Дювержье де Горанна, а другіе стремились къ всеобщему избирательному праву, была устранена тѣмъ, что вопросъ былъ оставленъ открытымъ. Петиція, составленная республиканцемъ Паньерромъ (Pagnerre) отъ имени руководившаго движеніемъ комитета,—эта петиція, которая должна была служить манифестомъ движенія, ограничивалась обстоятельной и рѣзкой критикой дѣйствовавшей системы и предоставляла законодательной власти право и обязанность осуществить признанныя необходимыми реформы. По существу дѣла въ этомъ заключался отказъ республиканцевъ отъ всеобщаго избирательнаго права. Чтобы дать имъ нравственное удовлетвореніе, самой петиціи былъ данъ болѣе радикальный оттѣнокъ, чѣмъ это соотвѣтствовало фактическому убѣжденію и намѣреніямъ либераловъ. По словамъ Гарнье-Пажеса, участвовавшаго въ предварительныхъ переговорахъ, петиція доказывала, что въ глазахъ первыхъ иниціаторовъ реформистскаго движенія, «единственнымъ хорошимъ и нравственно правомѣрнымъ избирательнымъ закономъ» является законъ, устанавливающій всеобщее избирательное право.

Въ концѣ мая 1847 г. состоялось рѣшающее собраніе въ квартирѣ Одилона Барро. Въ немъ приняли участіе отъ лѣваго центра Дювержье де Гораннъ и де Маллвилль, отъ династической лѣвой Одилонъ Барро и интимный другъ Токвиля, де Бомонъ, отъ радикальной лѣвой Карно и Гарнье-Пажесъ, отъ центральнаго выборнаго комитета республиканцевъ въ Парижѣ Паньерръ, Рекюръ, Лабелони и Біеста и

нѣсколько депутатовъ разныхъ оттѣнковъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Тьеръ. Проектъ петиціи, составленный Паньерромъ, былъ принятъ безъ возраженій и единогласно, и засимъ было рѣшено не ограничиваться подачей петицій, а организовать по всей странѣ возможно большее количество банкетовъ, дабы популяризировать идею реформы и произвести давленіе на власть. Для руководства движеніемъ былъ организованъ смѣшанный центральный комитетъ.

«Выйдя изъ квартиры О. Барро,—разсказываетъ Гарнье-Пажесъ,—радикальные члены собранія, Карно, Паньерръ, Біеста, Лабелони и Гарнье-Пажесъ, шли нѣкоторое время вмѣстѣ. Дошедши до того мѣста бульвара, гдѣ находится министерство иностранныхъ дѣлъ (тамъ жилъ Гизо), они собирались разойтись.—Право,—сказалъ въ этотъ моментъ Паньерръ,—я не надѣялся на такой быстрый и полный успѣхъ нашихъ предложеній. Понимаютъ ли эти господа, куда это можетъ ихъ завести? Что касается меня, сознаюсь, что я не вижу этого ясно; но не намъ, радикаламъ, пугаться этого.—Вы видите это дерево,—продолжалъ тогда Гарнье-Пажесъ;—такъ вотъ вырѣжьте на его корѣ воспоминаніе о сегодняшнемъ днѣ: то, что мы только-что рѣшили, это есть революція. Девять мѣсяцевъ спустя на этомъ мѣстѣ пали отъ огня одного взвода солдатъ первыя жертвы февральскихъ дней. Возникши изъ движенія въ пользу реформы и изъ систематическаго сопротивленія всякому прогрессу, революція была готова» [1]).

Изъ всѣхъ дѣятелей парламентской оппозиціи въ движеніи не принялъ участія какъ-разъ тотъ, который обладалъ наибольшей популярностью, издатель полудемократической, полу-соціалистической «Réforme», Ледрю-Ролленъ. Какъ и члены редакціи этой газеты, Флоконъ, Луи Бланъ и др., онъ былъ рѣшительно противъ всякаго соглашенія республиканцевъ не только съ лѣвымъ центромъ, но и съ династической лѣвой. Участіе Тьера, разстрѣливавшаго республиканцевъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1834 году, отвѣтственнаго за «кровавую баню въ трансноненской улицѣ»,—Тьера, еще недавно осудившаго самымъ рѣшительнымъ образомъ демократическое пониманіе идеи народнаго суверенитета,—Тьера, котораго отдѣляли отъ Гизо едва замѣтные съ республиканской точки зрѣнія оттѣнки, казалось, само по себѣ осуждало все предпріятіе на неудачу и дѣлало его подозрительнымъ. Вплоть до начала ноября 1847 г. Ледрю Ролленъ и вся крайняя лѣвая воздерживались брезгливо отъ участія въ движеніи и не скупились на осужденія и глумленія по адресу «склонныхъ къ компромиссамъ» болѣе умѣренныхъ республиканцевъ. Съ принципіально-сектантской точки зрѣнія ихъ поведеніе, быть-можетъ, было и правильно, съ точки зрѣнія практическихъ условій борьбы оно доказывало лишь ихъ

[1]) Любопытно сравнить съ этимъ точку зрѣнія Токвиля: «Въ первый разъ за 18 лѣтъ—говорилъ онъ, по его собственнымъ словамъ, своимъ друзьямъ, участвовавшимъ въ движеніи - вы собираетесь обратиться къ народу и ищете точку опоры внѣ средняго класса. Если вамъ не удастся взволновать народъ (это казалось мнѣ тогда наиболѣе вѣроятнымъ результатомъ), вы станете еще болѣе ненавистными въ глазахъ тѣхъ, которые правятъ, и въ глазахъ средняго класса, большинство котораго ихъ поддерживаетъ, и вы укрѣпите, такимъ образомъ, власть, которую вы хотите ниспровергнуть; если вамъ, наоборотъ, удастся взволновать народъ, вы не больше меня можете предвидѣть, куда должна васъ завести такого рода агитація».

политическую близорукость. Они не только не проявили прозорливости Гарнье-Пажеса въ оцѣнкѣ неизбѣжнаго результата движенія, направленнаго противъ такого упрямаго и въ то же время мало популярнаго противника, какъ іюльская монархія; они не поняли даже, что передъ лицомъ сильной въ матеріальномъ отношеніи и не стѣсняющейся въ выборѣ средствъ власти разъединенная оппозиція совершенно безсильна, что единственная надежда ея заключается въ тактическомъ соглашеніи возможно болѣе широкихъ круговъ оппозиціи,—соглашеніи, которое отнюдь не исключаетъ полной преданности каждой партіи ея программѣ и предполагаетъ лишь пониманіе основныхъ условій политической жизни. Разъ общество слагается изъ болѣе или менѣе значительнаго количества разнородныхъ между собою группъ, то ни государственный строй, ни ходъ его развитія не могутъ имѣть прямолинейнаго характера, а представляютъ равнодѣйствующую сталкивающихся въ обществѣ интересовъ и стремленій. Прямолинейная надежда на самостоятельное, полное и быстрое удовлетвореніе потребностей какой-нибудь одной группы неизбѣжно должна разбиться о сопротивленіе другихъ, если только данная потребность не раздѣляется ими или ихъ большинствомъ. Союзъ, заключенный для удовлетворенія опредѣленной, ощущаемой разными группами, потребности,—союзъ, отнюдь не исключающій возможности и законности дальнѣйшей борьбы между временными союзниками, разъ ближайшая общая цѣль будетъ достигнута и интересы заключившихъ временное соглашеніе группъ снова разойдутся, таково единственное условіе успѣха каждой изъ нихъ въ частности, причемъ при оцѣнкѣ относительной силы соглашающихся группъ отнюдь нельзя исходить изъ сравненія ихъ численности, такъ какъ численная сила группы обыкновенно обратно пропорціональна организованности и степени умственнаго развитія ея членовъ, т.-е. соединена съ относительной качественной слабостью. Принципіальность партійной политики заключается не въ сектантской исключительности (недаромъ Гарнье-Пажесъ называетъ крайнюю лѣвую les radicaux exclusifs) и не въ кастовомъ охраненіи своей «чистоты» отъ соприкосновенія съ посторонними, съ «невѣрными», а въ неуклонномъ стремленіи къ разъ установленной цѣли, на пути къ которой компромиссы представляются тѣмъ болѣе неизбѣжными, чѣмъ болѣе радикальна данная партійная программа.

Во время перваго банкета, состоявшагося 9 іюля въ Парижѣ и собравшаго въ общественномъ саду Chateau-Rouge 1200 участниковъ, Паньерръ произнесъ тостъ «за избирательную и парламентскую реформу» и объяснилъ соглашеніе республиканцевъ съ монархистами именно въ указанномъ смыслѣ. «Зачѣмъ—говорилъ онъ — подчеркивать то, что насъ разъединяетъ, а не то, что насъ сближаетъ! Знамя реформы можетъ быть поднято всѣми нами безъ того, чтобы кто-либо изъ насъ отрекся отъ своихъ принциповъ; ибо реформа есть одинаково средство (для республиканцевъ) и цѣль (для монархистовъ), начало и конецъ нашихъ надеждъ. Взывая о реформѣ, мы не требуемъ ни отъ кого отказа отъ его взглядовъ, не запрещаемъ никому дѣлать свои оговорки. Мы поднимаемъ знакомое знамя, подъ сѣнью котораго могутъ развѣваться всѣ другія знамена».

Банкетъ имѣлъ громадный успѣхъ: огромныя толпы народа, преимущественно рабочихъ, окружали мѣсто, гдѣ происходилъ банкетъ, и повторяли строфы марсельезы, звуками которой прерывались всѣ заранѣе установленные тосты. Среди послѣднихъ особенно характеренъ былъ одинъ: «за улучшеніе судьбы трудящихся клас-

совъ»! Рѣчи отличались большой рѣзкостью. Одилонъ Барро доказывалъ, что смыслъ іюльской революціи былъ съ самаго начала извращенъ развращающей (corrupteur) общество властью, нарушившей принципъ своего существованія и ищущей своей опоры не въ благородныхъ чувствахъ, а въ обращеніи «къ низменнымъ струнамъ человѣческаго сердца». Дювержье де Гораннъ призывалъ бороться съ личной властью (gouvernement personnel) во всѣхъ видахъ и подъ всѣми названіями.

Объясняя, почему онъ самъ прежде отстаивалъ избирательный законъ 1831 г., послѣдній, между прочимъ, заявилъ: «я не учелъ въ должной мѣрѣ безчисленныя и страшныя средства, которыя централизація обезпечиваетъ коварному правительству, готовому прибѣгать къ развращающимъ пріемамъ. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ, какъ политическая мысль изсякла въ большинствѣ избирательныхъ коллегій и уступила мѣсто духу разсчета и торгашества. Я увидѣлъ, что масса избирателей смотритъ на право голоса какъ на частную собственность, и что она стремится уже не къ тому, чтобы изучить и выяснить, каковъ взглядъ ихъ депутата на государственныя дѣла, а чтобы выяснить, какія личныя услуги онъ можетъ оказать. Я видѣлъ, какъ между министромъ, и депутатомъ, съ одной стороны, между депутатомъ и избирателемъ, съ другой — образовалось, установилось своего рода товарищество на паяхъ, расходы по которому падаютъ на бюджетъ. Тогда я спросилъ себя, совершила ли Франція въ 1830 г. революцію ради такого результата?... То, чего реставрація хотѣла достигнуть угрозами и силой, теперешняя власть хочетъ достигнуть хитростью и развращеніемъ общества. Теперь не ломаютъ учрежденій—ихъ извращаютъ, не насилуютъ больше совѣсти людей—ихъ покупаютъ».

Картина развращенности правящаго класса была дополнена противоположеніемъ его и народа въ рѣчи де Бомона: «Только-что—сказалъ онъ—тутъ говорили о циничной развращенности, о постыдныхъ скандалахъ, о возмутительной безнравственности, ежедневное проявленіе которыхъ повергаетъ честныя души въ печаль и чувство омерзѣнія. Гдѣ же мы находимъ эти скандалы, эту безнравственность, эту развращенность? Находимъ ли мы ихъ въ хижинѣ бѣдняка, въ скромномъ жилищѣ рабочаго? Нѣтъ, господа; чтобы встрѣтить эти гнусности (turpitudes), приходится подняться вплоть до высшихъ властвующихъ круговъ».

Если прибавить ко всѣмъ этимъ сильнымъ и рѣзкимъ обвиненіямъ, которыя очевидно падали на весь режимъ и на самого короля, роль котораго въ развитіи іюльской монархіи ни для кого не была тайной, то обстоятельство, что вплоть до состоявшагося 7 ноября лиллькаго банкета нигдѣ ни разу не произносился тостъ за короля, а первый тостъ всегда посвящался «народному суверенитету», то становится яснымъ, какіе жестокіе удары наносила эта агитація монархическому чувству, несмотря на то и отчасти именно потому, что самыя рѣзкія рѣчи произносились монархистами. Уже послѣ перваго банкета англійскія газеты съ «Таймсомъ» во главѣ предсказывали, что Франціи предстоитъ революція. 18 іюля во время банкета, даннаго въ честь Ламартина его роднымъ городомъ Макономъ, чрезвычайно популярный поэтъ условно присоединился къ этому предсказанію. «Если—говорилъ онъ—королевская власть уединится на своей конституціонной высотѣ, если она не сольется съ духомъ и интересомъ массъ, если она окружитъ себя аристократіей избирателей, если она не станетъ вполнѣ народной, если она будетъ извращать народную волю, не рѣшаясь

выступить прямо противъ нея, и купитъ себѣ подъ названіемъ вліянія диктатуру, которая тѣмъ опаснѣе, что она куплена подъ сѣнью конституціи, если Франція будетъ вынуждена краснѣть изъ-за своихъ оффиціальныхъ пороковъ,... если она (власть) позволитъ себѣ унижать націю нечестностью государственныхъ властей,.. тогда она погибнетъ, эта королевская власть, въ этомъ вы можете быть увѣрены... И послѣ того, какъ у насъ была революція свободы и контръ-революція славы, мы имѣли бы революцію презрѣнія».

Указанія на грядущую революцію были или казались власти чрезвычайно удобнымъ средствомъ, чтобы разъединить коалицію враговъ, напугавъ наиболѣе умѣренныхъ изъ ихъ числа. На этотъ разъ, однако, средство оказалось недѣйствительнымъ — не потому, чтобы всѣ они стремились къ революціи, а потому, что почти никто не вѣрилъ въ нее. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно, что Паньерръ, по свидѣтельству Гарнье-Пажеса, сослался во время предварительныхъ переговоровъ съ либералами на полное спокойствіе страны, позволявшее прибѣгнуть къ банкетамъ, которые при болѣе взволнованномъ состояніи общества представляли бы извѣстную опасность. Видѣть въ этомъ заявленіи проявленіе необычайнаго макіавеллизма было бы совершенно несправедливо: разсужденія Паньерра отражали только упадокъ увѣренности республиканцевъ въ своихъ силахъ, который проявился во всемъ ихъ поведеніи во время агитаціи. Къ этому надо прибавить, что бойкотированіе банкетовъ крайней лѣвой успокаивало болѣе умѣренныхъ, а когда они, наконецъ, отказались отъ бойкота и начали проявлять стремленіе къ использованію банкетовъ въ своихъ интересахъ; это, правда, кой-кого испугало, но тогда было уже поздно отставать отъ разъ начатаго съ такимъ успѣхомъ дѣла, да значительная часть послѣдняго къ тому времени уже была сдѣлана: агитація уже охватила широкіе слои средней и отчасти мелкой буржуазіи, а черезъ ихъ посредство и болѣе глубокіе слои населенія [1]).

За время отъ 9 іюля до начавшейся въ самомъ концѣ года сессіи палатъ въ общей сложности состоялось свыше 70 банкетовъ въ самыхъ разнообразныхъ городахъ Франціи, и особенно Одилонъ Барро былъ неутомимъ, разъѣзжая изъ одного города въ другой и ставя свое краснорѣчіе всюду на службу движенію. Тьеръ и

---

[1]) Подписная цѣна банкета въ Chateau-Rouge доходила до 10 франковъ, что очевидно дѣлало участіе въ немъ недоступнымъ для массы. Въ провинціи подписная цѣна была, разумѣется, ниже, но и тутъ количество участниковъ было сравнительно не особенно велико: 700 въ Страсбургѣ, 800 въ Сенъ-Кантенѣ. Въ такихъ мѣстечкахъ, какъ въ Куломмье, въ ла Шаритэ на Луарѣ, въ Лудеакѣ, Конѣ, Сенъ-Марселенѣ и т. д., число участниковъ несомнѣнно было меньшимъ. Количество участниковъ на всѣхъ 70—80 банкетахъ, такимъ образомъ, едва-ли превышало 40000 человѣкъ, и большинство ихъ принадлежало, по всему вѣроятію, къ болѣе состоятельнымъ группамъ населенія, что и соотвѣтствовало буржуазному составу какъ монархической, такъ и республиканской оппозиціи. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ, что въ разныхъ ничтожныхъ мѣстечкахъ происходили политическіе банкеты, имѣлъ большое значеніе, такъ какъ онъ служилъ предметомъ живого любопытства и обсужденія и вызывалъ усиленный интересъ къ политической жизни и въ такихъ кругахъ, которые непосредственнаго участія въ банкетахъ не принимали, а это само по себѣ должно было произвести тѣмъ большее впечатлѣніе чѣмъ меньше французская провинція участвовала до тѣхъ поръ въ политической жизни.

Дюфоръ, наиболѣе видные дѣятели лѣваго центра, высказывали открыто свое сочувствіе, но отъ участія въ банкетахъ они уклонялись. Тьеръ объяснялъ это тѣмъ, что, бывъ прежде министрами, они считаютъ неудобнымъ участвовать въ собраніяхъ, гдѣ вся политика Людовика-Филиппа, и самъ онъ несомнѣнно будутъ предметомъ ожесточенныхъ нападеній. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что они желали сохранить возможность войти снова въ министерство, когда успѣхъ движенія заставитъ короля отказаться отъ «политики сопротивленія» въ духѣ Гизо.

Крайняя лѣвая постепенно приходила къ убѣжденію, что ея политика представляла крупную ошибку. По мѣрѣ того какъ банкеты, рѣчи на которыхъ перепечатывались всѣми реформистскими органами печати и массами разсылались въ отдѣльныхъ оттискахъ по всей странѣ, подымали общественное настроеніе и создавали движеніе, по размѣрамъ и глубинѣ значительно болѣе серьезное, чѣмъ движеніе 1839 и слѣдующихъ годовъ, они видѣли, что бойкотировать движеніе значитъ просто лишиться своей доли вліянія на общество и предоставить его болѣе умѣреннымъ элементамъ. «Не обращая вниманія на издѣвательства и обвиненія крайней лѣвой, радикалы-реформисты продолжали исполнять свой долгъ, и данный ими толчекъ былъ такъ силенъ, что критика, упреки, нападки главарей парижскихъ строгихъ радикаловъ не производили въ департаментахъ никакого впечатлѣнія на ихъ же друзей, которые повсемѣстно примыкали къ реформистскому движенію, входили въ коалиціонные комитеты, однимъ словомъ всѣми силами содѣйствовали успѣху открытой противъ общаго врага кампаніи. Тогда—разсказываетъ Гарнье-Пажесъ—парижскіе строгіе радикалы начали задумываться; они спрашивали себя, не вступили ли они на ложный путь; не требуетъ ли мудрость и патріотизмъ, чтобы они уступили общественному мнѣнію, которое высказывалось такъ рѣшительно; не будетъ ли скомпрометтировано ихъ вліяніе въ радикальной партіи въ случаѣ дальнѣйшаго воздержанія съ ихъ стороны. Они начали, наконецъ, серьезно опасаться, какъ бы ихъ изолированность, первоначально систематическая и добровольная, не стала скоро вынужденной и безвозвратной. Эти опасенія сдѣлали ихъ болѣе разсудительными. Послѣ того какъ Ледрю-Ролленъ и Флоконъ громко заявили, что они отказываются идти въ Chateau-Rouge, такъ какъ тамъ будутъ Одилонъ Барро и его друзья, они рѣшили принять приглашеніе на банкетъ въ Лиллѣ, гдѣ были г. Одилонъ Барро и его друзья. Несмотря на свою неожиданность, эта эволюція была, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно вполнѣ искренней. Они признали, наконецъ, свою тактическую ошибку; они хотѣли ее исправить... Но въ силу необъяснимой непослѣдовательности они продолжали покрывать оскорбленіями тѣхъ, которымъ они собирались подражать: статья, помѣщенная въ «Réforme» наканунѣ этого банкета, заставляла думать, что тотъ самый духъ примиренія, который, казалось, диктовалъ ихъ образъ дѣйствій, не вдохновлялъ ихъ мыслей».

На этой почвѣ произошло одно изъ первыхъ недоразумѣній между участниками движенія [1]). Зная объ упомянутой статьѣ и о предстоящемъ участіи Ледрю

---

[1]) Первое недоразумѣніе произошло въ Cosnes. Здѣсь нѣкоторые организаторы банкета потребовали произнесенія тоста за короля. Молодой судья Гамбонъ заявилъ протестъ и, когда послѣдній остался безъ результата, послалъ устроителямъ мотивированный

Роллена въ назначенномъ на 9 ноября лилльскомъ банкетѣ, Одилонъ Барро потребовалъ, чтобы тостъ «за избирательную и парламентскую реформу» былъ дополненъ словами «какъ за средство обезпечить чистоту и искренность іюльскихъ учрежденій». Въ этихъ словахъ содержалось формальное признаніе монархіи. Устроители банкета по справедливости не могли исполнить его требованія, такъ какъ всѣ тосты были, какъ всегда, заблаговременно установлены и приняты, и тогда Барро съ нѣкоторыми друзьями покинулъ банкетъ, оставивъ поле битвы крайней лѣвой, и отправился на банкетъ въ Авенѣ (Avesnes), гдѣ, какъ ему было извѣстно, будетъ произнесенъ тостъ за короля. Ледрю-Ролленъ, съ своей стороны, остался и произнесъ рѣчь, служившую манифестомъ вступленія крайней лѣвой въ борьбу. «Давъ картину народной нищеты и тѣхъ пороковъ, которые она порождаетъ, ораторъ требовалъ соціальныхъ законовъ, опровергая тѣхъ, кто утверждаетъ, что нравы гораздо могущественнѣе законовъ: «я отвѣчаю, съ своей стороны, что именно учрежденія создаютъ въ значительной степени доблести или пороки страны». Нынѣшніе, богатые и привилегированные депутаты не могутъ быть представителями народа. Беря самого себя за примѣръ, онъ спрашивалъ: «развѣ я когда-либо ощущалъ 48 часовъ голода? Развѣ я когда-либо видѣлъ вокругъ самого себя свою семью зимой среди четырехъ влажныхъ стѣнъ безъ хлѣба, безъ надежды имѣть его, безъ огня, безъ денегъ, чтобы уплатить за помѣщеніе, развѣ намъ когда-либо предстояло быть выброшенными на улицу, чтобы попасть оттуда въ тюрьму»? Рискнувъ упомянуть о республикѣ, Ледрю-Ролленъ показалъ, что побѣда демократіи была предсказана Шатобріаномъ, воспѣта Ламеннэ и Беранже, въ то время какъ Давидъ изъ Анжера сражался за республиканскую партію, и Ламартинъ постепенно приближался къ ней. Не началось ли волненіе и среди иностранныхъ націй, въ Швейцаріи, въ Италіи? «Итакъ, о народъ! ты, которому я желалъ бы принести въ жертву всю мою преданность и всѣ мои силы, надѣйся и вѣрь: стоя на рубежѣ двухъ эпохъ, когда твоя старинная вѣра погасла, но когда тебѣ въ то же время еще не явился новый свѣтъ, повторяй каждый вечеръ... съ религіознымъ чувствомъ безсмертный лозунгъ: свобода, равенство, братство» [1]).

Несмотря на лилльскій инцидентъ, который былъ использованъ какъ правительственной печатью, такъ и крайней лѣвой, кампанія не прерывалась, но крайняя лѣвая перестала посѣщать банкеты республиканско-монархической коалиціи и принялась за организацію своихъ собственныхъ. Тонъ рѣчей былъ здѣсь еще рѣзче, еще революціоннѣе, чѣмъ рѣчи на коалиціонныхъ банкетахъ, а провозглашаемые крайней лѣвой лозунги затрагивали все рѣшительнѣе соціальный вопросъ. Особенно большое впечатлѣніе произвели дижонскій и шалонскій банкеты. На первомъ изъ нихъ Ледрю-Ролленъ провозгласилъ себя и своихъ друзей «ультрарадикалами», а Луи Бланъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о близкомъ паденіи королевской власти: «власть, которая казалась столь сильной,—сказалъ онъ, — рушится сама собой, помимо всякаго на нее нападенія. Растлѣніе—вотъ слово, характеризующее

отъ азъ отъ участія въ банкетѣ, который былъ опубликованъ. Министерство передало его Кассаціонному суду, который устранилъ Гамбона на пять лѣтъ отъ его судейской должности. Правительственная пресса, разумѣется, попыталась раздуть это дѣло, но безуспѣшно.

[1]) G. Weill, «Histoire du parti républicain en France», 268—269.

настоящій моментъ, и каждый восклицаетъ: это не можетъ такъ продолжаться. Что принесетъ намъ завтрашній день? Господа, когда плоды сгнили, они ждутъ лишь дуновенія вѣтра, чтобы упасть съ дерева» [1])!

Рѣчи, произнесенныя 18 декабря на шалонскомъ банкетѣ, были еще болѣе выразительны. Ледрю-Ролленъ провозгласилъ тостъ за національный конвентъ и за 1793 годъ, какъ «освободителей Франціи отъ ига королевской власти». Болѣе умѣренные начали волноваться; даже Ламартинъ, издавшій недавно свою блестящую «Исторію жирондистовъ», похожую скорѣе на романъ, чѣмъ на историческій трудъ, заявилъ рѣшительный протестъ; на руанскомъ банкетѣ (25 декабря) Сенаръ предупреждалъ объ опасности, грозившей отъ извращенія всего характера агитаціи, старался успокоить буржуазію и разсѣять зарождавшійся въ ней страхъ ультра-радикальной революціи съ соціалистическимъ оттѣнкомъ. Самъ Гарнье-Пажесъ и умѣренные республиканцы сочли нужнымъ «отстаивать, защитить и провозгласить ту твердую и умѣренную, примирительную и рѣшительную политику», которой они все время держались, и призвать всѣхъ гражданъ къ единенію «на почвѣ нравственности и чести» противъ политики іюльской монархіи, старавшейся посѣять раздоры между классами и противъ призывовъ крайней лѣвой къ классовой ненависти.

Во всякомъ случаѣ, теперь ужъ было поздно. Волненіе, охватившее общество, проникало все глубже. Во время сессіи департаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и сенскій, уже высказались за реформу. Частичные выборы депутатовъ въ Флоракѣ, въ Тулузѣ, въ Дьеппѣ, въ Рошфорѣ кончились пораженіемъ министерства. Дювержье де Гораннъ былъ правъ, когда говорилъ въ Руанѣ: «либо правительство уступитъ, тогда мы создали безъ боя и катастрофы представительную систему; либо правительство будетъ сопротивляться, тогда вся Франція выступитъ противъ него».

Руанскій банкетъ состоялся за три дня до открытія парламентской сессіи (28 декабря), и съ наступленіемъ ея предстоялъ перерывъ агитаціи. Предполагалось закончить ее новымъ банкетомъ въ Парижѣ, но организовать его до начала засѣданій палатъ не удалось, и вопросъ объ его устройствѣ,—вопросъ, послужившій, въ концѣ концовъ, поводомъ для революціи, былъ отложенъ.

Спрашивалось, какъ отнесется правительство къ агитаціи, измѣнитъ ли оно высказанное имъ во время предыдущей сессіи мнѣніе, будто вопросъ о реформѣ не интересуетъ страны, или оно останется на своей точкѣ зрѣнія? А такъ какъ надеждъ на уступчивость короля и министерства Гизо въ сущности не было, то спрашивалось, какъ отнесутся палаты и въ частности палата депутатовъ къ дѣлу, удастся ли Гизо сохранить свое послушное большинство, или оно измѣнитъ ему и тѣмъ самымъ сдѣлаетъ реформу неизбѣжной? Спрашивалось, наконецъ, что будетъ, если и министерство и палата останутся вѣрны своимъ олигархическимъ тенденціямъ, отвергнутъ реформу и, быть-можетъ, постараются сдѣлать дальнѣйшую агитацію невозможной? Проникся ли народъ сознаніемъ важности вопроса? Поддержитъ ли онъ оппозицію противъ власти? Произойдетъ ли революція, и каковъ будетъ ея характеръ и результатъ?

[1]) Луи Бланъ, «Исторія революціи 1848 г.», стр. 57.

ГЛАВА II.

Парламентская сессія и вопросъ о банкетѣ въ XII округѣ Парижа.

§ 1. Отношеніе правительства и палатъ къ реформѣ.

Кампанія въ пользу реформы была окончена. Предстояло оцѣнить ея значеніе и принять въ зависимости отъ этого тѣ или иныя рѣшенія.

Лишь очень немногіе оказались способными понять значеніе совершающагося. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ Токвиль. Еще въ октябрѣ онъ собрался съ нѣсколькими друзьями, чтобы обсудить свое поведеніе во время ближайшей сессіи. Было рѣшено опубликовать политическую программу въ формѣ манифеста къ населенію, и составленіе ея было поручено Токвилю. Впослѣдствіи мысль о манифестѣ была оставлена, но Токвиль уже успѣлъ его составить и сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующую выдержку изъ него: «Наступаетъ время, когда страна снова будетъ раздѣлена между двумя большими партіями. Французская революція, которая упразднила всѣ привилегіи и уничтожила всѣ монополіи, повсемѣстно оставила въ силѣ одну, право собственности... Пока право собственности было лишь источникомъ и основой многихъ другихъ правъ, оно защищалось безъ труда, или вѣрнѣе оно не подвергалось нападеніямъ; оно представляло тогда какъ бы крѣпостную ограду общества, всѣ остальныя права коего были его передовыми верками; удары не доходили до него... Но въ настоящее время, когда право собственности является лишь послѣднимъ остаткомъ разрушеннаго аристократическаго міра, когда оно одно осталось въ силѣ, какъ изолированная привилегія среди нивелированнаго общества, когда оно не скрывается болѣе за многими другими, болѣе спорными и болѣе ненавистными правами, положеніе измѣнилось; въ настоящее время ему одному приходится выдерживать каждый день непосредственное и постоянное столкновеніе съ демократическими взглядами. Скоро возгорится политическая борьба между тѣми, кто обладаетъ имуществомъ, и тѣми, кто имъ не обладаетъ; великимъ полемъ битвы будетъ собственность, и основные вопросы политики будутъ вращаться вокругъ болѣе или менѣе глубокихъ измѣненій правъ собственниковъ. Тогда мы снова увидимъ большія общественныя агитаціи и большія партіи. Какъ объяснить, что предвѣстники этого будущаго не поражаютъ всѣхъ взглядовъ? Неужели думаютъ, что лишь случайно и подъ вліяніемъ преходящаго каприза человѣческаго ума со всѣхъ сторонъ появляются странныя доктрины, носящія разныя имена, но основной характеръ коихъ всегда заключается въ отрицаніи права собственности, доктрины, которыя всегда стремятся къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, ограничить, уменьшить, ослабить его осуществленіе? Кто не узнаетъ въ этомъ послѣдняго симптома старой демократической болѣзни нашего времени, критическій моментъ коей, быть-можетъ, приближается»?

Почти одновременно съ Токвилемъ другой тонкій наблюдатель, нѣмецкій ученый Лоренцъ фонъ Штейнъ, спеціально изучавшій соціалистическія и коммунистическія теченія въ жизни французскаго общества и выпустившій въ 1847 г. второе изданіе своего капитальнаго изслѣдованія о нихъ, весьма опредѣленно предсказывалъ характеръ грядущей революціи. «Я не затрудняюсь высказать мнѣніе, которое многимъ, быть-можетъ, покажется рискованнымъ, — писалъ онъ въ предисловіи къ своему труду.—Во Франціи время чисто-политическихъ движеній прошло. Подготовляется иное движеніе, не менѣе серьезное и могучее. Какъ въ концѣ прошлаго вѣка одно сословіе народа возстало противъ государства, такъ теперь одинъ классъ мечтаетъ о томъ, чтобы произвести переворотъ общественнаго строя, и слѣдующая революція теперь уже можетъ быть только соціальной», т.-е. революціей, направленной къ тому, чтобы подчинить государственную власть соціальнымъ интересамъ побѣдоноснаго класса.

Подавляющее большинство политическихъ дѣятелей эпохи не замѣтило, однако, вовсе того факта, на который обратили вниманіе Токвиль и Штейнъ. За исключеніемъ самихъ соціалистовъ, число которыхъ было очень незначительно [1]), всѣ остальные, не исключая и людей типа Ледрю-Роллена были очень далеки отъ мысли, чтобы данному общественному строю могла грозить серьезная опасность: наиболѣе радикальные изъ нихъ стремились къ революціи не для того, чтобы коренным образомъ реорганизовать общественный строй, а для того, чтобы привести полуаристократическій государственный строй въ соотвѣтствіе съ вполнѣ демократическимъ, по ихъ мнѣнію, общественнымъ строемъ. Всѣхъ ихъ, начиная отъ самыхъ умѣренныхъ либераловъ и кончая «строгими радикалами», объединяло одинаковое уваженіе къ принципу частной собственности, этому «основанію нравственности», по выраженію Ледрю-Роллена. Отношеніе ихъ къ послѣдствіямъ режима частной собственности и къ свободной конкуренціи, правда, не было одинаково: либералы считали частную собственность безусловно изъятой изъ вѣдѣнія государства и полагали, что всякое покушеніе на свободную конкуренцію, начиная отъ стачекъ, которыя они толковали какъ нарушеніе свободы договоровъ между отдѣльнымъ фабрикантомъ и отдѣльнымъ рабочимъ и кончая государственнымъ вмѣшательствомъ, представляетъ попытку нарушить естественныя условія и законы развитія хозяйственной жизни націи, а по сему должно быть признано безусловно и только вреднымъ [2]). Ледрю-Ролленъ и его группа стояли, наоборотъ, за самое энергичное вмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія между работодателемъ и рабочимъ и вообще за широкое соціальное законодательство. Умѣренные республиканцы занимали среднее положеніе между этими двумя группами: часть ихъ тяготѣла больше къ либеральнымъ воззрѣніямъ, часть, наоборотъ, къ воззрѣніямъ крайней лѣвой. Всѣхъ ихъ объединяло, однако, рѣшительно отрицательное отношеніе къ собственно

---

[1]) По словамъ полицейскаго агента де ла Годда, спеціально слѣдившаго за тайными обществами, къ 1848 г. оранизованныхъ сторонниковъ соціальнаго переворота было всего 1500 человѣкъ, а именно 600 членовъ общества временъ года, 500 союза коммунистовъ, 400 икарійцевъ, т.-е. сторонниковъ Кабэ, отрицавшаго политическую дѣятельность.

[2]) Вотъ почему даже умѣренный законъ 1840 г. объ ограниченіи дѣтскаго труда встрѣтилъ среди нихъ не мало возраженій и остался практически мертвой буквой.

соціалистическимъ идеямъ, причемъ рѣшающее значеніе имѣло не сомнѣніе въ ихъ осуществимости или отрицаніе ея, а отсутствіе яснаго представленія о тѣсной связи соціальнаго вопроса именно съ режимомъ частной собственности и убѣжденіе въ абсолютной необходимости послѣдней.

Такое отношеніе республиканцевъ, особенно отношеніе умѣренныхъ республиканцевъ, къ соціальному вопросу имѣло большое значеніе для успѣха поднятой при ихъ дѣятельномъ участіи агитаціи и для успѣха самой революціи. Еще въ 1835 году легитимистъ де Карно въ статьѣ «О демократіи и республиканской школѣ» предсказывалъ, что, если демократической партіи не удалось основать республику, то это можетъ удаться республиканской буржуазіи, что республика возникнетъ скорѣе благодаря приверженцамъ газеты «Constitutionnel» и «Siècle» (умѣренныхъ), чѣмъ благодаря сторонникамъ радикальнаго (въ тѣ годы) «National» или «Tribune». Въ этомъ замѣчаніи, несмотря на кажущуюся странность, заключалась большая доля истины. Само собой разумѣется, что безъ поддержки популярныхъ среди городскихъ массъ крайнихъ радикаловъ умѣренное движеніе оказалось бы безсильнымъ. Но, съ другой стороны, опытъ тридцатыхъ годовъ показалъ, что безъ поддержки умѣренной оппозиціи безсильны и радикалы. Революціонное движеніе только тогда можетъ имѣть успѣхъ, когда сила существующей государственной организаціи парализуется проникновеніемъ не только недовольства, но и прямого сочувствія къ движенію въ ея собственную среду. Чѣмъ умѣреннѣе поэтому будетъ наиболѣе правая изъ сочувствующихъ движенію группъ, тѣмъ большее количество сочувствующихъ будетъ стоять за всѣмъ движеніемъ, тѣмъ болѣе изолированнымъ будетъ положеніе защитниковъ стараго строя. А для этого нужно, чтобы въ сознаніи умѣренныхъ группъ общества преобладало представленіе объ общности ихъ интересовъ съ крайними лѣвыми, а не представленіе о моментахъ ихъ разъединяющихъ, или, что то же, чтобы умѣренныя группы были субъективно увѣрены въ фактическомъ безсиліи ультрарадикальныхъ, съ ихъ точки зрѣнія, теченій. Въ противномъ случаѣ, если данное движеніе выкинетъ слишкомъ радикальное знамя, или если силы его крайняго лѣваго крыла будутъ казаться очень значительными, а, слѣдовательно, близкій успѣхъ ихъ возможнымъ, движеніе окажется неминуемо безсильнымъ, ибо всѣ умѣренные элементы или значительная часть ихъ либо откажутъ имъ въ своемъ сочувствіи и хотя бы моральномъ содѣйствіи, либо встанутъ во враждебное къ нему положеніе и тѣмъ самымъ поддержатъ защитниковъ стараго строя, либо, наконецъ, вступятъ въ ряды этихъ защитниковъ. А при такихъ условіяхъ успѣхъ революціоннаго движенія, зависящій всегда, въ конечномъ итогѣ, отъ моральнаго состоянія общества, представляется немыслимымъ, такъ велика сила инерціи, заключающаяся въ могучей государственной организаціи современныхъ европейскихъ странъ.

Вотъ почему можно сказать, что умѣренность парламентскихъ радикаловъ-реформистовъ и кажущееся безсиліе крайней лѣвой [1]) имѣли рѣшающее значеніе въ приближавшемся конфликтѣ съ властью. Никакая пропасть не отдѣляла Одилона Барро

[1]) Безсиліе крайней лѣвой признавалось несомнѣннымъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣднее возстаніе 1839 года окончилось такимъ жалкимъ результатомъ, послѣ чего всѣ крупные вожди революціонно-конспиративнаго движенія очутились въ тюрьмѣ.

и даже Тьера отъ Гарнье-Пажеса или Паньерра, и всѣ они одинаково не видѣли громадной опасности, грозившей опять-таки всѣмъ имъ отъ постепеннаго проникновенія разныхъ обрывковъ соціалистическихъ идей въ рабочую массу. А король, Гизо и та олигархія, на которую они опирались, относились, по той же причинѣ, безусловно пренебрежительно ко всему оппозиціонному движенію вообще и были готовы привѣтствовать позднее выступленіе крайней лѣвой, полагая, что оно разобьетъ единство оппозиціи, и не понимая, что оно, съ одной стороны, обезпечиваетъ движенію не только сочувствіе, но и активное содѣйствіе народныхъ массъ Парижа и другихъ городовъ, и что, съ другой стороны, оно, при данномъ возбужденіи именно умѣренныхъ слоевъ, раньше всего вступившихъ въ движеніе, не успѣетъ расколоть ихъ настолько скоро, какъ это желательно для власти. Не отдавая себѣ отчета въ этомъ фактѣ, власть руководилась при своемъ упорномъ сопротивленіи болѣе или менѣе сознательнымъ убѣжденіемъ, что нельзя вызвать народнаго движенія вопросомъ объ избирательной реформѣ въ духѣ Барро, и что безъ народной поддержки оппозиція будетъ безсильна и потерпитъ полное пораженіе.

Центръ тяжести всего положенія заключался поэтому, съ точки зрѣнія власти, въ настроеніяхъ и рѣшеніяхъ палаты депутатовъ. Въ ней предстояло генеральное сраженіе съ оппозиціей, и король счелъ нужнымъ обратиться къ самой тяжелой артиллеріи, дабы поставить палату въ необходимость дать оппозиціи рѣшительный отпоръ. Гизо раздѣлялъ вполнѣ его точку зрѣнія, но онъ видѣлъ, что даже при королевскомъ дворѣ, даже въ семьѣ короля «политика сопротивленія» встрѣчаетъ рѣшительное неодобреніе, и пожелалъ поэтому выяснить положеніе. Недовольство существующимъ положеніемъ проникло дѣйствительно и въ королевскую семью. Вдова старшаго сына короля и мать презумптивнаго наслѣдника престола, графа Парижскаго, герцогиня Орлеанская, жаловалась въ частномъ письмѣ «на неуваженіе, которому подвергаются высшіе классы, всеобщее отчужденіе среднихъ классовъ и на своего рода неопредѣленное отвращеніе, охватившее всѣхъ», и заявляла, что «страна нуждается въ встряскѣ». Сынъ короля, герцогъ Жуанвильскій, писалъ о томъ же еще 7 ноября 1847 года своему брату, будущему регенту, герцогу Немурскому, въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ: «Я смущенъ всѣми событіями, которыя накопляются со всѣхъ сторонъ. Я начинаю питать серьезныя опасенія... Король непоколебимъ, онъ не выслушиваетъ больше никакихъ совѣтовъ. Ему нужно, чтобы его воля побѣждала все... То, что я считаю большой угрожающей намъ опасностью, это вліяніе, которое отецъ оказываетъ на все,—вліяніе, настолько непоколебимое, что если какой-нибудь... государственный дѣятель не сможетъ его побѣдить, то ему остается только самоубійство (намекъ на самоубійство французскаго посланника въ Неаполѣ Брессона). Мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы въ палатѣ въ нынѣшнемъ году дебаты не коснулись этого ненормальнаго положенія, которое затемнило конституціонную фикцію и вмѣшало особу короля во всѣ вопросы. Министровъ больше нѣтъ; ихъ отвѣтственность равна нулю. Король достигъ такого возраста (ему было 74 года), когда больше не выслушиваютъ замѣчаній: онъ привыкъ править. Онъ любитъ править. Онъ любитъ показывать, что править именно онъ; его громадный опытъ его храбрость и всѣ его крупныя качества приводятъ къ тому, что онъ смѣло встрѣчаетъ опасность; но опасность, тѣмъ не менѣе, существуетъ. Въ нынѣшнемъ году,

я думаю, больше чѣмъ когда-либо, будетъ обращено вниманіе на это ложное положеніе: скажутъ, что конституціонная форма правленія установлена именно для того, чтобы избѣжать альтернативы слишкомъ молодыхъ или слишкомъ старыхъ королей, чтобы ослабить чрезмѣрный пылъ сувереновъ или восполнить то, что имъ недостаетъ въ этомъ отношеніи. Въ настоящемъ случаѣ мы нуждаемся и въ томъ и въ другомъ, но ни того, ни другого у насъ нѣтъ. Наше положеніе не важно. Внутри страны состояніе нашихъ финансовъ послѣ 17 лѣтъ мира не блестящее. Внѣ ея, гдѣ мы имѣли бы возможность искать кой-какіе случаи удовлетворить самолюбіе нашей страны... и отвлечь ея вниманіе отъ болѣе серьезныхъ золъ, мы также не блещемъ.

Мы явимся передъ палатами съ отвратительнымъ внутреннимъ и нелучшимъ внѣшнимъ положеніемъ. Все это дѣло рукъ самого короля, результатъ старческаго возраста короля, который хочетъ править, но которому не хватаетъ силъ принять мужественное рѣшеніе. Самое худшее, это то, что я не вижу выхода. Что дѣлать и что сказать относительно нашихъ внутреннихъ дѣлъ, когда будетъ выяснено наше плохое денежное положеніе? Что дѣлать, чтобы поднять наше внѣшнее положеніе и слѣдовать линіи поведенія, которая соотвѣтствовала бы вкусу нашей страны?.. Я питалъ прежде надежду, что Италія (въ которой революціонное движеніе началось уже съ 1846 г.) могла бы обезпечить намъ тотъ деривативъ, ту встряску, въ которой мы такъ нуждаемся; но теперь слишкомъ поздно, битва здѣсь проиграна. Мы ничего не можемъ здѣсь сдѣлать безъ содѣйствія англичанъ (ст. которыми отношенія испортились, начиная съ того же 1846 г. вслѣдствіе заключенныхъ по династическимъ соображеніямъ испанско-французскихъ браковъ), а каждый день, дающій имъ возможность усилить свое вліяніе, отбрасываетъ насъ по необходимости въ противоположный лагерь. Намъ остается лишь удалиться оттуда, ибо, оставаясь (въ занятой въ 1832 г. Анконѣ), мы неизбѣжно будемъ доведены до совмѣстныхъ дѣйствій съ ретроградной партіей, что вызвало бы во Франціи роковое впечатлѣніе. Я резюмирую: во Франціи финансы въ полномъ разстройствѣ, внѣ ея намъ предстоитъ только выборъ между извиненіями передъ Пальмерстономъ по поводу Испаніи и соглашеніемъ съ Австріей для жандармской службы въ Швейцаріи и борьбы противъ нашихъ же принциповъ и нашихъ естественныхъ союзниковъ въ Италіи. Все это приписывается королю, одному королю, который извратилъ наши конституціонныя учрежденія. Я нахожу это очень серьезнымъ, такъ какъ опасаюсь, что вопросы о министрахъ и портфеляхъ будутъ оставлены въ сторонѣ, а это большая опасность, разъ народное собраніе (une assemblee populaire) начинаетъ обсуждать принципіальные вопросы при наличности плохого положенія страны. Если бы еще можно было найти какое-нибудь благопріятное событіе, какое-нибудь дѣло, которое можно было живо двинуть и которое своимъ успѣхомъ могло бы нѣсколько объединить нашихъ сторонниковъ, тогда еще были бы на лицо шансы выиграть битву; но я не вижу такого дѣла. Ты простишь мнѣ это письмо, но мы нуждаемся въ томъ, чтобы чувствовать живую связь между нами. Ты мнѣ простишь то, что я говорю про отца; я это говорю тебѣ одному. Ты знаешь мое уваженіе и мою привязанность къ нему; но я не могу не бросить взгляда на будущее, и оно меня нѣсколько пугаетъ».

«Оппозиція не говорила ничего болѣе яснаго, ничего болѣе опредѣленнаго», замѣчаетъ Гарнье-Пажесъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ по поводу этого крайне

интереснаго письма, одинаково характернаго и въ смыслѣ критики положенія и въ смыслѣ отсутствія пониманія, что именно въ избирательной реформѣ и заключалось средство объединить снова сторонниковъ монархіи. Впрочемъ, даже если бы принцъ указалъ своему отцу на необходимость реформы, это было бы безполезно: попытки его ближайшихъ друзей, графа Монталивэ, дѣйствовавшаго согласно желанію королевы, маршаловъ Жерара и Себастіани, сестры короля, принцессы Аделаиды, все оказалось безполезнымъ.

Вотъ условія, при которыхъ Гизо пожелалъ узнать мнѣніе короля относительно избирательной реформы. «Пусть король—сказалъ онъ ему, по его собственнымъ словамъ,—соблаговолитъ подумать серьезно о реформѣ; положеніе серьезно, и могутъ потребоваться важныя рѣшенія; вожаки успѣли сообщить этому вопросу объ избирательной и парламентской реформѣ значеніе, котораго онъ самъ по себѣ не имѣетъ, но которое стало реальнымъ при наличномъ состояніи умовъ; не невозможно, что король будетъ вынужденъ сдѣлать въ этомъ отношеніи какую-либо уступку». «Вы прекрасно знаете, мой дорогой министръ,—отвѣчалъ ему король,—что я безусловно рѣшилъ оставаться въ рамкахъ конституціоннаго режима и принять вытекающія изъ него, хотя бы и непріятныя, но необходимыя послѣдствія; но сегодня нѣтъ конституціонной необходимости уступить; вы всегда имѣли большинство; кому бы я уступилъ, мѣняя сегодня моихъ министровъ? Я уступилъ бы не палатамъ и не ясному и правильно выраженному желанію странѣ; я уступилъ бы манифестаціямъ, лишеннымъ иного авторитета, кромѣ настроенія тѣхъ, кто имъ предается, я уступилъ бы шуму, въ основѣ котораго очевидно имѣются дурные планы. Нѣтъ, мой дорогой министръ, если конституціонный режимъ потребуетъ, чтобы я разошелся съ вами, то я повинуюсь моему конституціонному долгу; но я не принесу этой жертвы въ кредитъ и изъ снисхожденія къ идеямъ, которыхъ я не одобряю. Оставайтесь со мной, защищайте до конца политику, которую мы оба считаемъ правильной; если насъ принудятъ оставить ее, пусть тѣ, которые принудятъ насъ къ этому, несутъ одни отвѣтственность».—«Я не колеблюсь, государь;—отвѣтилъ съ своей сторонѣ Гизо, — я счелъ своимъ долгомъ обратить вниманіе короля на серьезность положенія; кабинетъ тысячу разъ предпочелъ бы удалиться, чѣмъ скомпрометтировать короля; но кабинетъ его не покинетъ».

Жребій былъ такимъ образомъ брошенъ, и тронная рѣчь, которою король лично открылъ 28 декабря 1847 г. сессію палатъ, не оставляла никакихъ сомнѣній относительно твердой рѣшимости власти оставить «политику сопротивленія» въ силѣ. Упомянувъ о томъ, что Франція благополучно пережила тяжелый неурожай 1847 г. и сопровождавшій его торгово-промышленный кризисъ, перечисливъ законодательныя мѣры, которыя подлежали обсужденію палатъ, и указавъ на добрыя отношенія къ иностраннымъ державамъ, король въ заключеніе прочиталъ слѣдующія знаменательныя слова:

«Господа, чѣмъ болѣе возрастаетъ число моихъ лѣтъ, съ тѣмъ большей преданностью я посвящаю Франціи, заботамъ объ ея интересахъ, объ ея достоинствѣ, объ ея счастьѣ всю активность и силу, которыя Богъ мнѣ далъ и еще сохраняетъ за мной. Среди агитаціи, которую возбуждаютъ враждебныя или слѣпыя страсти, меня воодушевляетъ и поддерживаетъ одно убѣжденіе, а

именно, что въ лицѣ конституціонной монархіи, въ лицѣ единенія великихъ государственныхъ учрежденій, мы обладаемъ самыми вѣрными средствами, дабы преодолѣть всѣ препятствія и удовлетворить всѣ моральные и матеріальные интересы нашего дорогого отечества. Сохранимъ твердо, согласно хартіи, соціальный порядокъ и всѣ условія его существованія; обезпечимъ съ полной вѣрностью, согласно хартіи, общественныя вольности и полное ихъ развитіе. Передадимъ непарушимо поколѣніямъ, которыя придутъ послѣ насъ, тотъ кладъ, который намъ ввѣренъ, и они насъ благословятъ за то, что мы основали и защитили зданіе, подъ сѣнью котораго они будутъ жить, счастливые и свободные» [1]).

Рѣзкость тона тронной рѣчи была еще подчеркнута оффиціозными комментаріями къ ней. «Revue des deux mondes» въ своемъ нумерѣ отъ 1 января 1848 г. сочла нужнымъ подчеркнуть, что партія, на которую опирается Гизо, есть не что иное, какъ «партія короля и конституціи», и заканчивала свою статью словами: «вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ вожди династической оппозиціи позволяютъ безнаказанно влачить въ республиканской грязи династію и хартію и позорно прикрываютъ своимъ знаменемъ знамя враговъ конституціи, и имъ нельзя сказать, что они слѣпы»! А «Journal des Débats» въ тотъ же день приглашало правительство къ самой рѣшительной борьбѣ съ оппозиціей: «идите призраку навстрѣчу, онъ исчезнетъ; бѣгите передъ нимъ, онъ вырастетъ до небесъ».

Оппозиція была, разумѣется, возмущена тронной рѣчью. Особенно недовольны были лѣвый центръ и династическая лѣвая: обвиненные передъ всей страной не во враждебности, а въ слѣпотѣ, они усматривали въ этомъ намѣренное оскорбленіе, пренебрежительное осужденіе ихъ политической близорукости. Никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что предстоятъ исключительно горячіе дебаты при обсужденіи отвѣтнаго адреса палаты. Начало дебатовъ было назначено на вторую половину января, и еще до этого въ республиканскомъ «National» появилось разоблаченіе новаго случая позорныхъ денежныхъ дѣлъ, которыми правительство старалось обезпечить себѣ большинство, разоблаченіе, надѣлавшее тѣмъ больше шума, что дѣло касалось самого министра президента, т.-е. Гизо. Сущность этого грязнаго дѣла заключалась въ томъ, что нѣкій Пти былъ назначенъ сборщикомъ податей въ Корбейлѣ за то, что побудилъ одного чиновника счетной палаты и одного депутата за извѣстное вознагражденіе отказаться отъ своихъ мѣстъ, которыми министерство хотѣло вознаградить чьи-то услуги. Въ устройствѣ этого дѣла участвовалъ не только начальникъ кабинета Гизо, но и самъ Гизо.

Весьма естественно, что это дѣло, свидѣтельствовавшее о томъ, что даже Гизо, всегда разыгрывавшій строгаго Катона, не брезгаетъ прибѣгать къ самымъ сомнительнымъ средствамъ, лишь бы обезпечить своей политикѣ большинство въ палатѣ, и дававшее яркую иллюстрацію моральной цѣнности этого парламентскаго большинства, произвело громадное впечатлѣніе,—впечатлѣніе гораздо большее, чѣмъ

---

[1]) Текстъ тронной рѣчи приведенъ цѣликомъ въ недавно переведенной книгѣ Даніеля Стерна (графини д'Агу), «Исторія революціи 1848 г.», одномъ изъ наилучшихъ трудовъ по этой эпохѣ.

какое оно заслуживало, по сравненію со многими другими дѣлами того же рода [1]). Это впечатлѣніе проявилось даже въ самой палатѣ пэровъ, когда она приступила къ обсужденію отвѣтнаго адреса: членъ ея де Буасси выразилъ желаніе, «чтобы министерство перешло съ этихъ скамеекъ на скамью подсудимыхъ». Тѣмъ не менѣе, отвѣтный адресъ, парафразировавшій по обыкновенію тронную рѣчь и усвоившій себѣ выраженія о «враждебныхъ и слѣпыхъ страстяхъ» [2]), былъ принятъ палатой безъ особенныхъ преній большинствомъ 144 голосовъ противъ 43.

Но вотъ начались 21 января дебаты въ палатѣ депутатовъ, также уже успѣвшей оказать правительству услугу утвержденіемъ одного спорнаго избранія, въ которомъ тоже былъ замѣшанъ довольно грязный денежный вопросъ [3]). Одилонъ Барро изложилъ «дѣло Пти» со всѣми подробностями и потребовалъ объясненій, которыя Гизо былъ вынужденъ дать самъ. Рѣчь его была построена искусно, но не опровергла предъявленнаго обвиненія. Онъ долженъ былъ признать самый фактъ, но ссылался въ свою защиту на то, что допущенные имъ «достойные сожалѣнія пріемы», которые онъ называлъ въ то же время «ничтожными фактами», не представляютъ новости, что они практикуюся вотъ ужъ тридцать лѣтъ и могутъ быть объяснены «старыми традиціями и отчасти вліяніемъ дѣйствующихъ законовъ». «Но не думайте, что я хочу этимъ хвастаться—продолжалъ онъ.—Я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы установить и подтвердить самый фактъ. Я не отдѣлываюсь уловками и могу только привѣтствовать развитіе воспріимчивости и нравственной требовательности палаты и страны. Я не только не выражу никакого сожалѣнія, а буду радоваться тому, что общественная совѣсть становится съ каждымъ днемъ болѣе строгой и требовательной». Въ связи съ этимъ онъ увѣрялъ, что за послѣдніе два года такіе факты болѣе не повторяются, и упомянулъ о внесенномъ по его иниціативѣ законопроектѣ противъ продажности государственныхъ должностей. Въ заключеніе онъ говорилъ въ весьма приподнятомъ тонѣ о своей личной неподкупности и заявилъ, что выйдетъ въ отставку, если только палата выскажетъ министерству какое-либо порицаніе по данному вопросу.

Заявленіе, что такого рода дѣла соотвѣтствовали давнишней практикѣ, не могло остаться безъ отвѣта со стороны бывшихъ министровъ, и одинъ за другимъ графъ Молэ, Пасси, д'Аргу, Тьеръ и Дюфоръ заявили возмущенный протестъ противъ этой «клеветы», а Дюфоръ протестовалъ противъ того, что министръ осмѣливается называть случаи «политическаго подлога и симоніи ничтожными фактами». Борьба нынѣшнихъ и бывшихъ слугъ іюльской монархіи, изъ коихъ послѣдніе, быть-можетъ, были не такъ чисты, какъ они утверждали, доставляла оппозиціи прекрасный матеріалъ, и Одилонъ Барро могъ безнаказанно бросить Гизо жестокое оскорбленіе: «я давно уже чувствую,—заявилъ онъ,—что мы совершенно

---

[1]) Любопытно, что Гизо не говоритъ ни слова объ этомъ дѣлѣ въ своихъ мемуарахъ.

[2]) Предложеніе де Буасси объ исключеніи этихъ словъ было отвергнуто.

[3]) Префектъ департамента верхней Луары использовалъ деньги, собранныя по подпискѣ для благотворительной цѣли, для обезпеченія избранія угоднаго министерству кандидата Ришона де Брю, т.-е. совершилъ несомнѣнную растрату.

не понимаемъ другъ друга въ политикѣ, но я думалъ, что въ дѣлахъ чести мы стоимъ еще на одной точкѣ зрѣнія».

Несмотря на крайне незавидное положеніе министерства, глава котораго былъ прямо названъ «Тартюффомъ политической честности», большинство осталось ему вѣрнымъ: мотивированный переходъ къ дѣламъ, содержавшій рѣзкое осужденіе его дѣйствій, былъ отвергнутъ большинствомъ 225 голосовъ противъ 145, послѣ чего былъ принятъ другой переходъ къ дѣламъ, выражавшій министерству довѣріе палаты. Симптоматическое значеніе имѣлъ, однако, тотъ фактъ, что около 20 членовъ большинства воздержались отъ голосованія, не желая одобрить дѣйствій министра отклоненіемъ направленнаго противъ него предложенія.

Тѣмъ не менѣе, непріятный для министерства инцидентъ былъ, такимъ образомъ, исчерпанъ. Еще труднѣе было его положеніе, когда начались дебаты объ отвѣтномъ адресѣ, во время которыхъ вся политика правительства подвергалась обсужденію.

Вопросъ, произведшій наибольшее впечатлѣніе на палату, касался государственныхъ финансовъ, при выясненія печальнаго состоянія которыхъ Тьеръ проявилъ все свое изумительное знаніе дѣла, невольно импонировавшее большинству и ставившее министерство въ крайне трудное положеніе. «Несомнѣнно,—говорилъ онъ—я принадлежу къ самой рѣшительной оппозиціи, но я не собираюсь совершить сейчасъ оппозиціонный актъ; я собираюсь сказать вамъ правду, знать которую во всемъ ея объемѣ вамъ необходимо, ибо только изъ этой правды можетъ возникнуть то чувство, которое можетъ спасти наши финансы. Если мы еще долго будемъ продолжать въ томъ же родѣ (этого можно опасаться, судя, по словамъ докладчика, по дѣламъ бюджета и по словамъ министра финансовъ), не измѣняя нашего поведенія, то, будьте увѣрены въ этомъ, наше финансовое положеніе грозитъ катастрофой». Давъ чрезвычайно обстоятельный и пессимистическій обзоръ положенія, онъ резюмировалъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: «обыкновенный бюджетъ, сводящійся къ дефициту, оплачиваемому ежегодно изъ суммъ амортизаціоннаго капитала, коими слѣдовало бы покрывать чрезвычайный бюджетъ; чрезвычайный бюджетъ, покрываемый вслѣдствіе этого суммами амортизаціоннаго капитала, имѣющими поступить въ будущемъ, а пока неконсолидированнымъ долгомъ; наконецъ, неконсолидированный долгъ, уменьшаемый отъ времени до времени займомъ, выходящимъ изъ границъ благоразумія и осторожности,—такова картина финансоваго положенія». Вопреки утвержденію министровъ, будто неконсолидированный долгъ доходитъ лишь до 623 милліоновъ франковъ, Тьеръ съ цифрами въ рукахъ доказывалъ, что онъ превышаетъ даже эту громадную сумму на 150 слишкомъ милліоновъ, доходя на самомъ дѣлѣ до суммы въ 750—800 милліоновъ, а Гарнье-Пажесъ прибавилъ къ этому сумму въ 289 милліоновъ франковъ вкладовъ въ сберегательныя кассы, коими въ случаѣ нужды правительство всегда могло распорядиться и распоряжалось, но которыя въ любой моментъ могли быть потребованы вкладчиками обратно.

Рѣчь Тьера произвела огромное впечатлѣніе на биржу, всѣ фонды и особенно гарантированные правительствомъ желѣзнодорожные фонды, испытали немедленное пониженіе: опасенія грядущей финансовой катастрофы получили широкое распростране-

ніе, ослабляя довѣріе всѣхъ имущихъ классовъ къ правительству. «Какое наслѣдіе оставите вы странѣ?—спрашивалъ «National» министровъ.—Гдѣ послѣдній предѣлъ примѣняемой вами системы? Приходится произнести это слово. Это—банкротство. Если такъ будетъ продолжаться, то нѣтъ другого выхода, какъ банкротство мирнымъ путемъ,—банкротство, какъ почти неизбѣжный результатъ этой политики общественнаго порядка»!

За дебатами по финансовому вопросу послѣдовали дебаты по вопросу о внѣшнихъ дѣлахъ, гдѣ опять-таки выступилъ Тьеръ, а на ряду съ нимъ Ламартинъ. Ламартинъ упрекалъ правительство за то, что со времени сближенія съ Испаніей и охлажденія отношеній къ Англіи «Франція вопреки своимъ традиціямъ и вопреки всѣмъ своимъ интересамъ является гибеллинской въ Римѣ, клерикальной въ Бернѣ, австрійской въ Пьемонтѣ, русской въ Краковѣ, французской нигдѣ и всюду контръ-революціонной», а Тьеръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ всталъ открыто на сторону революціонной идеи какъ въ Европѣ, такъ въ частности во Франціи: «Я не радикалъ,—воскликнулъ онъ, раззадоренный тѣмъ, что Гизо сослался противъ его упрековъ въ качествѣ оппозиціоннаго депутата на его же дѣйствія въ качествѣ министра въ 1836 г.—я не радикалъ; господа радикалы хорошо это знаютъ, и достаточно почитать ихъ газеты, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но поймите хорошенько мое чувство. Я принадлежу къ партіи революціи, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ. Я желалъ бы, чтобы правительство революціи осталось въ рукахъ умѣренныхъ людей. Я сдѣлаю, что возможно, чтобы оно осталось въ ихъ рукахъ. Но, если это правительство перейдетъ въ руки менѣе умѣренныхъ, чѣмъ я и мои друзья, если оно очутится въ рукахъ горячихъ людей, будь то радикалы, я не покину ради этого моего дѣла, я всегда буду принадлежать къ партіи революціи».

Проницательное правительство должно было понять, что если такіе люди, какъ Тьеръ, настолько увлекаются, чтобы говорить такимъ тономъ, какимъ не рѣшались говорить радикалы, то это свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ сгущеніи революціонной атмосферы, по меньшей мѣрѣ, въ Парижѣ. Въ это время, по словамъ современницы, графини д'Агу, уже «чувствовалось, какъ за легальной парламентской оппозиціей подымается что-то страшное. За шумомъ, поднятымъ на трибунахъ, замѣчалось грозное молчаніе. Мостовая улицъ жила; работа стала молчаливой; разговоры были таинственны, выраженіе лицъ мрачно. Давно уже забытыя воспоминанія о нашихъ революціяхъ вновь воскресли въ ихъ мрачномъ блескѣ; докучливая тѣнь появлялась за столомъ каждаго. Невольно приходила въ голову мысль, что въ Парижѣ живетъ народъ сильный, способный къ взрывамъ и капризамъ, — народъ, который, когда ему хотѣлось, посѣщалъ Тюльери и примѣрялъ своимъ королямъ красный колпакъ» [1]).

Въ произнесенной имъ 27 января рѣчи Токвиль съ чрезвычайной силой отмѣтилъ это настроеніе. «Говорятъ, что нѣтъ опасности, такъ какъ нѣтъ мятежа—говорилъ онъ;—говорятъ, что такъ какъ на поверхности общественной жизни нѣтъ матеріальныхъ безпорядковъ, то революція далеко отъ насъ. Господа, позвольте мнѣ вамъ сказать, что я думаю, что вы ошибаетесь. Безъ сомнѣнія, нѣтъ безпорядка въ дѣйствіяхъ, но онъ проникъ весьма глубоко въ умы. Посмотрите, что происходитъ среди этихъ рабо-

[1]) Д. Стернъ, ук. соч. I, 100.

чихъ классовъ, которые сегодня, я это признаю, спокойны. Вѣрно то, что они не захвачены въ такой степени политическими страстями, какъ они бывали ими захвачены раньше; но развѣ вы не видите, что изъ политическихъ страсти стали соціальными? Развѣ вы не видите, что въ ихъ средѣ постепенно распространяются мнѣнія, идеи, которыя стремятся не къ тому только, чтобы низвергнуть такіе-то законы, такое-то министерство, даже такое-то правительство, а къ тому, чтобы низвергнуть общество, чтобы потрясти основы, на которыхъ оно покоится нынѣ? Развѣ вы не слышите, что говорится каждый день въ ихъ средѣ? Развѣ вы не слышите, какъ здѣсь безпрерывно повторяютъ, что все, что выше ихъ, неспособно и недостойно править, что дѣленіе благъ, существующее до сихъ поръ въ мірѣ, несправедливо, что собственность покоится на основахъ, которыхъ нельзя признать справедливыми? И развѣ вы не полагаете, что когда такія мнѣнія укореняются, когда они распространяются почти повсемѣстно, когда они спускаются глубоко въ массы, что тогда они должны рано или поздно, я не знаю когда, я не знаю какъ, но что они должны рано или поздно вызвать самыя опасныя революціи? Таково, господа, мое глубокое убѣжденіе: я думаю, что въ данный моментъ мы засыпаемъ на вулканѣ; я глубоко убѣжденъ въ этомъ... Когда я принимаюсь разыскивать, какова была въ разныя времена, въ разныя эпохи, среди разныхъ народовъ дѣятельная причина, которая погубила правящіе классы, я, правда, вижу опредѣленное событіе, опредѣленнаго человѣка, опредѣленную случайную или поверхностную причину, но повѣрьте, что истинная дѣятельная причина, которая заставляетъ людей утрачивать власть, заключается въ томъ, что они стали недостойны быть ея носителями. Вспомните, господа, старую монархію; она была сильнѣе васъ, сильнѣе по своему происхожденію; она опиралась крѣпче, чѣмъ вы, на старинные обычаи, на старые нравы, на старинныя вѣрованія; она была сильнѣе васъ и, тѣмъ не менѣе, была повергнута въ прахъ. А почему она пала? Полагаете ли вы, что это случилось вслѣдствіе какого-нибудь частнаго случая? Думаете ли вы, что это было дѣломъ рукъ опредѣленнаго человѣка, слѣдствіемъ дефицита, слѣдствіемъ клятвы въ залѣ Jeu de Paume, дѣломъ Лафайэтта, Мирабо? Нѣтъ, господа, тому есть другая причина: это случилось потому, что правившій тогда классъ сталъ неспособнымъ и недостойнымъ править вслѣдствіе своего индифферентизма, вслѣдствіе своего эгоизма, вслѣдствіе своихъ пороковъ. Вотъ истинная причина... Развѣ вы не чувствуете..., что почва снова содрогается въ Европѣ? Развѣ вы не замѣчаете,—какъ бы это сказать?—что въ воздухѣ чувствуется вѣтеръ революціи? Мы не знаемъ, гдѣ онъ зарождается, этотъ вѣтеръ, откуда онъ дуетъ, ни также, повѣрьте мнѣ, кого онъ унесетъ: и въ такое-то время вы остаетесь спокойны при видѣ деградаціи общественныхъ нравовъ, ибо это слово не слишкомъ сильно. Я говорю здѣсь безъ горечи; я думаю, что говорю не подъ вліяніемъ партійнаго духа; я нападаю на людей, противъ которыхъ я не чувствую гнѣва, но, въ концѣ концовъ, я обязанъ высказать моей странѣ мое глубокое и твердое убѣжденіе. Такъ вотъ! мое глубокое и твердое убѣжденіе заключается въ томъ, что общественные нравы подвергаются деградаціи, и въ томъ, что деградація общественныхъ нравовъ приведетъ васъ въ короткій и, быть-можетъ, въ близкій срокъ къ новымъ революціямъ. Развѣ жизнь королей покоится на болѣе прочныхъ основахъ, чѣмъ жизнь другихъ людей? Развѣ вы обладаете въ тотъ моментъ, который

мы переживаемъ, полной увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ? Развѣ вы знаете, что можетъ произойти во Франціи въ теченіе одного года, одного мѣсяца, быть-можетъ, одного дня? Вы этого не знаете; но то, что вы знаете, это то, что гроза на горизонтѣ, что она надвигается на васъ; предоставите ли вы ей предупредить васъ? Господа, я умоляю васъ не дѣлать этого; я не требую этого отъ васъ, я васъ умоляю: я охотно всталъ бы предъ вами на колѣни, такой дѣйствительной и серьезной я считаю опасность, до такой степени я убѣжденъ, что указать на нее не значитъ прибѣгать къ пустой риторической фигурѣ. Да, опасность велика! Устраните ее, пока еще время; исправьте зло дѣйствительными средствами, нападая не на его симптомы, а на его существо. Говорили объ измѣненіяхъ въ законодательствѣ. Я очень склоненъ думать, что эти измѣненія не только очень полезны, но и необходимы: я вѣрю, напр., въ полезность избирательной реформы, въ неотложность парламентской реформы. Но я не столь безуменъ, господа, чтобы не знать, что законы сами по себѣ не опредѣляютъ судьбы народовъ; нѣтъ, не механизмъ законовъ создаетъ крупные результаты, господа, а самый духъ государственнаго строя. Сохраните, если хотите, (дѣйствующіе) законы; сохраните ихъ, хотя я и думаю, что вы сдѣлаете большую ошибку, поступая такъ; сохраните даже людей, если вамъ это доставляетъ удовольствіе; я, со своей стороны, не препятствую этому; но, ради Бога, измѣните духъ правительства; ибо, я повторяю, этотъ духъ влечетъ васъ къ пропасти». Любопытно, какъ оцѣнили эту пророческую рѣчь современники, и что думалъ о ней впослѣдствіи самъ Токвиль: «Эти мрачныя предсказанія были встрѣчены со стороны большинства насмѣшливымъ смѣхомъ. Оппозиція оживленно апплодировала, но скорѣе изъ партійности, чѣмъ по убѣжденію. Дѣло въ томъ, что никто еще не вѣрилъ серьезно въ опасность, на которую я указывалъ, несмотря на то, что мы были такъ близки отъ паденія. Застарѣлая привычка, которую приняли всѣ политическіе дѣятели въ теченіе этой долгой парламентской комедіи,—привычка чрезмѣрно разукрашивать выраженіе своихъ чувствъ и преувеличивать сверхъ мѣры свои мысли, сдѣлала ихъ мало способными оцѣнивать реальное и истинное. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ большинство каждый день говорило, что оппозиція повергаетъ общество въ опасность, а оппозиція повторяла безпрестанно, что министры губятъ монархію. Они столько разъ говорили это съ той и другой стороны, не вѣря особенно въ свои утвержденія, что они, въ концѣ концовъ, совершенно утратили вѣру въ то, что они говорили, какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда событія собирались оправдать заявленія тѣхъ и другихъ. Мои личные друзья сами думали, что я пересолилъ, и что въ моихъ разсужденіяхъ было немного риторики. Я припоминаю, что, когда я сходилъ съ трибуны, Дюфоръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ съ тѣмъ родомъ парламентской интуиціи, въ которой заключается весь его геній: вы имѣли успѣхъ, но вашъ успѣхъ былъ бы еще гораздо большимъ, если бы вы не превзошли настолько настроеніе собранія и не захотѣли бы нагнать на насъ столько страха. И въ настоящее время, когда я стою передъ лицомъ самого себя и разбираюсь серьезно въ моихъ воспоминаніяхъ, когда я спрашиваю себя, былъ ли я на самомъ дѣлѣ такъ испуганъ, какъ могло казаться, я нахожу, что нѣтъ, я вижу безъ непріятнаго чувства, что ходъ событій оправдалъ мои предвидѣнія быстрѣе и полнѣе, чѣмъ я предполагалъ...

Нѣтъ, я не ожидалъ такой революціи, какую намъ предстояло увидѣть; и кто могъ бы ее ожидать»?

Тѣмъ временемъ приближался срокъ дебатовъ по самому острому вопросу,—по вопросу объ избирательной и парламентской реформѣ и объ оцѣнкѣ внѣпарламентской агитаціи банкетовъ. Параграфъ отвѣтнаго на тронную рѣчь адреса, касавшійся этого пункта, былъ поставленъ на очередь 7 февраля, и комиссія палаты, выработавшая проектъ адреса, предложила формулировать его слѣдующимъ, парафразирующимъ тронную рѣчь, образомъ:

«Государь, вы укрѣпляете каждый день зданіе, которое мы основали вмѣстѣ съ вами. Разсчитывайте на наше содѣйствіе, чтобы его защитить. Агитація, которую подымаютъ враждебныя страсти или слѣпыя увлеченія, падаетъ передъ лицомъ общественнаго разума, просвященнаго нашимъ свободнымъ обсужденіемъ. Въ конституціонной монархіи единеніе великихъ государственныхъ учрежденій (pouvoirs) превозмогаетъ всѣ препятствія и позволяетъ удовлетворить всѣ моральные и матеріальные интересы страны. Помощью этого единенія мы сохранимъ общественный порядокъ и всѣ его условія и гарантируемъ общественныя вольности и полное ихъ развитіе».

Проектъ сохранялъ, такимъ образомъ, всю преднамѣренную рѣзкость тона тронной рѣчи и содержалъ самый рѣшительный отказъ въ реформѣ. Принимая его, палата также отожествляла себя съ «политикой сопротивленія», какъ король это уже успѣлъ сдѣлать въ тронной рѣчи. По сравненію съ 1830 г. положеніе оппозиціи было, такимъ образомъ, неизмѣримо болѣе труднымъ—противъ нея былъ не только король съ министерствомъ, какъ въ 1830 г., но и палата. Съ другой стороны, революціонная побѣда оппозиціи теперь уже не могла быть остановлена въ своемъ развитіи популярностью палаты, какъ это случилось послѣ іюльской революціи. Конфликтъ былъ, такимъ образомъ, болѣе глубокъ и чреватъ болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ тогда.

Умѣренная часть оппозиціи сама начинала понимать опасность, а, между тѣмъ, вопросъ объ отвѣтномъ адресѣ осложнялся еще вопросомъ о предполагавшемся заключительномъ банкетѣ въ Парижѣ, котораго министерство не хотѣло допустить, иначе говоря, вопросомъ о законности самихъ банкетовъ, какъ средства не только нынѣшней, но всякой агитаціи вообще. Первоначально было рѣшено устроить его до начала сессіи во второмъ округѣ города Парижа, но затѣмъ нѣсколько лицъ изъ XII округа, въ томъ числѣ полковникъ и два капитана національной гвардіи и членъ окружного муниципальнаго совѣта, обратились къ организаціонному комитету съ просьбой и предложеніемъ устроить его именно въ этомъ округѣ. Предложеніе было принято, но рядъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ и открытіе палатъ, задержали его исполненіе, а правительственная печать, относившаяся всегда крайне враждебно къ банкетамъ, начала требовать, чтобы министерство не допустило банкета, «неумѣстнаго въ особенности во время сессіи». Тѣмъ временемъ банкетъ былъ назначенъ на 19 января, и комитетъ по устройству его (Мари, Кремьё, Паньерръ, Гарнье-Пажесъ, Буассель и подполковникъ XII легіона національной гвардіи Пупинель, все республиканцы) послалъ префекту полиціи требуемое закономъ заявленіе о мѣстѣ, днѣ и часѣ банкета. Префектъ отвѣтилъ

на это заявленіе, которое вовсе не требовало никакого разрѣшенія съ его стороны, категорическимъ запрещеніемъ банкета. Въ отвѣтъ на это, комитетъ опубликовалъ слѣдующее объявленіе: «Въ виду предписанія префекта полиціи, комиссія по устройству банкета реформистовъ XII округа собралась въ засѣданіе и обсудила положеніе дѣла... Принимая во вниманіе, что такого разрѣшенія и не испрашивалось, что префектъ напрасно смѣшалъ простое оповѣщеніе о мѣстѣ и днѣ банкета съ просьбой о разрѣшеніи, что здѣсь не было мѣста ни просьбѣ, ни отказу—опираясь на законы 1831 и 1834 г., не запрещающіе случайныхъ собраній, на формальныя разъясненія правительства при обсужденіи этихъ законовъ, на послѣднія постановленія кассаціонной палаты и на постоянную практику правительства,—комиссія единогласно постановила смотрѣть на предписаніе префекта какъ на совершенно произвольный актъ и не придавать ему никакого значенія». Тѣмъ не менѣе, комиссія не только не подтвердила своего приглашенія на 19 января, но не указала и срока для устройства банкета. На министерство объявленіе произвело поэтому впечатлѣніе платонической демонстраціи, не опирающейся на твердое намѣреніе настоять на своемъ, и когда въ палатѣ депутатовъ радикальный пэръ д'Альтонъ-Ше запросилъ 18 января министерство, дѣйствовалъ ли префектъ полиціи по его указанію, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дюшатель, отвѣтилъ утвердительно, сослался на законъ 1790 г., предоставлявшій министерству право разрѣшать или запрещать политическія собранія по его усмотрѣнію, и заявилъ, что если участники банкета не подчинятся законному запрещенію власти, то они будутъ разогнаны силой. Комиссія отвѣтила на это 24 января новымъ объявленіемъ, въ которомъ она заявляла рѣшительный протестъ противъ словъ министра, апеллировала къ странѣ, но не указывала, когда и гдѣ банкетъ состоится. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находилось дѣло еще въ началѣ февраля, что объясняется именно колебаніями болѣе умѣренныхъ членовъ оппозиціи. «Нѣкоторое безпокойство начинало овладѣвать самими вожаками, — разсказываетъ Токвиль... — Я узналъ отъ Бомона, который былъ тогда однимъ изъ главныхъ среди нихъ, что агитація, вызванная банкетами въ странѣ, превысила не только надежды, но и желанія тѣхъ, которые ее вызвали; послѣдніе старались скорѣе ее успокоить, чѣмъ ее усилить. Ихъ намѣреніе сводилось къ тому, чтобы не было банкета въ Парижѣ, и чтобы послѣ созыва палаты даже вовсе не было банкетовъ... Они искали лишь выхода, чтобы сойти съ дурной дороги, на которую они вступили. Не подлежитъ сомнѣнію, что заключительный банкетъ былъ рѣшенъ вопреки ихъ желанію; они присоединились къ рѣшенію по необходимости, по увлеченію и оскорбленному тщеславію. Правительство своими вызовами само толкало оппозицію на этотъ опасный шагъ, думая, что оно ведетъ ихъ къ гибели. Оппозиція вступила на него изъ желанія проявить свою смѣлость, и чтобы не казалось, что она отступаетъ; каждый возбуждалъ, подзадоривалъ, толкалъ другого къ общей пропасти; они шли къ ней, не видя ея». «Самая любопытная сторона заключалась, по свидѣтельству все того же Токвиля, въ томъ, что наиболѣе обезпокоенными были такъ наз. радикалы», т.-е. умѣренные республиканцы: ни монархическая оппозиція, ни тѣмъ болѣе министерство не видѣли размѣровъ опасности. Въ частности министерство было вполнѣ увѣрено въ своей силѣ: когда наканунѣ 7 февраля группа умѣренныхъ членовъ большинства (ихъ было

около 40), изъ коихъ часть уже уклонилась отъ выраженія довѣрія по дѣлу Пти, обратилась къ Дюшателю и Гизо съ предложеніемъ посредничества между министерствомъ и оппозиціей и предложила министерству такую поправку соотвѣтственнаго мѣста отвѣтнаго адреса, которая содержала бы вотумъ довѣрія министерству и въ то же время признала бы необходимость реформы, она добилась лишь рѣшительнаго (особенно со стороны Гизо) отказа. «При настоящемъ положеніи вещей—заявили министры—невозможны никакія сдѣлки. Позднѣе, по окончаніи сессіи, министерство подумаетъ и постарается найти комбинацію, способную всѣхъ удовлетворить». О соображеніяхъ, руководившихъ министерствомъ, можно судить по словамъ Дюшателя, сказаннымъ имъ Токвилю, когда послѣдній указывалъ ему на крайнюю желательность найти выходъ изъ положенія. «Правительство дѣйствуетъ на законномъ основаніи,—сказалъ онъ,—оно не можетъ уступить; если оппозиція останется на своемъ пути, то изъ этого, быть-можетъ, проистечетъ уличный бой, но эта возможность давно предусмотрѣна, и если бы правительство воодушевлялось тѣми скверными страстями, которыя у него предполагаютъ, оно бы желало, а не боялось этого боя, будучи вполнѣ увѣрено въ своей побѣдѣ.—Онъ воспользовался этимъ,—продолжаетъ Токвиль,—чтобы любезно изложить мнѣ детали всѣхъ важныхъ мѣръ, которыя были приняты, указалъ размѣры средствъ правительства, количество войскъ, запасъ оружія... Я покинулъ его, убѣжденный въ томъ, что, не стремясь въ буквальномъ смыслѣ вызвать возстаніе, правительство отнюдь не боялось его, и что министерство, увѣренное остаться побѣдителемъ, видѣло въ готовившемся событіи единственное средство, которое ему, быть-можетъ, оставалось, чтобы возсоединить своихъ разсѣявшихся друзей и довести, наконецъ, своихъ враговъ до безсилія. Признаюсь, я вѣрилъ въ это такъ же, какъ и онъ»...

Наибольшее безпокойство передъ грядущими событіями ощущали радикалы, какъ потому, что они лучше знали, какая опасность грозитъ всему существующему строю въ случаѣ народнаго возстанія, такъ и потому, что они отнюдь не были увѣрены въ успѣхѣ и боялись повторенія постигшихъ ихъ дѣло въ 1832 и 1834 гг. катастрофъ. Кризисъ приближался, «а, между тѣмъ—говоритъ Гарнье-Пажесъ,—никто его не желалъ. Несмотря на быстроту, съ которой онъ приближался, было не трудно его избѣгнуть. Оппозиція могла довольствоваться немногимъ. При помощи банкетовъ она просвѣтила страну; обратившись непосредственно къ общественному мнѣнію, она завоевала его. Безъ сомнѣнія, она была побѣждена въ палатѣ, побѣждена съ позоромъ; но внѣпарламентское общественное мнѣніе уже проникало въ парламентъ. Это большинство, столь внушительное на другой день послѣ выборовъ, стало жертвой безпокойства и разложенія... съ каждымъ днемъ оно утрачивало частицу своей самоувѣренности, своей рѣшимости и даже своей численности; еще нѣсколько усилій, и оно должно было распасться. Оппозиція могла, такимъ образомъ, ждать; она должна была настойчиво требовать только одного, а именно, чтобы безуміе ея противниковъ не вынудило ее выбирать между позоромъ и возстаніемъ».

Если Гарнье-Пажесъ характеризуетъ положеніе дѣлъ такъ, послѣ того какъ оппозиція потерпѣла въ палатѣ полное пораженіе, и когда она продолжала настаивать лишь на допущеніи проектируемаго банкета, то можно съ увѣренностью сказать, что до пораженія въ палатѣ ея настроеніе не было болѣе воинственнымъ. Начиная

свою агитацію, оппозиція вовсе не разсчитывала на быстрый успѣхъ: она надѣялась постепенно завоевать общественное мнѣніе, разстроить большинство въ палатѣ и одержать безкровную парламентскую побѣду надъ королемъ и надъ Гизо. Къ революціи она не готовилась и не считала себя готовой къ ней, но уступить въ вопросѣ о законности внѣпарламентской агитаціи въ формѣ банкетовъ она также не могла, не лишивъ себя послѣдняго легальнаго средства борьбы. Для нея это былъ не только вопросъ чести, каковымъ его называетъ Гарнье Пажесъ, но вопросъ существованія. Узнавъ объ исходѣ неудачныхъ переговоровъ умѣренныхъ консерваторовъ съ министерствомъ, представители оппозиціи поэтому немедленно собрались у Одилона Барро и рѣшили приняться со всей энергіей за организацію банкета въ XII округѣ, какъ только дебаты объ отвѣтномъ адресѣ кончатся.

Вотъ условія, при которыхъ начались 7 февраля дебаты. Застрѣльщикомъ оппозиціи былъ Дювержье де Гораннъ. «Министерству было угодно—говорилъ онъ—ввести въ тронную рѣчь прямое обвиненіе противъ ста слишкомъ депутатовъ. Комиссіи угодно... воспроизвести это обвиненіе почти слово въ слово... Но большинство должно намъ позволить сказать ему, что мы не признаемъ его компетентнымъ (въ этомъ вопросѣ). Надъ палатой стоитъ страна... Мы пришли сюда не для того, чтобы обвинять министерство передъ лицомъ большинства, а для того, чтобы обвинить передъ лицомъ страны какъ министерство, такъ и большинство... Съ точки зрѣнія оппозиціи вопросъ (о реформѣ) ставится не передъ палатой, а передъ страной. Законномѣрность банкетовъ не можетъ быть оспариваема. Мы готовы присоединиться ко всякому рѣзкому акту законнаго сопротивленія. Повиноваться закону, противиться произволу, таковъ двойной долгъ свободныхъ народовъ... Оппозицію упрекаютъ въ томъ, что она не провозглашала тоста за короля; но развѣ послѣ 58 лѣтъ революцій нельзя устраивать политическаго собранія, не взывая къ королевскому имени? и развѣ банкеты не имѣли цѣлью просвѣтить страну насчетъ печальныхъ послѣдствій личнаго правленія?.. Вы насъ обвиняете въ томъ, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ враждебныхъ или слѣпыхъ страстей; мы же, мы васъ обвиняемъ въ томъ, что вы возлагаете на низменныя и корыстныя страсти всю надежду на ваше властвованіе. Вы насъ обвиняете въ томъ, что мы возбуждаемъ, волнуемъ страну ради жалкаго интереса властолюбія; мы же упрекаемъ васъ, какъ вы упрекали другихъ, въ томъ, что вы растлѣваете страну, дабы ее поработить и дабы увѣковѣчить въ вашихъ рукахъ печальнѣйшую изъ эксплуатацій. Вы насъ обвиняете въ томъ, что мы сообщаемъ нашими рѣчами силу крайнимъ партіямъ, которыя хотятъ ниспровергнуть какъ общественный, такъ и политическій порядокъ; мы же обвиняемъ васъ въ томъ, что вы доставляете вашими дѣйствіями крайнимъ партіямъ точку опоры»... Въ заключеніе онъ заявилъ, что оппозиція продолжаетъ считать свое право устраивать банкеты безспорнымъ, и что она намѣрена и впредь прибѣгать къ этому средству. Отъ имени радикаловъ Марн всецѣло присоединился къ этому заявленію: «если—заявилъ онъ, между прочимъ—въ извѣстныхъ слояхъ общества существуетъ опасное броженіе, то въ этомъ виноватъ кабинетъ, который нарушилъ тѣсную связь, установившуюся благодаря революціи 1830 г. между народомъ и правительствомъ, устранивъ главную массу націи отъ политической жизни и отказавшись отъ реформъ».

Послѣ аналогичной рѣчи де Мальвилля на трибунѣ появился Дюшатель, на

долю котораго, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, выпала задача защищать правительство. Положеніе его было не изъ легкихъ. Оппозиціи удалось разыскать рѣчь, сказанную Гизо въ 1840 г., въ которой онъ призналъ право собраній въ весьма приподнятыхъ выраженіяхъ: «граждане—говорилось здѣсь—имѣютъ право собираться для обсужденія политическихъ дѣлъ; было бы полезно, если бы они дѣлали это. Я никогда не сдѣлаю попытки ослабить благородныя чувства, которыя побуждаютъ гражданъ устраивать собранія для обмѣна мнѣній». Оппозиція указывала далѣе на то, что во время избирательной кампаніи 1846 г. Гизо участвовалъ на банкетѣ въ Лизьё, Дюшатель—въ Мирамбо, и что до послѣдняго времени министерство отнюдь не оспаривало права устраивать политическія собранія въ формѣ банкетовъ. Все это не помѣшало Дюшателю занять самое непримиримое положеніе, настаивать на томъ, чтобы слова о «враждебныхъ страстяхъ и слѣпыхъ увлеченіяхъ» были включены въ отвѣтный адресъ, и заявить, что, если установленное закономъ право правительства запрещать опасныя для общественнаго порядка собранія до послѣдняго времени не примѣнялось, то впредь этого не будетъ, такъ какъ произнесенныя на нѣкоторыхъ банкетахъ рѣчи и принятыя во время ихъ резолюціи свидѣтельствуютъ о тенденціи злоупотреблять проявленной правительствомъ терпимостью. Права собраній, независимаго отъ разрѣшенія правительства, свободы собраній не существуетъ. «Если думаютъ, будто правительство уступитъ при исполненіи своего долга предъ манифестаціями, каковы бы онѣ ни были,—заявилъ министръ—то я не колеблюсь сказать: нѣтъ! оно не уступитъ»! Возгласы слѣва, что министръ употребляетъ «несчастливыя слова», что онъ пользуется «собственными изреченіями Карла X», прервали рѣчь Дюшателя, но большинство поддержало его и тутъ аплодисментами.

Послѣдующія рѣчи Одилона Барро и Буасселя вызвали на трибуну министра юстиціи, Гебера, доказывавшаго, что права собраній нѣтъ, ибо оно не оговорено въ хартіи, а права, не оговореннаго хартіей, не существуетъ. Восклицаніе слѣва: «а право дышать»? не смутило министра, и онъ продолжалъ настаивать на своей теоріи, шедшей, какъ и слова Дюшателя, значительно дальше того, что министерство еще недавно признавало вѣрнымъ. Отвѣтить на его рѣчь взялся Ледрю-Ролленъ, произнесшій чрезвычайно сильную рѣчь. «Возможность устраивать собранія — заявилъ онъ—есть естественное и неотъемлемое право; помѣшать ему можетъ только ясное и точное запрещеніе. Но подобнаго запрещенія нѣтъ нигдѣ въ нашихъ законахъ; наоборотъ, конституція 1791 г. гарантируетъ гражданамъ свободу мирныхъ и невооруженныхъ собраній». Если утверждаютъ, что свободы собраній нѣтъ, такъ какъ она не оговорена хартіей 1830 г., то, съ одной стороны, эта хартія, тощая вырѣзка изъ хартіи 1814 г., которая сама не французскаго происхожденія, не отличается той полнотой, которая позволяла бы ссылаться на нее противъ закона, содержащагося въ конституціи 1791 г., противъ права собраній, «даннаго вечеромъ того дня, когда была взята Бастилія»; съ другой стороны, взглядъ канцлера уничтожаетъ высшую основу всякаго писанаго права, естественное право человѣка. Протестуя отъ имени своихъ друзей противъ кровавыхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести упрямство правительства, ораторъ въ заключеніе обратился ко всей оппозиціи съ страстнымъ призывомъ продолжать борьбу; «правительство покушается на самую жизненную изъ нашихъ вольностей. Такъ защитимъ ее единодушными усиліями...

Останемся на своемъ посту до конца всѣ вмѣстѣ и, если мы будемъ разбиты въ этой борьбѣ, пусть тогда страна, какъ въ 1829 г., образуетъ огромный союзъ, дабы отказаться отъ уплаты налоговъ».

Среди движенія, вызваннаго этой рѣчью, канцлеръ снова появляется на трибунѣ и повторяетъ то, что онъ уже сказалъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, въ тонѣ рѣшительной угрозы. Въ залѣ подымается невообразимый шумъ: «они идутъ дальше, чѣмъ реставрація», воскликнулъ Барро; «это контръ-революція», прибавляетъ Гарнье-Пажесъ. Волненіе все возрастаетъ. «Г. де Полиньякъ, г. де Перонне никода такъ не говорили», восклицаетъ опять Одилонъ Барро [1]). Де Куртэ кричитъ: «это недостойныя провокаціи», Лараби—«это начало насилія». Со всѣхъ сторонъ раздаются крики «къ порядку»! Геберъ, которому удается добиться слова, требуетъ отъ Барро объясненія за оскорбительное, по его словамъ, заявленіе. Теперь возмущаются легитимисты, а Одилонъ Барро отвѣчаетъ: «Да! вы министры народной іюльской революціи, вы, власть коихъ была освящена кровью мучениковъ свободы, вы оспариваете право, которое министры реставраціи признавали и уважали даже въ моментъ ея паденія. Вотъ, что я говорю; это — фактъ, неустранимый фактъ. Надъ тѣмъ, что уважалъ г. де Полиньякъ, вы совершаете насиліе». Министры молчатъ, консерваторы издаютъ угрожающіе крики, оппозиція въ страшномъ раздраженіи, шумъ и волненіе достигаютъ такихъ размѣровъ, что президентъ палаты поспѣшно покидаетъ свое кресло, забывъ объявить засѣданіе формально закрытымъ. Его возвращаютъ и онъ произноситъ надлежащія слова.

«Со времени конвента—говоритъ графиня д'Агу—не помнили подобнаго засѣданія. Революціонная часть Парижа трепетала отъ радости; салоны были въ подавленномъ состояніи. Оппозиція была смущена результатомъ своей работы».

Вечеромъ того же дня (9 февраля) Дюшатель послѣ засѣданія отправилъ Гизо записку весьма характернаго содержанія: «впечатлѣніе отъ засѣданія не очень благопріятно. Геберъ подъ конецъ былъ слишкомъ неуклоненъ. Таково настроеніе всѣхъ, кого я видѣлъ со времени засѣданія. Надо успокоить палату. Мы прямо идемъ навстрѣчу возстанію, на случай котораго я впрочемъ принялъ всѣ мѣры».

Когда засѣданіе возобновилось на другой день (10 февраля), общія пренія были закончены, и предстояло обсужденіе и голосованіе цѣлаго ряда поправокъ, внесенныхъ умѣренными членами большинства для предотвращенія конфликта.

Первой стояла на очереди поправка Дарблэ: «если—гласила она—агитація реформистовъ вызвала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ демонстраціи, направленныя противъ нашихъ учрежденій и законовъ, то она въ то же время доказала, что огромное большинство страны, даже по мнѣнію диссидентовъ, нерушимо держится ихъ».

Такое разграниченіе мятежной и законномѣрной оппозиціи не удовлетворяло ни министровъ, ни оппозиціи. Не только Одилонъ Барро, но и Тьеръ высказался рѣшительно противъ него, указывая, между прочимъ, на то, что такого рода форму-

---

[1]) «Я помню, что я вздрогнулъ вопреки моей волѣ,—разсказываетъ Токвиль—когда я услышалъ, какъ этотъ умѣренный по природѣ человѣкъ, выведенный окончательно изъ терпѣнія, впервые вызвалъ страшныя воспоминанія революціи 1830 г., какъ онъ возвелъ ее въ нѣкоторомъ родѣ въ примѣръ и невольно внушалъ мысль о подражаніи ей».

лировка не ограждаетъ въ должной мѣрѣ безусловнаго права мирныхъ собраній. При этомъ произошелъ любопытный инцидентъ, о которомъ разсказываетъ Гарнье-Пажесъ. «Мое право записано въ хартіи—заявляетъ Тьеръ;—оно мнѣ принадлежитъ; оно столь же священно, какъ право королевской власти». «Если бы вы были на этихъ (министерскихъ) скамьяхъ,—отвѣтилъ Гизо дерзко (insolemment)—вы поступили бы такъ же, какъ и мы». «Никогда,—воскликнулъ О. Барро,—я вамъ гарантирую противоположное». «Никогда, это большое слово,—прибавляетъ Гарнье,—Тьеръ уклонился произнести его». Впослѣдствіи, послѣ іюньскихъ дней, и Барро не могъ бы его произнести.

Поправка была отвергнута большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ. На другой день приступили къ поправкѣ, внесенной Демуссо де Живрэ, согласно которой предлагалось исключить изъ адреса слова о враждебныхъ страстяхъ и слѣпыхъ увлеченіяхъ. «Я не думаю,—говорилъ авторъ поправки,—чтобы я совершалъ оппозиціонное дѣйствіе. Поправка, которую я предлагаю, сводится къ устраненію двухъ выраженій проекта адреса и сохраняетъ въ остальномъ весь адресъ и полное одобреніе политики кабинета, содержащееся въ адресѣ. Единственное, что вы устраняете, это приговоръ, это осужденіе, это экзекуція меньшинства большинствомъ». «То было истинное разрѣшеніе вопроса, его мирное разрѣшеніе»,—говоритъ Гарнье-Пажесъ, доказывая, такимъ образомъ, лишній разъ, какъ далека была оппозиція отъ желанія обострить конфликтъ. Въ защиту поправки выступилъ Ламартинъ, самъ говорившій лишь разъ на банкетѣ, имѣвшемъ, вдобавокъ, скорѣе частный, чѣмъ общественный характеръ. Его слова представляли оправдательную рѣчь въ пользу банкетовъ и вызваннаго ими возбужденія, направленнаго противъ той развращенной атмосферы продажности и взяточничества, которая восходила до «подножія престола», и противъ династическаго характера внѣшней политики. «Помимо королевской власти, помимо палаты пэровъ и палаты депутатовъ, въ особо важныхъ случаяхъ существуетъ другой высшій судья—сама страна. Ее вы обвиняете, ей вы угрожаете, не встрѣчая опоры въ законахъ или создавая таковую при помощи искусственнаго толкованія законовъ. Рукой полиціи вы хотите зажать ротъ странѣ». По примѣру большинства ораторовъ оппозиціи онъ обратился въ своей рѣчи далѣе къ революціоннымъ воспоминаніямъ. «Знаете-ли вы,—спрашиваетъ онъ палату—чѣмъ было (собраніе въ) Jeu de Paume? То было публичное собраніе, закрытое властью и открытое народомъ». Въ защиту поправки говорили также члены лѣваго центра Дюфоръ и Ремюза. Тѣмъ не менѣе, она была отвергнута большинствомъ 228 противъ 185 голосовъ: большинство голосовъ превышало всего на 21 голосъ абсолютное большинство, а если принять во вниманіе, что всѣ министры, и по ихъ настоянію даже и президентъ палаты Созэ голосовали противъ поправки, то и это незначительное большинство становилось еще меньшимъ.

Когда, послѣ отклоненія поправокъ, приступили къ голосованію проекта адресной комиссіи, вся лѣвая демонстративно воздержалась отъ голосованія, и проектъ былъ принятъ большинствомъ 223 голосовъ противъ 18. Оппозиція рѣшила сообщить президенту палаты, что она прерываетъ съ нимъ всякія сношенія, и постановила впредь не представляться королю.

Такъ закончилось засѣданіе 11 февраля, но, такъ какъ членъ умѣренной

правой Салландрузъ внесъ еще одну поправку къ самымъ послѣднимъ словамъ адреса, то на другой день дебаты должны были возобновиться. «Среди этихъ разнообразныхъ манифестацій—гласила его поправка, которой придавали большое значеніе въ виду того, что авторъ ея пользовался благоволеніемъ двора—ваше правительство сумѣетъ узнать дѣйствительныя и законныя желанія страны; оно возьметъ на себя, мы надѣемся на это, иниціативу разумныхъ и умѣренныхъ реформъ, которыхъ требуетъ общественное мнѣніе, и среди коихъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто парламентскую реформу. Въ конституціонной монархіи единеніе великихъ государственныхъ учрежденій позволяетъ слѣдовать безъ опасности политикѣ прогресса и удовлетворять всѣ моральные и матеріальные интересы страны».

Обсужденіе этой поправки ожидалось всѣми съ большимъ интересомъ, хотя вся лѣвая уже рѣшила совершенно воздержаться отъ него. При такихъ условіяхъ дебаты должны были служить показателемъ того, насколько внутреннее разложеніе большинства успѣло подвинуться впередъ, и насколько былъ силенъ авторитетъ министерства. Защищалъ поправку прежде всего ея авторъ. Напомнивъ о томъ, что онъ принадлежитъ самъ къ большинству, Салландрузъ заявилъ, что «министерство одержало вчера побѣду, но потребовалось бы немного такихъ побѣдъ, чтобы разстроить консервативную партію». «Мы не хотимъ ослабить министерство,—вторитъ ему Клапіэ — а придать ему новую силу. Жить значитъ не только дышать, но дѣйствовать; жить это значитъ работать. А въ чемъ заключается работа представительнаго правительства? Она заключается въ томъ, чтобы безпрерывно изучать желанія и сообразоваться съ ними, разъ эти желанія серьезны». Часть (правительственнаго) центра апплодируетъ. Засимъ слѣдуетъ долгій перерывъ взасѣданія, послѣ котораго на трибунѣ появляется де Морни, уже сдѣлавшій не одну попытку побудить правительство къ уступчивости [1]). Упрекнувъ оппозицію за ея агитацію, доходящую до того, что она подвергаетъ опасности всѣ существующія учрежденія, онъ призналъ засимъ, что «парламентская реформа полезна для достоинства палаты и достоинства власти», и закончилъ свою рѣчь, оттѣнки мысли которой оставались подчасъ неясными, прямымъ обращеніемъ къ благоразумію и иниціативѣ министерства: «Большинство—заявилъ онъ—желаетъ парламентской реформы, но оно не хочетъ вотировать ея изъ опасенія низвернуть министерство. Пусть министерство приметъ на себя обязательство провести въ будущемъ реформу, и тотчасъ наступитъ успокоеніе, ибо кабинетъ будетъ консолидированъ, и, съ другой стороны, будетъ дано законное удовлетвореніе духу новизны».

Въ этихъ словахъ заключался ключъ всей позиціи. Отказавшись уступить врагамъ, министерство могло пойти навстрѣчу друзьямъ, и, принявъ на себя иниціативу реформы, оно могло превратить ее изъ орудія агитаціи объединенной лѣвой

---

[1]) Статья его, помѣщенная въ январской книжкѣ «Revue des deux mondes» за 1848 г., показываетъ, что онъ, какъ и Токвиль, понималъ опасность соціалистическаго движенія и въ виду его считалъ вражду разныхъ группъ буржуазіи особенно нежелательной. Третьимъ, кто обратилъ вниманіе на соціалистическую опасность, былъ графъ Монталамберъ. При обсужденіи адреса онъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ уже тогда развивалъ формулированную имъ впослѣдствіи альтернативу, «католицизмъ или коммунизмъ».

въ опору собственнаго вліянія и въ средство къ разъединенію оппозиціи, каждая изъ составныхъ частей которой порознь была слишкомъ слаба, чтобы оказать серьезное сопротивленіе.

Понятно поэтому, съ какимъ интересомъ ждали декларації министерства. Самъ Гизо подымается на трибуну, и съ первыхъ же словъ всѣ надежды на примиреніе исчезаютъ.

«Господа, — гласила эта роковая для іюльской монархіи декларація,—если я не ошибаюсь, то главное, что необходимо и что всѣмъ желательно, заключается въ томъ, чтобы мы не теряли больше времени, и чтобы не было никакой неясности въ положеніи и въ словахъ.

«Я являюсь, такимъ образомъ, чтобы сказать палатѣ, не дожидаясь продолженія дебатовъ, что министерство считаетъ нужнымъ и возможнымъ сказать и сдѣлать по обсуждаемому вопросу.

«Послѣ всего того, что недавно случилось въ странѣ, и въ виду того, что происходитъ въ Европѣ, всякое нововведеніе того рода, на которое здѣсь указываютъ, и которое привело бы по необходимости къ роспуску палаты, было бы, по нашему мнѣнію, слабостью по отношенію къ внутреннему положенію, большимъ неразумѣемъ по отношенію къ внѣшнему. Консервативная политика, мы въ этомъ убѣждены, была бы вслѣдствіе этого серьезно скомпрометтирована какъ внутри, такъ и внѣ страны.

«Въ данный моментъ министерство полагало бы, что оно цѣликомъ измѣняетъ своему долгу, если бы оно пошло навстрѣчу такого рода мѣрамъ. Министерство полагало бы также, что оно не исполняетъ своего долга, если бы оно взяло на себя сегодня, на этой трибунѣ какое-либо обязательство относительно будущаго. Въ подобныхъ вопросахъ, господа, обѣщать значитъ больше, чѣмъ сдѣлать, ибо, давая обѣщаніе, разрушаешь то, что есть, и не замѣняешь его ничѣмъ.

«Разумное правительство можетъ и должно иногда совершать реформы, оно не объявляетъ о нихъ заранѣе. Когда оно полагаетъ, что моментъ наступилъ, оно дѣйствуетъ; до этого момента оно молчитъ.

«Я бы могъ сказать больше: ссылаясь на знаменитые примѣры, я могъ бы сказать, что до этого момента оно ведетъ борьбу (со сторонниками реформъ); нѣкоторыя изъ великихъ реформъ, которыя были совершены въ Англіи, были совершены людьми, которые боролись съ ними до того момента, когда они сочли, что ихъ надо осуществить.

«Въ то же самое время, когда я это говорю, министерство не обманываетъ себя на счетъ состоянія умовъ, какъ въ странѣ, такъ и въ палатѣ; оно не обманываетъ себя на счетъ него и считается съ нимъ.

«Оно признаетъ, что эти вопросы должны быть основательно изучены и разрѣшены въ теченіе этой легислатуры.

«То, о чемъ вы меня спрашиваете въ данный моментъ, сводится... къ вопросу, что сдѣлаетъ министерство въ тотъ день, когда этотъ вопросъ въ теченіе данной легислатуры будетъ окончательно поставленъ на очередь; вы меня спрашиваете, каково

будетъ его рѣшеніе, какого поведенія оно будетъ держаться? Вотъ вашъ вопросъ; а вотъ мой отвѣтъ.

«Сохраненіе единства консервативной партіи, сохраненіе консервативной политики и ея силы, такова будетъ неизмѣнная мысль (l'idée fixe! sic!) и правило поведенія кабинета. Кабинетъ смотритъ на единство и силу консервативной партіи какъ на гарантію всего, что дорого и важно странѣ. Онъ сдѣлаетъ искреннія усилія, чтобы сохранить, чтобы возстановить, если хотите, по данному вопросу единство консервативной партіи, дабы именно сама консервативная партія и она вся цѣликомъ приняла и дала странѣ его разрѣшеніе. Если такого рода соглашеніе внутри консервативной партіи возможно, если усилія кабинета въ этомъ смыслѣ могутъ имѣть успѣхъ, соглашеніе состоится. Если это невозможно, если по этому вопросу консервативная партія не можетъ придти къ соглашенію и сохранить всю силу консервативной политики, то кабинетъ предоставитъ другимъ печальное дѣло присутствовать на первенствующемъ мѣстѣ при дезорганизаціи консервативной партіи и гибели ея политики.

«Вотъ каково будетъ правило нашего поведенія. Я отвергаю поправку».

По собственному толкованію Гизо (въ его мемуарахъ) это означало, что министерство вовсе не отклоняетъ реформы безусловно, но что оно считаетъ немедленную уступку настолько опасной, что ни за что не согласится на нее, подъ какимъ бы видомъ ее ни предлагали. Когда волненіе уляжется, когда всей Европѣ больше не будетъ грозить революція, тогда можно и нужно будетъ подумать о реформѣ, но отнюдь не потому, что оппозиція ея требуетъ во имя общественнаго мнѣнія страны, а исключительно потому, что часть самой консервативной партіи высказывается за нее и особенно за ея сравнительно наименѣе важную часть, за «парламентскую реформу». Только одна консервативная партія и будетъ рѣшать вопросъ о реформѣ. Мы вѣдь знаемъ, что Гизо въ отличіе отъ Пиля не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на «враговъ». «Врагамъ» придется довольствоваться тѣмъ, что «друзья» признаютъ нужнымъ имъ дать да и то, если «друзья» сумѣютъ придти къ соглашенію, и король согласится на какую бы то ни было реформу.

Такъ понималъ дѣло Гизо. Оппозиція понимала смыслъ его рѣчи болѣе просто; реформы не будетъ, министерство не беретъ на себя никакихъ обязательствъ и обѣщаетъ лишь предоставить палатѣ возможность обсудить вопросъ основательно и рѣшить его, не извѣстно: въ отрицательномъ ли, или въ положительномъ смыслѣ. Итакъ, вопросъ окончательно выяснился. Пусть большинство выбираетъ: либо реформа, либо министерство. Въ палатѣ подымается невообразимое смятеніе. Засѣданіе прерывается. Берріэ устремляется на трибуну, чтобы занести свое имя въ списокъ ораторовъ. Оппозиція его удерживаетъ: пусть голосованіе произойдетъ подъ впечатлѣніемъ декларации. Консерваторы, привязанные къ министерству, но начинающіе понимать, куда ведетъ его политика, устремляются къ министерскимъ скамьямъ, но всѣ ихъ сѣтованія и просьбы разбиваются о холодное молчаніе Гизо.

Засѣданіе возобновляется. Салландрузъ еще разъ умоляетъ министерство взять на себя какое-либо обязательство и обѣщаетъ отказаться при такихъ условіяхъ отъ своей поправки. Ледяное молчаніе.

Приступаютъ къ поименному голосованію: «прогрессивные консеваторы» от-

падаютъ окончательно отъ министерства, къ нимъ присоединяется еще нѣсколько человѣкъ, раздраженныхъ его высокомѣріемъ, но палата, тѣмъ не менѣе, отвергаетъ поправку Салландруза большинствомъ 222 голосовъ противъ 189. Министерство одержало полную побѣду; почти вся оппозиція воздерживается отъ дальнѣйшаго голосованія, и весь адресъ принимается большинствомъ 241 голоса противъ трехъ. Король торжествуетъ.

§ 2. Банкетъ въ XII округѣ.

Что будетъ дальше? Оппозиціи необходимо рѣшить этотъ вопросъ, необходимо опредѣлить свою дальнѣйшую тактику. Марра совѣтуетъ ея членамъ сложить сразу свои полномочія, превратить палату въ охвостье и аппеллировать такимъ путемъ къ странѣ. Газеты должны будутъ прекратить печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ палаты и замѣнить ихъ отчетами объ избирательныхъ собраніяхъ. Достоинство такого плана заключается, между прочимъ, въ томъ, что въ немъ могутъ принять участіе самые умѣренные, самые боязливые члены оппозиціи, и въ результатѣ получится внушительное зрѣлище.

Предложеніе было настолько неожиданно и ново, что уже 13 февраля у депутата Мари собрались представители радикальной партіи, журналисты, депутаты и члены парламентскаго избирательнаго комитета, для его обсужденія, причемъ сразу выяснилось два или даже три теченія: Гарнье-Пажесъ высказался противъ него, во-первыхъ, такъ какъ нельзя было быть безусловно увѣреннымъ въ томъ, будутъ ли переизбраны всѣ депутаты, а въ противномъ случаѣ демонстрація могла оказаться болѣе вредной, чѣмъ внушительной; во-вторыхъ, такъ какъ избирательная кампанія сдѣлала бы предполагаемый банкетъ въ Парижѣ невозможнымъ, а добиться устройства этого банкета ему справедливо казалось принципіально чрезвычайно важнымъ; въ-третьихъ, потому что «сложеніе полномочій есть отреченіе (une démission est une abdication), а кто отрекается (отъ дѣла), тотъ погибъ». Мари, наоборотъ, присоединился къ Марра, мотивируя свое мнѣніе крайне характернымъ образомъ: «если мы подготовлены къ революціи—говорилъ онъ,—устраивайте вашъ банкетъ; если вы не готовы, это будетъ мятежъ, а этого я не хочу». Не менѣе характерны были соображенія Мартена (изъ Страсбурга) въ пользу мнѣнія Гарнье-Пажеса: «Борьба возможна,—заявилъ онъ,—я въ нее вѣрю. Проектъ замѣны банкета сложеніемъ полномочій можетъ быть одобренъ лишь тѣми, кто боится, что движеніе будетъ раздавлено 80000 арміей. Что касается меня, то я отвергаю сложеніе полномочій и выбираю банкетъ, такъ какъ питаю убѣжденіе, что народъ и правое дѣло побѣдятъ». Къ этому мнѣнію присоединились Карно, Паньерръ и другіе, но вопросъ остался неразрѣшеннымъ, и радикальные депутаты отправились въ общее собраніе членовъ оппозиціи, назначенное на то же воскресеніе 13 февраля въ Café Durand на Маделенскомъ бульварѣ.

Въ собраніи участвовало около 100 депутатовъ. Мари и другіе снова отстаивали идею Марра, утверждая, что если она будетъ осуществлена, то правительству придется распустить палату и назначить общіе выборы, которые при данномъ

настроеніи несомнѣнно окончатся побѣдой оппозиціи, и подчеркивая, что такимъ путемъ удастся обойти опасный вопросъ о банкетѣ. Дювержье де Гораннъ, Ламартинъ, Гарнье-Пажесъ, Одилонъ Барро и другіе возражали, высказывая увѣренность, что министерство и не подумаетъ распустить палату и, освободившись отъ оппозиціи, проведетъ всѣ реакціонныя мѣры, которыя ему покажутся желательными. Тьеръ во время засѣданія не высказывался, но послѣ него сказалъ Мари, что онъ вполнѣ съ нимъ согласенъ. Въ результатѣ было рѣшено не уходить изъ палаты, поддерживать, во что бы то ни стало (à tous risques), право собраній и отказаться отъ участія въ депутаціи, которая должна была поднести королю адресъ [1]).

На другой день всѣ оппозиціонныя газеты опубликовали сообщеніе о состоявшемся рѣшеніи. Изложивъ соображенія, которыя побуждали депутатовъ продолжать свое дѣло, сообщеніе гласило далѣе такъ: «что касается права собраній,—права, которое министръ хотѣлъ подчинить своему произволу, и которое онъ хочетъ конфисковать въ свою пользу, то собраніе, единодушно убѣжденное, что это право, свойственное всякой свободной конституціи, вдобавокъ формально установлено нашими законами, рѣшило добиваться его соблюденія и сохраненія всѣми законными и конституціонными средствами: согласно съ этимъ, была избрана комиссія, дабы вступить въ соглашеніе съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей и дабы урегулировать совмѣстно съ нимъ участіе депутатовъ въ банкетѣ, подготовляемомъ въ качествѣ протеста противъ произвольныхъ притязаній». Въ заключеніе сообщалось и о томъ, что депутаты, «даже тѣ изъ нихъ, на которыхъ падетъ жребій», не примутъ участія въ депутаціи къ королю.

Вечеромъ того же дня (14 февраля) состоялась аудіенція депутаціи у короля, въ которой дѣйствительно не принялъ участія ни одинъ изъ членовъ оппозиціи; даже нѣкоторые изъ «прогрессивныхъ консерваторовъ», въ томъ числѣ Салландрузъ, уклонились отъ участія. Настроеніе двора и въ частности короля было самое раздраженное, и на вопросъ де Морни, обращенный къ сыну короля, герцогу Монпансье, «увѣрены ли вы въ арміи»?, принцъ отвѣтилъ утвердительно и прибавилъ: «но, во всякомъ случаѣ, мы не поступимъ, какъ старшая линія; скорѣе мы всѣ дадимъ себя убить, чѣмъ оставить отечество». Слухи о боевомъ настроеніи двора проникли въ Парижъ; разсказывали, что генералу Себастіани, командовавшему первымъ военнымъ округомъ, было поручено зондировать настроеніе войска, что генералъ Жакемино, командиръ внушавшей подозрѣнія національной гвардіи, получилъ приказаніе выяснить, на кого изъ гвардейцевъ можно положиться въ каждомъ данномъ легіонѣ, что солдаты, несшіе вмѣстѣ съ національными гвардейцами охрану королевскаго дворца, въ отличіе отъ послѣднихъ были снабжены боевыми патронами, что предстояло назначеніе

---

[1]) Сложилъ свои полномочія только Эмиль де Жирарденъ. Заявленіе, посланное имъ президенту палаты, свидѣтельствуетъ о томъ раздраженіи, которое вызвалъ въ извѣстныхъ кругахъ—выразителемъ ихъ настроенія является графиня д'Агу въ своей исторіи 1848 г.—отказъ депутатовъ отъ массоваго выхода изъ палаты: «Г. президентъ,—писалъ Жирарденъ—среди нетерпимаго большинства и безразсуднаго меньшинства, нѣтъ мѣста тому, кто не признаетъ власти безъ иниціативы и прогресса, оппозиціи –безъ силы и логики. Поэтому я слагаю свои полномочія. Я буду ждать общихъ выборовъ. Эмиль Жирарденъ».

ненавистнаго парижанамъ за участіе въ кровавомъ подавленіи возстанія 1834 г. маршала Бюжо военнымъ министромъ, что это назначеніе уже состоялось и можетъ быть каждый моментъ опубликовано.

Всѣ эти слухи естественно вызывали тревогу, биржа нервничала, дѣла приходили въ застой, отъ котораго страдали особенно мелкіе торговцы, винившіе во всемъ министерство и короля. Изъ провинціи оппозиція получала многочисленныя привѣтствія съ приглашеніемъ продолжать начатое дѣло. Студенты, недавно устроившіе направленную противъ внѣшней политики и самого короля демонстрацію и привѣтствовавшіе республиканца Мишлэ бурными оваціями, волновались и заражали своимъ волненіемъ рабочихъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались запросы, когда же и гдѣ, наконецъ, будетъ устроенъ банкетъ.

Вопросъ о банкетѣ былъ снова обсужденъ 14 февраля у Одилона Барро, и было рѣшено устроить его, какъ и предполагалось раньше, въ многолюдномъ XII округѣ, причемъ всѣ участники должны были обязаться держаться въ самыхъ мирныхъ рамкахъ, воздержаться отъ всякихъ возгласовъ, даже отъ крика: да здравствуетъ реформа!, и не поддаваться никакимъ провокаціямъ, дабы отвѣтственность за возможное столкновеніе пала всецѣло на правительство. Президентъ банкета долженъ былъ произнести тостъ за право собраній и за реформу; всѣ остальные тосты были по обыкновенію также заранѣе установлены. Когда все уже было урегулировано, возникло новое затрудненіе: если банкетъ состоится въ публичномъ мѣстѣ, а не въ частномъ помѣщеніи, то полиція сможетъ запретить его устройство не устроителямъ, а владѣльцу ресторана, сада и т. д., и вопросъ останется не разрѣшеннымъ. Тогда было рѣшено пріобрѣсть со спеціальной цѣлью устроить банкетъ какую-нибудь недвижимость, и послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ поисковъ такая недвижимость была найдена, но (можетъ-быть, не безъ задней мысли) не въ многолюдномъ центрѣ Парижа, а на его отдаленнѣйшей западной окраинѣ, въ Шалльо, недалеко отъ barrière de l'Etoile. Было уже 20 февраля, когда арендаторъ соотвѣтственнаго дома сдалъ его на десять дней устроителямъ банкета. Въ «National» еще до этого было сообщено, что банкетъ состоится какъ-разъ 20 февраля: пришлось опровергнуть сообщеніе, и отсюда возникъ слухъ, что оппозиція предполагаетъ отказаться отъ банкета.

Настроеніе оппозиціи было и въ самомъ дѣлѣ далеко не побѣдоноснымъ. Слухи о военныхъ приготовленіяхъ правительства, о томъ, что весь гарнизонъ Парижа приведенъ въ военное положеніе, снабженъ саперными принадлежностями и съѣстными припасами на четыре дня, что усилена фабрикація патроновъ, что въ Венсаннѣ дѣлаются приготовленія на случай осады столицы, что по распоряженію свыше оттуда отправлены въ зданіе военной школы пушки и т. д., не прекращались, и запрошенный по этому поводу въ палатѣ военный министръ далъ уклончивый и неопредѣленный отвѣтъ. Отвѣтственность, падавшая при такихъ условіяхъ на организаторовъ банкета, была очень велика, желанія кроваваго столкновенія не было ни у кого, да и кто помимо всего прочаго могъ поручиться за успѣхъ его, буде упрямство правительства и взволнованное состояніе населенія сдѣлаетъ его неизбѣжнымъ? Но въ то же время оппозиціи нельзя было дольше медлить, если она не желала потерять всякій авторитетъ въ глазахъ населенія и оправдать раздававшіеся уже въ ультрарадикальной «Réforme» упреки въ трусости и измѣнѣ.

Уже 18 февраля комиссія, избранная для устройства банкета, рѣшила, еще не имѣя помѣщенія, что банкетъ состоится во вторникъ 22 февраля; предпочли назначить его въ будни, дабы избѣжать чрезмѣрнаго скопленія народа и дабы не откладывать его до 27 февраля. Вышедшія 19 февраля газеты уже сообщали объ этомъ рѣшеніи.

Чтобы не нести всей отвѣтственности, комиссія въ то же время постановила созвать новое собраніе депутатовъ (притомъ не только изъ лѣвой) и доложить ему о всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Собраніе состоялось 19 февраля въ Café Durand подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро. Въ числѣ явившихся былъ членъ «прогрессивно-консервативной» группы Дарблэ, который просилъ собраніе отъ имени своихъ друзей отказаться отъ банкета. «Вы хотите совершить манифестацію въ пользу права собраній, и обезпечить ей легальный характеръ. Но одно изъ двухъ: либо правительство воспрепятствуетъ вашему проекту, либо оно его потерпитъ. Въ первомъ случаѣ вы окажете сопротивленіе, и кто можетъ предвидѣть, какъ далеко вы пойдете? Во второмъ случаѣ власть потерпитъ униженіе и окончательно потеряетъ остатокъ своего авторитета». Пусть оппозиція лучше продолжаетъ парламентскую борьбу; вѣдь событія показали, что она можетъ ее вести съ успѣхомъ: консервативная партія уже распадается, и разумная политика оппозиціи еще ускоритъ этотъ процессъ.

Рѣчь Дарблэ была встрѣчена очень холодно, и Ламартинъ выразилъ всеобщее настроеніе, когда въ длинной рѣчи заявилъ, что честь запрещаетъ оппозиціи отказаться отъ банкета, что отказаться отъ него значитъ подписать капитуляцію страны передъ министерствомъ. «Отдадимъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, къ чему мы хотимъ побудить Францію во вторникъ. Мятежъ ли это? Нѣтъ. Революція ли это? Нѣтъ. Да устранитъ Богъ возможно дольше необходимость ея отъ нашей страны! Что же это тогда? Актъ національной воли и взрывъ всемогущества закона въ великой странѣ. Господа, Франція часто, слишкомъ часто, слишкомъ, быть-можетъ, стремительно совершала за послѣднія 50 лѣтъ революціонные акты; она еще не совершала великаго гражданскаго акта; мы хотимъ совершить за нее гражданскій актъ, актъ законнаго сопротивленія противъ тѣхъ представителей произвола, противъ коихъ она до сихъ поръ не сумѣла защитить себя въ должной мѣрѣ при помощи конституціонныхъ средствъ.

Говоря конкретнѣе, предложеніе Дарблэ потому было непріемлемо для оппозиціи, что оно сводилось къ признанію права министерства запрещать любое политическое собраніе и тѣмъ самымъ парализовать возможность внѣпарламентской агитаціи. Указаніе Дарблэ на парламентскіе успѣхи оппозиціи грѣшило наивностью: вѣдь оппозиція была обязана этими успѣхами какъ-разъ своей внѣпарламентской агитаціи; безъ нея она не достигла бы и ихъ, и стоило ей прекратить агитацію, какъ прежнее положеніе возстанавливалось цѣликомъ. Указаніе на то, что для министерства уступка невозможна подъ страхомъ потерять всякій авторитетъ, точно также не могло имѣть значенія; вѣдь оппозиція именно и стремилась къ дискредитированію министерства, а авторитетъ короля могъ быть легко возстановленъ отставкой дискредитированнаго министерства и назначеніемъ другого, которое пользовалось бы довѣріемъ страны. Основное правило конституціоннаго строя заключается вѣдь въ томъ, что «король не можетъ ошибаться». Оппозиція не пользуется такой при-

вилегіей. Для нея отказъ отъ банкета былъ бы равносиленъ самоубійству. Самые умѣренные изъ ея членовъ прекрасно понимали свое положеніе, и именно поэтому они и не могли уступить.

Согласно съ настроеніемъ собранія на другой день 20 февраля въ газетахъ появилось сообщеніе, излагавшее результаты преній, подчеркивавшее, что «единогласно было признано необходимымъ болѣе чѣмъ когда-либо протестовать путемъ крупнаго акта законнаго сопротивленія противъ мѣры, противной какъ принципамъ конституціи, такъ и тексту закона», и объявлявшее, что банкетъ назначенъ окончательно на 22 февраля. Свыше ста настоящихъ и бывшихъ депутатовъ, три пэра Франціи (герцогъ д'Аркуръ, де-Буасси, д'Альтонъ Шэ) заявили, что они намѣреваются принять участіе въ банкетѣ.

Чрезвычайное обостреніе положенія и близость конфликта усилили стремленіе умѣренныхъ консерваторовъ устранить его наиболѣе грозныя послѣдствія,—возможный уличный бой и страшное кровопролитіе. Они начали переговоры какъ съ правительствомъ, такъ и съ оппозиціей, настаивая и тамъ и тутъ на томъ, что, разъ вопросъ о правѣ собраній вызываетъ споры, необходимо передать его на разрѣшеніе суда, не доводя дѣло до формальнаго разгона участниковъ банкета и неизбѣжнаго при данныхъ условіяхъ вмѣшательства вооруженной силы. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній обѣ стороны согласились устроить совѣщаніе для обсужденія вопроса о возможномъ компромиссѣ. Министерство поручило представительство своихъ интересовъ депутатамъ Морни и Витэ, оппозиція—Дювержье де Горанну, де Мальвиллю и Бержэ. Названныя лица собрались все того же 19 февраля и выработали соглашеніе которое они изложили въ нижеслѣдующемъ, подписанномъ ими протоколѣ:

«Имѣя въ виду устранить столкновеніе, которое могло бы, нарушая общественный порядокъ, скомпрометтировать наши учрежденія и наши вольности, имѣя также въ виду избавить какъ правительство, такъ и оппозиціонную партію отъ смѣшного положенія или отъ опасности, Дювержье де Гораннъ, Леонъ де Малвилль, Бержэ, Витэ и де Морни собрались, обязуясь использовать каждый свое вліяніе, дабы побудить стороны принять рѣшенія и соглашенія, которыя они сочтутъ полезнымъ и разумнымъ принять при данныхъ обстоятельствахъ.

«Послѣ того, какъ цѣль настоящаго собранія была выяснена, взаимное положеніе партій было опредѣлено слѣдующимъ образомъ:

«Министерство заявило при обсужденіи адреса, что оно имѣетъ, по его мнѣнію, право запрещать банкеты на основаніи законовъ и общихъ полицейскихъ регламентовъ, что оно не считаетъ поэтому нужнымъ внести въ палаты новый законъ, полагая, что оно обладаетъ достаточнымъ оружіемъ по данному вопросу, но что вопросъ о законности будетъ разрѣшенъ въ другомъ мѣстѣ.

«Въ чемъ же, однако, заключается лойяльное и логическое средство достигнуть этого разрѣшенія? Очевидно, такого средства вовсе нѣтъ, если правительство не пойдетъ до извѣстной степени навстрѣчу. Необходимо, прежде всего, чтобы какой-либо банкетъ былъ объявленъ, чтобы администрація была оповѣщена объ этомъ, чтобы было назначено мѣсто и совершены всѣ приготовленія. Если предположить засимъ, что правительство, думая опираться на свое право, велитъ захватить залъ и будетъ

противиться силою вхожденію участниковъ банкета, то что можетъ изъ этого произойти? Есть двѣ возможности.

«Либо депутаты и ихъ свита сдѣлаютъ попытку войти при помощи силы; независимо отъ серьезности подобнаго рода акта и его послѣдствій, такое дѣйствіе представляло бы актъ возмущенія (rebellion). Дѣло измѣнитъ, такимъ образомъ, свою природу, и вопросъ о законности останется неразрѣшеннымъ.

«Либо депутаты и ихъ свита предпочтутъ не вызывать столкновенія и мирно разойдутся. Тогда не будетъ на лицо ни проступка (dèlit), ни совершенія запретнаго дѣйствія (contravention), не будетъ почвы ни для протокола, ни для суда, и вопросъ останется опять не разрѣшеннымъ, продолжая служить источникомъ враждебнаго броженія между партіями.

«Ни правительство, ни оппозиція не выигрываютъ ничего при этихъ двухъ рѣшеніяхъ.

«Пять членовъ (собранія)... пришли къ согласному заключенію, что единственное средство добиться разрѣшенія, которое покончило бы съ столь острымъ положеніемъ, заключается въ томъ, чтобы правительство согласилось дать запрещенному имъ дѣйствію развиться настолько, чтобы оно могло быть законнымъ порядкомъ констатировано, съ тѣмъ, чтобы вопросъ о законности могъ быть перенесенъ послѣ заочнаго обвинительнаго приговора мирового судьи на просвѣщенный судъ кассаціонной палаты.

«Въ силу этого пятью членами, какъ лойяльными и честными людьми, воодушевленными разумнымъ и патріотическимъ намѣреніемъ, были добросовѣстно установлены слѣдующіе пункты соглашенія.

«Депутаты оппозиціи сдѣлаютъ все человѣчески возможное, дабы порядокъ не былъ нарушенъ. Они мирно войдутъ въ залъ банкета, несмотря на предупрежденіе полицейскаго комиссара, который, стоя у дверей, предупредитъ ихъ въ самый моментъ ихъ вхожденія, что они нарушаютъ постановленіе префекта полиціи. Они будутъ рекомендовать участникамъ не оскорблять и не подвергать оскорбительнымъ крикамъ полицейскаго комиссара... Они займутъ мѣста. Какъ только они усядутся, полицейскій комиссаръ установитъ совершеніе ими запрещеннаго дѣйствія и обратится къ Буасселю или къ какому-либо иному лицу, заявляя собравшимся, что они должны разойтись, такъ какъ въ противномъ случаѣ, онъ, комиссаръ, будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ силѣ, дабы принудить ихъ къ этому.

«На это предписаніе Барро отвѣтитъ короткой рѣчью, въ которой будетъ отстаивать право собраній; онъ заявитъ протестъ противъ этого злоупотребленія властью со стороны правительства; онъ установитъ, что онъ желалъ лишь вызвать судебное рѣшеніе по данному вопросу, и онъ пригласитъ собраніе мирно разойтись, хотя и заявляя въ то же время, что оно уступаетъ только силѣ. Онъ внушитъ собранію, что всякое возмущеніе (rebellion) или оскорбленіе по отношенію къ какому-либо должностному лицу извратило бы совершенно вопросъ и не достигло бы цѣли, которую оппозиція имѣла въ виду. Установлено лойяльное соглашеніе въ томъ смыслѣ, что онъ не произнесетъ рѣчи противъ правительства и большинства (палаты), и что онъ вообще не придастъ собранію вида банкета, состоявшагося противъ воли правительства.

«Немедленно по произнесеніи этой рѣчи депутаты подадутъ примѣръ удаленія,

и, уходя, они заявятъ, что они добились своей цѣли, и что они избрали единственный путь, чтобы добиться судебнаго приговора, все это для того, чтобы собравшаяся вокругъ зданія публика не сдѣлалась жертвой недоразумѣнія и не пришла въ озлобленное состояніе.

«Члены собранія лойяльно берутъ... на себя обязательство повліять на газеты, органы ихъ партій, «Débats», «Conservateur», «Constitutionnel», «Siècle», «National» въ томъ смыслѣ, чтобы никакая провоцирующая или насмѣшливая статья не могла озлобить умы, извратить вышеустановленныя дѣйствія и использовать ихъ какъ оружіе противъ правительства или противъ оппозиціи. Полемика по этому предмету будетъ соотвѣтствовать духу, приведшему къ настоящему соглашенію. Поведеніе оппозиціи будетъ разсматриваться какъ достойное и умѣренное дѣйствіе; правительство не будетъ подвергаться обвиненію въ слабости, въ отступленіи, его образъ дѣйствій будетъ оцѣниваться какъ признакъ его искренняго желанія придерживаться принятаго во время дебатовъ (въ палатѣ) обязательства довести дѣло до судебнаго рѣшенія.

«Когда комиссаръ предъявитъ (палатѣ) обвиненіе противъ Буасселя или кого-либо другого, палата дастъ свое согласіе на его судебное преслѣдованіе безъ затрудненій, безъ рѣчей.

«Депутаты оппозиціи обязуются не покровительствовать, не предсѣдательствовать, не содѣйствовать своими рѣчами или своимъ присутствіемъ никакому банкету ни въ Парижѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, разъ онъ будетъ запрещенъ муниципальной властью, вплоть до приговора кассаціонной палаты, и не нападать на правительство за мѣры, которыя оно сочтетъ нужнымъ принять, дабы воспрепятствовать устройству иныхъ банкетовъ.

«Наконецъ, такъ какъ невозможно установить всѣ детали, духъ этой бумаги, понимаемой съ той добросовѣстностью и разумностью, которая свойственна людямъ, поставленнымъ столь высоко и столь почтеннымъ, какъ пять собравшихся членовъ, будетъ руководить ими какъ до, такъ и послѣ банкета во всемъ ихъ участіи и вмѣшательствѣ въ акты, которые будутъ вызваны подготовкой и послѣдствіями банкета».

20 февраля текстъ соглашенія былъ доведенъ до свѣдѣнія совѣта министровъ и оппозиціи и былъ принятъ обѣими сторонами. Трудно представить себѣ лучшее доказательство миролюбія оппозиціи. Вѣроятность, что кассаціонная палата встанетъ на сторону оппозиціи, была очень мала. Въ своихъ мемуарахъ Гизо разсказываетъ, что «магистраты соблюдали подобающую осторожность сужденій, но все указывало на то, что ихъ взглядъ на вопросъ о законности (банкетовъ) соотвѣтствовалъ поведенію правительства; было основаніе думать, что кризисъ будетъ имѣть спокойный исходъ; наиболѣе умѣренные изъ республиканцевъ, казалось, были готовы примириться съ этимъ». Характеризуя настроеніе оппозиціи относительно попытокъ примиренія, Гарнье-Пажесъ, со своей стороны, говоритъ: «что касается оппозиціи, то она не дѣлала никакихъ затрудненій: вопросъ незамѣтно былъ перенесенъ на другую почву; самымъ важнымъ, самымъ существеннымъ стала демонстрація всего парижскаго населенія, слѣдующаго голосу депутатовъ. Лишь бы добиться этого, можно было допустить кой-какія уступки относительно банкета, который представлялъ уже только второстепенный инцидентъ. Даже самые крайніе радикалы предпочитали несомнѣнный результатъ бою, на успѣхъ котораго они не разсчитывали,

и не имѣли до послѣдняго момента иного плана». Доказывая дальше, какъ благопріятенъ былъ исходъ переговоровъ для оппозиціи, онъ говоритъ: «Какое значеніе могли имѣть новыя рѣчи на прерываемомъ банкетѣ послѣ страстныхъ дебатовъ въ палатѣ? Одна только демонстрація сохраняла дѣйствительную и серьезную важность, а демонстрація должна была состояться»!

Въ этихъ словахъ содержится ключъ къ пониманію послѣдующихъ событій. Несмотря на все кажущееся согласіе правительства и оппозиціи, обѣ стороны совершенно разно оцѣнивали значеніе состоявшагося соглашенія. Въ глазахъ правительства центръ тяжести его заключался въ готовности оппозиціи отказаться отъ попытки осуществить банкетъ, во что бы то ни стало, въ глазахъ оппозиціи онъ заключался въ готовности правительства допустить мирную манифестацію парижскаго населенія въ пользу реформы, и, чѣмъ сомнительнѣе былъ успѣхъ оппозиціи передъ судомъ кассаціонной палаты, тѣмъ бо́льшее значеніе для нея долженъ былъ пріобрѣсть характеръ предстоявшей демонстраціи, весь смыслъ которой заключался, при данныхъ условіяхъ, въ томъ, чтобы оказать возможно сильнѣйшее моральное давленіе на власть.

Интересъ къ демонстраціи былъ очень великъ какъ среди національной гвардіи, такъ и среди студентовъ и рабочихъ, что, однако, отнюдь не значитъ, чтобы подавляющая масса ихъ готовилась къ бою. Даже ультрарадикалы не думали о немъ: 20 февраля редакторъ «Réforme», Флоконъ, явился къ одному изъ членовъ редакціи съ просьбой одолжить редакціи 300 франковъ, необходимыхъ для уплаты гербоваго сбора за нумеръ отъ 21 февраля, и сообщилъ, что касса газеты совершенно пуста (число ея подписчиковъ никогда не превышало 2000), что газета прекращаетъ свое существованіе, такъ какъ приходится отложить надежды на водвореніе республики до смерти Людовика-Филиппа, и что послѣдній нумеръ ея появится въ среду 23 февраля, причемъ на расходы по изданію двухъ послѣднихъ нумеровъ придется ликвидировать движимое имущество редакціи. Въ предстоящей демонстраціи, какъ таковой, даже онъ усматривалъ, по словамъ Гарнье-Пажеса, «тріумфъ демократіи». Согласно съ этимъ Ледрю-Ролленъ впервые со времени лиллькаго банкета публично изъявилъ намѣреніе принять въ ней участіе, а представители недавно образовавшагося въ Парижѣ ультрарадикальнаго избирательнаго комитета—въ составъ его входили Луи Бланъ, Гинаръ, Феликсъ Піа и др.,—Луи Бланъ, Овенъ (Howyn) и Гинаръ явились въ комиссію по устройству банкета съ просьбой о предоставленіи рабочимъ особаго мѣста въ предстоящемъ шествіи. Несмотря на то, что комиссія въ лицѣ О. Барро, Паньерра и Гарнье-Пажеса настаивала на томъ, «что это требованіе оскорбляетъ принципъ равенства, что рабочіе имѣютъ право принять участіе въ шествіи наравнѣ съ прочими гражданами, что долгъ банкетной комиссіи заключается въ томъ, чтобы доказать передъ лицомъ всѣхъ единеніе всѣхъ классовъ, что различеніе (рабочихъ) является скорѣе признакомъ разъединенія, скорѣе оскорбленіемъ, чѣмъ честью», комиссія, со своей стороны, пошла, наконецъ, навстрѣчу заявленному ей желанію и согласилась отвести колоннѣ рабочихъ особое мѣсто. Въ то же время прекратились и несогласія между студентами, изъ коихъ часть придерживалась болѣе умѣренныхъ взглядовъ «National'я», часть—болѣе крайнихъ взглядовъ «Réforme». Образовавшіяся на почвѣ этихъ несогласій двѣ студенческія банкетныя комиссіи

слились 19 февраля и совмѣстно потребовали у банкетной комиссіи кромѣ десяти билетовъ на участіе въ банкетѣ, предоставленныхъ студентамъ, еще десять для рабочихъ. Просьба ихъ была уважена тѣмъ охотнѣе, что въ участіи студентовъ усмотрѣли «новое доказательство, что любимое народомъ (студенческое) вліяніе будетъ слѣдить за сохраненіемъ порядка и окажетъ дѣйствительное содѣйствіе къ поддержанію легальнаго и мирнаго характера манифестаціи».

Утромъ 20 февраля собралась подкомиссія банкетной комиссіи, которой было поручено установить церемоніалъ манифестаціи и всѣ предосторожности для сохраненія порядка во время ея. Въ засѣданіи участвовали Марра, Перрэ, Паньерръ, Біеста, д'Альтонъ-Шэ, и еще два лица, тогда какъ всѣ остальные члены ея не явились. «Марра—разсказываетъ Гарнье-Пажесъ—написалъ программу, указалъ порядокъ шествія и нарисовалъ планъ мѣстности, гдѣ каждая секція шествія должна была остановиться, дошедши до собора св. Магдалины, предназначеннаго служить мѣстомъ сбора». «Это похоже скорѣе на планъ битвы, чѣмъ на программу»—сказалъ Перрэ, давая свое согласіе. Раньше, чѣмъ дать свое согласіе, Меррюо, главный редакторъ «Constitutionel», потребовалъ предварительнаго согласія О. Барро и Дювержье де Горанна. Чтобы удовлетворить это справедливое желаніе, Марра отправился немедленно къ Одилону Барро. Не заставъ его, онъ снова пріѣхалъ къ нему вечеромъ. О. Барро обѣдалъ у Кульманна. Марра отправляется туда. Торопясь, въ виду поздняго времени, онъ не читаетъ ему всей программы, но излагаетъ ея главныя положенія: «да, это хорошо,—говоритъ О. Барро; — это хорошо,. но позаботьтесь не прибавлять ничего такого, что могло бы скомпрометтировать оппозицію». Послѣ этого программа была отправлена непосредственно въ «Siècle», «Constitutionel», «National», «Courier Français».

Вотъ что парижане могли прочесть утромъ 21 февраля въ этихъ газетахъ:

«Реформистская манифестація».

«Главная комиссія, имѣющая порученіе организовать банкетъ XII округа, считаетъ долгомъ напомнить, что назначенная на завтра, вторникъ, манифестація преслѣдуетъ законное и мирное осуществленіе конституціоннаго права, права политическихъ собраній, безъ коего представительный образъ правленія былъ бы лишь насмѣшкой.

«Такъ какъ министерство заявило и утверждало съ трибуны, что осуществленіе этого права подчинено произволу полиціи, то депутаты оппозиціи, нѣкоторые изъ пэровъ Франціи, изъ бывшихъ депутатовъ, членовъ генеральнаго совѣта, магистратовъ, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ національной гвардіи, членовъ центральнаго (избирательнаго) комитета оппозиціонныхъ избирателей и редакторовъ парижскихъ газетъ приняли обращенное къ нимъ приглашеніе принять участіе въ манифестаціи, дабы протестовать, на основаніи закона, противъ незаконнаго и произвольнаго притязанія.

«Такъ какъ можно естественно предвидѣть, что этотъ публичный протестъ можетъ привлечь значительное участіе гражданъ; такъ какъ надо также предположить, что національные гвардейцы Парижа, вѣрные своему долгу по отношенію къ Свободѣ и Общественному Порядку, пожелаютъ исполнить по этому случаю этотъ двойной долгъ, что они пожелаютъ защищать свободу, присоединяясь къ манифе-

стаціи, защитить порядокъ и устранить всякое столкновеніе своимъ присутствіемъ; и такъ какъ намъ показалось, что въ предвидѣніи значительнаго скопленія національныхъ гвардейцевъ и гражданъ подобаетъ принять распорядокъ, который устранилъ бы всякую причину волненія и безпорядка:

«то комиссія полагала, что манифестація должна состояться въ такомъ кварталѣ столицы, гдѣ ширина улицъ и площадей позволитъ населенію собираться, не вызывая этимъ переполненія.

«Съ этой цѣлью депутаты оппозиціи, пэры Франціи и другія лица, приглашенныя на банкетъ, соберутся въ ближайшій вторникъ въ 11 ч. въ обычномъ мѣстѣ собраній парламентской оппозиціи, площадь церкви св. Магдалины № 2.

«Подписчики банкета, принадлежащіе къ національной гвардіи, приглашаются собраться передъ церковью св. Магдалины и образовать два параллельныхъ ряда, посерединѣ коихъ встанутъ приглашенные.

«Во главѣ шествія встанутъ высшіе офицеры національной гвардіи, которые явятся, чтобы присоединиться къ манифестаціи.

«Непосредственно за приглашенными и участниками банкета займетъ мѣсто рядъ офицеровъ національной гвардіи.

«За ними національные гвардейцы, образуя колонны, въ порядкѣ нумераціи легіоновъ.

«Между третьей и четвертой колонной молодые люди изъ (высшихъ) школъ съ избранными ими комиссарами во главѣ.

«Далѣе остальные національные гвардейцы Парижа и окрестностей, въ вышеуказанномъ порядкѣ.

«Шествіе двинется въ $11^1/_2$ ч. и направится черезъ площадь Согласія и Елисейскія поля къ мѣсту банкета.

«Комиссія, убѣжденная, что эта манифестація будетъ тѣмъ болѣе дѣйствительной, чѣмъ она будетъ спокойнѣе, тѣмъ болѣе импозантной, чѣмъ тщательнѣе она устранитъ всякій поводъ къ столкновенію, приглашаетъ гражданъ не издавать никакихъ криковъ, не носить знаменъ или внѣшнихъ значковъ; она приглашаетъ національныхъ гвардейцевъ, которые примутъ участіе въ манифестаціи, явиться безъ оружія; дѣло касается законнаго и мирнаго протеста.

«Комиссія надѣется, что въ данномъ случаѣ всякій присутствующій будетъ смотрѣть на себя какъ на должностное лицо, обязанное позаботиться о сохраненіи порядка; она ввѣряетъ себя присутствію національныхъ гвардейцевъ; она ввѣряетъ себя чувствамъ парижскаго населенія, которое хочетъ общественнаго мира вмѣстѣ съ свободой и которое знаетъ, что оно нуждается лишь въ мирной демонстраціи, чтобы обезпечить сохраненіе своихъ правъ, демонстраціи, соотвѣтствующей духу интеллигентной и просвѣщенной націи, которая сознаетъ неустранимый авторитетъ моральной силы и которая увѣрена, что ей удастся осуществить свои законныя желанія путемъ законнаго и спокойнаго выраженія своего мнѣнія».

Впечатлѣніе, произведенное этимъ сообщеніемъ, было огромное. Эта программа сразу измѣнила положеніе вещей. «Дѣло заключалось уже не въ томъ, чтобы добиться судебнаго рѣшенія, а въ томъ, чтобы дать разразиться народному движенію,—говоритъ Гизо;—ходъ событій зависѣлъ уже не отъ поведенія присутствующихъ на

банкетѣ депутатовъ, а отъ поведенія собравшейся ихъ проводить толпы. При данномъ положеніи вещей и партій программа представляла даже нѣчто бо́льшее, чѣмъ простой созывъ толпы для манифестаціи ея мнѣнія и воли; въ спеціальномъ приглашеніи, обращенномъ къ національнымъ гвардейцамъ явиться въ качествѣ таковыхъ хотя бы и безъ оружія, но въ формѣ и въ легіонномъ порядкѣ, заключалось серьезное нарушеніе законовъ, касавшихся этого гражданскаго войска». «Если оппозиціи было возможно совершать въ Парижѣ такія властныя дѣйствія, созывать національную гвардію, приводить въ упорядоченное движеніе населеніе, рабочихъ, студентовъ, если ея приказанія выслушивались и исполнялись,—вторитъ ему Гарнье-Пажесъ, — то власть не находилась болѣе въ рукахъ министерства, а принадлежала оппозиціи; увольненіе Гизо становилось ненужнымъ».

Тонъ программы, оцѣнка, которую она встрѣтила съ двухъ противоположныхъ сторонъ, а также и дальнѣйшія дѣйствія правительства и оппозиціи, доказываютъ, какъ значительно было возбужденіе массы парижскаго населенія и какъ необходима, слѣдовательно, была уступка правительства. Вѣдь не будь этого возбужденія, программа должна была бы произвести просто смѣшное впечатлѣніе своимъ предположеніемъ, что всѣ—національная гвардія не только Парижа, но и его окрестностей, студенты, рабочіе—повинуются группѣ депутатовъ, имена многихъ изъ коихъ еще вчера никому не были извѣстны. А между тѣмъ программа произвела какое угодно, только не смѣшное впечатлѣніе. Очевидно готовились грозныя событія, но какія именно: мятежъ или революція? Въ этомъ заключался весь вопросъ и для той и для другой стороны—и обѣ ошиблись при его разрѣшеніи. Обѣ рѣшили, что предстоитъ мятежъ, а не революція. Именно поэтому правительство шло напроломъ, а оппозиція въ послѣдній моментъ уступила. И правительство и оппозиція проглядѣли, что среди буржуазіи готовится «революція презрѣнія», что среди народной массы готовится «соціальная революція», что движеніе неудержимо принимаетъ стихійный характеръ, что дѣло идетъ къ кровавой развязкѣ.

ГЛАВА III.

Февральскіе дни и провозглашеніе временнаго правительства.

§ 1. 21 февраля.

Положеніе, созданное составленнымъ Марра объявленіемъ, повергло дворъ и министерство въ озлобленно-рѣшительное настроеніе, а оппозиціонные круги отъ наиболѣе умѣренныхъ до самыхъ крайнихъ—въ полное смятеніе, тѣмъ болѣе понятное, что всѣ члены банкетной комиссіи, не участвовавшіе въ подкомиссіи, принявшей программу Марра, прочитали ее впервые утромъ 21 февраля въ газетахъ.

Правительство узнало текстъ объявленія еще 20 февраля, и Дюшатель тотчасъ сообщилъ его Витэ и Морни, которые сначала не хотѣли вѣрить въ его подлин-

ность, и заявилъ имъ, что при данныхъ условіяхъ правительство считаетъ себя свободнымъ отъ достигнутаго 19 февраля соглашенія и запретитъ банкетъ безусловно.

Утромъ 21 февраля Витэ и Морни отправились въ собраніе членовъ оппозиціи, которые сошлись у Одилона Барро безъ всякаго созыва подъ однимъ впечатлѣніемъ только-что прочитаннаго объявленія [1]). Въ настроеніи собравшихся преобладало удивленіе по поводу случившагося, и недовольство по поводу того, что такой важный шагъ былъ предпринятъ безъ ихъ вѣдома. На этой почвѣ уже проявлялась наклонность къ благовидному отступленію. Когда представители министерства явились и сообщили о рѣшеніи правительства, имъ, тѣмъ не менѣе, указали на безусловно мирный тонъ объявленія, на то, что «оно не содержитъ ни одной статьи, которая не вытекала бы логически изъ принятаго соглашенія; что проектъ организовать шествіе при участіи національной гвардіи и народа никогда не скрывался ни отъ нихъ, ни отъ министерства, ни отъ публики; что министерство было положительно освѣдомлено о немъ, такъ какъ оно требовало отъ оппозиціи, чтобы она обязалась честью не пренебречь ничѣмъ, дабы сохранить порядокъ среди толпы; что, слѣдовательно, по существу дѣла ничего не измѣнилось, что теперь слишкомъ поздно, чтобы сдѣлать шагъ назадъ, и что сдѣлать попытку остановить внезапно народное движеніе значитъ желать усилить его и вызвать катастрофу». По словамъ Гарнье-Пажеса, Морни на это отвѣтилъ, ято это, быть-можетъ, и такъ, но что опубликованіе программы представляетъ, во всякомъ случаѣ, новый важный фактъ, придающій событіямъ неожиданный оттѣнокъ, и что въ глазахъ министерства допустить манифестацію въ такомъ видѣ—значитъ отречься отъ всякаго авторитета. Собесѣдники его не отрицали, что и они не одобряютъ того тона манифеста, которымъ отличается программа, и Дювержье заявилъ, что возможно ослабить этотъ тонъ, опубликовавъ въ вечернихъ газетахъ за 21 февраля и въ утреннихъ газетахъ за 22 февраля пояснительную замѣтку. Текстъ составленной имъ тутъ же замѣтки имѣлъ слѣдующее содержаніе: «Замѣтка, появившаяся сегодня утромъ въ газетахъ, имѣла исключительной цѣлью поддержать порядокъ въ шествіи, которое должно двинуться съ площади Магдалины къ мѣсту банкета. Было бы серьезнымъ недоразумѣніемъ, если бы могли усмотрѣть въ этой замѣткѣ признакъ узурпаціи принадлежащаго правительству авторитета и притязаніе на созывъ національной гвардіи. Подобнаго рода созывъ противорѣчилъ бы правиламъ и былъ бы незаконнымъ, и намѣреніе банкетной комиссіи отнюдь не заключалось въ этомъ. Она только хотѣла избѣжать всякой путаницы среди національныхъ гвардейцевъ, которые явились бы спонтанно и индивидуально безъ оружія, дабы присутствовать въ собраніи. Въ совѣтахъ, данныхъ комиссіей, нѣтъ, такимъ образомъ, ничего такого, что можно было бы истолковать, какъ желаніе комиссіи замѣнить своими актами правильное проявленіе правительственной дѣятельности по отношенію къ національной гвардіи». Самъ Марра не возражалъ противъ этой редакціи, и Морни съ Витэ взялись передать ее министерству, выражая, по словамъ Гарнье-Пажеса надежду, что министерство этимъ удовлетворится.

---

[1]) Гарнье-Пажесъ называетъ въ качествѣ присутствующихъ, кромѣ Барро, лишь Дювержье де Горанна, де Мальвилля, Паньерра и прибавляетъ, что въ началѣ ихъ бесѣды съ Витэ и Морни явился Марра.

Но было уже поздно. Въ 11 ч. утра уже собрался совѣтъ министровъ и единогласно рѣшилъ не допустить ни банкета, ни манифестаціи. Согласно съ этимъ на улицахъ Парижа немедленно появилась прокламація префекта полиціи Делессера къ «Парижскимъ обывателямъ (habitants de Paris)». Вотъ ея текстъ:

«Обыватели Парижа!

«Безпокойство, вредно отзывающееся на трудѣ и на дѣлахъ, царитъ въ теченіе нѣсколькихъ дней надъ умами. Оно проистекаетъ изъ готовящихся манифестацій. Руководясь весьма основательными мотивами общественнаго порядка и пользуясь правомъ, которое даютъ ему законы и которое постоянно примѣнялось, не подвергаясь оспариванію, правительство запретило банкетъ двѣнадцатаго округа. Тѣмъ не менѣе, согласно сдѣланному въ палатѣ депутатовъ заявленію, что этотъ вопросъ по своему существу подлежитъ судебному разрѣшенію, оно приняло рѣшеніе дать возможность констатировать совершеніе запрещеннаго дѣйствія, давъ участникамъ банкета войти въ залъ банкета, въ надеждѣ, что участники будутъ столь разумны удалиться по первому требованію, дабы не превратить простого ослушанія въ актъ возмущенія. Въ этомъ заключалось единственное средство довести дѣло до высшей кассаціонной палаты.

«Правительство остается при этомъ рѣшеніи; но опубликованный сегодня утромъ оппозиціонными газетами манифестъ указываетъ на иную цѣль, на другія намѣренія; онъ создаетъ новое правительство на ряду съ истиннымъ правительствомъ страны,—правительствомъ, установленнымъ хартіей и опирающимся на большинство палаты; онъ призываетъ къ публичной манифестаціи, опасной для спокойствія города; онъ созываетъ въ нарушеніе закона 1831 г. національныхъ гвардейцевъ, которыхъ онъ распредѣляетъ заранѣе въ правильныя линіи, по порядку нумераціи легіоновъ, съ офицерами во главѣ. При добросовѣстномъ отношеніи здѣсь невозможно никакое сомнѣніе: самые ясные, установленные самымъ твердымъ образомъ законы нарушены. Правительство сумѣетъ заставить ихъ соблюдать, такъ какъ они представляютъ основу и гарантію общественнаго порядка.

«Я приглашаю всѣхъ добрыхъ гражданъ придерживаться этихъ законовъ, не присоединяться ни къ какому сборищу изъ опасенія не дать мѣста печальнымъ волненіямъ. Я обращаюсь съ этимъ призывомъ къ ихъ патріотизму и къ ихъ разуму во имя нашихъ учрежденій, во имя общественнаго спокойствія и самыхъ дорогихъ интересовъ города.

Парижъ, 21 февраля 1848 г.

Пэръ Франціи, префектъ полиціи

Г. Делессеръ».

Вмѣстѣ съ этой прокламаціей всюду были вывѣшены еще три акта: одинъ запрещалъ банкетъ на основаніи закона 1790 г., другой содержалъ напоминаніе о законѣ противъ мятежныхъ уличныхъ сборищъ, третій, исходившій отъ командира національной гвардіи генерала Жакемино и обращенный къ національнымъ гвардейцамъ, напоминалъ имъ статьи 234 и 258 Улож. о нак., коими имъ запрещалось собираться безъ законнаго созыва. Манифестація и впредь не запрещалась окончательно; безусловно запрещалось лишь шествіе въ томъ видѣ, какъ его проектиро-

вала комиссія. Участники банкета могли отправиться каждый порознь или небольшими группами къ мѣсту своего назначенія и тамъ продѣлать заранѣе усло вленную комедію, дабы могло состояться судебное рѣшеніе по вопросу о законности банкетовъ. Министерство рѣшило ограничить все дѣло всецѣло и исключительно предѣлами этого вопроса, и на первый взглядъ могло казаться, что оппозиція могла примириться съ этимъ результатомъ: не считалась ли она сама съ самаго начала съ невозможностью провести банкетъ, вопреки категорическому запрещенію и вытекавшему изъ него обращенію правительства къ вооруженной силѣ; не стремилась ли она первоначально лишь къ тому, чтобы подчеркнуть свое убѣжденіе въ законности своихъ дѣйствій; не заявляла ли и она, что она желаетъ лишь довести дѣло до судебнаго разбирательства и приговора?

Съ тѣхъ поръ, однако, положеніе измѣнилось настолько, что съ отказомъ отъ манифестаціи все дѣло теряло для оппозиціи всякое значеніе. Умѣренные члены оппозиціи не отдали себѣ своевременно отчета въ томъ, что значило поднять вопросъ о банкетѣ послѣ шестимѣсячной агитаціи въ странѣ именно въ Парижѣ съ его громаднымъ, полнымъ революціонныхъ воспоминаній населеніемъ, обсуждать его здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, когда страстные дебаты въ палатѣ успѣли проникнуть въ столицѣ во всѣ слои населенія, когда идея реформы вызвала наружу такую массу разнообразныхъ и неопредѣленныхъ, опасныхъ именно въ силу своей неопредѣленности надеждъ, когда всѣ классы населенія, за исключеніемъ «банкократіи», привыкли видѣть въ реформѣ своего рода панацею противъ всякихъ золъ, когда ненависть и презрѣніе къ правительству, старательно распространяемыя именно умѣренными, распространились повсюду и искали себѣ выхода. Движеніе съ каждымъ днемъ переростало надежды, намѣренія, желанія своихъ иниціаторовъ, и иниціаторовъ началъ разбирать страхъ какъ передъ его вѣроятной неудачей, разъ оно столкнется съ войскомъ, такъ и передъ его возможнымъ успѣхомъ. «Въ то время какъ правительство организовало репрессію (офицерамъ парижскаго гарнизона были, напр., даны подробныя инструкціи на случай уличнаго боя, въ основаніи которыхъ лежалъ подробный планъ маршала Жерара), Парижъ организовалъ демонстрацію. Депутаціи одна за другой являлись къ О. Барро. Подкомиссія принимала всѣ мѣры относительно соблюденія порядка и сообщала импульсы окружнымъ комитетамъ, которые передавали ихъ безотлагательно вліятельнымъ въ кварталахъ города и въ отдѣльныхъ ротахъ національной гвардіи лицамъ. Молодые студенты, входившіе въ (студенческую) комиссію, созывали всю молодежь латинскаго квартала на вторникъ 22-го на площадь Пантеона и медицинской школы. Въ теченіе всего воскресенія и понедѣльника рабочіе не переставали обходить всѣ мастерскія, чтобы согласиться относительно массоваго шествія изъ пригородовъ къ церкви св. Магдалины. Газеты передавали пароль своей кліентелѣ. Реформистскіе комитеты всѣхъ сосѣднихъ съ Парижемъ городовъ посылали своихъ делегатовъ». Движеніе очевидно приняло настолько массовый характеръ, что теперь, наканунѣ дня манифестаціи, никто уже не могъ бы его остановить. Представленіе о немъ перешло изъ области разсудочныхъ разсужденій въ область непосредственнаго чувства: всѣ чувствовали, что готовится нѣчто чрезвычайное, что въ этомъ чрезвычайномъ нужно принять участіе, что оно состоится и будетъ имѣть какія-то неопредѣленныя,

но важныя и желательныя послѣдствія. Мысль объ участіи въ манифестаціи приняла характеръ навязчивой идеи. Проявлялось громадное и страшное вліяніе массовой психической заразы, когда разсудокъ молчитъ и безсиленъ даже тогда, когда онъ заявляетъ о своихъ правахъ, когда властвуетъ чувство, смѣшанное чувство озлобленія и надежды, недовольства и стремленія создать нѣчто такое, что устранило бы причины недовольства, неопредѣленное, но могучее чувство, лежащее въ основаніи всѣхъ великихъ, творческихъ или разрушительныхъ, народныхъ движеній. Иниціаторы теперь не играли больше роли: разъ приведенная въ движеніе, машина продолжала работать, захватывала массою своихъ мелкихъ, добровольныхъ агентовъ всю народную массу, выбивала ее изъ колеи и властно направляла всѣ ея помыслы въ одну сторону, на одну цѣль. Сомнѣвающихся, неувѣренныхъ, нерѣшительныхъ было немало и среди нея, но среди охватившаго всѣхъ водоворота надеждъ и рѣшимости ихъ индивидуальныя сомнѣнія-ихъ неувѣренность, ихъ нерѣшительность не успѣвали проникнуть прочно въ сознаніе, появлялись и снова исчезали, а общая волна росла и уносила всѣ препятствія. Въ такія минуты только люди съ очень сильнымъ умомъ или люди, чисто физически, далекіе отъ массовой жизни, способны сохранить хладнокровіе, отдать себѣ отчетъ во всѣхъ возможныхъ случайностяхъ и послѣдствіяхъ совершающагося и, смотря по характеру, либо опредѣленно выбрать свою позицію, либо безнадежно колебаться между страхомъ и надеждой, желаніемъ принять участіе въ общемъ движеніи и сознаніемъ всей его неизбѣжной сложности, спутанности и чреватой будущими столкновеніями его участниковъ неопредѣленности.

Къ числу послѣдней категоріи, къ числу колеблющихся принадлежали и иниціаторы движенія, чему содѣйствовала немало и страшная, падавшая на нихъ, отвѣтственность. Было бы несправедливо и слишкомъ элементарно объяснять ихъ поведеніе просто трусостью, даже если признать, что они или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ не была свободна отъ нея: среди тѣхъ, кто затѣялъ все движеніе, мы не встрѣчаемъ героическихъ или даже вообще очень сильныхъ натуръ. Это были самые обыкновенные по своему характеру, а нерѣдко и по своему умственному складу депутаты, писатели, адвокаты, поэты, ученые. Но сущность дѣла заключалась не въ этомъ, а въ томъ, что за самыми рѣдкими исключеніями всѣ они стояли очень далеко отъ народной массы и большею частью относились къ ея инстинктивнымъ движеніямъ, къ ея выдержкѣ, къ ея пониманію условій общественной жизни съ болѣе или менѣе значительнымъ, болѣе или менѣе основательнымъ недовѣріемъ. Вѣдь подавляющее большинство ихъ вовсе не считало народъ дѣйствительно зрѣлымъ для участія въ государственной жизни и, вступая въ движеніе, стремилось распространить политическія права лишь на болѣе широкіе круги образованнаго меньшинства. При такихъ условіяхъ понятно, что грядущее ихъ страшило. Сумѣетъ ли народъ, а въ томъ числѣ не только національная гвардія, но и войско—ибо что такое войско какъ не часть народа?—проявить достаточное пониманіе положенія, достаточную выдержку и силу воли, чтобы отстоять необходимую реформу противъ власти, или власти, ея авторитетному тону, ея властнымъ предписаніямъ и дѣйствіямъ, удастся не только парализовать успѣхъ движенія, но и отбросить его на многіе годы назадъ? Не проявитъ ли народъ въ случаѣ побѣды

дремлющихъ въ немъ анархическихъ инстинктовъ, не обагритъ ли онъ своихъ рукъ ненужной кровью, не прорветъ ли его необуздываемая ничѣмъ воля всѣхъ плотинъ, которыя воздвигнуты вѣками, дабы дисциплинировать толпу и тѣмъ самымъ спасти существованіе общества, внѣ котораго ненавидящій эти плотины народъ превратился бы въ толпу полуголодныхъ дикарей? Вотъ соображенія, которыя повергали большинство депутатовъ въ постоянныя сомнѣнія и колебанія, и среди коихъ вопросъ о соціальномъ переворотѣ игралъ сравнительно малую роль, такъ мало тогда отдавали себѣ отчетъ въ соотвѣтственныхъ стремленіяхъ, уже начавшихъ дѣйствовать на массу. Къ этому присоединялось еще одно обстоятельство: оппозиція все время стремилась къ тому, чтобы моральная отвѣтственность за предстоящее, быть-можетъ, столкновеніе пала не на нее, а на упрямство власти, а теперь многихъ по совѣсти смущалъ вопросъ, не былъ ли въ этомъ смыслѣ манифестъ Марра, въ концѣ концовъ, съ моральной точки зрѣнія ложный шагъ, (не приходилось ли теперь признаться, что доля и, быть-можетъ, не малая доля отвѣтственности падетъ и на оппозицію? Если прибавить къ этому старое, естественно тотчасъ возродившееся недовѣріе разныхъ группъ оппозиціи другъ къ другу, то можно себѣ представить всю трудность ея положенія.

При такихъ условіяхъ въ 1 ч. дня началось засѣданіе палаты, гдѣ оппозиція окончательно узнала изъ устъ де Морни и Витэ, какое рѣшеніе приняло министерство. Засѣданіе, которому надлежало обсудить вопросъ о продленіи привилегіи бордоскаго банка, было открыто, несмотря на то, что количество присутствующихъ депутатовъ было необычайно мало. Оппозиціонные депутаты совѣщались въ самомъ зданіи палаты относительно своего дальнѣйшаго образа дѣйствій. Около $4^1/_2$ ч. мѣста для депутатовъ внезапно наполнились, и среди глубокаго молчанія О. Барро поднялся на трибуну, изложилъ ходъ событій до 20 февраля, подчеркнулъ глубокую увѣренность оппозиціи, что манифестація имѣла бы безусловно мирный характеръ, что «если она и могла нанести ударъ политикѣ кабинета, то общественный порядокъ оказался бы здравъ и невредимъ», и заявилъ, что по слухамъ отношеніе министерства къ манифестаціи внезапно измѣнилось. «Нѣтъ такого министра, нѣтъ такой системы управленія, которая стоила бы капли крови. Дѣло правительства заботиться о сохраненіи порядка и спокойствія въ странѣ; его дѣло оцѣнить серьезность условій, и на немъ прежде всего лежитъ отвѣтственность»—этимъ закончилъ онъ свою рѣчь, въ которой онъ запрашивалъ министерство объ его намѣреніяхъ.

Непосредственно послѣ Барро взошелъ на трибуну Дюшатель. Заявивъ, что отвѣтственность за сохраненіе спокойствія падаетъ не только на правительство, но на всѣхъ вообще, подтвердивъ, что министерство хотѣло лойяльно исполнить заключенное 19 февраля соглашеніе, онъ продолжалъ: «но, господа, прибавилось новое обстоятельство!.. это манифестъ. Этотъ манифестъ нарушаетъ всѣ законы страны, на коихъ покоится ея спокойствіе и общественный порядокъ. (Очень хорошо! очень хорошо!). Законъ о сборищахъ нарушенъ! Законъ о національной гвардіи нарушенъ! Передъ нами возникшее изъ комитета правительство, занимающее мѣсто конституціоннаго правительства... Оно обращается къ гражданамъ, созываетъ отъ своего собственнаго имени національныхъ гвардейцевъ, вызываетъ сборища... Нѣтъ, мы не могли это перенести». Правительство и теперь не отказывается отъ соглашенія

относительно банкета, но манифестаціи, «провозглашенія импровизированнаго правительства на ряду съ законнымъ и конституціоннымъ правительствомъ» оно не допуститъ ни за что.

«Это различеніе, установленное между банкетомъ и манифестаціей, было ловко и справедливо,—сознается Гарнье-Пажесъ,—но—прибавляетъ онъ—оно появилось несомнѣнно слишкомъ поздно».

Въ своемъ отвѣтѣ на рѣчь министра Барро прежде всего отмѣтилъ, что онъ не участвовалъ въ составленіи «манифеста» и, одобряя его содержаніе, не одобряетъ нѣкоторыхъ употребленныхъ въ немъ выраженій. Объяснивъ далѣе, какими миролюбивыми намѣреніями руководились составители манифеста, и заявивъ, что, если бы не было новыхъ рѣшеній министерства, онъ гарантировалъ бы честью, что не было бы никакого безпорядка (протесты въ центрѣ, одобреніе слѣва), онъ продолжалъ: «но тѣ репрессивныя мѣры, которыя вы устанавливаете,—не скрывайте этого отъ себя,—обостряютъ, я говорю это съ болью, и безъ того слишкомъ обостренное положеніе, повышаютъ возбужденное настроеніе еще на градусъ. Въ настоящее время, господа, отвѣтственность за это положеніе падаетъ на васъ (шумные протесты центра.—Восклицаніе: вотъ еще что!) Вы не хотѣли порядка при наличности свободы и благодаря свободѣ, такъ примите же на себя послѣдствія созданнаго вами положенія». (одобреніе слѣва, волненіе).

На трибунѣ снова появляется Дюшатель. «Рѣшеніе правительства—заявляетъ онъ — оправдывается словами О. Барро... Почтенный О. Барро не признаетъ и не дезавуируетъ этого манифеста (движеніе). Разъ этотъ манифестъ не признанъ, но и не дезавуированъ, можетъ ли онъ служить залогомъ искренности для насъ, на коихъ лежитъ обязанность сохранять общественный порядокъ»? Засимъ министръ еще разъ подтверждаетъ, что рѣшеніе кабинета неизмѣнно, и засѣданіе кончается среди общаго возбужденія. Слѣдующее засѣданіе: 22 февраля въ 1 ч. дня. Порядокъ дня: законопроектъ о продленіи привилегіи бордоскаго банка.

«Оффиціально засѣданіе было закрыто, но внѣ залы засѣданій оно продожалось,—разсказываетъ современникъ.—Занявъ залы и кулуары, депутаты образовывали группы' въ которыя вмѣшивались журналисты и нѣкоторые политическіе дѣятели, пользовавшіеся по обычаю привилегіей проникать сюда. Повсюду слышались одни и тѣ же замѣчанія и тѣ же отвѣты, разнообразившіеся лишь въ зависимости отъ разнообразія впечатлѣній и характеровъ». Одни указывали на то, что поле сраженія оппозиціи совершенно измѣнилось: вмѣсто того, чтобы защищать право собраній, приходилось защищать право сборищъ; вмѣсто того, чтобы бороться законнымъ путемъ противъ министерства, приходилось бороться путемъ возстанія противъ монархіи. Они были правы. Другіе заявляли, что все это вѣрно, но что вина во всемъ этомъ падаетъ на министерство, которое останавливается сегодня на такомъ разграниченіи явленій, котораго оно не не дѣлало вчера, что для оппозиціи нѣтъ отступленія, несмотря на то, что движеніе превзошло всѣ ожиданія, что отступиться отъ него теперь значитъ лишь отказаться отъ надежды руководить имъ, предоставить руководство имъ неизвѣстно кому. Они были также правы. Въ одинаковой основательности противоположныхъ сужденій и заключался весь трагизмъ положенія этихъ людей, начавшихъ движеніе, переросшее такъ быстро ихъ намѣренія.

Особенно волновались члены лѣваго центра, Тьеръ, де Ремюза, и члены такъ наз. «третьей партіи». Они справедливо настаивали на необходимости открыть немедленно правильное засѣданіе соединенныхъ группъ оппозиціи, и послѣ неудачной попытки открыть его въ одномъ изъ помѣщеній палаты всѣ отправились ок. 5ч. вечера къ Одилону Барро. Крайне характерно, что засѣданіе началось съ негодующаго восклицанія того самаго Лербетта, который назвалъ Гизо «Тартюфомъ политической честности»: «кто составилъ программу»? Рѣшительное заявленіе Гарнье-Пажеса, что онъ «беретъ и принимаетъ на себя всю отвѣтственность за нее», положило предѣлъ запоздалымъ взаимнымъ обвиненіямъ, и О. Барро немедленно формулировалъ подлежавшіе разсмотрѣнію и разрѣшенію вопросы: «По вопросу о банкетѣ право на сторонѣ оппозиціи. Но право переходитъ на сторону министерства, разъ оно обращается къ закону о сборищахъ, чтобы воспрепятствовать шествію. Возможно ли при данномъ положеніи вещей отправиться на банкетъ индивидуально, оставляя въ сторонѣ шествіе? Слѣдуетъ ли оставаться до конца и, во что бы то ни стало, при рѣшеніи устроить одновременно двойную демонстрацію въ видѣ банкета и шествія»? Взявъ на себя роль предсѣдателя, Барро только ставилъ вопросы, онъ не предлагалъ никакого рѣшенія.

Тьеръ первый высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ за банкетъ и противъ шествія, которое можетъ привести лишь къ кровавому уличному столкновенію, и предложилъ обратиться съ адресомъ къ королю. Гарнье-Пажесъ категорически возражаетъ противъ послѣдняго предложенія, совершенно непріемлемаго для всей оппозиціи, вотъ уже шесть мѣсяцевъ доказывающей все зло, происходящее отъ «личнаго правленія». Бетмонъ предлагаетъ отказаться не только отъ шествія, но и отъ банкета: «присутствовать только при банкетѣ это значитъ дать правительству поводъ для смѣхотворнаго процесса. Не допустимо, чтобы члены оппозиціи отправились туда каждый индивидуально; нужно, чтобы они стали во главѣ шествія. А шествіе это битва. Битва съ кѣмъ? Битва съ депутатами? Нѣтъ: правительство отдало распоряженіе слѣдить заботливо объ ихъ безопасности. Итакъ, битва съ народомъ? Пока депутаты, почтительно удерживаемые въ залѣ банкета, останутся тамъ внѣ опасности, за нѣсколько шаговъ оттуда народъ будетъ разогнанъ, разстрѣлянъ, массакрированъ. Вотъ въ чемъ заключался бы для депутатовъ истинный позоръ». Лучше подвергнуться непопулярности, чѣмъ взять на себя такую отвѣтственность.

Ламартинъ высказывается со свойственной ему элегантной страстностью рѣчи не менѣе рѣшительно какъ за банкетъ, такъ и за шествіе. Впослѣдствіи онъ раскается въ этомъ и признаетъ, что это была «ошибка, даже единственная ошибка» въ его политической дѣятельности. Дювержье де Гораннъ и де-Мальвилль заявляютъ, что, принявъ разъ публично извѣстное рѣшеніе, они перестаютъ быть хозяевами своей воли и что они будутъ на банкетѣ. То же самое заявляетъ Лербеттъ, прибавляя, что если по данному вопросу большинство даже и выскажется противъ участія, то оно не можетъ связывать меньшинства. Мари и д'Арагонъ присоединяются къ нимъ.

Дебаты продолжаются еще нѣкоторое время. Чувствуется, что большинство стоитъ за уступку, но необходимо голосовать. О. Барро и Гарнье-Пажесъ воздерживаются отъ голосованія, заявивъ, что они считаютъ себя лично заинтересованными, но что если хоть одинъ депутатъ будетъ на банкетѣ, то будутъ и они.

Голосуютъ: 80 голосовъ за то, чтобы отложить банкетъ, 17 противъ, изъ нихъ 9 человѣкъ заявляютъ, что они подчиняются рѣшенію большинства. Надо сообщить рѣшеніе банкетной комиссіи. Въ 9 ч. депутаты снова соберутся у О. Барро.

Послѣ ухода депутатовъ появляются члены банкетной комиссіи, делегаты центральнаго избирательнаго комитета и XII округа и представители печати, и дебаты возобновляются. Сначала настроеніе склоняется въ пользу демонстраціи. Отступать нельзя. Неужели предоставить народу одному подвергаться опасности? Министерство цѣликомъ виновато: почему оно не заявило сразу своей теперешней точки зрѣнія, а предоставило народному движенію разрастись? Оно желало поймать народъ въ ловушку, поставить его передъ выборомъ между стрѣльбой и позорнымъ отступленіемъ.—Все это такъ, но разъ министерство, очевидно, желаетъ возстанія, то довести дѣло до него значило бы сыграть ему въ руку, уничтожить всѣ плоды шестимѣсячной работы, убить оппозиціонное движеніе надолго. Если бы депутаты не отказались присутствовать, ихъ присутствіе сдержало бы власти. Теперь, когда ихъ, очевидно, ужъ не будетъ, народъ не можетъ разсчитывать ни на какое снисхожденіе. Надо подчиниться.—Но что же дѣлать? Снова возникаетъ, чтобы быть снова отвергнутой, мысль о массовомъ сложеніи депутатскихъ полномочій. Отвергаются и другія предложенія. Надо прибѣгнуть къ очень сильному средству, чтобы побудить народъ отказаться отъ манифестаціи. Тогда Паньерръ предлагаетъ поднять въ палатѣ вопросъ о преданіи министерства суду, съ тѣмъ, чтобы организовать по всей Франціи сочуственное этому предложенію движеніе, составить немедленно соотвѣтственный актъ и сообщить о немъ немедленно же по всему городу. Предложеніе принимается, присутствующіе депутаты подписываютъ in blanco еще не составленный актъ обвиненія, и всѣ расходятся, чтобы сообщить всѣмъ мѣстнымъ комитетамъ и редакціямъ, а чрезъ нихъ главнымъ вожакамъ рабочихъ пригородовъ, національной гвардіи и студенчества о состоявшихся рѣшеніяхъ.

Тѣмъ временемъ уже печатались два сообщенія, которыя появились на другой день—22 февраля—во всѣхъ утреннихъ газетахъ. Въ одномъ, въ составленіи котораго принялъ участіе Тьеръ, излагались соображенія, заставившія депутатовъ отложить банкетъ. Другое было составлено Марра по порученію банкетной комиссіи. Вотъ его текстъ:

«Главная комиссія по организаціи банкета XII округа, принявъ къ свѣдѣнію рѣшеніе оппозиціонныхъ депутатовъ и

принимая во вниманіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ съ трибуны, что онъ допуститъ банкетъ, если участники отправятся на него индивидуально,

что, такимъ образомъ, министерству былъ бы данъ поводъ установить совершеніе запрещеннаго дѣйствія и предоставить простому полицейскому суду рѣшить вопросъ о политическомъ правѣ, который подлежитъ компетенціи палатъ и всей страны въ цѣломъ,

что, такимъ образомъ, была бы оказана услуга желаніямъ министерства и что въ его пользу была бы сыграна своего рода комедія, недостойная исполненныхъ сознанія своихъ правъ гражданъ;

принимая вдобавокъ во вниманіе, что общая манифестація, въ которой должно

было участвовать населеніе Парижа, могла придать проектированному банкету его истинный характеръ,

что принятыя военной властью мѣры подвергали бы тѣхъ, кто настаивалъ бы и дальше на коллективной демонстраціи противъ силы, несомнѣннымъ и кровавымъ столкновеніямъ,

что патріотизмъ и гуманность одинаково повелѣваютъ избѣгать подобныхъ крайностей,

принимая все это во вниманіе, комиссія рѣшила, что банкетъ XII округа будетъ отложенъ; она оставляетъ на правительствѣ отвѣтственность за провокаціи и насилія; она питаетъ полную увѣренность, что актъ обвиненія противъ министерства, доведшаго населеніе Парижа до границы гражданской войны, будетъ завтра внесенъ въ палату, и что опрошенная засимъ Франція сумѣетъ силой своего мнѣнія осудить политику, которая давно вызываетъ презрѣніе и негодованіе страны».

Нетрудно понять, что декларація, составленная въ такомъ тонѣ, несмотря на все миролюбіе депутатовъ, не только не могла успокоить читателей, но должна была подлить масла въ огонь. Не подлежитъ сомнѣнію, что составитель ея и вся комиссія были очень далеки отъ этой мысли, но какъ программа шествія превратилась, подъ вліяніемъ общаго настроенія, подъ перомъ Марра въ «планъ битвы», такъ сообщеніе о пріостановкѣ враждебныхъ дѣйствій невольно превратилось подъ его же перомъ въ призывъ къ битвѣ.

А общее настроеніе становилось все болѣе возбужденнымъ. По чрезвычайно мѣткому замѣчанію Гарнье-Пажеса, «ничто не умѣряетъ страстей толпы, такъ какъ онѣ анонимны», т.-е. безотвѣтственны. Здѣсь каждый отвѣчаетъ только за себя и свободно отдается своему настроенію, и чѣмъ больше толпа, тѣмъ быстрѣе, тѣмъ неудержимѣе растетъ разъ охватившее ее настроеніе, доходя то до массоваго религіознаго экстаза, то до величайшаго энтузіазма борьбы, то до самаго ужаснаго проявленія звѣриной жестокости. Не неся или не чувствуя сама никакой отвѣтственности, полная собственнаго возбужденія, готовая на все, масса не понимаетъ, не можетъ понять того чувства глубокаго волненія, того колебанія, которое охватываетъ ея вчерашнихъ вожаковъ, когда наступаетъ рѣшительный моментъ. Она не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ, какъ мало можно положиться на ея настроенія, какъ быстро, какъ незамѣтно для нея самой мѣняются эти настроенія, какъ велика инертная, грозная именно своей неподвижностью, сила ея противника, которую ея вожаки слишкомъ хорошо знаютъ, которую они естественно такъ же склонны переоцѣнивать, какъ они склонны недооцѣнивать силу народной стихіи даже тогда, когда они признаютъ, что она пришла въ серьезное движеніе.

Настроеніе толпы проявилось со всей яркостью въ двухъ собраніяхъ, состоявшихся въ редакціяхъ газетъ «Siècle» и «Réforme». Въ редакціи «Siècle», которая должна была служить информаціоннымъ центромъ для всего города, толпы народа слѣдовали другъ за другомъ, занимали всѣ помѣщенія, возмущались «измѣнѣ» и «трусости» депутатовъ, покрывшихъ всю оппозицію «позоромъ» своего отступленія, и требовали, чтобы депутаты явились, дабы объяснить свое поведеніе. Когда это требованіе стало извѣстнымъ у О. Барро, то собравшіеся тамъ депутаты послали туда нѣсколькихъ делегатовъ, встрѣченныхъ при своемъ появленіи тѣмъ болѣе враждебно, что среди нихъ

не было никого изъ болѣе видныхъ членовъ палаты. Настроеніе нѣсколько улеглось лишь тогда, когда явились Дювержье де Гораннъ, де Мальвилль, Гарнье-Пажесъ, Карно, д'Арагонъ и Паньерръ съ намѣреніемъ сообщить о рѣшеніи банкетной комиссіи. По свидѣтельству Гарнье-Пажеса, изъ нихъ Дювержье пользовался славой наиболѣе непримиримаго врага «личнаго правленія». Ему удалось поэтому заставить себя слушать, и въ нѣсколькихъ взволнованныхъ словахъ онъ изложилъ мотивы, руководившіе его коллегами, и сообщилъ объ ихъ рѣшеніи привлечь министерство къ суду. Но и его слова оказались безсильными убѣдить собраніе, и одинъ изъ присутствующихъ обратился къ нему съ страстными словами: «Депутаты виновны не въ слабости, а въ измѣнѣ. Принявъ на себя публично съ трибуны обязательство присутствовать, во что бы то ни стало, на банкетѣ, они дезертируютъ, наканунѣ боя, какъ трусы»! Дювержье пытался указать на то, что депутатамъ самимъ, вѣдь, не грозила никакая опасность, и что поэтому нельзя объяснять ихъ поведеніе трусостью, но въ заключеніе онъ выразилъ сожалѣніе по поводу ихъ рѣшенія, противъ котораго онъ самъ голосовалъ. Отсюда новые страстные дебаты, но намѣренія собранія оставались неясными. Никто, собственно, не зналъ, что дѣлать, и когда Гарнье-Пажесъ спросили, что онъ скажетъ по поводу настроенія собранія и по поводу упрековъ, раздающихся по адресу депутатовъ, онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, ихъ недостаточно упрекаютъ, несмотря на то, что общественное настроеніе и опередило депутатовъ, что само по себѣ необходимо въ интересахъ дѣла. Очевидно, онъ все еще не былъ увѣренъ въ томъ, не ограничится ли это волненіе возмущеніемъ противъ депутатовъ, вмѣстѣ того, чтобы вылиться въ рѣшеніе дѣйствовать безъ нихъ на свой страхъ. Среди продолжающагося волненія явился редакторъ «Siècle'я» Перрэ и сообщилъ, что онъ, въ качествѣ офицера національной гвардіи, только-что вернулся изъ штаба своего легіона, гдѣ полученъ приказъ созвать на другое утро въ 6 ч. всѣ легіоны національной гвардіи. Національная гвардія не созывалась съ 1841 г., когда король впервые услышалъ изъ ея рядовъ возгласъ: «да здравствуетъ реформа»! «Настоящая почва для манифестаціи найдена», заявилъ онъ. Пусть завтра вся національная гвардія выйдетъ на звуки призывающаго ее барабана, и пусть она устроитъ гигантскую демонстрацію въ пользу реформы. «Всѣ свободно вздохнули—разсказываетъ очевидецъ Гарнье-Пажесъ;—среди единодушныхъ апплодисментовъ дебаты тотчасъ прекратились. Всѣ разошлись съ рѣшеніемъ занять свой постъ, созвать туда всѣхъ реформистовъ и привѣтствовать реформу съ энергіей, не знающей препятствій».

Въ отличіе отъ собранія въ редакціи «Siècle'я» собраніе въ редакціи «Réforme» состоялось не самопроизвольно, а на основаніи двусмысленнаго по формѣ, но яснаго по существу приглашенія, напечатаннаго утромъ 21 февраля въ этой газетѣ. Здѣсь собралось 80 человѣкъ, все вожаки крайней лѣвой и явившіеся вслѣдъ за ними шпіоны, въ томъ числѣ уже упомянутый де ла Годдъ, оставившій въ своихъ запискахъ описаніе собранія. Пренія были продолжительны, причемъ снова обрисовались тѣ же два теченія, что и въ квартирѣ О. Барро. Д'Альтонъ-Шэ доложилъ о рѣшеніяхъ депутатовъ, заявляя при этомъ, что самъ онъ готовъ, тѣмъ не менѣе, принять участіе въ демонстраціи: рѣшенія депутатовъ, разумѣется, никого здѣсь не удивили и были приняты къ свѣдѣнію, какъ лишнее доказательство той негодности и трусости умѣренной оппозиціи всѣхъ оттѣнковъ, въ которой ультрарадикалы никогда не сомнѣвались, и какъ

залогъ потери ими своей популярности, которая только мѣшала крайней лѣвой. Относительно того, что имъ дѣлать самимъ, долго не могли придти къ рѣшенію. Бонъ, Коссидіеръ, Лагранжъ, Рэ, рабочій Альберъ стояли за необходимость использовать представляющійся случай, поддержать движеніе и превратить его въ революцію, но какъ Ледрю-Ролленъ, такъ и Луи Бланъ возражали самымъ рѣшительнымъ образомъ, ссылаясь на то, что движеніе захватило революціонеровъ совершенно врасплохъ, что ничего не готово, что нѣтъ ни оружія, ни лицъ, готовыхъ имъ воспользоваться, что средства правительства обезпечиваютъ ему полную побѣду и превратятъ возстаніе въ простую бойню, что нельзя рисковать быстрыми успѣхами партіи, а необходимо дождаться болѣе удобнаго момента. Въ концѣ концовъ, послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и было рѣшено напечатать на другой день въ «Réforme» слѣдующее обращеніе къ народу:

«Люди изъ народа, берегитесь завтра всякаго безумнаго увлеченія.

Не предоставляйте власти желаннаго повода для кроваваго успѣха.

Не давайте этой династической оппозиціи, которая отрекается отъ васъ и отрекается отъ себя, предлога, которымъ она поспѣшила бы прикрыть свою слабость.

Вы видите, вотъ результаты иниціативы, взятой на себя тѣми, кто не принадлежитъ къ намъ.

Терпѣніе! когда демократической партіи будетъ угодно взять на себя подобнаго рода иниціативу, тогда увидятъ, отступаетъ ли она, разъ выступивши»!

Если оставить въ сторонѣ фразеологію, рѣшеніе крайней лѣвой совпадало, такимъ образомъ, съ рѣшеніемъ депутатовъ. Общество временъ года, во главѣ котораго стояли Альберъ и (шпіонъ) де ла Годдъ, получило соотвѣтственное распоряженіе, соединенное, однако, съ предписаніемъ быть готовымъ на всякій случай. Студенческій комитетъ также рѣшилъ предложить студенчеству воздерживаться отъ попытокъ демонстрацій.

Съ внѣшней стороны, такимъ образомъ, все обстояло благополучно для власти. Къ вечеру министерство получило извѣстія о разнообразныхъ рѣшеніяхъ всѣхъ группъ оппозиціи, и впечатлѣніе ихъ было настолько благопріятно, что было рѣшено не приводить въ исполненіе приказа объ арестѣ 22 вожаковъ революціонной партіи и отказаться отъ занятія города войсками и національной гвардіей. «Король, министры, генералы и высшіе агенты власти, всѣ мы—разсказываетъ Гизо самъ—все еще, какъ въ теченіе предыдущей недѣли, находились подъ властью мысли, что великимъ событіемъ дня былъ банкетъ, и что, такъ какъ онъ дезорганизованъ и отложенъ, мы пережили самый опасный моментъ. Несмотря на то, что запретить банкетъ насъ побудила программа уличной и враждебной манифестаціи, которую республиканская партія присоединила къ банкету, мы не дали себѣ должнаго отчета въ серьезности этого новаго факта и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя онъ внесъ въ положеніе. Удаляясь со сцены, монархическая оппозиція не только не замедлила движенія, но лишь обострила и освободила движеніе отъ всякихъ помѣхъ. Внутри самой республиканской оппозиціи исчезли всякій авторитетъ, всякая дисциплина: среди кажущихся вождей одни колебались, другіе, увлеченные или опьяненные сами, возбуждали толпу все болѣе и болѣе, предоставляя блескъ своего имени или своего краснорѣчія въ ея распоряженіе; власть перешла цѣликомъ въ руки заговорщиковъ и революціонеровъ-фанатиковъ, рѣшившихъ испробовать все и воспользоваться

всякимъ удобнымъ случаемъ, дабы направить событія согласно указаніямъ своей страсти».

Вѣрное перепутано здѣсь съ невѣрнымъ. Въ томъ движеніи, которое началось на другой день, по крайней мѣрѣ, въ теченіе рѣшительныхъ часовъ этого дня, заговорщики были не при чемъ, но дисциплины въ республиканской, да и не только въ одной республиканской партіи,—дисциплины, въ смыслѣ подчиненія рѣшенію сдѣлать все, чтобы на другой день не произошло никакого столкновенія,—дѣйствительно не было, и этимъ объясняется, что 22 февраля не только не прошло мирно, но видѣло начало революціи. То, что должно было совершиться въ слѣдующіе дни, «это—говоритъ, въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, Гарнье-Пажесъ, — уже не было больше организованная, заранѣе обдуманная сцена; это не былъ актъ увлеченія нѣсколькихъ горячихъ душъ; это былъ заговоръ ненависти, надеждъ и честолюбія. Помимо всякихъ организацій, всякаго руководства, всякихъ подготовленій, безъ иной мысли, кромѣ мысли о правѣ, безъ иного мотива, кромѣ чести, безъ оружія, безъ военныхъ припасовъ, безъ вождей народъ собирался совершить актъ суверенитета».

Пока тайныя общества сознательно готовили въ тиши революцію, пока ихъ вожаки разсчитывали на вѣчный, по ихъ мнѣнію, революціонный инстинктъ народной массы, они терпѣли неудачу за неудачей и подводили народъ подъ пули и штыки. Движенія 1832, 1834, 1839 г. были потушены въ крови. Теперь наоборотъ: вожаки одинъ за другимъ отступались подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами отъ своихъ рѣшеній, призывали народъ къ спокойствію, заранѣе объявляли призывъ къ оружію провокаціей, а народное настроеніе, тѣмъ временемъ, подымалось все выше и выше и, не видя препятствій, не желало ихъ знать, объявляя всѣхъ, кто указывалъ на нихъ, трусами и измѣнниками.

Основная причина этого, на первый взглядъ, крайне страннаго явленія заключается какъ въ характерѣ партійной жизни и дѣятельности этой эпохи французскаго общественнаго развитія, такъ и въ характерѣ партійной жизни нашего времени вообще.

Партіи представляютъ попытки организовать разныя направленія общественнаго мнѣнія данной страны. По своей идеѣ и по своей конечной цѣли каждая данная партія представляетъ организованную совокупность в с ѣ х ъ членовъ даннаго общества, руководящихся однородными взглядами на политическое, соціальное и т. д. положеніе, на политическія, соціальныя и т. д. задачи времени. Цѣль организаціи заключается въ томъ, чтобы правильно отражать господствующіе среди большинства взгляды, формулировать ихъ возможно болѣе точнымъ образомъ, укрѣпить ихъ тѣмъ самымъ въ сознаніи всѣхъ членовъ партіи и координировать соотвѣтствующія этимъ взглядамъ дѣйствія какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и всей организаціи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы достигаемый этими дѣйствіями результатъ соотвѣтствовалъ бы въ возможно большей степени партійнымъ цѣлямъ и ожиданіямъ.

Тамъ, гдѣ политическая жизнь не только юридически, но и фактически заключена въ очень тѣсныя рамки небольшой группы лицъ, напр., въ твердо установленныхъ олигархіяхъ, тамъ указанная цѣль партійной организаціи можетъ быть легче всего достигнута, тамъ дѣйствительно всѣ или почти всѣ члены поли-

тическаго общества могутъ быть организованы въ извѣстное число борющихся партій, тамъ партійной организаціи, относительно, не трудно правильно отражать или направлять взгляды ея членовъ, тамъ она можетъ съ значительной увѣренностью оцѣнить силы борющихся сторонъ.

Въ современныхъ европейскихъ обществахъ, въ которыхъ политическіе интересы захватываютъ болѣе или менѣе сознательно огромныя массы населенія, такая законченность политической организаціи представляется пока, а, быть-можетъ, и вообще, невозможной. Здѣсь масса лицъ, пользующихся политическими правами, столь велика, количество лицъ, сознательно относящихся къ политической жизни, наоборотъ, относительно такъ незначительно, что партіи, съ одной стороны, далеко не объемлютъ въ своихъ рядахъ всей совокупности лицъ, имѣющихъ политическія права или стремящихся (хотя бы въ извѣстные моменты) оказать вліяніе на теченіе политической жизни, въ силу чего невозможно учесть заранѣе сколько-нибудь точно соотношеніе борющихся въ странѣ силъ. Съ другой стороны, существующія партіи отчасти имѣютъ, отчасти стремятся имѣть большее вліяніе на политическую жизнь, чѣмъ это соотвѣтствуетъ ихъ внутренней силѣ и даже существу ихъ назначенія. Задача отражать въ своей организаціи данное существующее въ обществѣ теченіе мысли уступаетъ мѣсто стремленію *создавать* опредѣленное теченіе мысли и *направлять* его въ извѣстномъ духѣ.

Въ такомъ направленіи партійной жизни и дѣятельности сказывается вліяніе того факта, что всѣ современныя партіи возникли въ сравнительно узкихъ кругахъ образованнаго, стремящагося сознательно формулировать свои цѣли, меньшинства, все равно—обладало ли это меньшинство участіемъ во власти или оно только стремилось къ нему. Центральный фактъ политической жизни XIX вѣка, демократизація политической жизни или, что то же, необходимость считаться серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, съ массовыми интересами и стремленіями, заставлялъ разъ возникшія партіи, даже если онѣ по существу своихъ взглядовъ были совершенно недемократичны, признать, что безъ содѣйствія массъ онѣ будутъ неминуемо безсильны, и вслѣдствіе этого заставлялъ ихъ стремиться, далѣе, къ тому, чтобы направлять эти массы согласно потребностямъ и взглядамъ партіи. Въ началѣ этого процесса партіи, однако, не задавались цѣлью ввести тѣхъ, на содѣйствіе которыхъ партія разсчитывала, въ свои кадры, что привело бы неминуемо къ воздѣйствію постоянно увеличивающейся массы членовъ на характеръ взглядовъ и дѣятельности партій, а стремились лишь къ тому, чтобы найти такую формулировку партійныхъ лозунговъ, которая могла бы обезпечить каждой данной партіи возможно большее количество сочувствующихъ. Этому содѣйствовало и то обстоятельство, что кругъ полноправныхъ въ политическомъ отношеніи гражданъ въ первой половинѣ XIX вѣка былъ довольно узкимъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, а въ странахъ, лишенныхъ конституціонной организаціи, столь же узкимъ былъ кругъ лицъ, активно интересовавшихся политической жизнью. Впослѣдствіи, когда условія и тамъ, и тутъ измѣнились, измѣнились и особенности партійной организаціи, но это происходило довольно медленно: такъ, напр., въ Англіи приспособленіе партійной организаціи къ демократическому характеру общественной жизни происходитъ лишь послѣ избирательной реформы 1867 г. въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ, главнымъ образомъ, благодаря

иниціативѣ, проявленной Чемберлэномъ въ либеральной и лордомъ Рандольфомъ Черчиллемъ въ консервативной партіи. Да и послѣ этого степень дѣйствительной демократичности соотвѣтственныхъ партійныхъ организацій, т.-е. степень ихъ способности служить отраженіемъ массовыхъ настроеній, далеко не можетъ быть признана идеальной.

Что же касается французской жизни разбираемаго періода въ частности, то условія были здѣсь таковы, что способность партій отражать господствующія въ обществѣ теченія была очень невелика. Ограниченность круга полноправныхъ гражданъ, слабое развитіе политической прессы, собраній и союзовъ, сила традиціонныхъ революціонныхъ идей и пріемовъ борьбы, все это дѣлало серьезный учетъ силъ каждой партіи совершенно невозможнымъ, а фанатическая исключительность разныхъ партій, это наслѣдіе великой революціи, не только затрудняла совмѣстныя дѣйствія, но заставляла тѣ партіи, которыя не находились въ данное время у власти, т.-е. подвергались систематическому гоненію со стороны властвующей партіи, прибѣгать къ тактикѣ тайныхъ обществъ и заговоровъ, т.-е. ставить себя въ условія, еще болѣе затруднявшія образованіе правильнаго сужденія о господствующихъ въ обществѣ настроеніяхъ. Результатомъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и была та оторванность партій отъ народной жизни, которая сказалась какъ въ событіяхъ 1832, 1834 и 1839 г., такъ и въ событіяхъ 1848 г. «Революціи, совершающіяся, какъ результатъ народныхъ чувствъ, въ большинствѣ случаевъ составляютъ скорѣе предметъ желаній, чѣмъ предметъ предусмотрительной дѣятельности (тѣхъ кто ихъ совершаетъ)», говоритъ Токвиль. «Тѣ, которые хвастаютъ тѣмъ, что они ихъ сдѣлали, лишь воспользовались ими. Онѣ возникаютъ самопроизвольно, какъ результатъ всеобщей умственной болѣзни, внезапно доведенной до кризиса случайнымъ обстоятельствомъ, котораго никто не предвидѣлъ; а что касается кажущихся создателей и руководителей этихъ революцій, то они ничего не создаютъ, ничѣмъ не руководятъ; единственная ихъ заслуга тожественна съ заслугой тѣхъ авантюристовъ, которые открыли большинство неизвѣстныхъ земель: она заключается въ рѣшимости идти постоянно прямо впередъ, пока у васъ попутный вѣтеръ».

§ 2. 22 февраля.

Утромъ 22 февраля еще трудно было судить о предстоявшихъ событіяхъ. Съ ранняго утра на улицахъ, правда, появилась, несмотря на пронизывающій мелкій дождь и туманъ, толпа любопытныхъ, пробиравшихся къ церкви св. Магдалины и постепенно переполнившихъ небольшую площадь передъ нею и прилегающія улицы. Другія толпы заняли улицы, по которымъ должно было совершиться предполагаемое шествіе, начиная съ площади Согласія и вдоль Елисейскихъ полей. Настроеніе было неопредѣленно-выжидательное. Войскъ первоначально не было. Постепенно стали появляться отряды ненавистной массѣ населенія муниципальной гвардіи, а далѣе и регулярныя войска, драгуны и пѣхота. Появленіе ихъ служило признакомъ того, что власти получили первыя свѣдѣнія о болѣе серьезномъ движеніи.

Оно началось на площади Пантеона, гдѣ, согласно полученнымъ наканунѣ инструкціямъ, къ 9 ч. утра собралось 700 — 1000 человѣкъ студентовъ и примкнувшихъ къ нимъ рабочихъ. Члены студенческаго комитета, подчинившіеся крайне неохотно рѣшенію оппозиціи, сдѣлали попытку убѣдить собравшихся разойтись. Убѣдившись, однако, въ томъ, что ихъ совѣты встрѣчаются столь же неодобрительно, какъ они сами отнеслись наканунѣ къ рѣшенію депутатовъ, они скоро подчинились господствующему настроенію, встали во главѣ образовавшейся колонны и двинулись съ пѣніемъ марсельезы и съ криками: «да здравствуетъ реформа! долой министерство! долой Гизо»! къ церкви св. Магдалины. Появленіе популярной среди парижскаго населенія учащейся молодежи съ пѣніемъ стараго революціоннаго гимна, съ криками, дававшими настроенію толпы опредѣленное направленіе, послужило толчкомъ для кристаллизаціи всего движенія. Съ одной стороны, къ шествію студентовъ со всѣхъ сторонъ начали примыкать группы отдѣльныхъ прохожихъ и любопытныхъ, съ другой стороны, видъ шествія привелъ въ усиленное движеніе собравшіяся около церкви св. Магдалины толпы. По мѣткому замѣчанію Гарнье-Пажеса, «это была обычная парижская толпа, первоначально скорѣе любопытная, чѣмъ враждебная, но всегда опасная, такъ какъ она прикрываетъ нападеніе и парализуетъ репрессію». Столкновенія съ полиціей, а далѣе и съ войсками при такихъ условіяхъ были тѣмъ болѣе неизбѣжны, что со всѣхъ сторонъ постоянно прибывали все новыя массы народа, среди которыхъ быстро возрастало количество рабочихъ изъ восточныхъ кварталовъ.

Выступленіе студенческой колонны совершилось настолько неожиданно, что она могла пройти съ площади св. Магдалины къ бурбонскому дворцу, мѣсту засѣданій палаты, не встрѣчая почти никакихъ препятствій, кромѣ отдѣльныхъ полицейскихъ комиссаровъ. Два десятка муниципальныхъ гвардейцевъ не могли остановить ихъ движенія, были отброшены назадъ, и первые ряды колонны успѣли уже проникнуть въ отгороженный рѣшеткой дворъ дворца и даже въ самый дворецъ, когда явился взводъ драгунъ, за которымъ шло два батальона 69 пѣхотнаго полка. Зданіе дворца, его дворъ, набережная Сены и мостъ черезъ нее, ведущій отъ дворца къ площади Согласія, были очищены безъ кровопролитія. Видя, кого они имѣютъ передъ собой, мчавшіеся въ карьеръ драгунскій офицеръ, а за нимъ и его солдаты, вложили сабли въ ножны и умѣрили свой шагъ—доказательство того какъ мало войско было озлоблено противъ манифестантовъ. Послѣдніе собрались снова на площади Согласія и двинулись назадъ къ церкви св. Магдалины, а оттуда къ квартирѣ О. Барро. Здѣсь опять засѣдали депутаты, занятые составленіемъ обвинительнаго акта противъ министерства и обсужденіемъ вопроса, какъ быть съ этимъ актомъ. Ко времени прихода студентовъ работа находилась въ разгарѣ (редакція была поручена О. Барро, Гарнье-Пажесу и Дювержье де-Горанну), и выяснилось, что обвинительный актъ будетъ не только внесенъ въ палату, но немедленно опубликованъ. Въ отвѣтъ на требованіе студенческихъ делегатовъ, чтобы депутаты вышли немедленно на улицу и встали во главѣ движенія, О. Барро еще разъ изложилъ имъ точку зрѣнія депутатовъ и познакомилъ ихъ въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ обвинительнаго акта. Текстъ его былъ установленъ слѣдующимъ образомъ:

«Мы предлагаемъ предать министерство суду, такъ какъ оно виновно:

1) въ томъ, что оно предало честь и интересы Франціи во внѣшнихъ сношеніяхъ,

2) въ томъ, что оно извратило принципы конституціи, нарушило гарантіи свободы и посягнуло на права гражданъ,

3) въ томъ, что оно стремилось путемъ систематическаго развращенія подмѣнить свободное выраженіе общественнаго мнѣнія разсчетами частнаго интереса, съ тѣмъ, чтобы извратить, такимъ образомъ, представительный образъ правленія.

4) въ томъ, что оно торговало общественными должностями, а также всѣми аттрибутами и привилегіями власти, въ собственныхъ интересахъ манистерства,

5) въ томъ, что, преслѣдуя ту же цѣль, оно разстроило государственные финансы и скомпрометтировало, такимъ образомъ, національныя силы и величіе,

6) въ томъ, что оно насильственно лишило гражданъ свойственнаго всякой свободной конституціи права, пользованіе которымъ было имъ гарантировано хартіей, закономъ и прецедентами,

7) въ томъ, наконецъ, что оно путемъ открытой контръ-революціонной политики снова поставило подъ сомнѣніе всѣ завоеванія двухъ нашихъ революцій и тѣмъ самымъ повергло страну въ глубокій безпорядокъ».

По существу своему этотъ актъ представляетъ довольно странное явленіе. Направленный формально противъ министерства, онъ, на самомъ дѣлѣ, предъявляетъ обвиненіе не столько противъ него, сколько противъ всего строя іюльской монархіи и противъ хартіи, на которой этотъ строй покоился. Если оставить въ сторонѣ неизбѣжно субъективную оцѣнку всей политики правительства, то всѣ дѣйствія, которыя ставились въ немъ въ вину министерству, либо были основаны на точномъ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ, либо удостоились одобренія со стороны весьма значительнаго большинства обѣихъ палатъ, дѣйствовавшихъ опять-таки согласно предоставленнымъ имъ полномочіямъ. Въ существѣ дѣла, обвинительный актъ оспаривалъ такимъ образомъ цѣлесообразность и разумность всего существующаго порядка. Какъ бы его основная идея ни была справедлива, ясно, что онъ имѣлъ въ силу этого совершенно опредѣленную революціонную тенденцію и значеніе. Осуществить то, чего хотѣли подписавшіе его депутаты, иначе, какъ путемъ революціи, было совершенно невозможно, а между тѣмъ депутаты дѣлали съ своей стороны все, чтобы убѣдить народъ не прибѣгать къ революціоннымъ пріемамъ борьбы. Если представить себѣ, что оба желанія, руководившія депутатами, осуществились бы, т.-е. что народъ отнесся бы спокойно къ происходящимъ событіямъ, и палата приступила бы столь же спокойно къ обсужденію внесеннаго оппозиціей предложенія, то въ результатѣ положеніе оппозиціи оказалось бы несомнѣнно трагикомическимъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ сомнѣваться въ томъ, что палата депутатовъ рѣшительно отвергнетъ предложеніе предать министерство суду верхней палаты, и кто могъ разсчитывать съ увѣренностью на то, что общество, только-что разочаровавшееся въ серьезности и глубинѣ намѣреній оппозиціи, послѣдуетъ за нею, если она дастъ сигналъ къ новой агитаціи? А если общество даже и послѣдуетъ за нею, не будетъ ли это значить, что она его снова призываетъ на путь, который ведетъ къ революціи? И возьметъ ли она тогда на себя отвѣтственность провозгласить ея необходимость?

Всѣ эти вопросы такъ или иначе являлись передъ депутатами, и если уже по вопросу объ устройствѣ банкета изъ 189 депутатовъ, голосовавшихъ 12 февраля противъ министерства Гизо, только сто съ небольшимъ высказались за необходимость настаивать на его устройствѣ, то подъ обвинительнымъ актомъ подписались всего 52 депутата: не только «прогрессивные консерваторы», но и лѣвый центръ и такъ наз. «третья партія», за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, очевидно, устранились отъ движенія или точнѣе отъ дальнѣйшаго активнаго участія въ немъ. Коалиція всѣхъ группъ оппозиціи видимо распадалась; въ ея составѣ оставались преимущественно династическая лѣвая и радикалы. Могло казаться, что побѣда министерства будетъ полной, и притомъ какъ внѣ, такъ и внутри парламента. Недаромъ Гизо только улыбнулся, когда прочелъ обвинительный актъ.

Само собою разумѣется, что въ тотъ моментъ, когда О. Барро бесѣдовалъ со студентами, ни послѣдніе, ни руководимая ими толпа, ни, быть-можетъ, самъ Барро не отдавали себѣ яснаго отчета въ критическомъ положеніи оппозиціоннаго движенія. Удовлетворившись бесѣдой съ популярнымъ депутатомъ, студенты двинулись снова къ площади Согласія, гдѣ тѣмъ временемъ уже произошли первыя болѣе серьезныя столкновенія народа съ муниципальной гвардіей. Толпа воспользовалась тѣмъ, что на площади лежали кучи камней, свезенныхъ туда для какихъ-то работъ, и стала бомбардировать ими стражу, лошади которой вдобавокъ спотыкались на мокромъ асфальтѣ. Раздраженная всѣмъ этимъ, муниципальная гвардія стала, съ своей стороны, прибѣгать къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, и послѣ одной изъ ея атакъ съ мостовой была поднята тяжело избитая женщина, а въ самой толпѣ оказались раненые. Подъ вліяніемъ этого зрѣлища настроеніе становилось все болѣе приподнятымъ. Разсѣянныя въ одномъ мѣстѣ, народныя массы немедленно смыкались въ другомъ. Многіе, явившіеся ради зрѣлища или безъ опредѣленныхъ воинственныхъ намѣреній, начали приходить въ раздраженіе, а толпа все росла, и если главнымъ центромъ ея скопленія была мѣстность около церкви св. Магдалины и площадь Согласія, то группы народа образовались всюду.

Тѣмъ временемъ началось очередное засѣданіе палаты. Депутаты должны были пробираться черезъ густыя толпы народа, которыя ихъ привѣтствовали, смотря по ихъ партійной окраскѣ, то оваціями, то ропотомъ, а далѣе черезъ сильный отрядъ пѣхоты, усиленный артиллеріей, который защищалъ мостъ, ведущій черезъ Сену отъ площади Согласія къ бурбонскому дворцу, набережныя рѣки и самый дворецъ. Въ самомъ началѣ засѣданія О. Барро вноситъ обвинительный актъ въ бюро палаты, гдѣ съ нимъ тотчасъ же знакомится самъ Гизо. На очереди стоитъ, однако, другой вопросъ, вопросъ о продленіи привилегіи бордоскаго банка, и палата или, вѣрнѣе, небольшое число депутатовъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ, приступаютъ къ обсужденію этого дѣла. Настроеніе депутатовъ было неопредѣленное: «день 22 февраля—разсказываетъ Токвиль,—какъ мнѣ казалось, не отличался такимъ характеромъ, чтобы вызывать серьезное безпокойство. Толпа уже наполняла улицы, но мнѣ казалось, что она состояла скорѣе изъ любопытныхъ и фрондеровъ, чѣмъ изъ бунтарей: встрѣчаясь, солдатъ и обыватель посылали другъ другу остроты, и я слышалъ въ толпѣ меньше криковъ, чѣмъ шутокъ». Тѣмъ не менѣе, депутаты не были спокойны. «Вошедши въ палату—продолжаетъ Токвиль,—я встрѣтилъ здѣсь кажу-

щуюся невозмутимость, сквозь которую можно было замѣтить внутреннее кипѣніе тысячи сдержанныхъ страстей. Съ самаго утра это было единственное мѣсто въ Парижѣ, гдѣ я не слышалъ вовсе громкихъ разговоровъ о томъ, что занимало въ этотъ моментъ всю Францію. Правда, только тотъ, кто говорилъ съ трибуны, и тотъ, кто долженъ былъ ему отвѣтить, занимались (очереднымъ) дѣломъ. Г. Дюшатель сказалъ мнѣ, что все идетъ хорошо. Онъ сказалъ это съ видомъ сразу и увѣреннымъ и взволнованнымъ, что мнѣ показалось подозрительнымъ. Я замѣтилъ, что онъ подергиваетъ шеей и плечами (это былъ его обычный тикъ) гораздо сильнѣе и чаще, чѣмъ обыкновенно; я припоминаю, что это маленькое наблюденіе больше, чѣмъ все остальное, заставило меня задуматься. Я узналъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ я не былъ, произошли серьезные безпорядки; нѣсколько человѣкъ было убито или ранено. Въ это время отвыкли отъ подобнаго рода случаевъ... Волненіе было значительно», но все же никто не сомнѣвался въ томъ, что предсказаніе Эмиля де Жирардена, сдѣланное наканунѣ въ разговорѣ съ Салландрузомъ, что «черезъ два дня іюльской монархіи не будетъ», представляетъ результатъ пылкой фантазіи извѣстнаго журналиста. Тѣмъ не менѣе, засѣданіе окончилось рано, ок. 3 часовъ. Передъ его закрытіемъ О. Барро напомнилъ президенту о внесенномъ имъ предложеніи и спросилъ, когда оно будетъ поставлено на очередь. Президентъ холодно отвѣтилъ, что обсужденіе его состоится въ четвергъ, т.-е. 24 февраля.

На улицахъ волненіе не улегается. Центромъ «безпорядковъ» являются теперь Елисейскія поля, гдѣ толпа устраиваетъ костры изъ скамеекъ, перегородокъ и т. д., а затѣмъ сжигаетъ сторожевое помѣщеніе для войскъ. Повсюду замѣчается одно и то же явленіе: толпа перекидывается шутками съ солдатами, привѣтствуя ихъ возгласомъ: «да здравствуетъ армія!» и разступается передъ ними, и, наоборотъ, всячески задѣваетъ отряды городской полиціи съ крикомъ «долой муниципальную гвардію!» и, гдѣ только можно, нападаетъ на нихъ. Передъ зданіемъ морского министерства она разноситъ желѣзную ограду и пользуется ею, чтобы поднять камни мостовой. Около 3 часовъ уже появляются первыя, еще слабыя баррикады на углу улицы св. Флорентина и риволійской улицы, на улицахъ Дюфо и св. Гонорія. Почти всюду, гдѣ появляются порознь или группами національные гвардейцы, они явно симпатизируютъ движенію.

Послѣднее, видимо, разрастается и все болѣе превращается изъ манифестаціи въ бунтъ, и въ результатѣ командиръ первой дивизіи Себастіани и командиръ національной гвардіи Жакемино, совѣщающіеся подъ главнымъ начальствомъ герцога Немурскаго въ зданіи главнаго штаба, признаютъ нужнымъ отдать приказы по своимъ войскамъ о военной оккупаціи города. Первый легіонъ національной гвардіи, въ которомъ служатъ обитатели богатѣйшаго квартала Парижа, какъ и слѣдовало ожидать, становится на сторону правительства, о чемъ свидѣтельствуютъ не столько его возгласы въ честь арміи, сколько раздающійся изъ его рядовъ крикъ: «да здравствуетъ муниципальная гвардія!». Гвардейцы другихъ легіоновъ явно уклоняются отъ участія въ репрессіяхъ; тогда какъ они въ 1832 и 1834 г. откликались массами на призывъ правительства и энергично участвовали въ подавленіи возстаній, они теперь появляются крайне неохотно. Есть легіоны, въ кото-

рыхъ является всего человѣкъ 150. И въ то же время XII легіонъ уже выражаетъ открыто свои симпатіи народу; среди него раздаются самыя враждебныя сужденія по адресу министерства. Тѣмъ не менѣе, появленіе вооруженныхъ массъ на улицахъ само по себѣ приводитъ къ тому, что богатые западные кварталы города съ ихъ широкими улицами и площадями пустѣютъ; раздѣлившаяся на группы толпа устремляется ок. 6 ч. вечера, когда уже наступаетъ темнота, въ центральные и восточные кварталы съ ихъ узкими, извилистыми улицами, которыя уже видѣли начало не одного возстанія и которыя впослѣдствіи (въ эпоху второй имперіи) подверглись систематической перестройкѣ, преслѣдовавшей далеко не однѣ только санитарныя цѣли. Все чаще воздвигаются и быстро уничтожаются слабыя баррикады; нѣсколько оружейныхъ магазиновъ подвергаются разграбленію, мѣстами перерѣзаются газопроводы, раздаются выстрѣлы. Есть убитые и раненые, но настоящаго боя нигдѣ нѣтъ, и около полуночи войска возвращаются въ казармы, оставляя лишь тамъ и сямъ сторожевые отряды.

При дворѣ царило спокойное настроеніе, главнымъ образомъ, благодаря полной увѣренности короля, утверждавшаго, что парижане не любятъ дѣлать революціи зимой. Все, казалось, было подготовлено: правительство располагало 43 баталіонами пѣхоты (по 500 человѣкъ), 2000 муниципальныхъ гвардейцевъ, 2800 конными, 4 батареями въ самомъ Парижѣ, 23 батареями въ близкомъ Венсаннѣ и т. д. Общее количество войскъ доходило до 31000 солдатъ при 27 батареяхъ [1]). Самъ король не сомнѣвался, повидимому, и въ національной гвардіи, въ составъ которой входило ок. 100000 человѣкъ. Около полуночи были получены самыя успокоительныя свѣдѣнія отъ префекта полиціи. «Всѣ мѣры были приняты», говоритъ Гизо, «всѣ приказанія отданы, всѣ войска готовы, чтобы на другой день возстаніе было подавлено быстро и рѣшительно, если бы оно усилилось».

«Среди оппозиціи царило такое же невѣдѣніе на счетъ завтрашняго дня—разсказываетъ Гарнье-Пажесъ.—Партіи, до этого времени увлеченныя быстрымъ движеніемъ, которое имъ сообщила реформистская агитація, останавливались. У О. Барро не было больше собраній; приходили и уходили лишь любопытные; раздавались вопросы, предсказанія, противоположныя сужденія, опасенія; желанія склонялись скорѣе въ сторону примиренія, нежели въ сторону побѣды; нигдѣ никакой активности. То же самое наблюдалось въ редакціяхъ «Siècle» и «Constitutionnel»; нѣсколько больше горячности проявлялось въ редакціяхъ «National» и «Réforme». Нигдѣ нельзя было констатировать реальнаго желанія дѣйствовать, никому не приходила серьезно мысль о томъ, чтобы дать движенію толчекъ. Когда ок. 8 ч. вечера въ Палэ-Роялѣ собрались редакторы и сторонники «Réforme», все дѣло ограничилось незначительными разговорами о событіяхъ дня и назначеніемъ новаго свиданія на другой день... Послѣ сдѣланныхъ ими утромъ усилій вожаки студенчества выжидали результата своей иниціативы: они находились безпрерывно въ редакціяхъ своихъ газетъ («National» и «Réforme»), дѣятельные умомъ, бездѣятельные тѣломъ, взывая къ случаю, къ паролю, къ ди-

---

[1]) Часть этихъ войскъ находилась, впрочемъ, не въ самомъ Парижѣ, а въ Сенъ-Жерменѣ, Версали, Курбвуа и, какъ уже указано, въ Венсаннѣ. Они получили приказъ двинуться немедленно въ Парижъ.

рективъ, но не находя ихъ. Центральный комитетъ, наконецъ, который собрался у Паньерра, ждалъ, когда будетъ созвана и соберется съ оружіемъ въ рукахъ національная гвардія, чтобы привѣтствовать тогда реформу».

Ледрю Ролленъ и Флоконъ полагали, что движеніе не можетъ быть признано серьезнымъ, и даже вожди тайныхъ обществъ Бонъ, Альберъ, Коссидіеръ, Гранмениль думали, что оно едва ли разовьется въ нѣчто болѣе серьезное.

§ 3. 23 февраля.

День 23 февраля рѣшительно обманулъ всѣ эти предположенія. Въ то время, какъ вызванныя изъ окрестностей войска спѣшили въ городъ, движеніе здѣсь съ ранняго утра возобновилось. Центромъ его была центральная часть Парижа между бульварами на сѣверѣ и набережными на югѣ, улицей Тампля и монмартрской улицами на востокѣ и на западѣ. Группы народа дѣятельно обходятъ улицы, собираютъ по квартирамъ оружіе, воздвигаютъ баррикады, всюду привѣтствуютъ солдатъ криками: «да здравствуетъ армія!» предлагаютъ имъ съѣстные припасы и ослабляютъ тѣмъ самымъ ихъ дисциплину. Въ то же время отдѣльные посты разоружаются, происходитъ нападеніе на казарму предмѣстья св. Мартина. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ начинаются сраженія. Дѣло явно принимаетъ серьезный оборотъ, но вся серьезность положенія начинаетъ выясняться только къ 10 ч. утра. Дѣло въ томъ, что къ этому времени по всему городу происходитъ созывъ національной гвардіи—по два батальона отъ каждаго легіона—и сразу выясняется, что она не только не намѣрена дать отпоръ возстанію, но въ своей массѣ безусловно сочувствуетъ ему или, точнѣе, его предполагаемой цѣли, т.-е. устраненію министерства Гизо и реформѣ. Второй легіонъ выступилъ съ криками «да здравствуетъ реформа» и не отказался отъ нихъ, даже проходя передъ королевскимъ дворцомъ. Третій легіонъ не довольствуется тѣми же криками, а, появившись на площади Побѣдъ, бросается между возставшими и муниципальной гвардіей, скрещиваетъ штыки передъ конными отрядами, желающими разогнать толпу, и обходитъ улицы съ криками въ пользу реформы. Четвертый легіонъ приглашаетъ депутата Кремьё составить петицію въ пользу преданія «развращающаго и развращеннаго» министерства суду и рѣшаетъ отнести эту петицію въ палату: встрѣтивъ на своемъ пути въ палату препятствіе въ лицѣ отряда войскъ, гвардейцы передаютъ петицію Кремьё, который обѣщаетъ внести ее въ палату и поздравляетъ ихъ съ проявленной ими гражданской доблестью, послѣ чего они возвращаются назадъ къ мэріи V округа. Пятый легіонъ препятствуетъ нападенію муниципальной гвардіи на народъ и заставляетъ ее вернуться въ свою казарму. Шестой легіонъ проявляетъ сочувствіе къ реформѣ возгласами. Седьмой легіонъ посылаетъ депутацію въ городскую ратушу по случаю убійства одного изъ его членовъ во время вмѣшательства легіона въ столкновеніе войска съ народомъ. Даже въ десятомъ легіонѣ, въ которомъ служатъ обитатели аристократическаго Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, одинъ батальонъ явно возмущается противъ распоряженій своего полковника. Въ результатѣ только одинъ первый легіонъ снова выразилъ правительству свои симпатіи, осыпавъ нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ депу-

татовъ, проходившихъ мимо него по направленію къ палатѣ, ругательствами; но какъ-разъ этому легіону не предвидѣлось дѣла, такъ какъ возстаніе покинуло его кварталъ.

«Въ общей массѣ національной гвардіи—говоритъ по этому поводу Гизо—эти отряды представляли лишь слабое меньшинство; но ихъ смѣлость, характеръ ихъ криковъ, шумъ, который они подымали, и сочувствіе, которое они встрѣчали на улицахъ, внушали страхъ или смущали тѣхъ гораздо болѣе многочисленныхъ національныхъ гвардейцевъ, которые не хотѣли ни революціи, ни вынужденныхъ путемъ бунта реформъ, но колебались вступить въ бой противъ кажущейся умѣренности желаній своихъ товарищей. Одинъ изъ нашихъ самыхъ преданныхъ друзей, Франсуа Делессеръ, явился къ Дюшателю, чтобы сообщить ему о своемъ безпокойствѣ, говоря, что въ лучшихъ ротахъ третьяго легіона, въ частности въ той, которой командовалъ его сынъ, большинство консерваторовъ не откликнулось на призывъ. Съ одной стороны, были страсть и движеніе, съ другой—печаль и бездѣятельность».

Эти факты, выяснившіеся одинъ за другимъ между 10—12 ч., мѣняли положеніе совершенно. Войска, привыкшія сражаться вмѣстѣ съ національной гвардіей противъ возстаній, были совершенно сбиты съ толку невиданнымъ зрѣлищемъ союза гвардіи съ возстаніемъ. Возставшіе могли, наоборотъ, разсчитывать на болѣе или менѣе активное содѣйствіе весьма значительной вооруженной силы. Начиная съ полудня, возстаніе быстро разрастается и упрочиваетъ свое положеніе. Если до этого момента баррикады возводились скорѣе для того, чтобы служить препятствіемъ на пути войскъ и полиціи, чѣмъ потому, чтобы предполагалось ихъ упорно защищать, то теперь картина мѣняется. Баррикады становятся болѣе грозными, и приходится брать ихъ съ бою: на углу Бобургской и Рамбютоской улицъ удается взять одну изъ нихъ только послѣ нѣсколькихъ атакъ регулярныхъ войскъ, въ другомъ мѣстѣ приходится прибѣгнуть къ пушкѣ, чтобы разбить другую.

Когда извѣстія объ этихъ событіяхъ дошли до дворца, они произвели потрясающее впечатлѣніе прежде всего на короля. Чѣмъ меньше онъ сомнѣвался въ преданности именно буржуазныхъ слоевъ населенія, чѣмъ искреннѣе онъ былъ увѣренъ въ томъ, что его власть была благодѣтельна для Франціи вообще, для буржуазіи, въ которой онъ еще со временъ великой революціи привыкъ видѣть цвѣтъ націи, въ частности, чѣмъ тверже онъ по старой памяти разсчитывалъ на національную гвардію, тѣмъ тяжелѣе его поразилъ ея переходъ на сторону враговъ «идеи его царствованія». Впервые за все послѣднее время онъ почувствовалъ, что ему не миновать уступокъ, а при его взглядѣ на значеніе этихъ уступокъ онъ не могъ не видѣть въ нихъ акта отреченія отъ власти. Вотъ почему онъ, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, поразительно быстро осунулся и постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ истинное положеніе вещей; онъ, который несъ всегда такъ легко тяжесть своихъ 74 лѣтъ, вдругъ сталъ дряхлымъ старикомъ, совмѣщавшимъ два самыхъ опасныхъ при наличныхъ условіяхъ свойства—нерѣшительность и упрямство.

Первая мысль его заключалась, повидимому, въ томъ, чтобы пожертвовать министерствомъ Гизо, не уступая по вопросу о реформѣ. Когда Дюшатель ему сообщилъ, что положеніе принимаетъ болѣе серьезный оборотъ, король замѣтилъ какъ

бы вскользь, что ему со всѣхъ сторонъ совѣтуютъ перемѣнить министерство и покончить тѣмъ самымъ съ кризисомъ, но что онъ самъ не желаетъ согласиться на эту мѣру, не сомнѣваясь въ томъ, что при нѣкоторой энергіи не будетъ трудно справиться съ движеніемъ. Дюшатель заявилъ тогда, что министерство не цѣпляется за свое положеніе, но считаетъ путь вынужденныхъ уступокъ крайне опаснымъ. Соглашаясь, съ своей стороны, съ министромъ, король неожиданно высказалъ пожеланіе, чтобы Дюшатель побесѣдовалъ съ королевой, которая и раньше склонялась къ уступкамъ. Приглашенная своимъ супругомъ, королева вошла въ его кабинетъ вмѣстѣ съ герцогомъ Монпансье. «Она была очень возбуждена и подъ властью сильнаго волненія», такъ разсказывалъ Дюшатель послѣ этого Гизо. «Г. Дюшатель,— сказала она,—я знаю преданность г. Гизо королю и Франціи; если онъ прислушается къ этому чувству, онъ не останется больше ни минуты у власти». «Сударыня (madame),— отвѣтилъ я (Дюшатель), нѣсколько взволнованный такой рѣзкой выходкой,—г. Гизо, какъ и всѣ его коллеги, готовъ отдать королю всѣ свои силы до послѣдней капли крови; но онъ не имѣетъ претензіи навязывать себя королю вопреки его волѣ. Король воленъ давать и отнимать свое довѣріе, смотря по тому, что онъ считаетъ желательнымъ въ интересахъ короны».—«Не говори такихъ вещей, дорогой другъ»,— сказалъ король,—что, если бы г. Гизо это зналъ!»—«Я именно и желаю, чтобы онъ это узналъ—отвѣтила королева,—я скажу ему это сама; я достаточно уважаю его для этого; онъ честный человѣкъ и пойметъ меня». Я (Дюшатель) прибавилъ тогда, что я не имѣю права скрыть отъ короля, что мнѣ было бы невозможно не сообщить Гизо того, что я только-что услышалъ. Король сталъ мрачнымъ и озабоченнымъ. — «Быть-можетъ,—сказалъ онъ,—слѣдовало бы немедленно созвать совѣтъ министровъ».—«Я думаю, отвѣтилъ я,—что внезапный созывъ совѣта имѣлъ бы, пожалуй, свои неудобства: палата засѣдаетъ и не можетъ остаться безъ министровъ. Король, мнѣ кажется, поступилъ бы лучше, побесѣдовавъ сначала съ г. Гизо».— «Вы правы—отвѣтилъ онъ,—разыщите г. Гизо, не теряя ни минуты, и привезите его ко мнѣ».

Отправившись немедленно въ палату, гдѣ собралось къ тому времени все министерство, Дюшатель вызвалъ Гизо и сообщилъ ему по дорогѣ во дворецъ о случившемся. Оба министра пришли тотчасъ къ заключенію, что министерству слѣдуетъ подать въ отставку: самый фактъ колебаній короля устранялъ полное единодушіе среди учрежденій, защищавшихъ существующее положеніе вещей. А разъ это единодушіе было такъ или иначе нарушено, то становилось невозможнымъ продолжать борьбу съ надеждой на успѣхъ. Нельзя было разсчитывать и на палату. «Король не могъ обойтись безъ содѣйствія большинства палаты, а *большинство палаты не было ни достаточно сильно, ни достаточно сплочено, ни достаточно опытно, чтобы обойтись безъ поддержки короля*», говоритъ Гизо. Вопросъ объ отставкѣ министерства рѣшался, такимъ образомъ, самъ собой.

«Около $2^1/_2$ ч. мы вошли въ кабинетъ короля—разсказываетъ Гизо.—Здѣсь собрались: королева, герцогъ Немурскій и герцогъ Монпансье. Король изложилъ положеніе дѣлъ, подчеркнулъ серьезность обстоятельствъ, говорилъ много о своемъ весьма искреннемъ желаніи сохранить министерство и о своемъ сожалѣніи при мысли о

разлукѣ съ нами, и прибавилъ, что предпочелъ бы отречься отъ престола... «Я несчастнѣе, чѣмъ мои министры (сказалъ король), я не могу подать въ отставку»... Это предисловіе прикрывало, очевидно, готовое рѣшеніе; для всѣхъ, кто зналъ особенности королевскаго ума, въ этомъ не могло быть сомнѣнія». Выслушавъ короля, Гизо еще разъ отмѣтилъ, что «кабинетъ готовъ защищать короля и консервативную политику до конца», но призналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что разъ вопросъ объ отставкѣ министерства поднятъ въ такую минуту, то отставка должна состояться. «Больше чѣмъ когда-либо—сказалъ онъ—кабинетъ нуждается въ данный моментъ въ рѣшительной поддержѣ короля, чтобы поддерживать борьбу съ надеждой на успѣхъ. Какъ только публика узнала бы, а это было бы неизбѣжно, что король колеблется, кабинетъ потерялъ бы всякую моральную силу и не имѣлъ бы возможности осуществить свою задачу.» Послѣ этихъ словъ король оставилъ всякія колебанія. «Я потеряю много вліянія (beaucoup de terrain)—сказалъ король, принимая отставку министерства,—мнѣ потребуется много времени, чтобы вернуть прежнее положеніе». Королева и герцогъ Монпансье высказались въ томъ же смыслѣ, а король прибавилъ, что онъ предполагаетъ предложить образованіе новаго министерства графу Молэ... «Мы окажемъ (движенію) лишь мелкое и закулисное сопротивленіе [1]),—сказалъ мнѣ (Гизо) герцогъ Немурскій;—но мы разсчитываемъ на ваше содѣйствіе на этой почвѣ». Король былъ печаленъ и смущенъ; серьезность принятаго имъ рѣшенія, казалось, выростала въ его глазахъ. Онъ чувствовалъ въ особенности, сколько онъ потеряетъ въ глазахъ Европы, и какой ударъ испытаетъ здѣсь его вліяніе».

Первый шагъ къ уступкамъ, такимъ образомъ, былъ сдѣланъ, и былъ сдѣланъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ выяснившагося сочувствія національной гвардіи Парижа къ идеѣ реформы. Пока король не сомнѣвался въ ея активной поддержкѣ, онъ ни минуты не сомнѣвался въ возможности и въ необходимости борьбы съ движеніемъ. Какъ только національная гвардія отпала, онъ почувствовалъ, что его престолъ колеблется, что продолжать при данныхъ условіяхъ политику сопротивленія значитъ опереться исключительно на войско и, что, даже если войско сейчасъ и одержитъ побѣду, за что очень трудно было поручиться въ виду того впечатлѣнія, которое враждебное отношеніе національной гвардіи къ министерству должно было произвести и уже начало производить на офицеровъ и на солдатъ, то и въ такомъ случаѣ опираться только на штыки представляется совершенно невозможнымъ. А разъ онъ пришелъ къ этому заключенію, судьба министерства, связавшаго свое существованіе съ идеей упорнаго сопротивленія противъ всякой реформы, была рѣшена. Вѣдь Гизо самъ сознавалъ, что единственной опорой его власти было не большинство палаты, о которомъ онъ произносилъ столь нелестное сужденіе, и которое являлось не его большинствомъ, а прежде всего правительственнымъ большинствомъ, а король, «извратившій» при помощи этого же министерства существо конституціонныхъ учрежденій и установившій «личный режимъ».

Отставка Гизо означала, такимъ образомъ, отказъ отъ послѣдовательной и ясной

[1]) Guizot, mém. 8, 584: «nous ne ferrons que de la résistance au petit pied et sur le second plan».

«политики сопротивленія», но и только. Отъ «личнаго режима» король пока еще не желалъ отказаться. При данномъ положеніи вещей отставка Гизо, по существу дѣла, должна была повлечь за собой обращеніе короля къ вождямъ той оппозиціи, которая одержала внѣпарламентскую побѣду надъ министерствомъ, т.-е. ближайшимъ образомъ къ Тьеру и Одилону Барро, а такъ какъ они не обладали большинствомъ въ палатѣ, то отсюда неминуемо должно было послѣдовать распущеніе послѣдней до или послѣ принятія новаго избирательнаго закона. Между тѣмъ король рѣшилъ обратиться къ графу Молэ, неоднократно осуждавшему банкетную агитацію и, тѣмъ болѣе, дальнѣйшее поведеніе оппозиціи,—дѣятелю, на уступчивость котораго по отношенію къ личному вліянію короля вполнѣ можно было разсчитывать, какъ показало его поведеніе въ бытность его министромъ-президентомъ. Вмѣсто явнаго и рѣшительнаго сопротивленія, на сцену выступало то «мелкое и закулисное сопротивленіе», о которомъ говорилъ Гизо, будущій регентъ. Спрашивалось, не поздно ли прибѣгать къ такого рода полууступкѣ, приведетъ ли она къ цѣли, удовлетворитъ ли она возбужденное общественное мнѣніе?

Въ первый моментъ, правда, и внутри и внѣ палаты вопросъ о преемникѣ Гизо стушевался передъ фактомъ паденія министерства, въ теченіе восьми лѣтъ властвовавшаго надъ Франціей,—министерства, павшаго не вслѣдствіе пораженія въ парламентѣ, а вслѣдствіе пораженія внѣ его.

Изъ дворца Гизо отправился непосредственно въ палату и, поднявшись немедленно на трибуну, куда его вызвала интерпелляція по поводу происходящихъ событій, онъ заявилъ: «я полагаю, что было бы нежелательно, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, и несвоевременно, если бы палата приступила въ данный моментъ къ подобнаго рода дебатамъ. Король только-что пригласилъ графа Молэ, чтобы поручить ему (апплодисменты, возгласы: браво, крики радости на скамьяхъ оппозиціи). Крики, которые только-что поднялись, не заставятъ меня ни прибавить, ни убавить что-нибудь изъ моихъ словъ (всеобщіе знаки одобренія). Король только-что пригласилъ графа Молэ, чтобы поручить ему образованіе новаго кабинета. Пока настоящій кабинетъ остается у дѣлъ, онъ сохранитъ или возстановитъ порядокъ и заставитъ уважать законы согласно велѣніямъ своей совѣсти, какъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ (очень хорошо! очень хорошо!)».

«23 февраля—разсказываетъ Токвиль — я узналъ при своемъ пробужденіи, что волненіе Парижа вмѣсто того, чтобы успокоиться, возросло. Я отправился рано въ палату: вокругъ нея царило молчаніе; батальоны пѣхоты занимали ея окрестности, тогда какъ эскадроны кирасиръ были разставлены вдоль стѣнъ ея двора. Внутри волновались страсти, не зная еще, на что именно имъ обратиться. Засѣданіе было открыто въ обыкновенное время, но собраніе не почувствовало въ себѣ силы играть ту же парламентскую комедію, что наканунѣ, и прервало свои занятія; оно собирало городскіе слухи, ожидало событія и считало часы въ лихорадочномъ бездѣйствіи.... Наконецъ, рѣшились говорить громко о томъ, о чемъ вотъ уже нѣсколько часовъ говорили вполголоса. Одинъ изъ парижскихъ депутатовъ Вавенъ, принялся интерпеллировать кабинетъ о положеніи города; было три часа, когда Гизо появился въ дверяхъ зала. Онъ вышелъ своей твердой поступью и со своимъ самымъ надменнымъ видомъ; молча онъ прошелъ черезъ кулуары и взошелъ

на трибуну, откинувъ голову почти назадъ изъ боязни, какъ бы ея не опустить; въ двухъ словахъ онъ сообщаетъ, что король только-что пригласилъ Молэ, чтобы составить новое министерство. Я никогда не видалъ такого театральнаго эффекта. Оппозиція остается на своихъ мѣстахъ; толпа ея членовъ издаетъ крики побѣды и удовлетворенной мести; только ея вожди остаются молчаливы, занятые внутренними соображеніями о томъ, какъ они используютъ побѣду, и избѣгая оскорблять большинство, которымъ имъ, быть-можетъ, скоро предстоитъ пользоваться. Большинство, пораженное столь неожиданнымъ ударомъ, одно мгновеніе подвергается внутреннему волненію, точно колеблющееся тѣло, о которомъ не знаешь, куда оно упадетъ; затѣмъ его члены спускаются шумно въ полукругъ (между трибуной и сидѣніями депутатовъ), одни окружаютъ министровъ, чтобы получить отъ нихъ объясненія или поднести имъ послѣднія выраженія преданности, большинство разражается въ шумныхъ и оскорбительныхъ для нихъ возгласахъ: «покинуть министерство, оставить своихъ политическихъ друзей среди такихъ условій,» говорятъ они, «это замѣчательно-гнусная трусость (une insigne lâcheté)»; другіе восклицаютъ, что всѣмъ вмѣстѣ надо отправиться во дворецъ и заставить короля отказаться отъ столь рокового рѣшенія. Это отчаяніе не удивитъ никого, если принять во вниманіе, что большая часть этихъ людей была затронута не только въ своихъ политическихъ взглядахъ, но въ самыхъ чувствительныхъ сторонахъ своихъ частныхъ интересовъ. Событіе, которое низвергло министерство, подвергло опасности все состояніе одного, приданое дочери другого, карьеру сына третьяго. Именно въ силу этого министерство держало ихъ всѣхъ въ рукахъ. Большинство изъ нихъ не только сдѣлало карьеру при помощи разнаго рода услугъ, а прямо-таки существовало благодаря имъ; такъ какъ министерство существовало уже восемь лѣтъ, то привыкли къ мысли, что оно будетъ существовать всегда; къ нему привязались той честной и спокойной привязанностью, которую испытываешь къ своему полю. Я видѣлъ эту волнующуюся толпу съ своей скамьи, я замѣчалъ, какъ удивленіе, гнѣвъ, страхъ, жадность смѣшались на этихъ испуганныхъ лицахъ; про себя я сравнивалъ всѣхъ этихъ законодателей съ сворой собакъ, которыхъ отрываютъ отъ пищи... Надо, впрочемъ, признать, что если бы подобнаго рода испытаніе выпало на долю значительной части членовъ оппозиціи, то они представили бы такое же зрѣлище. Если многіе изъ консерваторовъ защищали министерство только ради того, чтобы сохранить свои доходы и должности, то я долженъ сказать, что многіе изъ членовъ оппозиціи, на мой взглядъ, нападали на него только ради того, чтобы ихъ завоевать. Истина, печальная истина, заключается въ томъ, что вкусъ къ государственнымъ должностямъ и желаніе жить на поступленія отъ налоговъ представляютъ у насъ не спеціальную болѣзнь одной партіи, а великое и постоянное недомоганіе самой націи; это совмѣстный продуктъ демократической организаціи нашего гражданскаго общества и чрезмѣрной централизаціи управленія. Вотъ то тайное зло, которое подтачивало всѣ наши старыя власти и будетъ подтачивать всѣ новыя».

Когда волненіе нѣсколько улеглось, Кремьё потребовалъ, чтобы петиціи національной гвардіи, переданныя депутатамъ Мари, Бомону и ему, были оффиціально внесены въ палату, но большинство встрѣтило это предложеніе взрывомъ негодованія и презрѣнія. Тогда Одилонъ Барро попросилъ слова и заявилъ, что послѣ декларацiи

Гизо онъ считаетъ необходимымъ отложить назначенное на слѣдующій день (24 февраля) обсужденіе его предложенія о преданіи министерства суду, и просилъ президента палаты и министерство высказаться по этому поводу. Дюпенъ немедленно поддержалъ это предложеніе характерной рѣчью: «первая потребность города», заявилъ онъ, «заключается въ возстановленіи общественнаго спокойствія, въ прекращеніи безпорядковъ, дабы обезпечить свободное и правильное дѣйствіе всѣхъ великихъ государственныхъ учрежденій. Нужно, чтобы массы поняли, что онѣ не имѣютъ права обсуждать и рѣшать. Нужно, чтобы люди, которые обратились къ оружію, поняли, что они не имѣютъ права приказывать, и что имъ надлежитъ ожидать исполненія закона и тѣхъ мѣръ, которыя будутъ признаны необходимыми короной и палатами». Въ виду этого обстоятельства, по его мнѣнію, не слѣдуетъ ставить на очередь вопросъ, способный подѣйствовать лишь возбуждающимъ образомъ. Гизо, однако, высказался рѣшительно противъ этого предложенія. Большинство еще разъ исполнило его желаніе, и порядокъ дня засѣданія 24 февраля былъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: «въ 1 ч. дня собраніе въ бюро палаты: разсмотрѣніе двухъ предложеній; въ 3 ч. открытое засѣданіе: продолженіе дебатовъ о законопроектѣ касательно продленія привилегіи бордоскаго банка». Послѣ этого засѣданіе было закрыто, депутаты спѣшили разнести вѣсть о паденіи министерства по городу, а министры отправились во дворецъ, гдѣ около $4^1/_2$ ч. дня состоялось засѣданіе совѣта министровъ, во время котораго король, узнавши о недовольствѣ большинства, старался свалить часть отвѣтственности за совершившееся съ себя на Гизо и Дюшателя. «Я возстановилъ въ опредѣленныхъ терминахъ то, что я ему сказалъ во время нашего свиданія», разсказываетъ Гизо. «Мы были исполнены рѣшимости и готовы, повторилъ я ему, поддерживать до конца политику порядка и законнаго сопротивленія, которую мы считаемъ единственно правильной; но король показалъ, что онъ склоненъ думать, что онъ долженъ смѣнить министерство. Поставить въ такой время такой вопросъ, это значило его разрѣшить». Король не настаивалъ, министры Геберъ, Сальванъ и Жэръ опредѣленно высказались противъ уже принятаго рѣшенія, и члены кабинета разошлись, чтобы совершать впредь лишь тѣ дѣйствія, входившія въ предѣлы ихъ компетенціи, которыя были необходимы въ интересахъ порядка. Гизо и Дюшатель ежечасно сообщали королю о положеніи дѣлъ. А король все никакъ не могъ образовать министерства, такъ какъ Молэ еще не удалось составить списокъ его членовъ. Въ результатѣ центральная власть была парализована какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда готовился новый неожиданный инцидентъ, которому было суждено имѣть роковое вліяніе на судьбы іюльской монархіи.

«Въ городѣ царила живая и всеобщая радость по поводу отставки Гизо, извѣстіе о которой дворъ поторопился распространить по всему городу», разсказываетъ Гарнье-Пажесъ. «Въ глазахъ однихъ паденіе министерства означало униженіе короля; по мнѣнію другихъ, въ немъ заключалось спасеніе монархіи. Тѣ радовались одержанной мирнымъ путемъ побѣдѣ, эти—устраненію кроваваго столкновенія. Реформисты привѣтствовали другъ друга съ прогрессомъ, который сталъ отнынѣ неизбѣжнымъ; консерваторы, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, были счастливы, видя, какъ цѣною нѣсколькихъ уступокъ положеніе, полное крупныхъ

опасностей, утрачивало свою остроту. Масса была пріятно взволнована перемѣной, безразлично настроенные — новизной зрѣлища. Повсюду извѣстіе было, такимъ образомъ, принято съ увлеченіемъ, во многихъ мѣстахъ съ возгласами: «да здравствуетъ король!».

Но скоро наступило нѣкоторое отрезвленіе. Одни начали безпокоиться, представляя себѣ опасность вынужденныхъ уступокъ, другіе начали волноваться изъза фактической скромности добытаго результата. «Парижская національная гвардія только-что низвергла кабинетъ,—говорилъ Токвиль своему другу де Бомону:—значитъ новые министры будутъ управлять дѣлами, находясь въ зависимости отъ ея настроенія. Вы радуетесь, что министерство низвергнуто; но развѣ вы не замѣчаете, что власть, какъ таковая, ниспровергнута»?—«Я очень желалъ паденія кабинета»,—сказалъ старикъ-депутатъ де Ластэри, предсѣдатель перваго банкета въ Chateau Rouge'ѣ, еще въ палатѣ Дюшателю, но я предпочелъ бы, чтобы вы остались еще десять лѣтъ, лишь бы вы не вышли черезъ эту дверь». «Въ это же самое время — разсказываетъ Гизо—де Ремюза, другъ и школьный товарищъ Дюмона, сѣлъ около него на министерской скамьѣ. «Я знаю», сказалъ онъ ему, что «твой выходъ изъ министерства тебѣ не особенно непріятенъ: поэтому я могу придти побесѣдовать съ тобой. Если я войду въ новое министерство, то, надѣюсь, мы будемъ часто бесѣдовать другъ съ другомъ и сможемъ придти къ соглашенію».—«Я ничего лучшаго не желаю,—отвѣтилъ ему г. Дюмонъ;—*если только палата не будетъ распущена, и реформы не будутъ чрезмѣрны, я не буду въ оппозиціи*».—«Это было бы нетрудно», возразилъ г. де Ремюза, «если бы мы одержали верхъ въ силу движенія внутри палаты: но кто можетъ оцѣнить послѣдствія уличнаго движенія»?

Таково было настроеніе одной стороны. Съ другой стороны, возникалъ вопросъ о томъ, «въ чемъ заключаются результаты побѣды?.. Чьи имена замѣнятъ ненавистныя имена павшихъ министровъ? Г. Молэ въ сопровожденіи нѣсколькихъ депутатовъ такъ наз. третьей партіи! Но г. Молэ, вѣдь это значитъ продолженіе господства консервативнаго большинства, увѣковѣченіе (господствующей) системы во внутреннихъ дѣлахъ, слабости—во внѣшнихъ. Неужели нація начала такую крупную борьбу ради такихъ ничтожныхъ результатовъ?.. Эти долгіе труды, эти многочисленныя усилія, столько манифестацій и жертвъ, сраженіе, кровопролитіе, все это для того, чтобы замѣнить г. Гизо г. Молэ..! Нѣтъ, такой печальный исходъ былъ бы лишь обманомъ, насмѣшкой, позоромъ! Онъ былъ безусловно непріемлемъ»!

«Эти соображенія—прибавляетъ Гарнье-Пажесъ—распространялись чрезвычайно быстро». Карно, самъ Гарнье-Пажесъ и Люно наблюдали ихъ распространеніе въ разныхъ частяхъ города. «Особенно сильно они проявлялись въ редакціяхъ оппозиціонныхъ газетъ: «Siècle», «Courrier français», «Démocratie pacifique», «National», «Réforme», куда стекались писатели, посѣтители, постоянные гости и посланцы тѣхъ, что съ предшествующаго дня сражались за баррикадами. Вся эта энергичная часть населенія отвергала, какъ до нелѣпости неудовлетворительныя, реформы, обѣщанныя именемъ Молэ, и клялась не прекращать борьбы, не добившись дѣйствительно серьезныхъ гарантій. Фактически борьба, однако, кончилась повсюду. Отсюда возникло двусмысленное положеніе...

Гарнье-Пажесъ даетъ очень проницательную характеристику этого положенія: «Основная причина конфликта заключалась въ политикѣ министерства. Разъ министерство пало, не было, значитъ, конфликта. Это чувствовалось съ той и съ другой стороны. Народъ и солдаты сложили оружіе: борьба кончилась. Съ этого момента присутствіе войскъ становилось безполезнымъ; будучи безполезнымъ, оно было опаснымъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, поразительное неразуміе—оставить солдата... безъ дѣла на улицѣ, подвергая его воздѣйствію агитаціи, всякаго рода внезапнымъ нападеніямъ, тысячѣ разнообразныхъ случайностей!.. Что онъ могъ сдѣлать, въ самомъ дѣлѣ? Грубо оттолкнуть проявившуюся симпатію народа? Прибѣгнуть къ силѣ? Но что это за кровавое безуміе—защищать силой министерство, покинутое королемъ и самимъ собой? Принять народное сочувствіе? Открыть недавнему врагу доступъ въ свои ряды, дать ему возможность заразить душу солдата властвующимъ надъ городомъ чувствомъ и ослабить его пылъ благодарностью за предложенныя и оказанныя услуги? Но какъ тогда возобновить борьбу, если борьба станетъ снова необходимой?

«Между тѣмъ это неразуміе было совершено. Вмѣсто того, чтобы предоставить національной гвардіи, моральное вліяніе которой было еще цѣло, полицію города, возстановленіе порядка, сохраненіе спокойствія, войска были оставлены на своихъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, произошли частныя передвиженія войскъ, но именно потому, что они имѣли только мѣстный характеръ, они не могли уничтожить подозрѣній, которыя усиливались подъ вліяніемъ военной оккупаціи, тѣмъ болѣе угрожающей, что она казалась безцѣльной». Войска даже не были стянуты обратно въ наиболѣе важные въ стратегическомъ отношеніи пункты, гдѣ ихъ можно было прикрыть отъ народа завѣсой изъ національныхъ гвардейцевъ: отдѣльные сторожевые посты остались тамъ, гдѣ ихъ застало наступившее фактически перемиріе, подверженное всякаго рода случайнымъ вліяніямъ и событіямъ. Никто не отдавалъ никакихъ распоряженій: повсюду чувствовался параличъ центральной власти, повсюду распространялось чувство неясности положенія и неувѣренности. «Начальники отрядовъ, оставшіеся среди города безъ приказаній, безъ свѣдѣній, безъ инструкцій, не знали ни что имъ дѣлать съ солдатами, ни какъ держать себя передъ лицомъ народа... А этотъ народъ! что было сдѣлано для того, чтобы его успокоить, чтобы побудить его сложить еще дрожавшее въ его рукахъ оружіе? Ничего! До этого момента не было другихъ гарантій относительно королевскаго рѣшенія, кромѣ увѣреній нѣкоторыхъ придворныхъ; помимо этого, никакого публичнаго обязательства; въ качествѣ обѣщанія реформы—только имя г. Молэ. Осторожность, лойяльность требовали большаго. Для того, чтобы устранить возрождавшееся уже подозрѣніе, нужна была твердая, ясная, категорическая прокламація къ парижскому населенію или къ національной гвардіи. По небрежности или въ силу разсчета не появилось никакого успокоительнаго акта».

При данномъ настроеніи короля иначе и быть не могло. Основная причина, почему графу Молэ не удавалось образовать министерство, заключалась въ совершенной и, несомнѣнно, намѣренной неясности тѣхъ инструкцій и полномочій, которыя ему далъ король. Людовикъ-Филиппъ едва соглашался на нѣкоторыя уступки личнаго характера, напр., на назначеніе маршала Бюжо военнымъ министромъ; когда

Молэ ему указалъ на необходимость обратиться къ Тьеру и О. Барро, король рѣшительно отвергъ ихъ кандидатуры, указавъ на плохое впечатлѣніе, которое имя Тьера должно было произвести на Европу, и настоялъ на томъ, чтобы Молэ, который крайне неохотно брался за данное ему порученіе, переговорилъ съ Дюфоромъ, Ремюза, Билльо и Пасси. Что же касается политическихъ реформъ, то онъ не принималъ на себя никакихъ обязательствъ и откладывалъ разрѣшеніе вопроса о нихъ до позднѣйшаго времени, когда можно будетъ заняться ихъ детальнымъ разсмотрѣніемъ. Это стремленіе затянуть конфликтъ, несомнѣнно, покоилось на надеждѣ, что если не все населеніе, то національная гвардія успокоится, когда узнаетъ объ отставкѣ Гизо, и снова перейдетъ на сторону власти. А тогда возникла бы надежда на возможность сохранить то, что король признавалъ наиболѣе важнымъ,—данный составъ палаты и рѣшающее вліяніе ея большинства при обсужденіи реформы.

Надежды короля отчасти оправдались. Борьба повсемѣстно прекратилась, но она могла каждый моментъ снова вспыхнуть, какъ только въ массахъ возродится подозрительное настроеніе. Въ центрѣ движенія, въ томъ четырехугольникѣ, который находился между бульварами и Сеной съ одной, между улицами Тампля и св. Мартина, съ другой стороны, число баррикадъ не только не уменьшалось, а увеличивалось, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ продолжались столкновенія народа преимущественно съ ненавистной муниципальной гвардіей, столкновенія, не обошедшіяся безъ кровопролитія. Толпы народа окружали дома, гдѣ жили Тьеръ и О. Барро, привѣтствовали ихъ и приглашали ихъ высказаться. Въ этихъ рѣчахъ смѣшивались гордость одержанной побѣды, призывъ къ спокойствію и констатированіе того факта, что естественнымъ результатомъ дня была неизбѣжность реформы, но что этотъ результатъ еще не оформленъ. Когда Молэ около 8 часовъ вечера явился къ Тьеру, послѣдній принялъ его уклончиво-любезно, отказался войти въ министерство иначе, какъ въ качествѣ его главы, но обѣщалъ свое содѣйствіе при условіи избирательной и парламентской реформы и распущенія палаты депутатовъ. Молэ справедливо отвѣтилъ, что уже два первыхъ условія представляются нелегкими; что же касается третьяго, то король ни за что не согласится на него. Это не помѣшало Тьеру подчеркнуть его необходимость, и Молэ ушелъ ни съ чѣмъ. Не лучше обстояло дѣло и среди болѣе лѣвыхъ группъ оппозиціи.

У О. Барро въ это время происходило собраніе многочисленныхъ депутатовъ и политическихъ дѣятелей, въ которомъ былъ поставленъ вопросъ, какъ отнестись къ новому министерству, и было признано безусловно необходимымъ образовать не переходное министерство Молэ-Дюфоръ, а опредѣленно-реформистское министерство лѣваго центра и династической лѣвой, т.-е. министерство Тьеръ-Барро. Уже раздавались голоса, что необходимо оказать непосредственное воздѣйствіе на короля, пославъ къ нему депутацію, какъ вдругъ разнеслись слухи о готовящемся серьезномъ столкновеніи между народомъ и войскомъ, а вслѣдъ затѣмъ раздался звукъ залпа. Этотъ залпъ погубилъ не только будущее министерство лѣвой, но и королевскую власть.

Съ того момента, какъ борьба въ городѣ прекратилась, по улицамъ во всѣхъ направленіяхъ двигались толпы радостно настроеннаго или возбужденнаго народа. Крики: «да здравствуетъ реформа! да здравствуетъ войско»! и т. д. оглашали воздухъ. Къ вечеру повсюду появилась иллюминація, и толпа слѣдила за тѣмъ, чтобы ни

одинъ домъ не остался въ темнотѣ. Передъ зданіями министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ жили Геберъ и Гизо, зданіями, которыя не участвовали въ иллюминаціи, на этой почвѣ произошли демонстраціи. Особенно много опасеній вызывало зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, выходившее фасадомъ на бульваръ капуциновъ: уже утромъ 22 февраля на него было совершено нападеніе, а утромъ 23 оно повторилось. Тогда защищавшая его муниципальная гвардія была введена во дворъ зданія, а мѣсто передъ нимъ заняли конные и пѣшіе солдаты въ числѣ 600—700 человѣкъ подъ командой подполковника Куртана, выстроившаго ихъ четырехугольникомъ, занимавшимъ весь бульваръ передъ зданіемъ, кромѣ тротуара на противоположной зданію сторонѣ. Около 9 часовъ войска были усилены вторымъ батальономъ второго легіона національной гвардіи подъ командой полковника Талабо, занявшаго мѣсто передъ солдатами. Именно это обстоятельство позволило устранить опасность столкновенія, когда толпа, видя, что зданіе остается въ темнотѣ, начала напирать на отрядъ его защитниковъ съ криками: «лампіоны! лампіоны! долой Гизо!» Полковнику Талабо и его офицерамъ удалось успокоить толпу, послѣ чего подполковникъ Куртанъ окончательно занялъ своими войсками всю ширину бульвара. Въ результатѣ движеніе всякой толпы по бульварамъ съ запада (отъ площади Маделены) на востокъ или съ востока (напр., съ площади Бастиліи) на западъ стало совершенно невозможнымъ или, точнѣе, могло бы совершиться только по боковымъ улицамъ, огибавшимъ занятое войскомъ мѣсто. «Со стороны Маделены», замѣчаетъ Гарнье-Пажесъ, «это расположеніе войска не представляло неудобствъ. Тамъ длина бульвара слишкомъ незначительна, чтобы народъ могъ здѣсь скопиться въ большихъ массахъ. Отсюда онъ появлялся, такъ сказать, лишь небольшими группами, и натискъ кавалеріи или пѣхоты, совершаемый съ разсчитанной медленностью, разгонялъ ихъ легко. Но дѣло обстояло совсѣмъ иначе со стороны новой улицы св. Августина. Войска, занимавшія въ этомъ мѣстѣ передовую позицію, имѣли передъ собой всю линію бульваровъ. Представьте себѣ, что вдали, въ какомъ угодно мѣстѣ города, образовалась колонна народа; она подвигается по улицамъ, увеличиваясь по дорогѣ на нѣсколько тысячъ человѣкъ; она приближается, она подходитъ и не находитъ выхода; движеніе, ускоренное массой, не можетъ остановиться; нужно, чтобы колонна либо порвала препятствіе, либо она была разорвана имъ. Строго говоря, пока національная гвардія прикрываетъ фронтъ войскъ, опасность почти равна нулю. Ея вліянія будетъ достаточно, отвести колонну раньше столкновенія въ сторону. Но если, въ силу какой-нибудь случайности, національная гвардія удалится, то войска придутъ въ непосредственное соприкосновеніе съ массой, и тогда будетъ почти невозможно избѣжать столкновенія, страшнаго по своимъ послѣдствіямъ». А между тѣмъ національная гвардія удалилась, когда узнала о демонстраціяхъ передъ зданіемъ министерства юстиціи. Войска остались одни.

Между тѣмъ, около 8 часовъ вечера, въ рабочемъ предмѣстьѣ св. Антонія образовалось большое скопище, двинувшееся скоро по бульварамъ въ западную часть города. Войска, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ по пути шествія (пѣхота на бульварѣ Тампля, артиллерія у Chateau d'Eau, кавалерія около театра Ambigu), не препятствовали движенію постепенно увеличивавшейся толпы. Дошедши до улицы

Лепелетье, толпа подалась направо и подошла къ редакціи «National». Одинъ изъ національныхъ гвардейцевъ, занимавшихъ первые ряды колонны, поручикъ національной гвардіи Шюмакэ, поднялся въ редакцію и произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что «народъ не желаетъ больше быть обманутымъ», что онъ «потребуетъ теперь серьезныхъ гарантій», что «простая смѣна лицъ была бы лишь ловушкой», а «необходимо измѣненіе всей системы». Съ этой цѣлью онъ и его друзья взяли на себя иниціативу совершающейся подъ ихъ руководствомъ демонстраціи, о мирномъ характерѣ которой можно судить по взаимному отношенію между демонстрантами и встрѣченными ими на ихъ пути войсками. Въ отвѣтъ на это заявленіе Марра произноситъ, въ свою очередь, съ балкона рѣчь къ толпѣ: онъ благодаритъ ее за вниманіе, оказанное ею газетѣ, поздравляетъ ее съ ея поведеніемъ, съ счастливыми результатами этого дня; онъ приглашаетъ ее остаться твердо на избранномъ пути, пока удастся обезпечить столь долго ожидаемыя реформы: парламентскую и избирательную реформу, дѣйствительную свободу печати, распущеніе муниципальной гвардіи и преданіе павшихъ министровъ суду; онъ заканчиваетъ среди единодушныхъ аплодисментовъ приглашеніемъ сохранить умѣренное, разумное, рѣшительно миролюбивое настроеніе. Толпа снова приходитъ въ движеніе, и часы бьютъ девять, когда она приближается къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Впереди идетъ Шюмакэ и человѣкъ двадцать національныхъ гвардейцевъ, далѣе люди съ импровизированными знаменами и подростки съ факелами и лампочками, за ними громадная, движущаяся по мостовой толпа, по бокамъ на тротуарахъ масса гуляющихъ, весело созерцающихъ недавно еще непривычное зрѣлище. Съ каждой минутой разстояніе между подвигающейся совершенно свободно толпой и неподвижными фигурами солдатъ уменьшается. Первые ряды толпы невольно замедляютъ свой шагъ; нѣсколько человѣкъ изъ зрителей, въ томъ числѣ бывшій депутатъ Перренъ, устремляются въ постоянно сокращающееся свободное пространство, уговариваютъ офицеровъ размѣстить солдатъ по бокамъ мостовой и очистить проходъ, уговариваютъ толпу свернуть въ улицу св. Августина. Первые отказываются, ссылаясь на свою инструкцію, вторые не могутъ разслышать среди шума, что имъ говорятъ, да и не могли бы противостоять давленію напирающей на нихъ массы. Шюмакэ самъ подходитъ къ подполковнику Куртану, стоявшему верхомъ передъ линіей войскъ, и умоляетъ его очистить проходъ, указывая на миролюбивое настроеніе толпы и на невозможность пріостановить ея движеніе. Куртанъ снова ссылается на свою инструкцію и занимаетъ мѣсто въ рядахъ солдатъ. Въ это время напоръ толпы прорываетъ ея первые ряды и бросаетъ часть ея членовъ прямо на солдатъ. Куртанъ приказываетъ солдатамъ скрестить ружья, и въ тотъ же моментъ раздается выстрѣлъ, а за нимъ залпъ. Какъ первый выстрѣлъ, такъ и залпъ раздались безъ всякой команды: напряженные нервы солдатъ не выдержали, и несчастіе случилось.

Огонь произвелъ страшныя опустошенія среди компактной массы людей, и, охваченные ужасомъ, всѣ—и толпа и солдаты—разбѣгаются: только у церкви св. Магдалины офицерамъ удается ихъ остановить.

Бульваръ внезапно опустѣлъ, но на его мостовой лежало 35 труповъ и 47 раненыхъ; это число не заключаетъ въ себѣ всѣхъ жертвъ, такъ какъ многіе

раненые бѣжали, и ихъ не удалось зарегистрировать. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было ужасно [1]). Офицеры и солдаты упрекали другъ друга и заявляли, что произошелъ несчастный случай, за который никого нельзя индивидуально винить. Среди толпы «первый ужасъ смѣнился всеобщимъ и страшнымъ негодованіемъ. Оно распространилось съ ужасающей быстротою вслѣдъ за бѣглецами, кричавшими: «насъ убиваютъ! это гнусное предательство! мести! мести! къ оружію! къ оружію»! Толпа начала приливать обратно съ ругательствами и угрозами». Одинъ изъ присутствующихъ, сотрудникъ «National'я» Бэлэ, заявилъ Куртану, что необходимо поручить кому-либо изъ офицеровъ пойти къ народу и разъяснить ему происшедшее. Поручикъ Балліэ смѣло взялся за это опасное дѣло, и вмѣстѣ съ Бэлэ онъ проникъ въ толпу, но толпа не желала его слушать. Кругомъ раздавались угрозы, и когда Балліэ, несмотря на это, продолжалъ свой путь, онъ былъ схваченъ, вопреки стараніямъ Бэлэ его спасти, тяжело избитъ и несомнѣнно погибъ бы, если бы не подошелъ батальонъ національной гвардіи, который ему спасъ жизнь.

Часть труповъ лежала еще на мостовой. Власти уже распорядились убрать ихъ оттуда, чтобы устранить это опасное зрѣлище, но, когда посланные ими чины жандармеріи явились, было уже поздно. Люди, стоявшіе около труповъ, воспользовались проѣзжавшей случайно телѣгой, положили на нее 16 труповъ и съ криками: «къ Бастиліи! къ National'ю!» двинулись по бульварамъ на востокъ, распространяя всюду чувство ненависти и жажду мести. Дошедши до улицы Лепелетіэ, толпа, сопровождавшая тѣла убитыхъ, опять свернула къ редакціи «National'я», гдѣ въ это время уже находились Гарнье-Пажесъ и другіе депутаты, а также Паньерръ, Біэста и др. и гдѣ уже высказывалось рѣшеніе встать въ ряды народа. Толпа потребовала, чтобы была произнесена рѣчь о жертвахъ. «За отсутствіемъ г. Марра, пригласили говорить Гарнье-Пажеса [2]). Онъ подвигается впередъ, окруженный друзьями. Открывается окно:

[1]) О впечатлѣніи, произведенномъ этимъ событіемъ на толпу, съ одной стороны, на очень хладнокровныхъ наблюдателей, съ другой стороны, можно судить по слѣдующему разсказу Токвиля: «24 февраля, когда я вышелъ изъ своей спальной, я встрѣтилъ вернувшуюся изъ города кухарку; эта добрая женщина была совершенно внѣ себя и разсказала мнѣ какую-то слезливую галиматью, въ которой я ничего не понялъ, кромѣ развѣ того, что правительство разстрѣливаетъ добрый народъ (Токвиль еще не зналъ о стрѣльбѣ на бульварѣ капуциновъ). Я немедленно вышелъ изъ дома, и какъ только я очутился на улицѣ, я впервые вдохнулъ атмосферу революціи: середина улицы была пуста, лавки не были открыты; не было видно ни каретъ ни гуляющихъ, не было слышно обычныхъ криковъ разносчиковъ; передъ дверьми домовъ вполголоса съ испуганнымъ видомъ говорили другъ съ другомъ сосѣди, образуя маленькія группы; на всѣхъ лицахъ было написано безпокойство или гнѣвъ. Я встрѣтилъ національнаго гвардейца, который поспѣшно шелъ съ ружьемъ въ рукахъ, съ трагическимъ видомъ; я обратился къ нему съ вопросомъ, но не могъ ничего узнать отъ него, кромѣ того, что правительство разстрѣливаетъ народъ (къ чему онъ прибавилъ, что національная гвардія сумѣетъ положить этому конецъ); это былъ все тотъ же самый припѣвъ; понятно, что онъ мнѣ ничего не объяснилъ. Я зналъ слишкомъ хорошо всѣ пороки іюльской монархіи, чтобы не знать, что жестокость не входила въ ихъ число».

[2]) Причина отсутствія Марра чрезвычайно характерна для степени распространенности и остроты господствовавшаго по отношенію къ власти подозрительнаго настроенія. Тотчасъ послѣ кроваваго столкновенія на бульварѣ капуциновъ, въ редакціи разнесся

всѣ отступаютъ въ ужасѣ! Тамъ стояла колесница; ужасное зрѣлище! Вѣчное и страшное воспоминаніе о гражданской войнѣ! Тѣла всякаго возраста и пола, кровавыя тряпки, разбитые члены, помертвѣвшія лица, пробитыя головы, ужасающая смѣсь разодраннаго, дрожащаго мяса, грязныхъ одеждъ,—смерть во всѣхъ ея видахъ! Стоя на краяхъ телѣги, рабочіе распространяли блѣдный свѣтъ своихъ факеловъ на блѣдныя лица убитыхъ; другіе раскачивали свои факелы, чтобы усилить ихъ свѣтъ. Внизу толпа. Никакого шума; мало криковъ: смерть внушаетъ почтеніе; мѣстами раздаются рыданія, слышатся сдержанныя угрозы». Гарнье-Пажесъ начинаетъ говорить: «Совершилось ужасное преступленіе, отвратительное нападеніе. Ни въ чемъ неповинное населеніе поражено смертью въ силу кровожадныхъ приказовъ. Оно было поражено ею, когда мы считали, что всякая борьба окончена! Пролита народная кровь: она будетъ отомщена (Да! да! Браво! Мести!) Отъ носителей власти будетъ потребованъ строгій и страшный отчетъ. Правосудіе осуществится (Да! да!). Что касается меня, то я принимаю на себя передъ вами, передъ этими несчастными жертвами, торжественное обязательство преслѣдовать безъ устали этихъ министровъ, на которыхъ падаетъ отвѣтственность за пролитую кровь! (Да, да! Мести! Да здравствуетъ Гарнье-Пажесъ)». Не всѣ, говоритъ самъ Гарнье-Пажесъ, были довольны умѣренностью его словъ, не заключавшихъ прямого призыва къ возстанію, но толпа поняла ихъ именно въ послѣднемъ смыслѣ и разсыпалась съ криками: «къ оружію! мести! бить въ набатъ! на баррикады»! Такое же рѣшеніе приняли и собравшіеся въ редакціи, постановившіе выйти на улицу вмѣстѣ съ народомъ. Тѣмъ временемъ человѣкъ 150 продолжали свой путь съ трупами и, неоднократно задержанные на своемъ пути баррикадами, добрались, наконецъ, около $1^1/_2$ ч. ночи до мэріи V округа, гдѣ трупы пока были оставлены.

Совершившееся событіе сразу измѣняло положеніе. Король, узнавшій о немъ около $10^1/_2$ ч. вечера, правда, старался сохранить свое равновѣсіе, но понялъ необходимость поторопиться съ выясненіемъ положенія и прежде всего съ составленіемъ министерства. Онъ послалъ одного изъ своихъ наиболѣе вѣрныхъ слугъ, графа Монталивэ за Молэ. То, что онъ попрежнему думалъ о послѣднемъ, показываетъ, что онъ все еще не отдавалъ себѣ отчета въ серьезности положенія. Зато Молэ уже проникся окончательно убѣжденіемъ, что единственно возможный выходъ заключается въ чисто реформистскомъ министерствѣ. Того же мнѣнія были Пасси, Дюфоръ и Билльо. Всѣ они категорически отказались войти въ министерство, и Монталивэ вернулся съ ихъ отказомъ во дворецъ. Но и это не убѣдило короля. Возвращаясь къ плану Гизо и Дюшателя, которыхъ онъ тутъ же пригласилъ во дворецъ, онъ назначилъ маршала Бюжо главнокомандующимъ арміей и національной гвардіей (взамѣнъ герцога Немурскаго) и въ то же время послалъ адъютанта за Тьеромъ. Задержанный цѣлымъ рядомъ баррикадъ, Тьеръ прибылъ во дворецъ лишь около 2 часовъ ночи и былъ почти тотчасъ принятъ. «Король разсчитывалъ на вашу преданность»;

слухъ, что войска собираются разгромить «National». и Марра, занятый составленіемъ нумера газеты отъ 24 февраля, немедленно перебрался со своими ближайшими сотрудниками въ сосѣдній домъ.

сказалъ вышедшій ему навстрѣчу Монталивэ, «но пощадите короля». «Щадить короля! — отвѣтилъ Тьеръ—моя первая обязанность заключается въ томъ, чтобы сказать ему правду».

Когда Тьеръ явился къ королю (около $2^1/_2$ ч. ночи), произошелъ въ высшей степени характерный разговоръ. «Вы знаете положеніе — началъ король.—Я пригласилъ г. Молэ. Онъ отказывается. Я теперь вынужденъ обратиться къ вамъ. Есть ли у васъ министры? Они мнѣ необходимы сейчасъ же».—«Государь, я не ожидалъ быть призваннымъ. У меня нѣтъ готоваго списка министровъ».—«Ахъ! да, говорятъ, вы не хотите больше служить въ мое царствованіе?!»—«Нѣтъ, государь, я не хотѣлъ этого (т.-е. служить)». Понимая, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, король мѣняетъ тонъ: «Надо немедленно предупредить вашихъ коллегъ. Вы знаете объ этомъ непріятномъ инцидентѣ на бульварѣ капуциновъ. Вы знаете, что правительство тутъ не причемъ. Это случайность. Произведенное ею впечатлѣніе очень плохое. Необходимо министерство изъ оппозиціи. Кого вы мнѣ дадите? Я предвижу, что вы укажете мнѣ на Барро. Я не имѣю возраженій. Это порядочный человѣкъ; голова мало политическая! Но только подъ условіемъ, что вы будете президентомъ совѣта, и что онъ имъ не будетъ. Необходима твердость; я разсчитываю только на васъ». Тьеръ называетъ въ качествѣ своихъ кандидатовъ де Ремюза и Дювержье де Горанна. Король соглашается, хотя и неохотно: «въ концѣ концовъ, это ваши друзья; вы справитесь со всей этой публикой (vous me maniérez tout ce monde-là)». Согласившись принять названныя кандидатуры, король перешелъ къ вопросу о томъ, какова будетъ программа новаго министерства. Король иронически подчеркиваетъ слоги, когда произноситъ вопросительно слова capacités и incompatibilités (т.-е. допущеніе лицъ съ высшимъ образованіемъ безъ ценза къ выборамъ и несовмѣстимость государственныхъ должностей съ званіемъ члена палаты). Тьеръ подтверждаетъ, что парламентская и избирательная реформы необходимы, прибавляя, что онъ «лично никогда не былъ горячимъ сторонникомъ избирательной реформы, но кругъ избирателей въ самомъ дѣлѣ слишкомъ узокъ», «такъ какъ позволяетъ небольшому количеству лицъ эксплуатировать всѣ административныя выгоды». Король высказываетъ свои опасенія: «не дадите ли вы мнѣ огромной палаты, огромной массы избирателей»? «Пятьдесятъ лишнихъ депутатовъ,—отвѣчаетъ Тьеръ,—и 150000 лишнихъ избирателей. Это не слишкомъ много». Король отвѣчаетъ уклончиво. Тьеръ заявляетъ, что это еще не все, что ему «невозможно управлять съ этой палатой». «А!—отвѣчаетъ король, распущеніе палаты! никогда! я никогда ни за что не соглашусь на это». «Ни одинъ изъ коллегъ, въ коихъ я нуждаюсь, не приметъ портфеля иначе, какъ на этихъ условіяхъ»,—возражаетъ Тьеръ рѣшительно.

Могло казаться, что переговоры будутъ прерваны. Но король снова обратился къ своему собесѣднику: «Въ данный моментъ мнѣ нужны министры; идите, разыщите ихъ. Впослѣдствіи мы постараемся придти къ соглашенію. Я согласенъ на все, что вы отъ меня хотите, кромѣ распущенія».—«А между тѣмъ они (будущіе министры) будутъ больше всего настаивать именно на этомъ».—«Во всякомъ случаѣ, я сообщу въ «Монитеръ» (оффиціальную газету), что я васъ призвалъ; это фактъ, и я его опубликую». Тьеръ не могъ не согласиться съ этимъ, но посовѣтовалъ королю упомянуть въ сообщеніи и о

Барро, и король самъ составилъ слѣдующую замѣтку: «Король призвалъ г. Тьера и поручилъ ему составленіе новаго кабинета. Г. Тьеръ просилъ у короля разрѣшенія присоединить къ себѣ г. Одилона Барро. Король далъ свое согласіе на это предложеніе». Послѣ этого—было уже 3 ч. ночи—онъ спросилъ, когда Тьеръ вернется во дворецъ, и, когда тотъ отвѣтилъ, что для составленія кабинета ему нужно время до утра, король пригласилъ его явиться между 8 и 9 ч. утра. Тьеръ подчеркнулъ неясность положенія: «Мы не пришли къ соглашенію относительно важнѣйшаго пункта». Король: «Я это знаю». Тьеръ: «Само собою ясно, что если намъ не удастся придти къ соглашенію, мы не входимъ въ министерство и мы свободны»... Король: «Я такъ и понимаю; вѣдь и я тоже свободенъ». Затѣмъ король распорядился отправить немедленно составленную имъ замѣтку въ «Монитеръ» и велѣлъ распространить ее въ возможно большемъ количествѣ по всему городу, а когда Тьеръ уже собирался уходить, онъ ему внезапно сказалъ: «Да, есть еще фактъ, о которомъ я вамъ долженъ сообщить до вашего ухода. Я назначилъ Бюжо командующимъ вооруженными силами. Онъ вашъ интимный другъ: онъ мнѣ сказалъ, что питаетъ къ вамъ полное довѣріе; вы говорили мнѣ то же самое о немъ. Итакъ, вы поймете другъ друга наилучшимъ образомъ. Я его назначилъ поздно, такъ какъ пришлось разыскивать всю ночь Дюшателя. Повидайтесь съ Бюжо; онъ въ главномъ штабѣ». Когда Тьеръ, пораженный этимъ неожиданнымъ открытіемъ, промолчалъ, король удивленно спросилъ его, въ чемъ дѣло? «Государь—отвѣтилъ Тьеръ, — я очень люблю маршала, я считаю его первымъ военнымъ человѣкомъ эпохи; но я боюсь, какъ бы его назначеніе не оказалось несвоевременнымъ послѣ событія у министерства иностранныхъ дѣлъ. Намѣреніе короля при образованіи министерства изъ оппозиціи заключается въ умиротвореніи общественнаго мнѣнія. Тутъ противорѣчіе»... Король: «Но вѣдь вы же не захотите лишить меня въ такой критическій моментъ Бюжо»? Тьеръ: «Нѣтъ, государь, нельзя задаваться мыслью лишить васъ вашей шпаги. Дѣло въ томъ, что мы вынуждены примѣнять противоположныя средства лѣченія: съ одной стороны, министерство изъ оппозиціи, которое должно дѣйствовать успокаивающе, съ другой стороны, Бюжо, который долженъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ. Нѣтъ, я не имѣю намѣренія просить васъ объ отозваніи маршала; я постараюсь убѣдить моихъ коллегъ примириться съ нимъ».

На этомъ разговоръ кончился. Положеніе не только не разъяснилось, оно еще болѣе запуталось, но существо его осталось тѣмъ же: король не соглашался признать себя побѣжденнымъ и искалъ только средствъ, которыя, по его мнѣнію, должны были успокоить національную гвардію. Народной массы, невооруженной, неорганизованной, недисциплинированной, онъ не боялся. Воспоминанія о 1832 и 1834 годахъ все еще господствовали надъ его рѣшеніями [1]). Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ глубокой разницѣ положенія: тогда народное возстаніе столкнулось немедленно съ единодушнымъ сопротивленіемъ войска и національной гвардіи; теперь

[1]) По словамъ Токвиля, воспоминанія прошлаго играли не малую роль и въ тактикѣ либераловъ. «Я спросилъ г. де Корселль, что министры предполагаютъ сдѣлать, чтобы

прошло уже два дня, какъ національная гвардія встала на сторону народа, какъ войско находилось подъ длительнымъ впечатлѣніемъ возможнаго столкновенія съ національной гвардіей, постояннаго полудружественнаго общенія съ народомъ. Тогда въ глазахъ войска вина въ движеніи падала на возставшихъ, теперь она падала на упрямство власти, которая уже соглашалась на уступки, о которыхъ еще вчера говорили, будто онѣ немыслимы; она падала на само войско, вызвавшее ненужную и жестокую бойню на бульварѣ капуциновъ. Тогда національная гвардія знала, за что она сражалась; теперь она не имѣла передъ собой ни одного факта, который доказалъ бы ей ясно и опредѣленно, что, становясь на сторону короля, она выступаетъ въ защиту реформы, которой она добивалась, противъ революціи, которой она не хотѣла. Тогда во главѣ правительства стояли министерства, которымъ она довѣряла; теперь во главѣ его стоялъ король, династическій эгоизмъ котораго сталъ притчей во языцѣхъ. Когда утромъ 24 февраля появился «Монитеръ», то онъ содержалъ, правда, извѣстіе объ обращеніи короля къ Тьеру и О. Барро, но это извѣстіе было помѣщено въ неоффиціальной части, такъ какъ министерство еще не было образовано, и никто не могъ знать, удастся ли его образовать, а между тѣмъ въ оффиціальной части красовался актъ о назначеніи Бюжо. Zuckerbrod und Peitsche (сахарный хлѣбъ и кнутъ), какъ впослѣдствіи выражался Бисмаркъ, были такъ тѣсно соединены, что въ обществѣ мысль о кнутѣ должна была преобладать и должна была возродить сразу едва замолкшія воспоминанія о «кровавой банѣ на трансноненской улицѣ», гдѣ имена Тьера и Бюжо тоже были соединены вмѣстѣ.

А въ это время Бюжо уже собралъ въ главномъ штабѣ генераловъ и офицеровъ вокругъ себя, напомнилъ имъ о томъ, что онъ «никогда не былъ побѣжденъ въ подобныхъ условіяхъ», и выразилъ надежду, что они «не захотятъ его лишить невинности», т.-е. подвести его подъ пораженіе. Когда Тьеръ явился въ главный штабъ, Бюжо его привѣтствовалъ, на что Тьеръ отвѣтилъ, что онъ еще не министръ, но что онъ не счелъ возможнымъ отказать королю въ чемъ-либо въ такой моментъ. Бюжо настоялъ на необходимости оповѣстить населеніе о министерствѣ Тьера. Тьеръ, съ своей стороны, потребовалъ, чтобы былъ названъ и Барро, какъ «обладающій большимъ вліяніемъ на національную гвардію, чѣмъ онъ самъ»,—и они разошлись, причемъ Бюжо громко жаловался на недостатокъ и разбросанность войскъ, на недостатокъ патроновъ. Положеніе было еще серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Войска были утомлены патрульной службой, ненужными, какъ имъ казалось, передвиженіями за послѣдніе два дня, отвратительной погодой, покрывшей всѣ улицы грязью, на-

---

успокоить умы. «Я знаю со словъ г. де Ремюза, сказалъ онъ, что принятый ими планъ заключается въ томъ, чтобы приказать войскамъ отступить и наводнить Парижъ національными гвардейцами». Это его подлинныя выраженія. Я всегда замѣчалъ, что въ политическихъ дѣлахъ часто погибаешь потому, что имѣешь слишкомъ хорошую память. А люди, которымъ тогда было поручено остановить революцію 1848 г., были какъ-разъ тѣми самыми, которые совершили революцію 1830 г. Они помнили, что въ то время сопротивленіе арміи ихъ не остановило, и что, наоборотъ, присутствіе національной гвардіи, столь неразумно распущенной Карломъ X, могло бы ихъ очень затруднить и помѣшать ихъ успѣху. Они приняли рѣшеніе, обратное тому, которое приняла старшая линія, и добились того же результата, что она.

конецъ, недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Но «истинная опасность заключалась въ моральномъ состояніи солдатъ. Симпатія народа, ухаживанія и заботливыя старанія буржуазіи, вѣжливость національной гвардіи, зараза общественнаго настроенія, презрѣніе къ начальству, неспособность котораго проявлялась ежеминутно, все сообщало солдатамъ непобѣдимое отвращеніе къ гражданской войнѣ. Они, разумѣется, были готовы пролить свою кровь. Но къ чему принуждать ихъ проливать также кровь гражданъ? Такъ ли ужъ справедливо дѣло, чтобы требовать такія жестокія жертвы?... Одна только дисциплина обезпечивала еще правительству руки арміи; оно не располагало болѣе ея сердцемъ» (Гарнье-Пажесъ). Сознавая опасность положенія, Бюжо рѣшилъ не дожидаться нападенія, дабы духъ войскъ не упалъ еще больше, а взять съ ранняго утра иниціативу нападенія на себя и разгромить сопротивленіе раньше, чѣмъ оно успѣетъ окрѣпнуть. Съ этой цѣлью онъ образовалъ три главныя колонны: онѣ должны были двинуться на городскую ратушу, на площадь Бастиліи и на Пантеонъ, разрушить по дорогѣ всѣ баррикады, соединиться съ стоявшими въ этихъ трехъ мѣстахъ войсками и двинуться затѣмъ дальше; четвертая колонна подъ командой самого Бюжо должна была двинуться за двумя первыми (на ратушу и Бастилію) и воспрепятствовать возстановленію баррикадъ; резервъ былъ разставленъ на площади Каруселей передъ дворцомъ. Несмотря на незначительную численность войскъ (ихъ было на самомъ дѣлѣ всего 16000), Бюжо разсчитывалъ только на нихъ, оставляя національную гвардію, на которую онъ не полагался, совершенно безъ вниманія.

Иначе онъ и не могъ поступить при данныхъ условіяхъ: но если онъ, тѣмъ не менѣе, былъ увѣренъ въ побѣдѣ, то въ этомъ сказывалось пренебреженіе стараго генерала ко всему, что не войско. Политическіе дѣятели не могли такъ разсуждать. Вопросъ о настроеніи національной гвардіи имѣлъ для нихъ огромное значеніе, а можно ли было разсчитывать на національную гвардію, разъ Бюжо стоялъ во главѣ и ея?

Какъ только Тьеръ принялся за составленіе министерства, онъ сразу встрѣтился съ неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ комбинаціи Тьеръ-Бюжо и вмѣстѣ съ де Ремюза еще разъ отправился во дворецъ, чтобы указать королю на ея опасность. Король на этотъ разъ согласился съ его соображеніями, но, тѣмъ не менѣе, не пожелалъ лишить себя помощи своего генерала. Да и Тьеръ, съ своей стороны, не настаивалъ, очевидно, не желая взять на себя отвѣтственность за послѣдствія, если борьба, несмотря ни на что, будетъ продолжаться.

§ 4. 24 февраля.

«Въ это время парижскій народъ организовалъ сопротивленіе», разсказываетъ Гарнье-Пажесъ. «Было бы безполезно сдѣлать попытку передать чудеса активности этой достопамятной ночи. Поднятые электрической силой, камни мостовой всюду образовывали груды; повсемѣстно возникали баррикады. Вокругъ каждаго поста, каждаго отряда подымалась каменная ограда. Самыя большія деревья на бульварахъ были срублены. Барьеры были сожжены и забаррикадированы. Днемъ сообщенія оказались прерванными. Отъ центра до периферіи, подъ самыми окнами Тюльерійскаго дворца,

возстаніе подымало голову за своими валами. И эти укрѣпленія уже не были болѣе какъ наканунѣ, безформеннымъ дѣломъ спѣшащихъ рукъ, игрой готовящагося возстанія. Нѣтъ! тѣ отборные работники, ради которыхъ міръ намъ завидуетъ, каменщики, плотники, кузнецы, механики, это удивительное парижское населеніе, которое догадывается о томъ, чего не знаетъ, благодаря безконечному разнообразію своихъ способностей и спеціальныхъ занятій, создало изъ нихъ настоящіе предметы искусства. Покрытыя выступами, съ свободными выходами, закрытыми для нападающихъ, большая часть баррикадъ подымалась до перваго этажа домовъ, нѣкоторыя— до второго. Тѣ, которыя были особенно важны по своему мѣстоположенію, могли выдержать пушечные выстрѣлы. А количество ихъ было еще болѣе поразительно, чѣмъ ихъ конструкція. На короткомъ пространствѣ между монмартрскимъ и пуассоньерскимъ предмѣстіями капитану національной гвардіи Алтарошу, посланному полковникомъ Талабо съ цѣлью посредничества между народомъ и войскомъ, пришлось ихъ пройти 53. Согласно весьма тщательному исчисленію городскихъ полицейскихъ агентовъ и полковника Леблана, ихъ было не менѣе 1512; на ихъ постройку пошло 1277000 камней изъ мостовой, 4013 срубленныхъ дерева. Что касается оружія, то возставшіе достали его въ оружейныхъ магазинахъ, у гражданъ, которые не хотѣли сами имъ воспользоваться, въ занятыхъ поочередно помѣщеніяхъ для военныхъ постовъ. Казарма св. Мартина дала его въ довольно большомъ количествѣ; другія казармы вскорѣ дали его въ еще большемъ количествѣ. Пули отливались, картуши готовились тысячами... Осколки бутылокъ, стакановъ, глиняныхъ сосудовъ, разбросанные во всѣхъ мѣстахъ, удобныхъ для кавалеріи, дополняли эту грозную картину» [1]). А свѣдѣнія о настроеніи національной гвардіи еще усиливали увѣренность защитниковъ баррикадъ: съ утра 24 февраля національные гвардейцы толпились въ еще большемъ числѣ, чѣмъ наканунѣ, около мэрій разныхъ округовъ, не

---

[1]) Токвиль разсказываетъ о томъ, какъ производилась эта работа на бульварѣ около улицы Лепелетье: «бульваръ, по которому мы шли.., представлялъ тогда странное зрѣлище. Несмотря на то, что было уже ок. 9 ч. утра, на немъ не было видно почти никого, и не было слышно ни малѣйшаго шума человѣческаго голоса; но всѣ маленькія деревца, расположенныя вдоль этой длинной улицы, казалось, двигались, колебались на своихъ основахъ, и отъ времени до времени какое-нибудь изъ нихъ падало съ шумомъ, тогда какъ большія деревья опускались какъ бы сами собой на мостовую. Эти акты разрушенія были дѣломъ рукъ отдѣльныхъ (isolés) людей, которые совершали ихъ молча, правильно и поспѣшно, приготовляя, такимъ образомъ, матеріалъ для баррикадъ, построить которыя должны были другіе... Я предпочелъ бы встрѣтить въ тѣхъ же мѣстахъ разъяренную толпу, и я помню, что, показывая Ланжюинэ опускающіяся колонны и падающія деревья, я произнесъ слова, просившіяся давно изъ моихъ устъ: «повѣрьте, что на этотъ разъ это ужъ не бунтъ: это революція»... Эти баррикады были искусно построены небольшимъ количествомъ людей, работавшихъ очень усердно, не какъ преступники, подгоняемые страхомъ быть захваченными на мѣстѣ преступленія, а какъ хорошіе рабочіе, которые хотятъ сдѣлать свое дѣло скоро и хорошо. Публика (этого богатаго квартала) спокойно смотрѣла на нихъ, не порицая ихъ и не помогая имъ. Я не нашелъ нигдѣ того своеобразнаго всеобщаго возбужденія (bouillonement), которое я видѣлъ въ 1830 г. и которое побудило меня тогда сравнить весь городъ съ обширнымъ кипящимъ котломъ. На этотъ разъ не низвергали правительство, ему предоставили пасть».

признавая ничьихъ приказаній, кромѣ тѣхъ, которые исходили отъ явныхъ реформистовъ, заявляя, что они постараются не допустить кровопролитія, а если оно все-таки наступитъ, встать на сторону народа.

Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ думать, чтобы мысль о низверженіи монархіи уже стала господствующей хотя бы среди республиканцевъ. Заявленія ихъ оффиціальныхъ органовъ были довольно умѣренны. Вотъ что писалъ утромъ 24 февраля «National»: «Въ концѣ (предыдущаго) дня можно было довольствоваться полнымъ измѣненіемъ политической системы (т.-е. системы управленія), распущеніемъ палаты, осуществленіемъ требовавшихся реформъ. Ночь сдѣлала эти акты удовлетворенія недостаточными. Совершилось преступленіе; нужно, чтобы былъ данъ ходъ правосудію». Теперь требуется вдобавокъ: «распущеніе муниципальной гвардіи, удаленіе венсаннскихъ стрѣлковъ, преданіе министерства суду за это гнусное событіе». А вотъ какія требованія можно было найти въ то же время въ ультрарадикальной «Réforme»: «освобожденіе арестованныхъ гражданъ; преданіе министерства суду; право собраній, фактически констатированное банкетомъ въ ближайшее воскресеніе; основанная на демократическихъ началахъ избирательная реформа; упраздненіе сентябрьскихъ законовъ (1835 г.); распущеніе муниципальной гвардіи; всеобщая амнистія. Если эти мѣры будутъ приняты, можно будетъ немедленно (promptement) возстановить порядокъ». Дальше всего шли пожеланія демократическаго избирательнаго комитета, въ которомъ участвовали республиканцы разныхъ оттѣнковъ, и которыя были опубликованы газетами того же 24 февраля: здѣсь требовалось включеніе всѣхъ безъ исключенія гражданъ въ національную гвардію, упраздненіе муниципальной гвардіи, законодательное запрещеніе обращаться для подавленія гражданскихъ волненій къ помощи войска.

«Итакъ—говоритъ Гарнье-Пажесъ,—ночью съ 23 на 24 февраля не говорилось ни слова о низверженіи короля, ни слова о республикѣ; республиканцы молчатъ. Никто изъ нихъ не надѣется на немедленное паденіе монархіи. Они знаютъ, что требуемое ими удовлетвореніе успокоитъ подавляющее большинство населенія, что если они потребуютъ бо́льшаго, они будутъ изолированы. Утромъ, однако, когда они увидѣли, что министерство изъ лѣвой не было ни окончательно назначено, ни оффиціально возвѣщено, что маршалу Бюжо вручено командованіе, что колонны, предназначенныя для нападенія, двинуты впередъ, что битва становится неизбѣжной, что она, если можно такъ выразиться, уже началась, тогда всѣ энергичные люди бросились въ битву и приняли на себя руководство ею, рѣшившись довести ее до конца, до побѣды демократіи».

Когда личный секретарь Тьера, де Реймсъ, явился раннимъ утромъ къ Марра и сообщилъ ему о полученномъ Тьеромъ порученіи, и объ условіяхъ, на которыя король давалъ свое согласіе, Марра прервалъ его знаменательными словами: «Этого мало. Отреченіе короля отъ престола до полудня! послѣ полудня было бы поздно». Несмотря на то, что эта угроза не встрѣтила вѣры среди собравшихся у Тьера дѣятелей, она безусловно соотвѣтствовала дѣйствительности. Основное убѣжденіе парижскаго населенія, то, которое привело къ страшному росту революціоннаго движенія, заключалось именно въ томъ, что его обманываютъ, и что обманываетъ его не кто иной, какъ самъ король. Агитація противъ «личнаго правленія» короля, ука-

занія на то, что король «извратилъ» смыслъ конституціи, что онъ не только царствуетъ, но и правитъ, что министры только маріонетки, которыми онъ управляетъ, подготовили ту почву всеобщаго недовѣрія къ Людовику-Филиппу, которое сразу приняло ожесточенно-враждебный характеръ, когда совершилась катастрофа на бульварѣ капуциновъ, и еще усилилось, когда стало извѣстнымъ, что во главѣ войскъ поставленъ «палачъ трансноненской улицы», Бюжо. Когда Тьеръ, О. Барро, генералъ Ламорисьеръ, Дювержье де Гораннъ и другіе депутаты около 8 ч. утра отправились во дворецъ, чтобы покончить съ вопросомъ объ образованіи министерства, со всѣхъ баррикадъ ихъ встрѣчали криками, что ихъ обманываютъ, что ихъ пригласили только для того, чтобы сбить общественное мнѣніе съ толку, что король не думаетъ уступать, что онъ назначилъ Бюжо, чтобы разстрѣливать народъ, и т. д. О. Барро былъ самъ настолько смущенъ назначеніемъ Бюжо, что, уже добравшись до дворца, онъ изъ-за этого хотѣлъ отказаться отъ вступленія въ министерство, но Тьеръ его удержалъ отъ этого рѣшенія, спросивъ его, можетъ ли онъ поручиться, что назначеніе министерства Тьеръ-Барро прекратитъ возстаніе, а если нѣтъ, то готовъ ли онъ взять на себя отвѣтственность за возможныя послѣдствія? Чтобы ослабить нѣсколько впечатлѣніе, производимое именемъ Бюжо, рѣшили, что Бюжо передастъ командованіе національной гвардіей популярному Ламорисьеру. Когда это желаніе было сообщено королю, онъ съ удовольствіемъ и немедленно согласился, но когда О. Барро категорически заявилъ, что предполагаемое министерство становится невозможнымъ безъ распущенія палаты, король снова возразилъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Депутаты настаивали, король упорствовалъ. Отъ времени до времени онъ уходилъ въ сосѣднюю комнату и, вернувшись оттуда, настаивалъ еще рѣшительнѣе на своемъ отказѣ; депутатамъ казалось, что они замѣтили въ этой комнатѣ Гизо, и они были правы, но въ своихъ мемуарахъ Гизо рѣшительно утверждаетъ, что онъ не давалъ королю никакихъ совѣтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даетъ характеристику настроенія короля, которая объясняетъ его упрямство: «съ тѣхъ поръ прошло 19 лѣтъ и сегодня, какъ 19 лѣтъ назадъ, я не могу подумать безъ болѣзненнаго чувства о томъ состояніи, въ которомъ я видѣлъ короля Людовика-Филиппа во время этого кризиса, окончившагося столь трагически. Никогда ни одинъ государь не былъ болѣе искренно убѣжденъ, что политика, которой онъ держался, была наилучшей, единственно правильной въ интересахъ его страны и того режима, который онъ былъ призванъ основать въ своей странѣ. Оставшись, какъ въ дни своей юности, либераломъ и патріотомъ 1789 г., онъ полагалъ, что его политика освящала и осуществляла принципы 1789 г., полагая конецъ революціоннымъ увлеченіямъ Онъ считалъ ее одинаково необходимой, какъ ради вліянія и величія Франціи въ Европѣ, такъ и ради ея внутренняго процвѣтанія и прогресса. Онъ осуществлялъ ее въ согласіи съ великими конституціонными учрежденіями, подъ огнемъ общественныхъ свободъ, пользуясь своими конституціонными правами, не думая и не желая никогда ими злоупотреблять. Онъ мужественно пожертвовалъ ради сохраненія этой политики благомъ, которое ему было дорого и пріятно, горячими демонстраціями и льстивымъ шумомъ популярности. И послѣ 17 лѣтъта кихъ трудовъ и жертвъ онъ видѣлъ, что его не цѣнятъ и плохо понимаютъ, что на него нападаютъ не только враждебныя революціонныя партіи, что его осу-

ждаетъ, что его покидаетъ часть тѣхъ среднихъ классовъ, которые были его главной опорой. Къ шумнымъ демонстраціямъ среди національной гвардіи присоединялись почтительныя, но реальныя несогласія внутри королевской семьи. Подъ соединеннымъ вліяніемъ этихъ фактовъ король былъ глубоко опечаленъ и растерянъ: готовый претерпѣть непріятности и затрудненія, которыя онъ предвидѣлъ, намѣренный противопоставить имъ лишь принадлежавшія ему законныя средства уступокъ или сопротивленія, онъ былъ подверженъ тѣмъ внезапнымъ колебаніямъ, тѣмъ внезапнымъ рѣшеніямъ, которыя возникаютъ въ умахъ, уставшихъ отъ долгой борьбы и разочарованныхъ темной перспективой. Ни настойчивость, ни надежда не погасли, однако, въ душѣ короля Людовика-Филиппа: не то по натурѣ, не то вслѣдствіе опыта тѣхъ колебаній и реакцій, которыя смѣняютъ другъ друга въ революціонныя времена, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что достаточно умѣть пережить и ждать, чтобы добиться снова благопріятныхъ условій и счастья. Въ 1848 г. его усталость была безконечна,.. но я убѣжденъ, что... онъ былъ далекъ отъ того, чтобы отчаяться въ будущемъ, и что, подчиняясь законамъ конституціоннаго режима, онъ намѣревался вернуть себѣ необходимое съ его точки зрѣнія вліяніе, дабы обезпечить законное торжество той политики, которую онъ считалъ единственно разумной ради блага страны и спасенія престола».

Вотъ почему король и теперь не далъ своего согласія на распущеніе палаты и убѣдилъ окружавшихъ его депутатовъ въ томъ, что надо, несмотря на это, попытаться подѣйствовать на народъ, дабы предотвратить худшее. Тьеръ отправился къ Бюжо сообщить ему о назначеніи Ламорисьера, О. Барро и Ламорисьеръ должны были пойти на баррикады, чтобы убѣдить народъ сложить оружіе.

Имъ предстояло трудное дѣло. Борьба давно возобновилась, и народъ одержалъ крупные успѣхи.

Возстаніе охватило весь городъ, даже богатые западные кварталы, даже лѣвый берегъ Сены. Уже до 9 ч. утра большое количество постовъ было взято; пять казармъ попало въ руки народа, энергично осаждавшаго рядъ другихъ; мэріи большею частью также были захвачены; рядъ стратегически важныхъ пунктовъ, сенъденискія ворота, площадь побѣдъ и т. д. были потеряны, площадь Бастиліи очищена, большой транспортъ съ патронами вынужденъ отступить въ Венсаннъ, а кавалерія была лишена возможности двинуться съ площади Согласія.

Колонна генерала Бедо тѣмъ временемъ двинулась въ путь ок. $5^1/_2$ ч., прошла черезъ нѣсколько пустыхъ улицъ, двинулась по бульварамъ по направленію къ площади Бастиліи и добралась ок. $7^1/_2$ ч. уже до театра Gymnase. Недалеко отъ театра подымалась громадная баррикада, а навстрѣчу войскамъ бросились національные гвардейцы, горожане, рабочіе и начали умолять генерала не двигаться дальше. Слѣдуя своей инструкціи, Бедо сообщилъ имъ объ образованіи министерства Тьера-Барро и о назначеніи Бюжо. Извѣстіе было встрѣчено съ изумленіемъ и недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что генералъ прибавилъ, что онъ долженъ, во что бы то ни стало, пройти къ Бастиліи, взять и разрушить баррикады. Онъ уже отдаетъ приказъ о наступленіи, когда офицеры національной гвардіи указываютъ

ему на то, что народъ не знаетъ объ уступкахъ короля, что онѣ должны быть оффиціально подтверждены, что надо распространить извѣстіе о нихъ по всему городу, что только въ такомъ случаѣ національная гвардія встанетъ на сторону войскъ, тогда какъ она въ противномъ случаѣ присоединится къ возставшимъ, и требуютъ пріостановки военныхъ дѣйствій съ тѣмъ, чтобы можно было послать гонцовъ къ Бюжо и получить отъ него оффиціальныя свѣдѣнія.

Бедо, наконецъ, согласился; національная гвардія тотчасъ начала обходить сосѣдніе кварталы, чтобы распространить извѣстіе объ уступкахъ короля, а гонцы отправились къ Бюжо. Когда они прибыли къ нему около 8 ч., увѣренность маршала въ побѣдѣ уже ослабла. Со всѣхъ сторонъ приходили дурныя вѣсти, отовсюду слышались совѣты не обострять положенія, разъ король все равно согласенъ на уступки, не вызывать ненужнаго кровопролитія, прекратить военныя дѣйствія. Герцоги Немурскій и Монпансье не скрывали своего волненія. Попытка очистить улицу Ришелье отъ трехъ баррикадъ привела лишь къ ненужному кровопролитію: когда отрядъ генерала Сентъ-Арно вернулся, разрушивъ ихъ, онѣ уже были возстановлены. Недоставало патроновъ, и не было возможности подвести ихъ изъ складовъ, гдѣ ихъ лежало свыше милліона штукъ, тогда какъ войска, стоявшія на площади каруселей, имѣли ихъ всего по 10 штукъ на солдата. Вотъ условія, при которыхъ гонцы одинъ за другимъ явились къ маршалу. Когда ему доложили о томъ, что произошло съ колонной Бедо, онъ немедленно одобрилъ его дѣйствія, послалъ ему оффиціальную прокламацію, имъ самимъ подписанную, но приказалъ прибѣгнуть немедленно къ оружію, разъ возстаніе будетъ продолжаться.

Прокламація Бюжо была слѣдующаго содержанія:

«Восемь часовъ утра».

«Король, пользуясь своей конституціонной прерогативой, поручилъ гг. Тьеру и О. Барро образовать кабинетъ.

Въ то же время Его Величество поручилъ маршалу Бюжо, герцогу д'Или главное начальство надъ всей національной гвардіей и надъ войсками.

Парижъ, 24 февраля 1848 г.

(Подписано) Маршалъ герцогъ д'Или».

Прокламаціи были розданы немедленно, но имя Бюжо оказало тотчасъ свое вліяніе и разстроило всѣ надежды на успокоеніе. Видя, что защитники баррикады не думаютъ ее покидать, что со всѣхъ сторонъ раздаются крики: «насъ обманываютъ!», Бедо уже собирался открыть военныя дѣйствія, какъ появился новый гонецъ съ новой запиской отъ маршала. Вотъ ея содержаніе:

«Главный штабъ.

Національная гвардія департамента Сены.

Парижъ, 24 февраля 1848 г.

Мой дорогой генералъ,

мои распоряженія видоизмѣнены. Объявите повсюду, что стрѣльба прекращается, и что національная гвардія беретъ на себя полицейскую службу. Произнесите слова примиренія.

Маршалъ герцогъ д'Или.

P. S. Отступайте къ площади каруселей».

Этотъ приказъ былъ полученъ въ 9 ч. и при громкихъ возгласахъ народа: «да здравствуетъ войско!», генералъ Бедо отступилъ [1]). Желая обезпечить себя отъ повторенія такой катастрофы, какая совершилась наканунѣ вечеромъ, онъ помѣстилъ во главѣ своего отряда роту національной гвардіи, за которой шли его баталіоны. На монмартрскомъ бульварѣ отрядъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ возбужденной толпой, которой приходилось все время подтверждать извѣстіе о королевскихъ уступкахъ. Впереди снова подымаются баррикады, возстановленныя послѣ ухода войскъ. Появляются признаки упадка дисциплины: разговоры, рукопожатія, привѣтствія между солдатами и густой, окружающей ихъ толпой; ряды войскъ начинаютъ разстраиваться. Около одной баррикады у улицы Шуазеля артиллеристы передаютъ свои орудія національной гвардіи; публика отбираетъ у солдатъ патроны, а офицеры вынуждены дѣлать видъ, что ничего не замѣчаютъ. Только ок. $10^1/_2$ ч. Бедо удается собрать своихъ совершенно деморализованныхъ солдатъ на площади каруселей.

Въ главномъ штабѣ скопляются все худшія вѣсти; на окраинахъ Парижа сожжены баррьеры; оружіе и патроны все бо́льшими массами попадаютъ въ руки возставшихъ; ратуша въ опасности; въ отдаленныхъ пунктахъ солдаты фратернизируютъ съ толпой, а возстаніе подходитъ все ближе къ дворцу. Попытки О. Барро и Ламорисьера успокоить народъ окончились, какъ и слѣдовало ожидать, полной неудачей. Когда Барро покинулъ дворецъ, онъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него былъ задержанъ баррикадами. Его привѣтствовали криками: да здравствуетъ Барро! да здравствуетъ реформа!, но съ этими криками смѣшивались другіе: долой Бюжо! долой Тьера! На каждомъ шагу Барро обращается къ толпѣ, и, пока онъ подвигается по богатымъ кварталамъ, по итальянскому бульвару, по бульвару капуциновъ, его слушаютъ со вниманіемъ, хотя и безъ увлеченія, но, чѣмъ

1) Около того же самаго времени ($8^1/_2$ ч.) генералъ Себастіани, командовавшій колонной, двинувшейся на городскую ратушу, и занимавшій въ это время зданіе ратуши, получилъ отъ Бюжо аналогичный приказъ: сконцентрировать всѣ свои силы и не начинать никакого боя. Нѣсколько минутъ спустя, съ криками «да здравствуетъ войско! да здравствуетъ реформа!», подошла колонна національныхъ гвардейцевъ 7-го легіона, окруженная толпой народа и подымавшая въ знакъ своего миролюбія ружья наверхъ. Въ отвѣтъ на это солдаты точно также подымаютъ ружья, издавая отвѣтные крики: «да здравствуетъ національная гвардія! да здравствуетъ реформа!». Одна колонна проходила за другой мимо ратуши, и все время повторялись тѣ же сцены, пока ок. 11 ч. съ двухъ разныхъ сторонъ въ зданіе не вошли двѣ группы возставшихъ, а именно человѣкъ 200 рабочихъ съ одной стороны, группа національныхъ гвардейцевъ съ офицеромъ 8 легіона Журданомъ съ другой. Не встрѣчая никакого сопротивленія, послѣдніе проникли въ кабинетъ парижскаго префекта Рамбюто, въ которомъ находились какъ Себастіани, такъ и другіе генералы, и заявили префекту что «народъ—хозяинъ предмѣстій», что «національная гвардія идетъ рука объ руку съ народомъ», и что онъ, Журданъ, «явился, чтобы захватить отъ имени народа ратушу», и что префекту «не приходится больше давать здѣсь приказаній». Рамбюто, Себастіани и др. безъ всякаго сопротивленія подчинились и поспѣшили удалиться, но выборные члены городского совѣта отказались признать Журдана и поспѣшили созвать совѣтъ.—Когда тотъ же Рамбюто предупреждалъ короля 21 февраля объ опасности положенія, король ему рѣзко отвѣтилъ: «вы въ этомъ ничего не понимаете!». Начиная съ 22 февраля, Рамбюто не имѣлъ никакихъ инструкцій и зналъ только по слухамъ о томъ, что дѣлается во дворцѣ.

дальше онъ подвигается на востокъ, тѣмъ мрачнѣе настроеніе толпы. Уже слышатся крики: долой Людовика-Филиппа! Съ баррикады на бульварѣ Боннъ-Нувелль его встрѣчаютъ, наконецъ, настолько враждебно, что онъ вынужденъ вернуться. Когда онъ возвращался, окруженный огромной толпой, сынъ старика Араго шепнулъ ему: «отреченіе короля до полудня; если нѣтъ, революція».

Старанія Ламорисьера увѣнчались не большимъ успѣхомъ. Къ 11 ч. мысль о необходимости отреченія короля стала распространяться. Она высказывается въ салонахъ Тьера и О. Барро, въ редакціи «National'я». Редакція «Reforme» вывѣшиваетъ огромный плакатъ съ лаконической надписью: «Людовикъ-Филиппъ разстрѣливаетъ насъ какъ Карлъ X; пусть онъ послѣдуетъ за Карломъ X».

«Зачѣмъ не сознаться въ этомъ? Въ этотъ моментъ никто еще не кричалъ: да здравствуетъ республика!» говоритъ Гарнье-Пажесъ. «Самые убѣжденные республиканцы, тѣ, что были вполнѣ готовы пожертвовать своимъ состояніемъ и своей жизнью ради побѣды республики, тѣ, сердца коихъ со страстью желали ея скораго осуществленія, не осмѣливались надѣяться на него. Наканунѣ они требовали лишь реформы и распущенія палаты. Теперь они шли дальше. Но имъ казалось, что если ихъ требованія (относительно отреченія короля) осуществятся, то въ этомъ будетъ содержаться значительный успѣхъ. Низложеніе Людовика-Филиппа обезпечивало самымъ радикальнымъ изъ нихъ огромное удовлетвореніе».

Династическая лѣвая естественно не шла такъ далеко. О. Барро былъ оскорбленъ отношеніемъ къ нему короля, который повернулъ ему спину, когда онъ доказывалъ необходимость распущенія палаты; онъ не хотѣлъ больше идти во дворецъ, но онъ отвергалъ мысль объ отреченіи короля. Одни изъ его друзей были того же мнѣнія, другіе, побывавъ въ редакціи «National'я», начали сдаваться. Споры не прекращались, несмотря на присутствіе настаивавшаго на отреченіи Гарнье-Пажеса. Они еще не окончились, когда было рѣшено отправиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ. По дорогѣ народъ устроилъ Барро и поѣхавшему вмѣстѣ съ нимъ Гарнье-Пажесу шумную овацію [1]); лошади подвигались шагомъ среди ликующей толпы, передъ

---

[1]) Токвиль даетъ прекрасную характеристику настроенія тѣхъ слоевъ, которые все еще привѣтствовали Барро. «Переходя черезъ гаврскую площадь, я впервые встрѣтилъ батальонъ той національной гвардіи, которой хотѣли наводнить весь Парижъ. Эти люди подвигались неувѣреннымъ шагомъ и съ удивленнымъ видомъ, окруженные мальчишками, которые кричали: да здравствуетъ реформа!, и которымъ они отвѣчали тѣмъ же крикомъ, но подавленнымъ и слегка принужденнымъ голосомъ. Этотъ батальонъ принадлежалъ къ моему кварталу, и большая часть тѣхъ, которые его составляли, знали меня въ лицо, хотя я самъ не зналъ почти никого. Они меня окружили и съ жадностью желали узнать новости; я имъ сказалъ, что мы достигли всего, чего могли желать, что министерство смѣнено, что всѣ злоупотребленія, на которыя жаловались, будутъ устранены, что единственная, существующая въ данный моментъ опасность, заключается въ томъ, чтобы не зайти слишкомъ далеко, и что это ихъ дѣло воспрепятствовать этому. Я хорошо видѣлъ, что они не поддавались такимъ разсужденіямъ. Правительство, говорили они, по своей винѣ попало въ просакъ, пусть оно само выпутывается, какъ знаетъ... Напрасно я указывалъ имъ на то, что въ данный моментъ вопросъ касается не столько правительства сколько ихъ самихъ».

каретой шла молодая дѣвушка съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, по бокамъ національные гвардейцы.

Въ 11½ ч. въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ собрались, кромѣ Барро и Гарнье-Пажеса, человѣкъ 15—20 депутатовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше всѣ приходили къ убѣжденію въ необходимости отреченія. Барро долго колебался, и только около 12 часовъ онъ просилъ депутатовъ Дюпена и Жанвіэ отправиться во дворецъ и познакомить короля съ положеніемъ дѣлъ.

«Дворецъ представлялъ въ это время послѣдній центръ защитниковъ королевской власти: ратуша была въ рукахъ народа, полицейская префектура находилась въ опасности, Пантеонъ былъ осажденъ. Было ясно, что возстаніе направитъ всѣ свои силы на дворецъ. Со всѣхъ сторонъ колонны національной гвардіи, горожанъ, студентовъ, рабочихъ уже двинулись въ путь. Двинувшись изъ всѣхъ кварталовъ одновременно или одна за другой, колонны приближались другъ къ другу; онѣ подходили съ такимъ единствомъ дѣйствій, такой точностью, такой силой сцѣпленія, которой самый ловкій генералъ не могъ бы добиться отъ самыхъ привычныхъ къ войнѣ войскъ на изученномъ наилучшимъ образомъ полѣ битвы». Чтобы остановить это опасное движеніе, грозившее привести къ второму 10 августа, къ разгрому тюльерійскаго дворца, къ захвату королевской семьи, а, быть-можетъ, къ еще худшему, будущіе министры рѣшили обратиться къ народу съ прокламаціей, въ которой сообщалось, что данъ приказъ прекратить огонь и всякія вооруженныя дѣйствія, что палата будетъ распущена, что генералъ Ламорисьеръ назначенъ командиромъ національной гвардіи. Необходимо, во что бы то ни стало, предотвратить возобновленіе боя: если онъ возобновится, толпы возставшихъ придутъ въ усиленное движеніе, а при деморализованности войскъ, при громадномъ подъемѣ настроенія стотысячной толпы возставшихъ, при невозможности координировать дѣйствія разрозненныхъ и усталыхъ солдатъ, возобновленіе движенія равносильно катастрофѣ. Сознаніе почти безусловной неизбѣжности катастрофы все усиливается: какъ, въ самомъ дѣлѣ, остановить это страшное движеніе, разъ каждая часть возставшихъ отдѣлена отъ сосѣдней, не знаетъ и не можетъ знать не только того, что дѣлается во дворцѣ, но и того, что дѣлается въ сосѣдней улицѣ? Какъ оповѣстить населеніе о томъ, что во дворцѣ дѣлаютъ уступку за уступкой, что достигнуто все, что считалось необходимымъ? Повсюду баррикады, препятствующія сообщенію, повсюду другое, неизмѣримо болѣе опасное явленіе—абсолютное недовѣріе къ власти, убѣжденіе въ ея предательской злонамѣренности, твердое намѣреніе, перешедшее изъ области разсудка въ область чувства, покончить съ предательствомъ и обезпечить торжество народа. Никто, рѣшительно никто не знаетъ, что собственно совершается, куда направляется, гдѣ остановится волна народной страсти, что и сколько она разобьетъ на своемъ пути. Повсюду каждый стремится впередъ, все впередъ, и изъ этой безконечной массы единичныхъ движеній, координируемыхъ общимъ всѣмъ стремленіемъ къ центру Парижа, къ дворцу, слагается нѣчто безконечно могущественное, нѣчто безконечно грозное, чему нигдѣ нѣтъ препятствій. Часовъ съ 9 утра войска нигдѣ не оказываютъ сопротивленія: только недоразумѣнія, только непосредственный страхъ неожиданнаго нападенія еще вызываютъ съ ихъ стороны стрѣльбу, какъ, напр., во время отступленія ген. Бедо, когда около Rue Royale и около т. наз. Point Tournant два

военныхъ поста даютъ залпы по приближающейся толпѣ, за которой скрывается колонна Бедо, и когда ярость народа, убѣжденнаго въ предательствѣ власти, была готова проявиться самымъ ужасающимъ образомъ. Впослѣдствіи такой же инцидентъ разыгрался около занятаго небольшимъ отрядомъ солдатъ стараго зданія Chateau d'Eau, господствовавшаго надъ двумя близлежащими дворцами, Пале-Роялемъ и Тюльеріями, и защищавшему доступъ къ послѣднему. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ войска исполняли болѣе или менѣе охотно данныя имъ предписанія, т.-е. совершенно не препятствовали толпѣ не только при постройкѣ все новыхъ баррикадъ и при ея движеніи на дворецъ, но и при ея попыткахъ отобрать у солдатъ патроны или оружіе, занять стратегически важныя мѣста и т. д. Нелѣпость противорѣчивой политики правительства—политики, стремившейся успокоить общество уступками и въ то же время наполнявшей городъ для устрашенія мятежниковъ войсками, которыми, однако, не хотѣли пользоваться, сказалась во всемъ своемъ блескѣ. Въ сущности именно эта политика и привела къ гибели іюльской монархіи. Съ одной стороны, уступки создавали въ населеніи, быть-можетъ, даже преувеличенное представленіе о силѣ возстанія и парализовали дѣятельность войскъ; съ другой стороны, видъ войскъ, постоянно готовыхъ начать враждебныя дѣйствія, и особенно видъ муниципальной гвардіи, создавалъ почву для единичныхъ недоразумѣній и столкновеній и не позволялъ ни возставшимъ, ни особенно національной гвардіи придти къ убѣжденію, что борьба окончена.

А чѣмъ дольше длилась борьба, тѣмъ выгоднѣе при бездѣйствіи войска слагались ея результаты для возставшихъ, тѣмъ больше возрастало нетерпѣніе послѣднихъ, тѣмъ сильнѣе становилась ихъ ненависть къ власти, тѣмъ радикальнѣе становились ихъ лозунги. Нѣкоторую роль при этой радикализаціи лозунговъ возстанія играли, быть-можетъ,и члены тайныхъ республиканскихъ обществъ: несмотря на свою малочисленность, они во многихъ мѣстахъ могли дать толчекъ къ возникновенію мысли о республикѣ, но если эта мысль внезапно начала встрѣчать сочувствіе, и если день кончился провозглашеніемъ республики, то причина этого неожиданнаго факта заключалась не въ работѣ тайныхъ обществъ, а въ стихійномъ развитіи настроенія всей совокупности или весьма значительной части сражавшихся, въ своеобразной смѣси глубокаго недовѣрія къ власти и увѣренности въ собственной побѣдѣ, которая составляетъ характерную особенность дня 24 февраля. Не надо забывать, что Парижъ давно видѣлъ паденіе многихъ правительствъ, паденіе ряда монарховъ, неизмѣримо болѣе популярныхъ, чѣмъ Людовикъ-Филиппъ. Старая монархія Бурбоновъ, монархія Наполеона I, монархія окруженнаго всѣмъ блескомъ легитимизма Карла X были куда крѣпче связаны съ народной жизнью, чѣмъ монархія «эскамотировавшаго» іюльскую революцію «короля буржуазіи». Самъ Людовикъ-Филиппъ впослѣдствіи, уже находясь въ изгнаніи, заявлялъ, что во Франціи невозможно установленіе какого бы то ни было прочнаго строя, такъ какъ въ ея народѣ исчезло «почтительное уваженіе» къ государственной власти какъ таковой. Въ этомъ замѣчаніи есть значительная доля истины, но прежде всего оно относится именно къ монархической власти. Въ странѣ, всѣ формы жизни которой подверглись въ короткій срокъ такимъ кореннымъ измѣненіямъ, только та монархія могла обладать извѣстной прочностью, носитель которой пользовался весьма значительнымъ

личнымъ престижемъ. Монархія какъ таковая, безотносительно къ монарху, дѣйствительно утратила свою наиболѣе твердую опору, какъ только она перестала быть безспорной, какъ только она не разумѣлась сама собой, какъ только масса привыкла смотрѣть на монарха, какъ на созданнаго ею же самой представителя ея собственныхъ интересовъ. А Людовикъ-Филиппъ къ 1848 г. давно потерялъ всякій личный престижъ, поскольку онъ имъ вообще когда-либо обладалъ, и очутился въ положеніи лица, обманувшаго ожиданія своихъ довѣрителей. Волна раздраженія противъ него росла по мѣрѣ того, какъ возставшіе всюду встрѣчали одинаковое недовольство противъ него лично, противъ его «системы», противъ его вѣчно неискреннихъ, вѣчно двуличныхъ дѣйствій, и по мѣрѣ того, какъ матеріальныя опоры его власти неожиданно оказывались все болѣе слабыми. А въ то же время положеніе совѣтниковъ короля становилось все болѣе затруднительнымъ: съ одной стороны, начиная съ 23 февраля, у короля больше не было оффиціальныхъ совѣтниковъ, отвѣтственность которыхъ могла бы покрыть образъ дѣйствій монарха, а въ силу этого лица, къ которымъ онъ былъ вынужденъ обратиться за содѣйствіемъ, не имѣли ни въ его глазахъ, ни въ глазахъ населенія надлежащаго авторитета, такъ какъ могли давать только совѣты, но не могли принимать никакихъ рѣшеній, а, съ другой стороны, увѣренность этихъ неоффиціальныхъ и формально безотвѣтственныхъ совѣтниковъ въ способности ихъ именъ успокоить народъ естественно падала съ каждымъ часомъ, и это не давало имъ возможности настаивать съ полной рѣшительностью на окончательномъ устраненіи войскъ съ улицъ. И въ то же время они были вынуждены совершать несомнѣнныя узурпаціи насчетъ королевской прерогативы. Такова была, напр., прокламація Бюжо, сообщавшая о томъ, что король поручилъ Тьеру и Барро составить министерство: по существу своему она дѣлала отказъ короля отъ этой комбинаціи невозможнымъ и предписывала ему извѣстное рѣшеніе.

Вся безвыходность положенія проявилась уже во время безпорядочнаго совѣщанія, состоявшагося во дворцѣ около 11 ч. утра, когда были получены тревожныя извѣстія о состояніи колонны Бедо и о происшедшихъ во время ея отступленія инцидентахъ. Тотчасъ нѣсколько человѣкъ было послано на площадь Согласія, чтобы получить болѣе точныя свѣдѣнія, и въ то же время былъ отданъ приказъ приготовить придворныя кареты на случай отбытія короля. Настроеніе стало нѣсколько болѣе спокойнымъ, когда прибылъ адъютантъ генерала Бедо съ сравнительно успокоительными извѣстіями. Безпорядочные дебаты продолжались; наконецъ, король обратился за совѣтомъ къ Тьеру, и послѣдній заявилъ, что черезъ два часа все будетъ кончено, и впервые предложилъ планъ, который ему самому было суждено привести въ исполненіе въ 1871 г. «Это возстаніе—говорилъ онъ по словамъ современника—необычайно. Его развитіе, начиная съ нынѣшняго утра, опрокидываетъ всѣ предвидѣнія. Если сдѣлать попытку схватить быка за рога съ тѣми недостаточными силами, которыми мы располагаемъ, то мы будемъ раздавлены. Еслибъ я былъ господиномъ, я бы удалился въ Сенъ-Клу; я бы собралъ тамъ 50—60000 человѣкъ, и три дня спустя я вступилъ бы обратно въ Парижъ». Предложеніе Тьера, напоминающее нѣсколько старый планъ Мирабо въ 1790 и 1791 г., было равносильно страшной гражданской войнѣ, но при наличныхъ

условіяхъ, съ точки зрѣнія Тьера, только и существовало два выхода: либо признать себя безусловно побѣжденнымъ и примириться со всѣми послѣдствіями этого факта, либо перенести борьбу на новую почву и опереться противъ Парижа на страну. Въ данный моментъ его мысль показалась, повидимому, совершенно безумной и фантастической, такъ прочна была привычка думать, что Парижъ это Франція, и что покинуть Парижъ значитъ потерять власть надъ Франціей. Вмѣсто того, чтобы серьезно обсудить мысль Тьера, было рѣшено испытать настроеніе войскъ и отрядовъ національной гвардіи, стоявшихъ на площади каруселей: здѣсь было собрано около 4000 человѣкъ войскъ, 16 пушекъ [1]) и нѣсколько частей 10 легіона, одинъ баталіонъ 1 легіона, около баталіона 4 легіона и слабый отрядъ кавалеріи національной гвардіи. Верхомъ, въ мундирѣ генерала національной гвардіи, съ звѣздой и лентой почетнаго легіона, старикъ-король подъѣхалъ къ національной гвардіи: его согбенная фигура, опущенная на грудь голова и безпокойно-утомленное лицо не могли внушить войскамъ боевого настроенія. Первый легіонъ встрѣтилъ его криками: да здравствуетъ король! съ которыми смѣшивались крики: да здравствуетъ реформа! Король приблизился къ командиру и поручилъ ему передать своимъ подчиненнымъ, что реформа будетъ осуществлена, и что она была бы давно осуществлена, если бы король зналъ, что стремленіе къ ней такъ сильно. Встрѣченный 10 легіономъ тѣми же криками, король повторилъ тѣ же слова. Но 4 легіонъ не издалъ никакихъ криковъ въ честь короля, ограничился только крикомъ: да здравствуетъ реформа! долой министерство! и подчеркивалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ одушевлявшія его враждебныя чувства: несмотря на повторныя попытки, королю такъ и не удалось что-либо сказать, и эта встрѣча потрясла старика настолько, что онъ повернулъ своего коня и, не взглянувъ даже на регулярное войско, вернулся во дворецъ: «Вы видите», сказалъ онъ Тьеру, «все кончено»!

Дѣйствительно, все было кончено. Началась мучительная агонія іюльской монархіи. Недавно еще полный энергіи и ненасытнаго властолюбія, король впадалъ съ каждой минутой все больше въ прострацію и терялъ всякую способность принять какое бы то ни было рѣшеніе. Онъ не былъ въ состояніи ни отказаться отъ власти, ни пользоваться ею.

Тѣмъ временемъ во дворецъ начали стекаться извѣстія о необходимости отреченія короля: даже національные гвардейцы 2 легіона, убѣжденные монархисты, настаивали на немъ какъ на единственномъ средствѣ спасенія монархіи. Началось обсужденіе вопроса, на этотъ разъ безъ вѣдома и участія короля. Тьеръ доложилъ принцамъ о положеніи, но герцогъ Монпансье не безъ основанія указалъ на то, что уступки слѣдуютъ за уступками, не производя желаннаго эффекта, и спросилъ, можетъ ли Тьеръ поручиться, что хоть эта тяжелая уступка положитъ возстанію предѣлъ? Тьеръ отвѣтилъ, что отреченіе представляетъ послѣднее средство, хотя никто и не можетъ поручиться за результатъ. Рѣшили доложить королю, и послѣ дипломатической рѣчи Тьера, герцогъ Немурскій первый произнесъ

[1]) Остальныя войска вошли въ составъ трехъ колоннъ генераловъ Бедо, Себастіани и Рено или были отосланы въ качествѣ подкрѣпленій въ разныя части города (особенно къ зданію полицейской префектуры).

фатальное слово, прибавивъ, что въ случаѣ отреченія короля онъ самъ, въ свою очередь, отрекается отъ регентства: принцъ, единственный изъ королевской семьи, ведшій себя все время и до конца съ полнымъ достоинствомъ, сознавалъ свою давнишнюю непопулярность и понималъ, что разъ заходитъ рѣчь о регентствѣ во время малолѣтства графа Парижскаго, то оно должно быть вручено популярной вдовѣ популярнаго герцога Орлеанскаго, герцогинѣ Еленѣ (изъ мекленбургскаго дома). Пока король колебался, во дворецъ явился Ламорисьеръ, встревоженный близкой возможностью новаго кроваваго столкновенія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, около такъ наз. Chateau d'Eau, внутри котораго стоялъ отрядъ муниципальной гвардіи, тогда какъ по сосѣдству подымались три баррикады и постоянно прибывали новыя толпы народа и среди нихъ представители крайней республиканской лѣвой [1]). Во избѣжаніе столкновенія муниципальные гвардейцы, правда, были отосланы ко дворцу, и ихъ замѣнили ротой солдатъ 14-го полка. Но этого было мало. Не безъ основанія Ламорисьеръ хотѣлъ замѣнить солдатъ національными гвардейцами 2 легіона, которыхъ онъ повелъ къ Chateau d'Eau. По дорогѣ онъ увидѣлъ, что опасность возрастаетъ, и, когда онъ сдѣлалъ попытку успокоить защитниковъ баррикады у фонтана Мольера—здѣсь находились Бонъ, Лагранжъ и др.,—указавъ имъ на то, что реформа обѣщана, образовано новое министерство, палата будетъ распущена, ему отвѣтили, что никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній обо всемъ этомъ нѣтъ, что этого теперь мало, что нужно отреченіе и провозглашеніе всеобщаго избирательнаго права, и спросили его, гдѣ доказательство, что онъ самъ уполномоченъ вести переговоры съ народомъ? Повторивъ еще разъ приказаніе замѣнить солдатъ національными гвардейцами, приказаніе, которое не было исполнено командовавшимъ въ Chateau d'Eau капитаномъ 14 полка Супо, такъ какъ оно не исходило отъ лица, командовавшаго регулярными войсками, Ламорисьеръ поспѣшилъ во дворецъ, чтобы сообщить о предъявленныхъ ему требованіяхъ и запастись оффиціальнымъ актомъ, подтверждавшимъ его полномочія. Пока генералъ докладываетъ, пока король категорически заявляетъ, что онъ не откажется отъ короны, толпа народа въ 500—600 человѣкъ прорывается уже на площадь каруселей на глазахъ изумленныхъ этой дерзостью войскъ и только личному вмѣшательству Бюжо и подоспѣвшаго Ламорисьера удается побудить ее удалиться.

Во дворцѣ продолжаются все тѣ же сцены. «Дворецъ уже представлялъ зрѣлище разгрома. Военные посты не были заняты, часовыхъ не было, двери были открыты, и всякій желающій, генералы, офицеры, депутаты, журналисты, знакомыя и незнакомыя лица могли войти. Заходилъ, кто хотѣлъ, когда хотѣлъ, вплоть до салоновъ, расположенныхъ непосредственно около королевскаго кабинета. Только чувство почтенія охраняло это послѣднее убѣжище отъ нескромности толпы. Здѣсь пока можно было видѣть только принцевъ, государственныхъ дѣятелей, которымъ предстояло войти въ будущее министерство, и адъютантовъ» (Гарнье-Пажесъ). Около 12 ч. въ кабинетъ короля былъ введенъ республиканскій депутатъ Кремьё, обошедшій утромъ 24 февраля большую часть четвертаго округа и пришедшій сообщить о своихъ въ общемъ скорѣе благопріятныхъ для короля впечатлѣніяхъ. Удостовѣряя, что народъ еще готовъ довольствоваться министерствомъ изъ лѣвой, реформой и распущеніемъ

[1]) Среди нихъ находились Этьеннъ Араго, Бонъ, Лагранжъ, Гарно, Шансель и др.

палаты, онъ указалъ, однако, на то, что назначеніе Тьера предсѣдателемъ совѣта министровъ представляетъ «самую опасную нелѣпость», такъ какъ имя его внушаетъ народной массѣ непобѣдимое отвращеніе. Тьеръ немедленно заявилъ, что онъ вполнѣ готовъ отказаться отъ даннаго ему порученія. Дальше Кремьё указалъ на О. Барро какъ на лицо, которое могло бы образовать министерство изъ наиболѣе радикальныхъ представителей оппозиціи, и подчеркнулъ, что безусловно необходимо устранить Бюжо и замѣнить его хотя бы маршаломъ Жераромъ и Ламорисьеромъ. Король оглашался на все и, когда Кремьё ушелъ, обратился къ Тьеру съ добродушной насмѣшкой: «итакъ, мой дорогой Тьеръ, вотъ и вы ужъ столь же непопулярны, какъ и я!». Онъ уже собирался подписать актъ о назначеніи Барро предсѣдателемъ совѣта министровъ, какъ внезапно ворвался въ кабинетъ Эмиль де Жирарденъ, и въ тотъ же моментъ послышалась сильная стрѣльба со стороны Пале-Рояля.

Несчастіе, которое предвидѣлъ Ламорисьеръ, произошло. Толпа, постоянно возраставшая около Chateau d'Eau, требовала сдачи этого сильнаго пункта войсками въ то время, какъ посланныя Ламорисьеромъ лица тщетно уговаривали капитана Супо согласиться на замѣну его солдатъ національными гвардейцами. Во время переговоровъ толпа уже поднялась по внѣшней лѣстницѣ наверхъ и начала тѣснить солдатъ. Тогда Супо, которому еще съ 9 ч. было запрещено прибѣгать къ оружію, согласился пустить національныхъ гвардейцевъ въ занятое имъ помѣщеніе и сдать народу оружіе съ тѣмъ, чтобы его солдатамъ была дана возможность удалиться по направленію къ дворцу. Толпа уже издаетъ крикъ: «да здравствуетъ войско, да здравствуетъ капитанъ», гренадеры 2 легіона уже приближаются къ мѣсту, которое они должны занять, солдаты, сначала отказавшіеся уйти и сдать оружіе, уже поддаются приказаніямъ своего начальника, какъ внезапно раздаются сначала два выстрѣла со двора Пале-Рояля, а затѣмъ два выстрѣла со стороны солдатъ, пронизывающіе мѣховыя шапки гренадеровъ. Испуганная неожиданнымъ огнемъ толпа бросается назадъ, увлекая за собой не только гренадеровъ національной гвардіи, но и нѣкоторыхъ солдатъ и самого Супо, которымъ затѣмъ удалось добраться до дворца. Послѣ минутнаго затишья началась ожесточенная стрѣльба, какъ со стороны народа, занявшаго ближайшія баррикады, окна, двери и всякаго рода выступы сосѣднихъ домовъ, такъ и со стороны заперевшихся въ Chateau d'Eau солдатъ. Какъ только она началась, совершилось то, чего опасался Ламорисьеръ: весь городъ пришелъ въ движеніе; поднялся девятый валъ народнаго движенія, направленный на этотъ разъ уже непосредственно на дворецъ. Сопротивленіе солдатъ было отчаянное, несмотря на повторныя самоотверженныя попытки Ламорисьера, Лагранжа и др. положить этому ненужному ожесточенному бою предѣлъ, оно длилось около $2^1/_2$ часовъ и закончилось только тогда, когда осаждающіе воспользовались придворными каретами и т. д., чтобы поджечь зданіе и наполнить его удушливымъ дымомъ. Тогда только солдаты сдались: изъ 115 человѣкъ 11 было убито, 18 ранено. Со стороны народа количество жертвъ доходило до 38 убитыхъ и 50 раненыхъ, не считая тѣхъ, которые лѣчились отъ ранъ у себя дома.

Въ тотъ моментъ, когда борьба здѣсь кончилась, король уже оставилъ дворецъ и бѣжалъ. Когда явился Эмиль де Жирарденъ, все еще могло казаться, что необходимо лишь отреченіе короля. Жирарденъ заявилъ, что не только министерства Тьера, но и министерства Одилона Барро мало, чтобы успокоить народъ, рѣшительно

пригласилъ короля отречься въ пользу внука и регентства герцогини Орлеанской и прочелъ заготовленную имъ прокламацію, содержавшую всего четыре пункта: «отреченіе короля, регентство герцогини Орлеанской, распущеніе палаты, всеобщая амнистія». Герцогъ Монпансье немедленно присоединился къ мнѣнію Жирардена, и послѣ короткаго колебанія король, находившійся подъ впечатлѣніемъ стрѣльбы, наконецъ, машинально произнесъ роковыя слова: «я всегда былъ миролюбивымъ государемъ,.. я отрекаюсь отъ престола». Герцогъ Немурскій сообщилъ объ этомъ офицерамъ, а Жирарденъ немедленно бросился на площадь Пале-Рояля и сдѣлалъ попытку оповѣстить народъ о совершившемся фактѣ, но среди шума стрѣльбы и народныхъ криковъ ему такъ и не удалось добиться своей цѣли, и онъ былъ вынужденъ вернуться во дворецъ ни съ чѣмъ.

Въ кабинетѣ короля между тѣмъ происходила бурная сцена. Королева умоляла своего супруга отказаться отъ принятаго только-что рѣшенія, сѣсть на коня и повести войска, которыя за нимъ послѣдуютъ, въ бой, громко упрекала присутствующихъ за ихъ трусливое поведеніе и всѣмъ своимъ видомъ и поведеніемъ упрекала герцогиню Орлеанскую за то честолюбіе, которымъ послѣдняя, по мнѣнію ея родни, всегда отличалась: ее прямо подозрѣвали въ тайныхъ сношеніяхъ съ оппозиціей и даже съ возстаніемъ. Король опять началъ колебаться; но, когда на его вопросъ, можно ли защищаться въ Тюльеріяхъ, послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ большинства присутствующихъ, онъ снова подтвердилъ свое рѣшеніе. Въ этотъ моментъ явился вызванный еще раньше престарѣлый маршалъ Жераръ; королева умоляла его спасти короля и его семью; герцогъ Немурскій просилъ его сообщить народу немедленно объ отреченіи короля, и маршалъ согласился. Верхомъ на конѣ, въ гражданскомъ платьѣ, съ зеленой вѣткой въ рукахъ, окруженный небольшой свитой, онъ направился къ площади Пале-Рояля. «Разбитый годами, ослабленный болѣзнью и (недавнимъ семейнымъ) горемъ, лишенный голоса и горячности, старикъ направлялся, такимъ образомъ, къ баррикадамъ, чтобы попытаться совершить дѣло, о трудность котораго только-что разбились краснорѣчіе великаго оратора (О. Барро) и полная остроумнаго блеска смѣлость молодого генерала (Ламорисьера)»! Когда онъ собирался двинуться въ путь, ему напомнили, что у него нѣтъ оффиціальнаго подтвержденія отреченія короля, и съ его согласія Лакроссъ и Серсэ поспѣшили обратно къ королю, чтобы заручиться имъ.

Герцогъ Монпансье опять взялся побудить короля написать актъ отреченія и торопилъ отца, когда тотъ принялся его писать. Король остановилъ его: «Дайте мнѣ время. Пусть будетъ, что будетъ. Я не могу писать быстрѣе», и, перечитавъ еще разъ то, что онъ написалъ, передалъ документъ Бодену для передачи маршалу Жерару.

Вотъ текстъ этого акта:

«Я отказываюсь отъ этой короны, носить которую меня призвалъ голосъ народа, въ пользу моего внука, графа Парижскаго.

Да преуспѣетъ онъ въ великомъ дѣлѣ, которое возлагается на него сегодня.

Сего 24 Февраля 1848 года.

Людовикъ-Филиппъ».

Какъ только извѣстіе объ окончательномъ отреченіи короля распространилось по дворцу, началось всеобщее бѣгство. Генералы, офицеры, депутаты, придворные, всѣ вплоть до придворныхъ лакеевъ начали расходиться, забывая о томъ, что Людовикъ-Филиппъ еще тутъ, что его невѣстка можетъ нуждаться въ ихъ помощи, что монархія формально еще не упразднена. Не разсуждая, не думая, каждый чувствовалъ, что съ отреченіемъ Людовика-Филиппа королевская власть фактически пала; что при данныхъ условіяхъ только онъ обладалъ надлежащей опытностью, дабы управлять Франціей; что съ его уходомъ «все погибло». Герцогъ Немурскій, правда, снова принялъ на себя роль главнокомандующаго, устранивъ отъ нея Бюжо, но онъ воспользовался своей властью лишь для того, чтобы приказать войскамъ отступить съ площади каруселей во дворъ тюльерійскаго дворца. Опасность столкновенія съ народомъ была этимъ ослаблена, но деморализація проникла еще глубже въ ряды войскъ.

Въ кабинетѣ короля ждали съ тревогой извѣстій о Жерарѣ. Вскорѣ выяснилась полная неудача его миссіи: среди ожесточеннаго боя вокругъ Chateau d'Eau его слова, актъ объ отреченіи, все пропало даромъ, а въ то же время Ламорисьеръ былъ раненъ во время попытки убѣдить солдатъ окончить бой и былъ взятъ въ плѣнъ возставшими. Только-что было получено это извѣстіе, какъ раздались (ок. $12^1/_2$ ч.) выстрѣлы подъ самымъ дворцомъ, и нѣсколько минутъ спустя оказалось, что это стрѣляли въ придворныя кареты, приготовленныя на случай бѣгства и приближавшіяся ко дворцу. Кареты были остановлены, и одинъ служитель убитъ. «Государь,—заявилъ Кремьё,—нельзя терять ни минуты. Народъ идетъ. Еще нѣсколько минутъ, и онъ въ Тюльеріяхъ»! Не говоря ни слова, король всталъ, переодѣлся въ штатское платье и, простившись наскоро съ герцогиней Орлеанской, онъ и вся его семья устремились къ выходу, ведшему къ площади Согласія. Здѣсь успѣли заготовить три простыя кареты, и съ величайшей поспѣшностью, среди безпорядка и суеты въ нихъ усѣлось пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ герцогъ Монпансье, проявившій далеко не то мужество, съ которымъ онъ недавно обѣщалъ встрѣтить опасность. Кареты двинулись галопомъ, эскортируемыя коннымъ отрядомъ національной гвардіи и двумя эскадронами кирасиръ. Войска, расположенныя на площади Согласія, не были предупреждены объ отбытіи бывшаго короля и вмѣстѣ съ случайно собравшимися національными гвардейцами и съ прохожими созерцали это зрѣлище въ нѣмомъ удивленіи. Воздухъ оглашался лишь рѣдкими криками: да здравствуетъ король!

Въ 1830 г. тоже палъ, тоже отрекся отъ престола, тоже удалился изъ Франціи другой король. Но его отъѣздъ не былъ такимъ постыдно-поспѣшнымъ, лишеннымъ всякаго чувства личнаго достоинства бѣгствомъ, какъ отъѣздъ Людовика-Филиппа.

«Отъ конституціонной монархіи—говоритъ Гарнье-Пажесъ—не оставалось больше ничего, кромѣ герцогини Орлеанской, графа Парижскаго, ея сына, палаты депутатовъ и палаты пэровъ. Оставался лишь одинъ человѣкъ, способный защитить эту монархію противъ революціи: Одилонъ Барро, глава династической лѣвой».

Сдѣлавъ безполезную попытку разыскать герцогиню въ опустѣвшемъ дворцѣ, въ которомъ она все еще находилась, Барро поручилъ Дюпену и Біеста дать герцогинѣ отъ его имени совѣтъ отправиться съ сыномъ въ городскую ратушу, куда

явится и онъ самъ, и вернулся въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ его застало извѣстіе объ отреченіи короля, чтобы оповѣстить страну о воцареніи графа Парижскаго и о регентствѣ герцогини. Разыскавъ послѣднюю, Дюпенъ далъ ей, однако, совѣтъ отправиться въ палату депутатовъ,—совѣтъ, который вслѣдъ за симъ былъ повторенъ отъ имени герцога Немурскаго посланнымъ имъ адъютантомъ. Несмотря на настойчивый совѣтъ Біеста отправиться въ ратушу, герцогиня направилась къ бурбонскому дворцу, въ то время какъ герцогъ Немурскій принималъ всѣ мѣры на случай необходимости покинуть Парижъ. Какъ только они оставили дворецъ, онъ немедленно былъ занятъ національными гвардейцами, не тронувшими ничего изъ накопленныхъ въ немъ сокровищъ, кромѣ престола. «Одинъ изъ вторгшихся поднялся на него, съ важностью сѣлъ на мѣсто короля и привѣтствовалъ толпу. Раздался взрывъ хохота»—и одинъ за другимъ парижане повторяли ту же насмѣшливую игру, послѣ чего престолъ былъ вынесенъ, нагруженъ на подводу, провезенъ по всему городу до площади Бастиліи и здѣсь торжественно сожженъ. За первой толпой, проникшей въ дворецъ, слѣдовали все новыя, и около 1 ч. 20 м. начался разгромъ. Разрывались королевскіе портреты, ломались статуи зеркала, картины, фарфоры, хрустали и т. п. Толпа проникла въ погреба, разыскала съѣстные припасы и особенно вина, и начался принявшій постепенно безобразный видъ разгулъ.

Движеніе тѣмъ временемъ продолжалось, и около $2^1/_2$ часовъ Гарнье-Пажесъ впервые заговорилъ въ зданіи городской ратуши о республикѣ. Случилось это, повидимому, нѣсколько неожиданно для него самого [1]). Когда О. Барро вернулся въ министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ до такой степени внѣ курса совершившихся въ городѣ событій, что онъ просилъ Гарнье-Пажеса, де Бомона и де Мальвилля, очутившихся также въ министерствѣ, отправиться въ ратушу, дабы узнать, что тамъ дѣлается, и не провозглашено ли уже тамъ, по примѣру другихъ революцій, какое-либо временное правительство. Гарнье-Пажесъ и др., согласились и около $1^1/_2$ ч. они проникли въ ратушу, окруженные толпой національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ. Въ ратушѣ происходило въ это время засѣданіе экстренно созваннаго городского совѣта, изъ 44 членовъ котораго присутствовало, впрочемъ, всего 14. Избравъ своимъ предсѣдателемъ Тьерри, они уже съ 12 часовъ обсуждали мѣры къ возстановленію порядка въ городѣ, о которомъ они считали себя обязанными позаботиться въ

---

[1]) Въ редакціи «National» еще ок. $12^1/_2$ ч. состоялось собраніе республиканскихъ путатовъ, журналистовъ и т. д., гдѣ обсуждался вопросъ о томъ, какъ поступить въ виду отреченія короля. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ было рѣшено считать короля низложеннымъ, а, слѣдовательно, вопросъ о регентствѣ исчерпаннымъ, и была признана необходимость провозглашенія временнаго правительства, обязаннаго дать народу возможность воспользоваться его суверенными правами. По существу дѣла въ этомъ уже заключалось признаніе республики. Затѣмъ приступили къ обсужденію состава будущаго временнаго правительства, причемъ рѣшили включить въ него О. Барро въ виду его несомнѣнной популярности. Окончательный списокъ содержалъ слѣдующія имена: Дюпонъ де л'Эръ, Франсуа Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Ролленъ, О. Барро, Марра. Списокъ былъ сообщенъ собравшейся около редакціи толпѣ и былъ встрѣченъ сочувственными возгласами, но Луи Бланъ, участвовавшій въ собраніи и требовавшій равномѣрнаго участія двухъ фракцій республиканской партіи въ правительствѣ, остался недоволенъ и немедленно удалился.

виду исчезновенія префекта Рамбюто. Уже было рѣшено обратиться съ воззваніемъ къ народу, и была избрана редакціонная комиссія для составленія воззванія, какъ въ залъ ворвалась толпа, и въ ея числѣ три посланныхъ О. Барро депутата. Послѣ короткаго смятенія Гарнье-Пажесъ произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ объ отреченіи короля, указалъ на необходимость замѣнить бѣжавшія власти и выразилъ готовность присоединиться къ естественнымъ представителямъ города для созданія въ немъ центра власти. Извѣстіе объ отреченіи короля было встрѣчено сначала съ недовѣріемъ, но, когда оно было подтверждено, раздался крикъ, что король не отрекся отъ престола, а низложенъ. Въ связи съ этимъ, одинъ изъ присутствующихъ, нѣкій Фанжа (Fanjat) заявилъ, что необходимо установить содержаніе предполагаемаго воззванія къ народу, и выразилъ убѣжденіе, что сущность его должна заключаться въ провозглашеніи отмѣны королевской власти, установленія республики и присужденія Людовика-Филиппа къ смертной казни. Отвѣтомъ былъ взрывъ негодованія по поводу послѣдняго пункта и протесты противъ двухъ первыхъ,—протесты, основанные на томъ, что собраніе не компетентно принимать рѣшенія, касающіяся всей страны. Согласно съ этимъ, въ составленномъ послѣ этого (въ 2 ч.) воззваніи нѣтъ ни слова о республикѣ, и говорится лишь о томъ, что король отрекся отъ престола, а палаты распущены, что городской совѣтъ присвоилъ себѣ управленіе городомъ, что войска получили приказъ удалиться, и что забота о порядкѣ возлагается исключительно на національную гвардію: «одной только націи принадлежитъ право опредѣлить ея будущее». Пока воззваніе составлялось, читалось и подписывалось, толпа, наполнявшая ратушу, быстро росла, крики о низложеніи короля усиливались, и Гарнье-Пажесъ, приглашенный занять мѣсто среди городскихъ совѣтниковъ, извѣстилъ О. Барро, что «народъ захватилъ ратушу; присутствіе герцогини Орлеанской стало невозможнымъ; она подверглась бы здѣсь серьезнѣйшей опасности». Съ этого момента онъ считалъ себя, по его собственнымъ словамъ, свободнымъ отъ какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ своимъ прежнимъ союзникамъ монархическаго лагеря. «Граждане,—сказалъ онъ,—народъ суверененъ. Онъ хозяинъ своей судьбы. Онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы. Необходимо, однако, упорядочить движеніе. Необходимо направлять революцію. Республика представляетъ идеалъ всей моей жизни. Я бы принялъ правительство, которое поставило бы себѣ цѣлью примиреніе всѣхъ; но такъ какъ республика становится возможной, то надо дѣйствовать правильнымъ порядкомъ; надо организовать власть». Со всѣхъ сторонъ поднялись крики, что надо возстановить должность мэра города Парижа и избрать таковымъ Гарнье-Пажеса. Послѣ минутнаго колебанія, Гарнье-Пажесъ согласился и прибавилъ къ предназначенной для О. Барро запискѣ еще нѣсколько словъ: «въ данный моментъ хотятъ, чтобы я согласился быть мэромъ Парижа». Помощниками мэра такъ же были избраны Рекюръ (Recurt) и Паньерръ. Снова подымаются крики: «республику, республику! провозгласите республику»! Потребовавъ возстановленія тишины, Гарнье-Пажесъ снова обратился къ толпѣ съ рѣчью: «Вы требуете провозглашенія республики? (Да, да, республику!) Я всегда былъ республиканцемъ. Республика представляетъ предметъ моихъ самыхъ страстныхъ желаній. Но я одинъ не могу принять столь важнаго рѣшенія. Дабы правильнымъ образомъ провозгласить истину, мнѣ представляется приличнымъ сообщить объ этомъ моимъ коллегамъ изъ радикальной оппозиціи. Согласно съ этимъ,

я обсужу немедленно мѣры, чтобы собрать ихъ тотчасъ же. Пока что, я удаляюсь, чтобы обратиться къ народу съ воззваніемъ». То же самое онъ былъ вынужденъ повторить еще разъ передъ нетерпѣливой толпой, собравшейся на площади передъ ратушей, и въ отвѣтъ на его заявленіе, что онъ собирается «организовать» республику, раздался тысячеголосый крикъ: да здравствуетъ республика!

Оставался вопросъ, какъ поступитъ палата депутатовъ, сумѣетъ ли она защитить монархію? Несмотря на всю ограниченность круга избирателей, палата отнюдь не была лишена извѣстнаго моральнаго авторитета. Сами республиканцы хорошо знали это, и, какъ только въ редакціи «National» было рѣшено вести дѣло къ провозглашенію временнаго правительства съ заранѣе установленнымъ составомъ, они рѣшили, что «нужно, во что бы то ни стало, предупредить герцогиню Орлеанскую и графа Парижскаго въ палатѣ; нужно немедленно получить согласіе намѣченныхъ членовъ временнаго правительства, послать ихъ захватить ратушу и оповѣстить палату депутатовъ о рѣшеніи народа». «Палата, правда, была въ данный моментъ доведена до исключительнаго безсилія—говоритъ по этому поводу Токвиль,—такъ какъ большинство было презираемо, а меньшинство было опережено общественнымъ мнѣніемъ даннаго дня... Но именно въ революціонную эпоху самые ничтожные органы дѣйствующаго права, даже больше, самые внѣшніе предметы, напоминающіе народному уму идею права, пріобрѣтаютъ чрезвычайно большое значеніе. Дѣло въ томъ, что именно среди этой анархіи и всеобщаго потрясенія испытываешь потребность обратиться къ какому-нибудь подобію традиціи и авторитета, чтобы спасти то, что остается отъ разрушенной на половину конституціи, или чтобы ее окончательно разрушить. Если бы депутаты смогли провозгласить регентство, оно, быть-можетъ, одержало бы верхъ, несмотря на ихъ непопулярность; а, съ другой стороны, нельзя отрицать, что временное правительство было обязано многимъ той случайности, которая дала ему зародиться среди четырехъ стѣнъ, среди которыхъ такъ долго обитало народное представительство».

Въ результатѣ обѣ стороны, какъ герцогиня Орлеанская, такъ и депутаты республиканскаго собранія въ редакціи «National», спѣшили въ палату. Послѣдніе, въ лицѣ Эмманюэля Араго, Саррана, Дюмериля и др., прибыли туда за нѣсколько минутъ до герцогини, успѣли сообщить Мари о цѣли своего появленія и заручились его согласіемъ внести предложеніе о созданіи временнаго правительства въ палату и войти въ его составъ. Самое предложеніе должно было быть мотивировано необходимостью предоставить народу полную свободу въ избраніи формы государственнаго устройства. Но они не могли проникнуть въ залъ засѣданій и только, когда въ $1^1/_2$ ч. прибыла герцогиня, и когда сопровождавшіе ее національные гвардейцы X и II легіона, несмотря на протесты служителей, вошли въ залъ вмѣстѣ съ нею, туда проникли одновременно и Араго съ другими республиканцами. Тѣмъ временемъ, въ одномъ изъ помѣщеній палаты произошло короткое, но крайне важное по своимъ послѣдствіямъ совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе Ламартинъ, Бастидъ, Марра и два другихъ лица. Марра обратился къ Ламартину съ вопросомъ, какого онъ мнѣнія относительно регентства и республики, и Ламартинъ заявилъ, что, по его мнѣнію, монархія пережила себя во Франціи, что регентство представляло бы лишь неудачную попытку гальванизировать трупъ, что женщина и ребенокъ не въ со-

стояніи осуществить то, что не удалось Людовику-Филиппу, и что республика представляетъ единственный выходъ, дѣйствительно соотвѣтствующій глубоко демократическимъ нравамъ Франціи. Согласно съ этимъ онъ изъявилъ готовность высказаться въ палатѣ противъ регентства. Ясно, какой огромный моральный успѣхъ для республиканской идеи представляло отношеніе чрезвычайно популярнаго поэта къ этому жгучему вопросу. Республиканцы пріобрѣтали въ немъ крайне вліятельнаго въ странѣ союзника.

Согласно установленному наканунѣ порядку дня, общее собраніе палаты, которое должно было начаться въ 3 часа, только-что было открыто, когда герцогиня вошла въ залъ. Когда она появилась, держа за руки своихъ маленькихъ сыновей, графа Парижскаго и герцога Шартрскаго, палата ее привѣтствовала громкими кликами: да здравствуетъ герцогиня Орлеанская! да здравствуетъ графъ Парижскій! да здравствуетъ король! да здравствуетъ регентша! Герцогиня съ дѣтьми заняли мѣста въ полукругѣ передъ трибуной ораторовъ, причемъ ее окружило нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ герцогъ Немурскій, и нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, тогда какъ другіе посторонніе заняли проходы. «Трибуны были пусты и закрыты,—разсказываетъ Токвиль,—кромѣ трибуны журналистовъ, въ которую проникла безоружная, но уже шумная толпа. Я былъ болѣе пораженъ раздававшимися оттуда отъ времени до времени криками, чѣмъ всѣмъ остальнымъ ходомъ засѣданія. Прошло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ можно было видѣть такого рода зрѣлище. Со времени конвента трибуны безмолвствовали, и ихъ молчаніе проникло въ наши парламентскіе нравы. Хотя палата и чувствовала себя стѣсненной уже въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, она, однако, еще не была подавлена этимъ; количество депутатовъ было довольно многочисленно; главные вожаки партій еще отсутствовали. Я слышалъ, какъ со всѣхъ сторонъ спрашивали, гдѣ Тьеръ и Барро; я не зналъ, что сталось съ Тьеромъ [1]), но я зналъ слишкомъ хорошо, что дѣлалъ Барро [2]).

---

[1]) По отбытіи короля, Тьеръ явился на мгновеніе въ палату, говорилъ всѣмъ, кто обращался къ нему съ вопросами, что «волна подымается; все погибло», и исчезъ, чтобы отправиться къ себѣ домой, куда онъ попалъ длиннымъ обходнымъ путемъ, подвергшись по дорогѣ крайне враждебнымъ демонстраціямъ.

[2]) По дорогѣ въ палату Токвиль встрѣтился съ Барро и Бомономъ, которые направлялись въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Ихъ окружала огромная толпа, привѣтствовавшая ихъ сочувственными криками. «Шляпы ихъ были надвинуты на лобъ до глазъ, платье грязно отъ пыли, щеки ихъ провалились, глаза были усталые; никогда тріумфаторы не походили больше на людей, которыхъ собираются повѣсить... Я послѣдовалъ за своими друзьями до министерства внутреннихъ дѣлъ... Толпа, которая насъ сопровождала, вошла или вѣрнѣе шумно ввалилась сюда и проникла вмѣстѣ съ нами въ тѣсный кабинетъ, который только-что покинулъ Дюшатель. Барро сдѣлалъ тотчасъ попытку избавиться отъ этой публики, но это ему не удалось. Эти люди, придерживавшіеся, какъ я тогда убѣдился, двухъ весьма различныхъ взглядовъ, такъ какъ одни были республиканцами, а другіе (монархистами) конституціоналистами, начали весьма возбужденно обсуждать съ нами и между собой, какія мѣры слѣдуетъ принять; а такъ какъ мы были всѣ стиснуты на очень тѣсномъ пространствѣ, то жара, пыль, безпорядокъ и шумъ скоро стали ужасающими. Барро, который находилъ всегда, въ самые критическіе моменты, длинныя помпезныя фразы и сохранялъ достойный и даже таинственный видъ даже въ самомъ смѣшномъ положеніи, старательно перорировалъ in angustiis. Его голосъ иногда покрывалъ шумъ,

Я поспѣшилъ послать къ нему одного изъ нашихъ друзей, чтобы предупредить его о происходящемъ, и онъ поторопился прибыть, ибо относительно его я могу смѣло сказать, что онъ никогда не зналъ страха...

«Началось своего рода безпорядочное и тумультуарное обсужденіе; я слышалъ! какъ Лакроссъ... воскликнулъ среди шума: Дюпенъ проситъ слова. Да нѣтъ, Да нѣтъ!—отвѣтилъ тотъ,—я его вовсе не просилъ.—Все равно,—отвѣчаютъ со всѣхъ сторонъ, говорите, говорите!—Вынуждаемый, такимъ образомъ, Дюпенъ взошелъ на трибуну и въ двухъ словахъ предложилъ отмѣнить законъ 1842 г. (о регентствѣ герцога Немурскаго) и провозгласить герцогиню Орлеанскую регентшей; въ собраніи раздались апплодисменты, съ трибуны крики, изъ проходовъ ропотъ. Проходы, первоначально довольно свободные, начали переполняться... народъ еще не проникалъ въ палату волнами; онъ входилъ въ нее постепенно, поодиночкѣ; каждую минуту появлялась новая фигура. Это было наводненіе путемъ инфильтраціи. Большинство вновь прибывавшихъ принадлежало къ низшимъ классамъ (aux dernières classes); нѣкоторые были вооружены.

«Я видѣлъ издали это усиливающееся броженіе и чувствовалъ, какъ опасность отъ этого съ каждой минутой возрастаетъ: я искалъ глазами во всей палатѣ человѣка, который лучше всего могъ бы противостоять этому потоку; я видѣлъ, что только Ламартинъ пріобрѣлъ, согласно своему же желанію, такое положеніе и обладалъ способностью сдѣлать соотвѣтственную попытку; я вспомнилъ, что въ 1842 г. онъ одинъ предложилъ поручить регентство герцогинѣ Орлеанской. Съ другой стороны, его послѣднія рѣчи и его послѣднія писанія сообщили ему популярность. Характеръ его таланта соотвѣтствовалъ вдобавокъ народному вкусу. Я не зналъ, что полчаса до этого онъ восхвалялъ республику въ собраніи журналистовъ и депутатовъ, состоявшемся въ одномъ изъ помѣщеній палаты. Я видѣлъ его стоящимъ около своего мѣста, пробилъ себѣ дорогу черезъ толпу, и, добравшись до него, я сказалъ ему поспѣшно и тихимъ голосомъ: мы погибаемъ; вы одни можете заставить себя слушать въ этотъ послѣдній моментъ; всходите на трибуну и говорите. Мнѣ кажется, я вижу его передъ собой еще теперь, когда я пишу, такъ меня поразило его лицо. Я вижу его высокую, прямую и тонкую фигуру, его взоръ, обращенный на полукругъ, его напряженный и какъ бы пустой взглядъ, занятый скорѣе внутреннимъ созерцаніемъ, чѣмъ видомъ того, что происходило вокругъ него. При звукѣ моихъ словъ онъ не обернулся ко мнѣ, но ограничился тѣмъ, что простеръ руку къ тому мѣсту, гдѣ находились принцы, и сказалъ, отвѣчая скорѣе на свою, чѣмъ на мою мысль: я не буду говорить, пока эта женщина и эти дѣти будутъ тамъ. Я его не спросилъ больше ни о чемъ; я зналъ достаточно; я вернулся на свое мѣсто, и, проходя черезъ правый центръ, тамъ, гдѣ сидѣли Ланжюинэ и Биллъо, я ихъ спросилъ: не знаете ли вы чего-нибудь, что мы могли бы сдѣлать? Они печально сдѣлали знакъ отрицанія, а я продолжалъ свой путь.

но ему не удавалось его прекратить. Отчаявшись и почувствовавъ отвращеніе при видѣ столь бурной и смѣхотворной сцены, я покинулъ это мѣсто, гдѣ обмѣнивались почти такимъ же количествомъ дерзостей, какъ доказательствъ, и отправился въ палату». За все время своего пребыванія въ министерствѣ О. Барро успѣлъ только составить телеграмму объ отреченіи короля и о регентствѣ.

«Въ теченіе этого времени толпа до такой степени столпилась въ полукругѣ, что принцы каждую минуту подвергались опасности быть раздавленными или задушенными.

«Президентъ тщетно желалъ очистить залъ; не имѣя возможности добиться этого, онъ просилъ герцогиню Орлеанскую удалиться, но мужественная принцесса отказалась; ея друзья увели ее тогда съ большимъ трудомъ изъ центра давки и побудили ее подняться до высшихъ мѣстъ лѣваго центра, гдѣ она сѣла съ своимъ сыномъ и съ герцогомъ Немурскимъ.

«Мари и Кремьё предложили только-что среди молчанія депутатовъ и сочувственныхъ криковъ народа установленіе временнаго правительства, когда, наконецъ, появился Барро; онъ тяжело дышалъ, но онъ не былъ устрашенъ; онъ взошелъ быстро по ступенькамъ трибуны: нашъ долгъ намъ ясно указанъ, сказалъ онъ, іюльская корона возложена на голову ребенка и женщины. Палата, набравшись снова мужества, оправляется послѣ этого и разражается аплодисментами; народъ, въ свою очередь, молчитъ. Герцогиня Орлеанская подымается съ своего мѣста, повидимому, собирается говорить, колеблется, прислушивается къ боязливымъ совѣтамъ и снова садится; послѣдній лучъ счастья потухъ для нея. Барро продолжаетъ свою рѣчь, не производя такого впечатлѣнія, какое произвели первыя его слова; тѣмъ не менѣе, настроеніе палаты нѣсколько окрѣпло, а народъ колеблется [1]).

«Въ этотъ моментъ толпа, наполнявшая полукругъ, отбрасывается пришедшей извнѣ волной къ уже опустѣвшимъ мѣстамъ центра; она выходитъ за свои прежніе предѣлы и занимаетъ здѣсь новыя мѣста. Изъ числа депутатовъ, которые ихъ еще занимали, одни скрываются и покидаютъ залъ, тогда какъ остальные уступаютъ одну скамью за другой, подобно тому какъ несчастные, застигнутые приливомъ, уходятъ со скалы на скалу, всегда преслѣдуемые подымающимся моремъ. Все это движеніе было вызвано двумя группами людей, большая часть коихъ была вооружена, и которые подвигались впередъ по двумъ проходамъ, каждая съ офицерами національной гвардіи и съ знаменами во главѣ. Два офицера, несшіе знамена, изъ коихъ одинъ имѣлъ видъ мошенника (sacripant)—это былъ, какъ мнѣ впослѣдствіи сказали, отставной полковникъ Дюмуленъ—всходятъ театральнымъ шагомъ на трибуну, потрясаютъ своими знаменами и произносятъ съ чрезвычайно торжественными тѣлодвиженіями и великими мелодраматическими жестами какую-то революціонную галиматью. Президентъ объявляетъ засѣданіе пріостановленнымъ и хочетъ надѣть

---

[1]) Любопытно, что непосредственно послѣ Барро поднялся на трибуну и началъ говорить одинъ изъ вождей крайней правой (легитимистовъ), Ла-Рошжакеленъ: «Господа, — сказалъ онъ,—тѣ, кто въ прошломъ всегда служили своимъ королямъ, быть-можетъ, теперь имѣютъ право заговорить о странѣ и заговорить о народѣ. (Хорошо! очень хорошо.) Сегодня вы (палата) ничто, вы ничто... (Голоса изъ центра: какъ такъ?! какъ такъ?!... Де Морнэ: мы не можемъ съ этимъ согласиться! Президентъ: вы уклоняетесь отъ порядка! я призываю васъ къ порядку!). Позвольте мнѣ говорить. Когда я сказалъ, что вы ничто, я право, не думалъ, что подниму бурю. Не я, депутатъ, говорю вамъ, что палата депутатовъ не существуетъ болѣе какъ палата. Я заявляю, что она не существуетъ болѣе, какъ... (крики). Я говорю, господа, что надо созвать націю и что тогда...» Въ этотъ моментъ ворвалась толпа съ громкими криками: «мы хотимъ низложенія короля! низложенія! низложенія»!

согласно обычаю шляпу; но такъ какъ онъ обладалъ способностью быть смѣшнымъ среди самыхъ трагическихъ положеній, то онъ схватываетъ въ поспѣшности шляпу одного секретаря вмѣсто своей и опускаетъ ее на свою голову ниже глазъ.

«Подобнаго рода засѣданія, нетрудно себѣ это представить, не могутъ быть пріостанавливаемы, и попытка президента сдѣлала данное засѣданіе лишь болѣе безпорядочнымъ. Начиная съ этого момента, это былъ лишь сплошной шумъ, прерываемый нѣсколькими минутами тишины; съ этого времени ораторы появляются на трибунѣ не иначе, какъ группами; наконецъ, Кремьё, Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ устремляются на нее одновременно. Ледрю-Ролленъ прогоняетъ съ нея Кремьё и вцѣпляется въ нее своими большими руками, тогда какъ Ламартинъ ждетъ, не уходя, но и не вступая въ борьбу, когда его коллега кончитъ свою рѣчь; Ледрю Ролленъ начинаетъ говорить и теряется въ отступленіяхъ, постоянно прерываемый своими собственными друзьями. Формулируйте выводъ! формулируйте выводъ!—кричитъ ему болѣе опытный, чѣмъ, онъ Берріэ, коимъ династическая вражда руководитъ болѣе правильно, чѣмъ другимъ его республиканскія страсти. Въ концѣ концовъ Ледрю-Ролленъ требуетъ назначенія временнаго правительства (но только не палатой, а народомъ) и покидаетъ трибуну.

«Тогда выступаетъ Ламартинъ, и онъ добивается молчанія: онъ начинаетъ съ великолѣпнаго восхваленія мужества герцогини Орлеанской и даже народъ, который никогда не является нечувствительнымъ къ благороднымъ чувствамъ, выраженнымъ торжественными словами, апплодируетъ. Депутаты вздохнули свободнѣе. «Погодите,—говорилъ я своимъ сосѣдямъ,—это лишь вступленіе». И, въ самомъ дѣлѣ, скоро Ламартинъ совершаетъ рѣзкій поворотъ и идетъ прямо къ той же цѣли, которую только что указалъ Ледрю Ролленъ [1]).

---

[1]) Вотъ наиболѣе важное мѣсто этой рѣчи, согласно стенографическому отчету «Монитера»: «Я не воображаю, что случайная аккламація, вырванная у общественнаго настроенія и чувства, могла бы создать солидное и непоколебимое право и правительство для 35 милліоновъ людей. Я знаю, что то, что провозглашаетъ одна аккламація, то другая аккламація можетъ разрушить, и каково бы ни было правительство, которое мудрости и интересамъ страны будетъ угодно установить въ то критическое время, которое мы переживаемъ, необходимо въ интересахъ народа, въ интересахъ всѣхъ классовъ населенія, ради тѣхъ, кто пролилъ хоть нѣсколько капель крови въ этой борьбѣ, необходимо, чтобы намъ было обезпечено популярное, солидное, однимъ словомъ непоколебимое правительство (Апплодисменты). Такъ вотъ, господа, какъ достигнуть этого? Какъ найти такое правительство среди тѣхъ колеблющихся элементовъ, среди той бури, которую мы переживаемъ, и во время которой новая волна подымается надъ той, которая дала вамъ проникнуть въ данный моментъ въ это помѣщеніе? Какъ найти для него непоколебимую основу? Только проникая вглубь страны, стремясь извлечь изъ нея, если можно такъ выразиться, великую тайну національнаго права, откуда проистекаетъ всякій порядокъ, всякая истина, всякая свобода. Вотъ почему... я явился сюда, чтобы поддержать всѣми силами двойное требованіе: прежде всего требованіе о созданіи правительства, которое будетъ, я это признаю, правительствомъ, опирающимся на крайнюю необходимость, на потребность порядка, на обстоятельства времени, правительствомъ, которое должно осушить проливаемую кровь, правительствомъ, которое остановитъ гражданскую войну (апплодисменты)..., правительствомъ, которое упразднитъ страшное недоразумѣніе, существующее вотъ уже нѣсколько лѣтъ между разными классами гражданъ, и которое мѣшаетъ намъ видѣть въ насъ одинъ единственный народъ,

«До этого времени всѣ трибуны, кромѣ трибуны журналистовъ, какъ я уже сказалъ, оставались пусты и закрыты; но въ тотъ моментъ, когда говорилъ Ламартинъ, у дверей, ведущихъ на одну изъ нихъ, раздаются сильные удары, дверь поддается безъ труда и разлетается съ шумомъ. Трибуна тотчасъ захватывается вооруженной толпой, которая шумно врывается въ нее, а скоро и въ остальныя. Какой-то человѣкъ изъ народа направляетъ свое ружье на президента и оратора; другіе видимо собираются направить свои ружья на собраніе. Преданные друзья увлекаютъ герцогиню Орлеанскую и ея сына изъ зала въ расположенный за нимъ коридоръ; президентъ бормочетъ какія-то слова, которыя должны были означать, что засѣданіе закрыто; онъ спускается или скорѣе сваливается къ подножію эстрады, на которой было расположено его сидѣніе. Онъ исчезъ передъ моими глазами какъ безформенный предметъ; я никогда бы не повѣрилъ, чтобы страхъ могъ внушить такому грузному тѣлу такую быстроту или, вѣрнѣе, могъ бы довести его внезапно до своего рода жидкаго состоянія. Всѣ консервативные депутаты, которые еще присутствовали, послѣ этого разбѣжались, и чернь развалилась на скамьяхъ центра съ крикомъ: займемъ мѣста продажныхъ!

«Въ теченіе всѣхъ тѣхъ безпорядочныхъ сценъ, которыя я только-что описалъ, я оставался неподвижнымъ на своей скамьѣ очень, внимательнымъ, но весьма мало взволнованнымъ... Я присутствовалъ во время февральской революціи при двухъ или трехъ сценахъ, отмѣченныхъ грандіозностью,.. но этой сценѣ совершенно недоставало грандіозности, такъ какъ въ ней нигдѣ не замѣчалось правдивости. Мы, французы, особенно парижане, охотно примѣшиваемъ литературныя и театральныя воспоминанія къ нашимъ наиболѣе серьезнымъ манифестаціямъ; это заставляетъ часто думать, что чувства, которыя выставляются на показъ, не правдивы, тогда какъ они лишь неловко разукрашены. Здѣсь имитація была такъ очевидна, что она скрывала страшную оригинальность событій». Повсюду царили воспоминанія о великой революціи и желаніе подражать ей... «Несмотря на наличность обнаженныхъ сабель, штыковъ и винтовокъ, я ни на одну минуту не могъ убѣдить себя въ томъ, что мнѣ или кому-либо другому грозитъ опасность смерти, и я искренно думаю, что она на самомъ дѣлѣ никому не грозила. Кровавая ненависть явилась

а потому мѣшаетъ намъ любить и обнять другъ друга (Очень хорошо! Очень хорошо!). Я требую, слѣдовательно, чтобы немедленно было создано во имя общественнаго мира, во имя льющейся крови, во имя народа, который можетъ устать отъ славнаго дѣла которое онъ дѣлаетъ вотъ уже три дня, я требую, чтобы было создано временное правительство (браво! браво!), правительство, которое не предрѣшаетъ ничего ни въ области нашихъ правъ, ни въ области нашихъ неудовольствій, ни въ области нашихъ симпатій, ни въ области нашего гнѣва относительно окончательнаго правительства, которое странѣ будетъ угодно установить для себя, когда она будетъ опрошена. (Вѣрно! вѣрно!). Итакъ, я требую, временнаго правительства (Да! да!)... На это временное правительство будетъ возложена задача, первая и великая задача установить необходимое перемиріе и миръ между гражданами; во-вторыхъ (оно должно) немедленно подготовить мѣры, необходимыя для того, чтобы созвать всю страну цѣликомъ и опросить ее, чтобы опросить всю національную гвардію цѣликомъ (да! да!), всю страну, всѣхъ, кому званіе человѣка сообщаетъ права гражданина (продолжительные апплодисменты).

лишь позднѣе; она еще не имѣла времени зародиться; особый духъ, который охарактеризовалъ позднѣе февральскую революцію, еще не проявлялся. Пока что, тщетно старались разогрѣть себя страстями нашихъ отцовъ; подражали ихъ жестамъ и ихъ позамъ, какъ они изображались въ театрѣ, не обладая способностью имитировать ихъ энтузіазмъ или почувствовать ихъ ярость; охлажденныя сердца слѣдовали плохо понятой традиціи насильственныхъ актовъ. Несмотря на то, что я хорошо видѣлъ, что развязка пьесы будетъ ужасна, я никогда не могъ принимать въ серьезъ актеровъ, и все вмѣстѣ казалось мнѣ плохой трагедіей, разыгрываемой провинціальными гистріонами».

Сдѣлавъ неудачную попытку оказать герцогинѣ Орлеанской помощь при ея отбытіи изъ палаты,—она и ея дѣти благополучно спаслись,—Токвиль «вернулся въ залъ и занялъ снова свое мѣсто; почти всѣ депутаты удалились. Скамьи были заняты людьми изъ народа; Ламартинъ, стоя все еще на трибунѣ между двумя знаменами, продолжалъ свою рѣчь къ народу или, вѣрнѣе, бесѣдовалъ съ нимъ; ибо мнѣ казалось, что тутъ было почти столько же ораторовъ, сколько присутствующихъ. Безпорядокъ дошелъ до апогея; въ одинъ моментъ полузатишья Ламартинъ сталъ читать списокъ, который содержалъ имена разныхъ лицъ, не извѣстно, кѣмъ предложенныхъ, чтобы войти въ составъ временнаго правительства, не извѣстно, какъ декретированнаго. Большинство этихъ именъ было встрѣчено привѣтственными криками, нѣкоторыя отвергнуты ропотомъ, другія встрѣчены насмѣшками, ибо въ народныхъ сценахъ, какъ въ драмахъ Шекспира, грубо-комическое охотно соприкасается со страшнымъ, и подчасъ такимъ образомъ шутки примѣшивались къ революціоннымъ страстямъ. Когда было предложено имя Гарнье-Пажеса, я слышалъ, какъ какой-то голосъ крикнулъ: «вы ошибаетесь, Ламартинъ, вѣдь это покойникъ—настоящій». Извѣстно, что у Гарнье-Пажеса былъ знаменитый братъ, на котораго онъ походилъ только именемъ». Такимъ путемъ было рѣшено избрать временное правительство, въ составъ котораго должны были войти Ламартинъ, Франсуа Араго, Ледрю-Роллѣнъ, Дюпонъ де л'Эръ и Мари; Г. де Ламартинъ, мнѣ кажется, началъ чувствовать себя крайне неловко въ своемъ положеніи, ибо въ возстаніи, какъ и въ романѣ, труднѣе всего придумать конецъ; какъ вдругъ кому-то пришло въ голову сказать: «въ городскую ратушу!»—«Да, въ городскую ратушу», отвѣтилъ Ламартинъ, и онъ вышелъ почти тотчасъ, увлекая за собой половину толпы; другая осталась вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ, который счелъ долгомъ—я полагаю, чтобы сохранить первенствующую роль—повторить, въ свою очередь, то же подобіе избранія; послѣ чего и онъ съ своей стороны отбылъ въ городскую ратушу». Къ раньше принятому списку, такимъ образомъ, были присоединены Гарнье-Пажесъ и Кремьё... «Когда я увидѣлъ, что Ледрю-Ролленъ оставляетъ залъ, гдѣ оставалась только чистая революціонная сволочь (la pure canaille de l'insurrection), я понялъ, что тамъ мнѣ больше нечего было дѣлать». Когда Токвиль уходилъ, онъ встрѣтилъ колонну вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ, во главѣ которыхъ шли генералъ Удино и Андріанъ (Andryane), кричавшіе: «да здравствуетъ герцогиня Орлеанская и регентство». Въ теченіе двухъ дней король все время запаздывалъ съ своими рѣшеніями, теперь запоздала національная гвардія. Іюльская монархія перестала существовать.

Катастрофа, внезапно поглотившая монархію Людовика-Филиппа, имѣла неиз-

мѣримо болѣе серьезный характеръ, чѣмъ катастрофа 1830 г. Тогда исчезъ только король, но остались обѣ палаты и, такимъ образомъ, сохранилась весьма авторитетная центральная власть въ лицѣ палаты депутатовъ. Теперь не было ни короля, ни палаты депутатовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было власти, которая имѣла бы формальное право говорить отъ имени всей Франціи. Вѣдь то временное правительство, которое было образовано самымъ безпорядочнымъ образомъ въ помѣщеніи, но не въ засѣданіи вытѣсненной и разогнанной народомъ палаты депутатовъ, могло въ лучшемъ случаѣ и то лишь съ большой натяжкой опереться на волю парижскаго населенія. Кто могъ сказать, насколько эта воля будетъ устойчива, и удастся ли вообще только-что провозглашенному правительству упрочить свое положеніе, устранить возможныхъ конкурентовъ и возсоздать хоть нѣкоторый порядокъ въ столицѣ, а далѣе и въ странѣ,—порядокъ, безъ котораго основная задача временнаго правительства, выясненіе воли французскаго народа относительно будущаго государственнаго строя, стала бы неосуществимой?

ГЛАВА IV.

Временное правительство.

§ 1. Первые шаги и характеръ временнаго правительства.

Февральская революція была результатомъ стихійнаго движенія массы парижскаго населенія, вызваннаго наружу страстной агитаціей соединенной оппозиціи Источникъ того массоваго недовольства, которымъ она была создана, заключался въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи мелкой буржуазіи и пролетаріата, созданномъ, въ свою очередь, главнымъ образомъ, ростомъ капиталистическаго хозяйства. Недовольство массы населенія осложнялось при этомъ недовольствомъ значительной части средней (и даже крупной) буржуазіи, полагавшей, что фискальная и хозяйственная политика руководимаго интересами банкократіи правительства вредитъ развитію хозяйственной жизни страны, и недовольствомъ интеллигенціи, не заинтересованной непосредственно въ производствѣ, не устраненной дѣйствующими законами отъ участія въ политической жизни. Если оставить интеллигенцію пока въ сторонѣ, то становится яснымъ, что стремленія разныхъ группъ, изъ дѣйствій которыхъ слагалось движеніе, имѣли далеко неоднородный характеръ. Тенденція крупной и средней буржуазіи заключалась въ устраненіи дѣйствительныхъ или кажущихся препятствій, мѣшавшихъ свободному развитію капиталистическихъ предпріятій, тенденція же мелкой буржуазіи и пролетаріата заключалась въ стремленіи къ огражденію труда отъ капитала. За этимъ общимъ лозунгомъ мелкой буржуазіи и пролетаріата скрывалось, однако, глубокое различіе въ интересахъ и повседневныхъ навыкахъ. Мелкая буржуазія гибла отъ самаго факта существованія капиталистическихъ предпріятій, пролетаріатъ — отъ ихъ организаціи, при которой всѣ матеріальныя выгоды предпріятія доставались единолично предпринимателю, тогда какъ вся ихъ тягота падала на рабочихъ, обремененныхъ непосильнымъ

трудомъ и скудно вознаграждаемыхъ нищенской заработной платой. Мелкая буржуазія была бы довольна, если бы капиталистическое производство было сведено на нѣтъ, а это означало бы при данныхъ условіяхъ голодную смерть для пролетаріевъ; масса пролетаріевъ была бы довольна, если бы развитіе капиталистическаго хозяйства сопровождалось серьезнымъ улучшеніемъ ихъ собственнаго положенія, а это означало бы при данныхъ условіяхъ дальнѣйшее ухудшеніе положенія мелкихъ хозяевъ [1]).

На фонѣ этихъ стихійныхъ настроеній и теченій, осложнявшихся воспоминаніями о прежнихъ событіяхъ политическаго, религіознаго и соціальнаго прошлаго страны, развилась оппозиціонная литература и агитація 30-хъ и 40-хъ годовъ, отражавшая все многообразіе сталкивавшихся въ обществѣ потребностей и стремленій. Самымъ своеобразнымъ и заразительнымъ элементомъ этой литературы оказались соціалистическія теоріи, которыя, казалось, должны были испугать буржуазію. Но такъ какъ масса рабочаго люда до 1848 г. по обыкновенію безмолвствовала, то масса политически мыслящей и активной въ политическомъ отношеніи части общества не отдавала себѣ яснаго отчета въ реальныхъ нуждахъ и въ идейныхъ стремленіяхъ рабочаго міра, уже находившихъ себѣ отраженіе въ соціалистической литературѣ, не шла дальше признанія необходимости подумать объ улучшеніи положенія рабочихъ безъ какихъ-либо мѣръ органическаго, а не палліативнаго характера, и полагала, что соціалистическія идеи представляютъ либо невинныя бредни фантастическихъ умовъ, либо агитаціонное средство въ рукахъ опасныхъ демагоговъ, обязанныхъ своими успѣхами исключительно невѣжеству толпы. Отнюдь не опасаясь за прочность краеугольнаго камня существующаго строя, т.-е. за привычную форму частной собственности, буржуазія охотно привѣтствовала начинавшуюся въ 1847 г. банкетную агитацію и всячески содѣйствовала ея успѣху и проникновенію рѣзкой критики существующаго положенія и правительства въ возможно широкія массы общества. Самоустраненіе крайней лѣвой отъ агитаціи еще усилило указанное настроеніе буржуазіи, укрѣпивъ ея убѣжденіе въ чисто-политическомъ характерѣ движеніемъ или, точнѣе, въ томъ, что результатомъ движенія явятся лишь такія измѣненія хозяйственной политики правительства, которыя вполнѣ совмѣстимы съ ея собственными традиціонными взглядами и интересами. Немногочисленные банкеты, устроенные подъ конецъ крайней лѣвой, могли скорѣе раздражить буржуазію, чѣмъ поколебать ея увѣренность въ безсиліи ея враговъ, а обостреніе предъявляемыхъ движеніемъ политическихъ требованій не встрѣчало среди неяемъ особенныхъ препятствій, такъ какъ ея собственный взглядъ на монархію какъ на служебный органъ народныхъ интересовъ имѣлъ въ существѣ дѣла если не республиканскій, то демократическій характеръ. Этимъ и объясняется поведеніе національной гвардіи какъ въ теченіе 23-го, такъ особенно въ теченіе 24 февраля: раздраженная упорствомъ и предполагаемымъ вѣроломствомъ перваго слуги государства, національная гвардія предоставила его

---

[1]) Это не исключало возможности, что значительная часть пролетаріевъ, особенно тѣ, которые еще недавно были самостоятельными (въ земледѣліи или ремеслѣ) хозяевами, могла увлекаться мелкобуржуазной идеей небольшого самостоятельнаго хозяйства, огражденнаго законами отъ капитала.

своей судьбѣ и отнюдь не сопротивлялась ни требованію объ отреченіи, ни требованію о низложеніи короля, ни провозглашенію временнаго правительства и содержавшемуся въ немъ провозглашенію республики. Сама по себѣ республика ее не пугала, лишь бы то не была кровавая республика якобинцевъ съ ея казнями и посягательствами какъ на личную свободу, такъ и на частную собственность, лишь бы республиканское правительство сумѣло отстоять порядокъ и свободу гражданъ отъ невѣжества толпы и диктатуры демагоговъ.

Настроеніе буржуазіи измѣнилось лишь послѣ того, какъ она поняла, что за стремленіемъ къ политической революціи скрывается стремленіе къ экономическому перевороту, что соціалистическія идеи успѣли проникнуть гораздо глубже, чѣмъ она думала, и что онѣ оказываютъ серьезное вліяніе на настроеніе народной массы. Этотъ фактъ, выяснившійся, какъ только королевская власть пала, представлялся тѣмъ болѣе грознымъ, что въ силу попустительства самой же буржуазіи народная масса оказалась вооруженной, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и госпожей положенія. Событія приняли въ силу этого такой серьезный оборотъ, что радужное или безразличное отношеніе къ революціи смѣнилось чрезвычайно тревожнымъ состояніемъ. Враги соціалистическихъ экспериментовъ не утратили, правда, ни своего убѣжденія въ неосуществимости новыхъ доктринъ, ни своей увѣренности въ томъ, что подавляющая масса французскаго народа, въ особенности крестьянство, да и провинціальная Франція вообще, отнюдь не раздѣляютъ увлеченій рабочаго люда, но въ данный моментъ какъ-разъ наиболѣе радикальная часть рабочей массы, а именно парижскіе рабочіе и примкнувшіе къ нимъ въ февральскіе дни мелкобуржуазные элементы, располагали такой огромной, такой неслыханной силой, что нельзя было закрывать глаза на чрезвычайную опасность положенія.

Настроеніе буржуазіи нашло себѣ прекрасное выраженіе въ письмѣ, которымъ О. Барро отвѣтилъ 26 февраля на письменную просьбу члена временнаго правительства Гарнье-Пажеса, дѣйствовавшаго съ согласія всего правительства, о томъ, чтобы онъ и его друзья не отказали правительству въ своемъ содѣйствіи «въ трудномъ дѣлѣ, которое ему надлежитъ исполнить». Вотъ отвѣтъ Барро, составленный имъ по совѣщаніи съ друзьями:

«Со времени вашей записки отъ 24, въ которой вы мнѣ сообщаете о томъ, что вы приняли власть и просите о моемъ содѣйствіи, я не могъ вамъ отвѣтить. Я не зналъ, да и теперь въ точности не знаю, какого рода содѣйствіе могу вамъ оказать я, стоящій по ту сторону принятаго рѣшенія (т.-е. являющійся монархистомъ). Тѣмъ не менѣе, однако, необходимо, чтобы добрые граждане, всѣ тѣ, кто не желаетъ, чтобы наша Франція погибла отъ внутреннихъ сотрясеній, помогли вамъ въ двухъ задачахъ, которыя, мнѣ кажется, имѣютъ господствующее при данномъ положеніи значеніе. Первая заключается въ томъ, чтобы, упорядочивая свободу дѣйствія, необходимую всякому правительству, а революціонному правительству въ особенности, вы помѣшали тому, чтобы революція превратилась изъ политической, какой бы глубокой она, согласно вашему желанію, не должна была бы быть въ этомъ отношеніи, въ соціальную, т.-е. чтобы вы помѣшали ей коснуться собственности и семьи. Вторая заключается въ томъ, чтобы аппел-

ляція къ выборамъ, этому выраженію (народнаго) верховенства, была искренней. Я не допускаю лжи публичной площади точно такъ же, какъ и лжи королей. Выборы, совершающіеся подъ давленіемъ насилія, представляются мнѣ столь же непріемлемыми, какъ выборы, совершающіеся подъ вліяніемъ растлѣнія (corruption), и вы, несомнѣнно, согласны съ моимъ мнѣніемъ. При этихъ условіяхъ если вы исполнены рѣшимости обезпечить ихъ соблюденіе, пользуясь средствами, врученными вамъ революціей, я полагаю возможнымъ обезпечить вамъ не только мое собственное содѣйствіе, но и симпатіи всѣхъ моихъ друзей. Я вамъ часто говорилъ въ бесѣдѣ, и я охотно повторяю это при данныхъ серьезныхъ обстоятельствахъ, что никто изъ насъ не думаетъ о томъ, чтобы повторить ошибки эмигрантовъ или хотя бы примѣры жирондистовъ. Мое послѣднее слово, обращенное къ палатѣ и къ народу, было проклятіемъ по адресу тѣхъ, кто зажигаетъ въ своей странѣ гражданскую войну, и я останусь ему вѣрнымъ.

Всегда и несмотря на обстоятельства, которыя насъ раздѣлили, вашъ личный очень преданный другъ Одилонъ Барро».

Условія, при которыхъ буржуазія была готова примириться съ установившейся помимо ея желанія республикой, здѣсь указаны вполнѣ точно и опредѣленно. Воспрепятствовать соціальной революціи, обезпечить полную свободу предстоящихъ выборовъ въ Учредительное Національное Собраніе,—такова съ ея точки зрѣнія задача временнаго правительства. Пусть послѣднее при этомъ не отговаривается тяжелыми условіями момента: революція вручила ему достаточныя средства борьбы съ враждебными движеніями, и отъ него самого зависитъ «упорядочить» необходимую ему «свободу дѣйствій». Если буржуазія въ другихъ отношеніяхъ (напр., въ вопросѣ о выборахъ) настаиваетъ на строгомъ соблюденіи свободы гражданъ, то она готова, наоборотъ, привѣтствовать самыя рѣшительныя, чисто-диктаторскія мѣры, поскольку дѣло идетъ о возстановленіи и сохраненіи порядка, съ мыслью о которомъ тѣсно связана и мысль о сохраненіи главныхъ основъ существующаго общественнаго строя.

Большая часть членовъ временнаго правительства, какъ мы еще увидимъ, въ сущности раздѣляла взглядъ О. Барро какъ на опасность соціальной революціи, такъ и на необходимость обезпеченія полной свободы избирательной кампаніи. Но при всемъ своемъ желаніи идти рука объ руку съ тѣми либеральными кругами, типичнымъ представителемъ которыхъ былъ О. Барро, правительство не могло не видѣть, какъ страшно сложна выпавшая на его долю задача.

Правительство—говоритъ Гарнье-Пажесъ—«не унаслѣдовало правильнаго, готоваго положенія, когда административной машинѣ надлежитъ лишь повиноваться движенію, созданному предшествующимъ толчкомъ, какъ это бываетъ при смѣнѣ министерствъ, при переходѣ престола отъ одного лица къ другому, при выборахъ президента. Оно приняло власть послѣ пораженія власти, на самомъ полѣ битвы, среди всеобщей катастрофы, порвавшей нити власти.

«Народъ былъ въ лихорадочномъ состояніи отъ своего успѣха, не зналъ предѣла своимъ желаніямъ, обладалъ неограниченной силой, и памятуя о прошломъ, былъ полонъ недовѣрія; лишенный наканунѣ всѣхъ своихъ правъ, онъ сегодня настаивалъ на всѣхъ, взывалъ къ моральнымъ и матеріальнымъ реформамъ, требовалъ, чтобы онѣ

были осуществлены всѣ сразу, въ одинъ день, въ одинъ часъ, не отдавая себѣ отчета ни въ средствахъ, ни въ возможности ихъ осуществленія; лишенный злобы и ненависти, но легко поддающійся увлеченію въ сторону зла, какъ и въ сторону добра; привязанный къ своимъ баррикадамъ, которыя онъ обагрилъ своей кровью, которыхъ онъ не оставлялъ даже для сна, которыя онъ охранялъ, вооруженный, готовый ринуться въ бой при первомъ подозрѣніи, при первомъ возбуждающемъ призывѣ, онъ былъ готовъ предоставить тысячи рукъ и тысячи воль въ распоряженіе перваго попавшагося, кто проявитъ симпатію къ его нуждѣ, окрылитъ надеждой его потребности, польститъ его страстямъ.

«Подобно народу, армія находилась въ состояніи полнаго разложенія: связи, создаваемыя дисциплиной, были порваны, ряды арміи спутаны; раскиданная по городу среди толпы, она жаждала вернуться домой. Склонная подчиняться приказаніямъ тѣхъ офицеровъ, которые ей нравились, съ тѣмъ, чтобы удовлетворить свое раздраженіе противъ тѣхъ, на которыхъ она, по ея мнѣнію, имѣла основаніе жаловаться, она въ одно и то же время претендовала на улучшеніе условій службы и на сокращеніе ея срока.

«Національная гвардія, большая часть офицеровъ коей не встрѣчала повиновенія во время дней боя, и ряды которой долгое время были закрыты для части націи, чувствовала, какъ расширяются, какъ пополняются ея кадры, и повиновалась лишь своимъ избранникамъ.—Муниципальная гвардія, сохраненіе которой стало невозможнымъ вслѣдствіе ея непопулярности, была распущена декретомъ (правительства); низшіе полицейскіе агенты бѣжали или скрывались.

«Двери городской ратуши (гдѣ засѣдало правительство), были открыты для толпы. Проникнувъ туда благодаря ночной темнотѣ, двадцать рѣшительныхъ людей, составившихъ тайный заговоръ, смѣло могли совершить переворотъ и захватить все временное правительство. Нѣкоторые помышляли объ этомъ»!

«Это крушеніе всѣхъ организованныхъ силъ допускало только одно средство спасенія—замѣчаетъ тотъ же Гарнье-Пажесъ совершенно справедливо:—надо было почерпнуть въ самомъ народѣ элементы порядка и дисциплины, сдерживать, руководить и управлять народомъ при помощи самого же народа!

«Правительство могло послѣдовать примѣру насильственныхъ диктатуръ (Гарнье-Пажесъ имѣетъ въ виду какъ якобинскую диктатуру временъ великой революціи, такъ и диктатуру Наполеона III), раздѣлить гражданъ на классы, на категоріи, вызвать наружу зависть, раздувать взаимную ненависть, вооружить однихъ, чтобы броситься на другихъ, и въ заключеніе поработить раздѣленное и ослабленное такимъ образомъ общество. Правительство не захотѣло этого.

«Его честолюбіе ставило себѣ болѣе высокую цѣль, чѣмъ власть. Будучи властью по существу своему переходной, оно поняло, что спасти страну въ нѣсколько дней будетъ болѣе великимъ и славнымъ дѣяніемъ, чѣмъ насильно держать ее подъ своей властью въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ».

Сама по себѣ страшно трудная, эта задача становилась еще болѣе трудной вслѣдствіе существенныхъ разногласій внутри самаго правительства.

Въ тотъ моментъ, когда Ламартинъ увлекъ значительную часть наполнявшей палату депутатовъ толпы за собой и направился вмѣстѣ съ нею въ городскую

ратушу (ок. 3 ч. дня), въ редакціи «Réforme» кончалось засѣданіе, въ которомъ участвовало нѣсколько десятковъ (40—50) вожаковъ республиканской партіи. Первымъ иниціаторомъ собранія былъ, повидимому, Луи Бланъ, крайне недовольный тѣмъ, что списокъ членовъ временнаго правительства, составленный непосредственно передъ этимъ въ редакціи «National» и въ существенныхъ чертахъ принятый на митингѣ въ палатѣ депутатовъ, содержалъ лишь одного представителя крайней лѣвой, Ледрю-Роллена. Вскорѣ послѣ начала засѣданія изъ редакціи «National» прибылъ Мартенъ, направившійся сюда съ тѣмъ, чтобы устранить опасность раскола. Кромѣ названныхъ лицъ, тутъ присутствовали Флоконъ, Этіеннъ Араго, д'Альтонъ-Шэ, Коссидіеръ, Собріэ (Sobrier), рабочій Альберъ и другіе, въ томъ числѣ уже упомянутый сыщикъ де ла Годдъ. Цѣлью собранія была выработка соединеннаго списка членовъ временнаго правительства. Въ качествѣ таковыхъ были предложены Дюпонъ де л'Эръ, Ледрю-Ролленъ, Франсуа Араго, Карно, Мари, Ламартинъ, Одилонъ Барро, Ламорисьеръ, Гарнье-Пажесъ, Флоконъ, Луи Бланъ, Марра, Одри де Пюираво, Ламеннэ и Беранжэ. Послѣдніе два кандидата были устранены въ виду ихъ дряхлости; Карно, О. Барро и Ламорисьеръ были отвергнуты, первый—за готовность примириться съ монархіей, выразившуюся въ опубликованной имъ незадолго до этого брошюрѣ, два другихъ—за ихъ роль въ качествѣ прямыхъ защитниковъ Людовика-Филиппа и его внука; Одри де Пюираво былъ точно также отвергнутъ безъ обсужденія, и въ результатѣ отличіе новаго списка отъ стараго заключалось въ томъ, что въ него попали Ламартинъ—съ одной, Марра, Флоконъ и Луи Бланъ, съ другой стороны. По предложенію послѣдняго вдобавокъ было рѣшено ввести въ составъ правительства еще одного рабочаго, и по довольно случайнымъ мотивамъ остановились на Альберѣ, послѣ чего Коссидьеру было поручено взять на себя функціи префекта полиціи, а Этьенну Араго—функціи начальника почтоваго вѣдомства. И тотъ и другой немедленно отправились въ соотвѣтственныя зданія и захватили безъ всякаго труда эти два важныхъ центра административной дѣятельности, не имѣя на то никакихъ полномочій ни отъ какой власти. Спрашивалось, удастся ли осуществить такъ же просто увеличеніе состава временнаго правительства, сущность котораго заключалась въ значительномъ усиленіи крайней лѣвой (вслѣдствіе присоединенія Флокона, Луи Блана и Альбера)?

Пока новый списокъ составлялся, въ палатѣ депутатовъ уже состоялось первое голосованіе, давшее имена Дюпонъ де л'Эра, Ламартина, Франсуа Араго, Мари и Ледрю-Роллена, и Ламартинъ, какъ уже сказано, двинулся на ратушу, гдѣ въ это время новый мэръ Парижа, Гарнье-Пажесъ, принималъ мѣры, чтобы остановить дальнѣйшее кровопролитіе, а наполнявшая ратушу толпа производила разгромъ аппартаментовъ бывшаго сенскаго префекта. Когда старикъ Дюпонъ, Ламартинъ, Кремьё и Ледрю-Ролленъ, нагнавшій ихъ послѣ того, какъ во время произведеннаго имъ второго голосованія были добавочно избраны Гарнье-Пажесъ и Кремьё, приблизились къ ратушѣ (ок. 4 ч. д.), окруженные огромной толпой, ратуша представляла довольно странное зрѣлище. Все зданіе было до послѣдней степени переполнено народомъ, и повсюду можно было наблюдать то зрѣлище, которое Гарнье-Пажесъ наблюдалъ, напр., въ залѣ городского совѣта. «То было не обсужденіе, а невѣроятная путаница.. Шумная толпа наполняла залъ, требовала низложенія Людовика-Филиппа, низложенія

его семьи и провозглашенія республики. Предложенія перепутывались другъ съ другомъ; самыя радикальныя вызывали наибольшіе апплодисменты. Все было полно смутныхъ криковъ... У однихъ проявлялась вѣра въ идею; у другихъ желаніе осуществить свою мысль, у большинства—страсть къ властвованію... Всякій желалъ воспользоваться первымъ моментомъ побѣды, чтобы обезпечить торжество своихъ теорій или чтобы выдвинуться. Шумъ безпрерывно усиливается отъ прилива и отлива безпрерывныхъ новыхъ вторженій. Среди этого хаоса, однако, уже можно было различить два противоположныхъ теченія. Одни хотѣли присвоить себѣ иниціативу, создать угодную имъ власть, выдвинуть наиболѣе страстныхъ людей, организовать свои системы, дать немедленно перевѣсъ самымъ радикальнымъ (violentes) рѣшеніямъ. Другіе, наоборотъ, полагали, что слѣдуетъ предоставить временному правительству заботу о государствѣ и время, чтобы упорядочить положеніе. А безпорядокъ все возрасталъ, вслѣдствіе борьбы противорѣчивыхъ мнѣній».

Появленіе временнаго правительства было встрѣчено шумными апплодисментами и столь же шумнымъ требованіемъ провозглашенія республики. Въ отвѣтъ на это Ледрю-Ролленъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ отъ имени правительства, что оно сочувствуетъ республикѣ всей душой, и что оно удалится, дабы обсудить вопросъ о формѣ ея провозглашенія. Крики: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ временное правительство! служили выраженіемъ готовности собранія обождать рѣшеніе правительства, и послѣднее сдѣлало попытку найти помѣщеніе, въ которомъ оно могло бы приступить къ обсужденію важнѣйшихъ очередныхъ вопросовъ. При страшной давкѣ это было нелегко, да и послѣ того, какъ правительство уже заняло одно помѣщеніе, оно еще дважды было вытѣснено изъ него и вынуждено спасаться отъ толпы, пока ему не удалось помѣститься въ маленькой комнатѣ, едва вмѣщавшей 10—12 человѣкъ, въ то время, какъ толпа попрежнему бушевала какъ въ самомъ зданіи, такъ и вокругъ него.

Первый, огромной важности, вопросъ, который предстояло разрѣшить, заключался въ вопросѣ о провозглашеніи республики. Ламартинъ взялся составить прокламацію къ французскому народу, касавшуюся этого дѣла [1]): въ ней говорилось, что,

---

[1]) Вотъ ея окончательный текстъ (ср. стр. 232 сл.):

Парижъ, 24 февраля 1848.

ОТЪ ИМЕНИ ФРАНЦУЗСКАГО НАРОДА.

Прокламація временнаго правительства къ французскому народу.

Ретроградное и олигархическое правительство только-что низвергнуто героизмомъ парижскаго народа. Это правительство бѣжало, оставивъ за собой кровавый слѣдъ, который запрещаетъ ему когда-либо вернуться.

Кровь народа текла какъ въ іюльскіе дни; но на этотъ разъ эта благородная кровь не будетъ обманута. Она завоевала національное и популярное правительство, соотвѣтствующее нравамъ, прогрессу и волѣ этого великаго и благороднаго народа.

Временное правительство, созданное въ силу аккламаціи и въ виду необходимости голосами народа и депутатовъ отъ департаментовъ, въ засѣданіи 24 февраля воспріяло въ данный моментъ порученіе обезпечить и организовать національную побѣду. Въ составъ

«временное правительство объявляетъ, что республика провизорно принята парижскимъ народомъ и имъ (правительствомъ); но что ни парижскій народъ, ни временное правительство не предполагаютъ замѣнить своимъ мнѣніемъ мнѣніе гражданъ, опрошенныхъ въ первичныхъ собраніяхъ относительно окончательной формы ихъ правительства». Принятая безъ преній другими членами правительства, прокламація была отправлена въ типографію.

Приступили къ вопросу объ образованіи министерства. Послѣ короткихъ преній было рѣшено допустить въ интересахъ единства дѣйствій совмѣщеніе званій члена временнаго правительства и члена кабинета, и министерство было составлено слѣдующимъ образомъ: предсѣдатель (безъ портфеля) Дюпонъ де л'Эръ, иностранныя дѣла—Ламартинъ, внутреннія дѣла — Ледрю-Ролленъ, финансы — банкиръ Гушо (Goudchaux), юстиція—Кремьё, общественныя работы—Мари, народное просвѣщеніе и вѣдомство исповѣданій—Карно, морское министерство—Франсуа Араго, земледѣліе—Бетмонъ (Bethmons). Для военнаго министерства сначала былъ намѣченъ Ламорисьеръ, затѣмъ Бедо, но за отказомъ обоихъ, примкнувшихъ немедленно къ республикѣ, но желавшихъ остаться въ строю, черезъ нѣсколько дней былъ назначенъ мало кому извѣстный старый генералъ Сюберви (Subervie). Гарнье-Пажесъ остался мэромъ Парижа, причемъ къ нему должны были перейти функціи какъ префекта департамента Сены, такъ и префекта полиціи. Начальникомъ національной гвардіи и расположенныхъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ войскъ былъ назначенъ отставной офицеръ временъ имперіи и депутатъ де Куртэ (de Courtais), а генералъ-губернаторомъ Алжира молодой генералъ Кавеньякъ.

его входятъ: гг. Дюпонъ де л'Эръ, Ламартинъ, Кремьё, Араго (членъ института), Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Пажесъ, Мари.

Секретарями этого правительства состоятъ:

гг. Арманъ Марра, Луи Бланъ, Фердинандъ Флоконъ и Альберъ.

Эти граждане не колебались ни минуты принять патріотическую миссію, возложенную на нихъ необходимостью. Когда столица Франціи горитъ, права временнаго правительства вытекаютъ изъ общественнаго блага. Вся Франція пойметь это и окажетъ ему свое патріотическое содѣйствіе. При той демократической организаціи, которую провозглашаетъ правительство, каждый гражданинъ есть должностное лицо.

Французы, подайте міру тотъ примѣръ, который Парижъ подалъ Франціи; подготовьтэ себя соблюденіемъ порядка и вѣрой въ себя къ тѣмъ сильнымъ учрежденіямъ, которыя вы будете призваны установить для себя.

Временное правительство хочетъ республику (veut la République) при условіи утвержденія ея народомъ, который будетъ немедленно опрошенъ (consulté);

(оно провозглашаетъ) единство націи, образуемой отнынѣ всѣми классами гражданъ, входящими въ ея составъ; самоуправленіе народа;

свободу, равенство и братство въ качествѣ принциповъ, народъ въ качествѣ девиза и пароля. Вотъ то демократическое правленіе, установить которое для себя есть долгъ Франціи, и которое наши усилія сумѣютъ ему обезпечить.

Дюпонъ (де л'Эръ), Ламартинъ, Кремьё, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Пажесъ, Мари, Араго, члены временнаго правительства,
Арманъ Марра, Луи Бланъ, секретари.

Въ тотъ моментъ, когда эти вопросы были рѣшены (ок. 8½ вечера), въ комнату, гдѣ засѣдало временное правительство, явились Флоконъ, Марра и Луи Бланъ, и послѣдній сталъ настойчиво требовать ихъ принятія въ составъ правительства, ссылаясь на то, что они только-что были въ залѣ засѣданій городского совѣта, говорили передъ толпой и были ею признаны членами правительства. Араго и другіе члены правительства довольно рѣшительно выразили свое неудовольствіе: Гарнье-Пажесъ заявилъ Луи Блану, что «его претензіи недопустимы, что, состоя изъ 7 членовъ, временное правительство достаточно многочисленно, что правительство готово принять ихъ въ званіи секретарей, и что оно безусловно настаиваетъ на этомъ предложеніи», принятомъ имъ еще раньше, какъ только результаты собранія въ редакціи «Réforme» ему стали извѣстными. Луи Бланъ сначала не соглашался, но, видя, что Марра и Флоконъ не присоединяются къ нему, подчинился и потребовалъ лишь, чтобы въ число секретарей былъ включенъ и Альберъ, что и было принято послѣ недолгаго колебанія, вызваннаго тѣмъ, что никто, кромѣ Луи Блана, не имѣлъ никакого представленія объ Альберѣ.

Послѣ этого вернулись къ акту о провозглашеніи республики, и тутъ сразу поднялись оживленные и долгіе дебаты о томъ, имѣетъ ли временное правительство право провозгласить республику хотя бы провизорно. Одни (Дюпонъ де л'Эръ, Араго, Мари) отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно, другіе (Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Луи Бланъ) безусловно утвердительно, тогда какъ третьи (Ламартинъ, Гарнье-Пажесъ, Кремьё, Карно, Марра) заняли среднее положеніе, полагая, что провозгласить провизорно республику значитъ только констатировать фактъ, а не создавать новое положеніе. Ихъ мнѣніе, въ концѣ концовъ, взяло верхъ. Тѣмъ не менѣе, самая про-

---

[1]) Вотъ нѣкоторые изъ этихъ актовъ:

Отъ имени французскаго народа.

Временное правительство постановляетъ:

Палата депутатовъ распущена.

Будетъ созвано Національное Собраніе, какъ только временное правительство установитъ мѣры, необходимыя для голосованія всѣхъ гражданъ.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ
Луи Бланъ, секретарь.

Отъ имени французскаго народа.

Временное правительство постановляетъ:

Запрещается собираться членамъ бывшей палаты пэровъ.

Парижъ 24 февраля 1848.

Дюпонъ де л'Эръ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Ад. Кремьё, Мари, Араго.

Отъ имени французскаго народа.

Къ національной гвардіи!

Граждане!

Ваше поведеніе въ теченіе этихъ послѣднихъ и великихъ дней было таково, каковымъ оно должно было быть со стороны людей, давно искушенныхъ въ борьбѣ за свободу.

должительность и страстность дебатовъ по этому вопросу имѣла немаловажное симптоматическое значеніе. Обнаружившееся разногласіе не помѣшало правительству принять въ тотъ же вечеръ рядъ второстепенныхъ, но все же очень важныхъ мѣръ, (какъ, напр., распущеніе палаты, запрещеніе пэрамъ собираться и т. д.) [1]), но оно служило показателемъ внутренней разнородности временнаго правительства.

Въ существѣ дѣла внутри временнаго правительства можно было различать три разныхъ взгляда на задачу революціи и новаго строя и два взгляда по вопросу о тактикѣ, которой должно было слѣдовать правительство.

Если остановиться прежде всего на вопросѣ о задачахъ революціи, то въ общихъ чертахъ можно различать сторонниковъ «буржуазной» республики (Дюпонъ, Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ, Кремьё, Марра), сторонниковъ «якобинской» республики (Ледрю-Ролленъ и Флоконъ) и сторонниковъ «соціальной» республики (Луи Бланъ и Альберъ). Необходимо только отдать себѣ отчетъ въ значеніи этихъ терминовъ и особенно перваго изъ нихъ. Ни одинъ изъ членовъ правительства никогда не думалъ о томъ, чтобы оградить вліяніе буржуазіи какими-либо искусственными мѣрами, или о томъ, чтобы эксплуатировать государственную власть въ интересахъ буржуазіи. Если говорить поэтому о сторонникахъ буржуазной республики, то это значитъ лишь, что соотвѣтственныя лица относились съ рѣшительной враждой къ мысли о какихъ-либо соціалистическихъ экспериментахъ, были врагами всякаго посягательства на принципъ частной собственности — въ чемъ они сходились съ якобинцами—и стремились вывести страну возможно скорѣе изъ того неопредѣленнаго и опаснаго положенія, въ которое она попала, возсоздать возможно скорѣе авторитетную и сильную государственную власть на началахъ равнаго участія всѣхъ гражданъ въ политической жизни. Враги всякой привилегіи, кромѣ права частной собственности, которое они признавали естественнымъ правомъ, а отнюдь не привилегіей, они были врагами того покровительства, которое іюльская монархія по мѣрѣ своего разумѣнія оказывала буржуазіи. Но въ то же самое время преобладающее вліяніе буржуазно-интеллигентскихъ круговъ имъ представлялось совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ. Въ болѣе демократической формѣ въ ихъ взглядахъ и симпатіяхъ возрождалась, такимъ образомъ, старая идея доктринеровъ о распаденіи гражданъ на политически «способныхъ» и политически «неспособныхъ». Позднѣе ихъ тенденціи получили характерное выраженіе въ терминахъ «республика порядочныхъ людей» (la répub-

---

Благодаря вашему братскому единенію съ народомъ, со студентами, революція совершилась!..

Отечество будетъ вамъ благодарно за это.

Въ настоящее время всѣ граждане входятъ въ составъ національной гвардіи; вмѣстѣ съ временнымъ правительствомъ всѣ должны содѣйствовать правильной побѣдѣ (triomphe régulier) общественныхъ вольностей.

Временное правительство разсчитываетъ на ваше усердіе, на вашу преданную готовность поддержать его усилія въ трудномъ дѣлѣ, которое народъ ему поручилъ.

Члены временнаго правительства:

Дюпонъ (де л'Эръ), Ф. Араго, Мари, Ламартинъ, Кремьё, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Пажесъ.

Луи Бланъ, Арманъ Марра, Флоконъ, Альберъ, секретари.

lique des honnêtes gens) и «консервативная республика», выражающихъ существо ихъ настроенія и намѣреній гораздо болѣе точно, чѣмъ терминъ «буржуазная» республика, наводящій на мысль о сознательномъ стремленіи къ обезпеченію матеріальныхъ интересовъ буржуазіи и о сознательномъ же стремленіи къ обезпеченію монопольныхъ правъ буржуазіи на политическое господство. Убѣжденные демократы, они признавали всякое юридическое ограниченіе политическихъ правъ массы населенія недопустимымъ, но полагали въ то же время, что фактическое преобладаніе образованныхъ и надѣленныхъ извѣстнымъ политическимъ опытомъ элементовъ представляется явленіемъ не только вполнѣ естественнымъ, но и желательнымъ. Практическое равенство всѣхъ означало бы съ ихъ точки зрѣнія, съ одной стороны, господство политическаго и общаго невѣжества, съ другой — уничтоженіе самаго важнаго стимула, побуждающаго массу проявить свою энергію и выдвинуться во всѣхъ областяхъ жизни и въ частности въ области гражданской жизни. Всякій безпорядокъ легко принималъ въ ихъ глазахъ характеръ проявленія анархическихъ вожделѣній толпы; всякое, теоретическое или практическое, посягательство на основы даннаго строя казалось имъ дѣломъ рукъ властолюбивыхъ и честолюбивыхъ демагоговъ. Но все это отнюдь не мѣшало имъ быть искренними сторонниками народовластія, идеализировать народъ какъ нѣкое полумистическое цѣлое и стремиться къ мирному улучшенію его матеріальнаго и моральнаго положенія.

Якобинцы—Ледрю-Ролленъ и Флоконъ—примыкали къ нимъ по вопросу о частной собственности, но были склонны возродить старую политику конвента съ его уравнительнымъ законодательствомъ, его спеціальными налогами на богатыхъ и т. д. Луи Бланъ и Альберъ, наконецъ, мечтали о коренныхъ реформахъ въ духѣ установленія государственнаго соціализма.

Несмотря на глубокія внутреннія различія между взглядами якобинцевъ и соціалистовъ, отношеніе тѣхъ и другихъ къ вопросамъ тактики было настолько однородно, пропасть, отдѣлявшая ихъ отъ остальныхъ членовъ правительства, столь глубока, что въ этихъ вопросахъ Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Луи Бланъ и Альберъ шли, естественно, по одному пути, не нуждаясь вовсе въ предварительныхъ соглашеніяхъ, въ которыхъ ихъ подчасъ подозрѣвали ихъ коллеги. Впервые это проявилось уже по вопросу о провозглашеніи республики: якобинцы и соціалисты одинаково были пропитаны идеей о чрезвычайныхъ и неограниченныхъ полномочіяхъ революціоннаго правительства какъ такового, воспоминаніями о «славной» дѣятельности конвента, убѣжденіемъ въ спасительности исходящаго отъ революціонеровъ насилія, хотя бы это насиліе и было направлено противъ идеи и существа народовластія. Вотъ почему они ни минуты не сомнѣвались въ правѣ временнаго правительства провозгласить республику не только провизорно, но и окончательно. Вотъ какъ излагаетъ ихъ аргументы Луи Бланъ: «вы говорите, что Парижъ не есть Франція! Это зависитъ отъ того, какъ взглянуть на дѣло. Представляетъ ли огромный перевѣсъ, обезпеченный Парижу надъ прочими городами нашей современной системой централизаціи, добро или зло, этого мы не станемъ здѣсь разсматривать; несомнѣнно то, что такъ какъ вся Франція стекается въ Парижъ, то Парижъ является для провинцій тѣмъ, чѣмъ является море для впадающихъ въ него рѣкъ. Въ лицѣ Парижа говоритъ Франція, если подъ Франціей подразумѣвать то,

что выражаетъ ея настоящіе инстинкты и составляетъ ея геній. Такъ какъ республиканское правительство заимствуетъ свою законность исключительно у народной воли, выраженной формальнымъ образомъ, въ отличіе отъ правительства монархическаго, основаннаго на молчаливомъ, т.-е. предполагаемомъ, согласіи народа, то ясно, что «народное верховенство» и «республика» суть термины равнозначащіе. Вся нація цѣликомъ не могла бы отвергнуть республиканской формы правленія, не отрекшись тѣмъ самымъ отъ своего верховенства, не совершивъ самоубійства, мало того, не конфисковавъ позорнымъ образомъ права будущихъ поколѣній; отсюда слѣдуетъ, что, провозглашая республику, Парижъ совершаетъ нѣчто такое, чего Франція не можетъ передѣлать путемъ всеобщей подачи голосовъ, не уничтожая этой послѣдней. Такова теоретическая сторона вопроса. Что же касается практической его стороны, то что при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть опаснѣе того, какъ оставить подобный вопросъ нерѣшеннымъ! Это значило бы лишить всѣ интересы увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, разнуздать всѣ страсти, подстрекнуть всѣ честолюбивыя желанія, открыть свободное поприще множеству интригъ; да и въ нашей ли власти обмануть упованія или желанія тѣхъ, которые сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ мы теперь являемся? Развѣ вы не слышите вокругъ насъ этого не умолкающаго шума оружія и коней, развѣ вы не слышите этихъ кликовъ? Республика отнынѣ фактъ: намъ остается только признать его. Если мы этого не сдѣлаемъ, другіе готовы замѣнить насъ. Пусть враги республики судятъ о нашемъ поведеніи, какъ имъ заблагоразсудится: что намъ до этого? Мы совершенно напрасно старались бы обезоружить ихъ враждебную критику! Наша совѣсть, вотъ что должно быть единственнымъ источникомъ нашихъ рѣшеній. Побѣдить бурю невозможно; бѣжать отъ нея было бы позоромъ; попытаться направить ее—вотъ наша миссія и нашъ долгъ».

Оставивъ въ сторонѣ практическіе аргументы и останавливаясь исключительно на теоретическихъ, не трудно убѣдиться, что изложенный въ нихъ взглядъ представляетъ типичное выраженіе якобинской доктрины и ключъ къ пониманію дальнѣйшихъ событій. Революціонная воля Парижа, т.-е., строго говоря, воля части парижскаго населенія, побѣдившей въ каждомъ данномъ случаѣ, не только выдается за волю всей страны, но, поскольку она создала республику, объявляется даже не подлежащей критикѣ всеобщаго голосованія. Нечего и говорить, до какой степени эта точка зрѣнія извращаетъ истинное представленіе о демократіи, какъ о верховенствѣ правильно выраженной всенародной воли. Передъ нами снова старая якобинская идея объ обязанности революціоннаго правительства дѣйствовать во имя блага, хотя бы и противъ воли народа. Попрежнему она облекается въ форму заботы объ осуществленіи того, что соотвѣтствуетъ «настоящимъ инстинктамъ» и «генію» или духу народа. Попрежнему установить содержаніе этихъ «настоящихъ инстинктовъ» и «духа» народа берется группа интеллигентовъ, опирающаяся на сочувственное къ ней отношеніе массы столичнаго населенія и забывающая какъ о той глубокой разницѣ, которая отдѣляетъ психологію огромнаго города не только отъ психологіи массы крестьянства, но и отъ психологіи мелкаго города, такъ и о не менѣе глу-

бокой разницѣ, существующей между неопредѣленными настроеніями столичной массы и доктринами ея интеллигентныхъ вождей. Исключительное положеніе, принадлежавшее Парижу въ силу его старой культурной и революціонной славы, въ силу количества его населенія, въ силу системы административной централизаціи, и глубокое волненіе, охватившее массу его населенія, придавали этимъ теоріямъ чрезвычайно серьезное значеніе: сегодня заявляли, что «республика выше всеобщаго голосованія», завтра могли объявить то же относительно другого желанія Парижа, послѣзавтра— относительно третьяго и т. д. И въ то же время всѣ эти заявленія не поддавались никакой правильной провѣркѣ, или, иначе говоря, было невозможно правильно установить, въ чемъ же въ сущности заключается воля Парижа въ данномъ конкретномъ случаѣ. Всякая, случайно собравшаяся, не извѣстно кѣмъ руководимая толпа въ нѣсколько тысячъ или десятковъ тысячъ человѣкъ могла диктовать свою волю всей Франціи. Но что если Франція не подчинится этой волѣ? Не предстоитъ ли тогда возобновленіе гражданскихъ войнъ великой революціи, возрожденіе террора, новая анархія и новый деспотизмъ?

Именно эти опасенія и опредѣлили взгляды большинства членовъ временнаго правительства на задачи и тактику сторонниковъ республиканской идеи, и именно въ виду нихъ они такъ настойчиво стремились сохранить связь съ либеральной буржуазіей. Уже послѣ провозглашенія временнаго правительства въ палатѣ и послѣ засѣданія въ редакціи «Réforme» Мари и Карно настойчиво убѣждали Одилона Барро войти такъ или иначе въ составъ правительства, а Гарнье-Пажесъ обратился къ нему съ вышеприведеннымъ письмомъ. Но союзъ съ либеральной буржуазіей, очевидно, былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если правительство воздержится отъ всякихъ дѣйствій, напоминающихъ революціонную диктатуру «горы», и по этому вопросу рано или поздно долженъ былъ обнаружиться глубокій расколъ, существовавшій съ самаго начала въ рядахъ правительства.

Если этотъ расколъ не обнаружился раньше, то это объясняется, повидимому въ значительной мѣрѣ личнымъ вліяніемъ Ламартина, занявшаго скоро преобладающее положеніе среди своихъ коллегъ, чему содѣйствовали какъ его чрезвычайная популярность, такъ и исключительная обаятельность его личности, такъ, наконецъ, его краснорѣчіе и мужество, съ которымъ онъ выступалъ въ теченіе тѣхъ трудныхъ и опасныхъ дней, которые слѣдовали за революціей. Самъ Ламартинъ былъ склоненъ считать себя выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, призваннымъ занимать первенствующее мѣсто въ политической жизни не только Франціи, но и Европы. Событія обезпечили ему возможность доказать, насколько его притязанія основательны, и скоро доказали, что онъ преувеличивалъ свои политическія способности. Но это не мѣшало ему выдѣляться среди своихъ товарищей; ни одинъ изъ нихъ не проявилъ бо́льшихъ способностей занять руководящее положеніе, чѣмъ онъ, и въ то же время ни одинъ изъ нихъ не обладалъ такими общепризнанными талантами, какъ онъ. Дюпонъ и Араго не могли играть первенствующей роли въ силу своей дряхлости, да вдобавокъ Дюпонъ отличался больше строгостью своихъ нравовъ и стойкостью своихъ убѣжденій, чѣмъ глубокимъ или сильнымъ умомъ, а знаменитый ученый Араго былъ скорѣе филантропомъ и теоретикомъ, чѣмъ политикомъ. Мари былъ адвокатомъ и пріобрѣлъ заслуженную извѣстность какъ профессіональной дѣя-

тельностью, такъ и прямотой своего характера, но проявилъ скорѣе свойственную многимъ юристамъ склонность къ систематизированію и доктринерству, а не ту гибкость мысли, которую требовали обстоятельства. Болѣе гибкій, чѣмъ онъ, Кремьё отличался чрезвычайной неустойчивостью взглядовъ и неохотой къ черному повседневному труду администратора. Гарнье-Пажесъ приписывалъ себѣ способности и знанія экономиста и финансиста, но позднѣйшая дѣятельность не оправдала его сужденія о самомъ себѣ: весьма посредственный умъ и мало замѣтный политикъ, онъ выдвинулся, главнымъ образомъ, благодаря пріобрѣтенной его покойнымъ братомъ извѣстности. Ледрю-Ролленъ славился какъ выдающійся ораторъ и какъ человѣкъ, охотно пользовавшійся радикальной фразеологіей временъ конвента, но ему была чужда глубокая страстность монтаньяровъ и ихъ желѣзная энергія: онъ былъ способенъ раздражить и даже испугать враговъ якобинизма своими словами, но не былъ способенъ держать ихъ въ повиновеніи или въ страхѣ своими дѣйствіями. Флоконъ и Альберъ не выдѣлялись ничѣмъ изъ толпы другихъ журналистовъ или рабочихъ, участвовавшихъ до 1848 г. въ тайныхъ обществахъ. Въ результатѣ только Марра и Луи Бланъ представляли замѣтныя фигуры; но Луи Бланъ былъ въ сущности не столько человѣкомъ практической дѣятельности, сколько теоретикомъ, да вдобавокъ находился среди членовъ правительства, какъ соціалистъ, въ безнадежномъ меньшинствѣ, и именно въ тѣхъ вопросахъ, которые его больше всего интересовали, онъ сталкивался всегда съ полуснисходительнымъ, полупренебрежительнымъ отношеніемъ къ его «фантазіямъ», а талантливый журналистъ Марра давно уже утратилъ полную свѣжесть своей юношеской вѣры въ демократію; исполненный скептицизма и связаннаго съ нимъ желанія насладиться жизнью, блестящій «маркизъ республики», какъ его называли, лишь изрѣдка проявлялъ ту энергію, на которую онъ былъ способенъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ Ламартинъ не встрѣчалъ серьезныхъ конкурентовъ среди своихъ коллегъ.

Фактъ, что никто иной, какъ именно Ламартинъ, сталъ моральнымъ главой правительства, представляется крайне характернымъ для всего хода февральской революціи, неожиданно начавшейся и неожиданно завершившейся переходомъ власти къ людямъ, изъ коихъ ни одинъ наканунѣ 24-го февраля не могъ и мечтать о рѣшающей роли, ни одинъ не мечталъ о немедленномъ низверженіи монархіи, ни одинъ не проявилъ своего реальнаго знакомства съ какой-либо опредѣленной стороной государственнаго управленія. Недаромъ не только Прудонъ, но даже самъ Бланки находили, что провозглашеніе республики состоялось раньше времени, т.-е. не только раньше, чѣмъ идея республики успѣла укорениться въ народной массѣ, но и раньше, чѣмъ сама республиканская партія пріобрѣла необходимыя данныя для того, чтобы занять господствующее положеніе: когда собралось Національное Собраніе, тогда выяснилось, что подавляющее большинство депутатовъ не имѣетъ никакого понятія ни объ условіяхъ общегосударственной, ни объ условіяхъ собственно парламентской дѣятельности, и члены монархическихъ партій старыхъ палатъ скоро начали руководить своими неопытными коллегами, которымъ они невольно импонировали своей опытностью и спеціальными знаніями.

О самомъ Ламартинѣ мы имѣемъ нѣсколько любопытныхъ отзывовъ его современниковъ. Въ своей исторіи революціи 1848 г. Луи Бланъ даетъ ему слѣдую-

щую ядовитую характеристику: «я не могу описать и проанализировать натуру де Ламартина лучше,—говоритъ онъ,—чѣмъ примѣнивъ къ нему то, что авторъ «Дженни Эйръ» влагаетъ въ уста героини этого прекраснаго романа: «моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было давать моимъ духовнымъ взорамъ отдохнуть на блестящихъ видѣніяхъ, вызванныхъ моей волей,—видѣніяхъ многочисленныхъ и поразительно яркихъ; я любила чувствовать, какъ мое сердце вздымается отъ движеній, которыя, наполняя его смятеніемъ, пробуждали въ немъ всѣ жизненныя силы, а больше всего я любила прислушиваться внутреннимъ слухомъ къ безконечной сказкѣ, которую мое воображеніе не переставало создавать и разсказывать, удивительной сказкѣ, гдѣ были собраны тысячи различныхъ эпизодовъ, оживленныхъ той поэзіей, тѣмъ огнемъ, тѣмъ чувствомъ, которыхъ я искала въ моемъ дѣйствительномъ существованіи, не находя ихъ». Да, таковъ былъ де Ламартинъ. Игралище постоянной галлюцинаціи, которой онъ былъ одновременно объектомъ и творцомъ, онъ видѣлъ множество льстившихъ ему волшебныхъ сновъ, которые его поэтическое легковѣріе превращало въ живую дѣйствительность; онъ видѣлъ незримое; его внутренній слухъ внималъ невозможнымъ звукамъ; онъ отдавался наслажденію разсказывать другимъ всѣ сказки, которыя его воображеніе нашептывало ему самому. Будучи честнымъ человѣкомъ, но поддаваясь чарамъ собственнаго воображенія, онъ не сталъ бы васъ обманывать, если бы его самого не обманывалъ милый демонъ, которымъ онъ былъ одержимъ. Я отдаю справедливость выдающимся качествамъ, которыми онъ отличался. Но, признаться, я смотрю на его разсказы какъ на признанія какого-нибудь любителя гашиша». Отзывъ Токвиля въ своемъ родѣ еще болѣе суровъ: «я не знаю,—говоритъ онъ,—встрѣчалъ ли я когда-либо среди того міра эгоистическихъ честолюбій, среди котораго я жилъ, человѣка, болѣе чуждаго идеѣ общественнаго блага, чѣмъ онъ. Я видѣлъ массу людей, которые приводили страну въ волненіе, чтобы возвеличить себя: это обычное извращеніе; но онъ, я думаю, единственный, который казался мнѣ всегда готовымъ подвергнуть весь міръ катастрофѣ, чтобы развлечь себя. Я никогда также не знавалъ менѣе искренняго ума, ни ума, исполненнаго такого презрѣнія къ истинѣ. Когда я говорю, что онъ ее презиралъ, то я ошибаюсь; онъ не уважалъ ея достаточно, чтобы заняться ею какимъ бы то ни было образомъ. Когда онъ говоритъ или пишетъ, онъ выходитъ изъ предѣловъ истины и возвращается къ нимъ, не обращая на это вниманія, такъ какъ онъ исключительно занятъ опредѣленнымъ эффектомъ, который онъ желаетъ произвести въ данный моментъ».

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сужденіи есть значительная доля истины, хотя самъ Токвиль и вноситъ въ другомъ мѣстѣ нѣкоторыя существенныя оговорки въ свой слишкомъ суровый приговоръ надъ человѣкомъ, полной противоположностью котораго онъ былъ самъ. «Нельзя сказать, чтобы у Ламартина вовсе не было политическаго чутья,—говоритъ о немъ Гиллебрандтъ,—да вдобавокъ геній замѣняетъ многое, даже недостатокъ спеціальныхъ свѣдѣній; необходимо лишь, чтобы геній не нейтрализировался чертами характера, недопустимыми у государственнаго дѣятеля. Даже Гейне видѣлъ часто съ поразительной ясностью то, чего не были въ состояніи увидѣть самые умные, самые опытные въ дѣлахъ люди, а именно, гдѣ концы того узла, который долженъ быть распутанъ, каково направленіе даннаго движенія, что

должно рано или поздно совершиться; тѣмъ не менѣе, ни одинъ разумный человѣкъ не довѣрилъ бы ему руководства какимъ-либо государствомъ. Въ политической жизни недостаточно одного пониманія; надо дѣйствовать согласно съ нимъ; способность видѣть цѣль стоитъ многаго, но большее значеніе имѣетъ способность найти путь, по которому приближаешься къ цѣли. Историко-философскіе взгляды на болѣе глубокую связь явленій поражаютъ современниковъ и потомство; для практической дѣятельности они не нужны и часто мѣшаютъ ей. Ламартинъ, правда, не былъ только ясновидцемъ: выдающіяся ораторскія способности, красивая фигура и благородное лицо, естественное достоинство, соединенное съ естественной прелестью, выдающееся общественное положеніе, рѣдкое мужество не только по отношенію къ пулямъ враговъ, но и по отношенію къ непопулярности, благородная мысль и теплая симпатія ко всему человѣческому помогали его часто геніальнымъ инспираціямъ, и вся его рыцарски-поэтическая манера, какъ и его патетическій идеализмъ дѣлали его въ глазахъ младшаго поколѣнія природнымъ борцомъ противъ филистерскаго эгоизма и плоской прозы буржуазіи, державшей государство въ своихъ рукахъ и не проявлявшей, казалось, сочувствія ни къ славнымъ преданіямъ прошлаго, ни къ благородному стремленію къ свободному будущему. И поэтъ былъ въ самомъ дѣлѣ превосходнымъ борцомъ за національную идею; но для осуществленія этой идеи у него не было почти никакихъ данныхъ: не только знанія людей и критики, но и предусмотрительности, выдержки, пунктуальности, опытности въ дѣлахъ, необходимой для дѣятельности подготовки и того высшаго самоотверженія, которое вполнѣ совмѣстимо съ честолюбіемъ, но не съ тщеславіемъ. А Ламартинъ былъ болѣе тщеславенъ, чѣмъ честолюбивъ. Своего рода аристократическій эгоизмъ часто побуждалъ его считать дѣло его кліента, даже всей націи выигранным, такъ какъ апплодировали его рѣчи. Его общее образованіе было полно пробѣловъ; его спеціальныя знанія— совершенно случайны и недостаточны. Онъ не только довольствовался во всемъ приблизительно вѣрнымъ, оно являлось для него потребностью. Его богатый и открытый умъ не терпѣлъ преградъ. Онъ геніально усваивалъ настроенія: онъ живо говорилъ о судьбѣ бѣдныхъ, которую онъ старался улучшить, и живо сочувствовалъ имъ, но онъ не могъ себя заставить заняться изученіемъ народнаго хозяйства или подчиниться какой-либо соціалистической системѣ; онъ былъ настроенъ глубоко-религіозно, но онъ не желалъ знать церковныхъ догматовъ и дисциплины. Упрочить результаты побѣды раньше, чѣмъ двинуться впередъ, медленно подготовлять новыя побѣды вмѣсто того, чтобы полагаться только на счастье и натискъ, совладать съ частностями раньше, чѣмъ обратиться къ общему,—этого онъ не могъ, такъ какъ это внушало ему скуку. И въ качествѣ политика онъ никогда не могъ измѣнить своей расточительной натурѣ, которая приводила его частныя дѣла постоянно въ безпорядокъ; и въ общественной жизни онъ, который всегда занималъ лѣвой рукой, чтобы раздавать правой милостыню, никогда не видѣлъ ясныхъ границъ между своей и чужой собственностью, между правомъ и долгомъ, выгодой и невыгодой, нужнымъ, желательнымъ, возможнымъ».

Вотъ человѣкъ, которому было суждено занять первое мѣсто во вновь провозглашенной республикѣ. Весьма понятно, что, разъ именно онъ занялъ это мѣсто, трудно было ожидать, чтобы временное правительство могло сдѣлаться дѣйствитель-

нымъ центромъ французской жизни, чтобы оно могло направить взволнованное французское общество твердой рукой къ какой-нибудь ясно сознанной, опредѣленной цѣли, чтобы оно могло избавить Францію отъ того стихійнаго столкновенія между революціоннымъ Парижемъ и консервативной страной, между соціалистическими настроеніями голоднаго пролетаріата и традиціонной привязанностью французскаго крестьянина къ его собственному клочку земли, которое ей грозило.

Лишенное твердой и ясной воли, раздираемое внутренними несогласіями, временное правительство не могло осуществить гигантской, лежавшей на немъ задачи, подчинить народную стихію въ ея двухъ противоположныхъ видахъ разумному руководству, способному обезпечить свободный и мирный просторъ всѣмъ разумнымъ, совмѣстимымъ съ существованіемъ государства потребностямъ и желаніямъ разныхъ частей населенія.

§ 2. Положеніе дѣлъ послѣ революціи.—Элементы внутренней борьбы.

Основная сущность и чрезвычайная трудность предстоявшей временному правительству задачи не ускользнули не только отъ вниманія наиболѣе опытныхъ и тонкихъ наблюдателей создавшагося послѣ февральскихъ дней положенія, но и отъ массы обывателей. Двѣ черты этого положенія уже съ 25 февраля поразили всѣхъ: всемогущество вооруженной народной массы и господствующее значеніе тѣхъ экономическихъ надеждъ, которыя масса возлагала на свою побѣду. Воспоминанія Токвиля даютъ блестящую характеристику положенія, вызванныхъ имъ надеждъ и страховъ и трудности возложеннаго на государственную власть дѣла.

«Два явленія поразили меня больше всего,—такъ разсказываетъ Токвиль о впечатлѣніяхъ, полученныхъ имъ 25 февраля на улицахъ Парижа. — Во-первыхъ, не скажу преимущественно, а всецѣло и исключительно народный характеръ совершившейся революціи, всемогущество, которое она вручила народу въ собственномъ смыслѣ, т.-е. классамъ, занятымъ ручнымъ трудомъ, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Во-вторыхъ, слабое развитіе ненависти и, въ сущности говоря, живой страсти, которую проявляла въ этотъ первый моментъ масса низшаго народа (le bas peuple), внезапно ставшая единственнымъ владыкой Парижа. Хотя рабочій классъ часто игралъ первенствующую роль въ событіяхъ первой революціи, онъ не былъ никогда ни на практикѣ, ни по праву руководителемъ и единственнымъ владыкой государства; въ составѣ конвента не было, быть-можетъ, ни одного человѣка изъ народа; онъ состоялъ изъ буржуа и интеллигентовъ (lettrés). Война между горой и жирондой велась съ той и съ другой стороны подъ руководствомъ членовъ буржуазіи, и побѣда первой никогда не низводила власти исключительно въ руки народа. Іюльская революція была совершена народомъ, но буржуазія вызвала ее, руководила ею и воспользовалась главными ея плодами. Февральская революція, наоборотъ, совершилась, казалось, всецѣло помимо (en dehors) буржуазіи и противъ нея. Во время этого великаго столкновенія двѣ части, изъ коихъ во Франціи, главнымъ образомъ, слагался соціальный организмъ, въ нѣкоторомъ родѣ окончательно разъединились, и народъ, занявшій са-

мостоятельное положеніе, одинъ сохранилъ за собою обладаніе властью. Это явленіе представляло совершеннѣйшую новость въ нашихъ анналахъ; аналогичныя революціи совершались, правда, въ другихъ странахъ и въ другое время, ибо даже исторія нашихъ дней, какой бы новой и неожиданной она ни казалась, принадлежитъ въ существѣ дѣла все же къ старой исторіи человѣчества, и то, что мы называемъ новыми фактами, въ большинствѣ случаевъ представляетъ лишь факты забытые. Флоренція въ особенности представляла въ концѣ среднихъ вѣковъ въ малыхъ размѣрахъ зрѣлище, похожее на то, что совершается у насъ; преемникомъ знати сдѣлалась сначала буржуазія, затѣмъ и она, въ свою очередь, была насильственно удалена отъ власти, и можно было видѣть гонфалоньера, идущаго босыми ногами во главѣ народа и вводящаго, такимъ образомъ, республику. Но во Флоренціи эта народная революція была вызвана временными и спеціальными причинами, тогда какъ здѣсь она была вызвана весьма постоянными и настолько общими причинами, что можно было ожидать, что, взволновавши Францію, онѣ приведутъ въ движеніе всю Европу. На этотъ разъ дѣло заключалось не въ томъ, чтобы дать побѣду партіи; стремились къ тому, чтобы основать соціальную науку, философію, я почти могъ бы сказать религію, способную быть усвоенной и принятой къ руководству всѣми людьми. Въ теченіе этого дня я не замѣтилъ въ Парижѣ ни одного изъ старыхъ агентовъ государственной власти, ни одного солдата, ни одного жандарма, ни одного полицейскаго агента; даже сама національная гвардія исчезла. Одинъ только народъ носилъ оружіе, охранялъ общественныя зданія, слѣдилъ, приказывалъ, наказывалъ; было непривычно и страшно видѣть, что весь этотъ громадный городъ, полный столькихъ богатствъ, или, вѣрнѣе, вся эта великая нація находится въ рукахъ неимущихъ (ceux, qui ne possédaient rien); ибо вслѣдствіе централизаціи тотъ, кто царитъ въ Парижѣ, властвуетъ надъ Франціей. Вотъ почему страхъ всѣхъ остальныхъ классовъ былъ глубокъ; я не думаю, чтобы онъ былъ столь же великъ въ какую-либо иную эпоху революціи, и я полагаю, что его можно было бы сравнить лишь съ тѣмъ страхомъ, который должны были испытывать культурные центры римскаго міра, когда онѣ оказывались внезапно во власти вандаловъ и готовъ. Такъ какъ до тѣхъ поръ ничего подобнаго не совершалось, то многіе ожидали неслыханныхъ актовъ насилія. Что касается меня, то я никогда не раздѣлялъ этихъ страховъ. То, что я видѣлъ, заставляло меня предсказывать въ близкомъ будущемъ странныя пертурбаціи, своеобразные кризисы. Я никогда не вѣрилъ въ разграбленіе богатыхъ; я слишкомъ хорошо зналъ парижскій народъ, чтобы не знать, что его первыя движенія въ революціонное время обыкновенно благородны (généreux), что онъ охотно проводитъ дни, слѣдующіе непосредственно за побѣдой, похваляясь ею, проявляя свою власть въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ и разыгрывая великихъ людей; за это время обыкновенно случается, что устанавливается какая-нибудь власть, полиція возвращается на свое мѣсто, а судья на свое кресло; а когда наши великіе люди, наконецъ, желаютъ спуститься на болѣе извѣстную и болѣе вульгарную почву мелкихъ и дурныхъ человѣческихъ страстей, они уже не могутъ этого свободно сдѣлать и вынуждены ограничиться жизнью порядочныхъ людей. Вдобавокъ, мы пережили столько лѣтъ въ состояніи возстанія, что у

насъ образовались своего рода спеціальная мораль безпорядка и спеціальный кодексъ для дней бунта. Согласно этимъ чрезвычайнымъ законамъ убійство допускается, разрушеніе разрѣшается, но воровство строго запрещается, что не мѣшаетъ, однако, что бы объ этомъ ни говорили, тому, что въ такіе дни много воруютъ, такъ какъ общество бунтарей не можетъ представлять исключенія изъ числа всѣхъ остальныхъ, среди которыхъ всегда находятся негодяи (coquins), которые, каждый въ частности, не думаютъ обращать вниманія на корпоративную этику и глубоко презираютъ корпоративное понятіе чести, разъ никто ихъ не видитъ. Вдобавокъ, меня успокаивало и то, что побѣдители были такъ же застигнуты врасплохъ своимъ успѣхомъ, какъ ихъ противники своимъ пораженіемъ; ихъ страсти не успѣли разгорѣться и обостриться во время борьбы; правительство пало, не защищенное никѣмъ и не прибѣгнувъ само къ защитѣ. Въ теченіе долгаго времени тѣ самые, которые въ глубинѣ души больше всего жалѣли о его паденіи, либо боролись съ правительствомъ, либо, по крайней мѣрѣ, рѣзко его критиковали. За послѣдній годъ между династической и республиканской оппозиціями установилась обманчивая интимность отношеній, вслѣдствіе которой онѣ совершали тѣ же дѣйствія, преслѣдуя противоположныя цѣли. Недоразумѣніе, облегчившее революцію, дѣлало ее теперь болѣе мягкой. Съ исчезновеніемъ монархіи поле битвы казалось пустымъ; народъ не видѣлъ больше ясно, кто тѣ враги, которыхъ ему оставалось преслѣдовать и уничтожить; ему не хватало даже старыхъ объектовъ его гнѣва; духовенство никогда не примирилось вполнѣ съ новой династіей и наблюдало ея паденіе безъ тяжелаго чувства; старая знать привѣтствовала его безотносительно къ возможнымъ его послѣдствіямъ; духовенство страдало отъ нетерпимой системы буржуазіи, знать—отъ ея надменности; оба презирали или боялись ея владычества. Впервые за шестьдесятъ лѣтъ священники, старая знать и народъ сходились въ общемъ чувствѣ... Настоящими и единственными побѣжденными были въ это время буржуа, но даже они не имѣли основанія бояться многаго. Ихъ прежнее владычество имѣло скорѣе монопольный, чѣмъ притѣсняющій, развращающій, но не насильственный характеръ—его скорѣе презирали, чѣмъ ненавидѣли: средній классъ не образуетъ, вѣдь, никогда ни компактнаго организма среди общества, ни рѣзко очерченной части цѣлаго; онъ всегда участвуетъ до извѣстной степени въ жизни другихъ классовъ и въ извѣстныхъ частяхъ сливается съ ними. Это отсутствіе однородности и точныхъ границъ дѣлаетъ владычество буржуазіи слабымъ и непрочнымъ, но оно дѣлаетъ ее самое неуловимой и какъ бы невидимой для тѣхъ, кто хочетъ нанести ей ударъ, когда она больше не властвуетъ. Результатомъ всѣхъ этихъ причинъ, мнѣ кажется, и была поразившая меня вмѣстѣ съ его всемогуществомъ вялость народа, вялость тѣмъ болѣе замѣтная, что она представляла чрезвычайно странный контрастъ съ торжественно-приподнятой энергіей фразеологіи и съ страшными воспоминаніями, которыя вызывались этой послѣдней. Пламеннымъ языкомъ 93 г. заставляли высказываться тепленькія страсти эпохи; постоянно ссылались на примѣръ и имена знаменитыхъ преступниковъ, походить на которыхъ не имѣли ни энергіи, ни искренняго желанія».

«Впослѣдствіи—продолжаетъ Токвиль, обращаясь къ роли соціалистическихъ идей—именно соціалистическія теоріи, то, что я же назвалъ раньше философіей

февральской революціи, зажгли истинныя страсти, обострили чувство зависти и возбудили, въ концѣ концовъ, войну между классами. Если дѣйствія народа первоначально были менѣе безпорядочны, чѣмъ можно было бы опасаться, то на другой же день послѣ революціи въ идеяхъ народа въ самомъ дѣлѣ проявились чрезвычайное возбужденіе и неслыханный безпорядокъ.

«Начиная съ 25-го февраля, тысячи странныхъ системъ возникли съ шумной внезапностью въ умахъ новаторовъ и распространились среди сбитыхъ съ толку умовъ толпы. Кромѣ королевской власти и парламента все остальное осталось еще нетронутымъ, а между тѣмъ казалось, что революціонныя событія повергли въ прахъ самое общество, что установленъ конкурсъ для изобрѣтенія новой формы, которую надлежало дать зданію, которое готовились возвести взамѣнъ его; каждый предлагалъ свой планъ; одинъ излагалъ его въ газетахъ; другой — въ плакатахъ, покрывшихъ скоро стѣны; еще другой—устно на открытомъ воздухѣ. Одинъ обѣщалъ уничтожить неравенство средствъ, другой—неравенство умственнаго развитія, третій собирался уравнить самое древнее изъ неравенствъ, неравенство мужчины и женщины; указывались специфическія средства противъ бѣдности и предлагались средства противъ зла, мучающаго человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ, противъ труда.

«Эти теоріи сильно отличались другъ отъ друга, были часто противоположны, а иногда и враждебны другъ другу; но всѣ онѣ объединялись тѣмъ, что касались явленій, болѣе фундаментальныхъ, чѣмъ правительственная система, и стремились добраться до общества, на которомъ эта система зиждется, и присвоили себѣ общее названіе соціализма.

«Соціализмъ останется основной характерной чертой и наиболѣе грознымъ воспоминаніемъ о февральской революціи. Если взглянуть на дѣло съ большого разстоянія, то республика окажется здѣсь средствомъ, а не цѣлью... Первоначально народъ хотѣлъ улучшить свое положеніе путемъ измѣненія всѣхъ политическихъ учрежденій, но послѣ каждаго измѣненія онъ находилъ, что его судьба не улучшалась или улучшалась съ невыносимой для стремительности его желаній медленностью. Рано или поздно онъ неизбѣжно долженъ былъ кончить открытіемъ, что не организація государства насильственно удерживаетъ его въ его положеніи, а неизмѣнные законы, создающіе самое общество; онъ, естественно, долженъ былъ дойти до того, чтобы спросить себя, не имѣетъ ли онъ власти и права измѣнить и эти законы, какъ онъ раньше измѣнялъ другіе. Что же касается въ частности собственности, являющейся какъ бы фундаментомъ нашего соціальнаго строя, то развѣ не было неизбѣжно, я не хочу сказать, ея уничтоженіе, но, по крайней мѣрѣ, возникновеніе мысли объ ея уничтоженіи въ умахъ тѣхъ, которые ею не располагали,—послѣ того, какъ были разрушены привилегіи, которыя покрывали и, если можно такъ выразиться, скрывали привилегію собственности и послѣ того, какъ послѣдняя осталась главнымъ препятствіемъ къ установленію равенства между людьми?

«Это естественное безпокойство народнаго ума, это неизбѣжное возбужденіе его вожделѣній и его мыслей, эти потребности, эти инстинкты толпы образовали въ нѣкоторомъ родѣ ткань, на которой новаторы вышили столько безобразныхъ и грубокомическихъ фигуръ. Труды ихъ можно находить смѣшными, но почва, на которой

они работали, представляетъ самый серьезный объектъ вниманія для философовъ и государственныхъ людей».

Приведенныя разсужденія Токвиля чрезвычайно характерны для настроенія высшихъ слоевъ интеллигенціи этой эпохи, для тѣхъ, кто признавалъ существованіе соціальнаго зла и возможность весьма глубокихъ измѣненій въ области соціально-экономической жизни и, въ частности, въ области нормъ, опредѣляющихъ пониманіе частной собственности и пользованіе ею: несмотря на все его отрицательное и даже пренебрежительное отношеніе къ современнымъ ему соціалистическимъ системамъ и особенно къ тѣмъ средствамъ, при помощи коихъ предполагалось ихъ осуществить, онъ несомнѣнно находился подъ вліяніемъ «литературнаго» или «салоннаго» соціализма этихъ дней и отнюдь не считалъ возможнымъ отрицать совершенно идею весьма радикальной ломки современнаго общественнаго строя [1]). Его точку зрѣнія раздѣляли и другіе выдающіеся представители эпохи: этимъ объясняется какъ то, что они были готовы высказывать теоретическое сочувствіе основнымъ тенденціямъ соціализма, такъ и то, что они болѣе или менѣе рѣшительно препятствовали попыткамъ приступить къ ихъ практическому осуществленію или точнѣе попыткамъ предпринять подготовительныя мѣры въ этомъ направленіи.

Масса образованнаго и полуобразованнаго общества сразу установила свой болѣе упрощенный взглядъ на событія: господствующимъ среди нея настроеніемъ былъ страхъ за весь привычный общественный порядокъ и за тѣсно связанную съ нимъ въ ея глазахъ культуру. Даже многіе изъ тѣхъ, кто еще наканунѣ не возражалъ противъ моднаго соціализма и украшалъ свои рѣчи неопредѣленными терминами соціалистической фразеологіи, поразительно быстро пришли къ заключенію не только о несвоевременности соціалистическихъ экспериментовъ, но и о полной противоестественности и антикультурности принциповъ соціализма. Дальнѣйшія событія показали, что это настроеніе должно было встрѣтить могущественнаго союзника въ лицѣ крестьянства и широкихъ слоевъ мелкой буржуазіи.

---

[1]) Доказательствомъ такого его взгляда является слѣдующее мѣсто изъ его «Воспоминаній», непосредственно слѣдующее за вышеприведенными разсужденіями о значеніи соціалистической идеи во время февральской революціи. «Будетъ ли соціализмъ навсегда покрытъ тѣмъ презрѣніемъ, которымъ столь справедливо были покрыты соціалисты 1848 года»?—спрашиваетъ онъ.—«Я ставлю этотъ вопросъ, не отвѣчая на него. Я не сомнѣваюсь, что съ теченіемъ времени основные законы нашего современнаго общества будутъ сильно видоизмѣнены; они уже подвергались измѣненіямъ во многихъ существенныхъ частяхъ, но случится ли когда-нибудь, что они будутъ уничтожены и замѣнены другими? Это мнѣ кажется неосуществимымъ. Я не иду дальше этого: чѣмъ больше я изучаю прежнее состояніе человѣчества и чѣмъ детальнѣе я знакомлюсь съ современнымъ намъ міромъ, чѣмъ больше я принимаю во вниманіе отличающее его поразительное разнообразіе не только законовъ, но и принциповъ, на коихъ покоются законы, а также разнообразныя формы, которыя принимало и, что бы тамъ ни говорили, посейчасъ принимаетъ право собственности на землѣ, тѣмъ болѣе я склоненъ думать, что то что называютъ необходимыми институтами, часто есть не что иное, какъ институты, къ коимъ привыкли, и что въ дѣлѣ соціальной организаціи область возможнаго значительно болѣе обширна, чѣмъ воображаютъ люди, живущіе въ каждомъ данномъ обществѣ».

Судьба соціалистической идеи была, такимъ образомъ, предрѣшена. На ея сторонѣ стояли лишь небольшія, хотя и организованныя, но слишкомъ малочисленныя и вдобавокъ рѣшительно враждебныя другъ другу группы сторонниковъ разныхъ пророковъ соціализма съ одной стороны, смутные инстинкты рабочей массы Парижа и нѣкоторыхъ другихъ центровъ, съ другой. Въ теченіе извѣстнаго времени внѣшнему успѣху и тѣхъ и другихъ могли также содѣйствовать разбуженныя революціей неясныя надежды другихъ экономически необезпеченныхъ элементовъ (изъ мелкой буржуазіи) на всеобщее благополучіе, долженствующее наступить послѣ революціи. Но революціонный угаръ не могъ длиться особенно долго, а съ его исчезновеніемъ должна была исчезнуть и иллюзія чрезвычайной распространенности соціалистической идеи, иллюзія, за которой на самомъ дѣлѣ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ скрывались лишь совершенно неопредѣленныя надежды на благодѣтельное вліяніе возникшей изъ революціи власти.

Совершенная безнадежность всякихъ попытокъ осуществить ту или иную схему соціалистическихъ мѣропріятій выяснилась, однако, не сразу. Два обстоятельства мѣшали этому: непривычка всѣхъ безъ исключенія партій считаться съ волей подавляющей массы населенія, къ которой въ то же самое время собирались обратиться, и глубокая увѣренность въ рѣшающемъ вліяніи Парижа на страну, увѣренность, только-что подкрѣпленная тѣмъ фактомъ, что совершившаяся въ Парижѣ революція не встрѣтила ни малѣйшаго сопротивленія въ странѣ, а исходившія отъ временнаго правительства приказанія принимались безъ всякихъ оговорокъ къ свѣдѣнію и исполненію. Давнишнее убѣжденіе поклонниковъ якобинской политики, что стоитъ захватить центральную власть, и можно осуществить все, что угодно, не могло не усилиться подъ вліяніемъ этого факта. А сколько людей способно удержаться въ революціонное время отъ якобинскихъ тенденцій? Вѣдь, всякая революція, направленная всегда ближайшимъ образомъ на замѣну одной правительственной политики другой, т.-е., иначе говоря, на захватъ власти врагами даннаго строя, сопровождается переоцѣнкой значенія и силы центральной власти и питаетъ въ народныхъ массахъ привычное имъ представленіе о всемогуществѣ этой власти.

Въ результатѣ могло и даже должно было казаться несомнѣннымъ, что задача момента сводится къ тому, чтобы держать центральную власть подъ строгимъ контролемъ «общественнаго мнѣнія», руководить ею, если она окажется недостаточно смѣлой и послѣдовательной, и смѣнить ее, если она окажется враждебной или проявитъ наклонности къ «измѣнѣ» все тому же «общественному мнѣнію», легко превращающемуся въ такія времена въ «народную волю». Условность самаго понятія «общественнаго мнѣнія» и «народной воли» никогда не проявляется такъ ясно, какъ въ такіе моменты, когда, съ одной стороны, нѣтъ учрежденія, могущаго основываться на организованномъ проявленіи народнаго настроенія, когда, съ другой стороны, всякій участникъ революціоннаго движенія считаетъ себя въ правѣ утверждать, что его мнѣніе и его воля наилучшимъ образомъ отражаютъ истинное мнѣніе и истинную волю всей страны. При полной невозможности провѣрить на основаніи одинаково для всѣхъ убѣдительныхъ объективныхъ данныхъ подобнаго рода утвержденія, неизбѣжно взаимно другъ другу противорѣчащія, и при чрезвычайной возбужденности всѣхъ участниковъ движенія отсюда неизбѣжно вытекаетъ полная не-

способность подавляющаго ихъ большинства отнестись безпристрастно къ доводамъ и дѣйствіямъ противника и склонность подозрѣвать въ каждомъ данномъ случаѣ его нравственные мотивы: вмѣсто добросовѣстныхъ противниковъ всякій склоненъ видѣть лишь злостныхъ враговъ.

Вотъ та атмосфера нетерпѣнія, подозрѣнія и ненависти, которая объясняетъ ходъ событій, слѣдовавшихъ за провозглашеніемъ временнаго правительства. Освободившись внезапно отъ опеки «страны въ законномъ смыслѣ», французскіе обыватели вообще, парижскіе въ частности сразу выступаютъ на политическую арену и сразу желаютъ оказывать самое рѣшительное вліяніе на ходъ политической жизни, не допуская въ своей массѣ ни проволочекъ, ни, тѣмъ менѣе, несогласія съ ихъ взглядами: за одинъ только мѣсяцъ, слѣдовавшій за революціей, въ одномъ Парижѣ создается не менѣе 250 политическихъ клубовъ, въ которыхъ каждый вечеръ обсуждаются и авторитетно разрѣшаются сложнѣйшія проблемы общественной и государственной жизни [1]). Появленіе этихъ клубовъ само по себѣ совершенно необходимо, и поскольку они содѣйствуютъ политическому воспитанію массы, пуская въ обращеніе огромное количество новыхъ для нея понятій, ихъ роль несомнѣнно имѣла благотворное вліяніе. Именно здѣсь поддерживалось также то повышенное представленіе о значеніи движенія, о солидарности его участниковъ и объ отвѣтственности лежащей на самомъ народѣ, которое придало февральской революціи особую прелесть въ глазахъ народа. Эту сторону дѣла краснорѣчиво выдвигаетъ талантливый біографъ Бланки, Жеффруа: «То, что характеризуетъ 1848 годъ», — говоритъ онъ, — «это—окончательное выступленіе народа на міровую сцену. Анонимный хоръ впервые подаетъ отчетливый голосъ. Толпа выступаетъ изъ мрака исторіи, заявляетъ, что она сознаетъ свою жалкую судьбу, высказываетъ свою грезу о лучшемъ мірѣ. Хотите вы увидѣть его, этотъ 1848 годъ, лучше чѣмъ въ грудахъ документовъ и въ диссертаціяхъ историковъ? Наблюдайте его въ лицѣ какого-нибудь современнаго ему человѣка, котораго вамъ довелось встрѣтить въ теченіе вашей жизни. Вспомните его лицо, утомленное ежедневнымъ трудомъ и заботой о необходимомъ скромномъ заработкѣ, помятое годами. Изучите это лицо рабочаго, не знавшаго отъ дѣтства до старости ничего, кромѣ труда, вслушайтесь въ его голосъ, старайтесь проникнуть въ смыслъ его словъ. Въ его усталомъ лицѣ глаза остались глазами наивнаго ребенка. За морщинистыми вѣками вы увидите свѣтлый лучъ, простодушную прозрачность. Голосъ его все еще полонъ довѣрчивости. Произнесите дату 1848 г., роковое слово: сорокъ восемь, и, несмотря на протекшіе годы, на накопившіяся разочарованія, глаза его исполнятся еще бо́льшаго блеска, точно они отражаютъ зарю, рѣчь старика станетъ живой и радостной, точно она предвѣщаетъ какое-то освобожденіе. Онъ знаетъ, что то былъ годъ его надежды, моментъ, когда его судьба и судьба его родныхъ должна была измѣниться, и онъ остался благодаренъ судьбѣ за это неопредѣленное обѣщаніе, на мгновеніе проникшее въ его жизнь. Назовите ему имена дѣятелей того времени, онъ ихъ повторитъ и произнесетъ свое сужденіе о нихъ безъ поясненій и безъ критики, отзываясь о всѣхъ съ одинаковой доброжелательностью, говоря объ этихъ лицахъ какъ о чудесной фалангѣ людей, отдавшихся общему дѣлу. Онъ ихъ

[1]) Въ послѣдующее время количество парижскихъ клубовъ дошло почти до 500.

объединяетъ всѣхъ, даже самыхъ противоположныхъ, даже тѣхъ, которые давали приказъ стрѣлять въ него. А, Ламартинъ, поэтъ!.. А Викторъ Гюго!.. А Ледрю-Ролленъ, трибунъ!.. И Прудонъ! И Барбесъ! И Бланки! И Луи Бланъ, маленькій Луи Бланъ!.. Онъ любитъ ихъ всѣхъ, онъ апостолъ ихъ противорѣчивыхъ словъ, онъ создаетъ... согласіе между людьми и между идеями, онъ формулируетъ для собственнаго употребленія наивную философію исторіи, которая, быть-можетъ, и является истинной, гдѣ всѣ усилія направлены къ общей цѣли».

Какое бы свѣтлое воспоминаніе ни оставила интенсивная политическая жизнь тѣхъ дней, и какъ бы велико ни было ея воспитательное значеніе, въ данный моментъ, когда съ ростомъ политической мысли шелъ рука-объ-руку ростъ народной требовательности, клубы представляли тѣмъ болѣе опасное явленіе, чѣмъ болѣе страстный характеръ имѣли дебаты, и чѣмъ меньше ихъ участники располагали политическими знаніями и опытомъ. Вотъ какъ характеризуетъ дѣятельность этихъ клубовъ тотъ же Жеффруа.

«Повсюду проявлялось радостное стремленіе образовывать бюро, избирать президентовъ, квесторовъ, приставовъ, постоянныя комиссіи, исполнительные комитеты, вырабатывать регламенты, вотировать порядки дня. Одна и та же страсть къ законодательствованію охватила клубы женщинъ, школьныхъ учителей, прислуги, эмигрантовъ, художниковъ и писателей. Въ каждомъ кварталѣ, повсюду, гдѣ можно было поставить скамейки для слушателей, трибуну для ораторовъ, возникалъ клубъ, засѣдало народное собраніе, происходили манифестаціи. Клубъ аббатства... препровождаетъ временному правительству одинъ франкъ и 25 сантимовъ, дабы съ своей стороны придти на помощь матеріальнымъ потребностямъ республики. Въ клубѣ «революціоннаго бунта» (émeute révolutionnaire), гдѣ предсѣдательствуетъ скомпрометтированный вмѣстѣ съ Бланки по заговору 1836 г. Паланшонъ, на головахъ клубистовъ красуются красные колпаки, и засѣданія заканчиваются пѣніемъ припѣва:

Chapeau bas devans la casquette,
A genoux devant l'ouvrier! [1])

«Въ клубѣ Франклина... головные уборы, галстуки, шарфы точно также краснаго цвѣта, а залъ украшенъ пиками, покрытыми фригійскими колпаками. Въ клубѣ «людей безъ страха» господствуютъ мистики. Общество правъ человѣка и гражданина... управляется центральнымъ комитетомъ, въ составъ котораго входятъ Барбесъ, Гюбе (Huber), Наполеонъ Лебонъ, Виллэнъ и др., а примыкающія къ нему общества находятся подъ управленіемъ окружныхъ комиссаровъ и начальниковъ секцій. Здѣсь, въ этомъ обществѣ правъ человѣка, совершается своего рода публичное возрожденіе стараго тайнаго общества, возстановленіе регламента, возлагавшаго на каждаго члена обязанность имѣть ружье, патроны и медаль, свидѣтельствующую о принадлежности къ обществу. Здѣсь пріобрѣтаютъ также извѣстность удивительныя предложенія. Гражданинъ Гара требовалъ здѣсь, чтобы дома богачей, приговоренныхъ (событіями) къ смерти, были окружены санитарнымъ кордономъ. Гражданинъ Гюберъ, веревочникъ... жаловался здѣсь на бывшаго полицейскаго префекта

[1]) Шляпы долой передъ шапкой (рабочаго), на колѣни передъ рабочимъ!

Габріеля Делессера, который не перестаетъ мучить его по ночамъ при помощи злыхъ духовъ (lutins et farfadet). Гражданинъ Дювивье радикально разрѣшилъ здѣсь однажды всѣ вопросы, потребовавъ истребленія всѣхъ людей тридцатилѣтняго и свыше возраста, развращенныхъ старыми нравами, неспособныхъ создать новый порядокъ, и требовалъ отъ нихъ, чтобы они исчезли сами собой, чтобы они какъ философы пожертвовали собой. Серьезной задачей общества, однако, очень скоро стала борьба противъ вліянія Бланки, противодѣйствіе его дѣятельности. Вотъ, наконецъ, среди женскихъ обществъ клубъ-легіонъ Везувіенокъ... гдѣ условія пріема заключаются въ молодости, отъ 15 до 30 лѣтъ maximum, и безбрачіи, и гдѣ режиссеромъ является гражданинъ Бормъ-сынъ, изобрѣтатель нѣсколькихъ военныхъ машинъ, извергающихъ 300 пуль или патронныхъ пакетовъ въ минуту, изобрѣтатель греческаго огня, при помощи коего можно поджечь и потопить вражескій флотъ, изобрѣтатель средства, при помощи коего 2000 гражданокъ могутъ сражаться противъ 50000 враговъ-мужчинъ... Это своего рода ярмарочный праздникъ идей, безконечно шумный, полный какофоніи, праздникъ, на которомъ властвуетъ толпа. Пьеръ Леру объясняетъ свое «круговращеніе». Консиданъ рекомендуетъ фаланстеры. Кабэ обѣщаетъ икарійскій рай. Луи Бланъ предсѣдательствуетъ при неудачѣ организаціи труда. Прудонъ, критикъ революціи, полный отчаянія изъ-за слишкомъ внезапнаго приближенія соціальной революціи, страшный, прозорливый и лишенный вѣры въ успѣхъ, пробѣгаетъ поле утопій и покрываетъ его развалинами. Бланки предвидитъ необходимость и опасность активнаго выступленія».

Въ шумномъ водоворотѣ клубныхъ дебатовъ сталкивались всѣ теоріи времени, всѣ настроенія и вожделѣнія минуты, и какъ въ самой революціи 22—24 февраля, такъ и тутъ роль сознательныхъ руководителей движенія была неизмѣримо мала. Первенствующее мѣсто занимаетъ и тутъ самъ народъ. «Въ каждый моментъ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ революціи проявляется одинъ и тотъ же фактъ, а именно то, что вожди народа, тѣ, которыхъ называютъ вождями, и которые на самомъ дѣлѣ лишь слѣдуютъ за толпой, тѣ, которые пишутъ и говорятъ, чтобы выразить взгляды неизвѣстныхъ, постоянно уклоняются отъ предстоящаго рѣшенія, тратятъ свое время и свои силы на то, чтобы удержать эту толпу, которая хочетъ броситься въ пропасть».

Этотъ стихійный характеръ движенія проявился съ особенной яркостью во время іюньскаго возстанія, когда, по мѣткому замѣчанію одного историка, «анонимная масса» выступила впередъ «безъ вождя и безъ плана, управляемая исключительно тѣмъ свирѣпымъ и слѣпымъ генераломъ, каковымъ являлся инстинктъ».

Та же или почти та же стихійность характеризуетъ движеніе и въ первые дни послѣ революціи, когда клубы только возникли, и старые вожди тайныхъ обществъ еще не успѣли пріобрѣсть такого вліянія, какъ въ дни 17 марта, 16 апрѣля и 15 мая. Но и въ эти дни относительно планомѣрныхъ и организованныхъ выступленій, въ концѣ концовъ, не вожди руководили толпой, а возбужденная клубной атмосферой толпа толкала вождей впередъ и заставляла ихъ дѣйствовать, хотя бы они и сомнѣвались въ своевременности выступленія и въ возможности успѣха, и хотя бы они и предпочли отсрочить моментъ столкновенія или совсѣмъ уклониться отъ него.

Получался своеобразный порочный кругъ. Возникновеніе клубовъ и соотвѣтствовавшей имъ печати точно такъ же отвѣчало несомнѣнной массовой потребности, какъ тонъ рѣчей и статей соотвѣтствовалъ господствовавшему настроенію. Не дать этой потребности и этому настроенію выхода—значило утратить связь съ народомъ и предоставить его самому себѣ, слѣпой игрѣ его смутныхъ инстинктовъ. А пойти потребности навстрѣчу—значило при данныхъ условіяхъ, при возбужденіи народа и его горячемъ желаніи вѣрить въ успѣхъ, произносить тѣ рѣчи, которыя народъ ожидалъ услышать отъ своихъ друзей. Пламенные призывы къ стойкости и рѣшимости, къ готовности продолжать борьбу и къ самопожертвованію, провозглашеніе всеобъемлющихъ формулъ общественной реорганизаціи, обѣщанія ничѣмъ не смущаемаго благоденствія—вотъ что ожидали отъ ораторовъ, и вотъ что они должны были дать подъ страхомъ потерять свою популярность и свое вліяніе. Понятно, что именно таковъ и былъ тонъ обращаемыхъ къ народу рѣчей, и ясно, какъ эти рѣчи должны были подымать народное настроеніе и содѣйствовать упроченію опасныхъ иллюзій о легкости разрѣшенія предстоявшихъ задачъ и о злонамѣренности тѣхъ, кто являлся или казался препятствіемъ на пути къ цѣли. Чѣмъ рѣзче была критика, раздававшаяся въ клубахъ по адресу «враговъ народа», тѣмъ неизбѣжнѣе было стремленіе народа покончить съ ними разъ навсегда. Но съ этой мыслью не соединялось никакое опредѣленное представленіе о томъ, что надо сдѣлать, когда «враги народа» будутъ устранены. Люди соединялись не на почвѣ общаго убѣжденія въ необходимости осуществить хотя бы и самыя радикальныя, но ясно сознанныя, конкретныя мѣры, а на почвѣ общей вражды противъ положенія, предшествующаго проведенію какихъ-то никому невѣдомыхъ, точно не опредѣленныхъ, туманныхъ мѣропріятій. Отсюда внутренняя слабость всего движенія, борьба разныхъ направленій внутри его самого, и въ конечномъ итогѣ трагическая неудача. Лозунги, обезпечивавшіе на первый взглядъ единство массоваго движенія—«организація труда», «прекращеніе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ» и т. д.—указывали въ лучшемъ случаѣ на общую тенденцію народныхъ желаній. Ни одинъ изъ этихъ лозунговъ не содержалъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, конкретной программы дѣйствій, и каждый понималъ ихъ по-своему. Когда толпа ихъ подхватываетъ, дѣлаетъ ихъ своимъ знаменемъ, манифестируетъ или сражается въ ихъ пользу, тогда не слѣдуетъ изъ этого заключать, что она въ точности знаетъ, чего она хочетъ. Лозунгъ «установленіе рая на землѣ» отличался бы точно такой же опредѣленностью или, вѣрнѣе, неопредѣленностью, какъ и тѣ лозунги, которые на самомъ дѣлѣ тогда провозглашались.

Неопредѣленность политической мысли прикрывалась демагогической или невѣжественной яркостью фразеологіи. Да иначе это и быть не могло. Надо было чѣмъ-нибудь скрыть убожество своихъ плановъ, нарисовать блестящія перспективы, не говоря, какъ ихъ достигнуть, громить временное правительство, не указывая, что же оно должно было дѣлать, или какъ оно могло сдѣлать то, чего отъ него требовали. Никто не рѣшался взглянуть трезво на положеніе, поставить себя на мѣсто правительства и отдать себѣ отчетъ въ трудности его задачи; никто не рѣшался сказать народу, какъ преувеличены его ожиданія, какъ неясенъ и длиненъ путь къ ихъ осуществленію.

Откровеннѣе всѣхъ крупныхъ клубныхъ дѣятелей говорилъ Огюстъ Бланки,

имя котораго, тѣмъ не менѣе, скоро стало предметомъ особаго страха среди буржуазныхъ слоевъ и всѣхъ вообще сторонниковъ существующаго общественнаго строя. Вечеромъ 25 февраля знаменитый заговорщикъ говорилъ передъ тысячной толпой старыхъ членовъ тайныхъ обществъ, студентовъ и иной публики, полной самыхъ воинственныхъ намѣреній. «То, что отъ него услышали, — говоритъ его біографъ, — было противоположно тому, что ожидали услышать... Рѣзко, своимъ отчетливымъ голосомъ произнесъ Бланки свое рѣшеніе. Онъ заклинаетъ своихъ товарищей не подвергать республику опасности. Онъ увѣряетъ ихъ, что моментъ былъ бы неудачно выбранъ, что насильственное дѣйствіе повлечетъ за собой дурныя послѣдствія, что движеніе на ратушу надо отсрочить. Подобно Прудону, онъ испуганъ и полонъ недовѣрія. Онъ осмѣливается сказать тысячѣ собравшихся въ Парижѣ людей, что они не отдаютъ себѣ отчета въ общемъ характерѣ положенія. Онъ говоритъ имъ, что Франція настроена не по-республикански, что совершившаяся наканунѣ революція есть счастливая случайность, что если бы политическіе преступники временъ Людовика-Филиппа очутились благодаря новой удачѣ у власти, то провинція рѣшила бы, что вернулись дни террора и конвента, и исполнилась бы страха, что національная гвардія сама была лишь невольнымъ сообщникомъ народа, и что парижскіе лавочники не хуже провинціаловъ могли бы задаться цѣлью передѣлать то, что они сдѣлали. Онъ идетъ такъ далеко, что показываетъ, какъ за тѣми революціонерами, которые его слушаютъ, и за тѣмъ переворотомъ, который они желали бы предпринять въ этотъ же вечеръ, есть другіе энергичные люди, точно также готовые прибѣгнуть къ насилію, которые также могутъ принять рѣшеніе захватить власть такимъ же образомъ. Онъ рисуетъ республику, подвергающуюся такимъ же столкновеніямъ, какъ поле битвы, на которомъ сражаются революціонныя партіи. Требованіе, съ которымъ онъ обращается къ тѣмъ, которыхъ онъ хочетъ убѣдить, заключается въ томъ, чтобы они исполнились терпѣнія, организовали народъ революціоннымъ образомъ въ клубахъ и подготовили день обращенія къ силѣ». На этотъ разъ Бланки удалось убѣдить своихъ слушателей, но въ дальнѣйшемъ онъ неоднократно бывалъ вынужденъ подчиняться господствующему настроенію, какъ это ни противорѣчило его властной натурѣ, привыкшей къ безмолвному повиновенію членовъ тайныхъ обществъ. Его попытки подчинить цѣлое народное движеніе желѣзной дисциплинѣ тайныхъ обществъ не удались и не могли удаться. Онъ съ трудомъ примирился съ этимъ фактомъ. «Однажды—разсказываетъ Ламартинъ о своей встрѣчѣ съ Бланки— самъ Бланки явился ко мнѣ и говорилъ со мной съ полной откровенностью, въ то самое время, когда говорили, будто онъ готовитъ мою смерть. Я шутилъ съ нимъ по этому поводу. Я не вѣрю въ кинжалъ въ рукахъ тѣхъ, кто владѣетъ интеллектуальнымъ оружіемъ. Бланки меня не столько пугалъ, сколько интересовалъ. Онъ являлъ примѣръ тѣхъ слишкомъ насыщенныхъ электричествомъ своего времени натуръ, которыя нуждаются въ томъ, чтобы волненія ихъ безпрестанно облегчали. Онъ страдалъ маніей революцій. Онъ признавался въ этомъ самъ. Долгія физическія и нравственныя страданія наложили на его лицо скорѣе печать горечи, чѣмъ гнѣва. Его бесѣда отличалась тонкостью. Умъ его былъ обширенъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ, чуждымъ этому хаосу, искавшимъ, казалось, свѣта и нащупы-

вавшимъ путь среди движенія. Если бы я встрѣчался съ нимъ чаще, я не отчаялся бы въ томъ, чтобы использовать его въ интересахъ республики».

Несмотря на все это, имя Бланки, стоявшаго во главѣ наиболѣе вліятельнаго изъ всѣхъ клубовъ, «центральнаго республиканскаго общества», называвшагося также просто клубомъ Бланки, скоро стало синонимомъ свирѣпой кровожадности и стремленія къ революціи ради революціи, синонимомъ деспотизма демагоговъ и анархіи толпы. Его имя начало служить выраженіемъ всего, чего боялась буржуазія разныхъ видовъ, несмотря на то, что онъ менѣе другихъ былъ повиненъ въ свирѣпомъ характерѣ фразеологіи клубныхъ ораторовъ и завсегдатаевъ. Отчасти это объясняется его выдающейся ролью почти во всѣхъ республиканскихъ движеніяхъ 30-хъ годовъ, въ результатѣ чего онъ былъ приговоренъ (послѣ майскаго возстанія 1839 г.) къ смертной казни, которая была затѣмъ замѣнена безсрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но главная причина выпавшей на его долю извѣстности заключалась несомнѣнно въ томъ, что онъ былъ головой выше всѣхъ остальныхъ радикальныхъ дѣятелей этой эпохи. «Его вліяніе какъ оратора—разсказываетъ одинъ современникъ—было огромно; его голосъ, звенящій, рѣзкій, свистящій, металлическій и въ то же время сдавленный, какъ звукъ тамтама, приводилъ его слушателей въ лихорадочное состояніе... Его умъ имѣлъ математическій характеръ; онъ работалъ всегда надъ конкретными данными... Краснорѣчіе и характеръ Бланки напоминали не покрытый пепломъ огонь, а скрытый подъ огнемъ ледъ». «Онъ обладалъ чувствомъ своевременности (le sens de l'opportunité), вкусомъ къ стратегіи, непобѣдимымъ, инстинктивнымъ, почти независимымъ отъ его воли стремленіемъ къ дѣйствію», говоритъ его біографъ. «Вдобавокъ онъ обладалъ—и въ этомъ заключается главное основаніе его такъ быстро родившагося, такъ быстро разросшагося вліянія въ 1848 г. — исключительнымъ даромъ провидѣть событія, способностью уловить логику событій, способностью, которая его рѣдко обманывала».

Слабость дѣйствительнаго вліянія такого рѣдкостнаго организатора, какъ Бланки, лучше всего доказываетъ, какъ незначительна была на самомъ дѣлѣ роль тѣхъ людей, которые формально занимали первое мѣсто въ руководствѣ народнымъ движеніемъ и внушали своимъ врагамъ столько страха и столько ненависти. Трагизмъ положенія заключался именно въ томъ, что не единичныя вліянія, а стихійныя массовыя настроенія создавали грозную атмосферу неминуемаго кроваваго конфликта двухъ силъ, народной массы Парижа, съ одной стороны, имущихъ классовъ Парижа и почти всей провинціи, съ другой стороны.

§ 3. Политика временнаго правительства.

Чрезвычайная трудность создавшагося 24 февраля положенія вытекала нестолько изъ разнородности соціальныхъ и политическихъ убѣжденій членовъ временнаго правительства, отражавшей такую же разнородность всего общественнаго движенія, сколько изъ непомѣрнаго преобладанія Парижа надъ всей остальной Франціей. Это преобладаніе нашло себѣ снова выраженіе въ томъ безпрекословномъ, пассивномъ подчиненіи, которое совершившаяся въ Парижѣ революція встрѣтила во всей странѣ

и среди всѣхъ общественныхъ слоевъ. Нигдѣ и никѣмъ не было сдѣлано ни одной попытки выступить въ защиту монархіи вообще и іюльской монархіи, казавшейся столь недавно такой могущественной, въ частности.

Начиная съ 24 февраля, армія, флотъ, мѣстныя административныя власти, судъ, духовенство и даже принцы крови спѣшатъ выразить свою полную готовность служить республикѣ или «подчиниться всеобщей волѣ» [1]). Въ самый день 24 февраля архіепископъ парижскій Аффръ сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи панихиды по жертвамъ возстанія, а 3 марта онъ разослалъ пастырское посланіе, въ которомъ онъ ссылался на Христа, чтобы оправдать свою готовность подчиниться совершившимся событіямъ: «заявивъ, что царство его не отъ міра сего,—говорилось здѣсь;—Іисусъ Христосъ тѣмъ самымъ заявилъ, что онъ не предписываетъ и не возбраняетъ никакой формы государственнаго строя. Церковь—говорилось здѣсь далѣе — унаслѣдовала этотъ духъ, жила подъ владычествомъ римской имперіи, средневѣковыхъ монархій и итальянскихъ республикъ; она и теперь живетъ въ швейцарскомъ союзѣ и подъ властью демократическихъ правительствъ Сѣверной и Южной Америки. Никто не слыхалъ, чтобы духовенство этихъ странъ проявило когда-либо малѣйшую оппозицію противъ этой послѣдней формы власти». Архіепископъ ліонскій высказывалъ совершенно аналогичные взгляды. Онъ поздравлялъ подчиненное ему духовенство съ установленіемъ республики: «вы высказывали часто желаніе пользоваться той свободой, которая осчастливливаетъ нашихъ братьевъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—говорилъ онъ имъ.—Теперь вы будете имѣть эту свободу... Знамя республики всегда будетъ знаменемъ покровительства для церкви». А самый вліятельный клерикальный органъ, «Univers», шелъ еще дальше: «Богъ говоритъ языкомъ событій. Революція 1848 г. представляетъ указаніе Провидѣнія... Никто не будетъ лучшимъ и болѣе искреннимъ республиканцемъ, чѣмъ французскіе католики».

Если церковь руководилась воспоминаніями объ антиклерикальномъ характерѣ іюльской революціи и о враждебномъ къ ней отношеніи буржуазіи, а также неудачей ея попытокъ добиться освобожденія церковной школы отъ надзора «университета», то легитимисты, Беррье, Ларошжакелэнъ, де Фаллу (Falloux) и т. д. примыкали къ республикѣ изъ ненависти къ узурпаціи младшей линіи Бурбоновъ, а также въ виду надежды на то, что вторая республика окажется не болѣе долговѣчной, чѣмъ первая, и ея крушеніе откроетъ возможность возстановить власть старшей линіи въ лицѣ «Генриха V», т.-е. графа Шамбора. Орлеанисты либо удалились отъ политической жизни, либо заявляли, какъ Барро, что они готовы примириться съ республикой, если она окажется совмѣстимой съ свободой и сохраненіемъ даннаго общественнаго строя.

Рѣшающее значеніе имѣли, однако, не тѣ или иныя организаціи или партіи, а народныя массы. Народныя же массы отнеслись къ парижскимъ событіямъ либо сочувственно (въ большихъ городахъ), либо совершенно равнодушно, точно вопросъ о формѣ государственнаго строя ихъ вовсе не касался, и даже поскольку онѣ были

---

[1]) Такъ мотивировалъ свое рѣшеніе отказаться отъ своихъ полномочій герцогъ Омальскій, генералъ-губернаторъ Алжира, и служившій во флотѣ братъ его герцогъ Жуанвильскій. 3 марта они покинули Алжиръ и послѣдовали за своимъ отцомъ.

исполнены традиціоннаго страха передъ республикой, этотъ страхъ не нашелъ себѣ выраженія въ дѣйствіяхъ.

Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, не могли не усилить впечатлѣнія о рѣшающемъ вліяніи Парижа на народную жизнь, не могли не затруднить трудной задачи временнаго правительства, задачи оріентироваться въ положеніи и намѣтить правильный планъ дѣйствій. Наличность двухъ теченій внутри самого правительства еще усложняла положеніе, тѣмъ болѣе, что малочисленность крайней лѣвой въ составѣ правительства уравновѣшивалась ея близостью къ парижской массѣ.

Вся дальнѣйшая политика временнаго правительства вплоть до іюньскихъ дней, но въ особенности до событій 15 мая, кончившихся разгромомъ собственно революціонныхъ организацій и значительнымъ ослабленіемъ вліянія Ледрю-Роллена, опредѣляется, такимъ образомъ, стремленіемъ умѣреннаго большинства правительства парализовать тенденцію радикальнаго меньшинства правительства, клубовъ и руководимой ими парижской массы, тенденцію, заключавшуюся въ томъ, чтобы оказать давленіе на большинство и побудить или принудить его согласиться на формальное провозглашеніе или фактическое осуществленіе возможно болѣе радикальной программы. А такъ какъ вопросъ о томъ, какія конкретныя мѣры предстоитъ немедленно принять, представлялся въ высокой степени спорнымъ и не былъ ясно разрѣшенъ даже крайними радикалами, то весьма естественно, что чаще всего конфликты возникали именно изъ-за теоретическихъ, а не изъ-за опредѣленныхъ практическихъ вопросовъ. Это обстоятельство имѣло, въ свою очередь, несомнѣнное вліяніе на образъ дѣйствій большинства членовъ правительства, такъ какъ оно облегчало имъ рѣшеніе пойти на неизбѣжныя, особенно въ первые дни, уступки, не ставя ихъ въ необходимость вступать сразу на путь непріемлемыхъ для нихъ практическихъ мѣропріятій. Съ другой стороны, совершенно ясно, что уступки или полууступки по принципіальнымъ, теоретическимъ вопросамъ все же имѣли немаловажныя практическія послѣдствія, возбуждая въ однѣхъ частяхъ населенія преувеличенныя надежды, въ другихъ столь же преувеличенные страхи.

Всѣ эти особенности даннаго положенія проявились съ полной силой уже 25-го февраля. Городъ все еще былъ покрытъ баррикадами, населеніе находилось все еще въ крайне приподнятомъ настроеніи, готовое ринуться въ бой, какъ только его чрезвычайно повышенная подозрительность найдетъ себѣ пищу въ какомъ-либо неосторожномъ дѣйствіи правительства или въ ловко пущенной его врагами сплетнѣ. Вѣдь появилась же утромъ этого дня составленная Коссидіеромъ, присвоившимъ себѣ званіе полицейскаго префекта, прокламація, въ которой содержался слѣдующій совѣтъ, обращенный къ парижанамъ: «Народу настойчиво рекомендуется не оставлять своего оружія, своихъ позицій и своего революціоннаго образа дѣйствій. Онъ былъ слишкомъ часто обманутъ измѣной: важно устранить возможность столь ужасныхъ и столь преступныхъ покушеній». Съ содержаніемъ этой прокламаціи вполнѣ гармонировалъ не менѣе серьезный характеръ дѣйствій того же Коссидіера; онъ немедленно окружилъ себя своего рода гвардіей, въ которой на ряду съ нѣкоторыми національными гвардейцами XI легіона нашли себѣ мѣсто многіе изъ членовъ прежнихъ тайныхъ обществъ, осужденныхъ и не осужденныхъ въ предшествующее время въ качествѣ политическихъ преступниковъ, а также защитники баррикадъ. Раздѣленная на четыре роты, эта «на-

родная гвардія» (Garde du peuple) скоро получила характерное наименованіе монтаньяровъ и была способна внушить опасенія не только буржуазіи, но и временному правительству, еще не утвердившему къ этому времени Коссидіера въ его новомъ званіи, не желавшему его утвердить, но вынужденному, въ концѣ концовъ, подчиниться факту [1]). Свѣдѣнія, приходившія въ этотъ и въ слѣдующіе дни изъ провинціи, были не болѣе успокоительнаго характера: разрушено нѣсколько королевскихъ дворцовъ; около самаго Парижа въ нѣсколькихъ мѣстахъ разнесено полотно желѣзныхъ дорогъ, разграблены станціи, и разрушены мосты.

Вотъ условія, при которыхъ временное правительство приступаетъ къ своей дѣятельности. Ясно, что необходимо возстановить ту внѣшнюю силу, на которую опирается государство въ дѣлѣ охраненія внутренняго мира: составляется прокламація къ арміи [2]); издается важный декретъ о созданіи въ Парижѣ «подвижной національной гвардіи» (garde nationale mobile) изъ добровольцевъ; организація ея—она должна содержать 24 батальона — поручается одному изъ наиболѣе дѣятельныхъ генераловъ африканской арміи, Дювивіэ [3]); разсылаются приказы о воспрепятствованіи начав-

---

[1]) Съ внѣшней стороны вопросъ былъ разрѣшенъ послѣ визита Гарнье-Пажеса въ полицейской префектурѣ, состоявшагося ночью съ 26-го на 27-е февраля, и бесѣды его съ Коссидіеромъ. Гарнье-Пажесъ обѣщалъ Коссидіеру другое высокое назначеніе и старался убѣдить его въ необходимости отказаться отъ полицейской префектуры, для которой у него, Коссидіера, нѣтъ надлежащей подготовки. Коссидіеръ не поддался этимъ увѣщаніямъ, но согласился признать авторитетъ мэра Парижа съ тѣмъ, чтобы послѣдній делегировалъ ему свои полномочія по отношенію къ этой префектурѣ. Гарнье-Пажесъ былъ вынужденъ согласиться, но съ оговоркой, что означенныя полномочія делегируются Коссидіеру лишь временно.

[2]) Вотъ ея текстъ:

«Генералы, офицеры и солдаты.

Власть и парижскій народъ, первая своими покушеніями на свободу, второй своей побѣдой, привели къ паденію правительства, которому вы принесли присягу. Роковое столкновеніе обагрило столицу кровью. Кровь, проливаемая во время гражданскихъ войнъ, болѣе всего претитъ Франціи. Народъ забываетъ все, пожимая руки своихъ братьевъ, несущихъ шпагу Франціи. Образовано временное правительство; его созданіе проистекло изъ настоятельной необходимости охранить столицу (отъ разгрома), возстановить порядокъ и подготовить для Франціи (новыя) учрежденія.

Вы привѣтствуете, мы въ этомъ не сомнѣваемся, это знамя отечества, возвращенное въ руки той самой власти, которая впервые его водрузила. Вы почувствуете, что новыя и сильныя популярныя учрежденія, которыя будутъ созданы Національнымъ Собраніемъ, открываютъ арміи карьеру преданности и услугъ, которыя свободная нація лучше оцѣнитъ и вознаградитъ, чѣмъ короли.

Необходимо возстановить порванное на мигъ единство арміи и народа.

Поклянитесь любить народъ, среди котораго находятся ваши отцы и братья! Поклянитесь быть вѣрными его новымъ учрежденіямъ, и все будетъ забыто, за исключеніемъ вашего мужества и вашей дисциплины. Свобода не потребуетъ отъ васъ больше иныхъ услугъ, кромѣ такихъ, которымъ вамъ можно будетъ радоваться передъ ея лицомъ, и которыми вамъ можно будетъ гордиться передъ врагами».

[3]) Запись добровольцевъ была открыта въ тотъ же день въ 12 ч., и такъ какъ «мобилямъ» было назначено вознагражденіе въ $1^1/_2$ франка въ сутки, то количество охотниковъ было весьма велико.

шемуся дезертированію солдатъ [1]), объ обязанности префектовъ обезпечить правительству «содѣйствіе» населенія [2]), объ обезпеченіи правильной постановки продовольственнаго дѣла и т. д.

Значеніе и характеръ всѣхъ этихъ мѣропріятій, противъ которыхъ въ составѣ правительства никто, повидимому, не возражалъ, выясняется лучше всего изъ отношенія къ нимъ Прудона. «Надо было обезоружить власть, распустить половину арміи, упразднить конскрипцію (принудительный наборъ), организовать ополченіе, удалить войска отъ столицы, объявить, что исполнительная власть никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ распустить и обезоружить національную гвардію», говоритъ онъ въ своей исповѣди революціонера. «Вмѣсто этого занялись образованіемъ тѣхъ 24 баталіоновъ мобилей, доказательства полезности и патріотизма которыхъ намъ были даны позднѣе, въ іюнѣ. Такъ какъ не довѣряли національной гвардіи, то были далеки отъ мысли объявить ее неприкосновенной... Надо было обезпечить свободу собраній, упразднивъ, во-первыхъ, законъ 1790 г., а также всѣ тѣ законы, которые могли подать поводъ къ разнымъ толкованіямъ, и, организовавъ, во-вторыхъ, клубъ около представителей народа, дать собраніямъ проникнуть въ парламентскую жизнь. Организація народныхъ обществъ была якоремъ спасенія демократіи, краеугольнымъ камнемъ республиканскаго порядка. Вмѣсто того, чтобы организовать ихъ, временное правительство сочло возможнымъ предоставить клубамъ лишь терпимость и шпіонскій надзоръ, выжидая моментъ, когда общественный индифферентизмъ и реакція приведутъ къ ихъ гибели».

Взгляды Прудона, вытекавшіе послѣдовательно изъ его теоріи объ отрицательной роли государственной власти, не встрѣтили, какъ видно, сочувствія среди временнаго правительства. Зато они вполнѣ соотвѣтствовали существу средняго революціоннаго настроенія минуты, хотя и противорѣчили непомѣрнымъ требованіямъ, обращаемымъ къ тому же правительству со стороны тѣхъ самыхъ, которые въ одно и

---

[1]) Вотъ текстъ относившейся къ этимъ приказамъ прокламаціи:

«Временное правительство французской республики,

освѣдомленное о томъ, что нѣкоторые военные дезертировали и оставили свое оружіе, отдаетъ самые строгіе приказы по департаментамъ, дабы военные, покидающіе такимъ образомъ свои команды, были арестованы и наказаны по всей строгости законовъ.

Страна никогда не нуждалась въ бо́льшей степени въ своей арміи, дабы обезпечить свою внѣшнюю независимость и внутреннюю свободу. Раньше, чѣмъ обратиться къ законамъ, временное правительство обращается къ патріотизму арміи».

[2]) Приказъ былъ посланъ Ледрю-Ролленомъ (въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ) по телеграфу во всѣ департаменты. Его содержаніе и тонъ заслуживаютъ быть отмѣченными.

Парижъ, 25 февраля 1848 г. (11 ч. утра).

«Господинъ префектъ,

Республиканское правительство конституировалось. Нація будетъ призвана его санкціонировать. Вы имѣете принять немедленно всѣ мѣры, необходимыя, чтобы обезпечить новому правительству содѣйствіе населенія и общественное спокойствіе. Дайте мнѣ въ самый короткій срокъ свѣдѣнія о состояніи общественнаго мнѣнія и увѣдомите меня въ то же время о принятыхъ вами рѣшеніяхъ».

то же время стремились лишить его всякой реальной силы и требовали отъ него максимальнаго напряженія чисто революціонной энергіи.

Въ то самое время, когда правительство торопилось принять мѣры, способныя обезпечить государство отъ грозившей ему анархіи, все пространство передъ ратушей, а также сама ратуша были заняты огромной толпой, находившейся въ постоянномъ возбужденіи и движеніи: одна волна народа оттѣсняла другую, а за нею уже тѣснились новые пришельцы. Попытка стоявшихъ внѣ ратуши, сдѣланная около полудня, проникнуть въ зданіе ратуши не имѣла успѣха, до такой степени самое зданіе было переполнено, но одному рабочему, нѣкоему Маршъ (Marche), удалось проникнуть не только въ зданіе, но и въ комнату, гдѣ засѣдало правительство, и вручить членамъ послѣдняго петицію. «Граждане», заявилъ онъ рѣзкимъ и повелительнымъ тономъ, «объявляйте организацію труда, право на трудъ — въ теченіе одного часа. Такова воля народа,—Онъ ждетъ»! Въ то же время онъ указалъ рукой на площадь, гдѣ раздавались все болѣе громкіе крики. Врученная имъ петиція имѣла слѣдующее содержаніе:

«Господамъ членамъ временнаго правительства,

нижеподписавшійся Ог. Б. де Ланси, редакторъ «Démocratie pacifique», по порученію депутаціи рабочихъ:

Они требуютъ:

1) организаціи труда, гарантированія права на трудъ;

2) обезпеченія рабочему и его семьѣ минимума на случай болѣзни; спасенія трудящагося отъ нищеты, если онъ не способенъ работать, и съ этой цѣлью средствъ, которыя будутъ установлены суверенным народомъ.

Сего 25-го февраля, во второй день республики.

Подп. Ог. Б. де Ланси, Моро, Бланше, Маршъ младшій» [1]).

Содержаніе петиціи и пояснительныя слова Марша доказывали, что тѣ, представителемъ коихъ онъ являлся, имѣли самыя странныя представленія о всемогуществѣ правительства. Отъ него требовали, чтобы оно замѣнило немедленно одну организацію хозяйственной жизни, слагавшуюся въ теченіе тысячелѣтій, другой, противоположной, о реальномъ содержаніи которой никто ничего не могъ сказать. Луи Бланъ, правда, сдѣлалъ немедленно попытку предложить свою схему будущей организаціи, но онъ встрѣтилъ всеобщее недовѣріе и несогласіе. Судя по одному замѣчанію Гарнье-Пажеса, никто въ данный моментъ не возражалъ противъ обязанности государства «обезпечить всѣмъ гражданамъ ихъ существованіе при помощи труда», но большинство не желало идти дальше и сдѣлать какую-либо организацію труда обязательной: «принуждать рабочихъ ассоціироваться, это тиранія, это рабство», такъ говорили, по его словамъ, Ламартинъ, Мари, Араго и онъ самъ. «Мы можемъ признать за ними общее всѣмъ гражданамъ право свободно ассоціироваться; мы не должны, мы не хотимъ, предписывать ассоціаціи» [2]).

---

[1]) Переводъ сдѣланъ возможно ближе къ подлиннику.

[2]) Ср. Garnier-Pagès, «Hist.», т. VI, стр. 56—57.

Послѣ бурныхъ преній было рѣшено обнародовать новую прокламацію, составленную Луи Бланомъ:

«Французская республика.

Парижъ, 25-го февраля 1848 года.

Временное правительство французской республики обязуется (s'engage) гарантировать существованіе рабочаго трудомъ;

Оно обязуется гарантировать всѣмъ гражданамъ трудъ;

Оно признаетъ, что рабочіе должны ассоціироваться между собой, дабы пользоваться законнымъ продуктомъ (le bénéfice légitime) своего труда.

Временное правительство возвращаетъ рабочимъ, коимъ онъ принадлежитъ, милліонъ, который очистится отъ цивильнаго листа (короля)» [1]).

Послѣ опубликованія этого принципіально чрезвычайно важнаго, практически совершенно безсодержательнаго акта, волненіе на мгновеніе улеглось, чтобы проявиться почти немедленно снова подъ вліяніемъ всякаго рода нелѣпыхъ слуховъ, ежеминутно возникавшихъ въ взволнованномъ до основанія городѣ [2]).

Около трехъ часовъ волненіе и шумъ достигли особеннаго напряженія. На площадь передъ ратушей хлынула новая толпа съ красными знаменами, вытѣснила своихъ предшественниковъ, заняла площадь и проникла въ самую ратушу, требуя, чтобы временное правительство замѣнило трехцвѣтное знамя краснымъ. Трехцвѣтное знамя возникло въ 1789 году послѣ взятія Бастиліи, изъ соединенія бѣлаго цвѣта королевскаго дома Бурбоновъ съ синимъ и краснымъ цвѣтомъ города Парижа: первоначально оно знаменовало примиреніе королевской власти въ лицѣ Людовика XVI съ событіемъ 14-го іюля, тогда какъ бѣлое знамя служило символомъ непримиримыхъ реакціонеровъ. Впослѣдствіи, однако, трехцвѣтное знамя было сохранено республикой, а далѣе и Наполеономъ и стало истиннымъ національнымъ знаменемъ Франціи. Его популярность возросла, когда Людовикъ XVIII по своемъ возвращеніи во Францію немедленно возстановилъ бѣлое знамя: трехцвѣтное знамя сдѣлалось тогда знаменемъ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, т.-е. либераловъ, республиканцевъ и бонапартистовъ, и восторжествовало въ іюльскіе дни. Разслоеніе оппозиціи началось лишь послѣ іюльской революціи, и когда отношенія между буржуазной монархіей и республиканцами стали рѣзко враждебными, тогда послѣдніе начали пользоваться краснымъ знаменемъ противъ принятаго Людовикомъ-Филиппомъ трехцвѣтнаго. Красное знамя развѣвалось въ февральскіе дни на многихъ баррикадахъ, а съ утра 25-го февраля на платьѣ многихъ обывателей появились красныя розетки.

Крики: «красное знамя», «красное знамя», сопровождаемые залпами ружейнаго огня, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что дѣло идетъ о новомъ требованіи, предъ-

---

[1]) Послѣдній пунктъ былъ вставленъ въ прокламацію по настоянію Араго.

[2]) Правительство сочло нужнымъ повліять и въ данномъ случаѣ на толпу прокламаціей, составленной Гарнье-Пажесомъ и Луи Бланомъ совмѣстно:

Французская республика.

«Временное правительство республики приглашаетъ парижскихъ гражданъ не довѣряться всѣмъ слухамъ, которые пускаются въ обращеніе злонамѣренными людьми (des gens malintentionnés).

являемомъ временному правительству. Самъ по себѣ вопросъ о томъ или иномъ цвѣтѣ знамени, очевидно, не имѣлъ никакого значенія, но онъ пріобрѣталъ весьма серьезное значеніе въ виду того, что съ краснымъ знаменемъ у многихъ соединялось представленіе о кровавыхъ дняхъ якобинскаго террора и о полусоціалистическихъ возстаніяхъ 30 годовъ. Вотъ почему Ламартинъ, Мари и Гарнье-Пажесъ были противъ новаго знамени, полагая, что оно служитъ символомъ «ультрареволюціонныхъ» кружковъ. Иниціаторы движенія остались неизвѣстными. Но имъ удалось подѣйствовать на «взволнованное населеніе, которое становится невольнымъ соучастникомъ въ демонстраціи, происхожденія и цѣли которой оно не знаетъ. Хотятъ ли они введенія новаго символа болѣе страстной революціи? Значитъ ли то, что они обращаются къ воспоминаніямъ иной эпохи, что они не понимаютъ республики иначе, какъ въ сопровожденіи террора и при содѣйствіи проскрипціи? Надѣются ли они при помощи анархическаго переворота захватить власть и подчинить Францію безымянной диктатурѣ»?

Настроеніе толпы становилось тѣмъ временемъ все болѣе грознымъ. Среди сторонниковъ правительства началась настоящая паника: нѣкоторые опасались, что толпа проникнетъ въ ратушу, и совѣтовали тремъ присутствовавшимъ членамъ правительства покинуть зданіе, дабы не быть выброшенными изъ окна. Тѣмъ не менѣе, несмотря на крайне тревожное положеніе, члены правительства не растерялись и проявили несомнѣнное, выдающееся мужество, рѣшивъ выступить категорически противъ народнаго требованія. Какъ Гарнье-Пажесъ, такъ и Ламартинъ обратились къ толпѣ съ рѣчами. Истиннымъ героемъ дня былъ Ламартинъ, и знаменитая, произнесенная имъ съ возвышенія, рѣчь произвела огромное впечатлѣніе, рѣшила исходъ дня и доставила оратору огромнѣйшую популярность среди того подавляющаго большинства гражданъ, которые опасались возврата къ террору. Подчеркнувъ сдержанность народа въ теченіе трехъ революціонныхъ дней и его единодушіе въ отношеніи провозглашеннаго имъ правительства, онъ заявилъ, что требовать красное знамя—значитъ «замѣнить революцію единодушія и братства революціей мести и казней; значитъ приказывать правительству водрузить въ знакъ согласія знамя смертнаго боя между гражданами одного отечества. Красное знамя! Его можно было иногда поднять, когда лилась кровь, но его надо спустить немедленно по окончаніи боя, въ знакъ примиренія и мира. Я предпочелъ бы черное знамя, которое подымаютъ иногда въ осажденномъ городѣ,... дабы обозначить... нейтральныя зданія, посвященныя дѣламъ человѣчности, которыхъ не должны касаться даже пуля и снаряды враговъ. Неужели вы хотите, чтобы знамя вашей республики было болѣе угрожающимъ и болѣе страшнымъ, чѣмъ знамя подвергаемаго бомбардировкѣ города»? Указавъ на всѣ соображенія, коими руководилось правительство, онъ закончилъ слѣдующими торжественными словами: «Граждане! вы можете совершить насиліе надъ правительствомъ, вы можете приказать ему измѣнить знамя націи и имя Франціи, если ваши намѣренія столь дурны, и вы столь упрямо настаиваете на вашей ошибкѣ, чтобы заставить его (правительство) принять партійную республику и знамя террора. Правительство, я это знаю, рѣшило такъ же твердо, какъ и я, лучше умереть, чѣмъ обезчестить себя, повинуясь вамъ. Что касается меня, то моя рука никогда не подпишетъ этого декрета. До самой моей смерти я буду отвергать кровавое знамя, а вамъ слѣдовало бы отвергать его пуще меня, ибо красное знамя, которое вы намъ

приносите, обошло лишь Марсово поле, влекомое въ крови народа [1]), а трехцвѣтное знамя обошло весь міръ вмѣстѣ съ именемъ, славой и свободой отечества».

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было огромно. Съ этого момента въ настроеніи массы наступилъ переломъ. Наиболѣе крайніе элементы изъ народной массы почувствовали довѣріе къ правительству, и только члены тайныхъ обществъ продолжали готовиться къ новымъ выступленіямъ. А сами по себѣ они не были опасны. Требованіе краснаго знамени только потому имѣло успѣхъ, что оно нашло себѣ почву въ томъ массовомъ недовѣріи, вслѣдствіе котораго улицы Парижа все еще оставались покрытыми баррикадами. Съ вечера 25 февраля баррикады начали исчезать; стихійное движеніе народа закончилось, чтобы возродиться только въ теченіе страшныхъ іюньскихъ дней. Правительство отразило опасность новой революціи, опасность паденія только-что провозглашенной и уже признанной власти и созданія новаго правительства, лишеннаго и той доли авторитета, на которую могло претендовать временное правительство. Опасность наступленія полной анархіи была столь очевидна, что число добровольцевъ (главнымъ образомъ, студентовъ), взявшихся защищать правительство отъ всякаго рода неожиданныхъ нападеній, быстро возросло. Анонимная прокламація, подтверждавшая требованіе краснаго знамени, не имѣла успѣха [2]), и самъ Бланки, только-что вернувшійся въ Парижъ, убѣдилъ собравшихся въ тотъ же вечеръ членовъ тайныхъ обществъ отсрочить нападеніе на правительство, какъ совершенно въ данный моментъ безнадежное [3]). Безпорядки, выразившіеся, между прочимъ, въ томъ, что рабочіе-типографщики разнесли часть машинъ для печатанія, постепенно утихали при содѣйствіи правительства и множества лицъ, добровольно оказавшихъ ему содѣйствіе.

Тѣмъ не менѣе, крайне возбужденное народное настроеніе не могло успокоиться сразу, и день 26 февраля обѣщалъ быть не менѣе бурнымъ, чѣмъ предыдущій. Засѣданіе временнаго правительства не прерывалось съ момента его провозглашенія: по очереди то одинъ, то другой изъ его членовъ удалялся, чтобы поѣсть или отдохнуть; но засѣданіе продолжалось, несмотря на крайнее переутомленіе всѣхъ.

---

[1]) Намекъ на событія, совершившіяся въ Парижѣ 17 іюля 1791 г.

[2]) Съ своей стороны правительство издало слѣдующую прокламацію:

«Французская республика.

Граждане Парижа!

Галльскій пѣтухъ и три цвѣта національнаго знамени служили почитаемой нами эмблемой Франціи, когда мы основали во Франціи республику. Они были приняты славными іюльскими днями (т.-е. были выставлены іюльской революціей противъ бѣлаго знамени Бурбоновъ). Не будемте думать о томъ, граждане, чтобы ихъ уничтожить или замѣнить: тѣмъ самымъ вы отвергли бы прекраснѣйшія страницы нашей исторіи, вашу безсмертную славу, ваше мужество, которое стало извѣстно повсюду на земномъ шарѣ. Сохранимъ же галльскаго пѣтуха и три цвѣта. Временное правительство требуетъ этого отъ вашего патріотизма».

Параллельно съ этимъ былъ опубликованъ слѣдующій декретъ: «Временное правительство республики объявляетъ, что нація принимаетъ три цвѣта, расположеные такъ же, какъ при (первой) республикѣ. На знамени будутъ начертаны слова: французская республика».

[3]) Ср. выше, стр. 146.

Съ утра 26 февраля площадь передъ ратушей снова наполнилась толпами народа съ разнообразными знаменами, на коихъ въ краткой формѣ были изложены разныя требованія смѣнявшихъ другъ друга группъ. Скоро появились и красныя знамена, на этотъ разъ уже не импровизированныя, какъ наканунѣ, не представлявшія безпорядочно сорванныхъ тряпокъ, а настоящія широкія знамена съ блестящими надписями. «Чувствовалось заранѣе обдуманное намѣреніе, желаніе заставить водрузить этотъ новый символъ. Снова можно было увидѣть повтореніе сценъ предыдущаго дня, безпорядочную ружейную стрѣльбу, крики, здравицы, обвиненія въ измѣнѣ, аплодисменты, штурмы главной лѣстницы, столкновеніе массъ съ массами, безпрестанное движеніе кипящей воды».

На этотъ разъ положеніе осложнялось тѣмъ, что сторонники краснаго знамени нашли сочувствіе среди самого правительства въ лицѣ Луи Блана. Указавъ на то, что трехцвѣтное знамя является результатомъ и символомъ компромисса между королевской властью и народомъ,—компромисса, потерявшаго всякое значеніе, а также на то, что единству народа должно соотвѣтствовать единство знамени, что военное знамя Франціи до XV вѣка было краснымъ, онъ подчеркивалъ, что «красное знамя есть знамя баррикадъ, знамя народа. Нельзя отвергать символъ, не возбуждая подозрѣнія, что отвергаешь принципы».

Взглядъ Луи Блана не встрѣтилъ сочувствія ни съ чьей стороны. Не только умѣренные, но и Ледрю-Ролленъ стоялъ за трехцвѣтное знамя—послѣдній потому, что оно было «знаменемъ конвента, знаменемъ 93 и 94 гг., знаменемъ призыва къ оружію, знаменемъ, которое шло впереди гражданъ во время первыхъ битвъ республики противъ враждебныхъ армій, противъ коалиціи королей, знаменемъ, которое видѣло изгнаніе чужестранцевъ съ территоріи отечества».

Пренія затягивались вслѣдствіе упорства Луи Блана, а толпа сохраняла свой угрожающій видъ, и послѣ трехчасового спора, въ концѣ концовъ, единогласно остановились на крайне характерномъ компромиссѣ, о которомъ населеніе было оповѣщено прокламаціей, появившейся на другой день (27 февраля) въ оффиціальномъ «Монитерѣ».

«Французская республика.

Свобода, равенство, братство.

Временное правительство объявляетъ, что національнымъ знаменемъ является трехцвѣтное знамя, цвѣта котораго будутъ снова расположены въ томъ порядкѣ, который былъ принятъ (первой) французской республикой. На этомъ знамени будутъ начертаны слѣдующія слова: Французская республика. Свобода, Равенство, Братство—три слова, которыя выражаютъ наиболѣе глубокій смыслъ демократическихъ доктринъ, символомъ коихъ является это знамя, въ то время какъ его цвѣта являются выраженіемъ республиканскихъ традицій. Какъ условный знакъ (signe de ralliement) и въ знакъ благодарнаго воспоминанія о послѣднемъ актѣ народной революціи, члены временнаго правительства и другія власти будутъ носить красную розетку, которая будетъ также прикрѣплена къ древку знамени».

Свидѣтельствуя лишній разъ о разнородности вошедшихъ въ составъ правительства элементовъ, этотъ компромиссъ доказывалъ въ то же время какъ то, что

правительство вынуждено считаться съ антипатичнымъ ему настроеніемъ парижскихъ революціонныхъ кружковъ, такъ и то, что вліяніе этихъ кружковъ не настолько сильно, чтобы они были способны подчинить себѣ правительство цѣликомъ. Уже въ данномъ случаѣ проявилась крайне характерная тенденція большинства правительства согласиться въ крайнемъ случаѣ на формальную уступку, но не допускать коренныхъ измѣненій въ существующемъ положеніи вещей. Розетка на древкѣ трехцвѣтнаго знамени свидѣтельствовала не о побѣдѣ, а о первомъ серьезномъ пораженіи ультрарадикальныхъ элементовъ.

Тѣмъ не менѣе, событія дня заставляли подумать о мѣрахъ къ возстановленію необходимаго въ интересахъ народнаго хозяйства спокойствія. Снова была составлена прокламація къ народу, въ которой указывалось на то, что баррикады, поскольку онѣ еще не исчезли, затрудняютъ обезпеченіе Парижа продовольствіемъ, и высказывалось желаніе, чтобы Парижъ принялъ свой обычный видъ, и населеніе возвратилось къ своей торговой и промышленной дѣятельности, отстаивая какъ свои права, такъ и общественное спокойствіе и безопасность. Но однѣ прокламаціи и рѣчи не могли помочь дѣлу. Возбужденіе народа имѣло не только моральныя, но и весьма серьезныя экономическія основанія, и для того, чтобы его успокоить, необходимо было приступить къ мѣрамъ, способнымъ обезпечить населеніе отъ угрожавшей ему нужды: революція сразу сократила всѣ дѣла, биржа бездѣйствовала, а, между тѣмъ, начиная съ 12—13 февраля, около 150000 человѣкъ, принадлежавшихъ къ числу наиболѣе крупныхъ потребителей, выѣхали изъ города.

«Что могло, что должно было сдѣлать правительство? Слѣдовало ли предоставить это населеніе внушеніямъ отчаянія, дурнымъ совѣтамъ страстей, возбуждающимъ рѣчамъ честолюбцевъ, увлеченіямъ злонамѣренныхъ, неосуществимымъ теоріямъ, безпорядкамъ публичной площади? Слѣдовало ли въ то время, когда орды разрушителей грабили и жгли внѣ города желѣзныя дороги и королевскій дворецъ, предоставить заразительной жаждѣ разрушенія проникнуть внутрь Парижа? Слѣдовало ли открыть, какъ въ античномъ Римѣ, общественныя зернохранилища, обратиться къ средствамъ казны, раздавать каждому свою порцію хлѣба и свой золотой и давать плату безъ труда? Правительство полагало, что лучше будетъ предоставить трудъ за плату и обезпечить существованіе путемъ труда, какъ оно объявило наканунѣ».

Согласно съ этими, формулированными Гарнье-Пажесомъ, соображеніями было рѣшено прибѣгнуть къ старинному средству, примѣнявшемуся еще при старомъ порядкѣ, затѣмъ во время великой революціи, далѣе вслѣдъ за іюльскими днями, т.-е. къ созданію такъ называемыхъ національныхъ мастерскихъ. Въ тотъ же день былъ изданъ декретъ, согласно которому «временное правительство республики декретируетъ немедленное устройство національныхъ мастерскихъ. Министру общественныхъ работъ поручается осуществленіе настоящаго декрета». На другой день правительство приказало приступить снова ко всѣмъ уже начатымъ работамъ и подготовить новыя и въ то же время обратилось къ патріотизму гражданъ съ призывомъ послѣдовать его примѣру, дабы работа могла всюду возобновиться, и рабочіе не были осуждены на голодовку. Только если бы этотъ послѣдній призывъ имѣлъ успѣхъ, принятое правительствомъ рѣшеніе могло бы, дѣйствительно, возымѣть надлежащее вліяніе на положеніе рабочихъ, ибо только тогда масса рабочихъ могла бы скоро

найти работу въ области той именно спеціальности, которая соотвѣтствовала подготовкѣ и навыкамъ отдѣльнаго лица. Національныя мастерскія, наскоро созданныя подъ вліяніемъ крайней нужды и безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, какъ и безъ необходимыхъ средствъ, очевидно, не могли удовлетворить крайне многообразныя потребности безработныхъ, въ составѣ которыхъ имѣлись и чернорабочіе, и многочисленные рабочіе, и ремесленники съ разной, нерѣдко высокой технической подготовкой, какъ, напр., лица, занятыя производствомъ предметовъ роскоши (ювелирныя издѣлія!) или вообще фабрикатовъ высокаго достоинства. Обезпечить всѣмъ имъ трудъ и заработокъ было невозможно безъ весьма сложной организаціи дѣла, а создать таковую сразу изъ ничего было невозможно, тѣмъ болѣе, что правительство не отдавало себѣ отчета въ сложности этой задачи и разсчитывало на быстрое возстановленіе нормальной хозяйственной жизни страны, чему воспрепятствовали какъ внутреннія, такъ и внѣшнія волненія, потрясшія весь европейскій міръ.

Въ первый моментъ учрежденіе національныхъ мастерскихъ, имѣвшее, какъ видно, чисто-филантропическій, а отнюдь не соціалистическій характеръ, произвело прекрасное впечатлѣніе [1]). Это впечатлѣніе еще было усилено другимъ декретомъ, знаменитымъ декретомъ объ отмѣнѣ смертной казни по политическимъ дѣламъ, изданнымъ также 26 февраля. Мысль о немъ возникла еще наканунѣ, быть-можетъ, въ связи съ стремленіемъ правительства успокоить широкіе слои населенія насчетъ установленія республики: вѣдь первая республика «оставила лишь традицію конфискацій, диктатуры, банкротства и крови», а «число убѣжденныхъ республиканцевъ было ничтожно», и «временное правительство получило въ наслѣдство всѣ враждебныя предубѣжденія противъ республики». Ламартинъ первый предложилъ издать указанный декретъ, но Луи Бланъ настаивалъ на необходимости обдумать вопросъ, и только на другой день, 24 февраля, онъ самъ внесъ предложеніе о немъ, встрѣченное единогласнымъ сочувствіемъ [2]). Вотъ очень характерный для эпохи текстъ декрета.

«Французская республика.

Свобода, равенство, братство.

Временное правительство, убѣжденное, что величіе души (la grandeur d'âme) есть высшая политика (soit la suprême politique), и что каждая совершенная французскимъ народомъ революція должна обезпечить міру освященіе лишней философской истины;

принимая во вниманіе, что нѣтъ болѣе возвышеннаго принципа, чѣмъ неприкосновенность жизни человѣка;

---

[1]) Одновременно съ этимъ было принято еще нѣсколько аналогичныхъ мѣръ: тюльерійскій дворецъ былъ обращенъ въ богадѣльню для гражданскихъ инвалидовъ, дѣти убитыхъ на баррикадахъ были усыновлены государствомъ.

[2]) Предложеніе о полной отмѣнѣ смертной казни, т.-е. о распространеніи дѣйствія декрета не только на политическія, но и на уголовныя преступленія, наткнулось на несогласіе двухъ вошедшихъ въ правительство адвокатовъ, Мари и Бетмона, настаивавшихъ на необходимости не принимать столь важнаго рѣшенія въ порывѣ энтузіазма. Тѣмъ не менѣе, провинціальнымъ властямъ было предписано не приводить смертныхъ приговоровъ въ исполненіе, пока не соберется Національное Собраніе, которому предстояло разрѣшить и этотъ вопросъ.

принимая во вниманіе, что временное правительство съ гордостью констатировало въ теченіе достопамятныхъ переживаемыхъ нами дней, что изъ устъ народа не раздался ни одинъ крикъ мести или смерти;

объявляетъ:

что въ его представленіи смертная казнь по политическимъ дѣламъ отмѣнена, и что оно внесетъ это желаніе на окончательное утвержденіе Національнаго Собранія.

Временное правительство исполнено столь твердой увѣренности въ той истинѣ, которую оно провозглашаетъ отъ имени французскаго народа, что если бы люди, виновные въ томъ, что они вызвали во Франціи кровопролитіе, были въ рукахъ народа, то, по его мнѣнію, деградировать ихъ значило бы примѣнить болѣе примѣрное наказаніе, чѣмъ если ихъ казнить» [1]).

Учрежденіе національныхъ мастерскихъ и декретъ о смертной казни были сочтены настолько важными актами, что временное правительство лично оповѣстило о нихъ тѣснившуюся постоянно около ратуши толпу, привѣтствовавшую рѣчь Ламартина громкими кликами одобренія. Казалось, что наиболѣе трудные вопросы были разрѣшены, и правительство пригласило народъ явиться на другой день, въ воскресенье, 27-го февраля, на площадь іюльской колонны для празднованія «великаго дня возстановленной свободы». Прокламація, приглашавшая народъ на это торжество, первое въ длинномъ ряду празднествъ, устроенныхъ временнымъ правительствомъ, свидѣтельствовала о формальномъ видоизмѣненіи въ составѣ правительства: по настоянію Луи Блана, къ которому на этотъ разъ присоединился и Флоконъ, Луи Бланъ, Марра, Флоконъ и Альберъ были названы не секретарями, а членами правительства,—измѣненіе, фактически не имѣвшее никакого значенія, такъ какъ они голосовали и раньше наравнѣ съ членами правительства, но симптоматически все же любопытное, какъ показатель усилившагося вліянія радикальнаго меньшинства правительства. Званіе генеральнаго секретаря временнаго правительства тогда же было возложено на Паньерра, присутствовавшаго уже при всѣхъ предшествующихъ преніяхъ.

Но Луи Бланъ не былъ доволенъ достигнутымъ. Онъ желалъ бо́льшаго и прежде всего болѣе рѣшительныхъ шаговъ въ области реформы соціальныхъ отношеній. Не разсчитывая на успѣхъ своихъ собственныхъ доводовъ, онъ уже 27-го февраля обратился къ средству, которое уже было испробовано дважды и, по крайней мѣрѣ, разъ—при провозглашеніи права на трудъ — съ несомнѣннымъ успѣхомъ, т.-е. къ организаціи массоваго воздѣйствія на большинство правительства. Въ результатѣ 28 февраля къ ратушѣ явилась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ рабочихъ со знаменами, на которыхъ красовались надписи: министерство труда! организація труда! Самъ Луи Бланъ въ это время требовалъ въ засѣданіи правительства учрежденія

---

[1]) Въ связи съ этимъ декретомъ стоитъ отмѣтить, что временное правительство отмѣнило также присягу гражданъ на вѣрность существующему въ данное время строю. Ср. объ этомъ Garnier Pagès, «Hist. de la révol. de 1848», т.VI, стр. 118 сл.: здѣсь же текстъ соотвѣтственнаго декрета.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ отданъ приказъ объ освобожденіи всѣхъ осужденныхъ по политическимъ дѣламъ.

особаго министерства прогресса [1]). Весьма естественно, что онъ поддержалъ «народное требованіе». «Революція имѣла соціальный смыслъ», говорилъ онъ, по его собственнымъ словамъ. «Зачѣмъ медлить съ ея опредѣленіемъ? Революція показала, кто истинный суверенъ, а между тѣмъ этотъ суверенъ, пролетаріатъ, оставался рабомъ. Почему не признать тотчасъ же существованіе этого мучительнаго противорѣчія? Создать министерство, которое занялось бы будущимъ строемъ (qui fût celui de l'avenir), замѣнить братской организаціей труда отвратительную анархію, которая прикрываетъ своимъ разнообразнымъ безпорядкомъ угнетенное положеніе массы и лицемѣрно украшаетъ ихъ рабство внѣшнимъ видомъ свободы—вотъ, что нужно было сдѣлать».

Требованія Луи Блана встрѣтили чрезвычайно рѣшительное сопротивленіе. «Что такое эта организація труда»?—спрашивалъ Ламартинъ, указывая на неясность самаго понятія. «Какую пользу можетъ принести это министерство, учрежденія котораго требуютъ? Развѣ не стремятся къ прогрессу всѣ вообще вѣдомства? Министерство прогресса столь же непонятно, какъ министерство рутины. Развѣ вопросы касающіеся труда, не относятся по существу дѣла къ компетенціи министерства общественныхъ работъ? Къ чему прибавлять къ столь сложному и безъ того механизму нашей администраціи новое звено»? Замѣчанія Ламартина были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ, и Луи Бланъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ послѣднему, находившемуся въ его распоряженіи средству: онъ заявилъ, что подаетъ въ отставку.

Заявленіе его, естественно, вызвало большое смущеніе: если бы оно осуществилось это легко могло послужить сигналомъ для новыхъ, быть-можетъ, еще болѣе опасныхъ волненій, чѣмъ тѣ, которыя уже пришлось пережить. Не сила вліянія Луи Блангрозила такими послѣдствіями, а фактъ раскола среди правительства самъ по себѣ. Въ выходѣ его изъ правительства, вдобавокъ, несомнѣнно усмотрѣли бы доказательство нежеланія правительства позаботиться серьезно о судьбѣ рабочихъ. Большинство правительства пошло на уступки. Луи Блану было предложено образовать состоящую подъ его предсѣдательствомъ комиссію для изученія рабочаго вопроса, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ согласился и составилъ слѣдующій декретъ:

«Принимая во вниманіе, что революція, совершенная народомъ, должна быть совершена въ его пользу;

что пора положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ трудящихся (travailleurs);

что рабочій вопросъ есть вопросъ первостепенной важности;

что нѣтъ вопроса, болѣе высокаго, болѣе достойнаго заботъ республиканскаго правительства;

что Франціи въ особенности надлежитъ тщательно изучить и разрѣшить проблему, поставленную нынѣ среди всѣхъ промышленныхъ народовъ Европы;

---

[1]) Еще до этого онъ сдѣлалъ попытку обезпечить себѣ поддержку Марра и Флокона, указавъ имъ на желательность образованія министерства изящныхъ искусствъ (для Марра) и министерства благотворительности (для Флокона) съ тѣмъ, чтобы онъ самъ завѣдывалъ министерствомъ прогресса. Его попытка не увѣнчалась, однако, успѣхомъ, и онъ рѣшилъ дѣйствовать безъ нихъ.

что нужно позаботиться безотлагательно о томъ, чтобы гарантировать народу законные плоды его труда,

Временное правительство республики постановляетъ:

Будетъ образована постоянная комиссія подъ названіемъ правительственной комиссіи по дѣламъ рабочихъ, съ опредѣленной и спеціальной задачей заняться ихъ судьбой.

Дабы показать, какое значеніе временное правительство республики придаетъ разрѣшенію этой великой проблемы, оно назначаетъ президентомъ правительственной комиссіи по дѣламъ рабочихъ одного изъ своихъ членовъ, г. Луи Блана, а вице-президентомъ другого своего сочлена, г. Альбера, рабочаго.

Рабочіе (des ouvriers) будутъ призваны войти въ составъ комиссіи.

Мѣстомъ засѣданій комиссіи будетъ служить Люксембургскій дворецъ».

По составленіи и подписаніи декрета Луи Бланъ самъ оповѣстилъ о немъ участниковъ демонстраціи, которые послѣ этого мирно разошлись. Такимъ образомъ, состоялся второй компромиссъ, по существу своему совершенно аналогичный тому, который уже былъ заключенъ по вопросу о красномъ знамени. Луи Бланъ не могъ не понимать, что то, чего онъ достигъ, совершенно не соотвѣтствовало его намѣреніямъ. «Такимъ образомъ,—писалъ онъ позднѣе,—вмѣсто министерства, имѣющаго подъ рукой канцелярію, своихъ агентовъ, бюджетъ, административный механизмъ, дѣйствительную власть, средства для дѣйствія, мнѣ предлагали... что? — открытіе бурной школы, гдѣ я долженъ былъ читать курсъ о голодѣ передъ голоднымъ народомъ!... Если я уступлю, то у меня окажется на рукахъ страждущая масса, охваченная нетерпѣливыми желаніями, властная, суверенная, не сдерживаемая никакой властью, кромѣ власти слова; я возьму, значитъ, на себя въ самой тягостной формѣ отвѣтственность за положеніе, господствовать надъ которымъ мнѣ не давали средствъ». Неудовлетворительность достигнутаго результата была такъ ясна, что когда депутація участниковъ демонстраціи явилась въ засѣданіе еще до составленія декрета, но послѣ того, какъ соглашеніе среди членовъ правительства было достигнуто, и когда Ламартинъ обратился къ нимъ съ соотвѣтственной рѣчью, то, по словамъ самого Луи Блана, «на лицахъ народныхъ делегатовъ отражалось недоумѣніе. Они вопросительно смотрѣли на меня и, какъ бы прочитавъ то, что происходило въ глубинѣ моей души, молча удалились» [1]).

Если Луи Бланъ, въ концѣ концовъ, все-таки согласился, то имъ руководила, повидимому, столько же надежда на то, что ему удастся пріобрѣсть фактически господствующее вліяніе, разъ онъ встанетъ во главѣ рабочаго міра всего Парижа, а черезъ его посредство и всей Франціи, сколько и страхъ передъ возможностью новаго возстанія, исхода котораго никто не могъ предугадать. Во всякомъ случаѣ, онъ отнюдь не отказывался отъ желанія оказывать и дальше воздѣйствіе на политику правительства, внутри котораго онъ уже дважды потерпѣлъ пораженіе.

Въ этомъ послѣднемъ фактѣ заключалась несомнѣнная опасность для большинства членовъ правительства. Подозрѣніе, что Луи Бланъ пожелаетъ «оказывать

---

[1]) Ср. Луи Бланъ, «Исторія революціи 1848 года». Мы пользовались какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ указаннымъ выше (ч. I, стр. 126) русскимъ переводомъ.

на рабочихъ прямое, ничѣмъ не ограниченное вліяніе и окружить свое имя престижемъ той популярности, которая въ качествѣ единственной реальной силы въ революціонныя эпохи предоставила Дантону и Робеспьеру верховную власть и которая и теперь могла предоставить ее» Луи Блану, напрашивалось само собой. Весьма понятно, что правительство слѣдило не безъ опасеній за дѣятельностью своего сочлена и стремилось направить ее по такому пути, который устранилъ бы хотя ближайшія опасности. Это было возможно только въ томъ случаѣ, если придать Люксембургской комиссіи характеръ чисто-подготовительный и тщательно устранить всякую возможность прямого воздѣйствія ея на судьбы рабочаго люда. На эту точку зрѣнія и встало правительство. «Большинство членовъ временнаго правительства видѣло въ этой комиссіи по дѣламъ трудящихся средство для серьезной анкеты о положеніи промышленности, о разнообразныхъ формахъ производства, объ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ, о соотношеніи между заработной платой и нуждами рабочихъ,—анкеты, на необходимости которой давно настаивали экономисты. Эта комиссія обезпечивала имъ вдобавокъ возможность сосредоточить и упорядочить осаждавшія ратушу требованія о прекращеніи начавшихся забастовокъ, о примиреніи (враждебныхъ) интересовъ, умолявшихъ о посредничествѣ правительства. Что же касается страха относительно распространенія опасныхъ теорій, то имѣлъ ли онъ основаніе? Публичная анкета среди бѣла дня должна была дать мѣсто идеямъ и утопіямъ каждаго, а, слѣдовательно, она либо должна была дать практически цѣлесообразныя рѣшенія, либо показать пустоту проповѣдуемыхъ доктринъ и, вслѣдствіе невозможности ихъ примѣненія, привести къ ихъ крушенію» (Гарнье-Пажесъ) [1]).

Самая неопредѣленность функцій вновь созданной комиссіи имѣла, однако, и неблагопріятную сторону. Укрѣпляя рабочихъ, и безъ того исполненныхъ преувеличенныхъ надеждъ и ожиданій, въ ихъ повышенномъ настроеніи, созданіе комиссіи пугало въ то же время предпринимателей. Рабочіе самыхъ разнообразныхъ профессій устраивали собранія, обсуждали свои профессіональныя нужды, принимали резолюціи, избирали делегатовъ, докладывали правительству о своихъ нуждахъ и требовали его вмѣшательства [2]), а въ то же время къ нему же обращались и предприниматели, вынужденные пойти на уступки и опасавшіеся, что требованіямъ рабо-

---

[1]) Весьма откровенно формулировалъ тогда же эти соображенія членъ правительства и министръ общественныхъ работъ Мари въ бесѣдѣ съ Эмилемъ Тома, приглашеннымъ завѣдывать національными мастерскими. «Г. Мари сказалъ мнѣ,—такъ разсказывалъ позднѣе Тома, — что правительство питало опредѣленное желаніе, чтобы люксембургскій опытъ состоялся, такъ какъ онъ дастъ прекрасный результатъ, а именно докажетъ пустоту неприменимыхъ теорій Луи Блана; что, такимъ образомъ, рабочій людъ не замедлитъ разочароваться; что его идолопоклонство по отношенію къ Луи Блану исчезнетъ само собою, что онъ потеряетъ навсегда свое вліяніе и свой престижъ и перестанетъ быть опаснымъ».

[2]) О стихійномъ характерѣ этого настроенія позволяютъ судить такія характерныя явленія, какъ разгромъ типографскихъ машинъ, съ одной стороны, и озлобленіе противъ конкуренціи рабочихъ не-французскаго происхожденія, съ другой. Правительство было вынуждено серьезно считаться съ каждымъ изъ этихъ фактовъ. Ср. прокламацію о не-французскихъ рабочихъ у Луи Блана, ук. соч.

чихъ не будетъ предѣла, и что имъ придется совсѣмъ отказаться отъ своихъ предпріятій, а поэтому готовые воспользоваться услугами правительственной комиссіи.

Вотъ условія, при которыхъ комиссія начала 1 марта свои занятія. Весьма понятно, что при первыхъ же шагахъ она столкнулась съ возбужденнымъ состояніемъ рабочихъ и почувствовала необходимость ввести ихъ ожиданія и требованія въ извѣстныя рамки: какъ только Луи Бланъ открылъ первое засѣданіе и указалъ на то, что основная задача комиссіи заключается въ подготовленіи матеріаловъ для законодательной дѣятельности Національнаго Собранія, а также въ принятіи заявленій отъ рабочихъ, немедленно было предъявлено два требованія, причемъ тутъ же было указано, что эти требованія нуждаются въ немедленномъ же отвѣтѣ. Одно изъ нихъ заключалось въ сокращеніи рабочаго дня, другое—въ уничтоженіи системы подрядовъ по доставленію рабочихъ рукъ (такъ наз. marchandage),—системы, очевидно, приводившей къ двойной эксплуатаціи рабочихъ не только въ пользу предпринимателя, но и въ пользу посредника между нимъ и рабочими. Самая умѣренность этихъ требованій увеличивала ихъ вѣсъ въ глазахъ предъявившихъ ихъ рабочихъ; но Луи Бланъ не могъ не сознавать, что они предъявлены не признанными представителями всего рабочаго люда Парижа, а случайно собравшимися людьми, и поэтому онъ отвѣтилъ прежде всего предложеніемъ превратить правительственную комиссію въ организованное представительство парижскихъ рабочихъ, въ «парламентъ труда». Съ этой цѣлью каждая корпорація рабочихъ должна была избрать трехъ делегатовъ, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ вошелъ въ составъ самой комиссіи, а два другихъ участвовали въ общихъ собраніяхъ, созываемыхъ для обсужденія подготовленныхъ комиссіей докладовъ. Предложеніе было встрѣчено очень сочувственно, но два уже предъявленныхъ требованія были повторены снова, и, когда Луи Бланъ заявилъ, что отвѣтить на нихъ нельзя безъ предварительнаго обсужденія вопроса совмѣстно съ предпринимателями, настроеніе собранія грозило принять чрезвычайно острый характеръ. Тотчасъ зашла рѣчь о забастовкѣ, которая должна была продолжаться впредь до полнаго удовлетворенія предъявленныхъ требованій, и только появленіе крайне популярнаго среди массы парижскаго населенія старика Араго (члена временнаго правительства) подѣйствовало успокоительно, благодаря чему Луи Блану удалось убѣдить собраніе въ необходимости соглашенія съ хозяевами.

Вызванные немедленно разосланными нарочными, представители наиболѣе крупныхъ предпріятій Парижа собрались на другой день въ томъ же Люксембургскомъ дворцѣ и безъ особенныхъ преній признали справедливость требованій рабочихъ. Согласно съ этимъ уже 3 марта въ «Монитерѣ» появился декретъ о запрещеніи подрядовъ рабочихъ рукъ и о сокращеніи рабочаго дня съ 11 часовъ до 10 въ Парижѣ и съ 12 часовъ до 11 въ провинціи. Со времени закона 1842 г. о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ это былъ первый крупный шагъ въ сторону вмѣшательства государственной власти въ отношенія между предпринимателями и рабочими,—шагъ, принципіально значительно болѣе важный, чѣмъ законъ 1842 г., имѣвшій скорѣе филантропическій, чѣмъ соціальный оттѣнокъ.

Несмотря на то, что первыя затрудненія были, такимъ образомъ, устранены, ходъ дѣла свидѣтельствовалъ о степени нетерпѣливости парижскихъ рабочихъ, и

Луи Бланъ счелъ нужнымъ обратиться къ нимъ съ прокламаціей, напечатанной 5 марта въ «Монитерѣ». «Граждане-работники,—говорилось здѣсь,—правительственная комиссія, учрежденная для того, чтобы подготовлять рѣшеніе великихъ проблемъ, касающихся вашего положенія, собирается выполнять свою задачу съ неутомимымъ усердіемъ. Какъ бы законно, однако, ни было ваше нетерпѣніе, она умоляетъ васъ не опережать ея трудовъ вашими требованіями. Всѣ вопросы, касающіеся организаціи труда, по самому существу своему сложны. Они охватываютъ множество интересовъ, противоположныхъ другъ другу если не въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, по видимости. Эти вопросы нужно спокойно обсуждать и зрѣло обдумывать. Слишкомъ большое нетерпѣніе съ вашей стороны, слишкомъ большая поспѣшность съ нашей могутъ лишь все испортить. Національное Собраніе будетъ вскорѣ созвано. Мы представимъ на его обсужденіе законопроекты, которые мы теперь вырабатываемъ, исполненные твердой рѣшимости улучшить ваше положеніе въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи,—законопроекты, относительно которыхъ ваши делегаты призваны высказать свое мнѣніе». Когда «парламентъ труда», наконецъ, собрался для своего перваго засѣданія, имѣвшаго мѣсто 10 марта, Луи Бланъ снова подчеркнулъ въ своей рѣчи чрезвычайную сложность задачи, подготовительный характеръ работъ комиссіи и долго доказывалъ неправильность мысли, будто цѣль, къ которой стремится собраніе, можетъ имѣть эгоистическій классовый характеръ: «принципъ, торжество котораго мы должны подготовить, это принципъ солидарности интересовъ... Невидимая, но дѣйствительная и роковая связь соединяетъ угнетателя съ злополучіемъ угнетеннаго, и, рано или поздно, наступитъ моментъ, когда эта солидарность проявится въ страшномъ искупленіи... Да, защищать дѣло бѣдныхъ значитъ... защищать дѣло богатыхъ, значитъ защищать общіе интересы...».

Столкнувшись съ первыхъ же дней дѣятельности комиссіи съ весьма понятнымъ нетерпѣніемъ рабочихъ и съ ихъ неспособностью разобраться въ сложныхъ вопросахъ хозяйственной жизни, Луи Бланъ, такимъ образомъ, былъ вынужденъ умѣрять ихъ пылъ и знакомить ихъ съ характеромъ подлежавшихъ ихъ экспертизѣ вопросовъ. А такъ какъ Луи Бланъ въ то же время не думалъ отказываться отъ своихъ идей, то люксембургскій «парламентъ труда» превратился волей-неволей въ своего рода школу соціальныхъ наукъ, въ каѳедру для пропаганды основныхъ идей его энергичнаго предсѣдателя. Анкета по вопросу о положеніи рабочихъ отступила фактически на второй планъ; на первый же планъ выдвинулся вопросъ объ организаціи труда, съ которымъ своеобразно переплетались заботы объ устраненіи отдѣльныхъ столкновеній, грозившихъ возникнуть между хозяевами и рабочими.

Послѣдній родъ дѣятельности комиссіи вполнѣ соотвѣтствовалъ взглядамъ остальныхъ членовъ временнаго правительства: комиссія помогла имъ устранить затрудненія, возникавшія изъ забастовокъ мостильщиковъ, служащихъ извознаго промысла, кровельщиковъ, механиковъ, обойщиковъ, выгрузчиковъ, шляпочниковъ, цинковщиковъ, хлѣбопековъ, кузнецовъ, бѣлильщиковъ и т. д.,—затрудненія, которыя при иныхъ условіяхъ, т.-е. при отсутствіи естественнаго центра, куда могли стекаться заявленія какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ, обременили бы дѣятельность правительства, а подчасъ грозили серьезными столкновеніями. Въ этой области комиссія пользовалась, такимъ образомъ, полной поддержкой правительства. Прави-

тельство пошло ей навстрѣчу и по вопросу объ устраненіи конкуренціи, которую рабочіе испытывали со стороны труда арестантовъ, нижнихъ чиновъ арміи и благотворительныхъ учрежденій при церквахъ и монастыряхъ: договоры, заключенные государствомъ съ подрядчиками арестантскаго труда, были расторгнуты, причемъ государство обязалось удовлетворить законныя претензіи соотвѣтственныхъ подрядчиковъ; заказы, данные государствомъ воинскимъ чинамъ или другимъ лицамъ, получавшимъ отъ государства независимо отъ заказа жалованіе, содержаніе и квартиру, были упразднены; благотворительнымъ учрежденіямъ былъ запрещенъ сбытъ продуктовъ ихъ труда.

Другое отношеніе наблюдается въ области тѣхъ предположеній комиссіи, которыя были или казались связанными съ соціалистическими идеями. Попытка Луи Блана организовать, при помощи государства, въ широкихъ размѣрахъ производительныя товарищества рабочихъ не встрѣтили сочувствія, и работа его въ этомъ направленіи совершалась безъ сколько-нибудь серьезнаго содѣйствія правительства [1]). Даже его мысль облегчить имущественное положеніе рабочихъ путемъ постройки нѣсколькихъ обширныхъ домовъ, способныхъ вмѣстить каждый по 400 рабочихъ семействъ, при всей своей скромности осталась также на бумагѣ [2]). Нечего и говорить объ его болѣе широкихъ планахъ, требовавшихъ серьезныхъ реформъ въ строѣ установившихся общественныхъ отношеній и въ сферѣ традиціонной политики государственной власти.

Въ этой области конфликтъ съ правительствомъ былъ неизбѣженъ, и съ этой точки зрѣнія созданіе люксембургской комиссіи представляло несомнѣнную опасность ля правительства. Давъ единственному убѣжденному соціалисту, находившемуся въ го составѣ, возможность окружить себя избранными представителями рабочихъ, правительство въ чрезвычайной степени усилило его вліяніе и обезпечило ему возможность вліять на дальнѣйшее направленіе умственной работы, а дальше и на направленіе политическихъ выступленій парижскихъ рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ именно неопредѣленность функцій и правъ комиссіи еще усиливала опасность положенія, причемъ естественно преувеличивалась степень ея серьезности. Вотъ почему мысль о люксембургской комиссіи давила большинство правительства какъ тяжелый кошмаръ. Вотъ почему оно относилось такъ недоброжелательно ко всякому предложенію ея предсѣдателю и искало возможности найти противовѣсъ противъ призрака люксембургскаго соціализма.

Такой противовѣсъ и былъ найденъ въ національныхъ мастерскихъ, организація коихъ была поручена рѣшительному противнику соціалистическихъ идей, министру общественныхъ работъ Мари.

Организація національныхъ мастерскихъ представляетъ, какъ ужъ было замѣчено, одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ въ дѣятельности временнаго правительства. Вынужденное необходимостью позаботиться о существованіи десятковъ тысячъ безработныхъ, правительство поспѣшило успокоить ихъ обѣщаніемъ какихъ-то ему самому невѣдомыхъ общественныхъ работъ. Никакого плана работъ у него

---

[1]) Ср. объ этомъ его «Ист. рев.», стр. 214 сл., 223 сл., 224—232 и особ. 234 внизу.

[2]) Ср. тамъ же, стр. 201—203.

не было. Не было и никакихъ данныхъ ни о количествѣ безработныхъ, ни о ихъ профессіональномъ составѣ.

Принявъ порученіе организовать работы, Мари, повидимому, ни минуты не остановился на мысли о выясненіи количества и состава безработныхъ, а также на очень простой мысли о необходимости обезпечить имъ именно ту работу, къ которой они привыкли, и просто занялся выясненіемъ вопроса, какія общественныя работы были намѣчены въ 1848 г. Оказалось, что имѣются готовые проекты по постройкѣ вокзала для западныхъ желѣзныхъ дорогъ, по урегулированію навигаціи на Уазѣ и по продленію желѣзной дороги изъ Со (Sceaux) въ Орсэ (Orsay). Часть рабочихъ была отправлена въ указанные пункты, часть нашла работу по ремонту мостовыхъ и по земляным работамъ, но значительная часть осталась не при чемъ, толпилась около мэрій, а позднѣе около двухъ спеціальныхъ помѣщеній, гдѣ принималась запись лицъ, желавшихъ воспользоваться декретомъ 26 февраля, и вызывала небезосновательныя опасенія правительства и въ особенности парижскихъ властей. Несмотря на всякія предосторожности и формальности, количество безработныхъ въ то же время быстро возростало, и Мари оказывался совершенно неспособнымъ упорядочить все это дѣло.

Иниціаторомъ позднѣйшей организаціи мастерскихъ оказался, такимъ образомъ, не Мари, а молодой инженеръ Эмиль Тома, представившій свой планъ сначала Мари, затѣмъ созванному на 5 марта совѣщанію, въ которомъ изъ членовъ правительства участвовали только Мари и Гарнье-Пажесъ. Сущность его плана заключалась въ слѣдующемъ. Прежде всего должно было быть организовано «центральное бюро національныхъ мастерскихъ» (директоромъ его былъ назначенъ Тома), которое должно было регистрировать рабочихъ и организовать ихъ на военный ладъ, вводя вновь записываемыхъ въ организованные заранѣе кадры и подчиняя ихъ особымъ начальникамъ, которые и должны были вести своихъ подчиненныхъ въ назначенное мѣсто, контролировать ихъ работу и уплачивать имъ вознагражденіе [1]). Вознагражденіе опредѣлялось въ 2 франка въ сутки. Рядъ сложныхъ мѣръ долженъ былъ предупредить возможность обмана и, въ частности, наплывъ рабочихъ изъ другихъ департаментовъ [2]).

Чисто-внѣшній характеръ этой организаціи бросается въ глаза. Вопросъ о томъ, какая работа могла бы быть предоставлена безработнымъ, число коихъ возростало съ устрашающей быстротой, вовсе не былъ ею затронутъ. Но она не

---

[1]) Каждый желавшій записаться рабочій долженъ былъ представить удостовѣреніе отъ домовладѣльца или содержателя меблированныхъ комнатъ, у котораго онъ жилъ, въ томъ, что онъ проживаетъ въ сенскомъ департаментѣ, удостовѣреніе, которое нуждалось вдобавокъ въ помѣткѣ мѣстнаго полицейскаго комиссара.

[2]) Каждые 11 человѣкъ образовали взводъ, 4 взвода бригаду, 4 бригады—роту, 3 роты—высшее дѣленіе, именуемое service. Начальники этихъ services имѣли дѣло съ окружными начальниками, которые зависѣли, въ свою очередь, отъ центральнаго управленія, состоявшаго, кромѣ директора, изъ 4 субъ-директоровъ, одного центральнаго кассира и нѣсколькихъ инспекторовъ. Большинство начальствующихъ лицъ было взято изъ слушателей центральной школы. — Впослѣдствіи, когда число безработныхъ очень возросло, эта организація стала еще сложнѣе.

разрѣшила и двухъ другихъ поставленныхъ ею задачъ, т.-е. не предупредила наплыва постороннихъ рабочихъ и не обезпечила дисциплинированности записавшейся въ національныя мастерскія массы. Да это и естественно: 15 марта количество записавшихся доходило до 14000, 21 марта—до 30000; въ концѣ марта ихъ было 40000, 16 апрѣля—66000, въ началѣ мая—ок. 100000.

Вся серьезность этого положенія, однако, должна была обнаружиться уже позднѣе. Въ данный моментъ и члены совѣщанія и Тома были рады, что удалось обезпечить хоть видимость порядка, и не отдавали себѣ отчета въ органическихъ порокахъ ихъ созданія, которое имъ представлялось неизмѣримо болѣе разумнымъ и жизнеспособнымъ, чѣмъ затѣи Луи Блана: «практичности» мастерскихъ въ ихъ глазахъ было суждено убить конкуренцію люксембургскихъ утопій. Антагонизмъ между національными мастерскими и люксембургской комиссіей представлялъ, такимъ образомъ, неизбѣжный результатъ коренной противоположности въ пониманіи соціально-экономической проблемы. Луи Бланъ не безъ основанія осуждалъ національныя мастерскія: «нѣтъ ничего болѣе противоположнаго промышленному режиму, изложенному въ организаціи труда (т.-е. въ его появившемся въ 1839 г. подъ этимъ заглавіемъ трудѣ), чѣмъ столь справедливо осужденный режимъ національныхъ мастерскихъ», писалъ онъ впослѣдствіи. «Соціальныя мастерскія въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ предлагалъ, должны были собрать въ каждой отдѣльной группѣ лишь рабочихъ одной и той же опредѣленной профессіи. Національныя мастерскія... являлись безпорядочнымъ сборищемъ рабочихъ всевозможныхъ профессій, принужденныхъ—верхъ безсмыслицы!—заниматься одной и той же работой. Въ соціальныхъ мастерскихъ, въ томъ видѣ, какъ я ихъ предлагалъ, рабочіе должны были работать съ помощью государственной субсидіи, но на самихъ себя и имѣя въ виду общую выгоду, т.-е. со всѣмъ пыломъ личнаго интереса, соединеннаго съ идеей ассоціаціи и корпоративнымъ самолюбіемъ. Въ національныхъ мастерскихъ... государство выступало лишь въ качествѣ предпринимателя, а рабочіе—въ качествѣ наемниковъ. А такъ какъ дѣло касалось здѣсь безплодной, смѣхотворной работы, къ которой большинство неизбѣжно должно было оказаться неспособнымъ, то роль государства сводилась здѣсь къ расточенію финансовыхъ средствъ, а вознагражденіе являлось преміей за лѣность; заработная плата была лишь замаскированной милостыней. Соціальныя мастерскія... представляли (бы) собой рабочія семьи, связанныя узами самой тѣсной солидарности, семьи, заинтересованныя въ поддержаніи духа трудолюбія и потому плодотворныя. Національныя мастерскія... были лишь неизбѣжнымъ сходбищемъ пролетаріевъ, которыхъ только кормили, такъ какъ не знали, на что ихъ употребить, которые не были связаны между собою ничѣмъ, кромѣ военной организаціи, и потому должны были жить вмѣстѣ съ начальниками, носившими столь странное и въ то же время столь характерное названіе бригадировъ».

Если Луи Бланъ не скрывалъ своего отношенія къ національнымъ мастерскимъ, то враги его теорій, разумѣется, не скрывали своего враждебно-пренебрежительнаго отношенія къ трудамъ люксембургской комиссіи. Идея особаго министерства труда или прогресса, обязаннаго «подготовить соціальную революцію и осуществить постепенно, мирнымъ путемъ и безъ потрясеній, уничтоженіе класса пролетаріевъ», вызывала лишь насмѣшки и намеки на личное честолюбіе и властолюбіе

Луи Блана. Мысль о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ и копей, о національзаціи французскаго банка и всѣхъ видовъ страхованія и т. д., казалась чудовищнымъ нарушеніемъ элементарныхъ основъ экономической науки. Надежды на производительныя товарищества рабочихъ, какъ на магическое средство для радикальнаго устраненія соціальнаго зла, казались результатомъ совершенно нелѣпыхъ представленій объ условіяхъ производства и о психологіи человѣка.

Луи Бланъ желалъ воспользоваться революціей для устраненія неравенства и усматривалъ въ обострившейся нуждѣ, царившей среди рабочихъ, лишь частный случай въ борьбѣ за соціальную справедливость и солидарность, подлежавшій разрѣшенію съ точки зрѣнія этихъ общихъ задачъ. Его противники полагали, что соціальное неравенство неустранимо, что режимъ личной конкуренціи представляетъ одно изъ основныхъ условій всякаго прогресса, что обострившаяся временно нужда рабочихъ должна быть ослаблена временными же мѣрами, но что устранить ее, насколько это вообще возможно, можетъ лишь возрожденіе потрясенной послѣдними событіями хозяйственной жизни на прежнихъ началахъ.

Обѣ стороны естественно полагали, что идеи и дѣйствія другой стороны глубоко неправильны и должны привести къ краху; обѣ были убѣждены въ томъ, что только принимаемыя ими мѣры являются разумными, и всячески стремились дискредитировать противника. А такъ какъ каждая вступила въ тѣсную связь съ опредѣленной частью парижскаго пролетаріата, то антагонизмъ вождей довольно скоро проникъ и въ массы, выражаясь во взаимныхъ рѣзкихъ обвиненіяхъ и жестокихъ насмѣшкахъ.

На этой почвѣ и развилась надежда большинства правительства на возможность найти въ національныхъ мастерскихъ опору противъ соціализма вообще и Луи Блана въ частности. «Національныя мастерскія—писалъ позднѣе Ламартинъ—были лишь уловкой и своего рода опытомъ общественной благотворительности, вызваннымъ на другой день послѣ революціи необходимостью прокормить народъ, не оставляя его при этомъ праздным, дабы избѣжать проистекающихъ отъ праздности безпорядковъ. Г. Мари организовалъ ихъ умно, но не сдѣлалъ ихъ полезными съ точки зрѣнія производительности ихъ работы. Онъ раздѣлилъ ихъ на бригады, далъ имъ начальниковъ и внушилъ имъ духъ дисциплины и порядка. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ онѣ были благодаря ему преторіанской, но праздной арміей правительства, вмѣсто того, чтобы являться силой въ рукахъ соціалистовъ и мятежниковъ. Руководимыя, управляемыя, поддерживаемыя начальниками, знавшими тайныя мысли антисоціалистической части правительства, мастерскія служили до созыва Національнаго Собранія противовѣсомъ нафанатизированнымъ рабочимъ люксембургскаго дворца и мятежнымъ рабочимъ клубовъ. Онѣ скандализировали весь Парижъ количествомъ своихъ рабочихъ единицъ и безполезностью своихъ работъ; но онѣ охраняли столицу и спасли ее нѣсколько разъ безъ ея вѣдома. Очень далекія отъ того, чтобы состоять, какъ разсказывали, на жалованіи у Луи Блана, онѣ слѣдовали внушеніямъ ума его противниковъ» [1]).

[1]) Ср. показаніе Тома, данное 28 іюня 1848 г. передъ избранной національнымъ

Созданныя для успокоенія парижскаго пролетаріата національныя мастерскія въ томъ видѣ, какъ онѣ были организованы, представляли, такимъ образомъ, по взгляду ихъ создателей, не что иное, какъ вынужденную обстоятельствами организацію по раздачѣ милостыни безработнымъ. По взгляду безработныхъ дѣло обстояло нѣсколько иначе; съ ихъ точки зрѣнія національныя мастерскія представляли осуществленіе провозглашенной правительствомъ идеи права на существованіе и на трудъ. Идея была осуществлена изъ рукъ вонъ плохо, но смыслъ дѣла отъ этого не мѣнялся. То, что въ глазахъ однихъ было милостью, то въ глазахъ другихъ было добытымъ кровью правомъ. Въ глубокомъ различіи этихъ взглядовъ содержалась возможность грознаго конфликта. А плохая организація мастерскихъ не только не могла служить къ облегченію грядущаго конфликта, а, наоборотъ, должна была его обострить: отсутствіе разумной работы, которая могла бы служить оправданіемъ «заработной платы», должно было не только увеличить количество кліентовъ мастерскихъ, но и содѣйствовать ихъ деморализаціи, или, точнѣе, создать среди нихъ стремленіе увѣковѣчить, первоначально многимъ изъ нихъ несимпатичную, эксплуатацію государственныхъ средствъ въ интересахъ «суверенаго народа». Никогда французскій пролетаріатъ не подвергался такой опасности усвоить черты римской суверенной, но продажной черни, какъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ существованія этихъ мастерскихъ. Чрезвычайное легкомысліе, проявленное временнымъ правительствомъ въ этомъ вопросѣ, является однимъ изъ наиболѣе яркихъ доказательствъ его политической неспособности, его неумѣнія властвовать надъ обстоятельствами, его постоянной наклонности прибѣгать передъ лицомъ грозныхъ вопросовъ народной жизни къ мелкимъ уловкамъ политическаго жонглерства.

Единственнымъ, правда, очень серьезнымъ, смягчающимъ его вину обстоятельствомъ является чрезвычайная трудность выпавшей на его долю задачи. Опасность новыхъ народныхъ волненій и агитаціи клубовъ, съ одной стороны, страхъ передъ возможностью внѣшней войны и полнаго финансоваго краха — съ другой, вотъ тѣ условія, среди коихъ приходилось дѣйствовать правительству, вынужденному вдобавокъ преодолѣвать серьезныя внутреннія тренія.

Когда ближайшія опасности, грозившія отъ возбужденнаго состоянія парижской массы, были устранены; когда первые шаги Ламартина по отношенію къ иностраннымъ правительствамъ показали, что непосредственной опасности внѣшняго вторженія сейчасъ нѣтъ, тогда естественно выступилъ на первый планъ вопросъ о финансахъ, которому суждено было играть такую роковую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ второй республики.

Какъ показали январскіе дебаты въ палатѣ депутатовъ, финансовое положеніе страны было очень плохимъ еще до революціи. Неконсолидированный долгъ доходилъ до 960 милліоновъ франковъ, въ томъ числѣ 290 милліоновъ франковъ, внесенныхъ въ ссудо-сберегательныя кассы и позаимствованныхъ изъ нихъ правительствомъ. Разрѣшенный палатой въ 1847 г. заемъ въ 350 милліоновъ еще не былъ

собраніемъ слѣдственной комиссіей: «я всегда дѣйствовалъ заодно съ парижской мэріей противъ вліянія г.г. Ледрю-Роллена, Флокона и др. Я былъ въ открытой враждѣ съ люксембургской комиссіей. Я открыто воевалъ съ вліяніемъ Луи Блана».

осуществленъ: Ротшильды, правда, подписались въ ноябрѣ на 250 милліоновъ, но бо́льшая часть этой суммы еще не была фактически внесена. Свободная наличность государственной казны не превышала къ 24-му февраля суммы въ 192 милліона или, точнѣе, за вычетомъ 57 милліоновъ цѣнныхъ бумагъ, 127 милліоновъ чистыми деньгами, изъ коихъ въ мартѣ предстояло уплатить 73 милліона по купонамъ 5% ренты.

Революція, естественно, усложнила и безъ того трудное положеніе до послѣдней степени. Поступленіе какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ налоговъ затруднилось; желѣзнодорожныя компаніи не могли выполнить своихъ обязательствъ по отношенію къ государственной казнѣ, которой онѣ были должны значительныя суммы. Частный кредитъ испыталъ сильнѣйшій ударъ, а, между тѣмъ, портфели банковъ и частныхъ лицъ были переполнены акціями многочисленныхъ предпріятій, основанныхъ за послѣднее время въ надеждѣ на прочность внѣшняго и внутренняго мира. Когда биржа послѣ двѣнадцатидневнаго перерыва возобновила 7-го марта свою дѣятельность, на ней царила паника. Курсъ пятипроцентной ренты, доходившій 23-го февраля до 116 франковъ, упалъ до 89, курсъ трехпроцентной ренты, стоившей до революціи 73 франка, упалъ до 56, цѣна на акціи французскаго банка упала съ 3200 до 2400 франковъ. Повсюду совершались или близились банкротства; промышленники закрывали свои предпріятія, увеличивая этимъ нужду рабочихъ; торговая жизнь замерла.

Положеніе было отчаянное, и министръ финансовъ Гушо счелъ нужнымъ издать 1-го марта прокламацію, въ которой онъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, что старая финансовая организація остается въ силѣ, и что налоги должны быть взимаемы попрежнему [1]). 4-го марта онъ пошелъ еще дальше и объявилъ, что уплата

---

[1]) Вотъ текстъ этой крайне любопытной прокламаціи:

«Временное правительство

объявляетъ, что всякая новая политическая система должна найти себѣ выраженіе въ новой системѣ кредита и налоговъ,

что податная система французской республики должна имѣть задачей болѣе справедливое распредѣленіе общественныхъ поступленій,

что естественнымъ результатомъ этой справедливости будетъ улучшеніе положенія народа и сокращеніе лежащаго на трудѣ бремени,

что въ настоящее время существуютъ налоги, на упраздненіи коихъ весьма справедливо настаиваютъ,

что однимъ изъ первыхъ законовъ, подлежащихъ внесенію въ Національное Собраніе, будетъ новый бюджетъ, въ которомъ временное правительство дастъ удовлетвореніе раздѣляемымъ имъ желаніямъ въ частности относительно косвенныхъ налоговъ, octrois, гербоваго сбора съ періодической печати и всѣхъ другихъ сборовъ, падающихъ на средства народнаго пропитанія и на выраженіе мысли.

Временное правительство искренно рѣшило предложить Національному Собранію бюджетъ, основанный на вышеуказанныхъ принципахъ.

Но оно считаетъ своимъ рѣшительнѣйшимъ долгомъ напомнить гражданамъ, что никакая податная система не могла бы быть установлена временнымъ правительствомъ, что право рѣшать суверенно такого рода вопросы принадлежитъ делегатамъ всей націи въ цѣломъ, что всякое иное поведеніе правительства представлялось бы самой безумной узурпаціей.

Оно напоминаетъ вдобавокъ, что хотя французская республика и является наслѣд-

процентовъ по государственной рентѣ, срокъ которой наступалъ 22-го марта, будетъ произведена раньше законнаго срока. Предпринятая съ цѣлью убѣдить общество въ благопріятномъ состояніи государственной казны, эта мѣра имѣла на самомъ дѣлѣ совершенно противоположный эффектъ: въ ней усмотрѣли доказательство пустоты казны и стремленія правительства обмануть публику, какъ это въ прежнія времена нерѣдко бывало передъ наступленіемъ банкротства. Между тѣмъ, правительство въ эти же дни отмѣнило штемпельный сборъ съ газетъ (а позднѣе и соляной налогъ) и тѣмъ нарушило обѣщаніе, содержавшееся въ прокламаціи Гушо. Послѣдній немедленно воспользовался этимъ предлогомъ и подалъ уже 5-го марта въ отставку. Его замѣнилъ, правда, Гарнье-Пажесъ, но положеніе отъ этого не улучшилось.

Вопросъ о государственномъ банкротствѣ былъ устраненъ съ негодованіемъ, но надежды, что удастся обойтись безъ него, было мало: 6-го марта наличныя средства государственной казны понизились до 107 милліоновъ, а за вычетомъ 73 милліоновъ, подлежавшихъ уплатѣ по купонамъ 5% ренты, въ сущности, до 34 милліоновъ. А между тѣмъ приходилось считаться съ возможностью внѣшнихъ осложненій, и спеціальная комиссія, работавшая надъ вопросами государственной обороны, требовала кредита въ 111 милліоновъ франковъ.

Всѣ попытки правительства ободрить общественное мнѣніе, скрыть грозившую катастрофу и возбудить патріотическую готовность имущихъ отказаться отъ обуявшаго ихъ эгоистическаго страха и оказать государству содѣйствіе оказались тщетными. Особенно характерны въ этомъ отношеніи два факта: съ одной стороны, шумная демонстрація нѣсколькихъ тысячъ биржевыхъ дѣльцовъ Парижа, потребовавшихъ 8-го марта, чтобы правительство немедленно издало декретъ, отсрочивающій уплату по всѣмъ векселямъ и торговымъ сдѣлкамъ на три мѣсяца, съ другой—полный провалъ стомилліоннаго займа 9-го марта. Несмотря на угрозы депутаціи, явившейся къ нему съ требованіемъ отсрочки платежей, правительство, уже отсрочившее 26-го февраля платежи на 10 дней, отказалось отъ принятія этой крайне нецѣлесообразной мѣры, хотя оно впослѣдствіи и сочло себя вынужденнымъ облегчить нѣкоторыя затрудненія, проявившіяся въ торговыхъ сферахъ, предоставивъ де-

---

ницей расточительнаго и развращающаго общество правительства, она принимаетъ и хочетъ твердо держаться всѣхъ обязательствъ, остаться вѣрной всѣмъ контрактамъ;

что было бы величайшимъ неразумѣемъ уменьшать среди временныхъ затрудненій, неизбѣжныхъ при каждомъ большомъ потрясеніи, средства казны,

что уменьшить ихъ значило бы рисковать пріостановкой или затрудненіями въ отправленіи самыхъ важныхъ государственныхъ функцій, и что тѣмъ болѣе при такихъ условіяхъ было бы невозможно подготовиться къ событіямъ, свидѣтелями коихъ могутъ сдѣлаться Франція и Европа.

Въ виду указанныхъ соображеній временное правительство постановляетъ:

Ст. 1. Всѣ безъ исключенія налоги будутъ взиматься и впредь попрежнему.

Ст. 2. Добрые граждане приглашаются во имя патріотизма не задерживать ничѣмъ уплату причитающихся съ нихъ сборовъ.

Ст. 3. Временное правительство обязуется представить Національному Собранію бюджетъ, въ коемъ будутъ упразднены гербовый сборъ съ періодической печати, octroi, соляной налогъ, и обязуется также представить законъ, коимъ система косвенныхъ налоговъ будетъ существенно измѣнена.

кретомъ 19-го марта коммерческимъ судамъ право давать при извѣстныхъ условіяхъ трехмѣсячныя отсрочки.

Если правительство въ данномъ случаѣ, въ концѣ концовъ, было вынуждено пойти на извѣстныя уступки, то оно потерпѣло еще болѣе тяжелое пораженіе съ займомъ. Согласно закону, принятому палатой депутатовъ въ 1847 году, декретъ 9-го марта предоставилъ министру финансовъ право выпустить на 100 милл. франковъ государственной 5% ренты по нарицательной стоимости. Если принять во вниманіе, что дѣйствительный курсъ 5% ренты упалъ къ 7-му марта до 89, а къ 9-му марта до 74 франковъ, то становится совершенно яснымъ, что выпускъ ренты al pari представлялъ не что иное, какъ обращеніе къ патріотизму капиталистовъ. Разсчеты правительства оказались, однако, совершенно ложными, и заемъ потерпѣлъ полную неудачу. Столь же неудачнымъ оказалось, все по той же причинѣ, содержавшееся въ другомъ декретѣ отъ того же числа приглашеніе ускорить взносъ налоговъ за 1848 годъ.

Для всякаго, кто былъ знакомъ съ жалкими результатами аналогичныхъ мѣропріятій Учредительнаго Собранія, во всѣхъ этихъ фактахъ не могло заключаться ничего удивительнаго. Характерно въ данномъ случаѣ не столько то, что въ борьбѣ личнаго и семейнаго эгоизма съ патріотизмомъ побѣда осталась за первымъ, сколько то, что 60 лѣтъ спустя послѣ великой революціи еще находились государственные дѣятели, исполненные столь наивныхъ иллюзій относительно силы общественныхъ инстинктовъ. Выросшее на старой революціонной фразеологіи, на идеализаціи «человѣка и гражданина», на преувеличенныхъ представленіяхъ о чудодѣйственномъ значеніи республиканскаго строя, поколѣніе 1848 года было склонно повторять въ этомъ, да и не только въ этомъ отношеніи ошибки временъ великой революціи. Только если принять во вниманіе эти иллюзіи, становится также понятнымъ, какъ серьезные люди, дорожившіе своей репутаціей честныхъ людей, могли настойчиво утверждать, будто «впредь больше не будетъ бюджетовъ въ 1500—1800 милліоновъ франковъ, какъ во времена монархіи», будто «республика не будетъ нуждаться для того, чтобы совершить великія дѣла, въ тѣхъ деньгахъ, которыя монархія требовала, чтобы совершать жалкія дѣла». Объяснять эти странныя заявленія исключительно простымъ и крайне плоскимъ маккіавелизмомъ, желаніемъ привлечь общество на свою сторону и успокоить его, значило бы совершенно не понимать настроенія этой эпохи, настроенія, столь быстро смѣнившагося новымъ глубокимъ разочарованіемъ.

Въ то время какъ правительство увлекалось своими иллюзіями, паника въ обществѣ усиливалась, порождая, съ одной стороны, усиленное стремленіе обезопасить себя отъ послѣдствій приближающагося краха, съ другой—всякаго рода проекты радикальнаго рѣшенія кризиса.

Первое теченіе выразилось особенно сильно въ массовомъ требованіи о выдачѣ внесенныхъ въ ссудо-сберегательныя кассы вкладовъ, въ предъявленіи краткосрочныхъ свидѣтельствъ государственнаго казначейства (bons du Trésor) къ оплатѣ и въ требованіи размѣна бумажныхъ денегъ звонкой монетой.

Уже 7-го марта правительство сочло нужнымъ успокаивать вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ насчетъ судьбы ихъ вкладовъ. «Изъ всѣхъ видовъ собственности самой священной являются сбереженія бѣдняка», говорило правительство въ одномъ

декретѣ 7-го марта... «Сберегательныя кассы находятся подъ охраной національной чести» (de la loyauté nationale). Требованія возврата вкладовъ, однако, не уменьшились, и уже два дня спустя (9-го марта) правительство сочло нужнымъ вмѣшаться въ дѣло, установивъ различіе между «малыми вкладами, принадлежащими, въ большинствѣ случаевъ, необезпеченнымъ гражданамъ, и большими вкладами, представляющими собственность болѣе или менѣе состоятельныхъ семействъ». Мотивы, руководящіе тѣми и другими при истребованіи вкладовъ, не могутъ быть признаны равноцѣнными. «Вынимая свои вклады, первые повинуются совѣту необходимости, вторые даютъ доказательства преступной неблагожелательности и оскорбительнаго недовѣрія по отношенію къ республикѣ». Въ виду этого необходимо «вознаградить тѣхъ, кто проявляетъ просвѣщенное довѣріе, и согласовать интересы казны и справедливости», наказывая «неблагожелательность» другихъ. Съ этой цѣлью декретъ производитъ разграниченіе между вкладами на сумму въ сто франковъ и менѣе и вкладами, превышающими эту сумму. Первые должны быть возвращаемы цѣликомъ звонкой монетой, вторые лишь на сумму въ 100 франковъ; требованіе, превышающее эту сумму, должно быть удовлетворяемо на половину 5% краткосрочными свидѣтельствами государственнаго казначейства, на половину 5% государственной рентой по нарицательной стоимости.

Усиленная выдача свидѣтельствъ государственнаго казначейства въ связи съ общимъ упадкомъ государственнаго кредита немедленно отразилась на довѣріи общества къ этимъ свидѣтельствамъ и привела къ усиленному ихъ предложенію и къ предъявленію къ оплатѣ всѣхъ тѣхъ, срокъ погашенія коихъ наступилъ. Еще 9-го марта министръ финансовъ утверждалъ, что удовлетвореніе собственниковъ этихъ бумагъ вполнѣ обезпечено, а 16-го марта онъ уже докладывалъ правительству о томъ, что «въ данный моментъ господствуетъ мало обоснованное безпокойство, и что пришлось уплатить по всѣмъ свидѣтельствамъ, срокъ оплаты по коимъ наступилъ, звонкой монетой». Исходя изъ того, что «эти свидѣтельства составляютъ большей частью собственность капиталистовъ, интересы коихъ не связаны прямо съ интересами промышленности и торговли» и нарушеніе коихъ, такимъ образомъ, не отразится на состояніи этихъ отраслей народнаго труда, Гарнье-Пажесъ предложилъ, и правительство постановило, чтобы тѣмъ, кто откажется отъ обмѣна старыхъ свидѣтельствъ на новыя, стоимость ихъ была уплачена не звонкой монетой, а 5% рентой по нарицательной стоимости. «Эта мѣра нарушаетъ лишь небольшое число достойныхъ уваженія (respectables) интересовъ... Мы требуемъ жертвъ отъ всѣхъ; такъ было ли бы справедливо, чтобы одни только богатые избавились отъ дѣйствія общаго закона»?

Почти одновременно съ этой мѣрой правительство, наконецъ, было вынуждено прибѣгнуть еще къ одному въ высшей степени важному вмѣшательству въ область денежныхъ и кредитныхъ отношеній, вызванному опаснымъ положеніемъ, въ которомъ очутился французскій банкъ (banque de France), представлявшій не государственное, а частное учрежденіе. До половины марта банкъ успѣшно справлялся съ кризисомъ: съ 26-го февраля до 15-го марта банкъ учелъ векселей въ одномъ Парижѣ на 110 милліоновъ, а въ департаментахъ на 43 милліона, чѣмъ въ значительной степени облегчилъ тяжелое положеніе рынка, страдавшаго отъ внезапнаго

сокращенія количества денежныхъ знаковъ, изъятыхъ ихъ собственниками изъ обращенія. Въ то же время банкъ перевелъ въ казну сумму въ 77 милліоновъ, и въ результатѣ къ 15 марта его свободная наличность не превышала 70 милліоновъ, изъ коихъ 45 милліоновъ принадлежали государству, тогда какъ сумма находившихся въ обращеніи билетовъ банка доходила до 300 милліоновъ. А, между тѣмъ, 15-го марта охватившая общество паника распространилась и на эти билеты, и въ теченіе одного только 15-го марта банку пришлось произвести размѣнъ билетовъ звонкой монетой на 11 милліоновъ. Въ кассѣ банка, такимъ образомъ, оставалось 59 милліоновъ, изъ коихъ только 14 были вполнѣ свободны, и было ясно, что если не будутъ приняты немедленно энергичныя мѣры, банку грозитъ катастрофа. Глава банка, д'Аргу, доложилъ Гарнье-Пажесу о положеніи, и послѣдній немедленно предложилъ издать декретъ, коимъ устанавливалось принудительное обращеніе билетовъ французскаго банка, причемъ оговорилось, что стоимость всѣхъ билетовъ не должна превышать 350 милліоновъ, и банку вмѣнялось въ обязанность публиковать каждую недѣлю свѣдѣнія о состояніи его дѣлъ. Къ счастью для правительства и для банка, эта мѣра оказалась дѣйствительной, и банкъ оказался способнымъ продолжать свою крайне необходимую какъ для государственнаго, такъ и для частнаго кредита дѣятельность.

Несмотря на благополучное разрѣшеніе кризиса, устраненнаго какъ весьма рѣшительными мѣрами правительства, такъ, главнымъ образомъ, наступившимъ въ странѣ успокоеніемъ, мѣры, къ которымъ правительство сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть, свидѣтельствовали о чрезвычайной серьезности положенія, хотя онѣ оставались далеко позади тѣхъ проектовъ, которые циркулировали въ обществѣ. Конфискація и распродажа имуществъ орлеанской династіи, отобраніе милліарда франковъ, нѣкогда уплаченнаго эмигрантамъ взамѣнъ утраченныхъ ими земель, добровольный заемъ, принудительный заемъ, введеніе бумажныхъ денегъ, учрежденіе государственнаго банка, распродажа государственныхъ лѣсовъ, антиципація будущихъ доходовъ, банкротство, введеніе пропорціональнаго или прогрессивнаго подоходнаго налога, увеличеніе прямыхъ или косвенныхъ налоговъ—вотъ пестрый списокъ тѣхъ мѣропріятій, которыя обсуждались тогда, какъ среди общества, такъ и между членами правительства. Большая часть этихъ мѣръ либо грозила ухудшить положеніе, а не улучшить его, либо требовала немалаго времени для своего осуществленія, либо не обѣщала никакихъ серьезныхъ результатовъ [1]).

А между тѣмъ вопросъ объ увеличеніи средствъ государственной казны не терпѣлъ отлагательства. Надо было позаботиться о возстановленіи равновѣсія между возраставшими расходами и сократившимися доходами государства. Искать новыхъ путей не было ни времени, ни, казалось, возможности, и, въ концѣ концовъ, правительство пошло и тутъ по линіи наименьшаго сопротивленія, обратившись къ излюбленному средству всѣхъ предшествующихъ правительствъ, а именно къ увеличенію четырехъ прямыхъ налоговъ на 45 сантимовъ. Такъ поступилъ въ

---

[1]) См. критику этихъ предложеній съ точки зрѣнія большинства временнаго правительства у Гарнье-Пажеса, т. VII, стр. 32—50, а точку зрѣнія Луи Блана въ его «Исторіи револ. 48 года».

1813 и 1814 гг. Наполеонъ I, въ 1815 и 1816 гг. Людовикъ XVIII, въ 1831 и 1848 гг. Людовикъ-Филиппъ. Такъ поступила и республика: 17-го марта декретъ о 45 сантимахъ былъ принятъ правительствомъ «безъ спора и единогласно». Необходимость увеличенія доходовъ была слишкомъ очевидна, другихъ выходовъ, казалось, не было, и въ результатѣ состоялось безъ особаго обсужденія одно изъ важнѣйшихъ рѣшеній правительства, отразившееся самымъ плачевнымъ образомъ на судьбѣ республиканской идеи.

Вліяніе декрета о 45 сантимахъ на отношеніе крестьянства къ республикѣ подчеркивается всѣми современниками. Въ значительной мѣрѣ оно объясняется тѣмъ, что увеличеніе податного бремени коснулось какъ-разъ прямыхъ налоговъ. По мѣткому замѣчанію Тэна, достоинство косвенныхъ налоговъ съ точки зрѣнія власти заключается въ незамѣтности ихъ воздѣйствія на бюджетъ обывателя. «При взиманіи этихъ налоговъ фискъ можетъ спрятать свою руку; онъ скрывается за спиной торговца. Покупатель, являющійся для того, чтобы его постригли, не видитъ ножницъ; онъ, по крайней мѣрѣ, не ощущаетъ ихъ явственнымъ образомъ; а между тѣмъ, только прямое, дѣйствительное, животное ощущеніе вызываетъ у человѣка изъ народа крики, конвульсивныя подергиванія, движенія головой, заразительный испугъ и ужасъ. Когда его избавляютъ отъ этого опаснаго ощущенія, онъ претерпѣваетъ операцію; въ худшемъ случаѣ онъ ропщетъ противъ тяжелаго времени; онъ не вмѣняетъ правительству той дороговизны, отъ которой онъ страдаетъ, въ вину; онъ не умѣетъ разсчитать, выдѣлить, опредѣлить отдѣльно ту надбавку въ цѣнѣ, которую присваиваетъ себѣ фискъ. Даже теперь вы напрасно сказали бы ему, что изъ сорока су, которые стоитъ ему фунтъ кофе, государство беретъ 15, что изъ двухъ су (1 су=5 сантимовъ), которые ему стоитъ фунтъ соли, государство беретъ пять сантимовъ,—это для него лишь абстрактное понятіе, цифра, обрѣтающаяся внѣ времени и пространства; его впечатлѣніе было бы совсѣмъ иное, если бы рядомъ съ лавочникомъ, отвѣшивающимъ ему его соль и его кофе, онъ видѣлъ собственными глазами чиновника таможеннаго вѣдомства и вѣдомства солеваренъ, если бы онъ видѣлъ его присутствующимъ тутъ же, исполняющимъ свои обязанности, собирающимъ съ прилавка эти пять сантимовъ и 15 су».

Налогъ, созданный декретомъ 17-го марта, отличался какъ-разъ тѣми чертами, которыя дѣлали его значеніе понятнымъ всему крестьянству. Вмѣстѣ съ слухами о соціалистическихъ рѣчахъ клубныхъ ораторовъ, вмѣстѣ съ безпорядками, не прекращавшимися въ Парижѣ и перекинувшимися и въ нѣкоторые другіе города, онъ опредѣлилъ результатъ выборовъ въ Національное Собраніе.

Опасность, заключавшаяся съ этой точки зрѣнія въ новомъ налогѣ, не ускользнула отъ вниманія членовъ правительства. Ледрю-Ролленъ настаивалъ на томъ, чтобы мелкіе плательщики были освобождены отъ налога, но Гарнье-Пажесъ указалъ на неопредѣленность понятія мелкихъ плательщиковъ, на вытекающую отсюда произвольность требуемаго Ледрю-Ролленомъ ограниченія сферы дѣйствія налога, на то, что иногда очень богатые люди платятъ лишь незначительные прямые налоги; выразивъ сочувствіе основной идеѣ Ледрю-Роллена, онъ высказался противъ включенія его предложенія въ текстъ декрета и обѣщалъ разъяснить декретъ при помощи спеціальныхъ циркуляровъ по своему министерству. Такіе циркуляры были

имъ дѣйствительно изданы (18-го марта, 5-го и 25-го апрѣля): ими предусматривалось сокращеніе поступленій на 30 милліоновъ франковъ изъ общаго числа 192 милліоновъ, которыя налогъ долженъ былъ дать.

«Послѣ энергичныхъ мѣръ, принятыхъ временнымъ правительствомъ,—писала 20-го марта газета «Constitutionnel»,—можно считать, что государственные финансы впредь внѣ опасности». «Эти двѣ мѣры (декретъ о 45 сантимахъ и отсрочка въ оплатѣ свидѣтельствъ казначейства) находятъ себѣ оправданіе въ необходимости, которой нельзя не признать»—писалъ «Journal des Débats» еще раньше. «Изъ всѣхъ средствъ, которыя можно было придумать при отсутствіи государственнаго кредита, эти мѣры представляются сравнительно наименѣе прискорбными. Поземельная собственность, къ сожалѣнію, привыкла къ тому, что въ трудныя времена съ ея стороны требуются чрезвычайныя жертвы... Всякій долженъ нести безъ ропота увеличеніе своихъ тяготъ и подчиниться нѣкоторымъ затрудненіямъ».

Эти отзывы двухъ консервативныхъ органовъ, отстаивавшихъ существующій соціальный строй и привычную административную организацію, свидѣтельствуютъ о томъ, что буржуазные элементы оцѣнили соотвѣтствіе финансовой политики правительства съ тѣми идеалами, на стражѣ которыхъ стояли обѣ цитированныя газеты. Естественно, что новый налогъ, да и вся умѣренная финансовая политика правительства встрѣчали гораздо меньше сочувствія въ радикальныхъ кругахъ, гдѣ, наоборотъ, пользовались большой популярностью самыя радикальныя предложенія, въ особенности принудительный заемъ у «богатыхъ», за который впослѣдствіи высказался и Барбесъ. Но и буржуазная часть общества отнюдь не была довольна правительствомъ, чему особенно содѣйствовала его политика по рабочему вопросу: она привѣтствовала относительное успокоеніе рабочихъ, но была возмущена тѣми уступками, которыя правительство было вынуждено сдѣлать въ этой области, и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутились предприниматели, принужденные вступать въ переговоры съ своими рабочими и обращаться къ посредничеству люксембургской комиссіи. Вмѣстѣ съ бурными дебатами клубовъ и съ революціоннымъ языкомъ внезапно освобожденной отъ всякихъ стѣсненій печати, указанные факты вызывали глухое раздраженіе, направленное ближайшимъ образомъ на радикальныхъ членовъ правительства, но естественно распространявшееся и на все правительство въ цѣломъ.

§ 4. Ледрю-Ролленъ и манифестаціи 16 и 17 марта.

Образъ дѣйствій Ледрю-Роллена, исполнявшаго обязанности министра внутреннихъ дѣлъ, еще усилилъ раздраженіе буржуазіи и послужилъ поводомъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на временное правительство и на самую республику. Особенно большое значеніе имѣлъ въ этомъ смыслѣ его знаменитый циркуляръ, разосланный «комиссарамъ» правительства въ департаментахъ и опубликованный 12 марта въ «Монитерѣ». Въ отличіе отъ большинства временнаго правительства, Ледрю - Ролленъ не признавалъ необходимости не превращать дѣла республики въ дѣло партіи и заинтересовать въ ея судьбахъ всѣ элементы оппозиціонной коалиціи 1847 г. Уже въ циркулярѣ, разосланномъ 8 марта комиссарамъ, онъ приглашалъ

ихъ назначать на государственныя должности лишь тѣхъ, которые еще до революціи были республиканцами (républicains de la veille), а не тѣхъ, которые стали республиканцами уже послѣ революціи (républicains du lendemain). Но въ общемъ циркуляры 8 марта (къ комиссарамъ) и 9 марта (къ мэрамъ) были составлены въ довольно умѣренномъ и достойномъ тонѣ. Зато циркуляръ 12 марта шелъ значительно дальше указанной нецѣлесообразной и вредной исключительности въ пользу «республиканцевъ до республики» и затрагивалъ существенно важные принципіальные вопросы, разрѣшая ихъ далеко не въ соотвѣтствіи съ господствовавшимъ во временномъ правительствѣ направленіемъ.

Содержаніе его настолько характерно и важно, что его необходимо привести цѣликомъ.

«Циркуляръ

министра внутреннихъ дѣлъ комиссарамъ временнаго правительства.

Доставленный вамъ и опубликованный циркуляръ намѣчалъ ваши обязанности. Мнѣ представляется необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ деталяхъ и выяснить болѣе точно, что я ожидаю отъ вашего патріотизма теперь, когда благодаря вашимъ заботамъ республика провозглашена.

Изъ нѣсколькихъ департаментовъ меня запросили, каковы ваши полномочія. Гражданинъ-военный министръ обезпокоился этимъ вопросомъ, поскольку онъ имѣетъ отношеніе къ вашимъ сношеніямъ съ военными властями. Нѣкоторые изъ васъ желаютъ имѣть точныя указанія относительно вашего поведенія касательно (судебной) магистратуры; наконецъ, національная гвардія и выборы, особенно выборы, должны быть постояннымъ предметомъ вашихъ заботъ.

§ 1. Каковы ваши полномочія?

Они безграничны. Будучи агентами революціонной власти, вы сами являетесь также революціонной силой. Побѣда народа возложила на васъ порученіе провозгласить и консолидировать его дѣло. Ради осуществленія этой задачи вы облечены его суверенитетомъ, зависите исключительно отъ вашей совѣсти и должны совершить то, что потребуютъ обстоятельства въ интересахъ общественнаго блага.

Благодаря характеру нашихъ нравовъ, эта миссія не содержитъ ничего страшнаго. До настоящаго времени вамъ не приходилось уничтожать (briser) какое-либо серьезное сопротивленіе, и вы могли сохранить спокойствіе вашей силы; вы не должны, однако, дѣлать себѣ иллюзій насчетъ состоянія страны. Необходимо энергично возбудить республиканскія чувства и съ этой цѣлью необходимо довѣрить всѣ государственныя функціи вѣрнымъ и симпатизирующимъ дѣлу людямъ. Необходимо смѣнить повсемѣстно префектовъ и супрефектовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ настаиваютъ на ихъ сохраненіи: ваше дѣло заставить населеніе понять, что нельзя сохранять тѣхъ, которые служили власти, каждый актъ которой имѣлъ развращающій характеръ. Право назначать субъ-комиссаровъ, замѣняющихъ означенныя должностныя лица, принадлежитъ вамъ. Каждый разъ, когда вы будете колебаться по этому вопросу, вы мнѣ объ этомъ доложите. Выбирайте преимуще-

ственно людей изъ главнаго города департамента; обывателей округовъ (arrondissements) вы назначите (на эти должности) лишь въ томъ случаѣ, когда вы убѣдитесь, что они не заражены духомъ кружковщины; не устраняйте молодыхъ людей. Горячность и благородство составляютъ привилегіи этого возраста, и республика нуждается въ этихъ прекрасныхъ качествахъ.

Вы позаботитесь также о замѣнѣ мэровъ и ихъ адъюнктовъ. Вы назначите ихъ временно, вручая имъ обычныя полномочія. Если муниципальные совѣты окажутся враждебно настроенными, вы ихъ распустите и создадите по соглашенію съ мэрами временные муниципалитеты; но вы обратитесь къ этой мѣрѣ лишь въ случаѣ безусловной необходимости. Я думаю, что значительное большинство муниципальныхъ совѣтовъ можетъ быть сохранено, если поставить во главѣ ихъ новыхъ начальниковъ.

§ 2. Ваши отношенія къ военнымъ властямъ.

Вы осуществляете полномочія исполнительной власти; а, слѣдовательно, вооруженная сила подчинена вашимъ приказамъ. Вы обращаетесь къ ней, вы приводите ее въ движеніе; въ серьезныхъ случаяхъ вы можете даже суспендировать власть начальника отряда, доводя объ этомъ немедленно до моего свѣдѣнія. Но вы должны проявить большую осмотрительность въ этой части вашихъ функцій. Всякая исходящая отъ васъ мѣра, которая затронула бы справедливую щепетильность начальниковъ отрядовъ или солдатъ, представляла бы непростительную ошибку. Я узналъ, что въ нѣсколькихъ департаментахъ комиссары не установили немедленно связи между собою и военными властями; я удивляюсь этому и приглашаю васъ не нарушать этихъ столь элементарныхъ правилъ разумной политики и приличія. Во время послѣднихъ событій армія проявила живую симпатію къ дѣлу республики; необходимо привязать ее возможно больше къ себѣ. Она является такимъ же народомъ, какъ мы; она оказалась бы первымъ барьеромъ противъ внѣшняго нашествія. Ей впервые предстоитъ вступить въ обладаніе своими политическими правами. Такъ относитесь же къ ней съ уваженіемъ и обезпечьте себѣ доброе отношеніе со стороны ея начальниковъ; не забывайте также, что ваши полномочія не могутъ распространяться на вопросы дисциплины. Ваши полномочія могутъ быть резюмированы въ двухъ словахъ: пользоваться вооруженной силой или сдерживать ее и привлечь ее выраженіями уваженія и сердечнаго отношенія.

§ 3. Ваши отношенія къ магистратурѣ (судебной власти).

Магистратура зависитъ отъ исполнительной власти лишь въ точно указанныхъ законами предѣлахъ. Вы потребуете отъ прокуратуры преданнаго содѣйствія; во всѣхъ случаяхъ, когда вы его не встрѣтите, вы меня объ этомъ предупредите, указывая мнѣ имена тѣхъ, коимъ ихъ прямота и ихъ твердость служатъ рекомендаціей. Я немедленно поставлю объ этомъ въ извѣстность министра юстиціи. Что же касается несмѣняемой магистратуры, то вы будете слѣдить за ней, и если бы кто-либо изъ ея членовъ проявилъ публично враждебное отношеніе, вы могли бы воспользоваться вашимъ правомъ суспендированія, которымъ васъ облекаетъ ваша суверенная власть.

§ 4. Національная гвардія.

Вы получите отъ меня детальныя инструкціи насчетъ организаціи гражданской милиціи. Я попытался предвидѣть и разрѣшить въ нихъ всѣ затрудненія, которыя вы могли бы встрѣтить. Тѣ затрудненія, которыя возникнутъ изъ непредвидѣнныхъ и мѣстныхъ препятствій, будутъ устранены вашимъ патріотизмомъ. Въ вашихъ заботахъ о выборахъ вы будете дѣйствовать согласно декретамъ правительства, т.-е. вы предложите, въ измѣненіе закона 1831 г., національнымъ гвардейцамъ избрать всѣхъ офицеровъ, начиная съ высшихъ чиновъ. Вы будете тщательно слѣдить за дѣятельностью субъ-комиссаровъ и муниципалитетовъ, и вы обяжете ихъ представить вамъ точный отчетъ объ ихъ дѣйствіяхъ.

§ 5. Выборы.

Выборы представляютъ ваше великое дѣло; они должны сдѣлаться спасеніемъ страны. Наши судьбы зависятъ отъ состава Собранія. Нужно, чтобы оно было воодушевлено революціоннымъ духомъ; иначе мы идемъ по пути, ведущему къ гражданской войнѣ и къ анархіи. Въ виду сего остерегайтесь интригъ двуличныхъ людей, которые называютъ себя слугами народа, послѣ того какъ они служили королевской власти. Эти люди васъ обманываютъ, и вы должны отказать имъ въ вашей поддержкѣ. Знайте, что надо обладать чистымъ по своимъ традиціямъ прошлымъ, чтобы добиваться чести засѣдать въ Національномъ Собраніи. Да будетъ всюду вашей паролью: новыхъ людей и по возможности людей изъ народа.

Трудящіеся (les travailleurs), составляющіе живую силу націи, должны (doivent) выбирать изъ своей среды людей, которымъ ихъ интеллигентность, ихъ нравственность, ихъ преданность служатъ рекомендаціей; присоединившись къ лучшимъ представителямъ интеллигенціи (des penseurs), они внесутъ свой практическій опытъ въ обсужденіе всѣхъ великихъ, подлежащихъ обсужденію, вопросовъ. Они продолжатъ революцію и удержатъ ее въ границахъ возможнаго и разумнаго. Безъ нихъ она бы увлеклась пустыми утопіями или была бы задушена усиліями ретроградныхъ кружковъ (factions).

Просвѣтите избирателей и повторяйте имъ безпрестанно, что царство сторонниковъ монархіи кончилось.

Вы понимаете, какъ велика ваша задача въ этой области. Воспитаніе страны не закончено. Ваше дѣло—руководить ею. Вызывайте во всѣхъ мѣстахъ вашего департамента образованіе избирательныхъ комитетовъ, подвергайте права кандидатовъ суровому испытанію. Останавливайтесь исключительно на тѣхъ, которые покажутся способными обезпечить республиканскимъ идеямъ наибольшія гарантіи, наибольшіе шансы успѣха. Ни компромиссовъ, ни любезныхъ уступокъ. Пусть день выборовъ будетъ днемъ тріумфа революціи.

Членъ временнаго правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ,

Ледрю-Ролленъ».

Впечатлѣніе, произведенное этимъ циркуляромъ, не подвергшимся предварительному обсужденію со стороны членовъ правительства и кабинета и являвшимся плодомъ личной иниціативы министра внутреннихъ дѣлъ, было огромно. Курсъ пятипроцентной ренты упалъ съ 13 по 15 марта съ 77 до 65 франковъ, и другія цѣнности испытали аналогичное, хотя и менѣе рѣзкое пониженіе. Всѣ умѣренныя газеты рѣшительно протестовали противъ тона и содержанія циркуляра и предостерегали временное правительство относительно неизбѣжныхъ послѣдствій подобной политики. Отмѣтивъ заслуги членовъ правительства, Siècle «заклиналъ ихъ избѣгать въ ихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ и циркулярахъ всего, что имѣетъ видъ насилія и диктатуры; всего, что вызываетъ наружу воспоминанія о другомъ времени; всего, что давало бы поводъ думать, что вмѣсто того, чтобы довѣриться націи, новое правительство намѣревается предписать ей исходъ выборовъ и рѣшенія, не вытекающія изъ ея свободной воли... Стремленіе оказать вліяніе на выборы путемъ страха было бы огромной ошибкой». Вліятельный органъ Жирардена, «Presse», напоминалъ, что «никогда ни одна власть не встрѣчала меньшаго сопротивленія при своемъ установленіи... Задача новой власти была, такимъ образомъ, очень легка... Ради чего министру внутреннихъ дѣлъ понадобилось сѣять своими проконсульскими замашками, которыя не соотвѣтствуютъ нашимъ правамъ, которыя не находятъ себѣ ни въ чемъ оправданія, раздоры тамъ, гдѣ всѣ желали лишь придти къ соглашенію?.. Развѣ понятіе свободы для васъ синонимъ диктатуры»? Другія газеты, «Constitutionnel», «Union», «Gazette de France», «Débats» и т. д. выражались не менѣе энергично, протестуя «противъ этого дерзкаго покушенія, противъ этого глумленія надъ свободой выборовъ».

Если сопоставить циркуляръ Ледрю-Роллена съ письмомъ, въ которомъ Одилонъ Барро изложилъ 26 февраля условія, при соблюденіи коихъ его друзья готовы поддержать республику, то значеніе инцидента становится еще болѣе яснымъ. Два основныхъ условія, предъявленныхъ имъ правительству, заключались въ полной свободѣ предстоящихъ выборовъ и въ борьбѣ съ идеей соціальной революціи. Циркуляръ нарушалъ съ несомнѣнной ясностью оба эти условія. Выборы должны были происходить подъ «просвѣщающимъ» народъ давленіемъ полновластныхъ комиссаровъ, а цѣль ихъ должна была заключаться въ продленіи и завершеніи революціи. Въ какомъ духѣ предполагалось это завершеніе начатой революціи, объ этомъ позволяли судить указанія министра на желательный составъ парламента: онъ долженъ былъ состоять изъ трудящихся (travailleurs) и интеллигентовъ (penseurs), а это значило, что участіе въ немъ землевладѣльцевъ, банкировъ, предпринимателей, всѣхъ капиталистовъ вообще, признавалось нежелательнымъ. Указаніе на «пустыя утопіи» правда, содержало въ себѣ отрицаніе собственно соціалистическихъ идей, къ которымъ партія Ледрю-Роллена относилась всегда отрицательно, но стремленіе къ устраненію капиталистовъ не утрачивало вслѣдствіе этого въ глазахъ послѣднихъ своего угрожающаго характера, а такъ какъ призывъ къ устраненію всѣхъ, кто не былъ республиканцемъ до провозглашенія республики, касался ближайшимъ образомъ тѣхъ же круговъ общества, то ихъ опасенія были тѣмъ болѣе естественны.

Разрывъ крупной и средней буржуазіи, включая сюда и землевладѣльцевъ съ республикой, начавшійся несомнѣнно еще раньше, когда первый страхъ передъ

народомъ прошелъ, и когда правительство въ то же время оказалось вынужденнымъ дѣлать парижскимъ рабочимъ важныя принципіальныя уступки, при такихъ условіяхъ становился все болѣе рѣшительнымъ, а поведеніе республиканской прессы подливало лишь масло въ огонь. Протесты умѣренныхъ органовъ противъ циркуляра вызвали чрезвычайно рѣзкую отповѣдь съ ея стороны. Особенно усердствовала газета «Réforme», обрушившаяся въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ на вчерашнихъ роялистовъ за ихъ вражду къ этой «революціонной инструкціи, единственной, которая до сихъ поръ напомнила намъ о нашемъ великомъ дѣлѣ, единственной, которая несетъ на себѣ печать нашего великаго долга». Если враги циркуляра упрекали министра въ томъ, что онъ ставитъ «такъ называемое общественное спасеніе» выше свободы, то защитники его отвѣчаютъ имъ упрекомъ въ наклонности къ «легальничанію» (petite légalité) и въ «инсинуаціяхъ противъ весьма отчетливаго и весьма сильнаго циркуляра». Они даже готовы обвинить министра въ недостаточной рѣшительности, такъ какъ не всѣ комиссары принадлежатъ къ «чистокровной семьѣ» (la pure famille) старыхъ республиканцевъ, но прощаютъ ему всѣ его прегрѣшенія ради его «достойнаго удивленія» циркуляра. Лучшимъ доказательствомъ его высокихъ достоинствъ является какъ-разъ то, что «враги революціи и ея вялые (tièdes) друзья сошлись въ нападкахъ на эту (республиканскую предвыборную) пропаганду». Слова циркуляра о необходимости устранить роялистовъ изъ парламента встрѣчаютъ полное одобреніе со стороны «Réforme», и ея нападенія на ея противниковъ принимаютъ характеръ брани, когда газета касается этого вопроса. Эти слова «заставили всѣхъ аристократовъ и всѣхъ усыпителей (народа) поднять крикъ. Они возбуждаютъ другъ друга противъ этого энергичнаго осужденія, которое не ставитъ внѣ закона, но устраняетъ отъ службы республикѣ этихъ двуличныхъ интригановъ, скрытыхъ слугъ монархіи, обратившихся въ придворныхъ льстецовъ народа. Этотъ способъ опозоренія каналій съ покладистой совѣстью возмущаетъ ихъ, и вотъ они же опираются на народное верховенство, они же выдвигаютъ принципы революціи противъ революціи»... Характернѣе и важнѣе, чѣмъ грубая брань «Réforme», было то обстоятельство, что и главный органъ умѣренной части республиканской партіи «National», находилъ необходимымъ, чтобы республикою управляли исконные республиканцы. Именно этотъ органъ отстаивалъ въ 1847 г. союзъ республиканцевъ съ династической лѣвой и лѣвымъ центромъ, и являлся тогда выразителемъ мнѣній тѣхъ лицъ, которыя составляли теперь большинство временнаго правительства. «National», правда, уклонился отъ обсужденія самаго циркуляра, и въ этомъ заключалось, несомнѣнно, молчаливое осужденіе образа дѣйствій Ледрю-Роллена, но въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ онъ, такимъ образомъ, по существу дѣла присоединялся къ его точкѣ зрѣнія.

Вся эта полемика естественно усилила броженіе, возбуждая страхъ и возмущеніе однихъ, слѣпыя страсти другихъ. Въ одномъ изъ полицейскихъ донесеній этихъ дней, полученныхъ самимъ Ледрю-Ролленомъ, говорилось прямо, что «циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, адресованный комиссарамъ, посланнымъ въ департаменты, вызвалъ среди средняго класса (la classe moyenne) безпокойство и почти панику». Представители французскаго банка доложили министру финансовъ, что требованіе обмѣна билетовъ банка на деньги немедленно и значительно усилилось.

Биржа подавала явные знаки тревоги. Государственное казначейство сообщало, что обмѣнъ старыхъ свидѣтельствъ казначейства на новыя пріостановился.

Сознавая всю нецѣлесообразность циркуляра, члены правительства, однако, не рѣшались его дезавуировать, тѣмъ болѣе, что и они въ большинствѣ своемъ держались или считали нужнымъ дѣлать видъ, что держатся изложенныхъ въ немъ взглядовъ. Они ограничились постановленіемъ, что впредь ни одинъ министръ не разошлетъ циркуляра, не подвергшагося предварительно совмѣстному обсужденію, и рѣшили воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы дать успокоительное толкованіе циркуляра.

А между тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ уже готовило имъ новый сюрпризъ. Съ 13-го марта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начала появляться новая оффиціозная газета «Bulletin de la république», цѣль которой заключалась въ защитѣ республиканской идеи, въ устраненіи ложныхъ слуховъ, въ успокоеніи взволнованнаго всякими сплетнями общественнаго мнѣнія и въ оповѣщеніи населенія о дѣйствіяхъ и прокламаціяхъ правительства. Въ первомъ же нумерѣ газета опредѣлила свою задачу: «республика», говорилось здѣсь, «которая является эманаціей народа, должна безпрестанно обращаться къ нему, чтобы его просвѣтить, ибо просвѣщать его—значитъ дѣлать его лучшимъ, дѣлать его лучшимъ—значитъ дѣлать его болѣе счастливымъ». А два дня спустя, газета вышла и разсылалась съ приложеніемъ, въ которомъ содержалась слѣдующая крайне характерная, составленная и принятая главарями клубовъ, прокламація къ парижанамъ.

«Граждане!

«Мы требуемъ отсрочки выборовъ въ національную гвардію и въ Учредительное Собраніе. Эти выборы будутъ комедіей. Въ Парижѣ лишь весьма малое количество рабочихъ (ouvriers) занесено въ избирательные списки. Урны собрали бы лишь голоса буржуазіи. Въ городахъ классъ трудящихся (travailleurs), пріученный долгими годами гнета и нищеты къ ярму, не принялъ бы никакого участія въ голосованіи или очутился бы подъ руководствомъ своихъ хозяевъ какъ слѣпой скотъ (comme un bétail aveugle). Въ деревняхъ все вліяніе сосредоточено въ рукахъ аристократовъ. Своей системой индивидуальнаго обособленія умѣлая тиранія задушила въ сердцѣ массъ всякое спонтанное движеніе. Несчастные крестьяне, доведенные до положенія крѣпостныхъ, оказались бы безъ ихъ вѣдома опорой для ихъ враговъ, которые ихъ угнетаютъ и эксплуатируютъ.

«Наша душа возмущается при мысли, что угнетатели могли бы, такимъ образомъ, воспользоваться плодами своего преступленія. Заставлять десять милліоновъ людей отвернуться отъ своего собственнаго спасенія, вырвать у ихъ невѣжества санкцію ихъ рабства—значитъ совершить святотатство; это было бы слишкомъ наглой насмѣшкой надъ февральскими баррикадами.

«Народъ не знаетъ; нужно, чтобы онъ зналъ! Это не дѣло одного дня или одного мѣсяца. Контръ-революція господствовала въ теченіе пятнадцати лѣтъ одна; неужели будетъ слишкомъ много, если предоставить, быть-можетъ, одинъ годъ свободѣ, которая претендуетъ лишь на половину трибуны, и которая сама не зажметъ рта своего врага? Нужно, чтобы свѣтъ проникъ въ послѣднюю деревушку республики... Нужно, чтобы трудящіеся подняли свои головы, согбенныя рабствомъ,

и поднялись изъ того состоянія оцѣпенѣнія и прострація, въ которомъ ихъ держатъ господствующія касты, возлагая свои ноги на ихъ головы.

«И не говорите, граждане, что наши опасенія напрасны. Если выборы состоятся, они будутъ реакціонны. Общій голосъ говоритъ, что роялистическая партія, единственно организованная благодаря своему долгому господству, рѣшитъ ихъ исходъ интригой, подкупомъ и соціальнымъ вліяніемъ и выйдетъ побѣдительницей.

«Вдумайтесь въ это! Эта побѣда равносильна гражданской войнѣ! Парижъ, сердце и мозгъ Франціи, Парижъ не отступитъ передъ наступательнымъ возвратомъ прошлаго! Вдумайтесь въ печальныя послѣдствія конфликта между парижскимъ населеніемъ и Собраніемъ, которое сочло бы себя представителемъ націи, не будучи имъ. Это завтрашнее голосованіе будетъ неожиданностью и ложью.

«Да избавитъ ваша предусмотрительность Францію отъ этой великой опасности. Дайте странѣ возможность родится для республики. Въ данный моментъ она еще заключена въ удушливую оболочку монархіи. Отсрочка выборовъ!—таковъ крикъ парижскаго народа».

Оффиціально вопросъ о выборахъ въ Національное Собраніе къ этому времени уже былъ разрѣшенъ. Еще 2-го марта правительство постановило опубликовать слѣдующее сообщеніе: «Временное правительство постановляетъ въ принципѣ и единогласно, что голосованіе будетъ всеобщимъ и прямымъ и не будетъ обусловлено никакимъ цензомъ». 5-го марта въ «Монитерѣ» было напечатано сообщеніе о томъ, что «временное правительство республики назначило созывъ избирательныхъ собраній на 9-е апрѣля, а созывъ Національнаго Собранія на 20-е апрѣля». Вмѣстѣ съ тѣмъ, было рѣшено, что Національное Собраніе установитъ конституцію; что количество членовъ Собранія опредѣляется въ 900 человѣкъ, распредѣляемыхъ по странѣ пропорціонально количеству населенія; что единственнымъ условіемъ активнаго избирательнаго права является достиженіе 20-лѣтняго, пассивнаго—достиженіе 25-лѣтняго возраста, и что голосованіе будетъ тайнымъ. Разработка деталей избирательнаго закона потребовала, однако, еще ряда новыхъ обсужденій. Результатомъ ихъ явились слѣдующія положенія. Избиратели каждаго департамента должны были избирать сразу всѣхъ депутатовъ, причитавшихся на долю даннаго департамента; дѣленіе страны на избирательные округа, изъ коихъ каждый избиралъ бы по одному депутату, было отвергнуто за краткостью времени, не допускавшей возможности произвести сложную процедуру установленія 900 избирательныхъ округовъ, а также изъ опасенія, какъ бы дробное голосованіе не привело къ преобладанію вліятельныхъ въ данной мѣстности по экономическимъ условіямъ лицъ, т.-е., главнымъ образомъ, землевладѣльцевъ. Въ виду затруднительности требовать собственноручнаго заполненія бюллетеней особенно отъ крестьянъ было разрѣшено подавать написанные или напечатанные заранѣе списки. Было установлено требованіе шестимѣсячной осѣдлости для облегченія составленія избирательныхъ списковъ, но это требованіе было смягчено существенными оговорками. Дабы сдѣлать участіе въ Собраніи доступнымъ для небогатыхъ, депутатамъ были назначены суточныя въ размѣрѣ 25 франковъ. Вопросъ объ избирательныхъ правахъ солдатъ (и офицеровъ) былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

6-го марта разработанный на этихъ началахъ законъ былъ опубликованъ, и въ тотъ же день началась клубная агитація противъ него или, вѣрнѣе, противъ его

немедленнаго примѣненія. Уже 7-го марта къ Ламартину явился предсѣдатель «центральнаго республиканскаго общества» Огюстъ Бланки и отъ имени своего клуба представилъ временному правительству два адреса. Первый изъ нихъ требовалъ отмѣны всѣхъ законовъ, стѣснявшихъ свободу печати и свободу союзовъ, и повальной отставки всѣхъ лицъ, занимавшихъ судебныя должности до 24-го февраля. Второй, нѣкоторую запоздалость котораго признавалъ самъ Бланки, настаивалъ на отсрочкѣ выборовъ. Отвѣтъ Ламартина, указавшаго на то, что временное правительство считаетъ себя обязаннымъ сложить свои диктаторскія полномочія возможно скорѣе и торопиться съ выборами, дабы ускорить переходъ страны къ нормальной политической жизни, разумѣется, не удовлетворилъ ни Бланки, ни другихъ ультрарадикальныхъ сторонниковъ отсрочки, и, начиная съ 8-го марта, клубъ развилъ лихорадочную дѣятельность. Самымъ характернымъ и важнымъ результатомъ этой дѣятельности являлись резолюціи о необходимости согласованія дѣйствій разныхъ клубовъ—съ этой цѣлью предлагалось организовать «центральный комитетъ» — и резолюціи о необходимости вызвать «внушительную манифестацію» для воздѣйствія на правительство. Центральнымъ вопросомъ являлся при этомъ вопросъ объ отсрочкѣ выборовъ; но клубъ Бланки не ограничился этимъ: въ засѣданіяхъ 11-го и 12-го марта клубъ формулировалъ длинный рядъ обвиненій противъ правительства. Тутъ перечислялись: «крайне неудачный подборъ посланныхъ въ провинціи комиссаровъ, обвиняемыхъ въ модерантизмѣ; сохраненіе (старой) магистратуры; систематическое устраненіе истинныхъ патріотовъ; разоруженіе баррикадныхъ борцовъ; призывъ находящихся на жалованьѣ солдатъ въ Парижъ; образованіе городской стражи, представляющей реорганизованную муниципальную гвардію, и, наконецъ, чрезмѣрно поспѣшный (précipité) созывъ избирательныхъ собраній». Не всѣ клубы присоединились ко всѣмъ этимъ обвиненіямъ, но всѣ настаивали на отсрочкѣ выборовъ. Делегаты люксембургской комиссіи всецѣло присоединились къ послѣднему требованію и одобрили также и принятые въ клубахъ тактическіе пріемы для достиженія этой цѣли, т.-е. образованіе центральнаго комитета и манифестацію. Въ томъ же смыслѣ агитировала и ультрарадикальная печать, въ томъ числѣ и оффиціозъ префекта полиціи Коссидіера, «La Commune de Paris».

Выраженіемъ этой агитаціи являлось вышеприведенное воззваніе, которое было приложено къ оффиціозу министерства внутреннихъ дѣлъ. Да и самый циркуляръ Ледрю-Роллена отъ 12 марта появился, несомнѣнно, подъ ея же вліяніемъ.

Въ результатѣ получалось довольно странное положеніе. Тѣ самые, которые всегда особенно горячо настаивали на всеобщемъ избирательномъ правѣ, тѣ самые, которые всегда утверждали, что они являются единственными послѣдовательными защитниками идеи народовластія, теперь проявляли наибольшую подозрительность и наибольшее недовѣріе къ результатамъ конкретнаго осуществленія всеобщаго голосованія и рѣшающаго участія народной массы въ государственной жизни. Роли чрезвычайно странно перемѣнились. Главнымъ аргументомъ враговъ расширенія избирательнаго права всегда служило утвержденіе, что народная масса «не созрѣла» для участія въ политической жизни. Теперь этотъ истасканный аргументъ предъявлялся уже не врагами, а сторонниками всеобщаго голосованія. Враги настаивали на ускореніи и полной свободѣ выборовъ, сторонники—либо на давленіи на выборы, либо на отсрочкѣ ихъ ad calendas graecas. Прежніе враги народовластія тре-

бовали, чтобы всѣ препятствія къ выясненію народной воли были устранены, сторонники народовластія желали сохраненія диктатуры, дабы «просвѣтить», «перевоспитать» суверенный народъ, который теперь внезапно оказался «незрѣлымъ» съ ихъ точки зрѣнія.

Типичный продуктъ якобинской идеологіи, этотъ поворотъ въ настроеніи и тактикѣ крайней лѣвой представлялъ яркое выраженіе ея неправильнаго пониманія идеи народовластія. Отожествляя народовластіе съ господствомъ своихъ идей о томъ, чѣмъ должна быть «послѣдовательная демократія», они не желали отдавать себѣ отчета въ томъ, что народовластіе само по себѣ отнюдь не предопредѣляетъ содержанія тѣхъ законодательныхъ нормъ и политическихъ актовъ, въ которыхъ выразится верховная власть д а н н а г о народа въ д а н н о е время, а представляетъ лишь наиболѣе сильную гарантію соотвѣтствія дѣятельности государственной власти съ господствующими въ данное время среди даннаго народа настроеніями и взглядами. Смотря по обстоятельствамъ и внутреннему развитію народной массы, настроеніе и взгляды народной массы могутъ быть весьма революціонными или весьма консервативными, или чаще всего революціонными въ одномъ, консервативными въ другомъ вопросѣ. Всеобщее избирательное право само по себѣ отнюдь не является гарантіей ни радикальнаго состава парламента, ни соотвѣтствія дѣятельности парламента съ болѣе сложными и далекими интересами народа. Оно гарантируетъ лишь, да и то лишь до извѣстной степени, соотвѣтствіе его дѣятельности съ господствующими въ народѣ основными взглядами на жизнь,—взглядами, которые могутъ быть очень далеки отъ правильной оцѣнки наиболѣе глубокихъ потребностей дальнѣйшаго народнаго развитія.

Почуявъ опасность, заключавшуюся въ возможномъ и вѣроятномъ несоотвѣтствіи между народнымъ и ихъ собственнымъ настроеніемъ и міросозерцаніемъ, ультра-радикальные элементы выдвинули давнишній якобинскій лозунгъ: благо народа выше воли народа, забывъ старую истину, что радикальный абсолютизмъ ничѣмъ не лучше абсолютизма реакціоннаго или консервативнаго, будучи въ то же самое время менѣе прочнымъ и устойчивымъ, чѣмъ послѣдній.

Колебанія Ледрю-Роллена, выразившіяся въ его циркулярѣ, и безусловное сочувствіе, которое Луи Бланъ проявлялъ къ требованіямъ крайней лѣвой, затрудняли и безъ того трудное положеніе правительства. Уже въ засѣданіи 13 марта Луи Бланъ настаивалъ на отсрочкѣ выборовъ въ національной гвардіи [1]) и предупреждалъ правительство о предстоящей въ случаѣ его несогласія «торжественной манифестаціи ста тысячъ гражданъ, которые двинутся на городскую ратушу, чтобы заявить самолично свой протестъ».

Сообщеніе Луи Блана произвело крайне тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ заключало въ себѣ, несмотря на всѣ его увѣренія, несомнѣнную угрозу. Съ точки зрѣнія самого Луи Блана манифестація, впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ не должна была привести къ измѣненію состава правительства, котораго, наоборотъ, добивались

[1]) Декретъ о назначеніи выборовъ на 18 марта былъ опубликованъ 3 марта. Вопросъ объ этихъ выборахъ, какъ оказалось, особенно заинтересовалъ народную массу Парижа, и именно поэтому онъ былъ выдвинутъ на первый планъ. Сравнительная отдаленность гораздо болѣе важныхъ выборовъ въ Національное Собраніе побудила вожаковъ не сосредоточиваться на нихъ.

вожаки клубовъ. «Если большинство (правительства) будетъ прогнано, то что станетъ дѣлать буржуазія»?—спрашивалъ онъ себя, по его собственнымъ словамъ. «Либо она бросится въ отчаяніи въ гражданскую войну, и республика, шагая въ крови, просуществуетъ недолго, либо она, испуганная, замкнется въ себя, и результатомъ будетъ всеобщая пертурбація. Торговлѣ будетъ нанесенъ смертельный ударъ, капиталы ударятся въ бѣгство, фабрики закроются, и придется запретить вывозъ денегъ, возстановить обыски, максимумъ, терроръ, эшафотъ. И все это ради перваго видоизмѣненія правительства, которое послужитъ оправданіемъ второго, третьяго... Подвергать такимъ путемъ страну случайностямъ непогоды—это было бы безумно». Съ другой стороны, онъ, однако, вполнѣ сочувствовалъ манифестаціи, какъ средству оказать надлежащее давленіе на правительство, усилить моральное вліяніе его радикальнаго меньшинства и добиться цѣли безъ опаснаго разгона даннаго состава правительства: въ этомъ онъ усматривалъ «истинную, соотвѣтствующую положенію, политику, единственную одновременно мудрую и энергичную» [1]).

Большинство правительства, съ своей стороны, не могло не понимать, что для него и его политики стремленія Луи Блана были нисколько не болѣе утѣшительны, чѣмъ намѣренія Бланки и др. Отсрочка выборовъ въ національной гвардіи была отвергнута, и взамѣнъ ея было рѣшено обратиться къ населенію еще разъ съ приглашеніемъ заявить о своемъ желаніи войти въ составъ гвардіи, дабы лишить революціонеровъ возможности ссылаться на неполноту списковъ и на желаніе правительства устранить массу населенія отъ выборовъ. Въ связи съ этимъ былъ кстати разрѣшенъ и одинъ изъ вопросовъ внутренней организаціи національной гвардіи, а именно вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи особыхъ ротъ гренадеровъ и вольтижеровъ въ каждомъ легіонѣ. Въ составъ этихъ ротъ, обмундированіе которыхъ обходилось дороже обыкновеннаго, входили большей частью люди состоятельные; связи, существовавшія между ними въ силу однородности условій жизни, укрѣпились подъ вліяніемъ совмѣстной службы, и въ лицѣ этихъ ротъ буржуазія имѣла, такимъ образомъ, постоянную, крѣпкую своей военной дисциплиной, организацію. Характерно, какъ то, что теперь возникъ вопросъ о цѣлесообразности этой организаціи, такъ и то, что онъ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ: демократическій принципъ, которому еще до этого были принесены въ жертву дворянскіе титулы [2]), не допускалъ, казалось, никакихъ отличій внутри единой и однообразной массы равноправныхъ гражданъ. Само по себѣ значеніе этого рѣшенія было, очевидно, весьма не велико,—немногочисленныя роты гренадеровъ и вольтижеровъ не могли бороться со всей остальной массой національной гвардіи. Среди шума клубной агитаціи и постоянныхъ угрозъ революціонной диктатурой и эта «реформа» пріобрѣтала, однако, извѣстное значеніе, возбуждая подозрѣнія буржуазныхъ круговъ: воспоминанія о великой революціи заставляли ихъ цѣнить всякую организацію, которой они могли бы воспользоваться въ предстоявшей, по ихъ мнѣнію, борьбѣ

---

[1]) Полнаго единодушія не было по этому вопросу и среди вожаковъ клубовъ. «Въ глазахъ извѣстной части вожаковъ»,—разсказываетъ Прудонъ въ своей «Исповѣди»,—«задача заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ видоизмѣненіи состава правительства...».

[2]) 29 февраля былъ принятъ декретъ, упразднявшій всѣ старые дворянскіе титулы и запрещавшій всѣмъ и каждому пользоваться ими.

съ «санкюлотами». Только этимъ и можно объяснить демонстрацію 16 марта, свидѣтельствовавшую какъ о раздраженіи буржуазіи, такъ и о ея фактическомъ безсиліи.

Упраздняя эти роты, временное правительство, несомнѣнно, было очень далеко отъ какого-либо макіавелистическаго замысла противъ буржуазіи: оно было радо смягчить отказъ въ отсрочкѣ выборовъ мѣрой, которой событія придавали демократическій оттѣнокъ, и отнюдь не думало о томъ, чтобы обезоружить буржуазію, дабы обезпечить побѣду «санкюлотовъ» надъ ней. Главное его вниманіе сосредоточивалось на предстоящей манифестаціи, и оно совершенно не предполагало, что принятое имъ только-что рѣшеніе ускоритъ манифестацію и окажетъ своеобразное вліяніе на ея характеръ и исходъ.

Уже на другой день послѣ засѣданія 13 марта вопросъ о манифестаціи сдѣлался снова предметомъ обсужденія правительства и опять по иниціативѣ Луи Блана, который и желалъ и опасался ея. Засѣданія 14 и 15 марта привели правительство къ убѣжденію, что извѣстная уступка необходима, дабы устранить всякія нареканія на правительство за вызванную его поспѣшностью неполноту списковъ гвардіи: срокъ записи въ списки былъ продленъ на недѣлю (до 23 марта), а выборы были назначены на 25 марта (вмѣсто 18 марта). Вопросъ о выборахъ въ Національное Собраніе не обсуждался, и декреты 3 и 6 марта остались въ силѣ.

Эта уступка, казалось, разрѣшала всѣ затрудненія, но тутъ случилось совершенно неожиданное событіе, значительно ускорившее развязку.

Опубликованный 14 марта и подписанный только ненавистнымъ буржуазіи министромъ внутреннихъ дѣлъ декретъ объ упраздненіи особыхъ ротъ гренадеровъ и вольтижеровъ принесъ свои плоды. Еще въ тотъ же день, 14 марта, гренадеры перваго батальона третьяго легіона составили и подписали опубликованный на другой день протестъ, въ которомъ они указывали на то, что декретъ нарушаетъ права членовъ упраздненныхъ ротъ, такъ какъ ихъ уничтоженіе приводитъ къ полной дезорганизаціи ихъ членовъ, лишенныхъ такимъ образомъ возможности принять организованное участіе въ предстоящихъ выборахъ. Важнѣе жалобъ на грозящую дезорганизацію всей гвардіи, которая будто бы должна явиться послѣдствіемъ декрета, было, однако, весьма недвусмысленное указаніе на то, что правительство «нуждается въ содѣйствіи всѣхъ гражданъ, которые сохраняли его (l'ont maintenu) до сихъ поръ ради общаго интереса», — указаніе, значеніе котораго было ясно для всѣхъ. До сихъ поръ правительству грозили только рабочіе и революціонеры, теперь ему стали угрожать буржуа и консерваторы.

Но разъ дѣло доходитъ при такихъ условіяхъ до угрозъ, то ясно, что удѣльный вѣсъ грозящихъ опредѣляется той физической силой, которую они могутъ привести въ движеніе. Составители протеста сами опредѣляли число своихъ единомышленниковъ въ 24000. Но что значили эти 24000, принадлежавшіе къ классу людей, мало склонныхъ къ боевымъ выступленіямъ, по сравненію съ сотнями тысячъ парижскихъ мелкихъ буржуа и рабочихъ? Весьма понятно, что правительство не сочло нужнымъ обратить вниманіе на ихъ негодованіе и не подумало отмѣнить принятое имъ рѣшеніе.

Тогда и среди этихъ консервативныхъ элементовъ возникаетъ мысль о ма-

нифестаціи. Газеты и афиши приглашаютъ не только гренадеровъ и вольтижеровъ, но всю національную гвардію цѣликомъ собраться 16 марта въ 11 ч. утра въ мундирѣ и безъ оружія, съ одной только саблей, въ обычныхъ мѣстахъ сбора, дабы направиться къ полудню къ городской ратушѣ и поддержать протестъ противъ декрета во имя неприкосновенности національной гвардіи, этого «хранителя права и свободы». Разсылка клубнаго воззванія въ пользу отсрочки выборовъ доводитъ ожесточеніе до крайнихъ предѣловъ, и вечеромъ 15 марта принимаются окончательныя рѣшенія о порядкѣ предстоящей манифестаціи: программа ея составляется примѣнительно къ той программѣ, которую мѣсяцъ тому назадъ составилъ Марра для демонстраціи противъ министерства Гизо.

Первая систематическая попытка оказать давленіе на правительство исходила, такимъ образомъ, отъ консерваторовъ. Агитація революціонеровъ и уступчивость правительства по отношенію къ нимъ могли быть объяснены самоустраненіемъ консервативныхъ элементовъ. Надо было, съ своей стороны, выступить на арену борьбы и бросить свое вліяніе на чашку вѣсовъ. Въ противномъ случаѣ можно было опасаться, что радикальные элементы возьмутъ окончательно верхъ.

Предпріятіе отнюдь не казалось безнадежнымъ. Можно было разсчитывать на традиціонныя связи, объединявшія національную гвардію, на страхъ диктатуры,— страхъ, который революціонныя рѣчи и соціалистическая проповѣдь должны были, казалось, вызвать въ широкихъ массахъ буржуазіи. Возможность успѣха казалась столь значительной, что нѣкоторые изъ организаторовъ движенія не хуже Бланки мечтали объ очисткѣ временнаго правительства отъ неугодныхъ имъ элементовъ.

Если принять во вниманіе, какъ мало воинственны тѣ элементы общества, къ которымъ обращались организаторы манифестаціи, то нельзя не признать, что манифестація приняла и на самомъ дѣлѣ довольно внушительные размѣры. По словамъ Гарнье-Пажеса, рѣшительно осуждавшаго манифестацію, къ 2 часамъ дня, когда шествіе двинулось къ городской ратушѣ, въ немъ участвовало около 30000 человѣкъ. Если бы шествіе состоялось въ назначенное время (въ полдень), то трудно сказать, кончилось ли бы оно такой жалкой неудачей, какая выпала на его долю въ значительной мѣрѣ благодаря тому, что скопленіе демонстрантовъ заставило ихъ враговъ напречь свои силы, чтобы помѣшать ихъ торжеству. Когда выяснилось, что манифестація осуществляется, огромныя толпы народа двинулись къ заранѣе извѣстнымъ мѣстамъ, по которымъ шествіе должно было совершиться: особенно большую энергію проявили и здѣсь студенты и рабочіе. Движеніе впередъ становилось все болѣе затруднительнымъ, настроеніе окружающей толпы все болѣе возбужденнымъ. Становилось очевиднымъ, что надежды на успѣхъ, на возможность дойти до ратуши падаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, понижалось и настроеніе участниковъ манифестаціи, и, когда командиръ національной гвардіи, генералъ Куртэ, настойчиво посовѣтовалъ имъ воздержаться отъ дальнѣйшаго движенія и послать въ ратушу лишь делегатовъ, они подчинились своей судьбѣ.

При такихъ условіяхъ исходъ всего дѣла былъ предрѣшенъ. Делегатамъ, передавшимъ правительству желанія манифестантовъ, пришлось выслушать много горькихъ истинъ. Мэръ Парижа, Марра, заявилъ имъ, что правительство, уже освѣдомленное о ихъ желаніяхъ изъ газетъ, надѣялось, «что такіе люди, какъ они, по необходимости являющіеся друзьями порядка и обязанные его поддерживать, не

уклонятся отъ закономѣрныхъ путей, чтобы довести о своихъ неудовольствіяхъ до свѣдѣнія правительства». «Неудобство подобнаго рода манифестацій—продолжалъ онъ—заключается въ томъ, что они вызываютъ другія манифестаціи противоположнаго характера, содѣйствуютъ продленію уличной агитаціи, дѣлаютъ столь тяжелый и безъ того кризисъ, отъ котораго страдаетъ торговля, еще болѣе труднымъ».

По выясненіи того факта, что декретъ о національной гвардіи былъ дѣломъ всего правительства, а не одного Ледрю-Роллена, какъ думали участники манифестаціи, послѣдніе должны были удалиться, не добившись никакого результата, если не считать того ослабленія правительства, которое явилось естественнымъ послѣдствіемъ возобновленія уличныхъ манифестацій, съ одной, выяснившагося безсилія консервативныхъ и умѣренныхъ элементовъ общества, съ другой стороны.

Манифестація «мохнатыхъ шапокъ» имѣла, впрочемъ, еще и другой результатъ. Онъ заключался въ усиленіи вліянія ультрарадикальныхъ элементовъ, естественно поторопившихся использовать инцидентъ 16 марта въ пользу задуманной ими самими манифестаціи. Манифестація правыхъ была немедленно объявлена признакомъ готовности реакціи выступить противъ всего дѣла февральской революціи.

Правительство понимало грозившую ему опасность и рѣшило сдѣлать попытку предотвратить и осудить въ лицѣ непопулярной и неудавшейся манифестаціи 16 марта самую идею манифестацій. Но въ то же время оно рѣшило выяснить и свое отношеніе къ предстоящимъ выборамъ, дабы устранить недоразумѣнія, возникшія на почвѣ циркуляра Ледрю-Роллена отъ 12 марта. Его выступленіе по этимъ вопросамъ въ данный трудный моментъ представляетъ одну изъ его наиболѣе крупныхъ заслугъ передъ народомъ.

Мысль правительства была изложена въ двухъ отдѣльныхъ прокламаціяхъ. Первая изъ нихъ была обращена къ національной гвардіи, содержала объясненіе декрета 13 марта и заканчивалась такъ: «Временное правительство сожалѣетъ о томъ, что эта мѣра, будучи плохо понята, вызвала среди національной гвардіи противныя общественному порядку манифестаціи. Оно напоминаетъ всѣмъ гражданамъ, что оно намѣревается обсуждать и пользоваться своей властью вполнѣ свободно; всякое внутреннее давленіе, откуда бы оно ни исходило, встрѣтится съ рѣшимостью временнаго правительства поддержать принятыя имъ рѣшенія, продиктованныя ему его принципами, отъ которыхъ оно не отступится». Подчеркнувъ готовность правительства считаться со всякаго рода возраженіями, пожеланіями и указаніями, поскольку они проявляются въ мирной формѣ совѣта, прокламація далѣе заявляла, что правительство сочтетъ себя обязаннымъ противиться всякому воздѣйствію, принимающему характеръ угрозы или насилія.

Вторая, составленная Ламартиномъ, прокламація, была посвящена вопросу о выборахъ въ Національное Собраніе. «Вамъ предстоитъ организовать республику,—говорилось въ ней.—Мы, съ своей стороны, только и сдѣлали, что ее провозгласили; облеченные властью въ силу аккламаціи... мы не хотѣли и не хотимъ другой диктатуры, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ безусловной необходимости. Если бы мы отказались отъ опаснаго поста, мы оказались бы гнусными трусами. Если бы мы сохранили его по миновании необходимости, хотя бы на одинъ часъ, мы были бы узурпаторами». Отвергнувъ, такимъ образомъ, якобинскую идею длительной дикта-

туры и связанную съ нею идею отсрочки выборовъ, правительство въ связи съ этимъ развивало свой взглядъ на вопросъ, чѣмъ должна быть республика, и въ чемъ заключаются условія ея прочности. Изложеніе этого взгляда переплеталось съ восхваленіемъ французскаго народа вообще и парижскаго въ частности, его героизма во время борьбы, его гуманности по ея окончаніи, его готовности и способности положить предѣлъ анархіи, его уваженія къ индивидуальной свободѣ и къ собственности; даже упраздненіе смертной казни было объявлено дѣломъ рукъ народа. «Если вы насъ спрашиваете, какую республику мы имѣемъ въ виду,.. какую политику, какіе принципы, какія доблести мы желаемъ республиканцамъ, которыхъ вамъ предстоитъ выбрать, мы отвѣтимъ: взгляните на парижскій и французскій народъ со времени провозглашенія республики»! «Мы можемъ вамъ дать только одну инструкцію: воодушевитесь примѣромъ народа, подражайте ему! Думайте, чувствуйте, голосуйте, дѣйствуйте, какъ онъ». Правительство рѣшительно открещивается отъ мысли оказать давленіе на выборы. «Временное правительство хочетъ, чтобы царила общественная совѣсть! Старыя партіи не внушаютъ ему безпокойства; старыя партіи въ три дня состарились на столѣтіе! Республика убѣдитъ ихъ (отказаться отъ ихъ взглядовъ), если она будетъ безопасна и справедлива и для нихъ. Необходимость—великій учитель. Республика, запомните это хорошенько, имѣетъ счастіе быть необходимымъ строемъ. Спокойное размышленіе за насъ. Нельзя вернуться къ монархіи, которая стала невозможной. Никто не захочетъ опуститься до невѣдомой анархіи: придется быть разсудочнымъ республиканцемъ. Дайте только всѣмъ безопасность, свободу и уваженіе. Обезпечьте другимъ ту независимость голосованія, которой вы хотите располагать сами. Не слѣдите за тѣмъ, чье имя заносятъ въ свои бюллетени тѣ, которыхъ вы считаете своими врагами, и будьте заранѣе увѣрены, что они напишутъ единственное имя, которое можетъ ихъ спасти, т.-е. имя способнаго и честнаго республиканца. Безопасности, свободы, уваженія совѣсти всѣхъ гражданъ: таково намѣреніе временнаго правительства, таковъ его, таковъ вашъ долгъ! Вотъ гдѣ спасеніе народа! Довѣрьтесь здравому смыслу страны, она довѣрится вамъ; дайте ей свободу, она пришлетъ вамъ республику». Условія для созданія республики, для обезпеченія построенной на всеобщемъ избирательномъ правѣ демократіи, чрезвычайно благопріятны. «Еще нѣсколько дней великодушія, преданности, терпѣнія, и Національное Собраніе приметъ изъ нашихъ рукъ нарождающуюся республику. Съ этого дня все будетъ спасено! Когда нація приметъ республику изъ рукъ своихъ представителей, тогда республика будетъ сильна и велика какъ нація, священна какъ идея народа, прочна какъ отечество».

Прокламація была подписана всѣми членами правительства безъ исключенія. Подъ ней красовались подписи Ледрю-Роллена и Луи Блана. Но этотъ результатъ былъ достигнутъ лишь послѣ продолжительныхъ дебатовъ, во время которыхъ Луи Бланъ отстаивалъ необходимость не «диктатуры насилія», но «диктатуры прогресса», указывая на то, что при наличныхъ формахъ хозяйственной жизни невмѣшательство правительства должно по необходимости привести къ побѣдѣ капитала на выборахъ, побѣдѣ, которая извратитъ дальнѣйшее развитіе и упрочитъ систему эксплуатаціи народной массы имущими. Ледрю-Ролленъ уклонялся отъ ясной формулировки своего взгляда, но не скрывалъ своего сочувствія къ идеѣ отсрочки выборовъ. За противоположное рѣшеніе высказались съ особенной энергіей Ламартинъ, Дюпонъ и Гарнье-

Пажесъ: первые два даже категорически заявили, что подадутъ немедленно въ отставку, если выборы будутъ отсрочены хотя бы на мѣсяцъ, какъ подъ конецъ предлагалъ Луи Бланъ. Только эта ихъ угроза привела къ единогласному принятію прокламаціи, которая и была расклеена по Парижу еще вечеромъ того же 16 марта.

На сторонниковъ отсрочки выборовъ она, разумѣется, не произвела никакого впечатлѣнія. Вопросъ о манифестаціи былъ предрѣшенъ; демонстрація «мохнатыхъ шапокъ» подлила лишь масла въ огонь, и ночью съ 16 на 17 марта по городу были расклеены новыя воззванія, приглашавшія народъ собраться къ 10 ч. утра 17-го марта на площади революціи, «дабы снова подтвердить временному правительству, что мы готовы оказать ему съ нашей стороны содѣйствіе относительно всѣхъ мѣропріятій, касающихся порядка и общественнаго спасенія».

Видимая цѣль манифестаціи заключалась, такимъ образомъ, въ поддержкѣ правительства, а мотивомъ къ ней должна была служить демонстрація 16 марта, направленная къ «поддержанію привилегированныхъ организацій внутри нашего равенства». Съ внѣшней стороны могло казаться, что правительству и его политикѣ не грозитъ никакая опасность. Единственнымъ двусмысленнымъ мѣстомъ въ прокламаціи были слѣдующія слова: «мы ожидаемъ съ довѣріемъ осуществленія обѣщаній временнаго правительства. Мы ожидаемъ!... мы, которые часто нуждаемся въ необходимомъ». Какія это обѣщанія?—Обѣщанія позаботиться о судьбѣ трудящихся или обѣщанія, заключавшіяся въ циркулярѣ Ледрю-Роллена, «того изъ министровъ, какъ гласила прокламація,—который далъ столько доказательствъ привязанности къ революціи (qui a donné tant de gages à la Révolution)»?

Неопредѣленность прокламаціи не была случайной. Это лишь одинъ изъ цѣлаго ряда случаевъ, когда вожаки не рѣшались ясно формулировать свои цѣли, и когда они намѣренно выдвигали какой-нибудь лозунгъ, въ популярности котораго среди народной массы они не сомнѣвались, дабы вызвать возможно болѣе внушительное народное движеніе и, разъ оно состоится, направить его, пользуясь своей организованностью, по тому руслу, которое соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ цѣлямъ, о которыхъ масса, можетъ-быть, смутно догадывается, но которыхъ она въ точности не знаетъ. Съ этой точки зрѣнія представляется крайне характернымъ, что въ данномъ случаѣ сочли нужнымъ обратиться къ народу съ призывомъ выступить въ защиту правительства.

Разсчетъ оказался правильнымъ. Къ 11 час. утра все громадное разстояніе отъ тріумфальной арки до тюльерійскаго дворца покрылось густыми толпами организованныхъ по ремесламъ рабочихъ; число манифестантовъ доходило до 150000, изъ коихъ подавляющее большинство не имѣло никакого понятія о той петиціи, которая утромъ того же дня была выработана по порученію клубовъ «комиссіей тридцати».

Въ 11 час. толпа двинулась черезъ площадь революціи по набережнымъ Сены къ городской ратушѣ. Во главѣ ея идутъ члены комиссіи тридцати и отъ 4—500 членовъ ультрарадикальныхъ клубовъ, среди нихъ Бланки. Революціонныя организаціи дойдутъ, такимъ образомъ, первыя до ратуши и будутъ имѣть возможность говорить отъ имени всей этой колоссальной толпы. Лишенное возможности опереться на вооруженную силу, да и не желающее къ ней прибѣгнуть, правительство безсильно остановить ея грозное движеніе. «Это наше 20 іюня»,

замѣтилъ Ламартинъ, когда толпа дошла до ратуши и окружила ее съ криками: да здравствуетъ республика!—«когда наступитъ наше 10 августа»? [1]).

Вопросъ казался вполнѣ умѣстнымъ. Кто могъ знать, чѣмъ кончится это грандіозное выступленіе народа, разъ народъ самъ не зналъ этого? Но именно это послѣднее обстоятельство, непосвященность народа въ цѣли вожаковъ, не ускользнуло отъ вниманія нѣкоторыхъ изъ друзей правительства и побудило ихъ предложить Ламартину пригласить вожаковъ въ ратушу, арестовать ихъ тамъ и обратиться къ народу съ рѣчью. Ламартинъ справедливо усумнился въ цѣлесообразности этой отчаянной идеи, и «делегаты» народа вошли въ ратушу.

Съ внѣшней стороны ихъ петиція была составлена въ спокойномъ тонѣ, но содержаніе ея, тѣмъ не менѣе, было непріемлемо для правительства.

Когда «делегатамъ» удалось проникнуть въ ратушу, одинъ изъ нихъ, Жираръ, прочелъ заготовленный адресъ, который начинался съ ряда ссылокъ на правительственныя прокламаціи и выраженное въ нихъ желаніе правительства организовать «истинные выборы, истинную національную гвардію, истинную конституцію»; «вотъ почему»,—гласилъ адресъ,—«мы объединились вокругъ васъ и дали вамъ нашу поддержку»... Дальше слѣдовалъ рядъ жалобъ на подчиненныхъ правительству агентовъ власти, не приложившихъ надлежащихъ стараній, чтобы обезпечить всѣмъ гражданамъ возможность занести свое имя въ избирательные списки и въ списки національной гвардіи, констатировалась неподготовленность народа и, наконецъ, говорилось слѣдующее: «согласно съ этимъ, мы явились, дабы передать вамъ желанія парижскаго народа и потребовать (demander) отъ васъ отъ его имени: 1) удаленія войскъ, 2) отсрочки выборовъ въ національной гвардіи до 5 апрѣля, 3) отсрочки выборовъ въ Національное Собраніе до 31 мая. Граждане временнаго правительства, мы не можемъ скрыть отъ себя, что контръ-революціонныя затѣи могли бы подвергнуть опасности общественный миръ и революцію, если бы вашъ патріотизмъ и ваша преданность не спасли всѣхъ насъ. Состоявшаяся вчера и имѣвшая угрожающій характеръ манифестація имѣла цѣлью потрясти ваше положеніе; мы отвѣчаемъ на нее мирной манифестаціей, чтобы защитить васъ и насъ вмѣстѣ съ вами».

Несмотря на сравнительно мирный тонъ адреса, онъ представлялъ по существу своему ультиматумъ и, очевидно, создавалъ опаснѣйшій прецедентъ для дальнѣйшаго. Серьезность положенія была столь очевидна, что она поразила даже Луи Блана, явно сочувствовавшаго задачѣ манифестаціи, но понявшаго не хуже другихъ, что «къ движенію примѣшались постороннія (рабочимъ) корпораціямъ лица, и что выдававшіе себя за делегатовъ толпы не всѣ были ими въ дѣйствительности». Онъ видѣлъ, что «здѣсь были люди, нетерпѣливо желавшіе низвергнуть въ интересахъ идеи, представителями коей были Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Альберъ и я (Луи Бланъ), тѣхъ членовъ временнаго правительства, которые держались противоположнаго мнѣнія». «Положеніе было критическое»,—продолжаетъ Луи Бланъ свой разсказъ. «Стоило какому-нибудь смѣлому человѣку открыть въ эту минуту окно ратуши и крикнуть толпѣ, покрывавшей гревскую площадь: Ваши требованія

[1]) 20 іюня 1792 г. было совершено первое нападеніе на дворецъ Людовика XVI; 10 августа онъ былъ низвергнутъ.

отвергнуты, вашихъ делегатовъ оскорбляютъ!—и все, можетъ-быть, было бы кончено! Кто знаетъ, какія несчастія могли бы произойти отъ внезапнаго призыва къ всемогущему гнѣву обманутаго народа? Каковы были бы послѣдствія зажженнаго, такимъ образомъ, пожара? Гдѣ бы онъ остановился? Какую страшную отвѣтственность приписали бы мнѣ окружавшія меня лица, которыя подозрѣвали меня въ стремленіи къ диктатурѣ и могли теперь сослаться на присутствіе люксембургскихъ делегатовъ во главѣ движенія»!

Испуганный гигантскими размѣрами манифестаціи и участіемъ въ ней клубистовъ, за которыми, очевидно, стоялъ ненавистный ему Бланки, Луи Бланъ инстинктивно почувствовалъ, что при данныхъ условіяхъ его слово будетъ имѣть наибольшій вѣсъ, и поторопился использовать свой авторитетъ въ интересахъ устраненія всякихъ насильственныхъ мѣропріятій противъ временнаго правительства. Онъ началъ говорить, и совершилось то, что Прудонъ назвалъ «реакціей Луи Блана».

Выразивъ убѣжденіе, что правительство республики опирается на общественное мнѣніе, что воля его должна всегда гармонировать съ волей народа, и поблагодаривъ делегатовъ за выраженія «симпатіи и преданности», Луи Бланъ въ то же время подчеркнулъ свою увѣренность въ томъ, что манифестанты сами не могутъ желать, «чтобы правительство, призванное быть ихъ представителемъ, уступило угрозѣ». Разъ правительство существуетъ, оно должно имѣть возможность свободно обсуждать народныя пожеланія и принимать свои рѣшенія при условіяхъ, обезпечивающихъ его достоинство.

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было двойственное. «Представителями корпорацій—разсказывалъ впослѣдствіи самъ Луи Бланъ—мои слова были встрѣчены очень благопріятно, но экзальтированные люди, присоединившіеся къ рабочимъ, обнаружили мрачное неудовольствіе», выразившееся въ нѣсколькихъ замѣчаніяхъ, въ отвѣтъ на которыя Луи Бланъ снова указалъ на необходимость предоставить правительству возможность обсудить сообщенныя ему пожеланія. Увѣщеванія, однако, не подѣйствовали или подѣйствовали не на всѣхъ.—«Мы не выйдемъ отсюда, пока не получимъ отвѣта, который мы должны передать народу»!—сказалъ одинъ изъ делегатовъ «съ запальчивостью». Заявленіе его вызвало знаки явнаго неодобренія и недовольства со стороны членовъ правительства, и нѣкоторые изъ членовъ делегаціи, а именно Собріэ и Кабэ, поспѣшили увѣрить правительство, что они не намѣрены совершить надъ нимъ насиліе, что они питаютъ къ нему довѣріе и не сомнѣваются въ томъ, что оно обсудитъ ихъ желанія. Ледрю-Ролленъ напомнилъ делегатамъ, что помимо Парижа существуетъ еще и Франція; заявилъ, что его комиссары представятъ свѣдѣнія о положеніи дѣла во всей странѣ, и указалъ на то, что правительство, собравши всѣ свѣдѣнія, быть-можетъ, и отсрочитъ выборы. Волненіе, однако, не улегалось. Изъ среды делегатовъ было указано на то, что если вопросъ о выборахъ въ Національное Собраніе можетъ-быть рѣшенъ только на основаніи данныхъ, относящихся ко всей Франціи, то два другихъ вопроса—вопросъ объ удаленіи войскъ изъ Парижа и вопросъ о парижскихъ выборахъ въ національной гвардіи—могутъ и должны быть рѣшены немедленно. Новая рѣчь Собріэ, въ которой онъ опять выражалъ довѣріе правительству, вызвала возраженія нѣсколькихъ делегатовъ въ томъ смыслѣ, что это довѣріе не распространяется на всѣхъ членовъ правительства, и Собріэ пришлось выступить въ нѣсколько неожи-

данной роли защитника всего правительства, изъ числа членовъ коего теперь выступилъ и Ламартинъ. Рѣчь его была по обыкновенію блестяща и произвела сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ о томъ, что правительство не можетъ существовать безъ нравственнаго авторитета; что оно можетъ обладать имъ лишь въ томъ случаѣ, если всѣ будутъ увѣрены въ его полной независимости отъ внѣшняго давленія; что у него нѣтъ другого средства, чтобы оберечься отъ насилія, кромѣ обращенія къ разуму народа, и что онъ ни въ какомъ случаѣ не сочтетъ возможнымъ лишить Францію путемъ отсрочки выборовъ въ Національное Собраніе законнаго представительства ея воли; что онъ предпочтетъ лучше умереть, чѣмъ согласиться на такую мѣру. Онъ закончилъ обѣщаніемъ разсмотрѣть заявленныя желанія, не предрѣшая рѣшительно ни въ чемъ заключенія правительства.

Въ то время, какъ часть делегатовъ рукоплескала Ламартину, а другая хранила мрачное молчаніе, съ площади раздался страшный крикъ народа, которому наскучило ждать, и который требовалъ, чтобы временное правительство показалось передъ нимъ. Члены правительства поспѣшили окончить бесѣду съ делегатами и двинулись къ выходу на площадь. Въ это время произошелъ характерный, разсказанный Луи Бланомъ, эпизодъ: «Въ ту минуту, когда мы проталкивались сквозь толпу, скучившуюся на лѣстницахъ ратуши, человѣкъ съ энергичными тѣлодвиженіями и горящими глазами, озарявшими его необыкновенно блѣдное лицо, быстро подскочилъ ко мнѣ и, схвативъ меня гнѣвно за руку, воскликнулъ: ты, стало-быть, тоже измѣнникъ»? Крайніе радика́льные элементы почувствовали, что потерпѣли пораженіе и поняли, что главная отвѣтственность за него падала не на кого иного, какъ на Луи Блана. «Распаденіе партіи совершилось,—говоритъ Прудонъ;—демагогическая и соціалистическая партіи имѣли отнынѣ свою правую и свою лѣвую, своихъ умѣренныхъ и своихъ крайнихъ. Новые якобинцы наложили печать молчанія на уста новыхъ кордельеровъ».

Исходъ дня зависѣлъ, правда, все еще отъ всякаго рода случайностей: по справедливому замѣчанію Ламартина, достаточно было одного экзальтированнаго человѣка и одного выстрѣла по эстрадѣ, на которой находилось правительство, чтобы вызвать смятеніе, кровопролитіе и панику, послѣдствій которой нельзя было предвидѣть. По словамъ Гарнье-Пажеса, даже часть делегатовъ питала подобнаго рода опасенія и позаботилась окружить эстраду своими приверженцами: и тутъ сказалось взаимное недовѣріе членовъ разныхъ клубовъ и сторонниковъ разныхъ направленій революціонной мысли.

Опасенія не оправдались. Какъ только члены временнаго правительства появились передъ народомъ, вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, обнажила головы, и раздался оглушительный крикъ: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ временное правительство! «Народъ, не посвященный въ тайну своихъ вождей, придаетъ манифестаціи ту интерпретацію, которая была ей сообщена оффиціально: онъ считалъ, что правительство подверглось угрозамъ и нападенію, и онъ пришелъ протестовать противъ этого, пришелъ усилить, а не ослабить его; онъ уже привѣтствовалъ своими криками временное правительство 24 февраля, онъ привѣтствуетъ его еще разъ». На знамени одного изъ клубовъ значились слова: «отсрочка выборовъ въ Національное Собраніе до 31 мая»—народъ заставилъ убрать это знамя.

Ультрарадикальная партія потерпѣла полное пораженіе. Послѣ рѣчи Луи Блана,

въ которой онъ повторилъ мысли, уже изложенныя имъ делегатамъ, и которая вызвала бурныя овацiи, толпа начала очищать площадь, но еще въ теченiе нѣсколькихъ часовъ густыя массы манифестантовъ продолжали дефилировать передъ ратушей, и только къ 5 час. вечера послѣдніе изъ ихъ числа прошли мимо нея.

Но если временное правительство могло быть довольно результатомъ дня въ томъ смыслѣ, что клубистамъ не удалось увлечь толпу за собой, и что не было сдѣлано попытки произвести «очистку» временнаго правительства, то оно не могло въ то же время уклониться отъ обѣщаннаго разсмотрѣнiя предъявленныхъ ему требованiй. Въ 8 час. вечера члены правительства собрались снова, чтобы обсудить ихъ и принять окончательное рѣшенiе. Вопросъ объ удаленiи войскъ изъ Парижа, повидимому, даже не обсуждался, вопросъ объ отсрочкѣ выборовъ въ Національное Собранiе былъ отложенъ до 26 марта, когда министерство внутреннихъ дѣлъ получитъ доклады, ожидаемые отъ посланныхъ въ департаменты комиссаровъ. Въ результатѣ разсматривался только вопросъ объ отсрочкѣ выборовъ начальствующихъ лицъ въ національной гвардiи города Парижа. Послѣ продолжительныхъ преній большинство 7 противъ 3 (Луи Бланъ, Альберъ, Ледрю-Ролленъ) высказалось противъ отсрочки; Луи Бланъ и Альберъ немедленно заявили о своей отставкѣ, но Ледрю-Роллену удалось ихъ уговорить взять ее назадъ. Тѣмъ не менѣе, Марра предложилъ отсрочить рѣшенiе, дабы выяснить взглядъ рабочихъ организацiй, пославшихъ своихъ делегатовъ въ люксембургскiй дворецъ, коимъ приписывалось значительное вліянiе на благополучный исходъ дня. Согласно съ этимъ вопросъ остался не разрѣшеннымъ, и лишь на слѣдующiй день, 18 марта, онъ былъ снова разсмотрѣнъ и на этотъ разъ рѣшенъ въ смыслѣ отсрочки до 5 апрѣля. Въ результатѣ, опять состоялся одинъ изъ тѣхъ компромиссовъ, которые такъ характерны для дѣятельности временнаго правительства.

Новая прокламацiя правительства и приказъ генерала Куртэ по національной гвардiи оповѣстили населенiе столицы о состоявшемся, наконецъ, рѣшенiи. Оба документа говорили въ самыхъ приподнятыхъ выраженiяхъ о грандiозной манифестацiи довѣрiя, которой удостоилось правительство въ день 17 марта, и о вытекавшемъ изъ нея укрѣпленiи нравственнаго авторитета правительства. Оба документа восхваляли высокiя качества народа, «моральную силу и величiе суверена».

Событiя скоро показали, что если ультрарадикалы потерпѣли пораженiе, то и правительство не имѣло основанiя торжествовать полную побѣду. Радикальные элементы отнюдь не отказались отъ своихъ намѣренiй и цѣлей, а умѣренные начали все сильнѣе сомнѣваться въ стойкости правительства и его способности отразить исходившiя изъ радикальныхъ круговъ посягательства на свободу выборовъ.

ГЛАВА V.

Апрѣльскія событія и выборы въ Національное Собраніе.

§ 1. День 16 апрѣля.

Событія, совершившіяся въ теченіе первыхъ трехъ недѣль послѣ провозглашенія временнаго правительства, имѣли роковое вліяніе на судьбы второй республики.

Они раскрыли глубокую разнородность разныхъ элементовъ того движенія, которое побѣдило іюльскую монархію. Въ эпоху банкетовъ могло казаться, что среди оппозиціи имѣются только два разнородныхъ и готовыхъ вступить другъ съ другомъ въ борьбу направленія: династическая лѣвая и буржуазно-республиканская партія, съ одной стороны, радикально-демократическая партія, выдвигавшая болѣе или менѣе опредѣленно соціальный вопросъ,—съ другой. Одилонъ Барро и Гарнье-Пажесъ казались настолько же близкими другъ другу, какъ съ другой стороны Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ. А такъ какъ временное правительство объединяло въ своемъ составѣ оба теченія, и такъ какъ Одилонъ Барро обѣщалъ ему свою поддержку при соблюденіи такихъ условій, которыя вполнѣ соотвѣтствовали взглядамъ большинства правительства, то казалось, можно было надѣяться, что оппозиціонный блокъ не расколется и дастъ правительству возможность передать успокоенную страну въ руки Національнаго Собранія.

Три недѣли, протекшія со дня провозглашенія республики и въ частности послѣднія двѣ манифестаціи 16 и 17 марта разрушили эти иллюзіи до основанія. Оппозиціонный блокъ раскололся, раскололся не на два, а на четыре основныхъ теченія, и, что самое главное, каждое теченіе проявило наклонность опереться на силу, а не на право, на «массовыя выступленія», хотя бы и не вооруженныя, а не на законъ.

Дифференціація крупнаго общественнаго движенія, приведшаго къ паденію монархіи, была сама по себѣ совершенно неизбѣжна. Только внѣшнія условія могли временно затушевать различіе во взглядахъ сторонниковъ избирательнаго ценза и сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права, сторонниковъ соціальныхъ реформъ на почвѣ существующаго хозяйственнаго строя и сторонниковъ соціальной революціи. Опасность для второй республики заключалась не въ этой дифференціаціи, какъ таковой, а въ томъ, что дифференціація совершилась въ горячечной атмосферѣ революціонныхъ дней послѣ неожиданно легкой побѣды нежданной революціи. Всякое революціонное движеніе вытекаетъ изъ отрицанія стараго существующаго права во имя новаго права, подлежащаго созданію. Въ глазахъ массы участниковъ такихъ движеній отрицаніе даннаго права приводитъ къ пренебреженію правомъ вообще, а чѣмъ неожиданнѣе и легче достигнута первая побѣда, тѣмъ болѣе близкой и достижимой кажется вторая и третья, тѣмъ меньше считаютъ нужнымъ и возможнымъ отказаться отъ силы ради права, хотя бы больше и не было прежнихъ основаній для обращенія къ силѣ.

Разъ общественное движеніе раскалывается при такихъ условіяхъ на свои составныя части, то оно не только перестаетъ быть единымъ, но единство его элементовъ замѣняется ихъ полной несовмѣстимостью, самой ожесточенной борьбой между ними, неизбѣжно ослабляющей все движеніе въ цѣломъ и подвергающей уже достигнутые результаты самой серьезной опасности.

Послѣ манифестацій 16 и 17 марта никто уже не могъ закрывать глазъ на грозившую новому строю опасность. Манифестація 16 марта свидѣтельствовала о разрывѣ либеральныхъ слоевъ общества съ временнымъ правительствомъ, манифестація 17 марта—о разрывѣ съ нимъ соціалистическихъ элементовъ или «коммунистовъ», какъ ихъ начинаютъ называть. Временное правительство, правда, справилось какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ движеніемъ, но, во-первыхъ, и внутри его уже проявились и еще назрѣвали конфликты, а, во-вторыхъ, оно теперь уже не могло больше надѣяться на поддержку своихъ вчерашнихъ союзниковъ справа и слѣва и, наоборотъ, должно было ожидать все болѣе ожесточенной оппозиціи и съ той и съ другой стороны. Естественный ходъ вещей долженъ былъ при этомъ привести какъ къ усиленію консервативныхъ настроеній либераловъ, такъ и къ усиленію революціонныхъ настроеній соціалистовъ. А такъ какъ ни 16, ни особенно 17 марта вопросъ не былъ разрѣшенъ окончательно и ясно ни въ ту, ни въ другую сторону, то предстояло новое столкновеніе, и никто не могъ сказать, удастся ли правительству снова сохранить свою примирительную позицію и свое положеніе властнаго посредника.

Положеніе правительства становилось все болѣе тяжкимъ. Стремясь къ умиротворенію и къ возможному ускоренію выборовъ, необходимыхъ для созданія авторитетной по своему происхожденію власти, оно во многихъ отношеніяхъ стоитъ ближе къ умѣренно-консервативнымъ, чѣмъ къ радикально-революціоннымъ группамъ, и въ то же время въ данный моментъ вынуждено считаться почти исключительно съ послѣдними, какъ съ наиболѣе вліятельными въ Парижѣ. По справедливому замѣчанію Гарнье-Пажеса, жалкій исходъ манифестаціи 16 марта и крайне внушительный съ внѣшней стороны видъ манифестаціи 17 марта въ значительной степени ослабили вліяніе консервативныхъ буржуазныхъ элементовъ и въ столь же значительной степени усилили авторитетъ крайней лѣвой, пораженіе которой осталось неяснымъ для массы обывателей. Необходимость считаться съ революціонно-настроенными парижанами, усиленная отсутствіемъ народнаго представительства и давленіемъ лѣвыхъ членовъ правительства, нерѣдко принуждала правительство соглашаться на уступки по вопросамъ, по которымъ оно держалось въ сущности такихъ же мнѣній, какъ династическая лѣвая, и облекать свои уступки въ такую форму, которая скрывала бы дѣйствительное отношеніе къ нимъ правительства.

Результатомъ этой вынужденной политики было возрастающее недовѣріе буржуазіи, развивавшееся параллельно съ возрастающимъ раздраженіемъ революціонныхъ группъ. И то и другое находило себѣ отраженіе въ печати и въ клубахъ, хотя и печать и клубы служили, главнымъ образомъ, цѣлямъ революціи, такъ какъ умѣренные и тѣмъ болѣе реакціонеры пока еще опасались дѣйствовать вполнѣ открыто. Всѣ они отъ прежней династической лѣвой и до легитимистовъ включительно пользовались при этомъ однимъ общимъ лозунгомъ, а именно—требованіемъ полной свободы предстоящихъ выборовъ,—лозунгомъ, за которымъ скрывались

опять самыя разнообразныя тенденціи, начиная отъ убѣжденнаго либерализма и кончая стремленіемъ къ реставраціи Генриха V, т.-е. внука Карла X.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей этого складывавшагося постепенно праваго блока былъ Эмиль де Жирарденъ, редакторъ-издатель вліятельной газеты «Presse». «Наше довѣріе—говорилось въ этой газетѣ 28 марта—исчезло лишь послѣ того, какъ мы увидѣли, что члены временнаго правительства... сомнѣваются въ разумѣ, въ чувствахъ, въ согласіи страны; что они поручаютъ облеченнымъ неограниченными полномочіями комиссарамъ отправиться въ департаменты, дабы ихъ революціонизировать...; что они... сегодня берутъ назадъ декларацію, которую они провозгласили вчера; что они въ одинъ мѣсяцъ превзошли всѣ насилія и всѣ злоупотребленія, совершенныя за 17 лѣтъ послѣдняго царствованія». Параллельно съ такими относительно спокойными статьями, появлялись другія, полныя чисто-личныхъ нападокъ отчасти клеветническаго характера, цѣль которыхъ заключалась въ дискредитированіи членовъ правительства. «Народъ! Что сдѣлали для тебя эти люди, которые ежедневно говорятъ отъ твоего имени?— спрашивала та же газета еще 27 марта.—Я вижу, что они тебѣ льстятъ, но я не вижу, чтобы они тебѣ служили... Я вижу, что они заставляютъ тебя купить дорогою цѣной право избирать твоихъ представителей... Я вижу, что они поторопились лечь въ еще теплую кровать бѣжавшихъ министровъ; я вижу, что они не теряли времени, чтобы захватить роскошные дворцы, въ которыхъ они болѣе недоступны, чѣмъ ихъ предшественники... Я вижу, что они расточаютъ твои деньги... Я вижу, что они возстановили цензуру въ формѣ страха... Я вижу, что ихъ головы отуманены надменностью... Это агитаторы, это не реформаторы».

Особенно рѣзкія нападенія вызывали мѣропріятія Ледрю-Роллена и въ частности назначеніе имъ (въ теченіе марта) сверхъ раньше посланныхъ еще новыхъ «чрезвычайныхъ» комиссаровъ, появленіе которыхъ лишь увеличило подозрѣнія обывателей: «Франція принимаетъ временное правительство,—говорила все та же газета,—но она не желаетъ подчиниться раздробленной диктатурѣ. Они проявляютъ власть, живутъ произволомъ, приводятъ въ смятеніе города, мечтающіе лишь о спокойствіи, нарушаютъ порядокъ, который имъ поручено возстановить, удлиняютъ кризисъ, издаютъ противоположныя рѣшенія. Необходимо положить этимъ злоупотребленіямъ предѣлъ... Въ странѣ распространяется самое горячее негодованіе противъ этихъ неудачныхъ назначеній и возмутительныхъ дѣйствій посланныхъ изъ Парижа комиссаровъ. Страна не желаетъ больше агентовъ, лишенныхъ нравственнаго чутья, опытности и уваженія. Она не хочетъ больше ни безславнаго деспотизма, ни ненужнаго террора».

Всѣ эти обвиненія стали особенно ядовиты и пріобрѣли увеличенную правдоподобность, съ одной стороны, благодаря неудачнымъ выступленіямъ нѣкоторыхъ комиссаровъ, приведшимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ, правда, незначительнымъ безпорядкамъ; съ другой стороны, вслѣдствіе рѣшенія правительства, принятаго 26 марта по предложенію Ледрю-Роллена и отсрочивавшаго выборы до 23 апрѣля, а время созыва Національнаго Собранія до 4 мая. Несмотря на то, что рѣшеніе было принято безъ новаго давленія на правительство, и что оно было мотивировано невозможностью обезпечить полную исправность избирательныхъ списковъ, въ которые приходилось впервые занести огромную массу избирателей, впечатлѣніе, произ-

веденное декретомъ 26 марта на монархистовъ, было болѣе тяжелое, чѣмъ можно было ожидать съ перваго взгляда. Всѣ монархическія газеты: «Journal des Débats», «Assemblée nationale», «Constitutionnel», «Union», «Univers religieux» и т. д. высказались такъ или иначе противъ декрета и подчеркивали нежелательность продленія временной власти, сразу и слабой по недостатку авторитета и диктаторской по происхожденію и замашкамъ.

На ряду съ правой печатью развивали свою дѣятельность и правые клубы, особенно «республиканскій клубъ для (обезпеченія) свободы выборовъ» и «клубъ Національнаго Собранія», состоявшіе въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими единомышленниками въ провинціи и издававшіе спеціальный органъ, нападавшій самымъ рѣшительнымъ образомъ на правительство и всѣ его сколько-нибудь замѣтныя мѣры, въ томъ числѣ и на 45-сантимный дополнительный налогъ.

Въ революціонныхъ кругахъ эта агитація вызывала чрезвычайное раздраженіе, вылившееся 29 марта въ попытку разнести редакцію и типографію газеты Жирардена,—попытку, осуществленіе которой было предотвращено только личнымъ вмѣшательствомъ Ледрю-Роллена. Характерно, что нѣкоторые изъ участниковъ неудавшагося покушенія обратились даже къ Ламартину съ требованіемъ о принятіи мѣръ противъ «неблагонадежной» съ ихъ точки зрѣнія газеты,—требованіемъ, которое было отклонено Ламартиномъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Какъ бы тамъ ни было, и нападеніе на типографію и это требованіе прекрасно иллюстрируютъ революціонно-нетерпимое настроеніе тѣхъ, кто считалъ, что Жирарденъ оскорбляетъ республику и ея сторонниковъ. Очагами этого настроенія являются и тутъ клубы и печать, озлобленіе которыхъ настолько возрастаетъ послѣ фактической неудачи, постигшей ихъ 17 марта, что сообщается даже тѣмъ, кто содѣйствовалъ 17 марта успокоенію народа. Самая импозантность манифестаціи, превзошедшая ожиданія ея иниціаторовъ, усилила ихъ вѣру во всемогущество народа.

«Мы добились лишь имени республики, намъ необходимо ея существо»,—такъ гласила одна прокламація, исходившая изъ кружка Коссидіера и Собріэ уже 18 марта. — «Политическая реформа есть лишь средство для соціальной реформы... Республика должна удовлетворить трудящихся и упразднить пролетаріатъ». Для достиженія этой цѣли и въ частности для обезпеченія избранія народными представителями «республиканцевъ, твердо рѣшившихъ добиться побѣды идеи равенства», прокламація предлагала организовать уже упомянутый выше «клубъ клубовъ» и «центральный комитетъ клубовъ». Задача ихъ должна была заключаться въ томъ, чтобы объединить «усилія всѣхъ тѣхъ, которые являлись въ теченіе послѣдняго царствованія носителями революціонной традиціи въ печати, въ сначала открытыхъ, а затѣмъ тайныхъ ассоціаціяхъ, въ заговорахъ и революціонныхъ движеніяхъ»... Согласно съ этимъ, клубъ получаетъ названіе «клуба революціи», а предсѣдателемъ его состоитъ «Баярдъ революціи», Барбесъ. Въ засѣданіи 21 марта одинъ изъ ораторовъ формулируетъ взглядъ клуба на правительство. Онъ обѣщаетъ ему лойяльную поддержку, но лишь при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. «Взятые порознь, не всѣ люди (входящіе въ составъ правительства) внушаютъ намъ одинаковое довѣріе и одинаковую симпатію; среди нихъ есть такіе, которыхъ мы окружаемъ болѣе другихъ нашимъ революціоннымъ сочувствіемъ, такъ какъ намъ представляется, что они полнѣе отражаютъ духъ революціи и ея

уравнительныя тенденціи». Несмотря на это, клубъ пока будетъ поддерживать всѣхъ «избранниковъ возстанія» безъ различія, какъ противъ реакціи, такъ и противъ «неразумія и преувеличеній нѣкоторыхъ нетерпѣливыхъ и безумныхъ темпераментовъ» [1]). Но, во-первыхъ, клубъ будетъ отстаивать правительство какъ цѣлое, лишь пока согласіе его членовъ не будетъ нарушено. Если же въ самомъ правительствѣ произойдетъ расколъ, то клубъ будетъ «защищать преимущественно тѣхъ, которые лучше всего отразили и подчеркнули живущія въ насъ (членахъ клуба) революціонныя чувства и традиціи». А, во-вторыхъ, поддержка клуба не будетъ «слѣпой»: «пока диктатура будетъ подчиняться данному ей возстаніемъ толчку, мы будемъ съ нею, мы будемъ за нее... Но мы будемъ зорко слѣдить за нею... и если ратуша нарушитъ условія своего мандата, мы тотчасъ займемъ по отношенію къ ней то положеніе, которое мы всегда сохраняли по отношенію къ тѣмъ, кто забываетъ свой долгъ и святость своей миссіи».

Значеніе этой декларації не могло вызывать никакихъ сомнѣній. По примѣру О. Барро, теперь и крайняя лѣвая предъявляетъ свой ультиматумъ. Она готова поддержать правительство противъ Бланки въ томъ случаѣ, если большинство правительства подчинится его меньшинству, если оно будетъ вести якобински-революціонную политику, и если оно воспользуется для этой цѣли своими диктаторскими полномочіями. Согласно съ этимъ, клубъ тотчасъ же посылаетъ делегатовъ къ Ледрю-Роллену, дабы побудить его замѣнить слишкомъ умѣренныхъ комиссаровъ болѣе радикальными.

Нѣсколько дней спустя, 26 марта, состоялось основаніе центральнаго комитета клубовъ, въ образованіи котораго, при посредствѣ своихъ делегатовъ, приняли участіе сначала 71, а затѣмъ болѣе 100 клубовъ. 2 апрѣля было произведено избраніе бюро этого новаго учрежденія, въ составъ котораго вошли все малоизвѣстные люди. Предсѣдателемъ его былъ Hubert, однимъ изъ членовъ—Собріэ.

Оффиціальной задачей, ради которой совершилось объединеніе клубовъ, являлась выработка общей политической платформы для предстоящихъ выборовъ. Въ основаніе ея были положены два положенія: признаніе императивнаго мандата и декларація правъ человѣка и гражданина, внесенная Робеспьеромъ въ 1793 г. въ якобинскій клубъ и содержавшая такое опредѣленіе права собственности, которымъ оно лишалось характера «естественнаго» или «неотъемлемаго» во всей своей полнотѣ права и подчинялось соображеніямъ общественной цѣлесообразности. Несмотря на то, что эта декларація сама по себѣ не имѣла собственно соціалистическаго характера, соціалисты были склонны усматривать въ ней прообразъ своихъ теорій, вслѣдствіе чего она могла служить общимъ лозунгомъ какъ для нихъ, такъ и для якобинцевъ съ ихъ «уравнительными», но не соціалистическими теоріями.

Образованіе новой организаціи подчеркивало расколъ среди республиканцевъ, умѣренная часть которыхъ образовала свой «центральный комитетъ для общихъ выборовъ», въ составъ котораго вошло много членовъ штаба національной гвардіи; революціонеры же стремились привлечь на свою сторону люксембургскихъ делегатовъ, мобильныхъ гвардейцевъ и т. д., посылали эмиссаровъ въ провинцію и старались завязать сношенія съ мѣстными организаціями.

---

[1]) Эти слова относятся къ Бланки.

Рука-объ-руку съ образованіемъ центральнаго комитета клубовъ шло революціонизированіе люксембургскихъ делегатовъ, въ которомъ Луи Бланъ принялъ самое энергичное участіе, и которое стояло опять-таки въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о предстоящихъ выборахъ. По иниціативѣ Луи Блана делегаты образовали «центральный комитетъ рабочихъ департамента Сены», поставившій себѣ цѣлью рекомендовать избирателямъ списокъ кандидадовъ, въ которомъ 20 мѣстъ изъ 34 были отведены рабочимъ. Прокламація, съ которой комитетъ обратился къ парижанамъ, содержала рядъ характерныхъ замѣчаній. Она начиналась съ признанія, что революція застала рабочихъ врасплохъ, такъ какъ они до нея были лишены всякой возможности организоваться, и сообщала, что делегаты взяли на себя задачу создать необходимую организацію, безъ которой шансы рабочихъ на успѣхъ при выборахъ будутъ минимальны. «Буржуазіи, пользовавшейся за послѣднія 50 лѣтъ монопольнымъ правомъ на печать и трибуну, обладавшей исключительнымъ правомъ собраній и союзовъ, хотя она въ данный моментъ и слаба, тѣмъ не менѣе, могло бы удаться пріобрѣсть власть надъ нами, если она будетъ дѣйствовать сообща и соединитъ свои голоса во время общихъ выборовъ на нѣсколькихъ именахъ». Вотъ почему и представляется необходимымъ организоваться.

Натравливаніе общественныхъ классовъ другъ на друга само по себѣ не входило въ программу Луи Блана; когда люксембургская комиссія приступила къ своему дѣлу, онъ, какъ мы видѣли, даже занялъ примирительную позицію по отношенію къ буржуазіи. Сопротивленіе, которое онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, встрѣчалъ среди буржуазіи, и, главное, предстоявшіе выборы заставили его, тѣмъ не менѣе, подчеркнуть различіе въ интересахъ буржуазіи и рабочихъ и призвать послѣднихъ къ организованной, хотя пока и мирной борьбѣ съ первой. Но при данныхъ условіяхъ переходъ отъ мирной къ насильственной борьбѣ былъ слишкомъ легокъ и естественъ, чтобы можно было сомнѣваться въ фактическомъ значеніи его рѣчей и призывовъ. Идея, что дальнѣйшая судьба рабочихъ зависитъ отъ того, въ чьихъ рукахъ будетъ власть послѣ выборовъ, легко внѣдрялась въ общее сознаніе и придавала исходу выборовъ огромное, доступное пониманію каждаго избирателя значеніе. Чѣмъ неопредѣленнѣе были надежды и ожиданія рабочей массы, тѣмъ эти неопредѣленныя чаянія казались болѣе заманчивыми, тѣмъ больше значенія пріобрѣталъ вопросъ о власти, тѣмъ болѣе грозной становилась возможность конфликта между ожиданіями рабочихъ и взглядами Національнаго Собранія.

Внутренняя близость тенденцій клубовъ и люксембургскихъ делегатовъ, собранія которыхъ походили съ этого времени какъ двѣ капли воды на собранія политическаго клуба, сообщала всему движенію чрезвычайно серьезный характеръ. А, частью удачныя, попытки вовлечь въ него и мобильную гвардію, главную постоянную опору правительства, не служили къ умаленію опасности.

Борьба съ этой опасностью могла казаться совершенно безнадежной, но положеніе революціонеровъ на самомъ дѣлѣ вовсе не было такимъ прочнымъ, какъ это казалось. Съ одной стороны, огромная масса ихъ сторонниковъ попрежнему поддерживала ихъ не въ силу опредѣленнаго убѣжденія, а въ силу стихійнаго чувства недовольства существующимъ, не имѣя никакого отчетливаго представленія о томъ, чѣмъ его замѣнить, а потому была неспособна дѣйствовать планомѣрно, то подталкивала своихъ вожаковъ на неосторожныя выступленія, то лишала ихъ своей

поддержки, когда они старались ее поднять. Съ другой стороны, среди самихъ вожаковъ какъ-разъ въ это время окончательно совершается давно намѣчавшійся расколъ, результатомъ котораго было моральное и фактическое ослабленіе наиболѣе выдающагося изъ нихъ, т.-е. Бланки.

Изъ всѣхъ клубовъ и обществъ этихъ дней «общество правъ человѣка» было несомнѣнно организовано лучше всѣхъ другихъ. Въ немъ царила желѣзная дисциплина: «организація общества—военная», гласила ст. 1 его статута. Каждый членъ долженъ былъ отдаться всецѣло и слѣпо всему обществу и подчиняться безъ всякаго разсужденія распоряженіямъ центральнаго комитета, взамѣнъ чего общество ему обѣщало выступить въ его защиту, какъ одинъ человѣкъ, или отомстить за него, если окажется невозможнымъ его защитить. Члены были подраздѣлены на секціи, стратегическіе округа, кварталы и центуріи, были снабжены оружіемъ и даже картами.

Отношенія между главою общества, Бланки, и другими вожаками были давно натянуты, и уже 17-го марта ихъ взаимное недовѣріе немало помогло правительству. 31-го марта оно превратилось въ открытую вражду, дѣлавшую въ дальнѣйшемъ всякое сотрудничество между ними невозможнымъ. Въ этотъ день появился первый выпускъ «Revue rétrospective» бывшаго депутата Ташеро, задача котораго заключалась въ обнародованіи всякаго рода историческихъ документовъ о недавнемъ прошломъ, найденныхъ въ архивахъ іюльской монархіи: въ первомъ же выпускѣ содержался крайне любопытный и странный документъ, найденный среди бумагъ Людовика-Филиппа и представлявшій «показанія, данныя *** передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ» о дѣлѣ 12-го мая 1839 года и существовавшихъ тогда революціонныхъ организаціяхъ. Лицо, давшее эти показанія, не было названо, но необычайная точность его показаній, свидѣтельствовавшая о поразительной освѣдомленности ихъ автора, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что, судя по документу, показанія были даны 22-го, 23-го и 24-го октября 1839 года, т.-е. вскорѣ послѣ ареста Бланки по дѣлу 12-го мая, заставляли всѣхъ думать, что неизвѣстный авторъ показаній есть не кто иной, какъ Бланки. А такъ какъ въ показаніяхъ содержались данныя не только о подготовкѣ возстанія 12-го мая, но и объ уцѣлѣвшихъ послѣ него организаціяхъ, то показанія пріобрѣтали характеръ настоящаго доноса.

Впечатлѣніе, произведенное разглашеніемъ этого документа, было тѣмъ болѣе сильно и тягостно, что незадолго до этого уже выяснилось, что одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ тайныхъ обществъ послѣдняго времени, пресловутый де ла Годдъ, состоялъ шпіономъ и агентомъ-провокаторомъ іюльскаго правительства. Теперь, казалось, было неопровержимо доказано, что самъ Бланки сыгралъ крайне непривлекательную роль въ томъ же духѣ. При такихъ условіяхъ мало кто былъ готовъ заняться разсмотрѣніемъ многочисленныхъ странностей напечатаннаго документа, и цѣлый рядъ лицъ, въ томъ числѣ и Барбесъ, поспѣшили заявить, что Бланки былъ доносчикомъ [1]).

---

[1]) Документъ напечатанный въ «Revue rétrospective», изданъ также (въ нѣмецкомъ переводѣ) у L. von Stein, «Socialismus und Communismus d. heutigen Frankreich», т. II (Anhang), стр. 1 сл. О томъ, какъ онъ попалъ въ руки Tachereau, см. Garnier Pagès, «Hist. de la rév. de 1848», т. VII, стр. 99.—Наиболѣе тщательный разборъ вопроса о виновности Бланки см. въ біографіи его G. Geffroy, «L'enfermé», стр. 147—161, приводящаго весьма убѣдительныя соображенія въ пользу его невиновности.

Возраженія Бланки отъ 1-го и 15-го апрѣля убѣдили его друзей, но не его многочисленныхъ враговъ; въ глазахъ послѣднихъ на немъ осталось клеймо если не шпіона, то доносчика, и при такихъ условіяхъ его авторитету былъ нанесенъ страшный ударъ, отъ котораго ему никогда уже не удалось окончательно поправиться. Весьма понятно, что союзъ между нимъ и Барбесомъ и др. сталъ окончательно невозможнымъ, а вытекавшее отсюда изолированное положеніе общества правъ человѣка съ его 6000 членовъ, несомнѣнно, не могло не ослабить революціонной арміи.

На ряду съ этимъ глубокимъ разногласіемъ не мѣшаетъ имѣть въ виду еще и другое, а именно разнородность интересовъ французскихъ революціонеровъ, съ одной стороны, и многочисленныхъ бельгійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, польскихъ и т. д. эмигрантовъ, обрѣтавшихся въ Парижѣ, съ другой стороны [1]). Эмигранты, въ особенности поляки, бельгійцы и итальянцы, настаивали на обязанности французской республики помочь имъ въ дѣлѣ завоеванія политической свободы и предъявляли свои требованія подчасъ въ чрезвычайно рѣзкой и даже развязной формѣ. Правительство и тутъ держалось умѣренной политики и хотя объявило устами министра иностранныхъ дѣлъ Ламартина, что признаетъ договоры 1815 г., заключенные во время вѣнскаго конгресса, утратившими силу, но не считало цѣлесообразнымъ и возможнымъ увлечь Францію въ огромную войну или, вѣрнѣе, рядъ войнъ, какъ того требовали эмигранты и сочувствовавшіе имъ революціонеры.

Наибольшей популярностью изъ всѣхъ эмигрантовъ пользовались, несомнѣнно, поляки. Помимо другихъ причинъ этому содѣйствовала широко распространенная ненависть къ самодержавной Россіи Николая I, съ одной стороны, и начало революціонныхъ движеній въ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ достиженіе свободы уже казалось близкимъ, съ другой стороны. Остальныя націи, казалось, могли сами справиться со своими правительствами. Другое дѣло поляки: имъ приходилось бороться съ русскимъ самодержцемъ, могущество котораго до крымской кампаніи преувеличивали и на западѣ. Отсюда то странное явленіе, что изъ всѣхъ вопросовъ иностранной политики ни одинъ не приковывалъ къ себѣ такого широкаго и страстнаго вниманія, какъ вопросъ о возстановленіи Польши и о вмѣшательствѣ въ русско-польскія дѣла.

Отнюдь не способствуя единству и силѣ французскаго движенія, агитація эмигрантовъ и въ частности поляковъ подымала, тѣмъ не менѣе, революціонное настроеніе какъ вообще, такъ противъ «нерѣшительнаго» и «коснаго» правительства въ частности. Вліяніе ея должно было сказаться особенно ясно 15 мая, но и до этого дня оно сыграло извѣстную роль въ смыслѣ усложненія какъ международнаго, такъ и внутренняго положенія Франціи.

Взаимное отчужденіе разныхъ элементовъ французскаго общества представляло однако, разумѣется, наиболѣе важный фактъ даннаго историческаго момента. Каждая

---

[1]) Напомнимъ, что среди этихъ эмигрантовъ находился и А. И. Герценъ. Его «Письма изъ Франціи и Италіи» и «Съ того берега» представляютъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ, если не самый любопытный литературный документъ эпохи и содержатъ рядъ блестящихъ характеристикъ дѣятелей эпохи. Въ своихъ сужденіяхъ о ходѣ революціи Герценъ примыкаетъ къ самымъ радикальнымъ элементамъ французской интеллигенціи того времени.

сторона озлобляла противоположную своими выступленіями и вызывала ее на еще болѣе рѣзкія заявленія и дѣйствія. Съ одной стороны, опасались новой революціи и террора, съ другой стороны—реакціи, да и въ самомъ дѣлѣ два крайнихъ полюса общественныхъ настроеній начинали играть все большую роль, тогда какъ центръ терпѣлъ явныя пораженія. Реакція возлагала всѣ свои надежды на провинцію и въ особенности на крестьянство, революція—на Парижъ. Обѣ стороны готовились къ столкновенію, но, пока выборы не состоялись, пока мнѣніе всей страны оставалось неизвѣстной величиной, пока всѣ могли надѣяться на собственное торжество, положеніе революціонеровъ было болѣе выгодно. Опираясь на Парижъ, они казалось, могли держать правительство всецѣло въ своихъ рукахъ, а слѣдовательно и оттянуть моментъ, когда придется предоставить странѣ возможность высказаться. Вдобавокъ они могли, казалось, разсчитывать на Ледрю-Роллена и Луи Блана, образъ дѣйствій коихъ послѣ 17 марта сблизилъ ихъ еще больше прежняго съ крайней лѣвой. Роль Луи Блана въ люксембургской комиссіи, посылка экстренныхъ комиссаровъ Ледрю-Ролленомъ, предоставленіе имъ государственныхъ средствъ на посылку клубныхъ эмиссаровъ въ провинцію, наконецъ, личная близость и того и другого съ вожаками крайней лѣвой, все говорило о томъ, что по существу дѣла они оба стоятъ ближе къ настроеніямъ клубистовъ, чѣмъ къ тенденціямъ большинства правительства.

Раздражая консерваторовъ и реакціонеровъ, политика Ледрю-Роллена и Луи Блана въ то же время удерживала, однако, революціонеровъ въ теченіе долгаго времени отъ новаго выступленія. Но это перемиріе не могло продлиться долго. Несмотря на Ледрю-Роллена и Луи Блана, большинство правительства оставалось тѣмъ же и продолжало вести ту же политику, осложненную лишь попытками Ламартина воспользоваться раздорами между революціонерами для укрѣпленія позиціи правительства. А между тѣмъ дни шли за днями, и уже приближался срокъ всеобщихъ выборовъ. По мѣрѣ того, какъ наступленіе его становилось все болѣе близкимъ, растетъ и возбужденіе въ печати и клубахъ и, мало-по-малу, выясняется, что предстоитъ новое выступленіе, новая манифестація, а подъ ея прикрытіемъ новая попытка «очистить» правительство или совершенно замѣнить его инымъ, готовымъ взять на себя полное осуществленіе диктатуры.

Идея новаго выступленія вытекала такъ естественно изъ даннаго положенія вещей, что уже 2 апрѣля на стѣнахъ города появились прокламаціи, призывавшія населеніе собраться на Марсовомъ полѣ съ тѣмъ, чтобы поднять тамъ вопросъ о принудительномъ займѣ на богатыхъ. Несмотря на то, что никому не было извѣстно, кому принадлежитъ иниціатива движенія, огромныя толпы народа—современники говорятъ о 100000—собрались въ назначенномъ мѣстѣ, но благодаря своевременному вмѣшательству правительства, обезпечившаго себѣ содѣйствіе популярныхъ студентовъ высшихъ школъ, и, главное, вслѣдствіе отсутствія всякой заранѣе обдуманной организаціи, сборище не превратилось въ манифестацію.

Дней десять спустя мысль о манифестаціи возникаетъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Уже 11 апрѣля одинъ ораторъ предложилъ въ обществѣ временъ года «манифестацію клубовъ и (рабочихъ) корпорацій передъ лицомъ временнаго правительства, дабы сообщить ему силу и дать ему возможность примѣнить энергичныя средства къ улучшенію существующаго положенія». На другой день та же мысль

приводитъ въ движеніе люксембургскихъ делегатовъ; они рѣшаютъ устроить манифестацію, назначаютъ ее на воскресенье, 16 апрѣля, пользуясь тѣмъ, что на этотъ день назначено избраніе нѣкоторыхъ офицеровъ штаба національной арміи изъ рабочихъ, и обращаются къ правительству съ слѣдующей крайне характерной прокламаціей, которая ему должна быть вручена въ связи съ манифестаціей.

«Трудящіеся департамента Сены временному правительству.

Граждане!

Реакція подымаетъ голову; клевета, это излюбленное оружіе людей безъ принциповъ и безъ чести, разливаетъ повсюду свой заразительный ядъ на истинныхъ друзей народа. Намъ, людямъ революціи, людямъ дѣйствія и преданности, надлежитъ заявить временному правительству, что народъ хочетъ демократическую республику; что народъ хочетъ отмѣну эксплуатаціи человѣка человѣкомъ; что народъ хочетъ организацію труда путемъ ассоціаціи.

Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ временное правительство!».

Авторомъ этого воззванія и иниціаторомъ движенія былъ Луи Бланъ. Впослѣдствіи онъ изложилъ самъ руководившіе имъ мотивы: «Прошелъ цѣлый мѣсяцъ съ 17 марта. Ободренныя невозмутимой умѣренностью временнаго правительства, побѣжденныя партіи стали нащупывать почву и глухо роптать. Что касается роялистической прессы, увѣренной съ перваго же дня въ безнаказанности, то она безпрерывно нападала на правительство, глумилась, клеветала, обрекала его ненависти какъ будущихъ, такъ и настоящаго поколѣнія, зная, что оно рѣшило уважать господство свободы даже тогда, когда его осыпали оскорбленіями... Необходимо, однако, дабы умѣренность правительства внушала уваженіе и пользовалась имъ, чтобы нельзя было приписать этого его слабости. Ничто не предохраняетъ лучше отъ насилія, какъ констатированіе силы... Съ другой стороны, представители (рабочихъ) корпорацій ожидали съ законнымъ и возраставшимъ нетерпѣніемъ, чтобы начался, наконецъ, походъ противъ ихъ врага, противъ нищеты! Они упрекали возникшее изъ революціи правительство въ томъ, что оно колебалось приступить къ рѣшенію проблемы, въ рѣшеніи которой заключался весь смыслъ революціи. Озираясь съ безпокойствомъ на провинціи, на деревни, погруженныя еще наполовину во тьму, они спрашивали себя, не будутъ ли ихъ надежды погребены на днѣ (избирательныхъ) урнъ подъ слишкомъ еще значительнымъ, увы, числомъ шаровъ, принадлежащихъ вліянію соціальнаго положенія, состоянія, интриги, невѣжества, случайности. Вотъ почему нужно было поддержать временное правительство, поощрить его благія намѣренія недвусмысленными выраженіями симпатіи, но въ то же время толкнуть (pousser) его на путь великодушной иниціативы и напомнить ему, что среди его заботъ первое мѣсто должно было принадлежать вопросу объ изысканіи способовъ уничтожить пролетаріатъ (détruire le prolétariat)».

Несмотря на всѣ разсужденія Луи Блана о поддержкѣ правительства, сущность новой манифестаціи заключалась очевиднѣйшимъ образомъ въ насилованіи воли и убѣжденій большинства правительства и отличалась отъ манифестаціи 17 марта рѣзко выраженнымъ соціалистическимъ характеромъ. По существу дѣла его задача

совпадала, такимъ образомъ, съ той, которая была выдвинута клубомъ Бланки, а въ то же время создается еще третій очагъ движенія въ лицѣ префекта полиціи Коссидіера и того своеобразнаго полуоффиціальнаго, полуконспиративнаго учрежденія, каковымъ являлась газета «Commune de Paris», ея редакція и контора, охранявшіяся нарядомъ въ 20 «монтаньяровъ» и служившія центромъ всѣхъ революціонныхъ элементовъ Парижа и органомъ центральнаго комитета клубовъ. Роль Коссидіера была въ высокой степени странна. «Какъ префектъ полиціи,—говоритъ Гарнье-Пажесъ,—онъ долженъ былъ слѣдить за клубами, ихъ вожаками и тайными махинаціями, тогда какъ онъ, какъ членъ партіи, являлся ихъ главой. Онъ могъ располагать когортами монтаньяровъ, оружіемъ, снарядами и деньгами, предназначавшимися для поддержанія общественнаго порядка, и онъ могъ ими воспользоваться, чтобы ниспровергнуть его. Состоя въ сношеніяхъ съ клубомъ клубовъ, съ обществомъ правъ человѣка, съ клубомъ революціи, съ домомъ на улицѣ Риволи (гдѣ помѣщалась редакція «Парижской коммуны»), съ люксембургскимъ дворцомъ, находясь въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ вѣрилъ въ свое могущество, а когда онъ видѣлъ изолированность временнаго правительства, не располагавшаго никакой организованной силой, онъ вѣрилъ въ его слабость. Сравнивая свою силу и его слабость, онъ не сомнѣвался въ исходѣ борьбы: ему оставалось лишь выбрать день, часъ и мѣсто».

Сознавая близость новаго конфликта, Коссидіеръ, съ своей стороны, готовился къ нему. Онъ старался повліять на нерѣшительный умъ Ледрю-Роллена, къ которому онъ являлся каждый день съ докладомъ, увеличивалъ свой складъ оружія и патроновъ—еще 15 апрѣля ему удалось получить 1000 ружей и 30000 патроновъ—и устранилъ національную гвардію отъ охраны полицейской префектуры. «Надѣйтесь, братья! день правосудія близокъ»,—такъ обращалась «Commune de Paris» 15 апрѣля къ рабочимъ, а 16 апрѣля она приглашала ихъ на предполагавшуюся въ этотъ день манифестацію: «всѣ рабочія корпораціи приглашаются своими делегатами собраться сегодня ровно въ 8 ч. утра и двинуться въ полномъ составѣ на Марсово поле, дабы избрать капитановъ штаба національной гвардіи, которые должны быть избраны изъ числа рабочихъ разныхъ отраслей производства».

Несмотря на то, что и на этотъ разъ истинная цѣль манифестаціи осталась тайной, поскольку не считать этой цѣлью пресловутое «уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ», временное правительство не могло сомнѣваться въ ея значеніи. Еще съ начала апрѣля его агенты, во главѣ которыхъ былъ поставленъ Carlier, доносили о готовящемся движеніи. «Добытыя свѣдѣнія имѣютъ вполнѣ положительный характеръ,—докладывалъ Carlier.—Намѣреніе вожаковъ клонится къ очисткѣ временнаго правительства, отсрочкѣ выборовъ и учрежденію диктатуры или комитета общественнаго спасенія, долженствующихъ дать революціи новый толчокъ. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ идутъ такъ далеко, что хотятъ добиться устраненія (части или всего правительства), хотя бы и съ примѣненіемъ силы, при помощи оружія, путемъ кровопролитія. Горизонтъ становится все болѣе мрачнымъ. Возстаніе является рѣшеннымъ дѣломъ. Чтобы остановить его, необходимо быстрое и твердое рѣшеніе».

А между тѣмъ, какъ Луи Бланъ и Альберъ бросились рѣшительно въ центръ движенія, тотъ изъ членовъ временнаго правительства, отъ котораго въ

данный моментъ зависѣло если не все, то очень многое, Ледрю-Ролленъ, колебался. Его присоединеніе къ движенію имѣло бы огромное значеніе. Съ одной стороны, оно содѣйствовало бы объединенію всѣхъ революціонныхъ элементовъ, съ другой стороны, оно лишило бы правительство поддержки министерства внутреннихъ дѣлъ, а, слѣдовательно, и поддержки національной гвардіи, созвать которую могъ только министръ внутреннихъ дѣлъ.

Исходъ дня зависѣлъ, такимъ образомъ, прежде всего отъ Ледрю-Роллена, и весьма понятно, что сторонники и враги правительства одинаково старались забрать его въ руки. Каждый день или точнѣе каждую ночь между 12 и 2 часами въ его министерствѣ происходили совѣщанія. Одни настаивали на необходимости революціонной диктатуры, указывая на полную невозможность удовлетворить одновременно какъ буржуазію, такъ и народъ, утверждая, что страхъ гонитъ буржуазію въ объятія реакціи, нищета—народъ въ объятія революціи, что примиреніе невозможно, что конфликтъ неизбѣженъ, и что при такихъ условіяхъ надо встать на сторону народа. Другіе возражали столь же настойчиво противъ движенія: они (Жюль Фавръ, Картерэ, Ландренъ и т. д.) признавали трудность положенія, но подчеркивали, что средство, предлагаемое противниками правительства, уже потому не приведетъ къ цѣли, что у каждаго изъ этихъ противниковъ имѣются своя теорія и своя панацея противъ соціальнаго зла, что очистка правительства создастъ опаснѣйшій прецедентъ, что власть станетъ игрушкой въ рукахъ смѣняющихся демагоговъ, что память республики будетъ омрачена кровопролитіемъ, актами мести и террора, что можно дать толчокъ заговору и революціи, но нельзя знать, чѣмъ она кончится, и куда она приведетъ. Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ присоединялись подозрѣнія относительно намѣреній клубныхъ вожаковъ, съ одной стороны, указанія на нравственную затруднительность положенія членовъ временнаго правительства, конспирирующихъ противъ своихъ коллегъ, съ другой стороны.

Самый фактъ, что Ледрю-Ролленъ такъ долго колебался и не разъ склонялся то къ одной, то къ другой точкѣ зрѣнія, доказываетъ наилучшимъ образомъ, что онъ былъ меньше всего призванъ быть диктаторомъ. Въ немъ не было ни капли той геніальной рѣшимости, которая создаетъ Дантоновъ и Наполеоновъ. Но положеніе отъ этого не становилось лучше. Не будучи самъ способенъ стать диктаторомъ, онъ все же могъ допустить ниспроверженіе правительства и очистить другому путь къ диктатурѣ. Ночью съ 13 на 14 апрѣля его ближайшимъ сотрудникамъ, Жюлю Фавру, Ландрену и Картерэ, заявившимъ ему, что они подаютъ въ отставку, если онъ не согласится съ ихъ доводами, казалось, уже удалось его убѣдить, но утромъ 14 апрѣля онъ снова поддался инымъ внушеніямъ, и вопросъ остался снова открытымъ.

Нѣкоторымъ объясненіемъ его колебаній можетъ служить тотъ крайне любопытный фактъ, что даже умѣренно-республиканское «центральное демократическое общество», въ составъ котораго входили многіе изъ начальниковъ національной гвардіи, не сумѣло распознать истинный характеръ манифестаціи и составило раннимъ утромъ 16 апрѣля адресъ, въ которомъ оно свидѣтельствовало о своей постоянной и всѣмъ извѣстной готовности поддержать правительство, но въ то же время заявляло, что оно считаетъ себя вынужденнымъ дать правительству «дружественный совѣтъ» такого рода:

«Граждане!

«Вы взялись защищать права народа: права народа остаются непризнанными. Вы объявили себя оффиціальными защитниками демократіи: если демократія вообще можетъ подвергнуться опасности, то она подвергается ей теперь. Мы не говоримъ, что среди васъ имѣются сознательные ретрограды, но мы говоримъ вамъ, что среди васъ есть косные люди (des hommes stationnaires)... Такъ вотъ, граждане, имѣйте это въ виду: не идти впередъ—значитъ идти назадъ...

«Обманутый столько разъ, народъ не закрываетъ глазъ на положеніе. Онъ хочетъ, чтобы революція, совершенная имъ, была совершена для него. Онъ не удовлетворится болѣе одними новыми формами или названіями. Въ его глазахъ и по его убѣжденію революція является по самому своему существу демократической и соціальной. Онъ не допускаетъ, чтобы человѣкъ могъ впредь эксплуатироваться человѣкомъ, чтобы еще существовали пролетаріи. Онъ хочетъ, чтобы трудъ былъ организованъ постепенно и безъ потрясеній, путемъ свободной ассоціаціи. Онъ требуетъ, наконецъ, чтобы слово «братство» не было пустымъ словомъ. Роль демократическаго общества очерчена ясно: оно всегда было, оно всегда будетъ съ народомъ. Вотъ почему оно является сегодня, дабы умолять временное правительство, выслушать голосъ народа и пойти вмѣстѣ съ нимъ».

Если общество, по своему составу отнюдь не революціонное, поддалось настолько господствовавшему въ Парижѣ настроенію, чтобы встать на чисто-соціалистическую почву и обращаться къ большинству правительства съ явными угрозами, то это даетъ прекрасное представленіе о томъ возбужденіи, которое испытывала не только рабочая масса, но и широкіе слои парижской интеллигенціи при мысли о возможности реакціи. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ инцидентъ показываетъ, какъ далеко разошлись въ своихъ настроеніяхъ и взглядахъ Парижъ и провинція и какого остраго столкновенія можно было ожидать между ними, какъ только исходъ выборовъ поставитъ ихъ другъ къ другу лицомъ къ лицу.

Колебанія Ледрю-Роллена вытекали изъ такого же точно психологическаго состоянія, какъ и выступленіе демократическаго общества. Разница между ними заключалась лишь въ томъ, что Ледрю-Ролленъ былъ лучше освѣдомленъ о закулисной сторонѣ готовившагося рѣшенія, и именно это обстоятельство опредѣлило, въ концѣ концовъ, его образъ дѣйствій.

Вопросъ о предстоявшей манифестаціи впервые подвергся обсужденію временнаго правительства въ засѣданіи, состоявшемся около полудня 15 апрѣля. Докладывая о положеніи дѣлъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ, что на другой день готовится манифестація. Луи Бланъ сдѣлалъ попытку придать ей совершенно невинный характеръ, но Ледрю-Ролленъ сообщилъ, что три клуба предполагаютъ вручить правительству адресъ, содержащій политическую программу, и что Бланки готовится обратить манифестацію въ возстаніе. Опасность была настолько очевидна, что возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли арестовать Бланки и нѣкоторыхъ другихъ. Но свѣдѣнія были слишкомъ неопредѣленны, и весь вопросъ былъ отложенъ до новаго вечерняго засѣданія въ тотъ же день.

Собравшись вечеромъ ок. $8^1/_2$ ч., правительство снова занялось вопросомъ о манифестаціи, назначенной на утро слѣдующаго дня. Положеніе правительства было тѣмъ

затруднительнѣе, что двое изъ его членовъ, Луи Бланъ и Альберъ, принадлежали къ числу главныхъ инициаторовъ движенія, и что оба завѣряли своихъ коллегъ въ его невинности, утверждая, что цѣль его заключается именно въ обезпеченіи возможно большаго участія рабочихъ въ выборахъ въ штабъ національной гвардіи. Когда имъ было указано на опасный характеръ подобнаго рода манифестацій, и къ нимъ, въ связи съ этимъ, обратились съ предложеніемъ воспользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы устранить данную манифестацію, они, однако, признали это оба невозможнымъ. Заявленіе Флокона, принадлежавшаго къ меньшинству правительства и выразившаго убѣжденіе, что всякое посягательство на правительство будетъ противорѣчить интересамъ республики, могло при такихъ условіяхъ убѣдить большинство въ томъ, что не все меньшинство солидарно, но особенно успокоительнаго характера оно не могло имѣть уже потому, что Ледрю-Ролленъ не счелъ нужнымъ присоединиться къ своему ближайшему товарищу. Сообщеніе энергичнаго командира мобильной гвардіи, генерала Дювивіэ, о глухомъ волненіи среди его подчиненныхъ также не было способно подѣйствовать успокоительно, а отсутствіе точныхъ свѣдѣній о томъ, что собственно подготовлялось въ клубахъ, не позволяло большинству дѣйствовать съ надлежащей опредѣленностью и планомѣрностью.

Никакихъ рѣшительныхъ мѣръ при такихъ условіяхъ не могло и быть. На всякій случай охрана ратуши была усилена до 400 человѣкъ, а охрана министерства финансовъ, гдѣ обыкновенно засѣдало правительство, была удвоена; во всѣхъ мэріяхъ должны были находиться наряды, а по улицамъ города должны были двигаться патрули. Но всего этого было мало, если только по примѣру 17 марта снова двинется на ратушу стотысячная толпа.

Было, правда, принято и еще нѣсколько рѣшеній, цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы убѣдить населеніе въ демократичности правительственной политики. Было уволено нѣсколько генераловъ, установленъ временный налогъ на ипотечныя бумаги, и упраздненъ непопулярный соляной налогъ. Авторъ послѣднихъ двухъ предложеній, Гарнье-Пажесъ, усматривалъ во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ «удовлетвореніе, данное революціи и народу, формальное опроверженіе брошенныхъ правительству обвиненій, будто оно щадитъ враговъ революціи, не рѣшается ни въ чемъ видоизмѣнить финансовую систему, обременяющую больше бѣднаго, чѣмъ богатаго, и не предпринимаетъ ничего въ пользу земледѣлія, промышленности и торговли». Какъ бы ни оцѣнивать мотивы правительства, вторично нарушившаго свое обѣщаніе не мѣнять финансовой системы до Національнаго Собранія, надо было быть большимъ оптимистомъ, чтобы предполагать, что удастся ослабить предстоящее движеніе такими ничтожными съ точки зрѣнія его вожаковъ уступками. Стоило сопоставить съ ними то, о чемъ говорилось въ клубахъ—милліардный налогъ на богатыхъ, отобраніе милліарда, выданнаго эмигрантамъ, конфискація владѣній орлеанскаго дома, арестъ или высылка наиболѣе видныхъ реакціонеровъ, выкупъ рудниковъ, копей и фабрикъ и т. д.—чтобы понять, что пропасть между правительствомъ и клубами была слишкомъ велика, чтобы ее можно было заполнить такими средствами.

Въ результатѣ правительство оказалось опять и неподготовленнымъ и безсильнымъ. Исходъ предстоявшаго столкновенія зависѣлъ не отъ него, а отъ Ледрю-Рол-

лена. Ламартинъ, правда, разсылалъ своихъ эмиссаровъ по предмѣстьямъ и старался использовать свои связи со студенчествомъ и съ офицерами національной гвардіи, чтобы парализовать движеніе; Мари старался подѣйствовать въ томъ же смыслѣ на рабочихъ національныхъ мастерскихъ, Марра принималъ мѣры, чтобы обезпечить боевую готовность 9 легіона національной гвардіи и воздѣйствіе студентовъ на теченіе демонстраціи, но все это были палліативы.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ тѣмъ временемъ подготовлялись рѣшающія событія. Ночью на 16 апрѣля къ Ледрю-Роллену явились делегаты отъ Бланки и предложили ему встать во главѣ движенія. Ледрю отказался. Непосредственно послѣ этого къ нему явился Собріэ и точно также склонялъ его вступить въ соглашеніе съ Бланки. Ледрю снова отказался. Только теперь ему, повидимому, стало ясно, что, присоединившись къ движенію, онъ будетъ вынужденъ допустить въ составъ правительства людей, въ глазахъ которыхъ онъ самъ окажется столь же «умѣреннымъ» или «коснымъ», какъ и члены правительственнаго большинства. Опозоренное послѣдними разоблаченіями имя Бланки сыграло, повидимому, не послѣднюю роль при опредѣленіи окончательнаго поворота его политики. Когда Луи Бланъ и Альберъ впослѣдствіи упрекали его за его поведеніе, онъ имъ отвѣтилъ, что Бланки хочетъ использовать манифестацію въ своихъ интересахъ, и что онъ не хочетъ передать республику и Францію въ руки Бланки. Въ 10 час. утра 16 апрѣля, когда ядро манифестантовъ уже собралось въ Елисейскихъ поляхъ и въ Ипподромѣ, а Коссидіеръ пригласилъ его произнести рѣчь и объявить себя главой движенія, Ледрю отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ къ Ламартину, чтобы предупредить его о грозящей опасности и столковаться о средствахъ борьбы съ нею.

Ламартинъ тотчасъ указалъ это средство, заключавшееся въ обращеніи къ національной гвардіи, и Ледрю-Ролленъ отправился немедленно къ командиру національной гвардіи, генералу Куртэ, чтобы дать приказъ бить тревогу и созвать всю гвардію, а Ламартинъ отправился къ начальнику мобильной гвардіи, генералу Дювивіэ.

Значеніе этого рѣшенія было одинаково велико какъ съ принципіальной, такъ и съ практической стороны. Начиная съ 24 февраля, это былъ первый случай обращенія правительства къ вооруженной силѣ. На этотъ разъ, правда, еще обратились не къ войску, а къ самимъ обывателямъ, призывая ихъ защищать правительство и порядокъ съ оружіемъ въ рукахъ. Тѣмъ не менѣе, первый шагъ былъ сдѣланъ. Правительство не сочло возможнымъ опереться только на свой моральный авторитетъ, чтобы убѣдить поднявшуюся народную массу въ необходимости не осложнять положенія насиліями. Оно сочло необходимымъ противопоставить силѣ силу. Послѣ разрыва между буржуазіей и пролетаріатомъ это былъ второй поворотный моментъ въ развитіи начавшагося въ февральскіе дни движенія и, несмотря на то, что весь ходъ развитія естественно долженъ былъ привести къ этому результату, рѣшеніе правительства застало очень многихъ, въ томъ числѣ даже многихъ офицеровъ національной гвардіи, врасплохъ. Когда Ламартинъ явился въ главный штабъ національной гвардіи, дабы распорядиться, чтобы генералу Дювивіэ были посланы патроны, въ которыхъ у него былъ недостатокъ, его сообщеніе о рѣшеніи правительства было

встрѣчено съ явнымъ недовѣріемъ, и только появленіе генерала Куртэ, уже получившаго предписаніе Ледрю-Роллена, положило этому недоразумѣнію конецъ. Аналогичныя сцены происходили и въ разныхъ окружныхъ мэріяхъ. Начальники національной гвардіи не могли сразу привыкнуть къ мысли о томъ, что обстоятельства перемѣнились, и національной гвардіи предстоитъ теперь не защищать, а разстрѣливать народъ.

Впрочемъ, кровопролитіе и не входило вовсе въ разсчеты Ламартина и Ледрю-Роллена. Когда генералъ Куртэ сталъ убѣждать Ледрю-Роллена въ ненужности созыва всей гвардіи, такъ какъ у него имѣется достаточно силъ для борьбы, Ледрю настоялъ на своемъ и заявилъ, что созывъ всей гвардіи необходимъ именно для того, чтобы не дошло до борьбы и кровопролитія. Только массовое выступленіе національной гвардіи могло удержать даже самыхъ рьяныхъ сторонниковъ движенія отъ попытки возстанія, которое послужило бы началомъ гражданской войны.

Въ результатѣ ок. $11^1/_2$ ч. раздалась тревога, и національные гвардейцы начали быстро стекаться въ свои обычные сборные пункты, откуда они должны были направиться къ ратушѣ. Около этого времени на Марсовомъ полѣ уже собралась огромная толпа въ 40,000 человѣкъ, а въ Ипподромѣ уже были заслушаны и приняты громомъ рукоплесканій 5000 участниковъ манифестъ и декларація правъ, объявлявшая задачей дня «рѣшеніе соціальнаго вопроса» и провозглашавшая «право возстанія» противъ всякаго правительства, которое «нарушаетъ вѣчные принципы равенства, свободы и братства». Среди собравшихся на Марсовомъ полѣ раздаются страстныя обвиненія противъ правительства, распространяются воззванія, дѣйствуютъ вожди клубовъ, особенно Бланки. Вскорѣ должно начаться движеніе къ ратушѣ, около которой предполагается собраться къ 2 часамъ. По примѣру прежнихъ манифестацій, ожидаютъ, что количество участниковъ по дорогѣ возрастетъ и дойдетъ до 100000.

Барабанный бой тревоги явился полной неожиданностью для всѣхъ, но еще большей неожиданностью являлся тотъ откликъ, который онъ встрѣтилъ среди массы національныхъ гвардейцевъ, устремившихся съ необычайной готовностью и поспѣшностью къ ратушѣ. Самое любопытное было то, что въ числѣ явившихся на зовъ правительства былъ и полковникъ 12 легіона Барбесъ. «Какъ Ледрю-Ролленъ—говоритъ Гарнье-Пажесъ—Барбесъ не пожелалъ выдать Францію Бланки. Исходъ дня былъ рѣшенъ». Около 100000 вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ окружили ратушу, заняли всѣ окружающія ее улицы, площади и набережныя, образуя живую и грозную плотину противъ манифестантовъ.

Въ то время, какъ количество защитниковъ правительства быстро возростало, количество манифестантовъ, наоборотъ, сокращалось. Рабочіе національныхъ мастерскихъ удалились; число участниковъ пало до 20000 и даже того меньше. Въ 1 ч. дня они начинаютъ свое движеніе къ ратушѣ, но съ каждымъ шагомъ оно становится все болѣе труднымъ. Около Лувра оно становится прямо невозможнымъ. Колонны мобильной гвардіи, движущіяся по совѣту генерала Шангарніэ по улицамъ, расположеннымъ перпендикулярно къ набережной, разъединяютъ отдѣльные отряды манифестантовъ. Шествіе останавливается и посылаетъ въ ратушу депутацію съ просьбой предоставить ему проходъ. Вожаки убѣдились въ полной неудачѣ своей

затѣи и удалились. Остались только рабочіе делегаты и ихъ сторонники. Посланная ими депутація была встрѣчена тѣмъ болѣе суровыми упреками, что правительство уже успѣло тѣмъ временемъ выяснить себѣ полное сочувствіе національной гвардіи.

Опасность была устранена, Ламартинъ произнесъ снова блестящую рѣчь, и снова началось дефилированіе огромной массы сторонниковъ правительства передъ ратушей. Въ то время, какъ собравшіеся медленно проходили мимо ратуши—это продолжалось отъ 5 до 11 час. вечера—на ряду съ обычными криками: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ временное правительство!—раздался совершенно новый, крайне характерный крикъ, придавшій всему дню его физіономію. То былъ крикъ: д о л о й к о м м у н и с т о в ъ! Подхваченный немедленно толпой, онъ разносился по всему городу.

«Именно начиная съ 16 апрѣля,—говоритъ Прудонъ,—соціализмъ сталъ особенно ненавистнымъ для страны. Соціализмъ существовалъ съ 1830 г. Съ 1830 г. сенсимонисты, фурьеристы, коммунисты, гуманитарцы и другіе занимали публику своими невинными мечтаніями, и ни Тьеръ, ни Гизо не снизошли до того, чтобы заняться ими. Они тогда не опасались соціализма, и они имѣли основаніе не опасаться его, покуда не возникало вопроса о томъ, чтобы осуществить его на государственныя средства и силою государственной власти. Послѣ 16 апрѣля соціалисты возбудили противъ себя самый страшный гнѣвъ: будучи ничтожнымъ меньшинствомъ, они протянули руку за властью».

§ 2. Выборы.

Выборы въ Національное Собраніе, на которые съ разныхъ сторонъ было обращено такое большое вниманіе, происходили при столь необычныхъ условіяхъ, что исходъ ихъ не поддавался никакому учету. Впервые со времени избранія членовъ національнаго конвента осенью 1792 г. вся страна цѣликомъ должна была высказаться о своихъ нуждахъ и избрать своихъ уполномоченныхъ не для обычной законодательной работы, а для конституированія будущаго государственнаго и о б щ е с т в е н н а г о строя.

Задача, подлежавшая рѣшенію Національнаго Собранія, была гораздо шире той, рѣшеніе которой выпало на долю конвента. Дѣло шло не только о политическомъ, но и о соціальномъ устройствѣ Франціи. Предстояло выяснить, сохранитъ ли Франція старыя формы своей хозяйственной организаціи, или она пройдетъ по одному изъ тѣхъ новыхъ путей, на которые указали Фурье и Кабэ, Луи Бланъ, Прудонъ и другіе.

Впервые соціальный вопросъ долженъ былъ сдѣлаться предметомъ не теоретическихъ размышленій, а практическаго, конкретнаго разсмотрѣнія и рѣшенія.

Постановка его была дѣломъ Парижа, находившаго откликъ лишь среди немногихъ крупныхъ промышленныхъ центровъ. Года три спустя, молодой Тэнъ писалъ своему пріятелю, что онъ «съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждается, что Парижъ и провинція—два разныхъ міра», и что «провинція находится еще на уровнѣ XIII вѣка». Она была готова примириться со всякимъ политическимъ строемъ, лишь бы

онъ не коснулся слишкомъ грубо ея давнишнихъ навыковъ, ея традиціоннаго быта, ея повседневныхъ интересовъ. А что могло глубже затронуть эти навыки и интересы, чѣмъ переустройство хозяйственной жизни, казавшееся тѣмъ болѣе страшнымъ, чѣмъ менѣе ясно представляли себѣ планъ и пріемы этого переустройства не только провинціалы, не только масса парижанъ, но и самые вожди соціалистическаго движенія?

Страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ еще осложнялся страхомъ передъ тѣмъ, что готовилось въ Парижѣ, и о чемъ ходили самые преувеличенные слухи внутри страны. Огромныя манифестаціи, давленіе на временное правительство, идея революціонной диктатуры для подготовки «хорошихъ выборовъ»—все это создавало совершенно своеобразное настроеніе, прекрасную характеристику котораго далъ Токвиль.

Въ первые дни послѣ революціи господствовало то примирительное настроеніе, которое побудило самые разнообразные слои общества и самыхъ разнообразныхъ дѣятелей, маршала Бюжо и Фаллу, Людовика-Наполеона и Персиньи, Одилона Барро и пастырей церкви, обращаться къ временному правительству или къ обществу съ изъявленіями полной готовности служить новому строю. Наблюдая тѣхъ, что были «побѣждены революціей, я находилъ у нихъ много страха»,—говоритъ Токвиль—«но такъ же мало истинной страсти, какъ и у побѣдителей, удивительную резиньяцію, а главное—никакой надежды, я бы сказалъ даже, никакой мысли о возвратѣ къ формѣ правительства, которая между тѣмъ была только-что устранена. Несмотря на то, что февральская революція была самой короткой и наименѣе кровопролитной изъ всѣхъ нашихъ революцій, она гораздо больше всѣхъ другихъ наполнила умы и сердца идеей и чувствомъ своего всемогущества. Я думаю, что причина этого заключается преимущественно въ томъ, что умы и сердца были лишены политической вѣры и страсти, и что послѣ столькихъ разочарованій и безплодныхъ волненій въ нихъ остался только вкусъ къ матеріальному благополучію...

«Въ результатѣ я замѣчалъ всеобщее стремленіе приспособиться къ импровизированному судьбой событію и ублаготворить новаго владыку. Крупные землевладѣльцы охотно напоминали, что они были всегда врагами буржуазнаго класса и всегда относились благосклонно къ народной массѣ; сами буржуа вспоминали съ нѣкоторой гордостью, что отцы ихъ были рабочими... Что же касается короля Людовика-Филиппа, то о немъ было не больше рѣчи, какъ если бы онъ принадлежалъ къ династіи Меровинговъ... Даже его враги забыли о немъ»...

Вожди старыхъ партій колебались, слѣдуетъ ли имъ принять дальнѣйшее участіе въ политической жизни, настолько ихъ шансы казались ничтожными, настолько ихъ идеи казались устарѣвшими или непримѣнимыми къ новымъ условіямъ жизни.

Отсрочка выборовъ и сопровождавшія ее парижскія событія совершенно измѣнили положеніе. Дѣло шло уже не о «защитѣ какой-нибудь формы правительства, а о защитѣ законовъ, которые конституируютъ самое общество». Когда это выяснилось, не одинъ только Токвиль рѣшилъ «броситься безъ оглядки на арену борьбы и подвергнуть риску свое состояніе, свой покой и свою личность».

Ознакомленіе съ настроеніемъ провинціи и въ частности крестьянъ быстро

должно было убѣдить Токвиля, что рискъ, которому онъ былъ готовъ подвергнуть себя, былъ не такъ великъ, какъ это казалось въ разгоряченной атмосферѣ Парижа.

Ламаншскій департаментъ въ сѣверной Нормандіи, гдѣ находилось имѣніе Токвиля, и гдѣ онъ собирался выставить свою кандидатуру, былъ весьма типиченъ для выясненія средняго настроенія массы провинціальнаго общества. За исключеніемъ Шербура, здѣсь не было ни большихъ городовъ, ни значительнаго количества большихъ мануфактуръ. «Первоначально революція осталась здѣсь незамѣченной. Высшіе классы немедленно подчинились этому удару, низшіе едва замѣтили его. Фактъ, что земледѣльческое населеніе испытываетъ политическія впечатлѣнія позднѣе и хранитъ ихъ упорнѣе, чѣмъ другіе классы, представляется обычнымъ; оно подымается послѣднимъ и послѣднимъ успокаивается. Когда человѣкъ, стороживший мою собственность, полу-крестьянинъ, давалъ мнѣ отчетъ о томъ, что творилось въ странѣ непосредственно послѣ 24 февраля, онъ писалъ мнѣ: люди говорятъ, что если Людовика-Филиппа прогнали, то это хорошо, и онъ этого заслужилъ. Вотъ въ чемъ съ ихъ точки зрѣнія заключалась вся мораль драмы. Но когда они услышали о царившемъ въ Парижѣ безпорядкѣ, о предполагавшихся новыхъ налогахъ, о грозившей всеобщей войнѣ, когда они увидѣли, что торговля замираетъ, и деньги какъ бы исчезаютъ подъ землей, а въ особенности, когда они узнали, что нападаютъ на принципъ частной собственности, тогда они скоро замѣтили, что тутъ дѣло не въ одномъ Людовикѣ-Филиппѣ. Страхъ, который распространился первоначально только на верхахъ общества, спустился тогда въ самую глубь народной массы, и всеобщій ужасъ (terreur) охватилъ страну. Въ этомъ именно состояніи я и засталъ ее, когда я прибылъ туда около середины марта. Я былъ тотчасъ пораженъ удивившимъ и привлекшимъ меня зрѣлищемъ. Среди городскихъ рабочихъ царила, правда, извѣстная демагогическая агитація, но въ деревняхъ всѣ собственники, каково бы ни было ихъ происхожденіе, ихъ прошлое, ихъ воспитаніе, ихъ собственность, сблизились другъ съ другомъ и представляли, казалось, лишь одинъ классъ; старая ненависть, вытекавшая изъ разницы взглядовъ, старое кастовое или имущественное соперничество не были болѣе замѣтны. Зависть или надменность, раздѣлявшія крестьянина и богача, дворянина и буржуа, исчезли; господствовало взаимное довѣріе, вниманіе и благосклонность. Собственность создала своего рода братство среди всѣхъ, кто ею обладалъ. Такъ какъ французская революція увеличила количество земельныхъ собственниковъ до безконечности, то казалось, что все населеніе образовало обширную семью. Я не видѣлъ ничего подобнаго, и никто съ незапамятныхъ временъ не видѣлъ ничего подобнаго во Франціи. Опытъ показалъ, что этотъ союзъ не былъ столь интименъ, какъ казалось, и что старыя партіи и разные классы скорѣе сблизились, чѣмъ слились; страхъ подѣйствовалъ на нихъ, какъ могло бы подѣйствовать давленіе на очень твердые предметы: пока оно продолжается, они вынуждены прилегать другъ къ другу, но когда оно ослабляется, они распадаются. Въ этотъ первый моментъ я не замѣчалъ вдобавокъ никакихъ слѣдовъ того, что должно быть названо въ собственномъ смыслѣ политическими взглядами. Можно было подумать, что республиканскій строй сталъ внезапно не только лучшимъ, но единственнымъ, ко-

торый можно было себѣ представить примѣнительно къ Франціи; династическія надежды и разочарованія скрывались такъ глубоко въ сердцахъ, что ихъ не оставалось и слѣда. Республика уважала личныя и имущественныя права, и ее признавали законно существующей. То, что меня поразило больше всего послѣ того зрѣлища, которое я только-что описалъ, это было проявленіе всеобщей ненависти, смѣшанной съ всеобщимъ страхомъ, которую впервые возбуждалъ противъ себя Парижъ. Во Франціи провинціалы питаютъ по отношенію къ Парижу и къ центральной власти, резиденціей которой является Парижъ, чувства, аналогичныя тѣмъ, которыя питаютъ англичане по отношенію къ своей аристократіи: подчасъ они переносятъ ее съ нетерпѣніемъ и смотрятъ на нее часто съ завистью, но по существу они ее любятъ, такъ какъ надѣются всегда, что ея привилегіи сослужатъ ихъ частнымъ интересамъ свою службу. На этотъ разъ Парижъ и тѣ, кто говорилъ отъ его имени, настолько злоупотребили его могуществомъ и обращали, казалось, такъ мало вниманія на остальную страну, что мысль о томъ, чтобы свергнуть ихъ иго и дѣйствовать, наконецъ, по собственному почину, возникла во многихъ умахъ, которымъ она никогда раньше не являлась. Это были, правда, неопредѣленныя и боязливыя желанія, эфемерныя и слабыя страсти, на которыя, какъ мнѣ казалось, нечего особенно надѣяться, и которыхъ нечего особенно бояться. Эти новыя чувства превратились тогда въ страстный интересъ къ выборамъ. Всѣ хотѣли участвовать въ выборахъ, ибо избраніе враговъ парижской демагогіи казалось не столько законнымъ примѣненіемъ своего права, сколько наименѣе опаснымъ изъ тѣхъ средствъ, коими можно было воспользоваться, чтобы выступить противъ владыки», т.-е. противъ Парижа.

При такихъ условіяхъ Токвиль счелъ возможнымъ выставить свою кандидатуру, и успѣхъ ея подтвердилъ безусловную правильность его впечатлѣній. Циркуляръ, съ которымъ онъ обратился къ избирателямъ, и въ которомъ онъ заявлялъ, что до паденія монархіи онъ не былъ сторонникомъ республики, но что теперь онъ готовъ оказать ей полную поддержку, съ тѣмъ, однако, чтобы она не обратилась въ диктатуру, не касалась существующаго общественнаго строя и не стремилась къ пропагандѣ и завоеваніямъ, имѣлъ огромный, неожиданный для него самого успѣхъ. «Онъ сдѣлалъ меня въ нѣсколько дней самымъ популярнымъ человѣкомъ ламаншскаго департамента—разсказываетъ Токвиль—и приковалъ ко мнѣ всѣ взоры. Мои старые политическіе противники, агенты прежней власти и даже консерваторы, которые энергичнѣе всѣхъ боролись со мной и которые были низвергнуты республикой, являлись толпами, чтобы увѣрить меня, что они готовы не только избрать меня, но слѣдовать во всемъ моему совѣту».

То, что совершалось въ ламаншскомъ департаментѣ, происходило приблизительно въ томъ же видѣ въ большей части Франціи: чѣмъ больше приближался срокъ выборовъ, тѣмъ болѣе «мрачнымъ представлялось съ каждымъ днемъ будущее. Всѣ новости, приходившія изъ Парижа, изображали положеніе великаго города въ такомъ видѣ, что онъ находится въ постоянной опасности попасть въ руки вооруженныхъ соціалистовъ. Никто не зналъ, предоставятъ ли послѣдніе избирателямъ свободу или, по меньшей мѣрѣ, подчинятся ли они Національному Собранію? Уже тогда (въ Па-

рижѣ) заставляли офицеровъ національной гвардіи принести присягу, что они двинутся противъ Національнаго Собранія, если произойдетъ конфликтъ между нимъ и народомъ. Въ провинціи волненіе возрастало, но при видѣ опасности настроеніе ея крѣпло».

Это настроеніе, одинаково сильное среди знати и крупной буржуазіи, среди подавляющаго большинства мелкой буржуазіи (особенно провинціальной) и крестьянъ, предрѣшало исходъ выборовъ. Всѣ попытки нѣкоторыхъ правительственныхъ комиссаровъ воздѣйствовать на избирателей при помощи издаваемыхъ ими на государственныя средства газетъ, брошюръ, афишъ, воззваній, списковъ кандидатовъ оказались столь же безсильными измѣнить господствовавшее настроеніе, какъ и агитація части народныхъ учителей или новыя выступленія Ледрю-Роллена, снова заявлявшаго 7 апрѣля, что «подъ страхомъ самоотреченія или даже измѣны правительство не можетъ ограничиться регистраціей протоколовъ и подсчетомъ голосовъ», а должно «просвѣтить Францію и открыто работать надъ тѣмъ, чтобы обмануть интриги контръ-революціи».

На ряду съ чувствомъ страха, охватившимъ массы избирателей при извѣстіяхъ о внезапномъ проявленіи и характерѣ «коммунистическаго» движенія, второй характерной чертой избирательной кампаніи была открытая война всѣхъ лѣвыхъ республиканцевъ до партіи Лердю-Роллена включительно противъ династической лѣвой, которая объявлялась ими самымъ опаснымъ врагомъ республики. Обрушиваясь на династическую лѣвую и на лѣвый центръ, на Одилона Барро и на Тьера, т.-е. какъ-разъ на тѣхъ, кто легче всего могъ примириться съ новымъ положеніемъ, они не только забывали о болѣе консервативныхъ партіяхъ, въ томъ числѣ о легитимистахъ, но фактически прямо содѣйствовали сближенію всѣхъ тѣхъ, кто наканунѣ 24 февраля не былъ республиканцемъ.

Вызовъ, брошенный радикалами либеральной оппозиціи временъ монархіи и осложненный вынужденными уступками временнаго правительства въ пользу клубной демагогіи, не могъ остаться безъ отвѣта со стороны либераловъ. Всѣ вожди либеральной партіи заявляли категорически, что они принимаютъ новую форму государственнаго устройства, и всѣ они протестовали въ то же время противъ того характера, который парижане хотѣли придать республикѣ. «Повѣрьте разъ навсегда,— говорилъ Дювержье де Гораннъ,—вопросъ заключается уже не въ томъ: быть ли монархіи или республикѣ? Вопросъ въ томъ, быть ли республикѣ либеральной или деспотической, терпимой или притѣсняющей? Истинные республиканцы, все равно, были ли они таковыми наканунѣ революціи или нѣтъ, это тѣ, которые хотятъ первую изъ этихъ двухъ республикъ». «Я согласился выставить свою кандидатуру,— писалъ Тьеръ,—изъ преданности отечеству, по долгу чести, не для того, чтобы работать въ будущемъ Національномъ Собраніи въ пользу скрытой реставраціи, но дабы честно трудиться надъ конституированіемъ новой республики на прочныхъ и устойчивыхъ основахъ и дабы защищать при этомъ основныя условія существованія всякаго общества—семью, собственность, свободу сдѣлокъ».

Побѣда республики была столь неожиданна для самихъ республиканцевъ, что они не могли повѣрить въ дѣйствительную готовность ихъ вчерашнихъ враговъ покончить съ монархіей. Республиканцы не отдавали себѣ отчета въ томъ, что въ

данный моментъ у монархистовъ не было даже серьезнаго кандидата на престолъ, и что рядъ революцій настолько потрясъ монархическое чувство какъ-разъ въ тѣхъ кругахъ, къ коимъ принадлежала оппозиція временъ іюльской монархіи, что здѣсь имъ было легче всего разсчитывать если не на единомышленниковъ, то на союзниковъ, поскольку ихъ задача сводилась къ упроченію республиканскаго строя какъ такового. На самомъ дѣлѣ радикалы всѣхъ оттѣнковъ стремились, однако, вовсе не только къ этому. Идея республики соединилась въ ихъ глазахъ самымъ тѣснымъ образомъ съ болѣе или менѣе глубокими соціальными реформами. Ихъ довѣріе и вражда къ либераламъ вытекала изъ правильнаго убѣжденія въ томъ, что либералы отвергали всякія коренныя соціальныя реформы. Но отвергать эти реформы, это означало, по мнѣнію радикаловъ, отвергать и республику. Вотъ почему они боролись противъ всѣхъ republicains du lendemain. А въ то же время республиканцы переоцѣнивали свою собственную силу, полагая, что имъ можно не только продолжать начавшуюся еще до революціи рознь между болѣе и менѣе радикальными теченіями собственно республиканскаго лагеря, но обострять эту рознь до крайности.

Всѣ эти особенности избирательной кампаніи проявлялись въ наиболѣе рѣзкой формѣ въ самомъ Парижѣ. Здѣсь находилась главная квартира соціалистовъ и ультрарадикаловъ; здѣсь они располагали наиболѣе серьезной по своей численности и наиболѣе компактной массой сторонниковъ; здѣсь издавались ихъ газеты, и собирались ихъ клубы; здѣсь они оказывали непосредственное давленіе на центральное правительство, и здѣсь же ихъ ожидало наиболѣе тяжелое пораженіе.

Помимо монархическихъ списковъ въ Парижѣ конкурировалъ цѣлый рядъ республиканскихъ, въ томъ числѣ списокъ клуба клубовъ и люксембургской комиссіи. Послѣдній содержалъ имена 20 рабочихъ и 14 лицъ интеллигентныхъ профессій (Парижъ долженъ былъ избрать 34 депутата), причемъ изъ членовъ временнаго правительства въ него попали только четверо: Луи Бланъ, Альберъ, Ледрю-Ролленъ и Флоконъ. Ни Бланки, ни Прудонъ не были включены въ него, но это не помѣшало имъ выставить свои кандидатуры. Наиболѣе серьезнымъ конкурентомъ этого списка являлся списокъ «центральнаго комитета департамента Сены», въ которомъ значились всѣ члены временнаго правительства безъ исключенія, рядъ другихъ видныхъ именъ (напр., Ламеннэ, Беранжэ, генералъ Кавеньякъ, д'Альтонъ-Шэ) и пять рабочихъ. На ряду съ этими списками была выставлена масса индивидуальныхъ кандидатуръ. Дѣло дошло до того, что общее количество лицъ, кандидатуры коихъ были выставлены ими самими или другими лицами и организаціями, доходило до двухъ тысячъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ результатъ выборовъ представлялся совершенно гадательнымъ. Тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе онъ долженъ былъ произвести, когда окончился 28 апрѣля подсчетъ голосовъ, и когда выяснилось, что ультрарадикалы и въ особенности «коммунисты» потерпѣли полное пораженіе. Первые семь мѣстъ занимали по числу голосовъ Ламартинъ (259800), Дюпонъ де л'Эръ (245083), Араго (243640), Гарнье-Пажесъ (240890), Арманъ Марра (229 т.), Мари (225 т.) и Кремьё (210 т.), т.-е. умѣренное большинство временнаго правительства. За ними слѣдовалъ длинный рядъ лицъ одного съ ними образа мыслей. На 20 и 21 мѣстѣ стояли Коссидіеръ (133 т.) и Альберъ (133 т.), на 26-омъ

Ледрю-Ролленъ (131 т.), на 28-омъ Флоконъ (121 т.), на 29-омъ Луи Бланъ (121 т.). Барбесъ собралъ всего 64000 голосовъ, Распайль—52000, Пьеръ Леру—47000, ученикъ Фурьэ, Консидеранъ—28000, Кабэ и Собріэ по 20000. Среднее число голосовъ, поданныхъ за списокъ клуба клубовъ и люксембургской комиссіи, не превышало 30—40000.

Болѣе жестокое пораженіе трудно было себѣ представить, а вѣсти изъ провинціи еще подчеркивали значеніе парижскихъ событій. Изъ 900 членовъ Національнаго Собранія свыше 700, правда, были республиканцами и лишь около 200 принадлежали къ старымъ монархическимъ партіямъ, самой сильной изъ коихъ, къ общему изумленію, оказались легитимисты, завоевавшіе около 130 мѣстъ, тогда какъ на всѣ остальныя монархическія партіи приходилось лишь отъ 50 до 60 мѣстъ. Но, во-первыхъ, немногочисленность этихъ партій искупалась въ значительной мѣрѣ опытностью ихъ членовъ, Берріэ, Фаллу, Монталамбера, Дюфора, Билльо, де Ремюза, Одилона Барро, Дювержье де Горанна, де Бомона, де Мальвиля и т. д. А, во-вторыхъ, и это было самое главное, подавляющее большинство республиканцевъ было сторонниками «умѣренной» или «либеральной», а не «деспотической» или «радикальной» республики. Чрезвычайно характернымъ представлялся съ этой точки зрѣнія хотя бы тотъ фактъ, что Ламартинъ былъ избранъ въ десяти департаментахъ и собралъ 1600000 голосовъ, а Марра былъ избранъ въ четырехъ департаментахъ.

Настроеніе и рѣшеніе страны не могло подлежать сомнѣнію. Впервые за 56 лѣтъ весь народъ былъ опрошенъ, и воля его проявлялась съ неоспоримой ясностью. Можно было не соглашаться съ народомъ, можно было стремиться его переубѣдить, но именно съ точки зрѣнія демократической идеи нельзя было возставать противъ его рѣшенія, нельзя было дѣлать попытки навязать ему насильственно такія убѣжденія, которыхъ онъ не раздѣлялъ, и такіе порядки, которымъ онъ не сочувствовалъ.

А между тѣмъ какъ-разъ на этотъ путь и стала ультрарадикальная партія. Она подвела этимъ парижскихъ рабочихъ подъ ужасную бойню іюньскихъ дней, погубила республику и создала почву для двадцатилѣтняго владычества Наполеона III.

ГЛАВА VI.

Національное Собраніе и день 15 мая.

§ 1. Настроеніе партій послѣ выборовъ.

Результатъ выборовъ ошеломилъ и возмутилъ ультрарадикаловъ до послѣдней степени. «Мы ожидали весьма плохихъ выборовъ—писала «Réforme»,—однако, надо сознаться, что результатъ превзошелъ наши ожиданія»: газета старалась объяснить его нерадѣніемъ и неопытностью комиссаровъ, посланныхъ правительствомъ въ департаменты. То же самое объясненіе давала и «Парижская коммуна» (органъ Коссидіера). Но она не ограничивалась чрезвычайно рѣзкимъ осужденіемъ правительства по этому поводу, а обращалась съ совершенно недвусмысленными угрозами и къ На-

ціональному Собранію. Газета высказываетъ надежду, «что всѣ соціалистическія школы будутъ имѣть своихъ представителей въ Собраніи, ибо споръ о будущемъ (строѣ Франціи) долженъ отнынѣ происходить (лишь) между ними», иначе говоря, соціалистическая организація должна считаться предрѣшенной. А, между тѣмъ, «мы видимъ, какъ вмѣсто этихъ гражданъ, выдающихся своей любовью къ человѣчеству и своими прилежными изысканіями, (въ Собраніе) являются сомнительныя личности, интриганы и т. п.». Такъ пусть же Собраніе помнитъ, что отъ него ожидается. «Если Собраніе двинется впередъ, оно будетъ дѣйствовать согласно внушеніямъ народа; если оно остановится, если оно пойдетъ назадъ, народъ создастъ себѣ свою конституцію самъ».

«Я прихожу сюда—вторилъ этимъ газетамъ Луи Бланъ, когда онъ обратился 29 апрѣля къ люксембургскимъ рабочимъ, — съ сердцемъ, полнымъ скорби, но въ то же время полнымъ страсти, мужества и надежды. Что бы тамъ ни думали, нѣтъ, геній революціи не погибнетъ», или, иначе говоря, революція совершится, несмотря на выборы. Всеобщее избирательное право можетъ лишь въ томъ случаѣ правильно отражать народную волю, когда оно функціонируетъ среди общества, гдѣ каждому гражданину обезпечена полная возможность свободнаго развитія его ума и души. «Такъ ли это въ современномъ обществѣ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ»!

Иллюстраціей къ этимъ рѣчамъ послужили серьезные безпорядки, происшедшіе въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, въ особенности въ Лиможѣ и Руанѣ съ ихъ обширнымъ рабочимъ населеніемъ. И тамъ и тутъ пораженіе ультрарадикальнаго списка привело къ волненіямъ, завершившимся, по крайней мѣрѣ, въ Руанѣ кровопролитнымъ столкновеніемъ національной гвардіи и войска съ народной массой.

Въ Лиможѣ броженіе не прекращалось съ самаго 24 февраля, чему содѣйствовалъ не мало и мѣстный клубъ, развившій чрезвычайно энергичную дѣятельность какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, выставившій свой списокъ кандидатовъ и грозившій народнымъ возстаніемъ, если этотъ списокъ не пройдетъ. Въ день выборовъ возбужденіе достигло чрезвычайной силы, и дѣло не обошлось безъ попытокъ оказать насильственное давленіе на избирателей. Тѣмъ не менѣе, уже 26 апрѣля стало яснымъ, что радикальный списокъ не имѣлъ успѣха, и въ тотъ же вечеръ состоялось крайне бурное засѣданіе клуба, гдѣ высказывались требованія о распущеніи муниципальнаго совѣта, о разоруженіи старой національной гвардіи и о распредѣленіи добытаго такимъ путемъ оружія по жребію между всѣми гражданами. Поздно вечеромъ эти требованія излагаются въ формѣ петиціи и препровождаются префекту. На другое утро, 27 апрѣля, толпы рабочихъ двинулись изъ предмѣстій въ манежъ, гдѣ заканчивался подсчетъ голосовъ: толпа ворвалась въ зданіе, захватила протоколы и бюллетени, изорвала и топтала ихъ ногами. Но такъ какъ количество неподсчитанныхъ къ этому времени голосовъ было незначительно, а протоколы предыдущихъ подсчетовъ сохранились, то результатъ выборовъ представлялся, несмотря на это, несомнѣннымъ. Не достигнувъ своей цѣли, толпа устремляется снова въ городъ и держитъ его въ своихъ рукахъ, въ то время какъ мэръ города убѣждаетъ правительственнаго комиссара не прибѣгать къ созыву національной гвардіи и къ помощи войска. Въ результатѣ безпорядки охватываютъ весь городъ, приводятъ къ захвату городской ратуши, къ грабежамъ, къ разоруженію національной гвардіи и стихаютъ лишь черезъ нѣсколько дней

Еще болѣе серьезны были событія въ Руанѣ. И тутъ возбужденіе радикаловъ росло по мѣрѣ приближенія выборовъ, и тутъ раздавались угрозы на случай побѣды враждебныхъ имъ кандидатовъ; и тутъ не обошлось безъ открытаго давленія на избирателей. «Если пройдетъ иной списокъ, кромѣ списка центральнаго комитета,—заявлялъ предсѣдатель послѣдняго публично еще 18 апрѣля,—то избранные такимъ образомъ кандидаты не просидятъ и 24 часовъ въ палатѣ». «Если мы не побѣдимъ путемъ выборовъ,—заявлялъ одинъ изъ его сторонниковъ,—мы побѣдимъ путемъ ружейныхъ выстрѣловъ».

Когда 27 апрѣля стало извѣстно, что радикальный списокъ потерпѣлъ пораженіе, и что избранъ непопулярный генералъ-прокуроръ Сенаръ, раздраженіе побѣжденныхъ не знало предѣловъ. Положеніе было тѣмъ болѣе тревожно, чѣмъ тяжелѣе была нужда среди рабочихъ, заставившая открыть и здѣсь коммунальныя мастерскія, куда записалось 16000 рабочихъ.

Уже 27 апрѣля произошло первое столкновеніе между толпой подростковъ и отрядомъ національной гвардіи, охранявшимъ городскую ратушу. Толпа быстро разрослась, когда къ ней стали примыкать рабочіе, и сдѣлала попытку проникнуть въ ратушу: двое изъ толпы и два національныхъ гвардейца были ранены, изъ нихъ первые смертельно. Отряду кавалеріи удается очистить площадь передъ ратушей и спасти самую ратушу съ большимъ складомъ оружія и патроновъ, но толпа скопляется въ сосѣднихъ улицахъ и начинаетъ быстро возводить баррикады, число которыхъ доходитъ скоро до 37. Баррикады окружаютъ ратушу кольцомъ и имѣютъ видъ настоящихъ крѣпостей; газовое освѣщеніе не дѣйствуетъ. Бунтъ начинаетъ превращаться въ возстаніе.

Попытки правительственнаго комиссара, который принадлежалъ самъ къ провалившимся радикальнымъ кандидатамъ, возстановить спокойствіе и предотвратить кровопролитіе не имѣютъ успѣха. Тѣмъ временемъ Сенаръ беретъ на себя организацію сопротивленія: національная гвардія немедленно слѣдуетъ обращенному къ ней призыву, соединяется, какъ нѣкогда, въ 30-е годы, съ войсками и вступаетъ съ мятежниками въ бой: ночью съ 27 на 28 апрѣля ихъ соединеннымъ усиліямъ удается взять 30 баррикадъ. Однако, на другой день бой продолжается. Онъ особенно серьезенъ на лѣвомъ берегу Сены, гдѣ цѣлый рядъ баррикадъ защищаетъ доступъ въ рабочее предмѣстье. Генералу Жерару приходится прибѣгать къ артиллерійскому огню, и лишь послѣ этого возставшіе разбѣгаются или сдаются, потерявъ 11 убитыхъ и 76 раненыхъ, изъ коихъ 23 въ теченіе ближайшихъ дней также умираютъ. У войска и національной гвардіи, если не считать нѣкоторыхъ легко раненыхъ, не было потерь; такъ плохо было въ общемъ вооруженіе возставшихъ, которымъ еще не успѣли передать 4000 ружей, предоставленныхъ имъ приказомъ Ледрю-Роллена отъ 5 апрѣля.

Нетрудно было предвидѣть, что кровавыя событія въ Руанѣ, эта прелюдія къ іюньскому бою, не останутся безъ воздѣйствія на Парижъ, и оффиціальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ («Bulletin de la république») постарался успокоить неизбѣжное волненіе краснорѣчивой статьей, которую написала Жоржъ Зандъ, и въ которой она призывала своихъ согражданъ не придавать чрезмѣрнаго значенія «достойнымъ вѣчнаго сожалѣнія» безпорядкамъ, происшедшимъ въ Руанѣ и дру-

гихъ городахъ въ связи съ выборами. «Въ этихъ мимолетныхъ судорогахъ слѣдуетъ видѣть лишь результатъ нѣкоторыхъ индивидуальныхъ увлеченій или детальныхъ затрудненій, почти неизбѣжныхъ при внезапномъ и вызванномъ необходимостью примѣненіи порядковъ, механизмъ коихъ у насъ еще не дѣйствовалъ... Не забудемъ, граждане, этого великаго, этого евангельскаго девиза братства, написаннаго на нашихъ славныхъ знаменахъ и на фронтонѣ нашихъ публичныхъ зданій. Не забудемъ, что братство означаетъ любовь, милосердіе, терпимость, примиреніе, довѣріе, уваженіе, взаимное снисхожденіе».

Стоило только прислушаться къ языку ультрарадикаловъ, чтобы убѣдиться въ полной безполезности такихъ призывовъ. «Сѣяли страхи, пожинаютъ кровь», писала въ моментъ руанскаго возстанія «Парижская коммуна». «Вызовъ, брошенный (16 апрѣля) парижской національной гвардіей рабочему населенію, находитъ отзвукъ въ провинціи! Реакціонеры, вы не могли добиться гражданской войны въ Парижѣ; будьте довольны, утѣшьтесь: она вспыхнула въ Руанѣ. . Когда течетъ кровь, всегда имѣется виновный; виновный, это—реакція... Изъ борьбы (внутри общества) должно было родиться отчаяніе; сегодня это отчаяніе угрожаетъ вамъ. Вы спасаетесь отъ него избіеніями. Голоду вы противополагаете картечь и свинецъ!.. Если (національное) Собраніе отречется отъ соціальной революціи, своей матери, если оно подыметъ на нее свою отцеубійственную руку, это Собраніе роковымъ образомъ погибнетъ отъ собственнаго безсилія... Духъ революціи лишитъ ее своей поддержки, и оно само собою зачахнетъ, обезсиленное... Тогда, братья, тогда вы, наученные этимъ торжественнымъ опытомъ, подымете вашъ грозный голосъ. Народъ—суверенъ; правительство—его продуктъ и его собственность; должностныя лица—его приказчики. Если народъ пожелаетъ, онъ можетъ измѣнить свое правительство и отозвать своихъ уполномоченныхъ (ст. 14 декларації правъ человѣка). И тогда судъ народа будетъ Божьимъ судомъ!.. Право избранія! право отозванія! первое—принципъ, второе—выводъ».

А вотъ нѣкоторые отрывки изъ петиціи, составленной клубомъ Бланки и препровожденной имъ временному правительству: «Суда! немедленнаго суда надъ убійцами! Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ роялистская буржуазія Руана готовила въ тиши Варѳоломеевскую ночь противъ рабочихъ; она собрала большіе запасы патроновъ. Власти это знали. Апрѣльскіе дни черезъ какихъ-нибудь неполныхъ два мѣсяца послѣ революціи! Вотъ что значитъ торопиться! И ничего тамъ недоставало... ни картечи, ни ядеръ, ни разрушенныхъ домовъ, ни осаднаго положенія, ни жестокости солдатчины, ни оскорбленія умершихъ, единодушнаго оскорбленія газетъ, этихъ трусливыхъ обожателей силы! Трансноненская улица превзойдена! Когда читаешь подлый разсказъ о подвигахъ этихъ разбойниковъ, чувствуешь себя какъ бы наканунѣ тѣхъ несчастныхъ дней, покрывшихъ Францію трауромъ и позоромъ... Тамъ не сражались, вы хорошо это знаете, тамъ избивали! И вы допускаете, чтобы подвиги этихъ убійцъ восхвалялись! Или кровь народа и въ вашихъ глазахъ, какъ въ глазахъ королей, лишь вода, годная на то, чтобы мыть ею отъ времени до времени переполненныя улицы»? Адресъ заканчивался требованіемъ о разоруженіи руанской національной гвардіи и войска, объ арестѣ и преданіи суду членовъ руанской

аппеляціонной палаты, наконецъ, о немедленномъ удаленіи всѣхъ войскъ изъ Парижа.

Статья «Парижской коммуны» и адресъ Бланки даютъ приблизительное представленіе о томъ, что писалось въ радикальныхъ газетахъ и говорилось въ радикальныхъ клубахъ.

«Бывали болѣе злобные революціонеры, чѣмъ революціонеры 1848 г.,—говоритъ Токвиль,—но я не думаю, чтобы когда-либо существовали болѣе глупые; они не сумѣли ни воспользоваться всеобщимъ избирательнымъ правомъ, ни обойтись безъ него. Если бы они произвели выборы непосредственно послѣ 24 февраля, когда высшіе классы были ошеломлены нанесеннымъ имъ ударомъ, и когда народъ былъ скорѣе удивленъ, чѣмъ недоволенъ, они, быть-можетъ, получили бы соотвѣтствовавшее ихъ желаніямъ собраніе; если бы они смѣло захватили диктатуру, они могли бы удержать ее въ теченіе нѣкотораго времени въ своихъ рукахъ. Но они отдали себя въ руки народа и въ то же время дѣлали все, чтобы оттолкнуть его отъ себя; они угрожали ему, отдаваясь въ его руки; они пугали его смѣлостью своихъ проектовъ и страстностью своего языка и вызывали его на сопротивленіе нерѣшительностью своихъ дѣйствій; они присваивали себѣ роль его учителей и въ то же время ставили себя въ зависимость отъ него. Вмѣсто того, чтобы открыть свои ряды послѣ побѣды, они старательно затрудняли доступъ въ нихъ; однимъ словомъ, они задались, казалось, цѣлью разрѣшить неразрѣшимую задачу, а именно: управлять при помощи большинства, но противъ его наклонностей. Подчиняясь, не понимая ихъ, примѣрамъ прошлаго, они глупо воображали, что достаточно привлечь толпу къ политической жизни, чтобы привлечь ее къ себѣ, и что достаточно дать права, не давая выгодъ, чтобы заставить любить республику; они забыли, что, дѣлая крестьянъ избирателями, ихъ предшественники упразднили десятину, осудили повинности, уничтожили остальныя сеньеріальныя привилегіи и раздѣлили имущества старой знати между прежними крѣпостными, тогда какъ они сами не могли сдѣлать ничего подобнаго. Возстанавливая всеобщее голосованіе, они думали, что призываютъ народъ на помощь революціи, тогда какъ они дали ему лишь оружіе противъ нее. А между тѣмъ я далекъ отъ мысли, чтобы нельзя было вызвать революціонныя страсти даже въ деревняхъ. Во Франціи всѣ земледѣльцы обладаютъ какой-нибудь частицей земли, и большинство изъ нихъ обременено долгами, а потому надо было напасть не на собственниковъ, а на кредиторовъ; надо было обѣщать не упраздненіе собственности, а упраздненіе долговыхъ обязательствъ».

Испугавшись за свою собственность, крестьяне послали въ Національное Собраніе ея защитниковъ. Послѣ выборовъ стало еще болѣе яснымъ, чѣмъ до нихъ, что подлежавшій разрѣшенію вопросъ заключался не въ формѣ политической организаціи, а въ существѣ соціальнаго строя новой Франціи.

Столкновеніе двухъ міровъ, столкновеніе соціалистическихъ идей и идеи частной собственности, представлялось при такихъ условіяхъ неизбѣжнымъ. Провинціалы отпускали своихъ избранниковъ въ Парижъ въ полной увѣренности, что они подвергнутся тамъ большимъ опасностямъ, и обѣщали двинуться при первомъ случаѣ на ихъ защиту. А Парижъ готовился встрѣтить ихъ враждебно и заранѣе угрожалъ имъ своей местью, если они не подчинятся его волѣ и его давленію.

Разочарованіе сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права, ихъ сѣтованія на народъ производили на Токвиля комическое впечатлѣніе. «Но видъ Парижа, когда я вернулся въ его стѣны, уже не былъ смѣшнымъ, а поистинѣ страшнымъ и мрачнымъ,—говоритъ онъ.—Я встрѣтилъ въ этомъ городѣ сто тысячъ вооруженныхъ рабочихъ, организованныхъ, безработныхъ, умиравшихъ отъ голода, умы которыхъ были исполнены пустыхъ теорій и химерическихъ надеждъ. Я увидѣлъ здѣсь общество, расколовшееся на двѣ части: на неимущихъ, объединенныхъ общими вожделѣніями, и имущихъ, объединенныхъ общимъ страхомъ. Между этими двумя большими классами не было больше ни связи, ни симпатій; повсюду господствовала идея неизбѣжной и близкой борьбы. Буржуазія и народъ... уже вступали съ перемѣннымъ счастьемъ въ столкновенія, имѣвшія мѣсто въ Руанѣ, въ Лиможѣ, въ Парижѣ; не проходило дня, когда бы собственники не подвергались нападеніямъ или угрозамъ, касавшимся либо ихъ капитала, либо ихъ доходовъ; то хотѣли, чтобы они давали работу, не имѣя возможности сбыть ея продукты, то—чтобы они освободили своихъ квартирантовъ отъ квартирной платы, хотя у нихъ самихъ не было другихъ средствъ существованія. Они подчинялись, насколько возможно, всѣмъ этимъ тираническимъ требованіямъ и старались извлечь пользу хотя бы изъ своей слабости, публикуя о ней въ газетахъ. Я помню, что читалъ, между прочимъ, въ тогдашнихъ газетахъ слѣдующее объявленіе, которое все еще поражаетъ меня, какъ модель пріятной смѣси тщеславія, трусости и глупости: «Г. редакторъ,—говорилось въ немъ,—я пользуюсь вашей газетой, чтобы предупредить моихъ квартирантовъ, что, намѣреваясь осуществить по отношенію къ нимъ принципы братства, долженствующіе руководить истинными демократами, я выдамъ всѣмъ моимъ квартирантамъ, которые того пожелаютъ, квитанцію въ полученіи ближайшей доли квартирной платы». Мрачное отчаяніе охватило, между тѣмъ, эту притѣсняемую и угрожаемую буржуазію, а это отчаяніе обращалось незамѣтно въ мужество. Я всегда думалъ, что нельзя было надѣяться на постепенное и мирное улаженіе февральскаго революціоннаго движенія, и что оно остановится не иначе, какъ внезапно послѣ большой битвы, данной въ Парижѣ. Я говорилъ это на другой день послѣ 24 февраля; то, что я видѣлъ тогда (послѣ выборовъ), убѣдило меня не только въ томъ, что эта битва въ самомъ дѣлѣ неизбѣжна, но и въ томъ, что моментъ ея наступленія близокъ, и что надо надѣяться, что воспользуются первымъ случаемъ, дабы начать упомянутую битву».

Мнѣніе Токвиля по этому вопросу раздѣляли и ультрарадикалы. «Какъ встрѣтитъ народъ представителей Франціи»? — спрашивала 4 мая одна изъ ихъ газетъ. Отвѣтомъ служатъ недовѣріе и насмѣшка. Я ищу братьевъ и нахожу всюду лишь заговорщиковъ. Гражданская война уже не служитъ предметомъ предвидѣнія. Она уже фактъ. Ея уже не боятся какъ самаго страшнаго изъ всѣхъ золъ; она признается, какъ необходимость. Въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, фабрикуютъ порохъ, льютъ пули, готовятъ оружіе. Вожаки даютъ пароль и издаютъ свои манифесты; повсюду вы услышите только одно слово, полное смертельной угрозы: надо съ этимъ покончить! Буржуа рѣшилъ покончить съ пролетаріемъ, который, въ свою очередь, рѣшилъ покончить съ буржуа; рабочій желаетъ покончить съ капиталистомъ, наемникъ — съ предпринимателемъ, департаменты — съ Парижемъ,

крестьяне—съ рабочими. Во всѣхъ сердцахъ лишь гнѣвъ и ненависть, во всѣхъ устахъ—угроза. Въ чемъ же заключается причина этого раздора? Въ выборахъ. Всеобщее голосованіе обмануло ожиданія народа»...

§ 2. Характеръ и первые шаги Національнаго Собранія.

Среди такого настроенія, когда вся атмосфера парижской и французской жизни была насыщена электричествомъ, собралось 4 мая Національное Собраніе, которому предстояло сыграть рѣшающую роль въ предстоявшихъ событіяхъ.

Съ того момента, какъ оно собралось и конституировалось, власть переходила изъ рукъ временнаго правительства въ его руки. Эта власть была огромна, почти безгранична. Старый порядокъ отчасти уже былъ упраздненъ, отчасти самые его устои подверглись сомнѣнію. Надлежало найти и формулировать ту организацію соціальной и политической жизни, опредѣлить то направленіе государственной политики, которое соотвѣтствовало въ наибольшей степени нуждамъ, интересамъ и настроенію Франціи. Собраніе должно было воспользоваться своей учредительной властью среди общеевропейской революціи, среди обострившихся соціальныхъ противорѣчій, среди ожесточенной полемики печати и политическихъ собраній, среди острой нужды рабочихъ, недовольства крестьянъ, страха буржуазіи и скрытыхъ надеждъ легитимистовъ и клерикаловъ.

Спрашивалось, что представляетъ собою самое собраніе, насколько значительна его опытность, насколько ясно его пониманіе положенія?

«Я снова увидѣлъ въ первомъ засѣданіи почти всѣхъ парламентаріевъ, среди коихъ я жилъ раньше,—разсказываетъ тотъ же Токвиль, передавая свои впечатлѣнія о Собраніи.—За исключеніемъ Тьера, который потерпѣлъ пораженіе, герцога де-Брольи, который не выставилъ своей кандидатуры, и господъ Гизо и Дюшателя, которые находились въ бѣгахъ, тутъ были всѣ знаменитые ораторы и большая часть извѣстныхъ говоруновъ стараго политическаго міра; но они очутились здѣсь какъ бы въ чуждой имъ средѣ; они чувствовали себя изолированными и подозрѣваемыми; они внушали и испытывали страхъ—двѣ противоположности, которыя существуютъ часто въ политикѣ. У нихъ совершенно не было тогда того вліянія, которое имъ скоро вернули ихъ таланты и опытность. Всѣ остальные члены Собранія были такими новичками, точно мы только-что освободились отъ стараго порядка, ибо—такъ какъ общественная жизнь, вслѣдствіе централизаціи, была всегда заключена въ тѣсныя рамки палатъ—всѣ, кто не былъ пэромъ или депутатомъ, едва знали, что такое Собраніе, или какъ въ немъ надо себя вести или говорить; они абсолютно не знали его повседневныхъ порядковъ и простѣйшихъ обычаевъ; они были невнимательны въ рѣшающіе моменты и слушали очень внимательно неважныя вещи. На второй день, напр., они облѣпили трибуну и настояли на глубокой тишинѣ, чтобы услышать лучше чтеніе протокола предыдущаго засѣданія, полагая, что этотъ ничего не значащій актъ представляетъ весьма важный документъ. Я увѣренъ, что 900 взятыхъ наудачу англійскихъ или американскихъ крестьянъ гораздо лучше сумѣли бы соблюсти видъ большого политическаго учрежденія.

«На наиболѣе высокихъ скамьяхъ размѣстились—опять изъ подражанія кон-

венту—люди, исповѣдывавшіе наиболѣе радикальные и наиболѣе революціонные взгляды; имъ было тамъ крайне неудобно, но они пріобрѣтали такимъ путемъ право называть самихъ себя монтаньярами... Монтаньяры раздѣлились скоро на двѣ весьма различныя группы; на революціонеровъ старой школы и на соціалистовъ; впрочемъ, эти оттѣнки не были особенно рѣзко отграничены. Незамѣтные переходы вели отъ одной группы къ другой: монтаньяры въ собственномъ смыслѣ имѣли почти всѣ кое-какіе соціалистическіе взгляды, а соціалисты присоединялись очень охотно къ революціоннымъ пріемамъ первыхъ; тѣмъ не менѣе, различія между ними были достаточно глубоки, чтобы имъ было невозможно дѣйствовать всегда сообща, и это-то именно и спасло насъ. Соціалисты представлялись наиболѣе опасными, ибо они точнѣе соотвѣтствовали истинному характеру февральской революціи и единственнымъ, порожденнымъ ею, страстямъ; но они были скорѣе теоретиками, чѣмъ людьми дѣла, и имъ не хватало для того, чтобы ниспровергнуть общество согласно ихъ вкусамъ, той практической энергіи и того революціоннаго опыта, которымъ располагали по настоящему только ихъ собратья».

Съ другой стороны, «Учредительное Собраніе... содержало неизмѣримо большее количество крупныхъ землевладѣльцевъ и даже дворянъ, чѣмъ любая изъ палатъ, избранныхъ въ тѣ времена, когда деньги представлялись необходимымъ условіемъ для того, чтобы быть избирателемъ или быть выбраннымъ. Въ немъ можно было встрѣтить болѣе многочисленную и болѣе могущественную клерикальную партію, чѣмъ даже во времена реставраціи; я сосчиталъ въ немъ трехъ епископовъ, нѣсколькихъ генеральныхъ викаріевъ и одного доминиканца, тогда какъ Людовику XVIII и Карлу X удавалось добиться лишь избранія одного аббата.

«Отмѣна всякаго ценза, поставившая часть избирателей въ зависимость отъ богачей, опасность, грозившая собственности и заставлявшая народъ избирать своими представителями тѣхъ, кто былъ наиболѣе заинтересованъ въ ея защитѣ,—таковы главныя причины, объясняющія присутствіе большого количества землевладѣльцевъ. Избраніе духовныхъ лицъ проистекало изъ сходныхъ причинъ, а также изъ другой, заслуживающей еще болѣе тщательнаго разсмотрѣнія. Эта причина заключалась въ почти всеобщемъ и крайне неожиданномъ поворотѣ большей части націи въ сторону религіозныхъ интересовъ. Поразивъ высшіе классы, революція 1792 г. исправила ихъ отъ невѣрія; она заставила ихъ воочію убѣдиться если не въ истинѣ, то въ соціальной полезности вѣрованій. Этотъ урокъ пропалъ даромъ для средняго класса, ихъ политическаго наслѣдника и завистливаго соперника; этотъ послѣдній классъ становился даже тѣмъ болѣе невѣрующимъ, чѣмъ болѣе богомольными становились тѣ. Революція 1848 г. совершила по отношенію къ буржуазіи въ малыхъ размѣрахъ то, что революція 1792 г. совершила относительно знати: тѣ же неудачи, тѣ же страхи, то же обращеніе... Духовенство облегчило это обращеніе, отдѣлившись съ своей стороны отъ старыхъ политическихъ партій и вернувшись къ древнему и истинному настроенію всякаго католическаго духовенства, сводящагося къ тому, чтобы принадлежать только церкви; вотъ почему оно охотно исповѣдывало республиканскіе взгляды, привлекая въ то же время представителей старинныхъ инте-

ресовъ тѣми гарантіями, которыя заключались въ его традиціяхъ, его нравахъ и его іерархіи. Оно пользовалось всеобщимъ признаніемъ и ухаживаніемъ...

«Я сказалъ бы, что по совокупности это Собраніе было, на мой взглядъ, лучше, чѣмъ всѣ, какія я видѣлъ до того времени. Въ его средѣ встрѣчалось больше искреннихъ, безкорыстныхъ, честныхъ и, главное, мужественныхъ людей, чѣмъ въ тѣхъ палатахъ депутатовъ, среди коихъ я жилъ прежде».

Настроеніе большинства Собранія не внушало сомнѣній. Я видѣлъ,—говоритъ все тотъ же наблюдатель,—что это большинство дастъ отпоръ соціалистамъ и монтаньярамъ, но что оно желаетъ искренно сохранить и организовать республику. По этимъ двумъ основнымъ вопросамъ я раздѣлялъ его мнѣнія; у меня не было никакой вѣры въ монархію, никакой привязанности или сожалѣній о какомъ-либо государѣ; мнѣ было нечего защищать, кромѣ человѣческой свободы и достоинства. Защитить старые законы общественной жизни противъ новаторовъ при помощи новой силы, которую республиканскій принципъ могъ сообщить правительству; обезпечить побѣду очевидной воли французскаго народа надъ страстями и желаніями парижскихъ рабочихъ; побѣдить, такимъ образомъ, демагогію при помощи демократіи—такова была моя единственная цѣль. Ни одна задача не представлялась мнѣ никогда въ одно и то же время столь высокой и столь явственной».

Отсюда и общій выводъ его о роли и значеніи Національнаго Собранія. «Учредительное Собраніе было избрано съ тѣмъ, чтобы рѣшиться на гражданскую войну. Въ этомъ заключалась его главная заслуга: пока приходилось бороться, оно было въ самомъ дѣлѣ велико; оно стало презрѣннымъ лишь послѣ побѣды, когда оно почувствовало, что оно гибнетъ подъ вліяніемъ и какъ бы подъ тяжестью этой побѣды».

Временное правительство не могло не сознавать опасности возможнаго столкновенія. Лучше чѣмъ кто-либо его члены знали степень возбужденія широкихъ слоевъ парижскаго населенія, ихъ твердую увѣренность въ своей силѣ и въ своемъ правѣ, ихъ готовность отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ осуществленіе тѣхъ смутныхъ надеждъ, которыя соединялись у нихъ съ идеей «демократической» республики. Лучше чѣмъ кто-либо умѣренное большинство его знало, что въ случаѣ столкновенія Національнаго Собранія съ парижскимъ народомъ придется вести упорную и кровопролитную борьбу не только съ огромными массами полуголодныхъ и вооруженныхъ рабочихъ, но и съ крѣпко сплоченными революціонными организаціями, способными дать сопротивленію надлежащій толчокъ и объединить его подъ руководствомъ убѣжденныхъ до фанатизма вождей. Живя все время подъ впечатлѣніемъ неожиданнаго исхода февральскихъ дней, клубной агитаціи и тѣхъ демонстрацій, жертвой которыхъ оно не разъ, казалось, должно было сдѣлаться, большинство временнаго правительства было даже склонно преувеличить опасность парижскаго движенія, не будучи въ то же время въ должной мѣрѣ освѣдомлено о томъ боевомъ настроеніи, которое начало охватывать провинцію, враждебную парижскимъ «демагогамъ» и «коммунистамъ».

Весьма понятно, что временное правительство, вынужденное вдобавокъ счи-

таться съ радикальнымъ меньшинствомъ въ своемъ собственномъ составѣ, при такихъ условіяхъ отнюдь не было склонно идти навстрѣчу тому боевому настроенію части Національнаго Собранія, однимъ изъ представителей котораго былъ, какъ видно, Токвиль, и, наоборотъ, считало необходимымъ принять всѣ мѣры, чтобы по возможности устранить грозившій бой и взять парижское движеніе, если можно такъ выразиться, измором. А между тѣмъ для всѣхъ было ясно, что Національное Собраніе вручитъ исполнительную власть именно большинству временнаго правительства, которому страна только-что выразила свое довѣріе хотя бы огромнымъ количествомъ голосовъ, поданныхъ за его истиннаго главу, за Ламартина.

Отсюда ясно, какое значеніе должны были имѣть первыя выступленія правительства передъ Національнымъ Собраніемъ, характеръ его заявленій и отчета, въ которомъ оно по необходимости должно было затронуть и свои прокламаціи и декреты по соціальному вопросу.

Наиболѣе важныя заявленія послѣдовали въ засѣданіяхъ 4 и 6 мая.

Какъ уже сказано, засѣданія Національнаго Собранія начались 4 мая. Послѣ того, какъ старѣйшій членъ Собранія, Одри де Пюираво, занялъ предсѣдательское мѣсто и предоставилъ слово предсѣдателю временнаго правительства Дюпону де л'Эръ, послѣдній произнесъ рѣчь, въ которой онъ привѣтствовалъ Собраніе, заявлялъ о томъ, что временное правительство передаетъ свою «неограниченную власть» Собранію, и намѣчалъ двѣ главныя задачи послѣдняго. Первой изъ нихъ должно было быть созданіе «новыхъ учрежденій на широкихъ демократическихъ основахъ», созданіе «единственной, соотвѣтствующей потребностямъ Франціи, конституціи, конституціи республиканской» (продолжительныя и единодушныя привѣтствія: да здравствуетъ республика!) «Однако—говорилъ онъ дальше,—провозгласивъ великій политическій законъ, который конституируетъ окончательно нашу страну, вы займетесь, граждане-представители, такъ же, какъ и мы, регулированіемъ возможнаго и дѣйствительнаго воздѣйствія власти на отношенія, которыя устанавливаетъ между гражданами потребность въ трудѣ, и въ основѣ которыхъ должны лежать священные законы справедливости и братства (аплодисменты и новые крики: да здравствуетъ республика!)».

Встрѣченная бурею аплодисментовъ и привѣтствій, рѣчь Дюпона послужила признакомъ добрыхъ отношеній между временнымъ правительствомъ и Собраніемъ, которое поспѣшило еще до окончанія провѣрки полномочій принять единогласно декларацію о провозглашеніи республики, подтвердивъ этимъ въ торжественной формѣ рѣшеніе, принятое правительствомъ 24 февраля [1]). Послѣдовавшіе на другой день выборы бюро Собранія подтвердили его республиканское направленіе: предсѣдате-

---

[1]) Вотъ текстъ этой декларации:

«Національное Собраніе,

Будучи вѣрнымъ выразителемъ чувствъ избравшаго его народа, раньше, чѣмъ начать свои труды,

Объявляетъ отъ имени французскаго народа и передъ лицомъ всего міра, что республика, провозглашенная 24 февраля, есть и останется формой государственнаго строя Франціи».

Предложеніе было внесено Демосѳеномъ Оливье, отцомъ будущаго министра Наполеона III.

лемъ былъ избранъ Бюшэ, вице-предсѣдателями: врачъ Рекюръ, бывшій членъ тайныхъ обществъ Гинаръ, рабочій-журналистъ Корбонъ, генералъ Кавеньякъ, памфлетистъ де-Корменень и адвокатъ, а раньше руанскій генеральный прокуроръ, Сенаръ. Имя послѣдняго свидѣтельствовало, однако, въ то же время о томъ, что Собраніе одобряетъ его рѣшительный образъ дѣйствій во время руанскихъ смутъ и готово отстаивать законный порядокъ противъ посягательствъ соціалистовъ и рабочихъ.

Спрашивалось, какъ оно отнесется къ дѣятельности временнаго правительства, которое сочло долгомъ представить ему 6 мая отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Отчетъ временнаго правительства распадался на двѣ части: сначала Ламартинъ прочелъ общій отчетъ, послѣ чего остальные члены правительства, стоявшіе во главѣ какого-либо вѣдомства, а также и ихъ коллеги-министры представили спеціальные отчеты, каждый по своему вѣдомству.

Наибольшій интересъ долженъ былъ вызвать общій отчетъ. Съ самыхъ же первыхъ словъ Ламартинъ подчеркнулъ въ немъ, что временное правительство приняло доставшуюся ему власть лишь въ виду крайней необходимости, что его «первая мысль заключалась въ томъ, чтобы сократить срокъ этого междуцарствія путемъ немедленнаго созыва народнаго представительства, единственнаго источника права и силы», что оно торопилось «отречься отъ своей диктатуры въ пользу народнаго суверенитета». Дальше говорилось о томъ, что не временное правительство, а народъ самъ провозгласилъ республику, что красное знамя «было устранено самими борцами революціи», что отмѣна смертной казни «сообщила народной побѣдѣ ея истинный характеръ», что вся Франція привѣтствовала исходъ революціи, что внутренній миръ обезпеченъ, и «армія представляетъ въ Парижѣ лишь почетный гарнизонъ», что существованіе революціонныхъ партій (factions) стало невозможнымъ, «такъ какъ республика обезпечиваетъ каждому гражданину его права и мирныя средства борьбы». О манифестаціяхъ 17 марта и 16 апрѣля, о кровавыхъ столкновеніяхъ въ Руанѣ и Лиможѣ, о клубной агитаціи и грозившей съ ея стороны опасности, наоборотъ, не было сказано ни одного слова; люксембургская комиссія была охарактеризована какъ «лабораторія идей, подготовительный и статистическій конгрессъ труда и промышленности». Рѣчь заканчивалась рядомъ красивыхъ фразъ, содержавшихъ восхваленіе достигнутыхъ результатовъ. Напомнивъ о томъ, что единственная сила, которая находилась въ распоряженіи временнаго правительства, заключалась въ его моральномъ авторитетѣ и въ «великодушныхъ настроеніяхъ» самого народа, Ламартинъ указалъ съ законнымъ чувствомъ удовлетворенія на то, что никто не можетъ упрекнуть правительство въ томъ, что оно нарушило права единаго гражданина.

Изъ спеціальныхъ отчетовъ наибольшее политическое значеніе имѣлъ отчетъ Ледрю-Роллена, содержавшій своего рода символъ вѣры этого «солдата революціи», какъ онъ себя назвалъ. Упомянувъ о направленныхъ противъ него обвиненіяхъ, онъ продолжалъ такъ: «Зачѣмъ бы мнѣ скрываться? Я прежде всего заботился о томъ, чтобы спасти революцію и порядокъ. Я хотѣлъ обезпечить народной побѣдѣ ея величіе, ея чистоту, ея соціальное значеніе. Защищая ее противъ ловушекъ и нападеній реакціи, я въ то же время хотѣлъ защитить ее противъ честолюбивыхъ насилій или опаснаго нетерпѣнія. Соотвѣтственно съ этимъ, я безъ оговорокъ при-

соединился къ торжественной демонстраціи, когда (17 марта) все населеніе Парижа пришло безъ оружія, чтобы поддержать правительство въ отвѣтъ на одно неразумное выступленіе; но въ тотъ день, когда нѣсколько сумасшедшихъ сдѣлали попытку извратить смыслъ и результатъ аналогичной манифестаціи (16 апрѣля), я не поколебался вступить въ открытую борьбу съ ними. По моему приказанію тогда забили тревогу, и поднялась національная гвардія, которая теперь олицетворяетъ собою страну,—поднялась для того, чтобы слиться со всѣми невооруженными гражданами, дабы протестовать противъ всякой попытки насилія. (Очень хорошо! очень хорошо!)». 8 мая Собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 4—5 (въ томъ числѣ противъ голоса Барбеса) признало, что «временное правительство пріобрѣло крупныя заслуги передъ отечествомъ (avait bien mérité de la patrie)».

Аплодисменты и одобрительное сужденіе Собранія не устранили, однако, ни глубокаго разлада внутри и внѣ его, ни необходимости выяснить точно и опредѣленно дальнѣйшее теченіе внутренней политики.

Разрѣшеніе этого вопроса было тѣсно связано съ разрѣшеніемъ вопроса объ организаціи исполнительной власти. Въ первые же дни дѣятельности Собранія выяснилось, что по поводу послѣдняго вопроса существуетъ два противоположныхъ теченія, сущность которыхъ опредѣляется не принципіальными, а тактическими соображеніями. «Никогда—говоритъ Токвиль—партіи не проявляли ярче того педантическаго лицемѣрія, которое побуждаетъ ихъ прикрывать интересы идеями; таково обычное зрѣлище, но оно было на этотъ разъ болѣе яркимъ, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ потребности момента принуждали каждую партію прикрываться теоріями, которыя были чужды или даже противорѣчили ея настоящимъ взглядамъ. Старая роялистическая партія утверждала, что Національное Собраніе должно править само и само избирать министровъ,—это приближало ее къ демагогическимъ идеямъ; а демагоги утверждали, что слѣдовало вручить исполнительную власть постоянной комиссіи, которая и будетъ править и назначать всѣхъ агентовъ власти,—система, которая приближалась къ монархическимъ идеямъ. Вся эта болтовня означала, что одни хотѣли устранить Ледрю-Роллена отъ власти, а другіе—предоставить ему участіе въ ней».

Само собою разумѣется, что дѣло заключалось при этомъ не въ личности бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, а въ характерѣ той политики, представителемъ которой онъ былъ. «Нація усматривала тогда въ Ледрю-Ролленѣ кровавый образъ террора; она видѣла въ немъ генія зла, какъ въ Ламартинѣ—генія добра, и она ошибалась какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Ледрю-Ролленъ былъ лишь толстый, очень чувственный и очень сангвиническій человѣкъ, лишенный принциповъ и почти вовсе лишенный идей, лишенный истинной смѣлости ума и чувства, лишенный даже злыхъ чувствъ, ибо онъ по природѣ желалъ всѣмъ блага и былъ неспособенъ отрубить голову кому-либо изъ своихъ враговъ иначе, какъ развѣ во имя историческихъ воспоминаній или изъ угодливости по отношенію къ своимъ друзьямъ» (Токвиль).

При огромной популярности Ламартина исходъ дѣла зависѣлъ отъ него. Если бы онъ руководился исключительно интересами личнаго честолюбія и личнаго властолюбія, то проектъ консервативныхъ членовъ Собранія долженъ былъ получить

его поддержку: никто не сомнѣвался въ томъ, что если министерство будетъ избрано Собраніемъ, то главою его сдѣлается Ламартинъ, вліяніе котораго, такимъ образомъ, только усилится. Сторонники этого плана, который пользовался поддержкой почти всѣхъ видныхъ дѣятелей послѣднихъ десятилѣтій, разсчитывали при этомъ, правда, и на то, что имъ удастся упрочить свое вліяніе въ Собраніи, и что черезъ Собраніе они будутъ властвовать и надъ министерствомъ. Это обстоятельство безпокоило, повидимому, и самого Ламартина, который не могъ не понимать, какое огромное вліяніе ихъ парламентская и политическая опытность должна была обезпечить представителямъ старыхъ монархическихъ партій. Не это соображеніе имѣло, однако, рѣшающее вліяніе на его образъ дѣйствій. Такъ же, какъ и другіе члены умѣреннаго большинства временнаго правительства, онъ считалъ единеніе убѣжденныхъ республиканцевъ существеннымъ условіемъ прочности новаго строя, не питалъ полнаго довѣрія къ слишкомъ недавнимъ республиканскимъ убѣжденіямъ вчерашнихъ монархистовъ и былъ, вдобавокъ, склоненъ преувеличивать силы революціонныхъ элементовъ общества. Вотъ какъ онъ самъ излагалъ позднѣе руководившія имъ соображенія: «Обязанность истиннаго республиканца и истиннаго патріота—думалъ онъ—заключается въ томъ, чтобы пожертвовать всѣмъ, дабы республика не распалась съ самаго начала, и дабы Національное Собраніе, созданное съ такими усиліями и едва проникшее въ отвергавшую его (парижскую) среду, было принято, консолидировано, спасено и незамѣтно пріобрѣло бы тотъ авторитетъ и ту силу, которые должны ему принадлежать. Сейчасъ у него еще совершенно нѣтъ этой силы; необходимо сообщить ему вліяніе, пользуясь всѣми средствами и даже содѣйствіемъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы его устранить... Эти люди располагаютъ 120000 членовъ національныхъ мастерскихъ, арміей, нынѣ спокойной и терпѣливой, а завтра способной подняться по ихъ зову. Они располагаютъ люксембургскими делегатами и 50000 нафанатизированныхъ ихъ проповѣдью рабочихъ. Они располагаютъ пролетарской частью новой національной гвардіи, въ составъ коей входитъ, по меньшей мѣрѣ, 60000 штыковъ. Они располагаютъ клубами, которые они могутъ поднять за одну ночь. Кромѣ всего этого, они располагаютъ черезъ посредство полицейской префектуры и городской ратуши корпусомъ монтаньяровъ, ліонцами, республиканской гвардіей, стражами Парижа и всѣми тѣми вооруженными революціонными сборищами, которыя подчиняются лишь тѣмъ приказаніямъ, которыя исходятъ отъ самыхъ радикальныхъ республиканцевъ».

Вотъ тѣ весьма вѣскія соображенія, которыя заставили Ламартина придти къ убѣжденію, что порывать въ данный моментъ съ крайней лѣвой, по меньшей мѣрѣ, опасно, и что необходимо держаться прежней политики временнаго правительства, т.-е. не обострять положенія и отучить населеніе постепенно отъ революціонныхъ пріемовъ борьбы. А изъ этого непосредственно слѣдовало, что необходимо предоставить наиболѣе умѣренному изъ радикаловъ, т.-е. Ледрю-Роллену, мѣсто въ будущемъ правительствѣ: устраненіе его было бы равносильно открытому разрыву со всѣми радикальными элементами и сплоченію послѣднихъ вокругъ общаго имъ всѣмъ знамени ненависти къ новой власти и къ самому Національному Собранію.

Въ результатѣ Ламартинъ сталъ на сторону предложенія объ избраніи постоянной исполнительной комиссіи и о включеніи въ число ея членовъ Ледрю-

Роллена. По иниціативѣ его и его друзей одинъ изъ депутатовъ, Дорнесъ, внесъ еще 8 мая предложеніе объ избраніи комиссіи изъ пяти членовъ, коей вручается исполнительная власть вплоть до выработки конституціи, и въ составъ коей должны войти граждане Ламартинъ, Ф. Араго, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Пажесъ и Мари. «Комиссія—говорилось далѣе—назначитъ изъ лицъ, не входящихъ въ ея составъ, отвѣтственныхъ и могущихъ быть уволенными министровъ. По окончаніи своихъ полномочій она дастъ отчетъ въ своей дѣятельности».

Протесты, раздавшіеся въ Собраніи, когда Дорнесъ приступилъ къ оглашенію именъ, заставили его исключить соотвѣтственный пунктъ изъ своего предложенія и придать ему безличную форму, послѣ чего оно было передано въ комиссію изъ 18 членовъ. Комиссія немедленно приступила къ обсужденію предложенія и послѣ долгихъ и горячихъ дебатовъ, затянувшихся за полночь, отвергла предложеніе Дорнеса большинствомъ 14 голосовъ противъ 4 и высказалась за прямое избраніе министровъ Собраніемъ. Шансы Ледрю-Роллена, вокругъ имени котораго въ это время снова возникла газетная полемика, чрезвычайно рѣзкая и съ той и съ другой стороны, казалось, были очень не велики.

Дебаты, начавшіеся на другой день въ самомъ Собраніи, точно также клонились не въ его пользу. Особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Одилона Барро, говорившаго за непосредственное избраніе министровъ Собраніемъ и указавшаго на то, что Собраніе чрезвычайно заинтересовано въ томъ, чтобы никакая независимая отъ него власть не мѣшала свободѣ его голосованій и не уменьшала силы его рѣшеній, и что поэтому Собраніе должно создать лишь такую исполнительную власть, которая будетъ находиться подъ его постояннымъ и дѣятельнымъ контролемъ.

Непосредственно послѣ Барро выступилъ самъ Ламартинъ, понявшій, что вѣсы склоняются рѣшительно противъ той политики, которую онъ считалъ единственно разумной и цѣлесообразной. Указавъ на крайнюю трудность возлагать управленіе страной на собраніе въ 900 человѣкъ, онъ рѣшительно затронулъ основной вопросъ дня: «Я не боюсь партій,—заявилъ онъ.—Начиная съ того дня, когда вы появились передъ лицомъ всеи націи въ этой оградѣ, избранные всеобщими выборами... партіи потерпѣли пораженіе». Но изъ этого не слѣдуетъ, что нечего считаться съ разными направленіями внутри націи. «Если вы оставите законныя права, страданія и требованія безъ участія во власти, тогда—дрожите! (очень хорошо! очень хорошо!). Ваше положеніе сейчасъ не таково, и это именно и успокаиваетъ меня совершенно относительно тѣхъ опасностей, о коихъ вамъ только-что говорили, и которыхъ вамъ нечего бояться, разъ вы находитесь здѣсь не въ силу могущества какой-либо олигархіи, но въ силу мощи, права и интереса 36 милліоновъ людей»... Собраніе не должно злоупотреблять своей силой; оно должно слѣдовать примѣру временнаго правительства и стремиться къ единенію всѣхъ гражданъ, хотя бы ему и пришлось пожертвовать кое-чѣмъ ради этого единенія, какъ пришлось это сдѣлать членамъ временнаго правительства.

Произнесенная съ обычнымъ краснорѣчіемъ рѣчь Ламартина рѣшила исходъ борьбы, но нанесла популярности самого оратора непоправимый ударъ. Указаніемъ на это могъ служить уже результатъ голосованія. Изъ 796 голосовавшихъ лишь 411

высказались противъ прямого избранія министровъ Собраніемъ; большинство, высказавшееся за Ламартина, превышало, такимъ образомъ, лишь на 12 голосовъ, абсолютное большинство. Еще болѣе характернымъ оказался результатъ выборовъ въ члены исполнительной комиссіи, состоявшихся 10 мая: изъ 794 голосовавшихъ 725 подали голосъ за старика Ф. Араго, 715—за Гарнье-Пажеса, 702—за Мари, 643—за Ламартина и лишь 458—за Ледрю-Роллена. Тѣмъ, что Ламартинъ очутился по количеству поданныхъ за него голосовъ на четвертомъ мѣстѣ, онъ былъ всецѣло обязанъ своему выступленію въ пользу Ледрю-Роллена. По словамъ Токвиля, это зрѣлище вызвало «въ Собраніи и въ націи невыразимое разочарованіе, страхъ и гнѣвъ». Самъ Токвиль вполнѣ раздѣлялъ два послѣднихъ чувства, и лишь позднѣе онъ призналъ, что это впечатлѣніе было, быть-можетъ, ошибочнымъ. «Видя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ только Парижъ и проживъ все это время, если можно такъ выразиться, въ самомъ центрѣ революціонной партіи, Ламартинъ преувеличивалъ силу послѣдней и инертность Франціи и составилъ себѣ неправильное представленіе о положеніи. Но я не знаю, не вдавался ли я, съ своей стороны, въ обратную крайность... Мнѣ казалось очевиднымъ, что нужно торопиться использовать моральную силу, присущую Собранію немедленно послѣ избранія, чтобы захватить власть и укрѣпить ее крупнымъ успѣхомъ: всякая задержка казалась мнѣ способной уменьшить наши силы и увеличить силы нашихъ противниковъ. Да и въ самомъ дѣлѣ именно въ теченіе тѣхъ шести недѣль, которыя протекли со времени открытія Собранія до іюньскихъ дней, парижскіе рабочіе набрались нужной смѣлости, чтобы оказать сопротивленіе, пришли въ возбужденіе, сорганизовались, добыли снаряды и оружіе и подготовились, въ концѣ концовъ, къ борьбѣ. Тѣмъ не менѣе, я склоненъ думать, что увертки Ламартина и его полупокровительственное отношеніе къ врагу, погубившія его самого, спасли насъ; результатомъ ихъ было то, что вожаки монтаньяровъ были одурачены и распались. Монтаньяры старой школы, которые сохранили мѣсто въ правительствѣ, отдѣлились отъ соціалистовъ, которые были устранены изъ него. Если бы до нашей побѣды всѣ были объединены общимъ интересомъ и находились подъ воздѣйствіемъ общей ненависти, какъ это случилось позднѣе, то можно сомнѣваться, одержали ли бы мы эту побѣду. Когда я вспомню, что мы чуть не погибли (во время іюньскихъ дней), несмотря на то, что мы имѣли дѣло лишь съ революціонной арміей безъ ея вожаковъ, я спрашиваю себя, каковъ былъ бы исходъ боя, если бы эти вожаки оказались налицо, и если бы возстаніе могло опереться на треть Національнаго Собранія. Ламартинъ видѣлъ эту опасность ближе и яснѣе, чѣмъ я, и въ настоящее время я думаю, что страхъ вызвать смертельный конфликтъ оказалъ не меньшее воздѣйствіе на его поведеніе, чѣмъ честолюбіе».

§ 3. День 15 мая.

Въ то время какъ Національное Собраніе рѣшало вопросъ объ организаціи исполнительной власти, а исполнительная комиссія была занята образованіемъ министерства, въ составъ котораго вошли почти исключительно умѣренные республиканцы, партійная борьба въ печати и клубахъ продолжала разгораться и грозила новымъ конфликтомъ. Революціонная печать, съ одной, легитимистская, съ

другой стороны, дѣлали все, чтобы дискредитировать Національное Собраніе, которое уже обвиняли въ неработоспособности и расхищеніи народныхъ средствъ; по заявленію одной консервативной газеты, «оно уже стоило плательщикамъ налоговъ, начиная съ 4 и кончая 13 мая, по разсчету 22000 франковъ въ день, сумму въ 225000 франковъ», взамѣнъ которыхъ оно не дало странѣ ничего, кромѣ «ребяческой болтовни». Судьбу Собранія раздѣляла и исполнительная комиссія, эта «новая директорія, уже успѣвшая упасть въ общественномъ мнѣніи ниже той, которая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ была низложена генераломъ Бонапартомъ».

При всемъ разнообразіи своихъ исходныхъ точекъ зрѣнія оба крайнихъ лагеря прибѣгали вдобавокъ къ аналогичнымъ пріемамъ агитаціи: не только революціонеры, но и легитимисты настаивали на необходимости «броситься на помощь страдающему народу», о которомъ Собраніе и комиссія забываютъ, занимаясь всякими пустяками.

Особенно страстный характеръ имѣла, разумѣется, революціонная агитація. Послѣ вопроса объ избраніи Ледрю-Роллена она воспользовалась для этого двумя болѣе важными вопросами, а именно: рабочимъ вопросомъ и вопросомъ о судьбахъ Польши. Обсужденіе послѣдняго вопроса, вызванное предложеніемъ члена Собранія Воловскаго и осложненное вопросомъ о судьбахъ Италіи, было назначено на понедѣльникъ, 15 мая, т.-е. на другой день послѣ предположеннаго республиканскаго «праздника согласія». Чрезвычайная важность рабочаго вопроса и необыкновенная популярность польскаго вопроса представляли, казалось, одинаково удобный поводъ для возбужденія населенія противъ власти, «преступно» медлившей «разрѣшить» и тотъ и другой.

Если польскій вопросъ, грозившій втянуть Францію въ огромную международную авантюру, былъ обостренъ предложеніемъ Воловскаго, то рабочій вопросъ былъ обостренъ жестокимъ пораженіемъ Луи Блана въ засѣданіи 10 мая. Непосредственно послѣ избранія исполнительной комиссіи и до образованія министерства Луи Бланъ предложилъ создать спеціальное «министерство труда и прогресса» и воспользовался случаемъ, чтобы отвѣтить въ чрезвычайно вызывающемъ тонѣ на поднятыя противъ него въ печати обвиненія. Постоянно прерываемый членами Собранія, приглашавшими его говорить не о себѣ, а о дѣлѣ, онъ столь же упорно возвращался къ своей темѣ, обѣщалъ умереть за народъ и закончилъ свою рѣчь прямой угрозой: «до февральской революціи—сказалъ онъ—говорили: бойтесь революціи презрѣнія; наше дѣло заключается въ томъ—и это достижимо,—чтобы сдѣлать невозможной революцію голода»! «Я не хочу министерства прогресса,—отвѣтилъ ему депутатъ-рабочій и бывшій членъ люксембургской комиссіи Пёпенъ (Peupin),—ибо я не знаю министерства рутины. Я требую, чтобы министерствомъ труда было просто-напросто министерство общественныхъ работъ». Собраніе встало всецѣло на эту послѣднюю точку зрѣнія, отвергло предложеніе Луи Блана подавляющимъ большинствомъ голосовъ, но рѣшило въ то же время образовать спеціальную комиссію «для изысканія средствъ для улучшенія судьбы рабочихъ».

Рѣшеніе Собранія вызвало тотчасъ же протестъ членовъ люксембургской комиссіи, прекратившихъ свою прежнюю оффиціальную дѣятельность, но сохранившихъ свою организацію. Уже на другой день, 14 мая, они опубликовали декретъ, коимъ временное правительство признало 25 февраля «право на трудъ», прибавивъ къ нему

слѣдующую декларацію: «Въ виду того, что данныя на баррикадахъ обѣщанія не исполнены, и что Національное Собраніе отвергло въ своемъ засѣданіи 10 мая образованіе министерства труда, люксембургскіе делегаты отказываются принять участіе въ т. наз. праздникѣ согласія». Ихъ примѣру послѣдовало немедленно «чрезвычайное собраніе осужденныхъ по политическимъ дѣламъ къ тюремному заключенію», признавшее невозможнымъ участвовать въ праздникѣ, «когда народъ умираетъ съ голоду». «Народные представители!—писала по этому поводу газета «Commune de Paris»,—мы вамъ заявляемъ: вы совершили преступленіе противъ человѣчества, отложивъ помощью вашей анкеты рѣшеніе проблемы, которое одно можетъ дать хлѣбъ народу,—народу, который явится, быть-можетъ, завтра, въ ваше засѣданіе, чтобы внести краснорѣчивую петицію ліонскихъ рабочихъ: жить трудясь или умереть сражаясь»!

Недовольство «приказчиками аристократіи» отразилось сразу на клубахъ. Центральный комитетъ (comité centralisateur), замѣнившій собою клубъ клубовъ и объединявшій попрежнему большинство клубовъ, общество правъ человѣка и гражданина, клубъ Распайля, клубъ революціи Барбеса, центральное республиканское общество Бланки, редакція «Парижской коммуны» Собріэ и многое множество другихъ центровъ агитаціи заволновались снова самымъ угрожающимъ образомъ. Невозможно было сомнѣваться, что результатомъ возбужденія явится снова революціонный «день». Весь вопросъ заключался только въ томъ, какой лозунгъ будетъ выдвинутъ на этотъ разъ, и сумѣютъ ли революціонеры идти на этотъ разъ рука-объ-руку.

Національное Собраніе сознавало грозившую ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Франціи опасность. Его комиссія о наказѣ поспѣшно внесла два предложенія, обращенныя немедленно въ декреты. Одинъ изъ этихъ декретовъ касался соблюденія порядка внутри и внѣ Собранія. Забота о немъ была вручена предсѣдателю; проникновеніе постороннихъ въ залъ засѣданій запрещалось безусловно, а находящіеся на трибунахъ зрители обязывались соблюдать полную тишину и молчаніе; всякій знакъ одобренія съ ихъ стороны долженъ былъ повлечь за собою ихъ немедленное удаленіе, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ и привлеченіе къ законной отвѣтственности. «Президентъ—гласила ст. 6—обязанъ заботиться о внутренней и внѣшней безопасности Національнаго Собранія. Съ этой цѣлью онъ имѣетъ право вызывать вооруженную силу и всѣ власти, содѣйствіе коихъ онъ сочтетъ необходимымъ. Его вызовы могутъ быть обращены непосредственно ко всѣмъ офицерамъ, командирамъ или должностнымъ лицамъ, которые обязаны подъ страхомъ законныхъ наказаній немедленно повиноваться». Декретъ о петиціяхъ дополнялъ эти предосторожности другими, необходимость которыхъ доказалъ опытъ великой революціи, когда всякаго рода революціонные элементы пользовались правомъ передавать лично свои петиціи въ законодательныя собранія, чтобы оказывать на послѣднія давленіе: «всѣ петиціи должны быть изложены письменно и подписаны. Онѣ адресуются на имя предсѣдателя Національнаго Собранія. Онѣ могутъ быть внесены однимъ изъ членовъ Собранія. Запрещается приносить ихъ лично въ залъ засѣданій».

Въ то время, когда Національное Собраніе старалось оградить себя отъ всякихъ случайностей, въ клубахъ уже готовились къ новому выступленію. Исполнительная комиссія не могла сомнѣваться въ томъ, что оно состоится въ самомъ

непродолжительномъ времени, и сознавала необходимость готовиться къ нему и съ своей стороны. Наибольшая трудность его положенія заключалась въ томъ, что оно не встрѣчало нигдѣ дѣятельнаго сочувствія. «Монархисты—разсказывалъ позднѣе одинъ изъ его членовъ—думали лишь о томъ, чтобы ослабить правительство, которое между тѣмъ среди всѣхъ своихъ заботъ о спасеніи страны не теряло изъ виду ихъ собственной личной безопасности; ихъ ораторы, привыкшіе издавна къ парламентской оппозиціи, чувствовали влеченіе къ ожесточенной борьбѣ, каковы бы ни были послѣдствія. Республиканцы, распадавшіеся на двѣ фракціи, не могли рѣшиться оказать правительству энергичную поддержку; они оказывали ему лишь колеблющееся и сомнительное содѣйствіе. Не привыкши къ англійскимъ порядкамъ, большинство изъ нихъ видѣло въ указаніи на приверженность къ министерству личное оскорбленіе. Въ результатѣ они были мало склонны защищать представителей исполнительной власти противъ нападокъ ихъ враговъ».

А единственная сила, на которую разсчитывало правительство, заключалась между тѣмъ какъ-разъ въ его собственномъ моральномъ авторитетѣ и въ авторитетѣ Національнаго Собранія. Количество расположенныхъ въ Парижѣ войскъ было очень незначительно (всего нѣсколько батальоновъ); національная гвардія содержала въ своемъ составѣ немало революціонныхъ элементовъ и была вдобавокъ утомлена своей непривычной службой; мобильная гвардія не внушала полнаго довѣрія, а другихъ силъ у правительства не было вовсе. Революціонеры же утверждали, что они могутъ разсчитывать на 100—120000 человѣкъ, и хотя правительство также мало довѣряло этой цифрѣ, какъ и сами вожаки клубовъ, но оно было склонно предполагать, что его враги могутъ поднять около 60000 человѣкъ. Весьма понятно, что настроеніе правительства было весьма тревожно, и что оно готовилось къ необходимости парализовать предстоявшее движеніе закулиснымъ воздѣйствіемъ на его вожаковъ, а въ крайнемъ случаѣ, если національная гвардія не поддержитъ его, то попрежнему—краснорѣчивыми словами и личнымъ авторитетомъ.

Къ счастью для правительства, его враги не были столь сильны и столь объединены, какъ они дѣлали видъ, и какъ о нихъ думали. Вражда и взаимное недовѣріе ихъ вождей, Собріэ, Гюбера (предсѣдателя центральнаго комитета), Бланки, Барбеса, Распайля и др., другъ къ другу были слишкомъ глубоки, чтобы движеніе могло превратиться изъ стихійнаго въ планомѣрное и организованное. Они сознавали это и сами; сдѣлавъ все, чтобы довести настроеніе массы своихъ адептовъ до крайней степени возбужденія, они затѣмъ почти всѣ испугались своей затѣи и были готовы отложить ее до болѣе благопріятнаго времени. Но для этого было ужъ поздно. Нельзя безнаказанно возбуждать народную массу, восхваляя ея могущество, рисуя ей картины золотого вѣка, подчеркивая въ то же время глубину ея нищеты и обвиняя всѣхъ, кто не спѣшитъ осуществить этотъ золотой вѣкъ въ гнусныхъ побужденіяхъ и замыслахъ. Стачки стали повседневнымъ фактомъ, и каждая удачная стачка увеличивала увѣренность рабочихъ въ ихъ силѣ, каждая неудачная—разжигала ихъ ненависть къ командующему классу. Требованія рабочихъ постоянно возрастали: во время стачки землекоповъ, занятыхъ на одной изъ парижскихъ желѣзнодорожныхъ линій, рабочіе отказались отъ высокой поденной платы въ 3—$3^1/_2$ франка, потребовали 5 франковъ за 9-часовой рабочій день и, когда ихъ тре-

бованіе было отклонено, предпочли поступить въ національныя мастерскія, дабы получать здѣсь всего два франка въ сутки. Національныя мастерскія, количество рабочихъ въ коихъ дошло уже до 100000 человѣкъ, становились, такимъ образомъ, новымъ препятствіемъ для возобновленія нормальной хозяйственной жизни, возлагая въ то же время огромные расходы на пустую казну государства: какъ-разъ въ эти дни правительство начало обсуждать вопросъ о томъ, какъ покончить съ этимъ зломъ,—вопросъ, о роковомъ значеніи котораго свидѣтельствуетъ іюньская бойня.

Чрезвычайно любопытно, что, несмотря на все это возбужденіе народной массы, лозунгомъ дня сдѣлался не экономическій, а политическій вопросъ, а именно—вопросъ о Польшѣ. Еще 6 мая Распайль предложилъ своему клубу принять петицію въ пользу польскаго народа, требовавшую, «чтобы дѣло Польши было отожествлено съ дѣломъ Франціи, чтобы возстановленіе польской національности было достигнуто мирнымъ или вооруженнымъ путемъ, чтобы одна дивизія нашей храброй арміи содержалась наготовѣ, дабы двинуться немедленно въ путь, если только будетъ полученъ отказъ повиноваться ультиматуму Франціи». Петиція была, разумѣется, принята, послѣ чего перешли къ обсужденію чрезвычайно рѣзкой резолюціи по поводу руанскихъ событій, которыя объявлялись результатомъ «подлой провокаціи» (guet-apens); резолюція была также принята.

Иниціатива Распайля была немедленно поддержана другими клубами. Петиція въ пользу поляковъ должна была вызвать широкое сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества и поставить правительство и Собраніе въ тѣмъ болѣе затруднительное положеніе, что даже палаты «презрѣнной» іюльской монархіи восемнадцать лѣтъ подъ рядъ заявляли, «что польская національность не погибнетъ»; недаромъ Воловскій сослался на эту «сакраментальную фразу» въ самомъ Собраніи и выразилъ тутъ же твердую увѣренность, что Національное Собраніе пойдетъ дальше своихъ предшественницъ. Соединеніе же польской петиціи съ вопросомъ о руанскихъ событіяхъ подчеркивало лишній разъ недовольство не только внѣшней, но и внутренней политикой правительства и придавало всему движенію его настоящій характеръ враждебной демонстраціи противъ всей политики послѣднихъ $2^1/_2$ мѣсяцевъ.

Вопросъ о манифестаціи сдѣлался предметомъ горячихъ дебатовъ во всѣхъ клубахъ, центральный комитетъ которыхъ рѣшилъ 12 мая назначить ее на 15 мая, т.-е. на тотъ день, когда предполагалось обсужденіе польскаго вопроса въ Собраніи. Настроеніе клубовъ было самое воинственное: въ одномъ изъ нихъ говорилось прямо о томъ, что «война необходима. Не слѣдуетъ дожидаться, пока она намъ будетъ объявлена; надо взять на себя иниціативу ея объявленія, чтобы покончить со всей этой сволочью (racaille) королей, князей и князьковъ, которые заражаютъ атмосферу Европы и остального цивилизованнаго міра». Предпріятіе казалось, кстати сказать, тѣмъ болѣе легкимъ, что вся Германія, Австрія и Италія порвали со старымъ порядкомъ, что всюду побѣдила революція, и что даже про Россію ходили слухи о предстоявшемъ возстаніи не то крѣпостныхъ, не то войска. Не менѣе воинственнымъ было настроеніе противъ собственнаго правительства: во многихъ мѣстахъ настаивали на томъ, чтобы манифестація была вооруженная, а при данномъ состояніи умовъ нетрудно было понять, что это значило. Эта послѣдняя опасность была, правда,

предотвращена воздѣйствіемъ болѣе разумныхъ или болѣе осторожныхъ людей, но положеніе оставалось крайне тревожнымъ, и еще до 15 мая дважды ожидались или начинались движенія, свидѣтельствовавшія о томъ, какъ сильно атмосфера насыщена электричествомъ, и какъ мало наступленіе движенія зависѣло отъ вожаковъ. Послѣдніе, какъ уже сказано, колебались и были готовы отступить; особенно отрицательно относились къ движенію Луи Бланъ, Барбесъ и Коссидіеръ, да и Бланки только тогда всталъ рѣшительно на его сторону, когда онъ призналъ его неизбѣжнымъ.

Однимъ изъ наиболѣе тревожныхъ обстоятельствъ было то, что правительство не могло разсчитывать съ увѣренностью даже на полицейскую префектуру, во главѣ которой оно сочло нужнымъ оставить попрежнему Коссидіера. По слухамъ онъ заявилъ одному изъ участниковъ движенія, что его образъ дѣйствій будетъ находиться въ зависимости отъ степени силы самаго движенія: «если васъ лишь 50000,—сказалъ онъ будто бы,—я буду стрѣлять въ васъ; если васъ 150000, тогда дѣйствуйте рѣшительно». Легкое недомоганіе позволило ему даже уклониться отъ совѣщанія, состоявшагося 14 мая (назначенный на этотъ день праздникъ Согласія былъ отложенъ подъ благовиднымъ предлогомъ),—совѣщанія, въ которомъ участвовали всѣ члены исполнительной комиссіи, министръ внутреннихъ дѣлъ (Рекюръ) и три генерала, командовавшіе парижской національной гвардіей (Куртэ), мобильной гвардіей (Тампуръ) и первой дивизіей (Фушэ). Совѣщаніе рѣшило занять національной гвардіей рядъ особенно важныхъ пунктовъ города, дабы обезпечить Національное Собраніе, городскую ратушу и люксембургскій дворецъ отъ посягательствъ со стороны манифестантовъ, держать наготовѣ мобильную гвардію и поручить верховное начальство надъ всѣми вооруженными силами генералу Куртэ. Исполнительная комиссія, съ своей стороны, обратилась къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ она приглашала его не нарушать порядка въ своихъ собственныхъ интересахъ: «Республика покоится на порядкѣ,—говорилось въ ней, — она не можетъ существовать безъ порядка. Только при господствѣ порядка вы найдете работу. Только при господствѣ порядка можетъ быть освѣщенъ и разрѣшенъ великій вопросъ объ улучшеніи судьбы трудящихся... Право собраній, право обсужденія, право петицій священны; не компрометируйте ихъ поверхностной и неразумной агитаціей, которая неспособна ихъ укрѣпить. Граждане, общественное спокойствіе является гарантіей труда, основой всѣхъ интересовъ; исполнительная комиссія, убѣжденная, что всякое возбужденіе къ незаконнымъ и безумнымъ манифестаціямъ убиваетъ трудъ и подвергаетъ существованіе народа опасности, сумѣетъ энергично и повсемѣстно поддержать угрожаемое спокойствіе. Ради осуществленія этого долга комиссія обращается ко всѣмъ искренно-республиканскимъ элементамъ; она разсчитываетъ на превосходный духъ парижскаго населенія, который защищалъ до сихъ поръ и впредь будетъ защищать революцію какъ противъ реакціи, такъ и противъ анархіи».

Несмотря на послѣднюю фразу, трудно не замѣтить, что тонъ этого воззванія нѣсколько иной, чѣмъ тонъ предшествующихъ обращеній правительства къ народу. Въ словахъ, касающихся права собраній и петицій, въ обѣщаніи «энергично» (avec vigueur) поддерживать спокойствіе слышится скрытая угроза. Любопытно, что въ тотъ же день было рѣшено не позволять впредь собраній клубовъ въ казенныхъ

или городскихъ зданіяхъ, гдѣ клубы находили до этого даровое помѣщеніе и освѣщеніе. Очевидно, настроеніе Національнаго Собранія не осталось безъ вліянія на правительство, утомленное и безъ того вѣчной агитаціей.

Воззваніе правительства осталось, разумѣется, безрезультатнымъ. Ни само правительство, ни Національное Собраніе не могли сомнѣваться въ этомъ; президентъ Собранія Бюшэ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы усилить бдительность властей, но едва ли кто-либо ожидалъ, что опасность окажется столь великой, а мѣры предосторожности столь недѣйствительными, какъ это выяснилось на самомъ дѣлѣ на другой день.

Свѣдѣнія, исходившія отъ одного изъ главныхъ вожаковъ движенія, Гюбера, и доставленныя имъ мэру Парижа, позволяли думать, что хотя движеніе и будетъ въ количественномъ отношеніи очень внушительно, но что вожаки рѣшили отсрочить моментъ рѣшительнаго выступленія и опасаются лишь того, какъ бы не произошло неожиданнаго столкновенія между манифестантами и національной гвардіей,—столкновенія, послѣдствій котораго невозможно предвидѣть. Гюберъ умолялъ поэтому о томъ, чтобы не было отдано приказа бить тревогу; другія лица, въ томъ числѣ Коссидіеръ, настаивали на томъ же, и утромъ 15 мая генералъ Куртэ, на основаніи подобнаго рода данныхъ, пришелъ къ убѣжденію, что манифестація будетъ имѣть самый мирный характеръ, и что манифестанты лишь потому пожелаютъ добраться до мѣста засѣданій Собранія, что они желаютъ подчеркнуть этимъ свое право подносить Собранію свои петиціи лично. Сознавая всю тяжесть лежавшей на немъ отвѣтственности, онъ принялъ всѣ предусмотрѣнныя мѣры предосторожности; но главная его забота заключалась не столько въ томъ, чтобы помѣшать движенію принять внезапно угрожающій характеръ, сколько въ томъ, чтобы не допустить до кровопролитнаго столкновенія между національной гвардіей и народомъ. «Національная гвардія должна всегда подавать примѣръ умѣренности и спокойствія. Мы обрѣтемъ нужную намъ силу въ нашемъ большомъ числѣ, не обращаясь къ оружію. Я предписываю вамъ формально не стрѣлять, пока не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ васъ стрѣляютъ. Два-три отдѣльныхъ выстрѣла не могутъ васъ заставить отвѣтить выстрѣлами»,—вотъ та инструкція, которую онъ далъ начальникамъ легіоновъ національной гвардіи, и содержаніе которой объясняетъ его собственныя дальнѣйшія дѣйствія, едва не погубившія Національнаго Собранія.

Надо замѣтить, что настроеніе Куртэ объясняется отчасти и тѣмъ, что внѣ исполнительной комиссіи, повидимому, далеко не всѣ сознавали опасность движенія. «Всякая демагогическая партія,—говоритъ, напр., Токвиль,—имѣетъ столько головъ, случай играетъ всегда такую большую, а сознательная воля такую незначительную роль въ ея дѣйствіяхъ, что какъ до, такъ и послѣ даннаго событія почти невозможно сказать, что она хочетъ, или что она хотѣла. Я полагалъ, однако, тогда, да полагаю и теперь, что главные демагоги не имѣли тогда въ виду разогнать Собраніе, а хотѣли лишь воспользоваться имъ, подчиняя его себѣ. Мнѣ казалось, что нападеніе, которымъ они руководили 15 мая, должно было напугать, но не уничтожить Собраніе... Въ теченіе восьми дней изо дня въ день ожидали подобнаго рода попытку, но привычка жить среди безпрестанныхъ волненій дѣлаетъ, въ концѣ концовъ, какъ собранія, такъ и людей неспособными различить среди всѣхъ при-

знаковъ, свидѣтельствующихъ о наступленіи опасности, тотъ, который предшествуетъ ей непосредственно. Мы знали только, что предстоитъ большая народная демонстрація въ интересахъ Польши; мы испытывали безпокойство, но безпокойство неопредѣленное. Члены правительства были, безъ сомнѣнія, лучше освѣдомлены и испытывали большія опасенія, но они скрывали какъ свои свѣдѣнія, такъ и свои опасенія». Но и свѣдѣнія самого правительства были не особенно точны и ясны. Кто могъ знать, слѣдуетъ ли избѣгать столкновенія до послѣдней крайности или слѣдуетъ, наоборотъ, быть готовымъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, какъ бы печальны ни были послѣдствія?

Утромъ 15 мая манифестанты начали собираться съ 9 ч. утра на площади Бастиліи. Сюда стекались члены клубовъ съ ихъ знаменами, делегаты люксембургской комиссіи, рабочіе, студенты, многіе національные гвардейцы. Количество ихъ возросло быстро до 10000. Крики: да здравствуетъ Польша! да здравствуетъ республика! польскія, итальянскія и ирландскія знамена свидѣтельствовали о международномъ характерѣ демонстраціи. Въ $10^1/_2$ ч. шествіе тронулось: во главѣ его шли Гюберъ, Собріэ и делегаты люксембургской комиссіи. Всѣ улицы были переполнены огромной толпой зрителей, сочувствовавшихъ и участниковъ манифестаціи, примыкавшихъ къ ней по мѣрѣ ея проникновенія въ болѣе центральныя части города. На бульварѣ Тампля присоединяются къ шествію Бланки и его сторонники. Подъ ихъ вліяніемъ и подъ вліяніемъ возрастанія толпы настроеніе становится постепенно болѣе возбужденнымъ и ожесточеннымъ. Мѣстами появляется оружіе, котораго раньше не было. Распайль, удалившійся на короткое время, чтобы захватить текстъ адреса въ пользу поляковъ, поражается перемѣнѣ настроенія. Говорятъ о необходимости принудить засѣдающихъ въ Національномъ Собраніи «приказчиковъ народа» подчиниться народу, а буде они не подчинятся, о необходимости разогнать Собраніе.

Свѣдѣнія объ угрожающемъ настроеніи манифестантовъ дошли тотчасъ же до исполнительной комиссіи. Самъ Коссидіеръ всполошился; одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ клуба клубовъ Лонжпіэ явился въ комиссію, чтобы предупредить Араго и Ледрю-Роллена объ опасности положенія. Комиссія поторопилась отдать приказъ, чтобы гарнизоны сосѣднихъ городовъ (Версаль, Венсанъ и др.) двинулись въ Парижъ, и рѣшила раздѣлиться: часть (Араго и Гарнье-Пажесъ) осталась въ люксембургскомъ дворцѣ, часть (Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Мари) отправилась въ Національное Собраніе. Былъ отданъ приказъ арестовать Бланки, Флотта и Лакамбра, но дать этотъ приказъ было легче, чѣмъ его исполнить.

Манифестанты, число которыхъ превышало уже 25000, двигались тѣмъ временемъ по бульварамъ по направленію къ площади Согласія, и около $11^1/_2$ ч. глава колонны показалась передъ соборомъ св. Магдалины, и какъ-разъ въ это же самое время Куртэ, начавшій объѣздъ отрядовъ національной гвардіи, убѣдился въ томъ, что площадь Согласія, вопреки его ожиданіямъ, не занята гвардіей. Лишь мостъ, ведшій отъ этой площади къ мѣсту засѣданія Національнаго Собранія (такъ наз. Бурбонскому дворцу), и окрестности дворца были заняты, да и то весьма незначительными силами. Здѣсь стояло 350 человѣкъ четвертаго легіона и отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ восьмого батальона мобильной гвардіи. Остальные отряды не явились не потому, чтобы они сочувствовали манифестаціи, а отчасти потому, что

самъ Куртэ внесъ въ послѣдній моментъ нѣкоторыя измѣненія въ установленное раньше расположеніе вооруженной силы, отчасти по халатности его подчиненныхъ, замедлившей до чрезвычайности доставку его предписаній на мѣста, отчасти вслѣдствіе формализма начальниковъ легіоновъ, требовавшихъ письменныхъ, а не устныхъ предписаній. Когда вызванный наскоро первый легіонъ, ожидавшій съ 9 ч. утра такое предписаніе, двинулся по елисейскимъ полямъ къ площади Согласія, было уже поздно: манифестанты заняли уже эту площадь и напирали на мостъ Согласія.

Несмотря на крайнее неравенство силъ, защита моста была еще возможна. Помимо 600 человѣкъ, расположенныхъ на немъ, у самаго дворца стоялъ 5 батальонъ мобильной гвардіи, а поблизости находился 10-ый легіонъ національной гвардіи и 4 баталіона двухъ армейскихъ полковъ. Соединивши наскоро всѣ эти силы, можно было съ легкостью отразить натискъ неорганизованной и плохо или вовсе не вооруженной толпы манифестантовъ. Но при такихъ условіяхъ кровопролитіе представлялось неизбѣжнымъ,—то самое кровопролитіе, которое Куртэ хотѣлъ, во что бы то ни стало, избѣжать. Весь планъ его рушился: онъ разсчитывалъ на то, что около Бурбонскаго дворца будутъ собраны столь импозантныя силы, что манифестанты сами поймутъ невозможность насильственныхъ дѣйствій, и что удастся ихъ убѣдить отказаться отъ плана проникнуть всей массой въ палату, а допустить туда небольшую делегацію онъ былъ, повидимому, заранѣе готовъ. Сбитый съ толку неожиданной обстановкой, генералъ не сумѣлъ перейти сразу къ новому плану, необходимость котораго вытекала изъ измѣнившихся условій, и далъ своимъ войскамъ удивительный приказъ разступиться передъ толпой и очистить мѣсто передъ дворцомъ. Несмотря на сыпавшіяся на него возраженія, онъ пошелъ затѣмъ еще дальше и велѣлъ открыть ограду дворца, чтобы пропустить въ него депутацію въ 50—60 человѣкъ, въ составѣ коей были Распайль и Бланки. За депутаціей послѣдовали, однако, и другіе, подталкиваемые задними рядами, манифестанты. Вся площадь вокругъ дворца наполнилась толпой, смѣлая попытка Ламартина остановить ее была встрѣчена криками: смерть Ламартину!, и толпа хлынула во дворецъ. Только тутъ генералъ Куртэ понялъ всю опасность своего поведенія и всю тяжесть принятой имъ на себя отвѣтственности. Но теперь было уже поздно.

«Я пришелъ 15 мая въ Собраніе, не предвидя того, что должно было случиться,—разсказываетъ Токвиль.—Засѣданіе началось такъ, какъ началось бы всякое другое... На трибунѣ находился Воловскій; онъ излагалъ, говоря сквозь зубы, какое-то общее мѣсто о Польшѣ, когда народъ внезапно проявилъ свое присутствіе ужаснымъ крикомъ... Я никогда не подумалъ бы, что человѣческіе голоса могутъ произвести, соединяясь, столь страшный шумъ: видъ самой толпы, когда она проникла въ Собраніе, не показался мнѣ столь грознымъ, какъ это первое рычаніе, которое она издала раньше, чѣмъ появиться. Нѣсколько депутатовъ, подчиняясь первому движенію любопытства или страха, поднялись; другіе громко закричали: по мѣстамъ! Всѣ снова усѣлись, заняли плотнѣе свои сидѣнія и молчали. Воловскій возобновилъ свою рѣчь и говорилъ еще нѣкоторое время... Внезапно одинъ изъ нашихъ квесторовъ, Дегузэ, поднялся съ торжественнымъ видомъ по лѣстницѣ на трибуну, устранилъ, не говоря ни слова, Воловскаго и сказалъ: Вопреки волѣ квесторовъ генералъ Куртэ только-что приказалъ мобильной гвардіи, защищавшей входъ въ Собраніе, опустить штыки.

Сказавши эти немногія слова, онъ умолкъ... Собраніе заволновалось, но тотчасъ успокоилось; больше нечего было дѣлать: толпа проникла въ Собраніе. Ламартинъ, который вышелъ при первомъ шумѣ, появился снова въ дверяхъ съ разстроеннымъ лицомъ... За нимъ появилось почти немедленно нѣсколько человѣкъ изъ народа; они остановились на порогѣ, пораженные видомъ огромнаго собранія. Въ тотъ же моментъ, какъ это случилось и 24 февраля, трибуны шумно открылись; народная волна хлынула на нихъ, заполнила ихъ и скоро начала выступать дальше. Подталкиваемые слѣдующею за ними толпой, которая тѣснитъ ихъ, не видя ихъ, они... соскакиваютъ съ трибуны въ залъ съ высоты 5 — 6 футовъ... Пока часть толпы падала, такимъ образомъ, въ залъ, другая часть, состоявшая преимущественно изъ клубныхъ вожаковъ, входила въ него черезъ всѣ двери. Неся съ собою разныя эмблемы террора, послѣдніе махали знаменами, на нѣкоторыя изъ коихъ были надѣты сверху красные колпаки. Эта толпа наполнила мгновенно большое пустое пространство въ центрѣ Собранія, тѣснилась здѣсь и, не находя себѣ мѣста, стала подыматься по всѣмъ маленькимъ проходамъ, ведшимъ къ нашимъ скамьямъ, и скучивалась все больше въ этихъ небольшихъ пространствахъ, не переставая волноваться... Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые вторглись, такимъ образомъ, къ намъ, были вооружены, у другихъ можно было замѣтить спрятанное оружіе, но никто, казалось, не имѣлъ намѣренія воспользоваться оружіемъ противъ насъ... Общаго вождя, которому оказывалось бы повиновеніе, не было; это была толпа, а не отрядъ. Я видѣлъ среди нихъ пьяныхъ, но казалось, что большая часть представляла скорѣе жертву лихорадочнаго возбужденія... Отъ этой толпы подымался неясный шумъ, среди коего подчасъ слышались весьма угрожающія замѣчанія. Я замѣтилъ людей, которые показывали намъ кулакъ, называя насъ своими приказчиками. Они часто повторяли это выраженіе; за послѣдніе дни ультрадемократическія газеты называли депутатовъ не иначе, какъ приказчиками народа, и эта мысль понравилась этимъ прохвостамъ (goujats)...

«Пока въ залѣ происходилъ этотъ безпорядокъ, Собраніе оставалось безмолвнымъ и неподвижнымъ на своихъ мѣстахъ, не сопротивляясь, но и не поддаваясь, молчаливое и твердое. Нѣкоторые депутаты-монтаньяры фратернизировали съ народомъ, но исподтишка и шопотомъ. Распайль занялъ трибуну и собирался читать петицію клубовъ; одинъ молодой депутатъ, д'Адельсвардъ, подымается и кричитъ: «по какому праву гражданинъ Распайль хочетъ здѣсь говорить»? Подымаются буйные вопли; люди изъ народа устремляются на д'Адельсварда, но ихъ удается остановить и удержать. Распайль съ большимъ трудомъ добивается отъ своихъ друзей минуты молчанія и читаетъ петицію или, вѣрнѣе, приказаніе клубовъ, которое намъ предписываетъ высказаться немедленно въ пользу Польши.

«Торопитесь,—кричатъ намъ отовсюду,—ждутъ вашего отвѣта». Собраніе продолжаетъ безмолвствовать; подъ вліяніемъ своего нетерпѣнія и безпорядка народъ производитъ ужасающій шумъ, который насъ освобождаетъ, кстати сказать, отъ отвѣта».

На трибунѣ появляется Бланки. Онъ говоритъ нѣсколько словъ о Польшѣ, но затѣмъ переноситъ вопросъ немедленно на другую почву, говоритъ о руанскихъ событіяхъ, требуетъ наказанія виновниковъ этого «избіенія», амнистіи для его жертвъ;

отсюда онъ переходитъ къ положенію дѣлъ въ Парижѣ, напоминаетъ, что народъ предоставилъ въ распоряженіе власти три мѣсяца голода, и что трехмѣсячный срокъ скоро истекаетъ, признаетъ, что уличная агитація мѣшаетъ возрожденію торговли и промышленности, но указываетъ въ то же время на болѣе глубокія причины всей этой группы явленій,—причины, заключающіяся въ характерѣ соціальнаго строя. Въ тотъ моментъ, когда онъ собирается остановиться подробнѣе на этомъ вопросѣ его, однако, перебиваютъ. «Тѣ самые, интересы которыхъ онъ отстаиваетъ, перебиваютъ его»,—говоритъ его біографъ. «Польша! Польша! Они хотятъ, чтобы имъ говорили о Польшѣ. И Бланки вынужденъ сказать, что вопросъ о трудѣ и нищетѣ затронутъ имъ лишь между прочимъ, что подлежащая разрѣшенію проблема заключается въ польскомъ вопросѣ и... онъ сходитъ съ трибуны... Вождь былъ еще разъ вынужденъ послушаться своихъ солдатъ и повиноваться имъ...».

«Національное Собраніе—разсказываетъ Токвиль—продолжаетъ безмолвствовать, народъ продолжаетъ волноваться и издавать тысячу криковъ... Ледрю-Ролленъ дѣлаетъ попытку убѣдить народъ удалиться, но никто не имѣлъ больше власти надъ нимъ... Шумъ возрождается, усиливается, порождаетъ самъ себя, если можно такъ выразиться, ибо народъ не владѣетъ уже настолько собой, чтобы сдержаться на мгновеніе, дабы достигнуть своей цѣли. Проходитъ продолжительное время; наконецъ, Барбесъ кидается впередъ, всходитъ или, скорѣе, вскакиваетъ на трибуну... «Я требую,—заявилъ онъ рѣзкимъ и прерывающимся голосомъ,—чтобы Собраніе рѣшило немедленно и въ настоящемъ засѣданіи отправку арміи для защиты Польши, налогъ въ милліардъ на богатыхъ, выведеніе войскъ изъ Парижа и запретило созывать тревогой національную гвардію; въ противномъ случаѣ народные представители будутъ объявлены измѣнниками отечества». Я думаю, что мы пропали бы, если бы Барбесу удалось добиться голосованія его предложенія; ибо, если бы Собраніе допустило голосованіе, оно было бы опозорено и обезоружено, а если бы оно его отвергло, что представляется вѣроятнымъ, то оно подвергалось опасности быть истребленнымъ. Но даже Барбесъ не могъ добиться ни одной минуты молчанія, чтобы заставить насъ высказаться. Колоссальный шумъ, послѣдовавшій за его послѣдними словами, не утихалъ...

«Это необычайное засѣданіе длилось уже два часа; Собраніе упорствовало, прислушиваясь къ всякому долетавшему извнѣ шуму и ожидая, что придутъ къ нему на помощь, но Парижъ казался мертвымъ городомъ. Это пассивное сопротивленіе раздражало и возмущало народъ... Онъ волновался и бился понапрасну, не находя выхода... Тысячи разныхъ и противоположныхъ криковъ наполняли воздухъ: «Уйдемъ»,—говорили одни... «Организація труда! Министерства труда! Налога на богатыхъ! Мы хотимъ Луи Блана»!—кричали другіе; у подножія трибуны началась драка, чтобы рѣшить, кто взойдетъ на нее; пять или шесть ораторовъ находились на ней одновременно и говорили часто сразу». Внезапно раздался неожиданный трескъ: трибуны, находившіяся на задней сторонѣ зала, подались и опустились на цѣлый футъ. «Этотъ страшный инцидентъ пріостановилъ на минуту шумъ, и въ первый разъ я услышалъ вдали барабанный шумъ тревоги... Толпа услышала его такъ же, какъ и я, и она издала долгій крикъ гнѣва и страха. «Зачѣмъ бьютъ тревогу»?—вскричалъ Барбесъ внѣ себя, пробираясь снова къ трибунѣ,—«кто бьетъ тревогу! Пусть тѣ, кто отдали этотъ приказъ, будутъ объявлены внѣ закона»!.

Среди народа раздаются крики: «предательство! къ оружію! къ ратушѣ»! Президента выгоняютъ съ его кресла... Одинъ изъ клубныхъ вожаковъ, Гюберъ, подымается къ мѣстамъ бюро и воздвигаетъ здѣсь знамя съ краснымъ колпакомъ наверху; громовымъ голосомъ, исходившимъ сверху и покрывшимъ весь шумъ, онъ крикнулъ дважды: «отъ имени народа, обманутаго своими представителями, объявляю Національное Собраніе распущеннымъ». Президентъ покинулъ засѣданіе; большинство депутатовъ послѣдовало его примѣру. Часть ихъ отправилась въ люксембургскій дворецъ. Настроеніе, царившее среди нихъ, было самое мрачное. Говорили о необходимости созвать Собраніе вновь въ Буржѣ или въ Метцѣ; другіе считали необходимымъ вернуться въ провинцію и организовать сопротивленіе противъ Парижа; лишь немногіе не теряли надежды, что удастся парализовать нанесенный Собранію ударъ.

Въ бурбонскомъ дворцѣ тѣмъ временемъ господствовалъ все тотъ же безпорядокъ. Часть манифестантовъ, правда, разошлась, но ушедшіе были замѣнены новыми пришельцами, и толпа продолжала буйствовать. Среди невообразимаго шума дѣлаютъ попытку провозгласить временное правительство, носятъ на рукахъ Барбеса и Собріэ, пытаются убѣдить Ледрю-Роллена примкнуть къ совершившемуся возстанію. Затѣмъ Барбесъ, Собріэ, Альберъ и др. покидаютъ зданіе и направляются въ ратушу. Большая часть толпы слѣдуетъ за ними или расходится, когда внезапно около $4^3/_4$ ч. раздаются мѣрные шаги приближающагося второго батальона мобильной гвардіи, за которыми слѣдуютъ быстро 1 и 2 легіонъ національной гвардіи. Манифестанты немедленно разсѣялись, не сдѣлавъ даже попытки сопротивляться. Разошедшіеся раньше депутаты снова вернулись, присоединились къ оставшимся все время въ залѣ, и засѣданіе возобновилось. За отсутствіемъ предсѣдателя и его товарищей, открылъ его министръ финансовъ Дюклеркъ. «Національное Собраніе не распущено,— заявилъ онъ.—Собраніе возобновляетъ свои труды отъ имени французскаго народа, котораго ничтожное и гнусное меньшинство не можетъ опозорить».

Ламартинъ, явившійся къ этому времени въ Собраніе, призвалъ національныхъ гвардейцевъ съ трибуны слѣдовать за нимъ, чтобы прогнать мятежниковъ изъ ратуши. Ледрю-Ролленъ присоединился тотчасъ къ нему. Во главѣ нѣсколькихъ батальоновъ они направляются въ ратушу, которая уже была занята безъ сопротивленія Барбесомъ и Собріэ, окруженными всего 2—3000 клубистовъ, рабочихъ и національныхъ гвардейцевъ. Вожаки уже были заняты составленіемъ ряда декретовъ, одинъ изъ коихъ предписывалъ Россіи и Германіи возстановить Польшу, когда появились Ламартинъ и его отрядъ. Не встрѣчая снова никакого сопротивленія, они проникли въ зданіе, разогнали мятежниковъ и арестовали Барбеса и Альбера. Вскорѣ затѣмъ былъ арестованъ и Собріэ. Бланки, Распайль и другіе раздѣлили ихъ участь нѣсколько позднѣе. Гюберу удалось бѣжать.

Исполнивъ свою задачу, Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ вернулись къ 7 ч. въ Собраніе, ужс успѣвшее приступить къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя надлежало принять для того, чтобы сдѣлать повтореніе подобнаго рода покушеній невозможнымъ. Одни предлагали избраніе комиссіи для разслѣдованія совершившихся событій, другіе—реорганизацію главнаго штаба національной гвардіи и полицейской префектуры, третьи—судебное преслѣдованіе противъ Куртэ, Барбеса и Альбера. Депутаты воз-

мущались непредусмотрительностью и бездѣятельностью временной комиссіи; попытки одного изъ министровъ, Флокона, объяснить и оправдать образъ дѣйствій комиссіи были встрѣчены крайне враждебно. Президентъ Бюшэ вручилъ заботу о безопасности Собранія и командованіе расположенными вокругъ его зданія войсками генералу Барагэ д'Илліеру. Появленіе Луи Блана въ засѣданіи вызвало взрывъ негодованія. Ему не давали говорить, когда онъ увѣрялъ, что не имѣлъ никакого отношенія къ совершившемуся; его поминутно перебивали всякаго рода оскорбительными криками и довели его всѣмъ этимъ до того, что онъ придалъ своей рѣчи самый вызывающій характеръ и защищалъ намѣренія Барбеса. Возмущенные крики не позволили ему окончить свою рѣчь.

Арестъ Барбеса, Собріэ, Альбера и Бланки, съ одной стороны, формально добровольное, фактически вынужденное всеобщимъ возмущеніемъ отреченіе Коссидіера отъ должности полицейскаго префекта, съ другой стороны, лишили ультрарадикальные элементы ихъ главныхъ вождей. Насильственное закрытіе клуба Бланки, совершенное въ тотъ же вечеръ національной гвардіей при старомъ крикѣ: долой коммунистовъ, распущеніе отряда монтаньяровъ, ліонцевъ и другихъ подобныхъ полу-полицейскихъ, полу-революціонныхъ организацій, обыскъ, произведенный національной гвардіей въ редакціи «Commune de Paris», нападеніе ея на клубъ Барбеса,—все это вмѣстѣ дополнило разгромъ партіи и свидѣтельствовало о широкомъ распространеніи враждебнаго революціонерамъ настроенія. А полное отсутствіе какихъ бы то ни было попытокъ сопротивленія со стороны массы населенія свидѣтельствовало о значительномъ упадкѣ революціоннаго настроенія и въ этой средѣ. Самые эксцессы, допущенные во время захвата бурбонскаго дворца, сильно дискредитировали тѣхъ, на кого падала отвѣтственность за движеніе.

Вожаки соціалистической партіи совершили роковую ошибку,—ошибку, по словамъ Жоржа Занда, не только политическую, но и моральную. Вотъ какъ объяснялъ ее позднѣе самый выдающійся изъ нихъ, Бланки: «никто не властенъ надъ народными движеніями. Часто они заставляютъ васъ играть роль, менѣе всего серьезную и достойную государственнаго дѣятеля. Таково было какъ-разъ мое положеніе. Я заявляю, что оно было такъ мало серьезно, что было почти смѣхотворно»...

Подчинившись народной волнѣ, онъ сохранялъ, по его собственнымъ словамъ, все время способность отнестись критически къ событіямъ. «Когда Гюберъ произнесъ свои роковыя слова,—разсказываетъ онъ,—я былъ въ отчаяніи. Совершалась огромная глупость (une sottise énorme), всѣ послѣдствія которой я предчувствовалъ,—глупость, которая должна была оставить глубокій слѣдъ въ исторіи 1848 г.; обладая вообще способностью сохранить хладнокровіе, я взглянулъ на часы,—было $4^1/_4$ ч.,—и я сказалъ себѣ: въ настоящій моментъ совершается большая глупость (voilà une grande bêtise qui se fait en ce moment)». Поскольку онъ дальше говоритъ, что его друзья вовсе не имѣли въ виду разогнать Собраніе, можно усомниться въ его словахъ; но когда онъ замѣчаетъ, что разгонъ Собранія противорѣчилъ ихъ собственнымъ принципамъ, онъ былъ, безъ сомнѣнія, такъ же правъ, какъ тогда, когда онъ говорилъ, что оно было «огромной глупостью».

ГЛАВА VII.

Іюньскіе дни.

День 15 мая погубилъ не только соціалистическую партію. Онъ измѣнилъ все политическое положеніе до неузнаваемости, усилилъ реакцію внутри и внѣ Національнаго Собранія, нанесъ авторитету исполнительной комиссіи страшный ударъ, возродилъ монархическія тенденціи и создалъ почву для роста того настроенія, которое сдѣлало возможнымъ реставрацію наполеоновскаго цезаризма.

То чувство страха, которое охватило, по словамъ Токвиля, въ мартѣ всѣхъ имущихъ, содержало уже, правда, всѣ данныя для реакціи противъ бурнаго натиска соціалистическихъ взглядовъ, совершившагося въ Парижѣ непосредственно послѣ февральской революціи. Но тогда оставалась еще надежда на мирный исходъ подъ сѣнью Національнаго Собранія, избраннаго на началахъ всеобщаго голосованія. Можно было надѣяться, что именно крайніе демократическіе элементы подчинятся народной волѣ. Теперь и эта слабая надежда была разрушена, и хотя первое столкновеніе окончилось благополучно, никто не могъ быть увѣренъ, не послѣдуетъ ли за нимъ второе и третье, и не придется ли столкнуться съ болѣе серьезнымъ нападеніемъ на народное представительство, чѣмъ то, которое только-что удалось отразить.

Убѣжденнымъ монархистамъ, полагавшимъ, что республика, анархія и терроръ—синонимы, и что только твердая монархическая власть способна спасти Францію отъ разложенія, не приходилось особенно удивляться тому, что совершилось 15 мая. Впечатлѣніе, произведенное этимъ днемъ, отразилось въ особенности на умѣренно-республиканскихъ элементахъ, съ одной стороны, на прежнихъ сторонникахъ династической лѣвой, съ другой. Чѣмъ искреннѣе было ихъ преклоненіе передъ демократически-республиканской идеей или ихъ готовность мириться съ нею, тѣмъ болѣзненнѣе отзывались на нихъ парижскія событія, и тѣмъ больше они были вынуждены задуматься надъ вопросомъ о цѣлесообразности той «сантиментальной» политики невмѣшательства въ политическую жизнь народной массы Парижа, которой держалось временное правительство. Старая противоположность «партіи движенія» и «партіи сопротивленія» снова возрождалась. Многіе спрашивали себя, не слѣдуетъ ли водрузить снова знамя «сопротивленія» противъ «анархическихъ» вожделѣній «неспособной къ политической жизни толпы». Характеръ клубныхъ рѣчей и клубной печати, характеръ популярныхъ въ народной массѣ лозунговъ и ожиданій, о которыхъ вдобавокъ распространялось немало легендарныхъ слуховъ, служили, казалось, достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы поставить этотъ вопросъ и рѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ. Вѣдь печатали же въ эти дни газеты, будто изъ толпы, занявшей залъ Національнаго Собранія, раздавались возгласы о необходимости предоставить народу хоть нѣсколько часовъ для грабежа. Это былъ несомнѣнный вздоръ, но этому вѣрили, и разгоряченное воображеніе имущихъ классовъ,

въ томъ числѣ и крестьянства, начало просто-на-просто отожествлять «красныхъ» съ обыкновенными ворами и грабителями, церемониться съ которыми не только незачѣмъ, но даже преступно.

Весьма понятно, что это настроеніе не могло не сказаться на дѣятельности какъ Національнаго Собранія, такъ и исполнительной комиссіи. Въ Національномъ Собраніи оно осложнилось вдобавокъ недовѣріемъ къ исполнительной комиссіи или недовольствомъ по поводу ея бездѣятельности, а въ исполнительной комиссіи—недовѣріемъ къ правой части Собранія и ея реакціоннымъ замысламъ. Конфликтъ между ультрадемократическими элементами и рабочей массой, съ одной стороны, и всѣми консервативными въ соціальномъ отношеніи элементами, съ другой, грозилъ, такимъ образомъ, привести къ новому конфликту среди защитниковъ существующаго соціальнаго строя. Одни полагали, что необходимо прежде всего и возможно скорѣе покончить со всякой опасностью, грозящей со стороны анархіи, и установить государственную власть возможно прочнѣе, освободивъ ее отъ необходимости считаться съ измѣнчивыми настроеніями народной массы. Государственная власть разсматривалась ими какъ нѣчто отдѣльное отъ народа, властвующее надъ нимъ, сдерживающее и воспитывающее его. Убѣдившись лишній разъ въ невѣжественности толпы и ея неспособности сдерживать свои страсти, они считали необходимымъ прибѣгнуть къ самымъ суровымъ педагогическимъ пріемамъ и не считали нужнымъ стѣсняться съ февральскими обѣщаніями, хотя и продолжали говорить о республикѣ, о правѣ на трудъ и т. д., но толковали эти понятія иначе, чѣмъ они толковались въ первые дни послѣ паденія монархіи. Другіе оставались при томъ мнѣніи, что «надо всегда довѣрять народу»—такъ сказалъ министръ народнаго просвѣщенія Карно Токвилю во время праздника Согласія, состоявшагося съ большой помпой 21 мая,—и считали нужнымъ обосновать власть прежде всего на моральномъ авторитетѣ, не допуская обращенія къ силѣ иначе, какъ въ случаяхъ крайней необходимости, и не столько противъ народа, сколько противъ демагоговъ. Государственная власть рисовалась имъ какъ могучее средство для удовлетворенія назрѣвшихъ народныхъ потребностей, какъ органъ народной воли, а не какъ воспитательница народной массы. Видя ожесточеніе своихъ противниковъ, они боялись, что жертвой его можетъ сдѣлаться не только все то въ народномъ движеніи, что они сами осуждали, но и то, что они цѣнили въ немъ—республика, признаніе обязанности государства заботиться объ улучшеніи условій жизни трудящейся массы, и т. д.

Самымъ важнымъ результатомъ 15 мая было съ этой точки зрѣнія сближеніе весьма значительной части республиканцевъ съ монархистами. Ко времени открытія Національнаго Собранія масса его членовъ представляла по необходимости сырой неорганизованный матеріалъ. Очень твердые въ своемъ отношеніи къ вопросу о частной собственности, они были совершенно неопытны во всемъ, что касалось вопросовъ политической организаціи и государственной политики. Вынужденная или полная дѣйствительнаго энтузіазма склонность къ республиканскому строю не замѣняла имъ отсутствовавшей у нихъ привычки къ активной политической жизни. Только реальный ходъ событій могъ точнѣе опредѣлить ихъ взгляды и поступки, поскольку они относились къ этой области. Весьма понятно, какое огромное вліяніе при такихъ условіяхъ должны были пріобрѣсть тѣ немногіе люди, которые уча-

ствовали еще раньше въ политической жизни, которые обладали извѣстными общеполитическими и техническими свѣдѣніями и навыками, которые знали, какъ слѣдуетъ вести парламентскую и внѣпарламентскую борьбу. А вслѣдствіе организаціи политической жизни во времена іюньской монархіи такихъ людей можно было встрѣтить почти исключительно среди монархистовъ и самыхъ умѣренныхъ республиканцевъ. Они-то и сыграли господствующую роль въ Собраніи. Два изъ тѣхъ трехъ парламентскихъ клубовъ, которые возникли въ эти дни,—клубъ улицы Пуатье и клубъ національнаго дворца, находились подъ ихъ руководствомъ; въ первомъ (монархическомъ) дѣйствовали Одилонъ Барро, Фаллу, позднѣе Тьеръ и др., во второмъ (республиканскомъ)—Сенаръ, Кавеньякъ, А. Марра и др. Радикально-демократическіе элементы собирались въ клубѣ на улицѣ Пирамидъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ служить опорой для исполнительной комиссіи: два первыхъ осуждали ее за бездѣятельность, третій—за угодничество реакціи. Ни одно изъ этихъ обвиненій не имѣло, строго говоря, серьезнаго основанія, но положеніе исполнительной комиссіи не становилось отъ этого легче. Оно должно было сдѣлаться безнадежнымъ, если комиссіи не удастся обезпечить себѣ поддержку съ той или съ другой стороны. Результатомъ этого обстоятельства и являются колебанія въ политикѣ исполнительной комиссіи, продолжавшіяся вплоть до ея отставки, 23 іюня.

Подчиняясь господствовавшему послѣ 15 мая реакціонному настроенію подавляющаго большинства Собранія, комиссія склоняется сначала къ рѣшительнымъ мѣрамъ какъ противъ ультрадемократическихъ клубовъ и организацій, такъ и противъ созданныхъ ею же національныхъ мастерскихъ, вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи коихъ становится какъ-то сразу предметомъ всеобщаго вниманія и заботъ.

Учрежденныя, какъ мы видѣли, уже 26 февраля національныя мастерскія представляли попытку устранить самыя острыя послѣдствія обострившейся въ связи съ революціей безработицы. Обстоятельства заставили придать имъ болѣе постоянную организацію, такъ какъ безработица не только не прекращалась, но проявляла тенденцію продлиться надолго. Разсчитанныя сначала только на парижскихъ рабочихъ, мастерскія скоро начали привлекать и не-парижанъ, несмотря на то, что правила пріема въ мастерскія предусматривали необходимость представленія каждымъ кандидатомъ свидѣтельства о проживаніи въ Парижѣ. Отчасти вслѣдствіе притока провинціаловъ, отчасти вслѣдствіе роста безработицы въ самомъ Парижѣ, отчасти, наконецъ, потому, что рабочіе начали пользоваться мастерскими, какъ средствомъ проводить участившіяся до чрезвычайности забастовки, количество рабочихъ, занесенныхъ въ списки мастерскихъ, начало чрезвычайно быстро возрастать. Къ началу мая оно превзошло уже 100000, и все еще было невозможно предвидѣть, когда этотъ наплывъ окончится. Въ связи съ этимъ росли и расходы государства на мастерскія: уже къ 1 апрѣля ежедневный расходъ составлялъ 70000 франковъ, а къ половинѣ апрѣля онъ удвоился. И опять-таки было невозможно предвидѣть, когда эти расходы прекратятся или хотя бы сократятся [1]).

Несмотря на обременительность этихъ расходовъ для пустой государственной

[1]) Ср. стр. 165—167.

казны, и несмотря на крайнюю нецѣлесообразность ихъ организаціи, національныя мастерскія не внушали долгое время не только никакихъ особенныхъ опасеній, но пользовались даже, какъ мы видѣли, покровительствомъ власти, надѣявшейся найти въ нихъ противовѣсъ противъ соціалистическихъ тенденцій рабочихъ, организованныхъ вокругъ люксембургской комиссіи.

Съ теченіемъ времени, однако, отношеніе къ нимъ измѣнилось, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда обстоятельствъ. Съ одной стороны, становилось яснымъ, что при наличности національныхъ мастерскихъ рабочіе постоянно будутъ подвергаться соблазну вступать въ не всегда разумныя забастовки и затягивать ихъ окончаніе, надѣясь на установленную въ мастерскихъ плату, превращавшуюся, такимъ образомъ, въ своего рода забастовочный фондъ. Съ другой стороны, нельзя было не считаться какъ съ растущими расходами, такъ и съ невозможностью обезпечить постоянно возраставшей массѣ безработныхъ не милостыню, а трудъ. На основаніи введенныхъ директоромъ мастерскихъ Э. Тома правилъ поденная плата была опредѣлена въ 2 франка. За невозможностью назначить каждому рабочему ежедневно работу, вскорѣ пришлось столкнуться съ вопросомъ, какъ поступать съ тѣми изъ ихъ числа, кто оставался безъ работы. Выбросить ихъ просто на-просто на улицу представлялось невозможнымъ, и пришлось ввести на ряду съ нормальной поденной платой въ 2 франка особую пониженную плату за дни безработицы, такъ наз. solde d'inactivité, размѣръ которой былъ опредѣленъ въ 1 франкъ. Чѣмъ быстрѣе росло количество безработныхъ, тѣмъ чаще каждый безработный получалъ эту плату для безработныхъ: къ началу мая онъ получалъ ее въ теченіе 4 дней изъ шести, а это приводило неизбѣжно какъ къ ухудшенію матеріальнаго положенія рабочихъ, такъ и къ извѣстной деморализаціи народной массы, вызванной легкостью, съ которой можно было добиться этой едва прикрытой милостыни. Въ мастерскія начали поступать всякаго рода люди—швейцары, лавочники, даже домовладѣльцы, желавшіе обезпечить себѣ добавочный доходъ, а дѣйствительно нуждавшіеся рабочіе вносили въ списки своихъ малолѣтнихъ дѣтей, дабы вознаградить себя за сокращеніе причитавшейся имъ поденной платы.

Но самое важное обстоятельство заключалось въ томъ, что въ національныя мастерскія постепенно начали проникать соціалистическія симпатіи и идеи. Наиболѣе развитые и нравственно наиболѣе чуткіе элементы не могли не сознавать того фальшиваго положенія, въ какое они попали въ мастерскихъ, и не могли не прислушиваться къ люксембургскимъ пророчествамъ. А масса ощущала въ одно и то же время какъ ухудшеніе своего положенія, такъ и ростъ своего могущества,—могущества стройно организованной массы въ 100000 людей, которымъ нечего было терять и которые могли много пріобрѣсть. Если прибавить къ этому энергичную соціалистическую пропаганду, то становится понятнымъ, что Эмиля Тома уже въ началѣ мая не разъ встрѣчали криками: да здравствуетъ соціальная революція! Въ манифестаціи 15 мая приняло участіе около 14000 рабочихъ національныхъ мастерскихъ. Да и самъ Тома началъ приближаться къ идеямъ соціалистическаго характера.

Изъ финансовой опасности національныя мастерскія, такимъ образомъ, начали превращаться въ опасность соціально-политическую. Вотъ почему исполнительная комиссія занялась еще наканунѣ 15 мая вопросомъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Основная задача заключалась въ томъ, чтобы устранить чрезмѣрное скопленіе безработныхъ въ самомъ центрѣ государства. Съ этой цѣлью было рѣшено прекратить дальнѣйшую запись лицъ, желающихъ поступить въ мастерскія, пригласить молодыхъ рабочихъ 18—25-лѣтняго возраста записываться въ ряды арміи, а не желающихъ воспользоваться этимъ выслать изъ Парижа на родину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было рѣшено внести въ Національное Собраніе проектъ о выкупѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, дабы усилить желѣзнодорожное строительство и создать, такимъ образомъ, обширный рынокъ для рабочихъ рукъ. А такъ какъ до внесенія и, главное, до принятія этого законопроекта должно было пройти немало времени, то комиссія поручила министру общественныхъ работъ озаботиться изысканіемъ другихъ средствъ для удовлетворенія безработныхъ трудомъ, причемъ Ламартинъ предложилъ заняться въ широкихъ размѣрахъ расчисткой пустующихъ земель для сельскохозяйственной обработки, съ тѣмъ, чтобы участвующіе въ этомъ дѣлѣ рабочіе вознаграждались частью деньгами, а частью расчищенными ими землями.

На другой же день (15 мая) министръ финансовъ Дюклеркъ представилъ комиссіи матеріалы, касавшіеся выкупа желѣзныхъ дорогъ и связаннаго съ этимъ вопроса объ упраздненіи мастерскихъ. Событія 15 мая ускорили внесеніе соотвѣтствующаго законопроекта въ Собраніе. Оно состоялось уже 17 мая. Въ то же время было внесено еще нѣсколько законопроектовъ. Одинъ изъ нихъ касался установленія выборныхъ отъ рабочихъ, такъ наз. prud'hommes, другой—запрещенія всякихъ вооруженныхъ собраній и союзовъ, а также изгнанія младшей линіи Бурбоновъ изъ Франціи. «Этотъ (послѣдній) двойной проектъ — говорилось въ объяснительной запискѣ къ нему—имѣетъ цѣлью дать власти возможность защищать общество противъ всѣхъ безумцевъ, стремящихся къ ниспроверженію республики».

Окончательное изгнаніе всѣхъ Бурбоновъ входило такъ же мало въ разсчеты правыхъ членовъ Собранія, какъ и выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, въ которомъ усматривали первый этапъ на пути къ государственному соціализму, открытый разрывъ съ системой частнаго хозяйства, которая, по мнѣнію очень многихъ, одна была способна обезпечить правильное функціонированіе какъ желѣзнодорожныхъ, такъ и всякихъ иныхъ предпріятій. Противъ этой послѣдней идеи возражали и многіе республиканцы.

Но первыя нападенія на исполнительную комиссію послѣдовали, какъ и надо было ожидать, съ правой стороны. Уже 16 мая депутаты Бонжанъ и Барошъ выразили ей, при горячемъ одобреніи правой, свое недовѣріе, заявляя, что комиссія отвѣтственна за событія 15 мая, являющіяся результатомъ какъ ея собственной непредусмотрительности, такъ и преступныхъ замысловъ или неспособности ея агентовъ. На этотъ разъ нападеніе было, однако, отбито. «Насъ хотятъ заставить прибѣгнуть къ силѣ, вызвать гражданскую войну, запятнать республику кровью— вскрикнулъ Гарнье-Пажесъ.—Мы этого не хотимъ». Комиссія поставила открыто вопросъ о довѣріи, и Собраніе устранило подавляющимъ большинствомъ голосовъ (противъ 5—6) преждевременное нападеніе на нее.

Послѣ внесенія упомянутыхъ законопроектовъ оно возобновилось, однако, на другой же день. Правая, стремившаяся все время ослабить правительство, предложила отвергнуть признаніе требуемой комиссіей срочности этихъ проектовъ и на-

стаивала на томъ, что законодательныя предположенія правительства должны подвергаться всѣмъ тѣмъ формальностямъ, которымъ подвергалось по наказу любое законодательное предположеніе, исходившее изъ иниціативы рядового члена Собранія. Нападеніе было снова отбито, и законопроекты правительства не были приравнены къ тѣмъ, иниціатива коихъ исходила изъ Собранія, но и на этотъ разъ пришлось обратиться къ сильно дѣйствующимъ аргументамъ, чтобы добиться результата.

Еще болѣе характерными были дебаты слѣдующаго дня, 18 мая, когда Собраніе, получившее массу привѣтствій изъ провинціи, приступило къ обсужденію торжественнаго отвѣта на нихъ. Проектъ отвѣта, исходившій отъ правой, содержалъ, между прочимъ, слѣдующія строки, заключавшія въ себѣ еле прикрытое осужденіе правительства: «Граждане! исполнитесь довѣрія къ судьбамъ отечества; порядокъ выйдетъ укрѣпленнымъ изъ этого испытанія... Не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, къ исключительнымъ законамъ, мы уничтожимъ гнусныя надежды; не будетъ другой реакціи, кромѣ той, которая заключается въ твердости властей. Исполнительная власть, дѣйствующая энергично и единодушно, не будетъ мирволить безпорядку. Пользуясь лойяльнымъ повиновеніемъ своихъ вѣрныхъ агентовъ, она не будетъ смѣшивать зачинщиковъ или орудія анархіи съ смѣлыми слугами народа. Республиканскія учрежденія не будутъ больше направляться противъ самой республики; право петицій, право собраній не будутъ больше использованы предательскимъ образомъ, какъ оружіе противъ свободы».

Пренія приняли чрезвычайно бурный и безпорядочный характеръ, и только энергичное вмѣшательство министра торговли Флокона заставило Собраніе отложить рѣшеніе вопроса до слѣдующаго дня. Когда пренія возобновились, настроеніе Собранія успѣло уже измѣниться. Умѣренные республиканцы, увлеченные негодованіемъ по поводу событій 15 мая, увидѣли, что монархисты подымаютъ слишкомъ явно голову, что грозитъ опасность сильнаго реакціоннаго теченія, и что пока преждевременно замѣнить исполнительную комиссію другой властью. Ламеннэ указалъ имъ на чрезвычайную трудность того положенія, въ которомъ находилась комиссія передъ лицомъ взволнованнаго, быстро измѣняющаго свои настроенія и въ то же время властолюбиваго Собранія. Національная гвардія Парижа поднесла Собранію адресъ, въ которомъ она заявляла о своей готовности защищать народныхъ представителей какъ противъ анархіи, такъ и «не въ меньшей степени противъ всякой реакціонной идеи и возврата къ старому». Проектъ воззванія былъ кореннымъ образомъ пересмотрѣнъ, причемъ ему была дана такая редакція, которая удовлетворяла вполнѣ и исполнительную комиссію; теперь граждане приглашались «отнестись съ довѣріемъ къ энергичной волѣ Національнаго Собранія и исполнительной власти» и заявлялось о томъ, что Собранію необходима полная свобода дѣйствій, дабы «организовать демократическую республику на двойной основѣ правъ и обязанностей» гражданъ.

Несмотря на всѣ эти частныя побѣды, положеніе исполнительной комиссіи было далеко не привлекательно. Самый фактъ, что эти побѣды слѣдовали столь быстро одна за другой, свидѣтельствовалъ о томъ, какъ энергично велось нападеніе. А такъ какъ главнымъ предметомъ обвиненій являлись нерѣшительность и бездѣятельность комиссіи, то комиссія чувствовала необходимость совершить какіе-либо рѣшительные шаги, способные возстановить ея авторитетъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ фактовъ были постановленія, принятыя комиссіей въ засѣданіи 23 мая относительно національныхъ мастерскихъ. Еще 19 мая Національное Собраніе передало своему комитету по рабочему вопросу два предложенія о немедленномъ упраздненіи мастерскихъ; даже Э. Тома, вызванный въ этотъ комитетъ, призналъ необходимость ихъ коренной реорганизаціи; но представленный имъ проектъ не могъ разсчитывать на успѣхъ, такъ какъ онъ настолько приближался къ соціалистическимъ идеямъ, что Луи Бланъ, по его собственнымъ словамъ, согласился бы его подписать. Съ другой стороны, онъ предлагалъ комитету изъять національныя мастерскія, какъ слишкомъ крупную силу, изъ вѣдѣнія исполнительной комиссіи и подчинить ихъ какому-либо изъ комитетовъ Собранія. Не удивительно, что министръ общественныхъ работъ Трела (Trélat) высказался при такихъ условіяхъ противъ всего плана Тома и за необходимость возможно скорѣе покончить съ мастерскими.

Въ засѣданіи 23 мая комиссія рѣшила, въ виду этого, ликвидировать мастерскія при помощи слѣдующихъ средствъ. Всѣ неженатые рабочіе отъ 18—25 лѣтъ приглашаются поступить въ ряды войска, а буде они не послѣдуютъ этому приглашенію—исключаются изъ списковъ. Всѣ рабочіе, не могущіе доказать, что они жили въ Парижѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ до принятія означеннаго рѣшенія, исключаются изъ списковъ. Предприниматели имѣютъ право пригласить къ себѣ такое количество рабочихъ, какое они сочтутъ нужнымъ въ интересахъ своихъ предпріятій, а всѣ рабочіе, которые откажутся принять это предложеніе, исключаются изъ списковъ. Остающіеся за всѣмъ тѣмъ рабочіе будутъ получать не поденную, а сдѣльную плату. Они будутъ организованы въ бригады и отосланы въ департаменты для производства предполагаемыхъ вѣдомствомъ путей сообщенія работъ.

Какъ только Тома получилъ на другой день (24 мая) соотвѣтствовавшія этимъ драконовскимъ правиламъ инструкціи, онъ понялъ серьезность положенія и отправился къ Трела, чтобы убѣдить его въ необходимости отсрочить осуществленіе этого декрета. Недовольное еще раньше его образомъ дѣйствій, правительство рѣшило избавиться отъ него. 25 мая была назначена комиссія изъ инженеровъ и промышленниковъ, которой было поручено «принять всѣ мѣры, способныя уменьшить государственные расходы безъ нарушенія священнаго принципа гарантіи труда». А когда слухъ о принятыхъ въ засѣданіи 23 мая рѣшеніяхъ проникъ въ рабочую среду, и рабочіе начали протестовать противъ нихъ, тогда Тома былъ вызванъ вечеромъ 26 мая къ Трела, принужденъ дать свою отставку и высланъ совершенно произвольно изъ Парижа въ Бордо, якобы для изученія вопроса о постройкѣ одного канала. Директоромъ мастерскихъ былъ назначенъ инженеръ Лаланнъ.

Рѣзкія и произвольныя дѣйствія правительства, казалось, должны были служить прелюдіей къ немедленному упраздненію мастерскихъ. Это ожиданіе казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что и Собраніе присоединилось въ общемъ къ рѣшенію комиссіи. Въ засѣданіи 29 мая оно заслушало докладъ своего комитета по рабочему вопросу, докладъ, составленный молодымъ легитимистомъ виконтомъ де Фаллу (Falloux), принадлежавшимъ къ кружку перешедшей изъ православія въ католичество госпожи Свѣчиной. Какъ и слѣдовало ожидать, докладъ содержалъ суровое осужденіе мастерскихъ. «Въ настоящее время—говорилось въ немъ—національныя мастерскія представляютъ не что иное, какъ постоянную и организованную стачку

съ ежедневнымъ содержаніемъ въ 170000 франковъ, съ годичнымъ бюджетомъ въ 45 милліоновъ; съ политической точки зрѣнія это—дѣятельный очагъ угрожающаго броженія; съ точки зрѣнія финансовой это—повседневное и явное расточеніе народныхъ средствъ; съ точки зрѣнія моральной это—система очевиднаго развращенія трудящихся». Въ виду всего этого докладчикъ предлагалъ замѣнить поденную плату сдѣльной, выслать изъ Парижа всѣхъ рабочихъ, проживающихъ менѣе трехъ мѣсяцевъ въ столицѣ, и открыть спеціальные кредиты, дабы ускорить возобновленіе департаментскихъ, коммунальныхъ и частныхъ работъ и предпріятій путемъ выдачи авансовъ и премій. Принятый Собраніемъ 30 мая и распубликованный 4 іюня, этотъ декретъ въ существѣ дѣла совпадалъ съ постановленіемъ исполнительной комиссіи, хотя и вносилъ въ это послѣднее нѣкоторыя скорѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя облегченія.

Ни то, ни другое рѣшенія не были, однако, приведены въ исполненіе. Цѣлый рядъ обстоятельствъ привелъ къ тому, что окончательное рѣшеніе дѣла было отложено. Волненіе среди рабочихъ, вызванное слухами о декретѣ 23 мая и усиленное отставкой и высылкой Тома, сомнѣнія насчетъ политической цѣлесообразности принятаго рѣшенія, возобновившаяся агитація крайней лѣвой, безпорядки на желѣзныхъ дорогахъ, въ Ліонѣ, въ Перпиньянѣ и въ другихъ мѣстахъ, волненія среди крестьянъ по поводу 45-сантимнаго налога, а, съ другой стороны, усиленная агитація противъ комиссіи въ Собраніи, слухи о стремленіи умѣренныхъ республиканцевъ покончить съ ея существованіемъ и выдвинуть на ея мѣсто военнаго министра, генерала Кавеньяка, долженствующаго спасти республику какъ отъ анархіи, такъ и отъ реакціи,—все это заставило комиссію отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія и обратить всѣ свои силы на укрѣпленіе своей позиціи въ Собраніи.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ эпизодовъ этой глухой борьбы было обсужденіе вопроса о допущеніи судебнаго преслѣдованія Луи Блана за соучастіе въ движеніи 15 мая. За нападеніемъ на него скрывалось, повидимому, нападеніе на Ледрю-Роллена и на Ламартина, которыхъ подозрѣвали въ слишкомъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ революціонерами и въ готовности считаться съ ихъ настроеніями и желаніями. Ссылаясь на данныя предварительнаго слѣдствія по дѣлу 15 мая, генеральный прокуроръ Портали (Portalis) требовалъ, чтобы Собраніе разрѣшило судебное преслѣдованіе противъ Луи Блана, и 31 мая начались дебаты по этому вопросу. Луи Бланъ защищался съ большой энергіей, указывая на полное отсутствіе сколько-нибудь серьезныхъ уликъ противъ него и на опасность создаваемаго такимъ путемъ прецедента. Министръ юстиціи Кремьё предложилъ, тѣмъ не менѣе, передать вопросъ на разсмотрѣніе особой комиссіи. Комиссія была избрана большинствомъ 15 противъ 3 голосовъ, рѣшила высказаться въ пользу предложенія генеральнаго прокурора и избрала своимъ докладчикомъ Жюля Фавра, состоявшаго въ то же время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Докладъ былъ прочитанъ въ засѣданіи 2 іюня и послужилъ поводомъ къ чрезвычайно бурнымъ и запутаннымъ преніямъ.

Наиболѣе слабый пунктъ доклада, какъ и ходатайства генеральнаго прокурора, заключался въ томъ, что онъ не приводилъ никакихъ серьезныхъ соображеній въ пользу необходимости такого серьезнаго шага, какъ лишеніе одного изъ депутатовъ присущей ему, какъ таковому, неприкосновенности. «Комиссія—говорилось въ

докладѣ—полагаетъ, что слѣдуетъ дать требуемое генеральнымъ прокуроромъ разрѣшеніе. Это ея мнѣніе не будетъ сопровождаться никакими разъясненіями и притомъ по слѣдующей причинѣ. Комиссія извлекла основанія для своего мнѣнія изъ матеріаловъ процедуры, тайна которой установлена нашими законами,—матеріаловъ, говорить о коихъ мы не можемъ, не нарушая нашего долга... Достаточно одного сомнѣнія, чтобы Франція поторопилась разъяснить дѣло. Таково же должно быть и желаніе нашего коллеги, и мы полагали бы, что нарушаемъ его наиболѣе драгоцѣнные интересы, если бы мы его осудили пользоваться выгодами неприкосновенности, которая заслонила бы истину».

Ясно, что эта аргументація могла быть столь же удобно примѣнена къ любому случаю, и что она дѣлала неприкосновенность депутата совершенно иллюзорной. Не удивительно поэтому, что рядъ депутатовъ протестовалъ противъ такого рѣшенія, и дѣло кончилось тѣмъ, что Собраніе отвергло предложеніе комиссіи большинствомъ 369 противъ 337 голосовъ. Но дебаты показали на этотъ разъ, что среди самого правительства царили несогласія. Особенно характернымъ было въ этомъ смыслѣ выступленіе Жюля Фавра, говорившаго о «необходимости твердой и энергичной власти». Въ этомъ содержалось косвенное осужденіе исполнительной комиссіи, къ которому вскорѣ присоединилось и Собраніе, избравшее вышедшаго въ отставку генеральнаго прокурора своимъ вице-президентомъ.

Непосредственно послѣ этого инцидента совершилось другое событіе неизмѣримо большей важности—выступленіе принца Людовика-Наполеона Бонапарта, будущаго Наполеона III, на политической аренѣ. На 4 іюня были назначены дополнительные выборы въ Собраніе, и самымъ серьезнымъ ихъ результатомъ было избраніе Наполеона въ четырехъ департаментахъ. Несмотря на то, что въ числѣ прочихъ избранныхъ въ этотъ день были Тьеръ и генералъ Шангарніэ, впечатлѣніе этого четырехкратнаго избранія могло быть уравновѣшено только избраніемъ цѣлаго ряда крайнихъ радикаловъ, въ томъ числѣ Прудона, Коссидіэра и Пьера Леру, къ которымъ вскорѣ присоединился и избранный тогда же Викторъ Гюго. Характеръ выборовъ представлялся, такимъ образомъ, совершенно яснымъ. Онъ сводился къ усиленію двухъ крайнихъ фланговъ Собранія. Но тогда какъ представители крайней лѣвой были избраны въ Парижѣ, Наполеонъ являлся избранникомъ страны, и его избраніе служило указаніемъ на возможность совершенно неожиданнаго поворота въ развитіи политической жизни страны.

Впослѣдствіи республиканцы считали нужнымъ доказывать, что избраніе Наполеона было результатомъ чрезвычайно интенсивной и располагавшей большими денежными средствами агитаціи. Вѣдь, до этого момента не было и слѣдовъ сколько-нибудь замѣтнаго бонапартистскаго движенія въ странѣ, а самъ претендентъ, претерпѣвшій дважды жалкую неудачу при попыткахъ свергнуть Людовика-Филиппа, считался несомнѣннымъ ничтожествомъ, неспособнымъ вызвать народное сочувствіе или, тѣмъ болѣе, энтузіазмъ. Такая оцѣнка Наполеона III была несомнѣнно ошибочна, но еще болѣе неосновательно было удивленіе по поводу возрожденія бонапартизма. Бонапартистской партіи до этого времени, правда, почти вовсе не было, но бонапартистскія идеи пользовались зато необычайнымъ распространеніемъ среди всѣхъ слоевъ націи. Эпоха іюльской монархіи была недаромъ эпохой не только литературнаго, но

и оффиціальнаго культа Наполеона. Воспоминаніями о немъ увлекалась не только оппозиціонная интеллигенція, желавшая этимъ досадить «непатріотическому» режиму реставраціи и «трусливой», «продававшей національную честь» іюльской монархіи. Гораздо искреннѣе и безраздѣльнѣе увлекалась ими широкая народная масса, забывшая о страшныхъ жертвахъ, которыя вся Франція принесла на алтарь его славы и его могущества, и помнившая лишь объ его великихъ заслугахъ и подвигахъ. Не было нужды въ бонапартистской партіи, вся Франція была пропитана бонапартизмомъ.

Этотъ бонапартизмъ существовалъ давно въ скрытомъ видѣ, когда Францію охватилъ повальный страхъ передъ «якобинцами», передъ «коммунистами», передъ революціонной диктатурой Парижа. Этотъ страхъ представляетъ одно изъ тѣхъ событій французскаго народнаго развитія, которыя поистинѣ можно назвать національными—въ томъ смыслѣ, что вся или почти вся нація его пережила. Іюльская революція не произвела и отдаленно однороднаго впечатлѣнія на массу населенія. А когда этотъ страхъ сталъ національнымъ, тогда вся нація стала искать средства для устраненія опасности. При весьма низкомъ политическомъ развитіи массы это средство не могло заключаться въ идеѣ или учрежденіи, а исключительно только въ опредѣленной личности. Сначала Ламартинъ имѣлъ шансы сдѣлаться этой личностью, но его погубили газетная агитація по поводу его союза съ Ледрю-Ролленомъ и, въ особенности, день 15 мая: оказалось, что онъ не есть та сила, которая способна отстоять то, что народъ желалъ защитить противъ коммунистовъ. Народъ сталъ искать иного спасителя, и когда небольшой и не располагавшій сколько-нибудь значительными средствами, но дѣятельный кружокъ бонапартистовъ напомнилъ ему, что существуетъ племянникъ и законный наслѣдникъ великаго Наполеона, взоры народа обратились на него. Всякое новое проявленіе соціальной опасности должно было усилить это настроеніе. Въ 1848 г. революціонныя настроенія были не только чужды народной массѣ, они были ей подозрительны и даже ненавистны. Послѣдніе 33 года были эпохой мира и огромнаго роста матеріальнаго благосостоянія, а потому народу было не до свободы и ея защиты; онъ мечталъ лишь о порядкѣ и о возможности отдаваться спокойно своей привычной хозяйственной дѣятельности. Онъ былъ готовъ признать республику, но лишь при условіи сохраненія и укрѣпленія порядка. Какъ только порядокъ оказался въ опасности, народная масса также стала искать жандарма, какъ и самые ярые монархисты. Бонапартистская агитація здѣсь не причемъ, или, вѣрнѣе, роль ея была чрезвычайно скромна.

Въ тотъ моментъ, когда избраніе Наполеона стало извѣстнымъ, лишь очень немногіе изъ республиканцевъ сознали страшную опасность, грозившую новому государственному строю. Незадолго до 4 іюня Креміё, въ качествѣ министра юстиціи, отнесся вполнѣ сочувственно къ возбужденному въ Національномъ Собраніи вопросу объ отмѣнѣ законовъ 1816 и 1832 гг., изгонявшихъ Бонапартовъ изъ Франціи [1]).

[1]) Собраніе успѣло уже утвердить къ этому времени выборы сына Іеронима Бонапарта, сына Люсьена Бонапарта и сына Мюрата (избранныхъ въ Корсикѣ и въ департаментѣ Lot). Предложеніе объ отмѣнѣ законовъ 1816 и 1832 гг. внесъ Саррю и повторилъ Піэтри, позднѣе полицейскій префектъ Наполеона III.

«Слава Наполеона—заявилъ онъ—принадлежитъ Франціи... Проскрипція его семьи была бы срамомъ (une honte) для Франціи. Утверждать, что законъ 1832 г. могъ пережить хотя бы на часъ побѣду на февральскихъ баррикадахъ, это значило бы почти совершить преступленіе». Собраніе почти единогласно постановило приступить въ дальнѣйшемъ къ обсужденію этого вопроса. Замѣчанія депутата Валетта, выразившаго изумленіе по поводу рѣчи министра, были встрѣчены ропотомъ.

Избраніе Наполеона, правда, измѣнило нѣсколько это настроеніе. «Народъ позволилъ себѣ только-что барскую фантазію—писалъ Прудонъ.—Дай Богъ, чтобы это была послѣдняя»! Исполнительная комиссія скоро убѣдилась, что эта надежда не вполнѣ основательна. Полиція повсемѣстно сталкивалась съ тѣмъ, что признавалось бонапартистской агитаціей, и что на самомъ дѣлѣ было нѣчто гораздо болѣе грозное, а именно: обращеніе общенаціональной наполеоновской легенды въ живую силу. Шумъ, вызванный выборами 4 іюня, привелъ лавину народнаго настроенія въ движеніе. Съ этого времени количество стремившихся къ наполеоновскому режиму стало чрезвычайно быстро возрастать, и особенно любопытно то обстоятельство, что бонапартизмъ проявлялся не только среди буржуазіи и крестьянства, но и среди рабочихъ. Крикъ: да здравствуетъ Наполеонъ! чередовался нерѣдко съ крикомъ: да здравствуетъ Барбесъ!—соединеніе, которое свидѣтельствовало о глубинѣ народнаго чувства къ памяти Наполеона I. Къ 10 декабря 1848 г. число поданныхъ за Наполеона, какъ президента республики, голосовъ достигло 5434226 изъ общаго числа поданныхъ тогда 7327345 голосовъ. Никакая агитація не можетъ создать въ полгода такіе результаты. Они были созданы наполеоновской легендой и жаждой сильной власти, вытекавшей изъ всеобщаго чувства страха за завтрашній день, всеобщаго недовольства сегодняшнимъ днемъ.

Предвидя послѣ дополнительныхъ выборовъ 4 іюня возможность возрожденія бонапартизма, исполнительная комиссія рѣшила тогда прибѣгнуть къ еще неотмѣненнымъ законамъ объ изгнаніи Бонапартовъ. Приказомъ отъ 12 іюня она предписала всѣмъ префектамъ и генеральнымъ прокурорамъ арестовать Людовика Бонапарта, буде онъ появится во Франціи. Она повторила такимъ путемъ только то, что она сдѣлала сейчасъ же послѣ 24 февраля, когда принцъ пріѣхалъ въ Парижъ и пожелалъ служить своему отечеству, по его увѣренію, какъ обыкновенный гражданинъ: тогда временное правительство извѣстило его, что Франція не нуждается въ его услугахъ, и что онъ долженъ покинуть ея предѣлы. Тогда принцъ повиновался безпрекословно. Но теперь обстоятельства измѣнились. Онъ уже не былъ простымъ претендентомъ, потерпѣвшимъ дважды неудачу. Онъ былъ избранникомъ народа. Формальное право было и теперь на сторонѣ комиссіи, но можно было очень сомнѣваться, слѣдуетъ ли опираться на это право противъ народной воли. Что, если послѣ кассаціи состоявшихся выборовъ народъ снова и снова выберетъ Наполеона, если движеніе разрастется, если на почвѣ борьбы съ нимъ произойдутъ безпорядки, быть-можетъ, кровопролитіе, если преслѣдуемый властью принцъ и его сторонники будутъ окружены ореоломъ мученичества?

Эти соображенія имѣли безспорно большой вѣсъ. Исполнительная комиссія рѣшила не обращать на нихъ вниманія, а бонапартистская манифестація, состоявшаяся того же 12 іюня передъ дворцомъ Собранія, помогла ей убѣдить и самое

Собраніе въ необходимости рѣшительныхъ мѣръ. Вопросъ о Бонапартахъ не стоялъ собственно, на очереди, но манифестація дала поводъ коснуться его, и палата выразила Ламартину шумное одобреніе, когда онъ заявилъ, что комиссія будетъ строго придерживаться закона 1832 г.

Но уже на другой день положеніе измѣнилось самымъ радикальнымъ образомъ. Какъ-разъ въ этотъ день должно было состояться разрѣшеніе вопроса объ утвержденіи выборовъ 4 іюня. Докладъ объ избраніи Наполеона, составленный и прочитанный Жюлемъ Фавромъ, предлагалъ утвердить это избраніе; въ немъ напоминалось о проявленной Собраніемъ готовности отмѣнить законъ 1832 г. и о заявленіи Креміё, говорилось о странности быстраго поворота въ настроеніи комиссіи, о неосновательности проявленнаго ею страха, объ опасности оставить законъ 1832 г. въ силѣ, послѣ того какъ всеобщее голосованіе четыре раза высказалось за Наполеона. Несмотря на весьма разумныя возраженія Ледрю-Роллена, указавшаго на то, что принцъ, выступившій дважды претендентомъ, не можетъ быть приравненъ къ обычнымъ гражданамъ, пока онъ не откажется торжественно отъ всякихъ притязаній на власть надъ Франціей, большинство Собранія высказалось за утвержденіе представленнаго ему доклада и отмѣнило тѣмъ самымъ законъ 1832 г., поскольку онъ относился къ Бонапартамъ. За докладъ Фавра голосовали самые разнообразные элементы: монархисты, готовые затруднить положеніе республики, республиканцы, недовольные исполнительной комиссіей, и доктринеры народовластія, въ родѣ Луи Блана.

Исполнительной комиссіи оставалось только либо сложить свои полномочія, либо подчиниться. Не желая раздувать инцидента и содѣйствовать такимъ путемъ усиленію произведеннаго избраніемъ Наполеона впечатлѣнія, комиссія рѣшила вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. Но авторитету ея былъ нанесенъ новый сильный ударъ, а письмо Наполеона, посланное имъ изъ Лондона на имя президента Національнаго Собранія, не было способно разсѣять ея опасенія. «Господинъ президентъ»,— писалъ Наполеонъ,—«я собирался занять свое мѣсто, когда я узналъ, что мое избраніе служитъ поводомъ для достойныхъ сожалѣнія волненій, для роковыхъ ошибокъ. Я не искалъ чести быть представителемъ народа; еще меньше я буду стремиться къ власти. Если народъ возложитъ на меня обязанности, я сумѣю ихъ осуществить. Но я дезавуирую всѣхъ тѣхъ, кто бы мнѣ приписалъ честолюбивыя намѣренія, коихъ я не имѣю. Мое имя является символомъ порядка, національныхъ чувствъ и славы, и мнѣ было бы чрезвычайно больно видѣть, что оно способно содѣйствовать усиленію отечественныхъ волненій и раздоровъ. Я предпочту остаться въ изгнаніи, дабы избѣжать такого несчастія; я готовъ на всякія жертвы ради интересовъ Франціи».

Доложенное 15 іюня Національному Собранію, согласно желанію Наполеона, это посланіе вызвало чрезвычайное волненіе и послужило поводомъ для гнѣвныхъ восклицаній Кавеньяка, для презрительныхъ отзывовъ республиканцевъ. Подъ вліяніемъ этого факта, президентъ получилъ на другой же день новое письмо принца, въ которомъ онъ выражалъ чувство гордости по поводу своего четырехкратнаго избранія и заявлялъ, что онъ считаетъ себя обязаннымъ отказаться отъ врученныхъ ему полномочій, такъ какъ они подали поводъ къ безпорядкамъ. Вопросъ о бонапартистской опасности былъ, такимъ образомъ, отодвинутъ на задній планъ, и

можно было снова заняться очередными дѣлами. А это значило, что предстоитъ снова заняться національными мастерскими, вопросъ о которыхъ продолжалъ занимать всѣхъ.

Какъ мы видѣли, принципіально вопросъ о судьбѣ мастерскихъ былъ рѣшенъ еще къ началу іюня, но практически онъ остался въ прежнемъ видѣ. Количество безработныхъ, числившихся въ спискахъ мастерскихъ, возросло даже до 117000, а работы не прибавилось, и характеръ этой работы также не измѣнился. Правительство разрабатывало, правда, проекты большихъ работъ по проведенію каналовъ и желѣзныхъ дорогъ въ долинахъ Марны и Сены, на Западѣ и въ славившейся своимъ нездоровымъ климатомъ Солоньѣ. Въ засѣданіи 7 іюня Трела, правда, утверждалъ, что «національныя мастерскія преобразованы, что въ нихъ не царитъ больше агитаціи, что не слышно больше жалобъ, и что сдѣльная плата будетъ проведена повсемѣстно». На самомъ дѣлѣ, однако, все оставалось по-старому. Мало того. Положеніе даже ухудшилось, такъ какъ рабочіе были взволнованы слухами о новомъ измѣненіи въ ихъ положеніи, и такъ какъ они, въ связи съ этимъ, стали еще болѣе охотно прислушиваться къ рѣчамъ агитаторовъ. Радикальныя газеты: «Робеспьеръ», «Карманьола», «Красная республика», «Организація труда» и др., пріобрѣтали съ каждымъ днемъ все большее вліяніе на нихъ. Одна изъ этихъ газетъ дошла до того, что напечатала 8 іюня поименный списокъ банкировъ, нотаріусовъ и мѣнялъ съ указаніемъ ихъ адресовъ: никто не сомнѣвался, что этотъ списокъ представляетъ скрытый призывъ къ грабежу. Начиная съ голосованія 30 мая, улицы въ рабочихъ кварталахъ каждый вечеръ переполняются народомъ. При появленіи вооруженной силы толпа разступается, чтобы сомкнуть свои ряды немедленно снова. Выборы 4 іюня, давшіе въ Парижѣ пять крайнихъ демократовъ на 11 избранныхъ, служили выраженіемъ этого настроенія. «Настала открытая борьба между порядкомъ и безпорядкомъ»,—такъ комментировала эти выборы одна изъ консервативныхъ газетъ,—«между истинными принципами современныхъ обществъ и такъ наз. соціальными доктринами, на самомъ дѣлѣ ниспровергающими всякое общество. Въ этомъ и заключается существо всего дѣла».

Въ засѣданіи 7 іюня Національное Собраніе спѣшно приняло законъ противъ всякаго рода уличныхъ сборищъ, какъ вооруженныхъ, такъ и невооруженныхъ. Были произведены многочисленные аресты. Въ печати и въ Собраніи раздавались угрозы противъ клубовъ и противъ печати. Но положеніе оставалось неизмѣннымъ, и страхъ предъ грядущими событіями постоянно усиливался.

«Можно сказать,—разсказываетъ Токвиль,—что все время, прошедшее отъ празднества 21 мая до іюньскихъ дней, было заполнено страхомъ, вызываемымъ приближеніемъ этихъ дней Каждый день все новыя волненія вызывали національную гвардію и войско на улицу; ремесленники и буржуа не жили больше въ своихъ домахъ, а на публичныхъ площадяхъ, и были вѣчно вооружены. Всѣ горячо желали избѣжать необходимости конфликта, и всѣ смутно чувствовали, что эта необходимость становилась съ каждымъ днемъ все болѣе неизбѣжной. Національное Собраніе находилось до такой степени подъ властью этой мысли, точно оно читало на четырехъ стѣнахъ своего зала слова: гражданская война. Со всѣхъ сторонъ дѣлали большія усилія ума и терпѣнія, чтобы устранить или, по крайней мѣрѣ, задержать кризисъ.

Депутаты, бывшіе въ глубинѣ сердца наибольшими врагами революціи, тщательно воздерживались отъ выраженія своихъ антипатій или симпатій; старые парламентскіе вожди молчали, дабы не вызвать самимъ звукомъ своего голоса раздраженіе; они предоставили трибуну новымъ пришельцамъ, которые и сами не занимали ея надолго, ибо большіе споры прекратились. Согласно обычаю всѣхъ собраній, меньше всего говорили о томъ, что занимало всѣ умы, но можно было видѣть, что думаютъ объ этомъ постоянно; предлагались и обсуждались всякаго рода средства, чтобы облегчить народную нищету. Предметомъ обсужденія служили даже разныя соціалистическія системы, и каждый старался добросовѣстно найти въ нихъ что-нибудь примѣнимое или хотя бы совмѣстимое со старыми законами общественной жизни. Тѣмъ временемъ національныя мастерскія продолжали разрастаться... Всѣ чувствовали, что невозможно будетъ существовать, сохраняя ихъ, и всѣ боялись погибнуть, сдѣлавъ попытку ихъ распустить. Жгучій вопросъ о національныхъ мастерскихъ обсуждался ежедневно, но поверхностно и съ опаской; его безпрестанно затрагивали, не рѣшаясь приняться за него. Съ другой стороны, было ясно, что внѣ Собранія разныя партіи дѣятельно готовились къ борьбѣ, какъ бы онѣ ея ни опасались. Богатые легіоны національной гвардіи давали войску и мобильной гвардіи банкеты, гдѣ взаимно побуждали другъ друга къ единенію ради самозащиты. Рабочіе предмѣстій собирали, съ своей стороны, тайкомъ тѣ запасы патроновъ, которые позволили имъ впослѣдствіи выдержать столь долгій бой... Въ провинціи росло негодованіе и раздраженіе противъ Парижа; впервые за 60 лѣтъ рѣшались остановиться на мысли о борьбѣ съ нимъ; тамъ вооружались и ободряли другъ друга, чтобы придти на помощь Собранію; Собраніе получало тысячи адресовъ съ поздравленіями по поводу его побѣды 15 мая. Разстройство торговли, борьба всѣхъ со всѣми, страхъ передъ соціализмомъ дѣлали республику все болѣе ненавистной»...

При такихъ условіяхъ катастрофа была совершенно неизбѣжна. Наступленіе ея было ускорено Національнымъ Собраніемъ, къ которому исполнительная комиссія обратилась 14 іюня съ ходатайствомъ о назначеніи новаго кредита въ 3 милліона франковъ на покрытіе расходовъ по мастерскимъ. Разрѣшить кредитъ значило продлить неопредѣленное положеніе, а Собраніе желало съ нимъ покончить. По предложенію, внесенному Фаллу, вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи,—комиссіи, которой въ то же время были даны самыя широкія полномочія по завѣдыванію мастерскими. Пренія о соціальномъ вопросѣ, возникшія неожиданно на другой день, 15 іюня, показали, что дни мастерскихъ сочтены. Обсужденію подлежалъ вопросъ о колонизаціи Алжира, и Пьеръ Леру воспользовался этимъ вопросомъ, чтобы умолять Собраніе отнестись съ вниманіемъ къ нуждамъ народа. «Народъ—говорилъ онъ—требуетъ новой цивилизаціи. Если вы не хотите выйти за предѣлы старой политической экономіи, если вы хотите уничтожить всѣ обѣщанія не только послѣдней революціи, но всѣхъ временъ французской революціи, если вы не хотите, чтобы христіанство сдѣлало шагъ впередъ, если вы не хотите человѣческой солидарности, то, говорю я вамъ, вы осуждаете старую цивилизацію умереть среди ужасной агоніи». Конкретныя предложенія оратора — примѣненіе принципа ассоціаціи въ организаціи труда, расчистка необработанной земли въ Бретани, Лимузенѣ и Соловьѣ, эмиграція въ Корсику и Алжиръ—не давали, однако, никакого

указанія на то, что слѣдовало предпринять сейчасъ. А этотъ вопросъ и вызывалъ наиболѣе живой интересъ. Никто не сомнѣвался, что сохранить національныя мастерскія нельзя; вопросъ заключался лишь въ томъ, что съ ними сдѣлать? Этого вопроса не рѣшилъ въ сущности и слѣдующій ораторъ, убѣжденный республиканецъ Гушо (Goudchaux). «Нужно,—говорилъ онъ,—чтобы національныя мастерскія исчезли... цѣликомъ; нужно, чтобы онѣ исчезли прежде всего въ Парижѣ, а затѣмъ и въ провинціи; отдайте себѣ въ этомъ ясно отчетъ: нужно не то, чтобы ихъ размѣры сократились, а чтобы онѣ исчезли». Фаллу, Монталамберъ и др. привѣтствовали, правда, Гушо за его рѣчь, но если она формулировала съ полной откровенностью общій взглядъ на мастерскія, то и она не давала никакихъ практическихъ указаній.

Новая отсрочка. 19 іюня Собраніе снова вынуждено заняться тѣмъ же вопросомъ: Фаллу читаетъ докладъ комиссіи, избранной для разсмотрѣнія вопроса о дополнительномъ кредитѣ на мастерскія. Кредитъ утверждается, но Собраніе рѣшаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если понадобятся новые кредиты, то они каждый разъ не должны превышать одного милліона. Полномочія комиссіи въ то же время продолжаются.

Характеръ этихъ рѣшеній былъ таковъ, что исполнительная комиссія не могла себя обманывать насчетъ ихъ значенія. Созданіе спеціальной комиссіи для завѣдыванія мастерскими представляло явное выраженіе недовѣрія по отношенію къ правительству, а ограниченіе будущихъ кредитовъ суммой въ милліонъ франковъ подчиняло ее постоянному придирчивому контролю Собранія.

Видя всеобщее желаніе ликвидировать мастерскія и чувствуя, какъ растетъ недовѣріе къ ея собственной дѣятельности, исполнительная комиссія рѣшила снова проявить энергію. 20 іюня она рѣшила приступить безотлагательно къ осуществленію принятыхъ ею еще мѣсяцъ назадъ рѣшеній, а 21 іюня оффиціальная газета, «Moniteur», напечатала это рѣшеніе, снабдивъ его при этомъ комментаріемъ. «Сами рабочіе—говорилось здѣсь—увидятъ съ удовольствіемъ, что... близится разрѣшеніе вопроса о національныхъ мастерскихъ... Необходимо, чтобы эти мастерскія были распущены, и мы убѣждены, что здравый смыслъ и патріотизмъ помогутъ рабочимъ понять это безъ труда». Рабочіе отъ 18 до 25 лѣтъ отъ роду должны были выбирать между поступленіемъ въ армію и исключеніемъ изъ мастерскихъ, и въ то же время должна была быть ускорена отправка рабочихъ бригадъ въ провинцію. Всѣ эти мѣры—гласило расклеенное по городу объявленіе—подлежатъ неукоснительному и немедленному исполненію. Въ тотъ же день, 22 іюня, пятая часть наличныхъ рабочихъ должна была быть отослана въ установленное мѣсто, чтобы отправка ихъ въ провинцію могла начаться въ тотъ же день.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ распоряженіемъ, было огромно. Въ мастерскихъ царитъ величайшее возбужденіе: еще вечеромъ 21 іюня происходитъ совѣщаніе рабочихъ этихъ мастерскихъ и делегатовъ рабочихъ корпорацій. Послѣ бурныхъ преній участники рѣшаютъ устроить на другой день возможно болѣе грозную манифестацію. Раннимъ утромъ 22 іюня дѣйствительно собирается 1200—1500 человѣкъ, направляющихся подъ начальствомъ нѣкоего Пюжоля къ люксембургскому дворцу. Членъ исполнительной комиссіи, Мари, соглашается принять пять делегатовъ,

но бесѣда принимаетъ сразу чрезвычайно бурный характеръ, такъ какъ Мари не желаетъ говорить съ Пюжолемъ, участвовавшимъ нѣкогда въ движеніи 15 мая и издавшимъ послѣ этого дня одинъ чисто-революціонный памфлетъ. Дѣло кончается тѣмъ, что Мари прибѣгаетъ къ открытой угрозѣ. «Если рабочіе не хотятъ отправиться въ провинцію—восклицаетъ онъ,—мы принудимъ ихъ къ этому силой, вы слышите?—силой»!

Возмущенные оказаннымъ имъ пріемомъ, делегаты возвращаются къ своимъ товарищамъ. «Хлѣба или свинца!», «свинца или труда!»—таковъ отвѣтъ рабочихъ, быстро разносящихъ вѣсть о случившемся по городу. Съ каждымъ часомъ улицы наполняются все большимъ количествомъ народа. Начавшись на лѣвомъ берегу Сены, движеніе быстро перекидывается на правый. Исполнительная комиссія издаетъ приказъ объ арестѣ 56 делегатовъ національныхъ мастерскихъ, въ томъ числѣ Пюжоля, а также пяти рабочихъ, но приказъ остается мертвой буквой: почему-то онъ попалъ только на другой день изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ полицейскую префектуру. Да если бы это и не было такъ, отъ ареста этихъ 61 человѣка ничего не измѣнилось бы.

«Это страшное возстаніе не было дѣломъ извѣстнаго числа заговорщиковъ,—говоритъ справедливо Токвиль,—оно было возстаніемъ цѣлой части населенія противъ другой. Женщины принимали въ немъ такое же участіе, какъ и мужчины. Возставшіе сражались безъ опредѣленнаго лозунга, безъ вожаковъ, безъ знаменъ, и, тѣмъ не менѣе, они сражались съ такимъ поразительнымъ единодушіемъ и такимъ знаніемъ военнаго дѣла, что даже самые старые офицеры поражались имъ». «Это было грубое и слѣпое, но могучее движеніе рабочихъ, стремившихся избавиться отъ неизбѣжныхъ свойствъ ихъ соціальнаго положенія, которое имъ изобразили какъ незаконное порабощеніе, попытка открыть себѣ съ желѣзомъ въ рукахъ путь къ воображаемому счастью, толками о коемъ ихъ убаюкивали. Именно эта смѣсь грубыхъ желаній и ложныхъ теорій и сдѣлала это возстаніе столь страшнымъ... Этихъ несчастныхъ увѣрили въ томъ, что средства богатыхъ представляли въ нѣкоторомъ родѣ продуктъ совершенной по отношенію къ нимъ самимъ кражи. Ихъ увѣрили въ томъ, что неравенство средствъ противорѣчитъ въ такой же мѣрѣ нравственности и интересамъ общества, какъ и природѣ вещей. Подъ вліяніемъ нужды и страстей многіе этому повѣрили. Присоединяясь къ грубой силѣ, это неясное и ошибочное представленіе о правѣ сообщило толпѣ такую энергію, такую стойкость и мощь, какой она никогда не имѣла бы безъ него».

Въ теченіе 22 іюня движеніе имѣло еще достаточно безпорядочный характеръ. Рабочіе бродили толпами по Парижу, а около 6 ч. вечера на площади Пантеона образовалась большая толпа, прошла на площадь Бастиліи, обошла нѣсколько разъ съ пѣніемъ марсельезы расположенную на площади колонну и вернулась около 10 ч. на площадь Пантеона. Здѣсь былъ произнесенъ рядъ рѣчей, послѣ чего собравшіеся разошлись съ криками: да здравствуетъ соціальная революція!, давъ другъ другу обѣщаніе встрѣтиться на другой день на баррикадахъ. Въ общемъ, день прошелъ, однако, сравнительно спокойно, и исполнительная комиссія не сочла нужнымъ принять особыя мѣры предосторожности.

Утромъ 23 іюня безпорядки превратились, однако, уже въ возстаніе. Наиболѣе

дѣятельные участники движенія собрались около 6 ч. снова на площади Пантеона: къ 8 ч. ихъ было около 3000. Въ началѣ девятаго они разсѣялись по городу, призывая къ возстанію и давая повсемѣстно толчекъ къ постройкѣ баррикадъ. Токвиль снова могъ убѣдиться, съ какой ловкостью и чисто-профессіональной сноровкой производилась эта постройка. Баррикады выростали съ необыкновенной быстротой, и становилось очевиднымъ, что предстоитъ ужасный бой.

Какъ только правительство получило донесенія о происходящемъ, были отданы приказанія о вызовѣ всей національной гвардіи какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ. Но вскорѣ выяснилось, что этого мало: легіоны богатыхъ кварталовъ проявили, правда, большое рвеніе, но не такъ было въ бѣдныхъ кварталахъ. Восьмой и двѣнадцатый легіонъ встали на сторону возставшихъ, значительная часть девятаго склонялась въ ихъ пользу; пятый, шестой, седьмой и одиннадцатый вызывали большія сомнѣнія. Весь востокъ Парижа возсталъ, и только западъ подчинялся еще законной власти.

Положеніе приняло настолько угрожающій характеръ, что правительство признало необходимымъ сосредоточить командованіе всей вооруженной силой въ рукахъ военнаго министра Кавеньяка. Еще со времени 15 мая ему было поручено стянуть въ Парижъ войска, и къ 23 іюня гарнизоны Парижа, Версаля и Сенъ-Жермена составляли армію въ 29000 человѣкъ, къ которымъ можно было прибавить еще 12000 мобильныхъ гвардейцевъ. Планъ дѣйствій, несомнѣнно, обсуждался уже не разъ и былъ установленъ заранѣе; когда Токвиль выразилъ 23 іюня генералу Ламорисіеру свое удивленіе, почему войска не дѣйствуютъ энергичнѣе и начали выступать только тогда, когда возстаніе охватило половину Парижа, и мѣстами уже произошли кровавыя схватки возставшихъ съ національной гвардіей, генералъ ему отвѣтилъ: «Терпѣнія! Мы выступаемъ. Неужели вы думаете, что мы будемъ такъ глупы, чтобы разбивать нашихъ солдатъ въ такой день, какъ нынѣшній, на мелкіе отряды по маленькимъ улицамъ предмѣстій? Нѣтъ, нѣтъ! Мы даемъ возставшимъ сконцентрироваться въ тѣхъ кварталахъ, которыхъ мы не можемъ отстоять, а потомъ мы двинемся туда, чтобы ихъ уничтожить. На этотъ разъ они отъ насъ не уйдутъ». Самъ Кавеньякъ изложилъ свой планъ утромъ того же дня исполнительной комиссіи: онъ исходилъ изъ опыта іюльской и февральской революціи и доказывалъ, что разъ возстаніе вспыхнуло, на войска слѣдуетъ возлагать не полицейскую службу, дробящую ихъ силы и подрывающую ихъ дисциплину, а исключительно военныя функціи. Дѣйствовать большими массами, оберегать тщательно связь между отрядами, обезпечить имъ возможность отдыха и возстановленія своихъ силъ—таковы были главныя задачи, которыя преслѣдовалъ Кавеньякъ. Впервые за много десятилѣтій предполагалось вести настоящую войну съ возставшими. Министръ внутреннихъ дѣлъ Рекюръ, правда, протестовалъ противъ этой идеи, а старикъ Араго говорилъ, что надо помѣшать возведенію баррикадъ, дабы не быть вынужденнымъ брать ихъ съ бою, но остальные члены правительства не возражали Кавеньяку: оказавшись неспособными предупредить конфликтъ, они не чувствовали себя въ силѣ возражать противъ доводовъ спеціалиста военнаго дѣла.

Въ результатѣ Кавеньякъ основалъ свою главную квартиру во дворцѣ Національнаго Собранія и стянулъ свои войска въ центръ Парижа. Ламорисіеръ дол-

женъ былъ охранять линію бульваровъ, Бедо—ратушу, Дамемъ—площадь Пантеона, каждый изъ нихъ долженъ былъ атаковать ближайшія позиціи возставшихъ и оттѣснить ихъ на востокъ, гдѣ предстояла послѣдняя и наиболѣе трудная задача. Самое большое затрудненіе представлялъ вопросъ о поведеніи мобильной гвардіи, набранной среди той же рабочей молодежи. Событія, правда, показали, что относившіяся къ ней опасенія были неосновательны,—мобильная гвардія вскорѣ прославилась своей свирѣпостью,—но въ данный моментъ никто не могъ сказать, не перейдетъ ли она на сторону возстанія. Поневолѣ приходилось думать о возможности вызова трехъ бригадъ резервной дивизіи альпійской арміи, расположенныхъ по дорогѣ въ Ліонъ.

Съ полудня 23 іюня бой сталъ всеобщимъ, и вскорѣ выяснилось, что онъ будетъ еще болѣе труднымъ, чѣмъ предполагали. Весь городъ былъ въ страшномъ возбужденіи. «Весь рабочій классъ участвовалъ активно или въ душѣ въ этой борьбѣ,—говоритъ Токвиль. Духъ возмущенія охватилъ весь этотъ обширный классъ и всѣ его части отъ края до края и циркулировалъ въ немъ, какъ кровь въ тѣлѣ; онъ наполнялъ какъ кварталы, гдѣ не сражались, такъ и кварталы, служившіе полемъ битвы; онъ проникъ въ наши дома, былъ вокругъ насъ, подъ нами и надъ нами. Даже тѣ мѣста, гдѣ мы считали себя господами положенія, кишѣли домашними врагами; весь Парижъ былъ какъ бы охваченъ атмосферой гражданской войны, и куда бы мы ни удалились, приходилось жить среди нея». Прислуга, швейцары, мелкіе лавочники,—все стояло въ душѣ на сторонѣ возставшихъ не потому, чтобы они сражались за соціалистическія идеи, а потому, что закрытіе національныхъ мастерскихъ осуждало многое множество людей на голодовку. Когда старикъ Араго сдѣлалъ въ день 23 іюня попытку воспользоваться своей огромной популярностью среди всѣхъ слоевъ парижскаго населенія и убѣдить возставшихъ сложить оружіе, нѣкоторые изъ нихъ подошли къ нему, пожали ему руку и говорили: «Господинъ Араго, вы не знаете, что такое нищета; вы никогда не ощущали голода». Всѣ тѣ, кто когда-либо голодалъ или имѣлъ основаніе думать, что когда-нибудь ему придется голодать,—всѣ тѣ, кто не могъ найти раціональныхъ основаній, почему однимъ суждено голодать или нести непосильный, изнуряющій трудъ, а другимъ пользоваться благами культурной жизни,—всѣ они надѣялись на успѣхъ возстанія.

Но именно этотъ классовый характеръ возстанія укрѣплялъ позицію его враговъ. «Если бы возстаніе имѣло менѣе радикальный характеръ и менѣе устрашающій видъ,—говоритъ совершенно справедливо тотъ же Токвиль,—то большая часть буржуа осталась бы, вѣроятно, въ своихъ домахъ; Франція не поспѣшила бы къ намъ на помощь; само Національное Собраніе, быть-можетъ, уступило бы; извѣстное меньшинство его членовъ, во всякомъ случаѣ, посовѣтовало бы уступить, и энергія всего Собранія была бы тѣмъ самымъ поколеблена. Но природа возстанія была такова, что всякій компромиссъ съ нимъ показался сразу невозможнымъ, и что съ самаго перваго момента не было другого выбора, какъ побѣдить или погибнуть».

Въ теченіе всего дня и вечера 23 іюня бой не прерывался по всей линіи, и хотя войска и одержали нѣкоторые успѣхи, но возстаніе отнюдь не было сломлено, потери войскъ и офицерами и солдатами были велики, и Кавеньяку пришлось двинуть въ дѣло даже резервъ, чтобы поддержать Ламорисіера, а патроны были израсходованы

въ такомъ огромномъ количествѣ, что пришлось посылать ночью въ Венсаннъ, чтобы продолжать на другой день бой. Только къ этому времени всѣ поняли всю опасность положенія. Членъ Національнаго Собранія Викторъ Консидеранъ, ученикъ Фурье, сдѣлалъ попытку воспользоваться этимъ настроеніемъ и заговорилъ объ уступкахъ, но онъ былъ остановленъ раздавшимися со всѣхъ сторонъ криками: «къ порядку! Нельзя объ этомъ говорить раньше побѣды»!

Страхъ передъ возстаніемъ осложнялся недовѣріемъ къ исполнительной власти. Это недовѣріе проявлялось всюду: въ Собраніи, постановившемъ какъ-разъ въ этотъ день потребовать у временнаго правительства и исполнительной комиссіи отчета въ расходованіи государственныхъ средствъ, въ національной гвардіи, среди войска. А между тѣмъ исполнительная комиссія дѣлала все, что отъ нея зависѣло: Ламартинъ и Араго дѣлали попытки уговорить возставшихъ; Ледрю-Ролленъ предписалъ префектамъ трехъ сосѣднихъ департаментовъ направить всю національную гвардію и всѣ свободныя войска въ Парижъ, вызвалъ морскіе экипажи изъ Бреста и Шербурга, велѣлъ бить тревогу, чтобы созвать всю національную гвардію, и т. д. Но все это не могло усыпить старыхъ предубѣжденій. Характерно, что умѣренно-республиканскіе депутаты Ландренъ, Дюку и Латрадъ вступили уже 22 іюня въ переговоры съ Кавеньякомъ и запросили его, готовъ ли онъ, въ случаѣ надобности, принять на себя бремя исполнительной власти, а Кавеньякъ далъ условно свое согласіе. Вечеромъ того же дня объ этомъ было сообщено исполнительной комиссіи и вожакамъ правой, которые отнеслись сочувственно къ этой идеѣ. 23 іюня снова была сдѣлана попытка побудить комиссію сложить свои полномочія, но она осталась безуспѣшной. Тогда иниціаторы дѣла начали усиленно агитировать среди депутатовъ. Можно было ожидать, что день 24 іюня кончится отставкой комиссіи. Ростъ возстанія устранилъ скоро всякія колебанія.

Ночь съ 23 на 24 іюня прошла безпокойно, возставшіе приготовляли снаряды, возстанавливали баррикады и старались привлечь возможно большее количество народа въ свои ряды. Къ утру 24 іюня они захватили площадь Пантеона на правомъ берегу рѣки, а на лѣвомъ они заняли нѣсколько важныхъ пунктовъ, забрали большое количество оружія и патроновъ и придвинулись настолько къ городской ратушѣ, что можно было опасаться, какъ бы она не попала скоро въ ихъ руки; одинъ батальонъ 18 полка сдался. Національное Собраніе было страшно возбуждено. Тьеръ уже совѣщался съ нѣкоторыми депутатами, не слѣдуетъ ли покинуть Парижъ, перевести Собраніе въ другое мѣсто, стянуть тамъ войска и національную гвардію всей Франціи и двинуться затѣмъ на Парижъ. Но эта мысль показалась преждевременной, и Собраніе остановилось на другомъ рѣшеніи. Такъ какъ исполнительная комиссія заявила, что она сложитъ свои полномочія лишь въ случаѣ формально выраженнаго желанія Собранія, дабы нельзя было ее обвинить въ бѣгствѣ, то Паскаль Дюпра внесъ слѣдующее предложеніе: «Парижъ объявляется въ осадномъ положеніи. Вся власть сосредоточивается въ рукахъ генерала Кавеньяка». Осадное положеніе, военная диктатура и все, что изъ этого вытекало, вызвали въ первый моментъ нѣкоторое колебаніе. Тогда появился на трибунѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Бастидъ. «Я умоляю васъ во имя отечества,—сказалъ онъ,—кончите ваши разсужденія и голосуйте возможно скорѣе: черезъ часъ, быть-можетъ, город-

ская ратуша будетъ взята». Эти слова, сказанныя съ большой горечью и глубокимъ убѣжденіемъ, рѣшили вопросъ. Большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 50—60, въ томъ числѣ противъ голоса Токвиля, «питавшаго естественную ненависть и ужасъ по отношенію къ военной тиранніи», предложеніе Паскаля было принято. Предложеніе Жюля Фавра и Кантенъ-Бошара добавить къ нему слова: «исполнительная комиссія прекращаетъ немедленно свою дѣятельность» было отвергнуто. Будучи фактически ненужнымъ, оно придавало бы рѣшенію Собранія характеръ мѣры, вытекающей изъ личнаго раздраженія. Исполнительная комиссія сложила и безъ того немедленно свои полномочія.

Параллельно съ передачей власти въ руки Кавеньяка Собраніе приняло два другихъ рѣшенія, цѣль которыхъ заключалась въ поднятіи духа его защитниковъ. Оно рѣшило, что семьи тѣхъ, кто погибнетъ въ бою, будутъ обезпечены пенсіями, а дѣти ихъ будутъ усыновлены республикой, и что 60 членовъ Собранія обойдутъ всѣ отряды національной гвардіи, чтобы укрѣпить ея энергію, сообщивъ имъ о декретахъ Собранія. Кавеньякъ и президентъ Собранія Сенаръ обратились съ своей стороны къ національной гвардіи, къ войску и къ возставшимъ съ соотвѣтственными прокламаціями. «Вы полагаете, что сражаетесь ради интересовъ рабочихъ; вы ведете борьбу противъ нихъ»,—гласила прокламація Кавеньяка къ возставшимъ.—Во имя окровавленнаго отечества, во имя республики, которую вы губите, во имя труда, котораго вы требуете, и въ которомъ вамъ никогда не отказывали, обманите надежды вашихъ враговъ, сложите ваше братоубійственное оружіе и будьте увѣрены, что правительство, знающее, что въ вашихъ рядахъ имѣются преступные подстрекатели, знаетъ также, что въ этихъ рядахъ есть и братья, сбитые лишь съ толку,—братья, которыхъ оно призываетъ броситься въ объятія отечества»...

На ряду съ этими безплодными увѣщаніями Кавеньякъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть и къ другимъ мѣрамъ: въ Парижъ были вызваны всѣ войска второй и третьей дивизій. Никто не сомнѣвался, что бой будетъ продолжаться, несмотря на всѣ уговоры. Но уже появлялись первые признаки, позволявшіе Кавеньяку надѣяться, что побѣда останется за нимъ: съ 10 ч. утра въ Парижъ начали прибывать отряды провинціальной національной гвардіи. Выяснялось, что страна собирается поддержать Національное Собраніе активно противъ Парижа. «Тысячи людей, пришедшихъ со всѣхъ концовъ Франціи, вступали тогда въ городъ по всѣмъ дорогамъ, не находившимся во власти возставшихъ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, уже теперь они являлись съ разстоянія въ 50 льё, несмотря на то, что бой начался лишь наканунѣ вечеромъ. На другой и на слѣдующіе дни они являлись съ разстоянія въ сто и двѣсти льё. Эти люди принадлежали ко всѣмъ классамъ общества безъ различія; среди нихъ было много крестьянъ, много буржуа, много крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ, и всѣ они были смѣшаны и соединены вмѣстѣ. Ихъ вооруженіе было безпорядочно и недостаточно, но они устремлялись въ Парижъ съ несравненной горячностью; это было столь же странное и новое зрѣлище въ нашихъ революціонныхъ анналахъ, какъ и самое возстаніе. Съ этого момента становилось очевиднымъ, что мы побѣдили, ибо возставшіе не имѣли въ своемъ распоряженіи свѣжихъ силъ, а намъ, намъ вся Франція служила резервомъ» (Токвиль).

Вѣсть о декретахъ Національнаго Собранія вызывала среди его сторонниковъ самое горячее сочувствіе. «Я замѣтилъ, — разсказываетъ Токвиль, который участвовалъ въ обходѣ національной гвардіи, — что національные гвардейцы были довольны, когда имъ объявляли, что Парижъ находится въ осадномъ положеніи, а когда имъ говорили, что исполнительная комиссія низвержена, они издавали крики радости. Никогда ни одинъ народъ не былъ такъ доволенъ, что онъ избавился отъ своей свободы и отъ своего правительства». Борьба съ іюньскимъ возстаніемъ служила предвѣріемъ къ имперіи. «Никогда національная гвардія не была исполнена такой рѣшимости, и я думаю, что нечего разсчитывать, что она проявитъ такую же рѣшимость другой разъ, ибо ея мужество было мужествомъ необходимости и отчаянія». Идея классовой борьбы давала свои первые кровавые всходы.

Бой продолжался цѣлый день, и даже тамъ, гдѣ массы возставшихъ были вынуждены отступить, стрѣльба и кровопролитіе не прекращались. «Въ моментъ, когда вы ожидали этого меньше всего, васъ разстрѣливали изъ какого-нибудь отверстія въ стѣнѣ, а когда проникали въ домъ, то находили тамъ ружье, но не находили стрѣлка, успѣвшаго скрыться черезъ заднюю дверь, пока взламывали переднюю. Національнымъ гвардейцамъ было поэтому предписано настоять на томъ, чтобы всѣ ставни были открыты, и стрѣлять по всѣмъ, показывающимся у оконъ; они исполняли этотъ приказъ настолько буквально, что чуть не убили нѣсколько любопытныхъ, которыхъ видъ нашихъ шарфовъ побудилъ высунуть носъ изъ окна». «Парижъ напомнилъ мнѣ въ этотъ день какой-нибудь античный городъ, граждане котораго геройски защищали свои стѣны, потому что они знали, что если городъ будетъ взятъ, сами они будутъ обращены въ рабство».

Несмотря на всѣ старанія своихъ враговъ, возставшіе потерпѣли, однако, лишь на правомъ берегу Сены болѣе серьезное пораженіе. Здѣсь генералъ Дамемъ, смертельно раненый къ вечеру, заставилъ ихъ очистить почти всѣ занятыя ими позиціи. Партизанская война продолжалась, правда, и здѣсь мѣстами, но возстаніе можно было считать подавленнымъ. Другое дѣло на лѣвомъ берегу: здѣсь войска подвигались лишь крайне медленно впередъ, и хотя городская ратуша и была уже внѣ опасности, но никакихъ рѣшительныхъ ударовъ возставшіе здѣсь не испытали. А, между тѣмъ, потери войскъ были велики: нѣкоторыя роты потеряли болѣе четверти своего состава убитыми и ранеными. «Кто могъ предвидѣть впечатлѣніе боя, исходъ котораго оставался такъ долго неяснымъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи и въ особенности въ большихъ рабочихъ центрахъ въ родѣ Ліона»?

Съ ранняго утра 25 іюня борьба возобновилась, принимая все болѣе и болѣе ожесточенныя формы, какъ это свойственно уличному бою, да еще на почвѣ гражданской войны. Самая продолжительность боя содѣйствовала остервенѣнію борющихся. Вотъ, напр., картина настроенія національныхъ гвардейцевъ, переданная Токвилемъ. «Когда я проходилъ по набережной, я встрѣтилъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ изъ моего сосѣдства, несшихъ нѣкоторыхъ изъ своихъ раненыхъ товарищей и двухъ офицеровъ на носилкахъ. Бесѣдуя съ ними, я замѣтилъ, съ какой устрашающей быстротой самые мирные люди проникаются даже въ такое культурное время, какъ наше, чувствами, свойственными гражданской войнѣ, и какъ внезапно

распространяются въ такія несчастныя времена вкусъ къ насилію и пренебреженіе къ человѣческой жизни. Люди, съ которыми я тогда бесѣдовалъ, были спокойными и мирными ремесленниками, мягкій и нѣсколько дряблый нравъ коихъ былъ еще болѣе чуждъ жестокости, чѣмъ героизма. А между тѣмъ они мечтали лишь о разрушеніи и избіеніи. Они жаловались, что противъ возставшихъ кварталовъ не прибѣгаютъ къ бомбамъ, подкопамъ и минамъ, и не хотѣли давать пощады никому. Еще утромъ мнѣ едва не пришлось присутствовать на бульварахъ при разстрѣлѣ одного несчастнаго, только-что задержаннаго безъ оружія, ротъ и руки котораго, однако, почернѣли отъ какого-то вещества, которымъ считали и которымъ несомнѣнно и былъ порохъ. Я сдѣлалъ все возможное, чтобы успокоить этихъ взбѣсившихся барановъ. Я увѣрялъ, ихъ, что на другой день будутъ приняты очень строгія мѣры. Ламорисіеръ сказалъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, утромъ, что онъ распорядился о подвозѣ пушечныхъ снарядовъ, чтобы стрѣлять ими въ пространство за баррикадами, и я зналъ, что изъ Дуэ былъ вызванъ полкъ саперовъ, которыми хотѣли воспользоваться, чтобы пробивать стѣны и взрывать осаждаемые дома петардами. Я прибавилъ, что они не должны разстрѣливать плѣнныхъ, но что слѣдуетъ разстрѣлять немедленно всякаго, кто сдѣлаетъ попытку защищаться. Когда я покинулъ моихъ собесѣдниковъ, они нѣсколько успокоились, а когда я вспоминалъ свой образъ дѣйствій, продолжая свой путь, я не могъ не удивиться характеру аргументовъ, къ которымъ я прибѣгъ, и быстротѣ, съ которой я самъ привыкъ за эти два дня къ тѣмъ идеямъ неумолимаго разрушенія, которыя были совершенно чужды моей натурѣ».

Если таково было настроеніе враговъ возстанія, то и возставшіе не уступали имъ въ ожесточеніи и вели борьбу не менѣе безпощадно, чѣмъ ихъ противники. Генералъ де Брэа, замѣнившій Дамема на правомъ берегу, гдѣ силы возстанія были сломлены еще наканунѣ, сдѣлалъ попытку уговорить остатки возставшихъ сложить оружіе. Утромъ 25 іюня Національное Собраніе открыло кредитъ въ 3 милліона франковъ въ пользу безработныхъ, и генералъ думалъ, что извѣстіе объ этомъ не останется безъ вліянія на сражающихся. Сначала онъ дѣйствовалъ не безъ успѣха, но по мѣрѣ того, какъ онъ проникалъ въ болѣе отдаленныя части города, настроеніе мѣнялось, и когда де Брэа рѣшился проникнуть, окруженный лишь немногими офицерами, за одну изъ баррикадъ, онъ попалъ въ засаду, былъ схваченъ и черезъ нѣкоторое время звѣрски убитъ. Его отрядъ покончилъ уже послѣ этого съ остатками возстанія.

Центромъ всего движенія было, однако, сент-антуанское предмѣстье. Большая часть домовъ была здѣсь укрѣплена, а стѣны домовъ пробиты, дабы обезпечить возставшимъ возможность свободнаго прохода; баррикады представляли настоящія укрѣпленія изъ булыжника съ брустверомъ, съ отверстіями для стрѣльбы, съ рвами. Въ двухъ мѣстахъ были устроены пороховые заводы; сосуды со скипидаромъ должны были облегчить возможность вызвать, въ случаѣ надобности, пожары, чтобы задержать движеніе войскъ. Была даже сдѣлана попытка использовать одну механическую мастерскую для производства пушекъ. Центромъ агитаціи являлись два клуба и нѣсколько никому неизвѣстныхъ людей, въ родѣ Лаколлонжа, редактора «Организаціи труда», рабочаго-механика Ракари и т. д. Отсутствіе всякихъ сношеній съ внѣшнимъ

міромъ, слухи о приближающихся изъ провинціи подкрѣпленіяхъ и о провинціальныхъ возстаніяхъ поддерживали духъ возставшихъ.

Пока этотъ центръ возстанія не былъ сломленъ, никакіе частные успѣхи не имѣли значенія; но только 25 іюня генералъ Дювивіэ, смѣнившій раненаго Бедо, могъ приняться за это трудное дѣло. Атака началась въ 9 ч. утра двумя колоннами, но лишь къ вечеру войскамъ удалось пробить себѣ путь до площади Бастиліи. Потери ихъ были очень значительны; генералъ Дювивіэ былъ самъ смертельно раненъ, и его замѣнилъ генералъ Негріэ, павшій вскорѣ также, сраженный пулей. Несмотря на это, бой продолжался, когда на площадь явился архіепископъ парижскій Аффръ, чтобы сдѣлать, по собственной иниціативѣ, попытку убѣдить возставшихъ сложить оружіе. Полковникъ, командовавшій войсками до прибытія генерала Перро, прекратилъ, по просьбѣ архіепископа, огонь; возставшіе точно также перестали стрѣлять, и архіепископъ, окруженный, вопреки его желанію, немногими добровольцами изъ гражданъ, отправился по направленію къ огромной баррикадѣ, закрывавшей доступъ въ предмѣстье. Пока онъ пробирался черезъ площадь, на другомъ ея концѣ, депутатъ Бэлэ (Beslay) пытался съ своей стороны подѣйствовать на возставшихъ; разговоръ Бэлэ съ ними принялъ скоро шумный характеръ, и, желая возстановить тишину, онъ велѣлъ ударить въ барабаны. Возставшіе приняли барабанный бой за конецъ наставшаго перемирія, бросились снова на баррикады и возобновили стрѣльбу; солдаты отвѣтили тѣмъ же; раздались залпы съ той и съ другой стороны, и архіепископъ, уже обошедшій баррикаду и вошедшій въ предмѣстье, былъ сраженъ пулей и убитъ почти наповалъ.

Смерть моньсиньора Аффра произвела большое впечатлѣніе, и такъ какъ въ то же время въ предмѣстье начали проникать свѣдѣнія о ходѣ событій, то въ немъ началось движеніе въ пользу переговоровъ съ войсками. Переговоры, начавшіеся вечеромъ того же 25 іюня, не привели, однако, ни къ какому результату. Ни Ламорисіеръ, ни Перро, ни, наконецъ, самъ Кавеньякъ не могли согласиться на тѣ странныя условія, при которыхъ возставшіе соглашались сложить оружіе и въ числѣ коихъ говорилось о распущеніи Національнаго Собранія, объ удаленіи войскъ изъ Парижа, объ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ по политическимъ дѣламъ. Всѣ они и въ особенности Кавеньякъ требовали полной и безусловной капитуляціи. Кавеньякъ согласился лишь продлить перемиріе до 10 ч. утра слѣдующаго дня. Если бы къ этому времени капитуляція не состоялась, военныя дѣйствія должны были немедленно возобновиться.

Все утро 26 іюня возставшіе провели въ бурныхъ дебатахъ. Часть настаивала на продолженіи борьбы, но большинство пришло къ убѣжденію, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе безплодно, разъ нѣтъ надежды на поддержку страны, разъ страна поддерживаетъ, наоборотъ, ихъ противниковъ. Когда генералъ Перро отдалъ приказъ начать атаку, такъ какъ срокъ перемирія кончился, его войска не встрѣтили почти никакого сопротивленія. Въ то же самое время, когда они проникали, съ одной стороны, въ предмѣстье, съ другой стороны, проникли въ него и войска Ламорисіера. Около полудня 26 іюня почти все предмѣстье было въ рукахъ Кавеньяка, а послѣднія оставшіяся еще баррикады были заняты войсками еще до наступленія вечера.

Въ 11 час. 20 мин. президентъ Сенаръ открылъ засѣданіе Національнаго Собранія и доложилъ ему въ немногихъ взволнованныхъ словахъ, что сент-антуанское предмѣстье сдалось. Все Собраніе встало, какъ одинъ человѣкъ, и издало крикъ: да здравствуетъ республика!

Въ тотъ же день Кавеньякъ обратился съ прокламаціей къ національной гвардіи и къ войскамъ, въ которой онъ восхвалялъ ихъ преданность и мужество. Прокламація начиналась такъ: «Республика одержала побѣду...» 28 іюня Національное Собраніе, съ своей стороны, признало, что «генералъ Кавеньякъ пріобрѣлъ заслуги передъ отечествомъ».

Іюньское возстаніе было подавлено. Оффиціальныя данныя опрѣдѣляли потери войска въ 708 убитыхъ и раненыхъ, потери мобильной гвардіи въ 114 убитыхъ, 476 раненыхъ, 161 пропавшихъ безъ вѣсти. Потери національной гвардіи и возставшихъ не поддавались точному учету. Полагаютъ, что какъ враги возстанія, такъ и возставшіе потеряли вмѣстѣ свыше 3200 выбывшихъ изъ строя, распредѣлявшихся приблизительно поровну между двумя сторонами. Гораздо значительнѣе было количество возставшихъ, захваченныхъ побѣдителями въ плѣнъ или арестованныхъ послѣ окончанія возстанія: по оффиціальнымъ даннымъ оно доходило въ началѣ октября до 14189. Матеріальный ущербъ, вызванный возстаніемъ, опредѣлялся въ 76 милліоновъ франковъ: онъ превышалъ въ полтора слишкомъ раза тѣ расходы, которые потребовались бы, если бы національныя мастерскія просуществовали цѣлый годъ все въ томъ же безобразномъ видѣ, который онѣ имѣли въ концѣ мая.

Потери людьми и деньгами не исчерпывали, однако, тяжкихъ послѣдствій іюньскихъ дней. «Республика умерла»,—говорилъ Ламеннэ подъ ихъ впечатлѣніемъ. «Я въ отчаяніи,—писала Жоржъ Зандъ.—Я не вѣрю больше въ существованіе республики, которая начинаетъ съ того, что убиваетъ своихъ пролетаріевъ». «Я думаю,—писалъ нѣсколько позднѣе Токвиль,—что намъ будетъ очень трудно не вернуться назадъ значительно дальше того пункта, на которомъ мы находились до февральскихъ дней, и я предвижу, что всѣ мы, соціалисты, монтаньяры и республиканцы-либералы сдѣлаемся предметомъ одинаковаго пренебреженія, пока специфическія воспоминанія о революціи 1848 г. не отступятъ на задній планъ и не заглохнутъ, и пока общій духъ нашего времени не возьметъ снова верхъ».

Въ жизни французскаго народа, какъ цѣлаго, самымъ важнымъ результатомъ іюньскихъ дней была необычайно глубокая общественная реакція. Реакція началась, правда, значительно раньше, но именно страшно упорная и тяжелая борьба этихъ дней усилила ее до чрезвычайности. Она раскрыла всю глубину господствовавшихъ во французскомъ обществѣ противорѣчій, она похоронила надолго, если не навсегда, благородную мечту о грядущемъ братствѣ людей и выдвинула на первый планъ острое чувство классоваго эгоизма.

Ссылка рядовыхъ мятежниковъ въ заокеанскія колоніи, преданіе «подстрекателей» и «зачинщиковъ» военному суду, разоруженіе всѣхъ національныхъ гвардейцевъ, не послѣдовавшихъ призыву власти, распущеніе подозрительныхъ или мятежныхъ легіоновъ, образованіе особой пятидесятитысячной арміи для охраны порядка въ Парижѣ, продленіе осаднаго положенія, закрытіе 32 газетъ и цѣлаго

ряда клубовъ—таковы были первыя дѣйствія побѣдителей. Надежды Кавеньяка, что въ Парижѣ «будутъ побѣдители и побѣжденные, но не будетъ жертвъ», не оправдались...

Еще большее значеніе имѣли тѣ законодательные акты, которые сопровождали эти мѣры и которые были направлены противъ свободы печати и свободы собраній.

Одинъ изъ нихъ обусловливалъ основаніе газеты снова внесеніемъ залога, доходившаго для Парижа до 24000 франковъ. Другой устанавливалъ систему наказаній, коимъ впредь должна была подвергаться печать за «оскорбленіе» Національнаго Собранія и исполнительной власти, за нападки на народное верховенство и всеобщее избирательное право, за «всякое нападеніе на свободу культовъ, на принципъ собственности и на права семьи». Наказанія за эти и другія, подобныя преступленія были заимствованы изъ законовъ 1819 и 1822 г. Самая удивительная статья этого закона была та, которая предоставляла власти право запрещать печатаніе отчетовъ о парламентскихъ или судебныхъ преніяхъ,—статья, цѣль которой заключалась, очевидно, въ устраненіи того типа пропаганды, который возникаетъ самъ собой при ненормальныхъ условіяхъ политической жизни, не допускающихъ возможности законной борьбы за свои идеи. Недопустимая при всякомъ государственномъ строѣ, покоющемся на принципѣ народнаго представительства, эта статья находилась въ кричащемъ противорѣчіи съ идеей полнаго народнаго верховенства, нашедшаго себѣ выраженіе въ республиканской организаціи французскаго государства.

Однородный характеръ съ законами о печати имѣли новые законы о собраніяхъ. Уже 11 іюля новый министръ внутреннихъ дѣлъ Сенаръ внесъ соотвѣтственный проектъ въ Національное Собраніе. Засѣданія клубовъ подвергаются надзору полицейскихъ агентовъ, имѣющихъ право присутствовать въ каждомъ засѣданіи; за уклоненіе клуба отъ соблюденія установленныхъ правилъ отвѣчаютъ члены его бюро; никакое предложеніе, «противное законамъ, общественному порядку и добрымъ нравамъ», не можетъ быть подвергнуто обсужденію; всякія постоянныя или временныя сношенія клубовъ между собой запрещаются безусловно и т. д. Вытекая изъ опыта послѣднихъ мѣсяцевъ, эти постановленія противорѣчили, тѣмъ не менѣе, весьма опредѣленно идеѣ свободы собраній. Но главный ихъ недостатокъ заключался въ чрезвычайной неопредѣленности и растяжимости такихъ понятій, какъ «общественный порядокъ» и «добрые нравы». Цѣль закона заключалась и тутъ въ уничтоженіи всякой возможности соціалистической пропаганды, но результатъ его шелъ значительно дальше, какъ показало послѣдующее развитіе.

При всей реакціонности этихъ законовъ они далеко еще не соотвѣтствовали настроенію массы избирателей. Стремленіе къ «сильной власти», способной оградить «порядокъ», хотя бы для этого и потребовалось пожертвовать свободой и вольностями гражданина, а также всякой мыслью о крупныхъ реформахъ, мыслью, которая до революціи пользовалась самымъ широкимъ распространеніемъ, становится безусловно господствующимъ. Согласно предчувствію Токвиля, страна была готова искать спасенія въ такихъ формахъ жизни, которыя еще до февральской революціи казались устраненными навсегда.

Пока іюньскіе дни не довели этого настроенія до его апогея, пока іюнь-

ская бойня не расчистила реакціи поле, реакціонное настроеніе было одновременно болѣе слабымъ и менѣе увѣреннымъ въ себѣ. Теперь оно могло торжествовать полную побѣду. Іюньскіе дни нанесли революціонному настроенію такой ударъ, отъ котораго оно не могло оправиться въ теченіе 20 лѣтъ. Съ этого момента февральская революція окончилась.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Революція 24 февраля сдѣлалась слишкомъ нечаянно,—писалъ Герценъ 1 сентября 1848 г.—Это былъ coup d'état, 18 брюмеръ со стороны республиканцевъ. Во Франціи такія перемѣны бывали часто и удавались, но не надобно забывать, что 18 брюмеры гораздо легче дѣлать въ пользу власти, нежели въ пользу свободы. Власти надобно только признаніе, формы, орудія, а свобода ничего не значитъ, пока не проникла въ убѣжденіе, пока не сдѣлалась вѣрой, мыслью, мнѣніемъ. Республика была сюрпризомъ для всѣхъ: для тѣхъ, которые пламенно желали ея, для тѣхъ, которые еще пламеннѣе ее отталкивали. N'est-ce pas un rêve?—спросилъ тронутый Кремьё послѣ рѣчи, сказанной имъ адвокатамъ въ первые дни республики. Да, гражданинъ министръ, это было сонъ, въ томъ-то вся и бѣда; теперь мы не спимъ, и уже вы не спросите, сонъ ли это, или нѣтъ,—мы сладко спали, но проснулись какъ послѣ опіума; грудь разбита, голова болитъ, глубокое отвращеніе къ жизни и къ людямъ наполняетъ душу. Мнѣ все кажется, что король уѣхалъ на время, правленіе безъ него ослабилось; но вотъ, передъ его возвращеніемъ, слуги говорятъ громче и начинаютъ процессъ февральскому возмущенію, точно такъ, какъ начинали всѣ остальные политическіе процессы въ камерѣ перовъ»....

Судьба февральской революціи и созданной ею республики представляется чрезвычайно поучительной.

Основная причина революціи заключалась, несомнѣнно, въ несоотвѣтствіи всей политики іюльской монархіи и тѣхъ либеральныхъ элементовъ, на которые эта монархія опиралась, съ потребностями широкихъ массъ населенія и съ правами интеллигенціи. Оттолкнувъ интеллигенцію и среднюю буржуазію отрицательнымъ отношеніемъ къ ихъ политическимъ правамъ, мелкую буржуазію и рабочихъ—своимъ невниманіемъ къ ихъ нуждамъ, вытекавшимъ изъ роста капиталистическаго строя, іюльская монархія не обезпечила себѣ въ то же время сочувствія и поддержки крестьянства. Это послѣднее обстоятельство имѣло рѣшающее вліяніе на ея судьбу. Она пала не потому, чтобы республиканская партія представляла серьезную силу въ жизни всей Франціи, а потому, что она не позаботилась пріобрѣсть демократическую опору, въ которой эта революціонная по своему происхожденію монархія нуждалась въ особенной степени. Можно сказать, что она пала за отсутствіемъ защитниковъ, а не вслѣдствіе побѣды ея враговъ. Только этимъ и объясняется, почему было достаточно одного удара, чтобы разрушить карточный домъ ея авторитета.

Республика была провозглашена, когда почти никто во Франціи не думалъ о ея возможности. Ея провозглашеніе не встрѣтило, однако, никакихъ препятствій,

такъ какъ никто не подумалъ защищать власть Людовика-Филиппа, а другихъ представителей монархической идеи въ данный моментъ не было. Франція приняла республику не потому, что она не желала болѣе подчиняться монарху, а за неимѣніемъ монарха.

Задача, выпавшая, въ силу этого, на долю убѣжденныхъ республиканцевъ, была страшно трудна. Поставленные между опьяненнымъ своей побѣдой парижскимъ народомъ и консервативной массой всего французскаго народа, они только въ томъ случаѣ могли упрочить республику, если бы имъ удалось примирить интересы и настроенія этихъ двухъ частей націи. Если это примиреніе было вообще возможно, то только на почвѣ внѣдренія демократической идеи въ народное сознаніе и прежде всего въ сознаніе той парижской массы, которая совершила революцію и которая принимала равнодушіе подавляющей массы Франціи за сочувствіе Франціи. Парижъ долженъ былъ понять, что онъ только $^1/_{83}$ Франціи, и что въ демократической республикѣ только весь демосъ, только вся совокупность гражданъ въ цѣломъ могла опредѣлять судьбы страны и направленіе ея политической жизни.

Та часть республиканцевъ, которая боролась еще до 1848 года съ якобинизмомъ, поняла эту задачу. Но зато другая и, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, большая часть ихъ не поняла ея совершенно. Приматъ Парижа надъ Франціей, приматъ «просвѣщеннаго меньшинства» надъ «семью милліонами лошадей»—такъ величали нѣкоторые республиканцы массу французскихъ гражданъ—составлялъ одну изъ главныхъ статей символа вѣры всѣхъ якобинцевъ соціалистическаго и несоціалистическаго лагеря. Вмѣсто того, чтобы внушать парижской массѣ уваженіе къ голосу всей страны и призывать ее къ необходимой терпѣливой и мирной работѣ во имя ихъ идеаловъ, они внушали ей презрѣніе къ волѣ страны и призывали ее къ насильственнымъ дѣйствіямъ, къ созданію революціонной диктатуры. Они забывали или не отдавали себѣ отчета въ томъ, что эти насильственныя дѣйствія, эта диктатура должны были быть направлены не противъ какого-нибудь короля или палаты, а противъ всего народа въ цѣломъ.

Какъ только масса французскаго народа поняла, что ей хотятъ навязать противъ ея воли то, что считается ея счастьемъ, но чего она за счастье не признаетъ, ея равнодушіе смѣнилось сначала страхомъ, а затѣмъ ожесточенной ненавистью. Когда Парижъ поднялся противъ Франціи—17 марта, 16 апрѣля, 15 мая,—Франція почувствовала къ нему ненависть и отвѣтила на его послѣднее возстаніе, когда онъ сражался не столько за свои идеалы, сколько за свое существованіе, одной изъ самыхъ жестокихъ расправъ, какія знаетъ исторія.

Республику погубили не ея враги—монархисты, а ея сторонники,—республиканцы. Какъ нѣкогда, въ концѣ XVIII вѣка, имя республики стало синонимомъ анархіи и деспотизма, идея народовластія—синонимомъ демагогіи и всякаго рода скверныхъ страстей. Франція стала снова стремиться къ монархіи. Сами республиканцы расчистили ей путь, когда они постановили, что президентъ республики будетъ избираться всенароднымъ голосованіемъ: 10 декабря 1848 г. 5400000 французовъ (изъ 7300000) подали свои голоса за Людовика-Наполеона Бонапарта. Выборы были свободны отъ всякаго давленія, и никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что принцъ-президентъ является въ большей степени представителемъ всего фран-

цузскаго народа, чѣмъ любой изъ депутатовъ Законодательнаго Собранія и, пожалуй, даже чѣмъ все Законодательное Собраніе въ цѣломъ. Уже тогда можно было сказать, что «имперія готова», какъ выразился нѣсколько позднѣе Тьеръ.

Имперія была въ самомъ дѣлѣ готова. А подготовили ее республиканцы и въ особенности наиболѣе радикальные изъ нихъ, т.-е. соціалисты.

Судьба февральской революціи и второй республики показала, что французское общество не сумѣло воспользоваться въ должной мѣрѣ опытомъ великой революціи, что необходимо снова пересмотрѣть всѣ лозунги, во имя которыхъ недовольные существующимъ строемъ вели свою борьбу съ нимъ, и всѣ средства, при помощи которыхъ они надѣялись довести эту борьбу до благополучнаго исхода.

Во всей Европѣ борцовъ охватываетъ снова разочарованіе. Шопенгауеръ становится моднымъ философомъ. Герценъ пишетъ свои письма «Съ того берега» и указываетъ гиппократовы черты на челѣ старой Европы. Тэнъ жалуется на «всеобщее пренебреженіе къ идеямъ и преклоненіе передъ фактомъ», на всеобщій упадокъ идейной жизни.

Реакція торжествуетъ повсюду—реакція, не менѣе, если не болѣе глубокая, чѣмъ та, которя охватила Европу въ началѣ XIX вѣка. Слѣды ея не исчезли и сейчасъ...

Какъ нѣкогда, въ концѣ XVIII вѣка, такъ и теперь снова оказалось, что чѣмъ глубже то переустройство жизни, къ которому стремятся, чѣмъ больше оно соприкасается съ повседневной жизнью, тѣмъ тщательнѣе оно должно быть подготовлено, тѣмъ внимательнѣе необходимо изучать истинное состояніе народной жизни, тѣмъ меньше можно разсчитывать на быстрый успѣхъ радикальныхъ мѣръ.

Французская интеллигенція и парижскій народъ выдвинули проблему, надъ рѣшеніемъ которой бьется съ тѣхъ поръ вся Европа въ теченіе многихъ десятилѣтій. Значеніе ея сознано всѣми, но разрѣшеніе ея далеко, и, во всякомъ случаѣ, оно не можетъ быть достигнуто тѣмъ путемъ, по которому пошли въ 1848 году. Этотъ путь ведетъ только къ ожесточенной борьбѣ классовъ, а дальше къ свирѣпой реакціи.

Оглавленіе.

Стр.

Глава I. Вопросъ о реформѣ и банкеты . . . . . 1— 25

§ 1. Власть и общество наканунѣ революціи . . . . . 1— 11

Кажущаяся прочность іюльской монархіи, 1.—Взглядъ власти на соціалистическое движеніе, 2.—Отношеніе короля и Гизо къ вопросу о реформахъ, 3.—Отзывы Токвиля и Прудона, 5.—Настроеніе общества, 8.

§ 2. Вопросъ о реформѣ . . . . . 11— 25

Избирательная система, 11.—Вопросъ о реформѣ до 1847 г., 13.—Дебаты 1847 г., 14.—Союзъ оппозиціонныхъ партій, 18.—Поведеніе крайней лѣвой, 19.—Характеръ банкетной агитаціи, 20.—Присоединеніе крайней лѣвой и признаки раскола, 23.

Глава II. Парламентская сессія и вопросъ о банкетѣ въ XII округѣ Парижа . . . . . 26— 58

§ 1. Отношеніе правительства и палатъ къ реформѣ . . . . . 26— 48

Соціальный вопросъ и отношеніе къ нему общества, 26.—Письмо герцога Жуанвильскаго, 29.—Тронная рѣчь, 31.—Дѣло Пти, 32.—Вопросъ о финансахъ, 34.—Рѣчь Токвиля, 35.—Вопросъ о банкетахъ и реформѣ въ палатѣ, 38.—Декларація Гизо, 46.

§ 2. Банкетъ въ XII округѣ . . . . . 48— 58

Колебанія оппозиціи и рѣшеніе организовать банкетъ, 48.—Переговоры съ министерствомъ, 52.—Настроеніе Парижа, 55.—Прокламація Марра, 55.

Глава III. Февральскіе дни и провозглашеніе временнаго правительства . . . . . 58—120

§ 1. 21 февраля . . . . . 58— 72

Мѣропріятія правительства и настроеніе оппозиціи, 58.—Прокламація Делессера и настроеніе Парижа, 60.—Засѣданіе палаты, 63.—Засѣданіе соединенной оппозиціи, 65.—Прокламація объ отмѣнѣ банкета, 66.—Настроеніе общества, 67.—Характеръ движенія 22 февраля, 69.—Партіи и политическая жизнь, 70.

§ 2. 22 февраля . . . . . 72— 78

Начало революціоннаго движенія, 72.—Обвинительный актъ противъ министерства, 74.—Засѣданіе палаты, 75.—Положеніе дѣлъ, 76.

§ 3. 23 февраля . . . . . 78— 95

Усиленіе движенія и манифестаціи національной гвардіи, 78.—Отставка министерства Гизо, 79.—Засѣданіе палаты, 82.—Настроеніе Парижа, 84.—Народныя манифестаціи и столкновеніе на бульварѣ капуциновъ, 87.—Обращеніе короля къ Тьеру, 91.—Бюжо въ главномъ штабѣ, 94.

Стр.

§ 4. 24 февраля . . . . . 95—120

Баррикады, 95.—Требованія оппозиціи, 97.—Вопросъ объ отреченіи короля, 97. Совѣщаніе во дворцѣ, 98.—Уличная борьба и ея прекращеніе, 99.—Положеніе дѣлъ около 12 ч. дня, 103. - Новыя совѣщанія во дворцѣ, 105.—Нападеніе на Chateau d'Eau, 108. - Отреченіе короля, 109.—Бѣгство короля, 110.—Гарнье-Пажесъ въ ратушѣ, 111.—Собраніе въ редакціи «National», 113.—Засѣданіе палаты, 113.—Провозглашеніе временнаго правительства, 119.

Глава IV. Временное правительство . . . . . 120—195

§ 1. Первые шаги и характеръ временнаго правительства . . . . . 120—136

Характеръ февральской революціи, 120. - Настроеніе буржуазіи послѣ 24 февраля, 122.—Задача временнаго правительства, 123.—Составъ правительства, 124. Провозглашеніе республики, 126. - Образованіе министерства, 127.—Разныя теченія внутри правительства, 128.—Ламартинъ, 133.

§ 2. Положеніе дѣлъ послѣ революціи.—Элементы внутренней борьбы . 136—147

Отзывъ Токвиля о положеніи, 136.—Общество и соціализмъ, 140.—Настроеніе народной массы и соціалистовъ, 141.—Клубы, 142.—Стихійность движенія, 144.—Бланки, 145.

§ 3. Политика временнаго правительства . . . . . 147—176

Отношеніе страны къ исходу революціи, 147.—Большинство и меньшинство правительства, 149.—Первыя мѣропріятія правительства для охраны порядка, 150.—Манифестація 25 февраля, 152.—Право на трудъ, 153. - Вопросъ о красномъ знамени, 153.—Національныя мастерскія, 157.—Отмѣна смертной казни, 158.—Манифестація 28 февраля, 159.—Люксембургская комиссія,—160. Первые шаги комиссіи, 163.—Организація національныхъ мастерскихъ, 165. - Вопросъ о финансахъ, 169.—45-сантимный налогъ, 174.

§ 4. Ледрю-Ролленъ и манифестаціи 16 и 17 марта . . . . . 176—195

Циркуляры Ледрю-Роллена, 176.—Отношеніе печати и партій къ нимъ, 180.—Вопросъ объ отсрочкѣ выборовъ въ Національное Собраніе, 182.—Подготовка манифестаціи 16 марта, 187.—Прокламаціи правительства, 189.—Манифестація 17 марта, 191.—«Реакція Луи Блана» и побѣда правительства, 193.

Глава V. Апрѣльскія событія и выборы въ Національное Собраніе . . . 196—218

§ 1. День 16 апрѣля . . . . . 196—212

Дифференціація движенія, 196.—Положеніе правительства, 197.—Отношеніе консервативныхъ элементовъ къ правительству, 197.—Настроеніе крайней лѣвой, 199.—Клубъ клубовъ, 200.—Настроеніе люксембургской комиссіи, 201.—Дѣло Бланки, 202.—Эмигранты, 203.—Подготовка новой манифестаціи, 204.—Ледрю-Ролленъ, 206.—Обращеніе къ національной гвардіи, 210.—Манифестація 16 апрѣля, 211.

§ 2. Выборы . . . . . 212—218

Значеніе выборовъ, 112.—Настроеніе провинціи, 213.—Избирательная компанія въ Парижѣ, 217.—Результатъ выборовъ, 218.

Глава VI. Національное Собраніе и день 15 мая . . . . . 218—244

§ 1. Настроеніе партій послѣ выборовъ . . . . . 218—224

Отзывы печати и Луи Блана, 218.—Событія въ Лиможѣ, 219. - Руанское возстаніе и произведенное имъ впечатлѣніе, 220. - Отзывъ Токвиля о крайней лѣвой, 222. - Ожиданіе гражданской войны, 223.

Стр.

§ 2. Характеръ и первые шаги Національнаго Собранія . . . . . 224—232

Составъ Собранія, 224.—Правительство и Собраніе, 226.—Вопросъ объ исполнительной комиссіи, 229.

§ 3. День 15 мая . . . . . 232—244

Отношеніе печати къ Собранію, 232.—Вопросъ о министерствѣ труда и прогресса, 233.—Мѣропріятія для охраны Собранія,—234. Подготовка манифестаціи, 234. Вопросъ о Польшѣ, 236.—Поведеніе правительства, 237.—Манифестація 15 мая, 239.—Отзывъ Бланки о попыткѣ распустить Собраніе, 244.

Глава VII. Іюньскіе дни . . . . . 245—270

Значеніе событій 15 мая, 245.—Вопросъ о національныхъ мастерскихъ, 247.—Нападенія правыхъ на правительство, 249.—Засѣданія 23 мая и отставка Тома, 251. Вопросъ о привлеченіи Луи Блана къ суду, 252.—Дополнительные выборы 4 іюня и вопросъ о Наполеонѣ, 253.—Настроеніе народа, 257. Собраніе и національныя мастерскія, 257.—Декреты 20 іюня, 259. Начало движенія, 259.—Возстаніе рабочихъ кварталовъ, 260.—Планъ Кавеньяка, 261.—Борьба, 262.—Диктатура Кавеньяка, 263.—Настроеніе воюющихъ, 265.—Подавленіе возстанія, 267.—Результаты его, 268.

Заключеніе . . . . . 270—272